

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 12

Киров
2014

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Ю. В. Данг**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Плотников М. В., Пеленейченко Ю. С.</i> Разработка и реализация стратегического видения в российских и зарубежных компаниях: сравнительный анализ	6
<i>Тимшин В. А.</i> Вятская ментальность как имиджеобразующий фактор региона: анализ мнений известных людей	13
<i>Бушкова-Шиклина Э. В., Старикова М. М.</i> Пенсия: что дальше? К проблеме занятости пенсионеров и повышения пенсионного возраста	19
<i>Волкова В. В.</i> Субкультура и контркультура в современном обществе	25
<i>Романов П. А.</i> Справедливость как форма существования истины	30
<i>Тюленева Н. И.</i> Теоретические предпосылки формирования понятия «культурный ландшафт» в культурологических и философских концепциях первой половины XX в.	34
<i>Шевнина И. А.</i> Положительные и отрицательные аспекты применения психосемантики и когнитивных наук в решении проблемы формирования сознания	39
<i>Осипова Л. Б., Сербина Е. А.</i> Формирование личности в процессе социализации	42

ИСТОРИЯ

<i>Казакова-Анкаримова Е. Ю.</i> Идеология областничества как фактор формирования региональной идентичности (на примере Сибири и Урала)	46
<i>Валева Ю. Н.</i> Репертуар научной книги в российской провинции: постановка проблемы	53
<i>Багаутдинов Р. О., Гафаров А. З.</i> Боевые действия Отдельной Башкирской кавалерийской бригады на туркестанском фронте в период Гражданской войны	62
<i>Збоев А. В.</i> Болгарский вопрос в ООН в 1947–1953 гг.	66
<i>Костин А. А.</i> Политика США по подключению Югославии к средиземноморской стратегии НАТО (1950–1954 гг.)	77
<i>Огоновская И. С.</i> Россия в системе международных отношений в годы Первой мировой войны (по материалам школьных учебников отечественной истории XX–XXI вв.)	86

ПРАВО

<i>Коновалова А. Б., Гвоздева Е. В.</i> Профессиональная защита: проблемы и перспективы правовой регламентации	92
<i>Горбунова Н. А.</i> Прохождение и принципы государственной службы в системе органов лесного хозяйства РФ	101
<i>Ижнина Л. П., Путихина Н. В.</i> Профессионализм как признак понятия «адвокат-защитник»	105
<i>Шахбанова Х. М.</i> Личность осужденных, совершивших преступления в местах лишения свободы	108
<i>Сучкова Т. Е.</i> К вопросу о необходимости определения правовых критериев врачебной ошибки	112
<i>Гайсина Л. Т., Нуриев А. Д.</i> «Маджалла» в истории мусульманского права	121
<i>Рычкова И. Н.</i> Правовое регулирование услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления государственных услуг	126

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Постникова С. В.</i> Мониторинг класса немецкой адъективной лексики	132
<i>Красильникова И. В., Скребова Е. Г.</i> Релятивно-номинативный аспект семантико-структурного устройства сложноподчиненных предложений с пространственным соотношением компонентов	135
<i>Гурская Ю. А.</i> К вопросу о конвергенции в антропонимических системах родственных языков	141
<i>Заграевская Т. Б.</i> Социолексикографический потенциал словаря Дж. Мэйтленда <i>The American slang dictionary</i> в репрезентации и систематизации афроэтносоциолектизмов	146
<i>Мелентьева О. А.</i> Гибридные словари языка Чосера: принципы построения (на примере <i>A Lexical Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer</i>)	151
<i>Ван Чжи.</i> Молодёжная пресса: аспекты характеристики	156
<i>Морараш М. М.</i> Сравнение как особый компонент художественного содержания текста (на примере романа В. В. Набокова «Машенька»)	162
<i>Туева А. О.</i> Образы крестьян в рассказах Л. Леонова 1920-х гг.	168
<i>Курина Н. Н.</i> Искусство эпохи викингов и портал в Урнесе (1060–1080)	172

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Цигулева О. В.</i> Государственное и частное высшее образование в развитых странах: сравнительный контекст	178
<i>Кузнецов А. А., Суворова Т. Н.</i> Развитие методической системы обучения в условиях информатизации образования	182
<i>Здоровенко С. А.</i> Организация авиамодельного сегмента образовательного кластера в системе дополнительного образования детей города Кирова	187
<i>Зубова Н. В.</i> Формирование мотивов изучения физики у студентов технических вузов средствами комплексной кейс-технологии	193
<i>Коньшева А. В.</i> Теоретико-методологические основания совершенствования математической и естественнонаучной подготовки студентов инженерно-технических направлений	198
<i>Яркина Л. В., Михеева Е. А.</i> Моделирование педагогических ситуаций по формированию мыслеречевой деятельности у учащихся на уроках музыки	205
<i>Смирнова С. И.</i> Особенности образа Я несовершеннолетних правонарушителей	208
<i>Башмакова С. Б.</i> Современное состояние проблемы модернизации специального образования в России	214
<i>Морозова Н. С.</i> Образовательная технология <i>психолингвистическая лаборатория</i> как форма реализации проектной деятельности студентов	219

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Помелов В. Б.</i> «Теперь ковать свои мы будем кадры» (о работе диссертационного совета по педагогике в ВятГГУ)	223
<i>Сведения об авторах</i>	241
<i>Information about authors</i>	245

CONTENTS

- Plotnikov M. V., Pelepeychenko Yu. S.* Strategic vision statement development and use within Russian and foreign companies: a comparative analysis
- Timshin V. A.* Vyatkian mentality as factor forming the image of the region: analysis of opinions of famous people
- Bushkova-Shiklina Je. V., Starikova M. M.* Pension: what's next? The problem of employment of pensioners and raising the retirement age
- Volkova V. V.* Subculture and counterculture in a modern society
- Romanov P. A.* Justice as form of existence truth
- Tyuleneva N. I.* Theoretical prerequisites for the formation of the concept of "cultural landscape" in cultural concepts of the first half of the twentieth century
- Shevnina I. A.* Positive and negative aspects of the use of psychosemantics and cognitive Sciences in the solution of problems of formation of consciousness
- Osipova L. B., Serbina E. A.* Formation of personality in the process of socialization
- Kazakova-Apkarimova E. Yu.* Ideology of regionalism as a factor of formation of regional identity (Siberia and the Urals case)
- Valeeva Y. N.* The repertoire of scientific historical books in Russian province: problem formulation
- Bagautdinov R. O., Gafarov A. Z.* Fighting a Separate Bashkir cavalry brigade on the Turkestan front
- Zboev A. V.* Bulgarian matter in U.N.O. in 1947–1953
- Kostin A. A.* US policy to tie Yugoslavia to NATO's Mediterranean strategy (1950–1954)
- Ogonovskaya I. S.* Russia in the system of international relationship during the First World War (in the materials of school textbooks of domestic history in XX–XXI)
- Konovalova A. B., Gvozdeva E. V.* Professional advocacy: problems and prospects of legal regulation
- Gorbunova N. A.* Passage and principles of public service in the forestry authorities of the Russian Federation
- Izhnina L. P., Putikhina N. V.* Professionalism as a Characteristic Feature of the Term "Defense Counsel"
- Shakhbanova H. M.* The personality condemned, committed crimes in imprisonment places
- Suchkova T. E.* To the question about the necessity of determining the legal criteria of a doctoral error
- Gaisina L. T., Nuriev A. D.* «Mecelle» in the history of Islamic law
- Rychkova I. N.* Legal regulation of services which are necessary and obligatory for providing the state services
- Postnikova S. V.* Cognitive-discursive features of the German terminology of engineering psychology
- Krasilnikova I. V., Skrebova E. G.* Relative-nominative aspect of semantic-structural organization of complex sentences with spatial relationships of components
- Gurskaya Ju. A.* To the question of convergence in anthroponymic systems of related languages
- Zagraevskaya T. B.* Sociolexicographic potential of J. Maitland's *The American slang dictionary* in representation and systematization of afroethnosociolectisms
- Melentyeva O. A.* Hybrid Chaucer Dictionaries: Principles of Compilation (with Special Reference to *A Lexical Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer*)
- Wang Zhi.* Youth press: aspects of the characteristic
- Morarash M. M.* Comparison as a special feature component content text (the case of the novel Nabokov "Mary")
- Tueva A. O.* Characters of peasants in the Leonid Leonov's stories of 1920-s
- Kurina N. N.* Viking art and portal of stave church in Urnes (1060-1080)
- Tsiguleva O. V.* State and non-state high education in developed countries: a comparative context
- Kuznetsov A. A., Suvorova T. N.* Development of methodological educational system in the conditions of education informatization
- Zdorovenko S. A.* Organization of aircraft segment of educational cluster is in system of additional education of children of city of Kirov
- Zubova N. V.* Formation of motives of studying of physics by students of technical higher educational institutions by means of complex case-technologies
- Konysheva A. V.* Theoretical and methodological bases of improving mathematical and scientific training of students of engineering and technical directions
- Iarkina L. V., Mikheeva E. A.* Simulating of the models of pedagogical situations on formation of thought and speech activities of pupils at music lessons
- Smirnova S. I.* Features an image I of juvenile offenders
- Bashmakova S. B.* Current status of special education in the modernization of Russia
- Morozova N. S.* Educational technology "psycholinguistic laboratory" as a form of realization of the project activity of students
- Pomelov V. B.* «Now we' ll forge the personnel ourselves» (About the work of the dissertation counsel on pedagogics in VSHU)

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 31

М. В. Плотников, Ю. С. Пелепейченко

Разработка и реализация стратегического видения в российских и зарубежных компаниях: сравнительный анализ

Видение как инструмент стратегического управления сегодня широко применяется как в зарубежных, так и в российских компаниях. Однако процессы разработки и реализации видения в России и за рубежом в значительной мере различаются. Авторы анализируют различные подходы к определению понятия «видение» и предлагают обобщенную точку зрения. В статье представлены результаты сравнительного анализа данных зарубежных (США, Великобритания) исследований процессов разработки и реализации стратегического видения как инструмента управления и данных авторского эмпирического исследования, отражающих российскую специфику его применения. В качестве основных критериев для сравнения и выявления специфики авторами обозначены роль стратегического видения в системе управления, структурные элементы видения, авторы и разработчики видения, процесс его создания и процесс корректировки.

Strategic vision statement today is widespread among both foreign and Russian companies. However, the processes of its development and use in Russia and abroad are profoundly different. The authors suggest the analysis of different definitions of a strategic vision and outline a common ground for them. The article presents the results of a comparative analysis of data from the foreign studies of the development and use processes (the USA, the UK) and from their own empirical study that reflects the specific traits of the processes in Russia. The authors suggest the following major criteria for the comparison: the role of strategic vision within a system of management, the key structural elements, the authors and the process of vision development, and the process of its changing.

Ключевые слова: стратегическое видение, разработка видения, реализация видения, сравнительный анализ.

Keywords: strategic vision, development of vision, use of vision, a comparative analysis.

Подходы к определению понятия «стратегическое видение»

Всё множество подходов к определению понятия «видение» различными авторами можно обобщить в четыре группы. Представители первой группы характеризуют стратегическое видение как образ будущего организации, делая акцент на различных его аспектах: а) определение долгосрочных временных рамок, направления действий в терминах общих целей компании [1]; б) способ описать будущее компании, её желаемые цели, для того чтобы понять, где компания находится в настоящий момент времени [2]; в) долгосрочная перспектива, необходимость заранее формулировать желаемые цели компании для обеспечения устойчивости организации в будущем [3]. Таким образом, первое направление определения понятия «видение» заключается в описании будущего образа компании с упоминанием цели, к которой компания стремится. Другие исследователи придерживаются похожего мнения, что видение компании – это амбициозная идея её собственников, но они уточняют, что в то же время видение должно носить инновационный характер: а) смысл видения компании заключается в том, что в нём должна быть отражена новизна деятельности организации по отношению к отрасли [4]; б) видение компании должно содержать упоминание о рисках, с которыми она может столкнуться [5]. Исследователи описываемого подхода придерживаются мнения, что видение – это некий вызов, это новое состояние компании, достижение которого имеет свои риски. Сторонники третьего подхода рассматривают

видение как средство руководства и лидерства: а) это один из способов мотивации персонала [6]; б) это артефакт, наличие которого обеспечивает преэминентность общей глобальной цели компании, тем самым мотивируя персонал для её достижения [7]; в) «тотем», который все принимают, почитают и уважают, который просто своим наличием мотивирует персонал на работу [8]. В рамках четвёртого подхода в первую очередь выделяются такие особенности видения, как нацеленность компании на результат, конечный итог, который должен оставаться в рамках «религии компании»: а) глобальная цель организации, её философия [9]; б) ориентир, к которому нужно стремиться, как принцип, которого нужно придерживаться [10]; в) концентрация на результате, сосредоточение на том, что компании необходимо делать [11]. На наш взгляд, наиболее полным, объединяющим все приведённые выше подходы, является определение видения К. Фалбе и Л. Ларвуда. С их точки зрения, видение – это мотивирующее, вдохновляющее описание будущего, в котором выявлены конкретные цели, которые необходимо достичь компании, чтобы осуществить «мечту» собственников, не противоречащие смыслу существования компании [12].

Зарубежный опыт разработки и реализации стратегического видения

Существующие зарубежные исследования можно объединить в две группы. Первая группа исследований больше ориентирована на анализ самого стратегического видения компании, вторая – на процесс его создания.

Относящееся к первой группе исследование Р. Фостера и М. Акдера (США, анкетный опрос, N = 137) отражает анализ составляющих стратегического видения компаний, доступность видения сотрудникам компании и необходимость наличия стратегического видения в компании [13]. Проанализируем основные результаты этого исследования.

При ответе на вопрос «Какова степень необходимости стратегического видения в компании?» большинство респондентов (57%) отметили её как высокую, очень высокую (5%) и 27% – как среднюю, что можно интерпретировать как полную уверенность в том, что в компании стратегическое видение необходимо. Остальные респонденты придерживаются другого мнения, они уверены, что в стратегическом видении нет большой необходимости, но тем не менее оно присутствует в их компаниях (низкая – 9%; очень низкая – 2%).

Не все респонденты уверены в необходимости видения в компании, но тем не менее в их компаниях оно присутствует. На вопрос: «Какова роль стратегического видения в компании?» были получены следующие ответы: определяет направление развития организации (41%); описывает, какой компания может быть в будущем (24%); объединяет весь персонал единой целью (16%); фиксирует принципы и ценности организации (8%); отражает желания собственника о результатах деятельности компании (7%) и обязательный атрибут «здоровой» компании (4%).

Исходя из полученных результатов исследователи сделали вывод, что, по мнению респондентов, основная роль, в которой выступает стратегическое видение в компании, – это определение направления развития компании (41%). Также видение необходимо для описания компании в будущем, но здесь стоит обратить внимание на формулировку – компания не «хочет», а «может» быть в будущем. Также при ответе на этот вопрос респонденты не упоминали о мотивации как об одной из основных функций стратегического видения в компании. Анализируя полученные ответы на этот вопрос и факт отсутствия мотивирующей составляющей видения в них, можно заключить, что для респондентов видение является больше инструментом для организации работы (определение цели, направления развития, ценностей, правил), чем для мотивации персонала.

Далее представлен анализ ответов респондентов на вопрос «Какие элементы должны присутствовать в стратегическом видении компании?» Большинство респондентов в структуре видения, в первую очередь, видят описание конечного результата, к которому стремится компания в своей деятельности (54%), затем – описание состояния компании в будущем (23%) и описание технологии работы организации (21%), и намного в меньшем количестве (2%), по мнению респондентов, в стратегическом видении должно присутствовать описание отношения к компании в будущем (её репутация). Исходя из предыдущих ответов и ответов, полученных на этот вопрос, можно подтвердить вывод о том, что в иностранных компаниях видение выступает руководством к действию, нежели просто представлением о желаемом будущем.

Ответы на вопрос «Можете ли вы воспроизвести суть стратегического видения компании?» позволили определить, насколько сознательно сотрудники организации относятся к её стратегическому видению. Исследователями был сделан вывод о полной сознательности применяемого инструмента, респонденты не только знают о существовании видения, но также могут воспроизвести его суть. Этот факт свидетельствует о том, что стратегическое видение в компании – это не просто её «обязательный атрибут», а инструмент, позволяющий компании вести свою деятельность в определённом направлении, определённым способом для достижения конкретных результатов.

Исследование Ф. О'Брайена и М. Мидоуса, относящееся ко второй группе, было сосредоточено на анализе процесса разработки стратегического видения в компаниях [14]. Они опросили 123 руководителя компаний из разных отраслей (Великобритания) на предмет практики разработки стратегических видений в их компаниях.

На вопрос «Есть ли в организации стратегическое видение?» 90% опрошенных руководителей ответили, что в их организациях стратегическое видение есть, 3% – стратегическое видение компании находится в стадии разработки, остальные (7%) – их компании стратегического видения не имеют. Полученные результаты не противоречат выводам о наличии стратегического видения в компаниях ранее приведённого исследования.

Большинство (70%) руководителей перечислили несколько причин существования стратегического видения в их компаниях, отвечая на вопрос «Зачем в компании нужно стратегическое видение?». Они используют стратегическое видение для определения направления деятельности организации, для того чтобы сориентироваться «где мы можем оказаться», для планирования деятельности компании. Необходимо снова обратить внимание на формулировку: смысл существования стратегического видения в компании заключается в том, чтобы определить возможности компании, чтобы определить, где она *может* вести свою деятельность. Такая же причина была указана и в предыдущем исследовании Р. Фостера и М. Акдера при ответе на вопрос о роли стратегического видения в компании. Также в некоторых ситуациях стратегическое видение служит руководством для принятия управленческого решения. Стоит отметить, что часто при ответе на заданный вопрос менеджеры выражались образно. Так, например, для кого-то стратегическое видение – это тотем (ставится выше всего, значимость не оспаривается); карта, компас, маяк (вспомогательный инструмент руководства компании для ориентации в пространстве); знамя (призыв к действию).

Стратегическое видение в компаниях, участвующих в исследовании, создавалось либо одним человеком (собственником/руководителем) (25% респондентов), либо над его созданием работала специальная проектная группа, состоящая из топ-менеджмента и представителей подразделений компании (60%), либо для его разработки нанимался консультант (15%). Такие ответы были даны на вопрос «Кто создавал стратегическое видение компании?». Этот факт свидетельствует о вовлечении сотрудников в деятельность, которая влияет на ход работы всей компании, то есть у сотрудников есть возможность поучаствовать в глобальном процессе. Таким способом обеспечивается сопричастность сотрудников к чему-то важному, повышая их приверженность организации.

Ответы на вопрос «Как создавали стратегическое видение компании?» сильно различаются, это связано с тем, что компании ведут деятельность в разных отраслях, имеют разное количество персонала и т. д. Тем не менее удалось выделить несколько способов разработки стратегического видения в компаниях:

1. Каждый участник группы высказывал своё мнение, затем происходило общее обсуждение, принималось всеми решение (40% респондентов).

2. Каждый участник группы отвечал за определённую информационную сферу для разработки видения, на встрече происходила презентация наработок каждого из членов группы, затем совместно формулировался итоговый вариант видения (35%).

3. Все участники группы готовили материал для разработки видения, все вместе обсуждали, разрабатывали несколько вариантов видения, затем руководитель группы принимал решение о выборе того или иного варианта видения (20%).

4. Руководитель группы предлагал варианты видений, после совместного обсуждения выбиралось одно видение, понравившееся всем участникам проектной группы (5%).

Полученный результат свидетельствует о том, что в зарубежных компаниях при разработке стратегического видения организации участие в процессе принимают не только собственник и топ-менеджеры, то есть работа носит коллективный характер, обеспечивается сопричастность сотрудников общему делу на благо всей компании.

Подавляющее большинство организаций-респондентов впервые разработали свои видения давно. 70% руководителей компаний один раз в пять лет обновляют свои стратегические видения в связи с изменениями ситуации на рынке. 25% менеджеров компаний пересматривают видение ежегодно, учитывая внутренние изменения компании. И 5% – регулярно следят за стратегическим видением своей компании, поддерживая его всегда в актуальном состоянии. Перечисленные факты стали известны при анализе ответов на вопрос «Как часто пересматривается стратегическое видение компании?».

Из полученных ответов на этот вопрос исследователи сделали вывод, что стратегическое видение в основном разрабатывается один раз в пять лет, процент компаний, которые регулярно

его корректируют, мал, то есть компания на достижение заявленных аспектов в стратегическом видении отводит себе в основном от трех до пяти лет.

Обобщая результаты приведенных выше исследований, можно утверждать, что в большинстве западных компаний имеет место использование стратегического видения как инструмента управления и развития, оно определяет направление развития организации и описывает, какой компания может быть в будущем. Содержательно стратегическое видение в западных компаниях охватывает конечный результат, к которому стремится компания, описывает состояние компании в будущем и ожидаемые технологии (способы, процессы) работы компании.

Разработчиками видения, как правило, выступают члены проектной группы, в которую включены топ-менеджмент и представители подразделений. Процесс разработки протекает коллегиально – каждый участник группы высказывает своё мнение, затем происходит общее обсуждение, решение принимается совместно. Видение пересматривается и корректируется примерно один раз за 3–5 лет.

Российский опыт разработки и реализации стратегического видения

Выявляя специфику разработки применения стратегического видения в российских компаниях, мы опросили 112 представителей российских компаний разных должностей и отраслей. За основу анкетного опроса были взяты вопросы приведённых выше исследований, выявляющие специфику разработки и применения видения за рубежом, на основе которых была разработана модель создания и применения стратегического видения в зарубежных компаниях.

Стоит обратить внимание, что в опросе преобладают (70%) ответы представителей компаний, размер которых менее 30 человек. То есть можно сделать вывод, что на российском рынке наличие стратегического видения свойственно небольшим компаниям. Также среди респондентов присутствовали представители компаний, размер которых более 1000 человек (10%), от 201 до 1000 (10%) и от 31 до 200 (10%) человек.

Результаты проведённого анкетного опроса показали, что у 87% респондентов в компании присутствует стратегия её развития, и у 86% опрошенных в компании присутствует стратегическое видение. Полученные данные свидетельствуют о высокой степени значимости перечисленных аспектов для российских компаний.

При анализе ответов на вопрос «Кто разрабатывал стратегическое видение для вашей компании?» было выявлено, что в российских компаниях в большинстве случаев (45%) стратегическое видение разрабатывается собственником компании, нередко случаи (33%), когда видение разрабатывают топ-менеджеры и другие сотрудники компании. Это может быть связано с тем, что сами компании небольшие, и собственник компании больше доверяет себе, своим убеждениям при управлении компанией, поэтому разрабатывает стратегическое видение самостоятельно. Редки относительно предыдущих ответов ситуации (22%), когда в российских компаниях разрабатывают стратегическое видение только топ-менеджеры.

Структура стратегического видения в российских компаниях состоит из таких элементов, как описание идеального образа будущего компании, стратегическая цель компании, ожидаемые результаты деятельности компании, характеристика процессов и способов работы компании в будущем и общественное признание компании в будущем. Стоит отметить, что в ответах на вопрос «Какие составляющие элементы есть в стратегическом видении компании, в которой вы работаете?», на который была возможность дать несколько вариантов ответа, чаще всего фигурировали такие варианты, как ожидаемые результаты деятельности компании (41%) и стратегическая цель компании (22%). Наименее значимым (8%) структурным аспектом стратегического видения в российских компаниях является общественное признание компании в будущем (отношение к ней). Этот факт может свидетельствовать, что в российских компаниях о мнениях со стороны руководители компаний думают в последнюю очередь, для них в стратегическом видении, прежде всего, должны описываться ожидаемые результаты, что совпадает с предыдущим выводом. В структуре стратегического видения в российских компаниях также присутствуют характеристика процессов и способов работы компании в будущем (18%) и описание идеального образа будущего компании.

Следующий вопрос касается темы доступности стратегического видения компании её сотрудникам: «Известно ли вам содержание стратегического видения компании, в которой вы работаете?» Полученные ответы подтверждают, что больше половины респондентов смогут воспроизвести суть видения, так как они либо знают его (32%), либо знают, где его можно найти (25%). Остальные респонденты о стратегическом видении осведомлены (27%), но его суть воспроизвести не могут (16%). Полученные результаты также подтверждают вывод о том, что в российских компаниях видение «присутствует» в компании, и оно доведено до сотрудников.

Для выявления специфики разработки стратегического видения в российских компаниях респондентам был предложен вопрос «Как разрабатывалось стратегическое видение для вашей компании?» и варианты ответов, из которых выбирали их зарубежные коллеги:

1. Каждый участник группы высказывал своё мнение, затем происходило общее обсуждение, принималось всеми решение (7% респондентов).

2. Каждый участник группы отвечал за определённую информационную сферу для разработки видения, на встрече происходила презентация наработок каждого из членов группы, затем совместно формулировался итоговый вариант видения (30%).

3. Все участники группы готовили материал для разработки видения, все вместе обсуждали, разрабатывали несколько вариантов видения, затем руководитель группы принимал решение о выборе того или иного варианта видения (4%).

4. Руководитель группы предлагал варианты видений, после совместного обсуждения выбиралось одно видение, понравившееся всем участникам проектной группы (43%).

5. Другой ответ (16%).

По итогам заданного вопроса можно сделать вывод, что основным способом разработки стратегического видения в России является ситуация, когда руководитель группы предлагает варианты видений, после совместного обсуждения выбирается одно видение, понравившееся всем участникам проектной группы (43%). Стоит обратить внимание, что на этот вопрос у респондентов были и другие варианты ответа (16%), основная суть которых заключается в том, что собственники сами разработали видение. Исходя из выявленных способов разработки видения в российских компаниях, можно сделать вывод, что в России больше принято включать своих сотрудников в общую работу, для того чтобы обеспечить их приверженность общему делу компании, тем самым повысить уровень мотивации, но тем не менее ответы на вопрос о том, кто разрабатывает стратегическое видение в компании, показали, что в большинстве случаев эту функцию выполняет собственник, то есть решающее право голоса остаётся в итоге за ним, несмотря на групповую работу.

В российских компаниях предпочитают корректировать стратегическое видение ежегодно (41%), поддерживая его всегда в актуальной форме, 19% корректируют его каждые три года, в 7% компаниях респондентов видение не корректируется, каждые пять лет видение проходит процедуру корректировки в 4% случаях, 29% респондентов затруднились ответить. Этот факт может также значить, что людям, принимающим решение в компании, безразличен «вектор развития компании», что свидетельствует о высокой степени значимости стратегического видения в компании.

По мнению респондентов, стратегическое видение в основном необходимо для того, чтобы понимать, какой компания стремится быть (31%). В то же время видение ориентирует коллектив двигаться в одном направлении для достижения поставленных целей (23%). Для 21% респондентов видение носит мотивирующий характер. Среди ответов на вопрос «Зачем, на ваш взгляд, компании нужно стратегическое видение?», в котором можно было дать несколько вариантов ответа, также присутствовали мнения, что видение необходимо для того, чтобы понимать, какой компания является сегодня (9%), и в неоднозначных ситуациях оно выступает руководством к действию (9%). 7% респондентов отметили, что компания может обойтись без стратегического видения вовсе. Анализируя ответы на вопрос о причинах необходимости стратегического видения в компании, можно сделать вывод, что в российских компаниях стратегическое видение – это больше инструмент мотивации, чем руководство к действию в неоднозначных ситуациях.

Таким образом, исходя из результатов проведённого анкетного опроса, можно подвести итог, что в большинстве российских компаний имеет место использование стратегического видения как инструмента управления и развития, оно описывает, какой компания стремится быть, ориентирует коллектив двигаться в одном направлении для достижения поставленных целей, носит мотивирующий характер. Содержательно стратегическое видение в российских компаниях охватывает стратегическую цель и ожидаемые результаты деятельности. Разработчиками видения в основном выступают собственники и топ-менеджеры компании. Процесс разработки видения, как правило, организован следующим образом: руководитель группы предлагает варианты видений, после совместного обсуждения выбирается одно видение, понравившееся всем участникам проектной группы. Видение пересматривается и корректируется ежегодно.

Выявление специфики разработки и применения стратегического видения в российских компаниях

Для удобства анализа сведём полученные результаты исследования в одну таблицу.

Как видно из представленной таблицы, в зарубежных и российских компаниях в большинстве случаев стратегическое видение присутствует и имеет высокую степень значимости в организации.

Разработка и применение стратегического видения в зарубежных и российских компаниях		
Фактор	В зарубежных компаниях	В российских компаниях
Степень необходимости стратегического видения в компании	Высокая степень необходимости	Высокая степень необходимости
Наличие в организации стратегического видения	Есть (90%)	Есть (86%)
Роль стратегического видения в компании	Определяет направление развития организации. Описывает, какой компания может быть в будущем	Описывает, какой компания стремится быть. Ориентирует коллектив двигаться в одном направлении для достижения поставленных целей. Носит мотивирующий характер
Элементы стратегического видения	Конечный результат, к которому стремится компания. Описание состояния компании в будущем. Описание технологии работы компании (способы, процессы)	Ожидаемые результаты деятельности компании. Стратегическая цель компании
Создатели стратегического видения компании	Проектная группа (топ-менеджмент и представители подразделений)	Собственник компании. Топ-менеджеры и другие сотрудники компании
Процесс создания стратегического видения	Каждый участник группы высказывает своё мнение, затем происходит общее обсуждение, принимается всеми решение	Руководитель группы предлагает варианты видений, после совместного обсуждения выбирается одно видение, понравившееся всем участникам проектной группы
Частота корректировки стратегического видения в компании	Раз в 3–5 лет	Ежегодно

Вместе с тем следует отметить некоторые специфичные черты:

1. Роль стратегического видения в компании. В зарубежных компаниях стратегическое видение носит больше прикладной характер. Направление развития организации зависит от её ресурсных возможностей, то есть в стратегическом видении зарубежных компаний описывается, где компания *может* быть, эффективно используя свой ресурсный потенциал. В российских компаниях в стратегическом видении описывается состояние, к которому компания стремится, какой она *хочет* быть, то есть в каком направлении компании необходимо вести свою деятельность, чтобы достигнуть желаемых целей. Поэтому в российских условиях стратегическое видение имеет мотивирующий характер, оно мотивирует персонал достигать «светлого будущего».

2. Элементы стратегического видения. Роль стратегического видения в компании отразилась на его структурных элементах в российских и зарубежных компаниях. Так, если в зарубежных компаниях в структуре видения преобладают описание состояния в будущем, конечный результат и описание технологий работы (*что и каким способом достигать*), то в российских компаниях в видении описывается цель, к которой стремится компания, ожидаемый результат (*что достигать*). В видении зарубежных компаний больше конкретики.

3. Разработчики стратегического видения. И в российских, и в зарубежных компаниях стратегическое видение разрабатывается группой сотрудников компании (топ-менеджеры и представители подразделений). Следует, однако, отметить, что в российских компаниях в большинстве случаев созданием видения занимается *собственник* компании.

4. Процесс создания стратегического видения. В процессе разработки стратегического видения в зарубежных компаниях участвует *вся группа*, в которой каждый участник высказывает своё мнение, после чего происходит общее обсуждение и всеми принимается решение. В российских компаниях последнее слово остаётся за руководителем (как правило, это и есть собственник), и именно он предлагает варианты видений, после совместного обсуждения выбирается одно видение, которое в итоге *утверждается руководителем (собственником)*.

5. Частота корректировки стратегического видения. В российских компаниях стратегическое видение корректируется чаще, чем в зарубежных компаниях.

Таким образом, можно сделать вывод, что разработка и применение стратегического видения в зарубежных и российских компаниях различаются, причём по многим факторам, стратегическое видение в российских компаниях имеет свою специфику. Оно описывает, какой компания стремится быть, и ориентирует коллектив двигаться в одном направлении для достижения поставленных целей. В своей структуре содержит ожидаемые результаты деятельности компании и её основную стратегическую цель. В процессе разработки стратегического видения участвуют

собственник/руководитель и/или топ-менеджеры и представители подразделений. Руководитель группы предлагает варианты видений, после совместного обсуждения выбирается одно видение, понравившееся всем участникам проектной группы, утверждается собственником. Корректировку видения производят ежегодно.

В российских компаниях видение носит больше ценностный характер, это инструмент мотивации сотрудников, который программирует приоритеты компании.

Примечания

1. Drucker P. F. (1954). The practice of management. N. Y.: Harper & Row Publisher.
2. Bechard R. & Harris, R. (1977). Organizational transitions. Reading, MA: Addison- Wesley.
3. Hambrick D. C. & Mason, P. A. (1984). Upper echelons: The organization as a reflection of its top managers. *Academy of Management Review*. 9(2), 193–206
4. Daft R. L. (1998). Organization theory and design (6th ed.) Cincinnati, OH: Southwestern.
5. Belasco J. (1990). Teaching the elephant to dance: The managers' guide to empowering change. N. Y.: Plume.
6. Bennis W. & Nanus B. (1985). Leaders: The strategies of taking charge. N. Y.: Harper & Row.
7. Conger J. A. (1989). The charismatic leader: Behind the mystique of exceptional leadership. San Francisco: Jossey-Bass Publishers.
8. Conger J. A., Spreitzer, G. M., & Lawler, E. E. (1999). The leaders change handbook: An essential guide to setting direction and taking action. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
9. Selznick P. (1957). Leadership in administration: A sociological interpretation. N. Y.: Harper & Row.
10. Collins J. C. & Porras, J. I. (1994). Built to last: Successful habits of visionary companies. N. Y.: Harper Business.
11. Bennis W. & Nanus B. (1985). Leaders: The strategies of taking charge. N. Y.: Harper & Row.
12. Falbe C. M. & Larwood, L. (1997, August). A longitudinal analysis of the relationships between vision and firm financial performance: Differences between entrepreneurs and other top executives. Paper presented at Babson Entrepreneurship Conference, Babson Park, MA.
13. Foster R. D. & Akdere M., Effective organizational vision: implications for human resource development/ *Journal of European Industrial Training*. Vol. 31. № 2. 2007. P. 100–111.
14. F. O'Brien and M. Meadows, Corporate Visioning: A Survey of UK Practice/ *The Journal of the Operational Research Society*. Vol. 51. № 1. Part Special Issue: OR and Strategy (Jan., 2000). P. 36–44.

Notes

1. Drucker P. F. (1954). The practice of management. New York: Harper & Row Publisher.
2. Bechard R. & Harris R. (1977). Organizational transitions. Reading, MA: Addison- Wesley.
3. Hambrick D. C. & Mason P. A. (1984). Upper echelons: The organization as a reflection of its top managers. *Academy of Management Review*. 9(2), pp. 193-206
4. Daft R. L. (1998). Organization theory and design (6th ed.) Cincinnati OH: Southwestern.
5. Belasco J. (1990). Teaching the elephant to dance: The managers' guide to empowering change. New York: Plume.
6. Bennis W. & Nanus B. (1985). Leaders: The strategies of taking charge. New York: Harper & Row.
7. Conger J. A. (1989). The charismatic leader: Behind the mystique of exceptional leadership. San Francisco: Jossey-Bass Publishers.
8. Conger J. A., Spreitzer G. M. & Lawler E. E. (1999). The leaders change handbook: An essential guide to setting direction and taking action. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
9. Selznick P. (1957). Leadership in administration: A sociological interpretation. New York: Harper & Row.
10. Collins J. C. & Porras, J. I. (1994). Built to last: Successful habits of visionary companies. New York: Harper Business.
11. Bennis W. & Nanus B. (1985). Leaders: The strategies of taking charge. New York: Harper & Row.
12. Falbe C. M. & Larwood, L. (1997, August). A longitudinal analysis of the relationships between vision and firm financial performance: Differences between entrepreneurs and other top executives. Paper presented at Babson Entrepreneurship Conference, Babson Park, MA.
13. Foster R.D. & Akdere M., Effective organizational vision: implications for human resource development/ *Journal of European Industrial Training*. Vol. 31, No. 2, 2007, pp. 100-111.
14. F. O'Brien and M. Meadows, Corporate Visioning: A Survey of UK Practice/ *The Journal of the Operational Research Society*, Vol. 51, No. 1, Part Special Issue: OR and Strategy (Jan., 2000), pp. 36-44

Вятская ментальность как имиджеобразующий фактор региона: анализ мнений известных людей

На основе интервью известных людей Кировским журналистам исследуются характеристики ментальности жителей Вятского края. Приводятся мнения руководителей государственных органов власти и учреждений, политиков, писателей, артистов, журналистов. Проводятся параллели с характеристиками вятчан, описанными в начале XX в. известным этнографом и знатоком народной культуры Д. К. Зелениным. Такие черты местных обитателей, как медлительность, пассивность, немобильность, а также патриотизм, доброжелательность, отзывчивость, незамкнутость на экономические интересы, высокий образовательный уровень и другие слабо подвержены изменениям и в основном сохраняются на протяжении многих десятилетий. Это те отправные точки, которые могут помочь понять населяющих вятскую землю жителей, а также стать основой для формирования имиджеобразующих программ региона и принятия управленческих решений.

Based on media interviews of famous people are described characteristics mentality residents Vyatka region. Are presented the views of managers of public authorities and institutions, politicians, writers, artists and journalists. Are held parallels with characteristics vyatchan which has described in the early twentieth century by the famous ethnographer and expert on folk culture D. K. Zelenin. Such features as the slowness of local residents, passivity, immobility, and patriotism, kindness, compassion, not closed on economic interests, a high educational level and other weakly susceptible to change and are generally preserved for decades. These are the starting points that help understand residents inhabiting the Vyatka lands, as well as form the basis for regional programs to build the image of the region and management decisions.

Ключевые слова: вятская ментальность, Вятский край, мнение известных людей, имиджеобразующие факторы.

Keywords: Vyatka region, vyatkian mentality, the opinion of famous people, factor forming the image.

В предыдущем исследовании [1], основанном на анализе мнений известных людей, побывавших в Вятском крае или каким-либо образом связанных с ним, были выявлены две группы имиджеобразующих факторов региона: внешние (город Киров, его название, архитектура, экология, дороги, одежда, акцент горожан, продукты питания, природа) и внутренние факторы, связанные с эмоционально-духовными и ментальными характеристиками жителей области. В качестве известных людей выступили руководители учреждений и организаций, писатели, артисты, музыканты, журналисты. Акцент в исследовании был сделан на первой группе факторов.

В предлагаемой статье сосредоточим внимание на второй группе факторов. Как и в предыдущем исследовании, эмпирической базой послужили интервью известных людей, опубликованных в местных СМИ и охватывающих период с 2009 г. по январь 2014 г.

В самом начале своей работы на посту губернатора Кировской области Никита Белых, уроженец Пермского края, столкнулся с некоторой проблемой. Для него стал неожиданным не уровень развития экономики и социальной сферы региона, а особый тип поведения и мышления его жителей. Вот что он сам говорит по этому поводу: «С точки зрения экономической ситуации все полностью совпадает с тем, что я ожидал здесь увидеть. В социальной сфере, наверное, тоже. А вот что не учитывалось и, пожалуй, не может быть учтено, – так это ментальность и человеческая психология. В этой части возникали неожиданности» [2].

Что же такого необычного удалось подметить и зафиксировать первому лицу области? Не связано ли это с теми характеристиками вятчан, которые еще в начале XX в. удалось описать известному этнографу и знатоку народной культуры Д. К. Зеленину? Остановимся на этом подробнее.

Вятчане, говорит Д. К. Зеленин, чисто русские люди и даже более: в них преобладает какая-то непрактичность, покорность судьбе, запуганность. Он пишет: «Вятчанина словно чем-то придавило, ошеломило, и он вечно такой “обулычелый” и бродит, не находя себе места, созерцательный, углубленный в самого себя» [3].

Еще одна черта – медлительность. Она проявляется не только в движениях, но и в умственной деятельности. Однако этот ум отличает тонкость и глубина. По этому поводу ученый замеча-

ет: «Народные анекдоты и присловья трунят только над медлительностью ума вятчан, но самого ума ничуть не отрицают. В них вятчанин рисуется похожим на сказочного Иванушку-дурачка, который, будучи “дурачком”, всегда и везде оказывается в конечном результате первым... В общем результате вятчане рисуются в народных присловьях и анекдотах в симпатичном виде. Над ними подсмеиваются, но это не язвительный, не злобствующий смех, а добродушный, ласковый; по пословице: “над кем посмеются, того полюбят”» [4].

Один из анекдотов о вятчанах увековечен в лубочной картинке, которую можно найти в собраниях известного ценителя, собирателя и исследователя Д. А. Ровинского. Лубочный листок с названием «О баталии вятской» повествует о сражении, которое якобы происходило между вятчанами и морским чудовищем. В центре картины изображено животное в виде хамелеона-ящерицы, на избиение которого собрался народ с вилами, ухватами, граблями, косами, лавками. В верхней части имеется надпись: «У иноземцев овартах описуют подобно как овятках повествуют акибы встарые годы воправду некогда бывало что вятское гражданство противу серпа воевало сице ополчаю(т)ся против изверженои морем рыбы скоты жители некоего горада варты люди видом телом быть малои породы актомуужь еще знатно дураки иуроды» [5]. По мнению Д. К. Зеленина, хотя большая часть анекдотов и сложилась без применения к какой-либо конкретной этнографической группе, все же героями их избирались те, у которых характер и общие черты лучше всего подходили к содержанию анекдота. Поэтому лубочные картинки могли отчасти способствовать такому формированию образа.

В то же время, замечает исследователь, вятского человека отличает неподдельное добродушие и глубокое смирение. В его облике нет ничего воинствующего и заносчивого, отсутствует амбициозность и самоуверенность. Шутки в свой адрес он принимает с философским равнодушием и не сердится. Вятчанин любит семейную жизнь; он нежный отец и может целую ночь баюкать своих детей, пока уставшая от трудов и забот жена будет спать.

Это большой домосед, неохотно покидающий насиженные места. Однако он не прочь и переселиться на другое место, если ему по каким-то причинам плохо живется. При этом вятчанин везде и всегда ищет себе средства к существованию недалеко от дома. «Он целые дни точит ложки, получая за это грошовую прибыль, но нейдет на фабрику. Здесь главный секрет того, почему на Вятке получили столь широкое развитие кустарные промыслы. Здесь же секрет любви вятчанина к лесу, которого он ищет и в своих переселениях» [6].

Д. К. Зеленин отмечает также сильные общественные инстинкты у вятских людей. На Вятке были широко развиты совместные работы (помочи), когда жители одной деревни или улицы собирались вместе, чтобы кому-нибудь помочь.

Можно привести суждения и других известных людей, чья судьба столкнула их с вятской стороной. Сосланный в Вятку за участие в восстании 1830 г. поляк Генрик Каменьский, уезжая, сказал: «...Общее впечатление, которое я увожу из Вятки, это благодарность и уважение к русскому гостеприимству, не банальному, ограничивающемуся только тем, чтобы накормить и напоить. Это гостеприимство является сердечным и бескорыстным, честным и простым... Оно исходит от доброго сердца, от чистой совести» [7].

Константин Циолковский: «...полюбились мне и коренные вятичи, люди смышленные, смелые, предприимчивые, умельцы на все руки» [8].

Писатель Альберт Лиханов: «Вятский человек простодушен. В простодушии своем опрометчив: порой принимает решения непродуманные, но необдуманность эта дает удивительные результаты. Вятский человек отзывчив. Когда Минин и Пожарский собирали ополчение против ляхов, вятские соседи пришли с подмогой первые. Вятские первыми внесли первый взнос на строительство памятника великому Пушкину в Москве. Вятский человек сметлив. Среди тех, кто создал знаменитый танк Т-34, был замечательный инженер, вятский выходец Кошкин» [9].

Народный артист СССР Борис Чирков: «...Люди они смекалистые, живые, хитроватые, с юмором. И работники старательные, и умельцы ловкие» [10].

К слову о хитрости. Интересным является мнение вятского мирового судьи П. Хохрякова, который в своей монографии, выпущенной в 1885 г. в Вятке, анализирует дело столичного предпринимателя А. М. Вольфа, злоупотребившего рекламой [11]. А. М. Вольфа привлекли к уголовной ответственности за то, что он в своей рекламе всем подписчикам журнала «Новь» обещал в подарок картину в великолепной, готовой деревянной рамке, а на самом деле дал им картину, на которой рамка была всего лишь нарисована. Так вот вятский мировой судья под разными предлогами старается оправдать предпринимателя. Такая «хитрость» является достаточно характерной для вятских.

Вернемся к сегодняшнему дню. Изменились ли ментальные характеристики вятчан за последние сто лет? Если Д. К. Зеленин использовал народные присловья и анекдоты – этот источ-

ник, формирующий образ вятского края в конце XIX – начале XX в., то мы воспользуемся интервью известных людей, опубликованных в местных печатных СМИ? – современным источником формирования общественного мнения и имиджа в XXI в.

Так? кировский телеведущий и журналист Алексей Клюкин, переехавший в Москву, признается, что скучает по своей малой родине и добавляет: «Здесь как-то задумчиво, что ли...» [12]

Народная артистка России, актриса Клара Новикова отмечает замедленную реакцию вятских зрителей на шутки юмористки, но в то же время их вдумчивое отношение к ним. Если в других городах сначала смеются, а потом осознают, то в Вятке все наоборот: «Почему-то мне помнится, что это реакция публики “с люфточкой”. Вы понимаете, о чем я? “Люфт” – означает “чуть-чуть попозже”. То есть кировчане сначала оценивают и осознают. Это очень важно! В других городах зачастую все наоборот: сначала хохочут, а потом осознают. Оценить кировскую публику можно пословицей “Семь раз отмерь и один раз отрежь”» [13].

Подобную пассивность отмечает и известный политик Владимир Жириновский: «Регион у вас спящий, народ вялый. Где пикеты, где шествия? Или нет проблем с обманутыми дольщиками, с экологией? О названии города можете не спорить, скоро все вернется на свои места: Вятка, Симбирск, Царицын» [14].

Бывший руководитель Управления Федеральной налоговой службы по Кировской области Александр Зудин, уроженец Нижегородской области, говорит, что полюбил Киров за его спокойствие и за тех людей, которые встретились ему на пути: «Это патриоты Вятского края, которые не живут одним днем, а думают о развитии своего города» [15]. В то же время кировчане не очень-то любят платить налоги. Александр Николаевич приводит пример с Чувашией, где уровень жизни ниже, чем в Кировской области, а уровень уплаты налогов выше. Как это объяснить? «Возможно, дело в менталитете. Средняя налоговая нагрузка на кировского предпринимателя сейчас около 23 тысяч рублей. Сегодня у любого наемного рабочего удерживается подоходный налог из зарплаты, и получается, что он платит больше, нежели предприниматель, который даже раз в год не платит налог! Это парадокс! Получается, что он живет за счет нашего с вами труда и наших налогов» [16].

Уроженец Саратовской области, бывший начальник Управления ФСБ России по Кировской области Алексей Круглов также обращает внимание на патриотизм кировчан. Он подмечает и такую особенность как оседлость, немобильность. Местные сотрудники не желают менять свое место жительства, несмотря на предлагаемую высокую должность в другом регионе: «Люди в Кирове... намного проще, нежели, например, в Ярославле. Здесь очень высокий уровень патриотизма, это я заметил сразу. Здесь есть такая тенденция: кировчане сложно меняют место жительства, очень сложно перемещаются по службе. Например, выдвигаю сотрудника на повышение, предлагаю должность в другом регионе... Нет, не хотят ехать, привыкли жить здесь» [17].

Вот и Марат Френкель, начальник Кировского областного центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, приехавший в Киров из Белоруссии, также не пожелал покинуть Вятскую землю: «Я, понимаете, как-то сразу прикипел к Кирову. Мне много раз предлагали уехать в Москву в министерство, в Нижний, в Пермь, Челябинск, в Белоруссию назад звали. Я остался – и никогда об этом не жалел» [18]. Известный кировский метеоролог приводит две причины такой любви – это вятская природа и люди, общение с которыми доставляет ему большое удовольствие.

Приведем также мнение главы следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области, полковника юстиции Григория Житенева, уроженца Пензенской области. Он отмечает доброжелательность вятских жителей и утверждает, что экономические интересы для них не единственные и не стоят на первом месте: «Очень хороший город! Вятский край достаточно сильно отличается от Пензы, где я вырос, где проработал основное свое время. Тут нет такой капитализации. Население доброжелательное в Кирове – нет какой-то замкнутости на экономические интересы» [19]. Большое впечатление произвела малонаселенность Вятского края, а неожиданностью стал высокий образовательный уровень школьников: «Кировская область очень похожа на Пензенскую: и по дорогам, и по населенным пунктам, и даже по климату. Вроде севернее на тысячу километров, а похожа. Тайга у вас, конечно, впечатляет: болота, деревья, отсутствие дорог и ни одного живого человека... Для нас с женой стало неожиданностью, что образовательный уровень средней школы в Кирове гораздо выше, чем в Пензе» [20].

Доброжелательность вятчан – это то качество, которое фиксируют многие побывавшие на Вятской земле. Так, петербургский театральный режиссер Борис Павлович, несколько лет проработавший в «Театре на Спасской», отмечает: «В Кирове очень доброжелательные люди, это действительно так. Более того, в Кирове очень любят Петербург. Здесь помнят блокадников, которые были в эвакуации. Если бы я был из Москвы, у меня бы сложнее биография складывалась» [21].

Александр Беляев, ведущий прогноза погоды на одном из телевизионных каналов, заместитель директора Института географии РАН, член Академии Российского телевидения, связывает специфику вятских жителей с природными и климатическими особенностями региона: «У вас прекрасная природа – не такая как у нас, “в столицах”, изрядно подпорченная жестким прессингом цивилизации. У вас отличный воздух, да и атмосфера в целом, есть и свои “анталии”, есть потрясающий лес, животный и растительный мир. У вас и люди другие, подстать суровому, но в то же время и мягкому климату» [22].

Используя метод «от противного», свое мнение относительно Кировчан высказывает Алексей Венедиктов, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы»: «Я был в Кирове два раза. Один раз на инаугурации губернатора. Другой раз я приезжал с министром образования. Что я могу сказать? Буду говорить банальные слова: город симпатичный. Если бы мне в Кирове сильно не понравилось, я не пытался бы в этот город выводить “Эхо Москвы”. Ну что выводить “Эхо” к людям мрачным, зашоренным, упертым? Неинтересно» [23].

В то же время вятские жители настороженно относятся ко всему новому, ультрасовременному. Ирина Брежнева, хореограф, руководитель проекта «Миграция», считает, что в 99% случаев они не принимают экспериментов, и связывает это с комплексами, воспитанием и менталитетом: «Когда в Кирове проходил фестиваль современного искусства и во время одного из спектаклей на сцене появились обнаженные люди, в зале сначала был легкий шепоток, а потом наступила тишина... Мне кажется, это проблема в наших головах! В нашем воспитании, в нашем менталитете, это комплексы и проблемы каждого человека» [24].

У Дениса Мацуева, музыканта с мировым именем, остались необычные воспоминания от выступления в кировском цирке: «Я выступал на юбилее Вальтера Запашного в кировском цирке, с урезанной программой, на каком-то ужасающе маленьком рояле. Но мне понравилось с тех пор...» [25]

Косвенно об особенностях вятского характера может рассказать и та среда обитания, те места, где горожане любят проводить свое свободное время. Это набережная реки и тихие улочки старой Вятки, это и современная часть города: район Театральной площади, улица Карла Маркса, парк у цирка с прудами и обитающими там утками. Приведем некоторые примеры. Наталья Поволоцкая, певица: «Мне, например, очень нравится улица Карла Маркса» [26]. Ольга Денисова, дрессировщица, заслуженная артистка России: «Мне очень нравится, что здание цирка расположено в таком красивейшем месте. Далеко не в каждом городе встретишь такое, разве что в Хабаровске» [27]. Андрей Белькевич, ведущий радио «Эхо Москвы», о любимых местах в городе: «Набережная Грина... Весной, помню, ходил смотреть на ледоход» [28]. И в качестве обобщения приведем мнение Григория Житенева: «Периодически вы всей семьей гуляем по Театральной площади, по улице Карла Маркса. Еще мне нравится парк у цирка. Хорошее место. Любим туда приезжать, кормить уток. На набережной очень красиво. Сильное впечатление произвел на меня Трифонов монастырь. Как в Кремле впервые оказался» [29].

Еще один любопытный момент обращает на себя внимание. Некоторые известные люди в своих интервью называют источники, из которых они получили информацию о Вятском крае, а также вспоминают то, что им было известно до знакомства с нашим регионом. Так, Владимир Жириновский помнит стиральные машины и дымокские игрушки: «С детства помню ваши стиральные машины, знаю, что здесь много леса... Ваши знаменитые игрушки... в Москве я что-то не вижу. Это неправильно» [30].

Александр Беляев впервые узнал о Вятке из повести А. Гайдара: «Помню, в детстве читал Аркадия Гайдара “Судьбу барабанщика”. И там главный отрицательный персонаж говорит, что у него “тетка в Вятке”. Вот с тех пор и помню про Вятку. А так, я знаю, конечно, как географ, Кировскую область, ее природу, хозяйство, проблемы, в том числе и экологические, как гидролог – реку Вятку, как бывший болельщик – Александра Мальцева и т. д. А в последнее время “страна” стала гораздо чаще “заглядывать” к вам. Более того, область как бы является “модельной” – своеобразным испытательным полигоном, где апробируется много нового. Да и чуть ли не единственный регион, которым руководит губернатор “из правых”. Слышу, конечно, и про Навального, и про лес...» [31].

А актер Алексей Булдаков на основе архивных документов определил свои родословные корни – его предки жили на Вятской земле: «Как оказалось, мои предки жили в одной из деревень Кировской области. По архивным данным удалось определить родословную до 8-го колена. Здесь родились мои бабушка с дедушкой» [32].

Подводя итоги, можно сказать, что характерные черты вятской ментальности – медлительность, пассивность, немобильность, а также патриотизм, доброжелательность, отзывчивость, не замкнутость на экономических интересах, высокий образовательный уровень и другие – слабо подвержены изменениям и в основном сохраняются на протяжении многих десятиле-

тий. Это те отправные точки, которые могут помочь понять населяющих вятскую землю жителей, а также стать основой для формирования имиджеобразующих программ региона и принятия управленческих решений.

Примечания

1. Тимшин В. А. Имиджеобразующие факторы Вятского края: анализ мнений известных людей // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: сб. материалов XII Межрегион. науч.-практ. конф. Киров: Киров. филиал МГЭИ, 2011. С. 66–70.

2. Беседовала Булах И. Никита Белых: Семейная жизнь – это не медовый месяц // Источник новостей. 2009. 18 сент. С. 8–9.

3. Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты... // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 80. Именно эту особенность подмечает и М. Е. Салтыков-Щедрин, мнение которого здесь же приводит Д. К. Зеленин: «...в особенности мил населяющий ее люд, простодушный, смиренный, слегка унылый или, лучше сказать, как бы задумавшийся над разрешением какой-то непосильной задачи».

4. Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты... // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 83. Д. К. Зеленин приводит множество таких шуточных присловий и анекдотов про вятчан. Вот некоторые из них: «Мы, вячки, робята хвачки (т. е. хватские): семеро одного не боимся, а один на один, так и котомочки отдадим»; в отношении вятских употреблялись прозвища «слепороды», «ротозей» (вячкой слепень наехал на пень, да и кричит: своротитё!), «толоконники» (сыпали толокно в реку и пытались съесть), «свиносады» (поросенка на наседали сажали: «чепись-чепись, не то падешь; курица о двух ногах, да чепичья»); известно выражение: «наугад по-вятски», то есть необдуманно, бестолково и др.

5. Цит. по: Коршунков В. А. Свистопляска // Энциклопедия земли вятской. Т. 8. Этнография, фольклор. 1998. С. 357.

6. Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты... // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 82.

7. Цит. по: Сыновий поклон. Горький, 1974. С. 39.

8. Там же. С. 41–42.

9. Цит. по: Пленков В. Вятские умельцы. Киров, 1971. С. 10.

10. Лиханов А. А. Семь холмов над рекой. Вятка. Краеведческий сборник. Киров, 1987. С. 9–11.

11. Хохряков П. Дело А. М. Вольфа и вопрос о злоупотреблении рекламой. Вятка: Типография Куклина, 1885.

12. Беседовал Романов В. Алексей Ключин: Я полтора года живу в Москве, но слежу за всеми играми «Родины» // Источник новостей. 2010. 22 янв. С. 12–13.

13. Беседовал Вепрев Б. Клара Новикова: Я не бабушка, я Клара! // Источник новостей. 2010. 17 сент. С. 18–19.

14. Лариса Скрипченко, Лада Баева. Владимир Жириновский: Регион у вас спящий, но с губернатором повезло // Вести. Вятка. 2011. 21 февр. С. 3.

15. Беседовала Брагина Е. Александр Зудин: Я мечтал стать директором завода // Источник новостей. 2010. 24 дек. С. 18–19.

16. Там же. С. 18–19.

17. Беседовала Удельная С. Алексей Круглов: Все под контролем! // Источник новостей. 2010. 28 мая. С. 14, 19.

18. Беседовала Топузлиева Д. Марат Френкель: Почему вы не смеетесь над собой? // Источник новостей., 2011. 21 янв. С. 14–15.

19. Беседовала Овчинникова А.: Григорий Житенев: У нас работают не за зарплату // Источник новостей. 2014. 25 янв. С. 16, 21.

20. Там же. С. 16, 21.

21. Беседовал Романов В. Борис Павлович: Для меня Киров – город больших возможностей // Источник новостей. 2009. 25 сент. С. 8–9.

22. Беседовала Овчинникова А. Александр Беляев: Погода пошла вразнос // Источник новостей. 2013. 1 июня. С. 16–17.

23. Беседовал Вепрев Б. Алексей Венедиктов: Мы проложили «лыжню» до Кирова! // Источник новостей. 2010. 8 окт. С. 16, 21.

24. Беседовала Семакина А. Ирина Брежнева: Кировская публика не принимает обнаженных танцоров // Источник новостей. 2010. 15 янв. С. 10–11.

25. Беседовал Романов В. Денис Мацуев: Когда видишь русских женщин, сразу жить хочется // Источник новостей. 2010. 5 марта. С. 16–17.

26. Беседовала Булах И. Наталья Поволоцкая: Успех состоит из таланта, денег и удачи // Источник новостей. 2009. 14 авг. С. 6–7.

27. Беседовала Семакина А. Ольга Денисова: На арену цирка тигры всегда выходят голодными! // Источник новостей. 2009. 9 окт. С. 8–9.
28. Беседовал Богдан Вепрев. Андрей Белькевич: С Москвой у нас пакт о ненападении // Источник новостей. 2010. 17 дек. С. 18, 19.
29. Беседовала Анжела Овчинникова: «Григорий Житенев: У нас работают не за зарплату» // Источник новостей. 2014. 25 янв. С. 16, 21.
30. Лариса Скрипченко, Лада Баева. Владимир Жириновский: «Регион у вас спящий, но с губернатором повезло» // Вести. Вятка 2011. 21 февр. С. 3.
31. Беседовала Овчинникова А.: «Александр Беляев: Погода пошла вразнос» // Источник новостей. 2013. 1 июня. С. 16–17.
32. Беседовала Удельная С. Алексей Булдаков: В Кирове я нашел своего брата. Даже представить себе не мог, что здесь столько Булдаковых! // Источник новостей. 2010. 23 апр. С. 16–17.

Notes

1. Timshyn V.A. *Imidzheobrazuyushchie faktory Vyatskogo kraja: analiz mnenij izvestnykh lyudej* [Image-forming factors of Vyatka region: analysis of opinions of famous people] // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i ehkonomicheskikh nauk: sb. materialov XII Mezhhregion. nauch. prakt. konf* - Actual problems of economic Sciences and the Humanities: Proc. of the XII Interregion. scient.-practical conf. Kirov: Kirov branch of MHEI, 2011. pp. 66-70.
2. Interviewed by Bulah I. [Nikita Belykh: Family life is not honeymoon] // *Istochnik novostej* - News source. 2009, 18 Sep, pp. 8-9.
3. Zelenin D. K. *Narodnye prislov'ya i anekdoty...* [Folk sayings and anecdotes...] // Zelenin D. K. *Izbrannyye trudy. Stat'i po duhovnoj kul'ture* - Selected papers. Articles on spiritual culture. 1901-1913. Moscow. Indrik. 1994. P. 80. It is this feature of notices and M. E. Saltykov Shchedrin, the opinion of which here quotes D. K. Zelenin: "...particularly nice are people inhabiting it, simple, humble, slightly dull or, better to say, as if pondering a resolution of some daunting tasks".
4. Zelenin D. K. *Narodnye prislov'ya i anekdoty...* [Folk sayings and anecdotes...] // Zelenin D. K. *Izbrannyye trudy. Stat'i po duhovnoj kul'ture* - Selected works. Articles on spiritual culture. 1901-1913. Moscow. Indrik. 1994. P. 83. D. K. Zelenin quotes many humorous sayings and anecdotes about the people of Vyatka. Here are some of them: "We are Vyatka people, subtle guys: seven do not afraid the one, and face to face – will give the bags"; regarding the Vyatka people nicknames were used: "blind-born", "inadvertent" ("rotozey") (Vyatka blind ran into a stump, and shouts: turn!), "Tolokonniki" (poured the oatmeal into the river and tried to eat), "pig-settintg" (put pigs on saddle: "hook, hook or will fall down; hen with two legs, but hooks"); expression is known: "randomly, as they do in Vyatka", i.e. unconsidered, stupid, etc.
5. Cit. by: Korshunkov V.A. *Svistoplyaska* [Pandemonium] // *EHnciklopediya zemli vyatskoj* - Encyclopedia of the Vyatka land. Vol. 8. Ethnography, folklore. 1998. P. 357.
6. Zelenin D. K. *Narodnye prislov'ya i anekdoty...* [Folk sayings and anecdotes...] // Zelenin D. K. *Izbrannyye trudy. Stat'i po duhovnoj kul'ture* - Selected papers. Articles on spiritual culture. 1901-1913. Moscow. Indrik. 1994. P. 82.
7. Cit. by: Son's bow. Gorky. 1974. P. 39.
8. Ibid. Pp. 41-42.
9. Cit. by: Plenkov V. *Vyatskie umel'cy* [Vyatka craftsmen]. Kirov. 1971. P. 10.
10. Likhanov A. A. *Sem' holmov nad rekoj. Vyatka. Kraevedcheskij sbornik* [Seven hills above the river. Vyatka. The local history collection]. Kirov. 1987. Pp. 9-11.
11. Khokhryakov P. *Delo A. M. Vol'fa i vopros o zloupotreblenii reklamoj* [Case of A. M. Volf and the abuse of advertising]. Vyatka. Kuklin's Printing office. 1885.
12. Interviewed by Romanov V. Alexey Klyukin: a year and a half I live in Moscow, but follow all the games of "Rodina" // *Istochnik novostej* - Source of news. 2010, 22 Jan, pp. 12-13.
13. Interviewed by Veprev B. Klara Novikova: I'm not a grandmother, I am Clara! // *Istochnik novostej* - Source of news. 2010, 17 Sept., pp. 18-19.
14. Larisa Skripchenko, Lada Baeva. Vladimir Zhirinovskiy: Your region is sleeping, but you are luck with the Governor // *Vesti* - News. Vyatka. 2011, 21 Feb., p. 3.
15. Interviewed by E. Bragin Alexander Zudin: I dreamed of becoming a plant Manager // *Istochnik novostej* - Source of news. 2010. 24 Dec. S. 18-19.
16. Ibid. S. 18-19.
17. Interviewed by Udelnaya S. Alexey Kruglov: Everything is under control! // *Istochnik novostej* - Source of news. 2010, May 28, pp. 14, 19.
18. Interviewed by Topoleva D. Marat Frenkel: Why don't you laugh at yourself? // *Istochnik novostej* - Source of news. 2011, 21 Jan., pp. 14-15.
19. Interviewed by Ovchinnikova A. Gregory Zhitenev: we do not work for wages // *Istochnik novostej* - Source of news. 2014. 25 Jan. S. 16, 21.
20. Ibid. S. 16, 21.

21. Interviewed by Romanov V. Boris Pavlovich: For me Kirov is a city of great opportunities // *Istochnik novostej* - Source of news. 2009, 25 Sep., pp. 8-9.
22. Interviewed by Ovchinnikova A. Alexander Belyaev: the Weather went Hawking // *Istochnik novostej* - Source of news. 2013, 1 June, pp. 16-17.
23. Interviewed by Veprev B. Alexei Venediktov: We paved "trails" to Kirov! // *Istochnik novostej* - Source of news. 2010, 8 Oct., pp. 16, 21.
24. Interviewed by Semakina A. Irina Brezhneva: Kirov audience does not accept nude dancers // *Istochnik novostej* - Source of news. 2010, 15 Jan., pp. 10-11.
25. Interviewed by Romanov V. Denis Matsuev: When you see Russian women You immediately want to live // *Istochnik novostej* - Source of news. 2010, 5 March, pp. 16-17.
26. Interviewed by Bulah I. Natalia Povolotskaya: success is composed of the talent, money, and luck // *Istochnik novostej* - Source of news. 2009, 14 Aug., pp. 6-7.
27. Interviewed by Semakina A. Olga Denisova: the circus tigers always come hungry! // *Istochnik novostej* - Source of news. 2009, 9 Oct., pp. 8-9.
28. Interviewed by Bogdan Veprev. Andrew Belkevich: There is a non-aggression Pact with Moscow // *Istochnik novostej* - Source of news. 2010, 17 Dec., pp. 18, 19.
29. Interviewed by Angela Ovchinnikova: "Gregory Zhitenev: we do not work for wages" // *Istochnik novostej* - Source of news. 2014, 25 Jan., pp. 16, 21.
30. Larisa Skripchenko, Lada Baeva. Vladimir Zhirinovskiy: Your region you sleeping, but you are luck with the Governor // *News. Vyatka* 2011, 21 Feb., p. 3.
31. Interviewed by Ovchinnikova A.: "Alexander Belyaev: the Weather went hawking" // *Istochnik novostej* - Source of news. 2013, 1 June, pp. 16-17.
32. Interviewed by Udelnaya S. Alexey Buldakov: In Kirov I found my brother. Even I could not imagine that there are so many Buldakovs! // *Istochnik novostej* - Source of news. 2010, 23 Apr., pp. 16-17.

УДК 316.44

Э. В. Бушкова-Шиклина, М. М. Старикова

Пенсия: что дальше? К проблеме занятости пенсионеров и повышения пенсионного возраста*

В статье рассматриваются перспективы трудовой занятости пожилых людей в современных условиях. Проведен анализ и дан приблизительный прогноз социальных последствий повышения пенсионного возраста для различных категорий населения.

In article established the prospects of employment of elderly people in modern conditions. The analysis and the approximate forecast of the social consequences of the increase of the retirement age for different categories of the population are given.

Ключевые слова: пожилые; пенсионеры; трудовая занятость; пенсионная реформа; увеличение пенсионного возраста.

Keywords: elderly; age pensioners; employment; pension reform; increase of the retirement age.

Проблема и актуальность исследования. Старение населения становится насущной проблемой многих развитых стран, порождая сложности рынка труда. Прежде всего, создается дисбаланс рабочей силы в связи с выходом на пенсию большого количества стареющих, во многом квалифицированных, работников. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., доля пенсионеров составила 22,19% от общей численности населения [1]. Тенденция роста численно-

* Статья подготовлена в рамках поддержанного Институтом общественного проектирования гранта № 276 «Пенсия: что дальше? Социологическое исследование трудовой занятости пожилых людей (на примере Кировской области). Прогнозирование социальных последствий решений о повышении пенсионного возраста».

сти людей старших возрастных когорт сохраняется и на сегодняшний день. Как следствие, формируется потребность в пересмотре экономической и социальной политики в отношении пожилых, порождающая необходимость пенсионных реформ. В указанных условиях пенсионная система государств оказывается в дисбалансе: поступлений в пенсионные фонды становится меньше, чем граждан, которые имеют право пользоваться пенсией. В связи с этим встает вопрос дефицита бюджета пенсионного финансирования.

Выход на пенсию усугубляется также нерешенностью во многих регионах социальных, экономических, культурных и медицинских задач по обеспечению оптимальных условий жизнедеятельности людей пожилого возраста. Особенно остро данные вопросы стоят в «отстающих» в социально-экономическом плане регионах, в частности в Кировской области, возможности развития человеческого потенциала и ресурсной обеспеченности населения которой в сравнении с соседними регионами исследованы ранее авторами и представлены в ряде публикаций [2].

В поиске решений данной проблемы представляются теоретически возможными несколько вариантов: увеличение процента отчислений на пенсионные накопления от доходов лиц трудоспособного возраста; поиск альтернативных источников дохода, создание новых условий и форм занятости пенсионеров, а также повышение возраста выхода на пенсию. Практическое осуществление любого из этих решений связано с риском роста социальной напряженности, однако необходимость реформы пенсионного обеспечения очевидна.

Нередко человеку пенсионного возраста приходится сталкиваться со скептическими, даже негативными, оценками позиций своего поколения, выглядящими как наклеивание ярлыков и не соответствующими внутреннему мироощущению пожилого человека. Такое отношение к старшим возрастным когортам во многом обусловлено сложившимися стереотипами общественного мнения, а также сужением экономической независимости пожилых. Ситуация усугубляется существующей сегодня в России моделью трудовой занятости населения, во многом опирающейся на негласный «возрастной ценз» при трудоустройстве и планировании карьеры – людям старше 45 лет часто сложно найти работу в соответствии с уровнем их квалификации и опытом. Непродуманные механизмы повышения пенсионного возраста также могут обернуться очередным нарушением качества жизни пожилых людей.

В связи с этим возрастает актуальность изучения возможностей и новых форм профессионального обучения и трудовой занятости людей предпенсионного и пенсионного возрастов [3], возможности реализации ими своих потенциальных и реальных ресурсов [4], и в целом проявления социальной субъектности в условиях современного общества [5]. Конкретной задачей данного направления исследования становится нахождение баланса между социальными гарантиями на обеспеченную старость и возможностью пожилых людей реализации права на труд [6].

Методика исследования. В течение 2012 г. сотрудниками Регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз пенсионеров по Кировской области», а также специалистами Вятского государственного и Вятского государственного гуманитарного университетов было предпринято эмпирическое изучение проблемы. Исследование было направлено на определение трудностей и мер оптимизации трудовой занятости пожилых людей; а также на прогнозирование социальных последствий обсуждаемого решения о повышении пенсионного возраста.

Цели исследования предполагали: 1) определение требований пожилых людей к условиям работы, оценку их правовой грамотности в сфере трудовых отношений и пенсионного обеспечения; 2) выявление требований работодателей к работникам пенсионного возраста; 3) анализ общей согласованности действий участников и латентных факторов процесса трудоустройства пенсионеров, определение механизмов (дез)интеграции людей предпенсионного и пенсионного возрастов в трудовую сферу; 4) прогнозирование возможных социальных последствий повышения пенсионного возраста для пожилых людей, работодателей и других категорий населения.

Для реализации поставленных целей были сформированы *три* выборки исследования.

Для анкетного поквартирного опроса:

1) люди пенсионного возраста (женщины старше 55, мужчины старше 60 лет) – 600 человек (ошибка выборки $\pm 4\%$ при уровне репрезентативности 95%);

2) люди допенсионного возраста (женщины в возрасте 30–54 лет, мужчины – 30–59 лет) – 600 человек (ошибка выборки $\pm 4\%$ при уровне репрезентативности 95%). Выборки лиц пенсионного и допенсионного возрастов двухступенчатые квотные. На первой ступени методом случайного отбора сформирована выборка кластеров (девять из 40 районов Кировской области, включая город Киров). На второй ступени отбор респондентов осуществляется в соответствии с квотой. Квоты определены по полу и возрасту респондентов в соответствии с данными территориальных органов статистики.

Для полуструктурированного интервью:

3) работодатели – 100 человек (ошибка выборки $\pm 7,8\%$ при уровне репрезентативности 95%). Отбор работодателей для опроса осуществлялся по сгенерированным территориально-отраслевым перечням предприятий, отбор предприятий осуществлялся в соответствии с квотой (по размеру и направлению деятельности организации). Опросу подлежали собственники и руководители предприятий, а также специалисты отделов кадров – в крупных и средних предприятиях.

Полученные результаты анкетирования указанных категорий населения дополнены данными четырех фокус-групп (по 8–12 человек в возрасте от 18 лет до пенсионного возраста), а также данными глубинного экспертного интервью с работодателями наиболее вероятных и значимых для трудоустройства пенсионеров предприятий и специалистами центров занятости, отобранных методом снежного кома (30 человек).

Обсуждение результатов. Исследование показало, что основные причины, сдерживающие раскрытие потенциала пожилых людей Кировской области в трудовой сфере, имеют как субъективный (соматические возрастные риски, неготовность к жесткой конкуренции, устаревание квалификации и нежелание ее повышать, отсутствие необходимых правовых знаний и пр.), так и объективный характер (стереотипы работодателей в отношении пожилых работников, административные барьеры, отсутствие законодательной базы, защищающей права работников пожилого возраста, феминизация старости и т. п.).

Специфика трудовой занятости пенсионеров. Четверть (25,3%) опрошенных пенсионеров продолжают работать на пенсии. Мотив материального благополучия становится ведущим в оценке пенсионерами возможностей своей дальнейшей жизни, необходимости продолжения занятости, удовлетворенности имеющейся либо новой работой. Остается низким уровень материального положения пенсионеров – половина опрошенных (51%) отмечает, что денег хватает только на текущие расходы, каждый пятый (21,8%) – что денег хватает только на питание. Большая часть работающих пенсионеров (74,3%) вынуждены работать из-за низкого размера пенсии, 50% работающих пенсионеров отмечают недостаточный уровень жизни родственников (детей, внуков), которым они хотели бы или вынуждены помогать материально. Вторым по значимости выступает фактор здоровья – оценка его состояния, рисков ухудшения здоровья в связи с занятостью вообще и с конкретным видом деятельности в частности. Также около трети (30,3%) работающих пенсионеров трудятся в связи с потребностями в социальных контактах и социальной активности. Они готовы работать еще около 10 лет после наступления пенсии, некоторые – до 80 лет и далее.

Исследование показало, что основными факторами как выбора работы пенсионерами, так и их увольнения становятся, прежде всего, материальные причины (оплата труда, материальное стимулирование, официальная зарплата); чуть менее значимыми являются условия труда, существенно влияющие на здоровье (физическая, тяжелая) и комфортность труда (близко к дому, удобный график). Большинство опрошенных пенсионеров (до 80%) отмечают, что практически не сталкивались в трудовых коллективах с фактами дискриминации из-за возраста.

Важно отметить, что 65% респондентов пенсионного возраста имеют профессиональную подготовку и лишь 26,8% опрошенных имеют высшее образование. Как известно, сегодня уровень образования является пропускным барьером на рынке труда. Этот фактор обусловил разделение работающих пенсионеров на две группы. *Первая группа* – доминирующая по объему (74,3% от числа занятых пенсионеров), более образованная, сохраняющая образовательную мобильность, стремление к повышению квалификации и даже переобучению – в силу указанных, а также личностных, социальных, административных и прочих ресурсов имеет возможность работать в той же должности, что и до выхода на пенсию, в основном, в сферах образования и медицины. *Вторая группа* – 24,5% работающих пенсионеров – представлена пожилыми людьми, вынужденными по выходу на пенсию поменять должность и заниматься неквалифицированным сервисным трудом – быть вахтерами, уборщицами, сторожами, гардеробщиками и пр. Сами пенсионеры отмечают, что их главными конкурентными преимуществами на рынке труда становятся опыт, высокая квалификация и ответственность.

Указанные выше ресурсы зачастую не могут быть правильно использованы пенсионерами в силу низкого уровня правовой грамотности в отношении трудового и пенсионного законодательства – таковых отмечается 50,7% опрошенных. Это делает их уязвимыми в ситуации консолидации сил в общественно-политических движениях. Половина пенсионеров готовы отстаивать свои права на митингах и в других формах, в то же время 30% не видят смысла в этих действиях. Лишь каждый пятый (как правило, наиболее образованный) пенсионер «готов отстаивать свои права до конца».

Большинство опрошенных ассоциируют пенсию не просто со старостью, а с нищетой, беспомощностью, обманом со стороны государства. Отмечается сильное недоверие к государству в

плане гарантий на пенсионное обеспечение в будущем. В то же время имеются надежды на улучшение ситуации, приближение образа жизни пенсионера, как минимум, к спокойной и тихой старости в кругу семьи, детей и внуков, в идеале – к образу жизни пенсионеров развитых стран. Как правило, такие мечты чаще высказывают сельские жители предпенсионного возраста, которые при всем недоверии все же надеются на активную помощь государства в улучшении жизни на пенсии. Наряду с альтернативой продолжения трудовой деятельности мерами обеспечения в старости, по мнению респондентов, также могут стать помощь детей, сбережения, дополнительные источники дохода.

Проблема трудовой занятости пенсионеров *глазами работодателей* выглядит следующим образом. В организациях доля работников в возрасте невелика: 42% работодателей оценивают долю работников предпенсионного возраста – старше 45 лет – менее 10%; 36% работодателей указывают долю таковых работников 20–40%.

Работников пенсионного возраста в подавляющем большинстве организаций – менее 10%. Основными причинами такого положения дел, по мнению работодателей, являются характерные для этого возраста особенности: проблемы со здоровьем, утрата квалификации и нежелание ее повышать, снижение профессиональной мобильности и гибкости, правовая неграмотность, то есть особенности организма и личности самих работников.

В то же время важной причиной низкой занятости людей в возрасте становится наличие негативных стереотипов работодателей по отношению к пожилым. Сами работодатели отмечают склонность принимать на работу более молодых, мобильных и готовых учиться работников (в 45% случаев), нежели опытных, но «сложившихся» как личности и профессионалы людей. При этом более половины (52%) работодателей считают, что производительность труда работников не снижается к 50–55 годам, практически каждый десятый работодатель (11% опрошенных) отмечает, что производительность труда не зависит от возраста, а скорее определяется уровнем здоровья. По их мнению, конкурентными преимуществами «возрастных» работников являются ответственность, опытность, профессионализм, высокая работоспособность, исполнительность, честность, порядочность, обучаемость.

Таким образом, наблюдаются явные *противоречия*: 1) с одной стороны, работодатели ценят те профессионально-важные качества в работниках, которые формируются в результате достижения ими личностной зрелости и опыта; с другой – ограниченно стремятся принимать на работу людей в возрасте, у которых эти качества присутствуют в достаточной мере; 2) с одной стороны, работодатели отмечают, что с возрастом пожилые работники снижают способность к профессиональной мобильности и активности, с другой – отмечают, что производительность труда практически не зависит от возраста и не снижается ко времени выхода работника на пенсию. В отличие от работодателей, рядовые работники допенсионного возраста более лояльно относятся к занятости пенсионеров, отмечая, что это возможно при высоком уровне профессионализма и технической оснащенности рабочего места.

Отношение субъектов рынка труда к реформе пенсионного законодательства. Способствовать занятости пожилых могут, по мнению всех опрошенных, два вида факторов: 1) меры, стимулирующие работодателей к трудоустройству пожилых (в основном, это налоговые льготы), 2) меры, стимулирующие самих пенсионеров к занятости (льготы, повышение заработной платы, достойный социальный пакет и медицинское обслуживание). При этом отмечается пассивность в изменении сложившейся кризисной ситуации, в управлении пенсионными накоплениями со стороны как работников, так и работодателей. Последние в 80% случаев не участвуют в программе софинансирования пенсий своих работников, в 48% случаев – не планируют участвовать в программе и далее. Основные причины этого – недоверие государству и Пенсионному фонду, а также недостаточная информированность о конкретных условиях софинансирования. Работодатели видят решение проблемы в изменении налоговой политики, при этом практически не видят себя в качестве активного субъекта изменения ситуации.

В свою очередь, респонденты допенсионного возраста также отмечают пассивность в отношении увеличения своей будущей пенсии: подавляющее большинство (более 74%) не участвуют в программе софинансирования пенсии, 53,7% опрошенных не собираются участвовать и дальше; 83% относятся к проблеме контроля за пенсионными отчислениями достаточно пассивно, лишь каждый седьмой активно интересуется состоянием своих пенсионных счетов. Также большая часть (более 72%) опрошенных доверяет управление пенсионными накоплениями государственным фондам – по преимуществу это мужчины старших возрастов.

Все группы респондентов отмечают, что «наименьшим злом» в ситуации кризиса бюджета Пенсионного фонда РФ является увеличение отчислений на пенсионные накопления от заработных плат трудящихся, а не увеличение пенсионного возраста и снижение размера пенсии. Рабо-

тодатели чаще других групп считают необходимым увеличение возраста выхода на пенсию (в 12,5% случаев, лица допенсионного возраста – в 10,7% случаев, пенсионеры – в 4,5% случаев) и уменьшение размера пенсии (10,7, 8,8 и 3% соответственно).

Несмотря на это все категории опрошенных в подавляющем большинстве считают, что *увеличение возраста выхода на пенсию* не изменит сложившуюся кризисную ситуацию с бюджетом Пенсионного фонда коренным образом (с этой мерой согласны лишь 4–12% разных категорий населения). Характер отношения к данной проблеме обусловлен потребностями и интересами этих групп: работающие желают выйти на пенсию раньше; пенсионеры желают оставить ситуацию прежней. В крайнем случае решение об увеличении пенсионного возраста, по мнению респондентов, стоит проводить за счет увеличения пенсионного возраста женщин, нежели мужчин.

Оценка респондентами *возможной социальной реакции* на увеличение пенсионного возраста достаточно негативна. Все категории опрошенных считают, что социально-экономическое положение пенсионеров значительно ухудшится, резко повысится социальная напряженность, снизится продолжительность жизни, вырастет безработица. Конечно, данный процесс может иметь и положительные последствия, прежде всего – повышение социальной мобильности и активности как самих пенсионеров, так и остальных групп работников, но данные последствия будут отсроченными и незначительными.

Возможными вариантами «смягчения» ситуации, по мнению респондентов, могут стать: 1) обеспечение «плавного» (пошагового) увеличения возраста выхода на пенсию, по аналогии с опытом некоторых европейских стран, например, увеличение пенсионного возраста каждый год на несколько месяцев, в сумме не более чем на 2–3 года; 2) в случае уравнивания возраста выхода на пенсию мужчин и женщин обеспечение сглаживания размера пенсий мужчин и женщин (в связи с меньшим стажем работы женщин по причинам беременности и ухода за малолетними детьми).

Анализ высказанных работодателями и лицами допенсионного возраста возможных мер решения кризиса Пенсионного фонда заключается в следующем: оптимизация использования средств и штата Пенсионного фонда, усиление контроля за его деятельностью и расходами; усиление налогового контроля за пенсионными отчислениями в организациях; поиск альтернативных источников финансирования пенсий, в том числе с привлечением средств стабилизационного государственного фонда; пересмотр оснований для определения льготных категорий пенсионеров, сокращение числа льготных категорий пенсионеров; более тщательное информирование населения о преимуществах финансирования пенсионных отчислений и в целом о преимуществах пенсионной реформы для населения и экономики страны; обеспечение законодательной возможности наследования родственниками пенсионных отчислений своих родителей и прочих родственников; а также меры более широкого «фонового» спектра, связанные с реформами системы здравоохранения, повышения уровня жизни и пр.

Примечания

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. Распределение населения по возрастным группам. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 17.06.2013).

2. Бушкова-Шиклина Э. В. Оценка конкурентоспособности человеческого потенциала и человеческого капитала Кировской области // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2011. № 4. С. 13–17; Бушкова-Шиклина Э. В. Ресурсообеспеченность трудоспособного населения г. Кирова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2(4). С. 71–77; Старикова М. М. Социальная субъектность пожилых людей в основных сферах их жизнедеятельности (На материалах Нижегородской и Кировской областей): дис. ... канд. соц. наук. Н. Новгород, 2011; Старикова М. М. Тихая революция. Практики реализации социальной субъектности пожилых людей: социологический анализ. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.

3. Бакулина Е. Л., Кокуев Т. В. Образование старших // Социальная работа. 2001. № 3. С. 52–56; Владимирова Д. Г. Старшее поколение как фактор экономического развития // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 57–59; Смирнова Т. В. Профессиональные ресурсы в пожилом возрасте: монография. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2008.

4. Саралиева Э. Х., Балабанов С. С. Пожилой человек в центральной России // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 54–65; Население третьего возраста: современное социально-экономическое положение (на примере г. Новосибирска) / С. В. Соболева, Д. В. Малютин, Д. В. Денисова, С. К. Малютин // Регион: экономика и социология. 2009. № 1. С. 111–126; Kneesebeck O. D., Wahrendorf M, Hyde M., Siegrist J. Socio-economic position and quality of life among older people in 10 European countries: results of the SHARE study // Ageing and Society. Cambridge. 2007. Vol. 27. Part 2. P. 269–285.

5. Старикова М. М. Социальная субъектность пожилых людей...; Старикова М. М. Тихая революция...

6. Бушкова-Шиклина Э. В. Оценка конкурентоспособности...; Вардомацкий А., Николук С. Государство удовлетворенных пенсионеров // Вестник общественного мнения. 2007. № 4. С. 52–58; Смолькин А. А. Бедность и социальный статус пожилых людей в современной России // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3 (97) URL: [http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/97/10_3\(97\)_Smolkin.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/97/10_3(97)_Smolkin.pdf) (дата обращения: 05.11.2013); Старикова М. М. Социальная субъектность пожилых людей...

Notes

1. Official site of the Federal service of state statistics of the Russian Federation. Distribution of population by age groups. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed on: 17.06.2013). (in Russ.)

2. Bushkova-Shiklina E.V. *Ocenka konkurentosposobnosti chelovecheskogo potenciala i chelovecheskogo kapitala Kirovskoj oblasti* [Assessment of competitiveness of human potential and human capital of Kirov region] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. «Social'nye nauki»* - Herald of the Nizhny Novgorod University of N. I. Lobachevsky. Ser. "Social science". 2011, No. 4, pp. 13-17; Bushkova-Shiklina E.V. *Resursoobespechennost' trudosposobnogo naseleniya g. Kirova* [Resource provision of the working-age population of Kirov] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* - Herald of the Vyatka State University of Humanities. 2011, No. 2(4), pp. 71-77; Starikova M.M. *Social'naya sub"ektnost' pozhilyh lyudej v osnovnyh sferah ih zhiznedeyatel'nosti (Na materialah Nizhegorodskoj i Kirovskoj oblastej): dis. ... kand. soc. nauk* [Social subjectivity of older people in the main areas of their activity (On the materials of Nizhny Novgorod and Kirov regions): dis. ... cand. Soc. Sci.] N. Novgorod. 2011; Starikova M.M. *Tihaya revolyuciya. Praktiki realizacii social'noj sub"ektnosti pozhilyh lyudej: sociologicheskij analiz* [Quiet revolution. The practice of social subjectivity of older people: a sociological analysis.] Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2012.

3. Bakulina E. L., Kokuev T.V. *Obrazovanie starshih* [Senior Education] // *Social'naya rabota* - Social work. 2001, No. 3, pp. 52-56; Vladimirov D.G. *Starshie pokolenie kak faktor ehkonomicheskogo razvitiya* [Older generation as a factor of economic development] // *Sociologicheskie issledovaniya* - Sociological research. 2004, No. 4, pp. 57-59; Smirnova T.V. *Professional'nye resursy v pozhilom vozraste: monografiya* [Professional resources in old age: a monograph]. Saratov: Saratov State Technological University. 2008.

4. Saraliev Z.H., Balabanov S. S. *Pozhiloy chelovek v central'noj Rossii* [Old man in Central Russia] // *Sociologicheskie issledovaniya* - Sociological research. 1999, No. 12, pp. 54-65; ; *Naselenie tret'ego vozrasta: sovremennoe social'no ehkonomicheskoe polozhenie (na primere g. Novosibirsk)* [The population of the third age: the modern social and economic situation (for example, Novosibirsk)] / S.V. Soboleva, D.V. Malyutina, D. V. Denisova, S.K. Malyutina // *Region: ehkonomika i sociologiya* - Region: Economics and sociology. 2009, No. 1, pp. 111-126; Knesebeck O. D., Wahrendorf M., Hyde M., Siegrist J. Socio economic position and quality of life among older people in 10 European countries: results of the SHARE study // *Ageing and Society*. Cambridge. 2007. Vol. 27. Part 2. Pp. 269-285.

5. Starikova M.M. *Social'naya sub"ektnost' pozhilyh lyudej...* [Social subjectivity of the elderly...]; Starikova M.M. *Tihaya revolyuciya...* [Quiet revolution...]

6. Bushkova-Shiklina E.V. *Ocenka konkurentosposobnosti...* [Assessment of competitiveness...]; Vardomatski A., Nikolyuk S. *Gosudarstvo udovletvorenyh pensionerov* [State of satisfied pensioners] // *Vestnik obshchestvennogo mneniya* - Herald of public opinion. 2007, No. 4, pp. 52-58; Smolkin A. A. *Bednost' i social'nyj status pozhilyh lyudej v sovremennoj Rossii* [Poverty and social status of the elderly in modern Russia] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya* - Monitoring of public opinion. 2010, No. 3 (97). Available at: [http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/97/10_3\(97\)_Smolkin.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/97/10_3(97)_Smolkin.pdf) (date of access: 05.11.2013) (in Russ.); Starikova M.M. *Social'naya sub"ektnost' pozhilyh lyudej...* [Social subjectivity of the elderly...]

Субкультура и контркультура в современном обществе

Данная статья является попыткой проанализировать соотношение таких социальных феноменов, как «субкультура» и «контркультура», в современном мире. Автор исследует сущность и основные признаки этих феноменов. Субкультура и контркультура существуют при любом политическом режиме. В наше время данные явления приобретают новое значение для социокультурной жизни общества. Можно предположить, что противопоставление субкультуры и контркультуры базируется не на наличии или отсутствии протеста, а на его уровне и масштабности. Автор считает, что контркультура, в философско-культурологическом истолковании, постоянно проявляет себя в виде механизма культурных новаций и обладает огромным потенциалом обновления. Изучив существующие подходы к понятию субкультурных процессов, автор полагает, что синергетический подход дает новые возможности для понимания современной субкультурной динамики.

The given article is an attempt to analyze a correlation of such social phenomena as “subculture” and “counterculture” in the modern world. The author studies the essence and the basic signs of these phenomena. The subculture and counterculture exist at any political mode. Nowadays the given phenomena get new value for social and cultural life of the society. It is possible to assume, that subculture and counterculture opposition is based not on the presence or absence of the protest, but on its level and scale. The author considers that counterculture in philosophic-cultural interpretation constantly proves in the form of the mechanism of cultural innovations and possesses the huge potential of updating. Having studied existing approaches to a concept of subcultural processes, the author believes, that the synergetic approach gives new possibilities for understanding of modern subcultural dynamics.

Ключевые слова: культура, субкультура, контркультура, молодежная субкультура, антикультура, синергетика, протест, нормы, общество.

Keywords: culture, subculture, counterculture, youth subculture, anticulture, synergetic, protest, norms, society.

В истории постоянно меняются социальные реалии, рождаются новые духовные ценности. Распад старых форм и появление новых духовных мотивов приводят к интенсивному брожению, которое требует своего выражения. Далеко не всегда эти искания рожают новую культуру. Но чтобы возникла принципиально иная эпоха, нужны новые ценностные ориентации, меняющие структуру всей жизни. Культурный процесс, как и научный, рождает эти новые культурные эпохи, отличающиеся друг от друга радикально. Эти глубинные преобразования порождает контркультура. Необходимо отметить, что вскоре после формирования понятия «субкультура» начало активно использоваться также понятие «контркультура», трактуемое как «субкультура, противостоящая и активно враждебная базовой культуре».

Понимание термина «контркультура» на протяжении второй половины XX – начала XXI в. претерпело серьезные изменения. В средствах массовой информации произошла полная утрата его первоначального смысла, в результате чего контркультурой стали называть все культурные проявления, не укладывающиеся в уже ставшие традиционными формы. В научной литературе бытуют прямо противоположные точки зрения на данный культурный феномен, в связи с чем представляется актуальным обобщить существующие концепции контркультуры с целью осознания дальнейших перспектив нашего исследования.

Для того чтобы понять, какое место занимает контркультура по отношению к культуре, нужно иметь в виду, что культура – это некая целостная система с присущей ей внутренней определенностью ценностно-иерархических взаимоотношений. В любой культуре существует ценностная доминанта, или ядро культуры (то, что мы называем официально культурой), а рядом с ней ряд субкультурных образований. Контркультура является частью данной структуры, то есть она волей-неволей включена в систему культуры в широком смысле этого слова, а противодействие контркультура оказывает её ядру – официальной культуре.

Ряд исследователей, в частности В. И. Красиков, утверждают, что контркультуры были и ранее: первые оппозиционеры, возмутители спокойствия – философствующие бунтари (Сократ,

кинники, даосы и др.) и религиозные неконформисты, начиная с Будды и библейских пророков. Тогда же сразу обозначились родовые признаки контркультур – «аутсайдеров истории»: свобода, идеализм и индивидуалистичность. Контркультуры постоянно присутствуют наряду с господствующими культурами, так же как всегда определённой части людей присущ такой стиль жизни, как «отступление» – отказ от ценностей доминирующей культуры, критика, но не открытое противостояние, а самозамыкание в рамках своей эзотерической общности. Постоянство и спокойная протестная уверенность системно-оппозиционного контркультурного элемента индуцирует неизбежные последующие трансформации господствующей структуры [1]. Таким образом, предпосылкой возникновения контркультуры является кризис основной культуры, её исчерпанность, а также стагнация.

Необходимо отметить, что контркультура утверждает себя через отрицание господствующей культуры и на этом основании тесно связана с ней: не будь господствующей культуры, нечего было бы и отрицать. Однако контркультура не только отрицает, но и утверждает, причём всё, что она утверждает, является контраргументом по отношению к утверждениям культуры общества. Контркультура как бы отталкивает от них. Таким образом, контркультура во все века – явление, «враждебное» господствующей культуре.

Понятие контркультура в научный и обыденный обиход вошло с 1968 г. после выхода в свет книг Т. Розака под названием «Создание контркультуры». В социальную же практику понятие «контркультура» вошло благодаря Г. Маркузе, который выдвинул идею «Великого отказа». Этой идеей он, по сути, призывал к созданию контркультуры [2].

Первой задачей создатели контркультуры провозгласили изменение самих себя как начало и предпосылку глубочайших социальных изменений в будущем. Поэтому главной их идеей было искоренение старого общества в самих индивидах, и в их сознании и поведении, воспитание нового типа личности. И одним из основных требований они выдвинули гуманизацию общественной жизни. Но несмотря на то что гуманистический прорыв молодежи, выраженный теоретиками контркультуры против разных форм несправедливости, неравенства, дискриминации, был весьма благороден, он же был утопичен, лишен связи с реальной действительностью.

Контркультура претендовала на роль своеобразной социально-этнической надстройки над новой фазой экономического развития. Но экономический спад и последующий за ним кризис продемонстрировали неустойчивость процветания 60-х гг. За экономическим кризисом последовал и кризис контркультуры. И все же социологические исследования, проведенные в США уже в 70-х гг., убеждают, что наибольшее влияние контркультура оказала именно на сферу морали.

В отечественной научной литературе первые работы о контркультуре появляются в начале 80-х гг. XX столетия. Наиболее резкую оценку получил принцип удовольствия. Так, Ю. Н. Давыдов и И. Б. Роднянская отмечают, что контркультура выступает «против трудовой этики за безделье, осмысленное в духе античной атараксии и буддистской нирваны... против какой бы то ни было упорядоченности в эротической сфере; против социальности вообще и культурности вообще» [3].

И. И. Федорова, характеризуя значение гедонизма для явления контркультуры, приходит к выводу о том, что последовательный иррационализм, как один из основополагающих принципов контркультуры, упростили принцип удовольствия до буквального толкования удовольствия, то есть до морали вседозволенности [4].

К концу 90-х гг. XX в. сформировалось расширенное представление о контркультуре. Так, П. С. Гуревич в энциклопедии «Культурология. XX век» определяет контркультуру как понятие, которое используется в современной культурологии и социологии «для обозначения социокультурных установок, противостоящих фундаментальным принципам, господствующим в конкретной культуре, а также отождествляется с молодежной субкультурой 60-х гг., отражающей критическое отношение к современной культуре и отвержение ее как «культуры отцов» [5]. Подобное истолкование отвергает существование единого феномена контркультуры, поскольку относит к контркультуре, например, криминальные группировки. Ряд исследователей, развивая данную концепцию, отождествляет контркультуру, альтернативную культуру и молодежные неформальные объединения, приписывая им такие характерные черты, как критическое отношение и стремление к отрицанию и пересмотру традиционных ценностей, частичный или полный отказ от существующей официальной идеологии, отрицательное отношение к официальной культуре, традиционному искусству, ориентация на собственные идеалы, ценности, образ жизни и т. д.

Можно предположить, что противопоставление субкультуры и контркультуры базируется не на наличии или отсутствии протеста, а на его уровне и масштабности: то есть контркультура – это протест на институциональном уровне общества (макроуровень), субкультура – социально-психологический протест (микроуровень, на котором сопротивление представлено как сознательный выбор человека, и его поведение является закономерным следствием сделанного выбо-

ра). Но противопоставление существующим социальным порядкам и власти существует на обоих уровнях, и при определенных обстоятельствах протест на микроуровне способен вызвать положительный резонанс, формируя социальную компетентность остальных членов субкультуры, которая потом сыграет свою роль на макроуровне.

К. М. Хоруженко, являясь автором энциклопедического словаря по культурологии, утверждает, что контркультура – это: 1) общее обозначение разнообразных взглядов, форм поведения и идеалов, свойственных группам молодежи и интеллигенции, отвергающих общепринятые культурные ценности общества, его духовность (хиппи, битники и т. д.); 2) субкультура, нормы и ценности которой противостоят главным составляющим господствующей культуры [6].

Данными авторами контркультура квалифицируется как одна из разновидностей субкультуры, а ещё точнее – молодежной субкультуры, которая отличается от неё тем, что выступает против главных составляющих господствующей культуры – против «ядра», в то время как субкультура берет за основу это ядро и подстраивает его под себя, одновременно подстраиваясь под него. Действительно, термин субкультура по своему значению ближе всего находится к термину контркультура и даже родственен ему. Более того, субкультурное объединение также является меньшинством. Формируется на основе сходства мировоззрения в группе и отличия его от общепринятого, активно вырабатывает нормы и ценности и часто использует различные формы выделения из массы. Однако между ними есть существенная разница: ценности субкультуры не означают отказа от культуры, принятой большинством, они обнаруживают лишь некоторые отклонения, не выходящие за её рамки. Таким образом, различие состоит в степени отрицания господствующей культуры: если контркультура протестует против неё в целом, то субкультура в лучшем случае борется с отдельными её явлениями, а в худшем – не борется ни с чем (просто живёт по своим принципам). Для субкультуры характерна замкнутость и отрешённость от официальной культуры, она возникает и в первое время существования как «дворовая игра», куда допускаются только посвящённые и которая тщательно оберегается от внешнего мира. В то время как контркультура настроена на взаимодействие с внешним миром в форме внедрения в него своих идей, изменения его в нужном направлении. От субкультуры до контркультуры один (хоть и большой) шаг. Контркультура как историческое явление сделала то, чего никогда не совершилось бы субкультурой – она не только стала заметным явлением в истории Западной Европы, Америки и России, но и имела огромный общественный резонанс и способствовала изменению системы ценностей официальной культуры.

Можно выделить следующие признаки контркультуры:

– подлинное и добровольное противопоставление себя обществу со стороны группы лиц. Этот признак указывает на то, что данная группа лиц, будучи недовольной сложившимся положением вещей, намеренно исключает себя из общества, противопоставляя себя ему. Поэтому криминальное сообщество нельзя назвать контркультурным, так как его выход из общества не является добровольным: оно отогнуто самим обществом, а значит создание собственных норм и ценностей является для криминального сообщества определенной компенсаторной попыткой вернуться в него.

Данный признак указывает на то, что у контргруппы существуют отличные от общественного сознания взгляды на жизнь, которые они пытаются вести к общему знаменателю и тем самым сформировать новые принципы жизнеустройства, поэтому рэперов, граффити-художников, клайдеров и диггеров нельзя назвать представителями контркультуры, так как они просто занимаются тем, что им нравится (танцуют, рисуют, обследуют чердаки или подвалы), но при этом не вырабатывают никаких новых норм и ценностей, отличных от общественных;

– введение антиобщественного образа жизни. Что касается этого признака, то он предполагает выражение своих взглядов на жизнь в самых экзотических, бросающихся в глаза и режущих слух формах. С их помощью представители контркультуры не только отрицают существующие в общественно-политические организации, так же как и клубы по интересам, тоже борются за изменение, но их нельзя назвать контркультурными сообществами, так как у них нет характерных антиобщественных форм выражения своей позиции: они действуют в общепринятых рамках;

– оказание влияния на общественное сознание. Этот признак – последний, но отнюдь не менее важный. Контркультуры нет без активного выражения своей позиции и попытки что-то изменить в существующем положении вещей. Главная цель контркультурного сообщества – не просто найти способ жить так, как ему нравится, но если они не хотят ничего делать для того, чтобы мир стал лучше, не заявляют о себе, не озвучивают свои мысли, то их нельзя назвать представителями контркультуры. Они так и останутся серой негодующей массой. Только вся совокупность вышеперечисленных признаков позволяет нам говорить о наличии контркультурного сообщества.

Контркультура, в философско-культурологическом истолковании, постоянно проявляет себя в виде механизма культурных новаций. Она, следовательно, обладает огромным потенциалом обновления. Это не только всеобъемлющая, но и необходимая общественная активность, которая никогда не исчезнет с горизонтов развития человеческого сообщества.

Исходя из вышесказанного становится очевидным, что понятие контркультура может употребляться в широком и в узком смысле слова. Для того чтобы определить, насколько это оправданно, и разграничить данные понятия, мы взяли за основу утверждение о том, что культура представляет собой нечто вроде живой клетки, у которой есть ядро – официальная культура, а вокруг него – ряд субкультурных образований. Так вот, во взглядах на место контркультуры в социокультурном пространстве, её исследователи в основном делятся на две группы: первые считают её составной частью или одним из видов упомянутых субкультурных образований, а другие видят в ней самостоятельные образования, отличные от субкультурных, – своеобразные антитела, повышающие иммунитет культуры и заставляющие её меняться в зависимости от изменяющихся условий существования. В результате данного разделения мы получаем два подхода в определении понятия контркультуры.

В широком смысле слова речь идёт о явлении, присущем человечеству на протяжении всего времени его существования, о каждой исторической эпохе, когда некая группа лиц в результате неудовлетворённости доминирующей модели культуры начинает вырабатывать свою собственную модель, существенно отличающуюся или даже прямо противоречащую доминирующей. Используя возможные способы давления на господствующую культуру, данная группа людей стремится изменить существующий строй и установить собственный порядок, по-новому расставить акценты в ценностных приоритетах. Благодаря этому противодействию и происходят повороты в истории, подъёмы культуры и новый виток развития.

Под контркультурой в узком смысле слова понимается только одно из проявлений контркультуры – молодёжная контркультура в конкретно-историческом контексте – социальный феномен второй половины XX в., связанный с повышением в общественных процессах роли молодёжи как социально-демографической группы. В этом понимании отличительными признаками данного феномена являются рок-музыка, «культура наркотиков», увеличение нетрадиционными религиями и сексуальная раскрепощённость.

Многие авторы, как отечественные, так и зарубежные, отождествляют контркультуру и субкультуру, но справедливо ли это?

Говоря о содержании протеста в субкультурах, Л. З. Немировская в работе «Культурология. История и теория культуры» отмечает, что в первую очередь это требования изменения системы ценностей, сопровождаемые, как правило, конфронтацией с властью. Молодежные субкультуры посредством сопротивления нормам, ценностям, стилям представляют собственные образцы культуры, ритуалы. Это «сопротивление посредством ритуалов». Кроме того, автор отмечает, что протесты проявляются в довольно активных формах, нередко представляющих угрозу традиционной культуре. Субкультура обнаруживает себя антисоциальными актами – дракой, бранью, вандализмом, «животным поведением». Так её носители отвоевывают «территорию», где устраивают уикенды, дискотеки и т. п. [7]

Очень часто контркультуру приравнивают к антикультуре, причем не только люди, не сведущие в этих вопросах, но и специалисты в области культуры, готовые открыто поставить равенство между словами «контркультура» и «антикультура». Следует иметь в виду, что антикультура предполагает не только несогласие с ней, но и наличие альтернативы, которую она и стремится представить, пусть даже в самых неожиданных и радикальных формах.

Кроме того, говоря о человечности и созидательности как главных характеристиках культуры (культура – совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством, включая и способ их создания), мы подразумеваем, что антикультура, как противоположность культуре, характеризуется бесчеловечностью и разрушительностью, в то время как о контркультуре этого сказать нельзя. Гуманизм и творческая созидательность являются важнейшими её мировоззренческими принципами.

Необходимо остановиться на новейшем, синергетическом, переходе к изучению данной проблематики. В исследовании Е. М. Лысенко соотношение понятий «молодежная культура – субкультура – контркультура» употребляется в тринарной системе «симметрия – дисимметрия – асимметрия». На определенном этапе развития человечества возникает потребность в обновлении существующих институтов культуры, социокультурных кодов и традиций. Это обстоятельство выводит культуру из равновесия и привносит состояние асимметрии, роль которой начинают играть контркультуры. Однако хаос не может продолжаться бесконечно. Субкультура как явление дисимметрии появляется в качестве отрицания (контркультуры) и как порождение новой культуры [8].

Различие между субкультурой и контркультурой автор объясняет, исходя из основных принципов синергетики. «Порядку» – культуре – противопоставляют два типа хаоса: хаос линейный, построенный на отрицании достижений культуры (статический) и хаос нелинейный динамический (детерминированный). Образцом статического хаоса, не требующего творческого начала и ограничивающегося отрицанием прежних ценностей культуры, и является контркультура, жизнепорождающий, творчески заряженный детерминированный хаос, создающий субкультуру [9].

Значительное внимание автор уделяет изучению социально-психологической составляющей контркультуры. При этом автор приходит к выводу о том, что у молодежи, входящей в контркультуру, традиционно отмечают дефекты правового и нравственного сознания, деформации потребностей сферы личности, негативные особенности характера и эмоционально-волевой сферы. При этом синергический эффект приумножается, если происходит сочетание результатов неправильного развития личности, недостатков воспитания и неблагоприятной ситуации, в которой она оказалась. В результате контркультура оказывается относительно замкнутой системой с жестко закрепленными ролевыми предписаниями и с потерей смысложизненных ориентаций. Примером могут служить тоталитарные религиозные секты [10].

Следует также отметить, что Е. М. Лысенко намечает очень важную проблему при изучении контркультуры (и субкультур в целом) – феномен харизматической личности в процессе возникновения данных типов культуры [11]. Можно сделать вывод, что контркультура – это не просто источник разрушения, а важнейший фактор культурной трансформации, это та самая живительная сила, без которой культура не находит в себе силы развиваться дальше, переходить на новый уровень. Не отрицая культуры как таковой, она представляет ей альтернативу развития, существенно противоречащую сложившемуся укладу. Зародившись в умах выдающихся ученых и философов, она может подхватываться и распространяться молодежью как наиболее социально мобильным слоем общества.

Таким образом, обобщая сказанное, необходимо отметить следующее:

1. В западных странах ускоряется процесс отхода от идеалов и ценностей эпохи Просвещения, эпохи разума. Современный разум служит неолиберальной экономике, в которой главными архитекторами является прибыль, эффективность, гибкость, понимаемые в узкотехнологическом плане, в отрыве от более широких социальных и человеческих ценностей, таких как справедливость, солидарность, социальный мир. Все это и порождает современную контркультуру.

2. Концепция контркультуры – это своеобразная ступень в ряду реакций сознания на тот факт, что техногенная цивилизация действительно порождает разрыв между технически ориентированной культурой, основанной на традициях западноевропейского рационализма, и сферой духовных, прежде всего нравственных, ценностей.

3. Контркультура выступает с верой в возможность перестройки мира с помощью такого «добраго начала», как культура, которое должно совершить чудо – помочь «самовыявлению» личности.

4. Положительной стороной контркультуры является презрение к таким традиционным ценностям индивидуализма, как богатство, успех, престиж, комфорт.

5. Контркультура – это и схема образа жизни, и модель поведения, принцип существования. Возникновения контркультурных настроений и идей обусловлено противоречиями между изменившимися потребностями и невозможностью их удовлетворения в рамках санкционируемых обществом способов жизнедеятельности.

6. В рамках контркультуры возникает культ «просто человека», обретающего себя в новых личностных связях, вопреки тем связям, которые складываются в процессе общественного разделения труда и отражают сложность структуры современного общества.

Примечания

1. Красиков В. И. Когда договорил Великий Немой // Credo New. 2004. № 3. URL: <http://credonew.ru/content/view/417/56/>

2. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А. А. Юдина. М.: АСТ, 2009.

3. Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. Социология контркультуры. Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь. М.: Наука, 1980.

4. Федорова И. И. Гедонизм как принцип контркультуры // Этика и эстетика : сборник. Киев, 1983. Вып. 26. Нравственно-эстетические проблемы воспитания. С. 122–128.

5. Гуревич П. С. Контркультура // Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. СПб., 1998. Т. 1. С. 322–323.

6. Хоруженко К. М. Культурология : энцикл. словарь : 2550 сл. ст. Ростов н/Д: Феникс, 1997.

7. Немировская Л. З. Культурология. История и теория культуры. М.: ВСХИЗО, 1992.

8. Лысенко Е. М. Молодежная субкультура : синергетическое осмысление феноменов / под ред. В. Б. Самсонова. Саратов: Науч. кн., 2006.
9. Там же. С. 158.
10. Там же. С. 134–136.
11. Там же. С. 139.

Notes

1. Krasikov V.I. When the Great Mute has finished speaking // Credo New. – 2004. – № 3. – Available at: [\(http://credonew.ru/content/view/417/56/\(05.05.2014\)\)](http://credonew.ru/content/view/417/56/(05.05.2014)) (in Russ.)
2. Markuse G. One-Dimensional Man / G.Markuze; tr. from English A.A.Yudin. – Moscow: AST, 2009. – 331 p.
3. Davidov J.N. Sociology of a counterculture. Infatality as a type of attitude and social illness / J.N.Davidov, I.B.Rodnjanskaja. – Moscow: Science, 1980. – 264 p.
4. Fedorova I.I. Gedonizm as a counterculture principle// Ethics and aesthetics: the collection. – Kiev, 1983. – e. 26. Moral-aesthetic problems of education. – pp. 122–128.
5. Gurevich P.S.Counterculture//Cultural science. The XX-th century. The encyclopaedia. In 2 т. SPb., 1998 – Т.1. – Pp. 322-323.
6. Horuzhenko K.M. Cultural science: dictionary: 2550 w./ K. M.Horuzhenko – Rostov on the Don: Phoenix, 1997. – 639 p.
7. Nemirovskaya L.Z. Cultural science. History and the culture theory / L.Z.Nemirovskaja. – Moscow : VSHIZO, 1992. – 92 p.
8. Lysenko E. M. Youth subculture: synergetic judgment of phenomena / E. M.Lysenko; under the editorship of V.B.Samsonov. – Saratov: the Scientific book, 2006. – 229 p.
9. Ibid. P. 158.
10. Ibid. Pp. 134-136.
11. Ibid. P. 139.

УДК 111.83:316.3

П. А. Романов

Справедливость как форма существования истины

В статье анализируется отношение истины к справедливости. Автор, отталкиваясь в своих рассуждениях от идеи диалектического единства базовых духовных ценностей, неразрывной взаимосвязи гносеологического и ценностно-оценочного отношения к действительности, доказывает тезис об объективной природе справедливости, позволяющей рассматривать последнюю как форму бытия истины.

In article Romanova P. A. «Justice as form of existence truth» analyzed with respect truth to justice. Author, starting in his reasoning from idea dialectical unity basic spiritual values, unbreakable interconnection gnoseological and value is the estimated relationship to reality, proves the thesis about the objective nature justice, allowing to consider the last as a form of existence of truth.

Ключевые слова: справедливость, добро, правда, истина, должное, общественное сознание.

Keywords: justice, goodness, truth, due, social consciousness.

Проблема отношения истины и справедливости, как мне представляется, есть прежде всего проблема взаимодействия гносеологического и ценностно-оценочного отношения к действительности. И для того чтобы определить сравнимость, а тем более совместимость этих понятий, следует ответить на вопрос об отношении истины и ценности.

Проблема отношения истины и ценности считается классической, традиционной философской проблемой [1]. Любая попытка решения этой проблемы неизбежно порождает банальное и предсказуемое замечание: а разве истина не является ценностью? Ведь если всё многообразие общественных отношений и включенных в их сферу природных явлений, всю совокупность предметов человеческой деятельности рассматривать в качестве объектов ценностного отноше-

ния, то тогда процедура оценивания соответствующих явлений в категориях истины и заблуждения формально ничем не отличается от процедуры их оценивания в понятиях добра и зла, прекрасного и безобразного и т. д. Формально – да, а как по существу? По существу все не так просто, и, чтобы понять это, давайте попробуем разобраться с вопросом: что есть ценность? Какова природа ценности?

Понятие «ценность» может характеризовать предельные, безусловные основания бытия, т. е. то, что ни в коем случае не зависит от субъекта познания, практики и оценки. Например, если мы признаём бытие Бога как наивысшую первоценность, то понятно, что данная абсолютная сверхценность ни от кого и ни от чего не зависит. С другой стороны, понятие «ценность» может быть истолковано в смысле значения определенных явлений, предметов, процессов, для человека, социальных групп, общества в целом, т. е. как положительная и отрицательная значимость какого-либо предмета, отличающегося от его качественных, эссенциальных или экзистенциальных характеристик. Именно такую трактовку ценности как *значения* предмета, в отличие от его сущности и существования, дали в 60-е гг. XIX в. Герман Коген и Рудольф Лотце.

Совершенно ясно, что два выделенных смысла понятий «ценность» значительно расходятся друг с другом, если не сказать противоречат. Данное противоречие и являет себя в общеизвестном разделении ценностей на предметные и субъектные. К предметным ценностям относят те отношения, которые применительно к человеку можно определить либо как «независимое», либо как «независимо-зависимое». Например, природные богатства, артефакты культурного наследия, потребительная стоимость продуктов труда, Вселенная, наконец, с ее информационным полем (если, конечно, признается объективная реальность последнего).

К субъектным ценностям, или ценностям сознания (индивидуального и общественного), относят такие ценности, отношения которых к человеку и человечеству можно определить либо как «зависимое», либо как «зависимо-независимое». Они представлены разнообразными способами и критериями, с помощью которых производятся процедуры оценивания тех или иных явлений, общественными и личностными установками, запретами, максимумами, императивами, различными идеалами и т. д. В принципе, предметные и субъектные ценности можно рассматривать в качестве двух сторон единого ценностно-оценочного отношения человека к миру, где первые выступают в качестве объектов оценки и предписания, а вторые являются этими самыми оценками и предписаниями.

В аксиологии существует множество вариантов классификации ценностей, определяемых, прежде всего, принципами классификации.

Если в качестве такого принципа классификации берётся разделение общества на сферы, то выделяют ценности экономические, социальные, политико-правовые и духовные. К последним относят ценности нравственные, религиозные, эстетические, познавательные. Вот на познавательных ценностях следует остановиться особо, ибо речь идет не только о ценностно-оценочном отношении к действительности, но и о гносеологическом отношении к ней. Вопрос в данном случае можно поставить и так: если истина является ценностью, то есть ли необходимость выделения особого гносеологического отношения? Не достаточно ли ограничиться отношением ценностно-оценочным? По моему глубокому убеждению, гносеологическое отношение к объективной действительности существует, *но лишь как органическая часть ценностно-оценочного отношения.*

Не видеть различия между гносеологическим и ценностно-оценочным отношениями так же нелепо, как не видеть различия между истиной, красотой и добром. В самом деле, если добро есть нормативная категория морального сознания, красота – категория сознания эстетического, характеризующая явления, обладающие высшей эстетической ценностью, то истина в качестве гносеологической категории номинирует результаты процесса познания, прежде всего, со стороны их объективного содержания. Какой бы вид истины мы не взяли: предметную, экзистенциальную, концептуальную, операциональную – главным признаком её всегда является объективность. Говорить о субъективности истины можно лишь в том смысле, что она не существует вне гносеологического и ценностно-оценочного отношения к действительности, вне наших знаний, мнений, верований, убеждений и в целом вне человека и человечества. Именно поэтому, рассматривая истину как ценность, её не следует относить к ценностям субъектным, ибо в этом случае она подменяется либо моральной категорией «правда», либо эпистемической категорией «достоверность». Надо ли объяснять, что *правда* не истина, а результат нашего субъективного отношения к ней? Нуждается ли в объяснении тезис о том, что термины «истина» и «достоверность» не являются синонимами? В самом деле, то или иное суждение может являться достоверным, доказанным, обоснованным и одновременно не соответствующим истине.

Например, суждение «Марс – спутник Земли» формально является достоверным, если следует из посылок: «Все звезды – спутники Земли, а Марс – звезда». Понятно, что ни посылки, ни

заключение данного силлогизма не имеют никакого отношения к истине, но формально-логически силлогизм построен правильно, а значит заключение его признается достоверным.

Истина – это, прежде всего, *объективное содержание* наших суждений, и она так же не зависит ни от какого доказательства, как не зависит закон всемирного тяготения от его формулировки И. Ньютоном. Иными словами, достоверность есть оценка наших суждений как истинных, но не следует забывать, что оценка не всегда соответствует ценности.

Сказанное позволяет определить истину как *предметную ценность*, т. е. такое содержание человеческих знаний, убеждений, верований и т. д., которое не зависит от субъекта. Признание истины в качестве предметной ценности, а правды и достоверности – в качестве ценностей субъектных автоматически приводит к признанию того, что гносеологическое отношение человека к объективной действительности не обладает «самостоятельным» бытием, а является неотъемлемой составной частью ценностно-оценочного отношения. Это, в частности, объясняет тот факт, что не только наука или философия, но и любая другая форма общественного сознания: мораль, религия, искусство, политика, право – обнаруживают собственное гносеологическое отношение к действительности и имеют гносеологические функции.

Данное обстоятельство и определяет «близкое родство» двух ценностей истины и справедливости. Но сравнимость и совместимость этих ценностей нельзя определить без решения проблемы объективности справедливости. В самом деле, если главный атрибут любой формы истины есть её объективность, то возникает вопрос о том, насколько объективны наши представления о справедливости, добре, красоте и т. д. Возможно ли научное знание в этой области и применимы ли критерии научности к истине экзистенциальной? Не прав ли в этом вопросе Макс Вебер, проводивший различие между истиной и значением, между фактическими и нравственными суждениями, так как последние логически не могут быть получены из первых?

Итак, что есть справедливость, и можно ли говорить об объективной справедливости, подобно тому как мы говорим об объективной истине?

Общеизвестно, что справедливость – это категория морального, правового, политического и философского сознания. Обычно под ней понимают некий общий принцип, согласно которому люди должны получать то, что они заслуживают. В отличие от базовых моральных категорий добра и зла, позволяющих оценить отдельные социальные явления, взятые «сами по себе», категория «справедливость» характеризует, прежде всего, их соотношение, их гармонию, т. е. является своего рода отражением «распределения» существующих в социуме добра и зла. Эта дистрибуция добра и зла обретает вполне зримые, осязаемые черты в процессе осознания соответствия или несоответствия между правами и обязанностями, трудом и вознаграждением, грехом и воздаянием, социальным статусом и социальной ролью и т. д. Данное осознание и отливается в оценочное отношение «справедливо» или «несправедливо».

На основе этого оценочного отношения и формируется понятие справедливости как понятие о должном. Именно в этом аспекте различие истины и справедливости, на первый взгляд, представляется совершенно очевидным. В самом деле, если истина определяется требованием соответствия наших представлений объективной действительности, то справедливость выражается в требовании соответствия объективной действительности нашим представлениям о ней. Если истина по преимуществу связана со знанием, то справедливость – по преимуществу с мнением, верой и убеждением. Если истина может быть научной, то говорить о «научной справедливости» можно лишь в контексте понимания того, что все формы общественного сознания, включая науку, так или иначе, взаимосвязаны. Наконец, если истина представлена в нашем субъективном отношении ко всему наличному бытию, то справедливость определяется нашим отношением к бытию социальному. «Не следует говорить, – пишет Г. В. Ф. Гегель, – о несправедливости природы в неравном распределении владений и состояний, ибо природа несвободна и поэтому не может быть ни справедливой, ни несправедливой» [2]. Но что же такое справедливость? На мой взгляд, справедливость есть представленная в общественном сознании, сознании социальных групп и личностей оценка состояния общественных отношений, социальных институтов, структуры общества в целом на их соответствие потребностям, интересам, идеалам, ценностным ориентациям, менталитетам субъектов данных отношений.

Совершенно понятно, что наши потребности, интересы, идеалы и т. д. всегда объективно детерминированы. А это значит, что, существующая в бесчисленных субъективных мирах и выраженная в многоцветной палитре мнений, категория справедливости не может не иметь объективного содержания. И ещё Г. В. Ф. Гегель отмечал, что «справедливость, как и истина, отсутствует, если рассматривается только с субъективной точки зрения» [3]. Аналогичной позиции на понимание справедливости и придерживался и Д. Дидро. «...можно, – писал он, – найти действительную основу понятий о справедливом и несправедливом, которые затем меняются на сотни тысяч разных ладов под влия-

нием общего и частного интереса. Общий и частный интерес, действительно, видоизменяют идею справедливого и несправедливого, но сущность её от этого не зависит» [4]. Но если сущность справедливости не зависит от общего и частного интереса, следовательно, справедливость как и истина объективна. Только в отличие от объективной истины, которую, как известно, можно определить как содержание представлений независимое от субъекта, от человека и человечества [5], справедливость не может не зависеть от последних. Её объективное содержание определяется конкретно-историческим бытием социума, существующего в определенных географических и хронологических границах, оно обусловлено законами его социальной организации, константами его функционирования и развития, и в этом плане те характеристики, которые обычно относятся нами к объективной истине, вполне могут быть отнесены и к справедливости: процессуальность, абсолютность, относительность, конкретность. Данное сходство истины и справедливости в своё время было отмечено А. И. Герценом. «...Истинное и справедливое старой Европы, – писал А. И. Герцен, – ложь и несправедливость для новой» [6]. Так, в древнерусском государстве по законам Русской Правды была предусмотрена различная мера наказания за убийство княжеского или боярского тиуна (80 и 40 гривен), и это считалось вполне справедливым для сословно организованного русского общества.

Современное понимание справедливости не только в России, но и во всём мире, как правило, соответствует известному положению Всеобщей декларации прав человека: все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах.

Вопрос о существовании объективной справедливости – это вопрос о том, должно ли общество жить в соответствии с законами социальной организации или эти законы можно не замечать, игнорировать, пытаться их обойти. Так, закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил действует вне зависимости от воли и желаний субъектов социально-экономических отношений, но в сознании этих субъектов он всегда преломляется сквозь призму категорий «справедливость» и «несправедливость».

Идея справедливости экономической, социальной, правовой и т. д. была, есть и будет определяющей идеей, сопровождающей и стимулирующей любые социальные катаклизмы, начиная от восстания Спартака и заканчивая современными «оранжевыми» революциями.

Но любая революция в сознании общества являет себя как запрос этого общества на справедливость. И этот запрос определяется не «капризами рассерженных горожан», а объективными законами социальной организации и социального развития. Среди этих законов можно упомянуть, например, закон экзистенциального эгоизма, или закон соответствия социальной организации характеру человеческого материала и материальной культуры, закон однокачественности компонентов социальной организации и т. д. [7]

Таким образом, справедливость не следует рассматривать только как совокупность наших представлений о должном. Справедливость, как и истина, изначально объективна и является не столько выражением должного, сколько отражением сущего. Трудно в этом смысле не согласиться с Д. Дидро, который писал: «Законы не наделяют нас понятием о справедливости, а скорее, предполагают его» [8]. Но что же такое объективная справедливость? На мой взгляд, объективная справедливость – это независимое от субъектов общественных отношений содержание их мнений, знаний, убеждений об общественном бытии и законах его функционирования и развития. И в этом смысле объективная справедливость ничем не отличается от объективной истины. По сути своей она является модусом истины, своего рода социальной истиной или, точнее, истиной общественных отношений.

Но если это так, то не может общество иметь серьезных перспектив развития, если оно не ориентировано на объективную справедливость, ибо в этом случае оно желает существовать, не считаясь со своими объективными законами. И подобно тому как в процессе развития знаний истина «пробивает» себе путь сквозь «китайскую стену» заблуждения, так и в процессе развития общества справедливость прокладывает себе дорогу через зыбкие болота и топи несправедливости. Понятно, что «царство справедливости» так же недостижимо, как абсолютная истина, но если не продвигаться в этом направлении, то цели развития общества становятся такими же нелепыми и абсурдными, как нелепа познавательная деятельность, ориентированная не на истину, а на заблуждение. Хорошо сказал на эту тему Джон Ролз: «Справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли» [9].

Если это так, то обществу следует наконец попробовать жить в соответствии с законами социальной организации, а значит быть ориентированным в своем развитии на объективную справедливость как важнейший правильный модус объективной истины.

Ибо, как говорил на эту тему Ф. Бэкон, «власть и государство – всего лишь придатки справедливости; если бы можно было осуществлять справедливость каким-то иным путём, то в них не было бы никакой нужды» [10].

Примечания

1. Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 463.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 107.
3. Там же. С. 413.
4. Дидро Д. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 47.
5. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. ОГИЗ Госполитиздат, 1948. С. 106.
6. Герцен А. И. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1986. С. 444.
7. Зиновьев А. А. Русская трагедия. М.: ЭКСМО, 2005. С. 348.
8. Дидро Д. Указ. соч. С. 414.
9. Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 19.
10. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1977. С. 365.

Notes

1. *Filosofskaya ehnciklopediya* - Encyclopedia of philosophy. Moscow. 1970. Vol. 5. P. 463.
2. Hegel G.V. F. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow. Mysl'. 1990. P. 107.
3. Ibid. P. 413.
4. Diderot D. Compositions: in 2 vols. Vol. 2. Moscow. Mysl'. 1991. P. 47.
5. Lenin V.I. *Materializm i ehmpiriokriticizm* [Materialism and empirical criticism]. OGIZ Gospolitizdat. 1948. P. 106.
6. Herzen A. I. Compositions: in 2 vols. Vol. 2. Moscow. Mysl'. 1986. P. 444.
7. Zinoviev A. A. *Russkaya tragediya* [Russian tragedy]. Moscow. EKSMO. 2005. P. 348.
8. Diderot D. Op. cit. P. 414.
9. Roles D. *Teoriya spravedlivosti* [Theory of justice]. Novosibirsk. 1995. P. 19.
10. Bacon F. Compositions: in 2 vols. Vol.1. Moscow. Mysl'. 1977. P. 365.

УДК 130.2 "19"

Н. И. Тюленева

Теоретические предпосылки формирования понятия «культурный ландшафт» в культурологических и философских концепциях первой половины XX в.

Рассматриваются основные западные и отечественные культурологические и философские концепции первой половины XX в., которые составляют теоретическую базу для разработки современного понимания явления «культурный ландшафт». Показывается, что каждый культурный ландшафт имеет свой образ природного пространства, выраженный географически. Этот образ влияет на самосознание, на ментальность населяющего это пространство этноса и отражается в тех или иных формах культуры – через фольклор, мифологию, традиции и обычаи. Делается акцент на идеях символического понимания взаимодействия культуры и природы, которые позволяют рассматривать ландшафт как символическую систему, генетически связанную с базовыми кодами культуры и образом природного пространства. В этом контексте рассматриваются работы начала XX в. (О. Шпенглера, К.-Г. Юнга, К. Керени, К. Леви-Стросса и др.), которые составляют содержательную сторону концепции культурного ландшафта.

Are examined the basic western and domestic kulturologicheskies and philosophical concepts of first half of the twentieth century, which compose theoretical base for developing the contemporary understanding of phenomenon "cultural landscape". It shows that each cultural landscape has its means of natural space, expressed geographically. This means influences self-consciousness, mentalnost, populating this space ethnos and is reflected in various forms of culture – through the folklore, the mythology, the traditions and the customs. Accent on the ideas of the symbolic understanding of interaction of cultures and nature is done, which make it possible to consider landscape as the symbolic system, genetically connected with the base codes of culture and the means of natural space. In this context are examined the works of the beginning KHKH of century (O. Spengler, K.-G. Young, K. Kereni, K. Levi-Strossa and other), which compose the meaningful side of the concept of cultural landscape.

Ключевые слова: культурный ландшафт, материнский ландшафт, природа, культура, символ.

Keywords: cultural landscape, maternal landscape, nature, culture, symbol.

Междисциплинарный характер понятия «культурный ландшафт» предусматривает, что данное понятие является предметом научного изучения многих гуманитарных наук. Задача культурологического исследования состоит не только в синтезе накопленных в этих науках знаний о природе и культуре, но и в том, чтобы ответить на вопрос, посредством чего достигается их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Таким образом, корни феномена «культурный ландшафт» необходимо искать в представлениях о культуре, этносе и природе таких гуманитарных наук, как история философии, география (с первой четверти XX в.), этнография (с конца XIX в.), лингвистика, социология. Следует отметить, что знания, накопленные в этнографической области истории и географии, в антропологической части этнографии (культурная антропология в США, социальная антропология в Англии), не только представляют собой существенную часть современного культурологического знания, но и имеют важное значение для нашего исследования.

Отечественный опыт показывает, что исследования культурного ландшафта впервые приобретают фундаментальный характер в работах исследователей гуманитарной географии в конце XX – начале XXI в. (В. Н. Калущков, Г. А. Исаченко, В. Л. Каганский, Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский, Т. Л. Красовская, М. Е. Кулешова и др.), интерес к культурному ландшафту стали проявлять исследователи в области исторических, филологических, философских, культурологических наук (Н. А. Макаров, Е. К. Созина, В. А. Подорога, О. А. Лаврёнова, Д. Н. Замятин и др.).

Каждый культурный ландшафт имеет свой образ природного пространства, выраженный географически. Этот образ не только влияет на самосознание, на ментальность населяющего это пространство этноса, на способ познания им окружающего мира, но и отражается в тех или иных формах культуры, главным образом через фольклор, мифологию, традиции и обычаи.

В освоении окружающего пространства человек старается следовать тем природным особенностям, в условиях которых он обитает. Например, следование природному лабиринтному пространству Англии проявляется в строительстве дорог, в организации пространства города и парков-лабиринтов, национальных особенностях поведения, уклада жизни и т. п.

«Любой культурный ландшафт проходит определенные стадии развития, а следовательно, историчен» [1], каждый существующий ныне культурный ландшафт должен быть исследован в лоне своей историко-географической среды, так как в процессе своего развития он не мог не претерпевать изменения и не испытывать влияния соседствующих культур. Современный культурный ландшафт – это результат эволюции «базового культурного ландшафта», который эволюционирует в результате интеграции и влияния на него различных культур, рождая новые формы культуры, психологические ассоциации и т. п., культуры путем наложения друг на друга создают некие общие символы, понятные для некогда разных ландшафтов, создается некая метафизика культурного ландшафта. Под «базовым культурным ландшафтом» мы понимаем тот природный и культурный ландшафт (в своем «чистом» виде), в лоне которого начинают формироваться специфические для данного этноса черты материальной и духовной культуры, быта, групповых психологических характеристик, появляются общее самосознание, фиксированное в этнониме, представления об общности происхождения. При этом этническая идентичность не обязательно должна быть связана с языковой принадлежностью, а может опираться на религию, историческую традицию, расу, хозяйственную систему и т. п.

Впервые в отечественную науку ввел термин «культурный ландшафт» (в статье «Предмет и задачи географии», 1915 г.) и разработал учение о ландшафтах Л. С. Берг, согласно которому данное понятие представляет собой ландшафт, в котором важную роль играют человек и производство его культуры [2]. Следует отметить, что понятие «культурный ландшафт» и тот научный фундамент, заложенный Бергом в начале XX в., в отечественной культурологической и философской науке не были востребованы вплоть до конца XX в., тогда как в зарубежной науке данное понятие и явление активно исследуется и по сей день.

В зарубежной науке само понятие «культурный ландшафт», введенное К. Зауэром в 20-е гг. XX в., рассматривалось как феномен (явление), возникшее в результате взаимодействия природного и культурного компонентов [3], или как подход к изучению человеческих сообществ, в непосредственной связи с определенной территорией, населяющих ее.

В культурном ландшафте специфическим образом соединяются и взаимодействуют природа, культура и человек (этнос). В современной науке изучение «культурного ландшафта» зависит от того компонента, который выдвигается в исследовании на первый план – его культура или природа.

Различия между отечественным и зарубежным опытом в формировании понятия культурный ландшафт в первую очередь связаны со спецификой западного и российского исторического развития философской мысли. Предпосылки к становлению в XX в. понятия «культурный ландшафт» мы можем найти именно в зарубежной науке, начиная с развития мысли о природном детерминизме античных времен (Гиппократ, Аристотель, Полибий). В лоне географического детерминизма также стоит отметить труды Ж. Бодена, Ф. Бэкона, У. Темпла, Б. Фонтенеля, Ж.-Б. Дюбо, Ш. Монтескье, Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса и др.

На рубеже XIX–XX вв. появляются важные идеи, с точки зрения методологической и теоретической баз исследования культурного ландшафта. Так, концепция культурных кругов, обозначенная Ф. Ратцелем, Л. Фробениусом, а в дальнейшем более детально разработанная Ф. Гребнером и Б. Анкерманом, дает нам возможность содержательного наполнения «культурного ландшафта» как культурной области с целостным комплексом явлений культуры, характерных для определенной местности.

Идеи Л. Фробениуса в области типологии культур и их духовной символики и концепция диффузионизма Ф. Ратцеля, согласно которой распространение созданных в некоей географической зоне культурных предметов является главным двигателем историко-культурного процесса, оказали существенное влияние на фундаментальные работы начала XX в. в области изучения истории цивилизаций: учение о разделении культур на мужские и женские Ф. Ницше, о «женственности» русской и «мужественности» германской культур Н. Бердяева, морфологию культуры О. Шпенглера и т. п.

На наш взгляд, в зарубежной науке культурный ландшафт как самостоятельное явление начинает формироваться ещё с конца XIX – начала XX в., и этот процесс главным образом связан с выходом в свет книги немецкого философа и культуролога О. Шпенглера «Закат Европы». Его работу мы можем рассматривать как результат тенденции выделения смыслового поля географического пространства (а для нас и культурного ландшафта) в западной философии. Своими корнями концепция Шпенглера восходит к наиболее давним, «классическим», традициям (Гераклит, Полибий, Чжо Яню), европейским историкам: Н. Макиавелли, Ф. Бэкону, Ж. Бодену, Г. Риккерт и др. В России – П. А. Сорокину, К. Н. Леонтьеву, Н. Я. Данилевскому. Все они придерживались в той или иной степени не прямолинейного, а циклического (спиралеобразного) развития истории. О. Шпенглер выдвинул идею сообществ людей, наделенных общей ментальностью и обладающих определенным набором характерных черт (стилем). Идею общей ментальности выразил П. А. Сорокин через понятие «культурный менталитет» (или «менталитет культуры»), под которым он понимал пласт ценностей, значений, образов, идей (другими словами сферу духа), воплощающихся во внешних проявлениях. Уникальность каждой культуры раскрывается в «культурном менталитете», который формирует тип личности (с характерным поведением и менталитетом), присущий именно этой культуре.

Согласно О. Шпенглеру в основе культуры лежит некий прасимвол, который можно обозначить как рок или неповторимую и уникальную судьбу. Центральный символ сокрыт в культурных формах, является «душой» культуры, её системообразующим началом и выражает различия между культурами [4]. Согласно Шпенглеру прасимволом египетской культуры является путь, арабской – пещера, русской – бесконечная равнина, античной – отдельное тело, западной – бесконечное пространство, китайской – сад.

По Шпенглеру, души великих культур рождаются в гнёздах определенных ландшафтов, или в «материнских ландшафтах» [5] (берег Средиземного моря, долина Нила, средневропейская долина и т. д.). Каждая нация, по его мнению, наделяет людей своей идеей, своими страстями, своей жизнью, и все культуры «строго привязаны на протяжении своего существования» к лону «материнского ландшафта» [6], к тем странам (географическим рамкам), которые послужили основой для их возникновения. А. Тойнби отмечает, что отличительные признаки географического пространства – условие генезиса цивилизаций (географическое условие формирования египетской, шумерской, индуистской цивилизаций было «речное», андской, хеттской, мексиканской – «нагорное», минойской, эллинской и дальневосточной (Япония) – «архипелагское», китайской, индской и православно-христианской (Россия) – «континентальное», цивилизации майя – «лесное»), которое осуществляется через мобилизацию жизненных сил посредством «вызова» природных условий к существованию и «ответа» цивилизаций на эти испытания [7].

Следует отметить, что Шпенглер впервые вводит понятие «материнский ландшафт», которое соотносит с формами различных культур, и часто употребляет слово «ландшафт» применительно к духовным, душевным и музыкальным ландшафтам.

О. Шпенглер также выстраивает концепцию морфологического органицизма и определяет основания культуры как дорациональные, выражающиеся в глубинных символах (как это делал, например, Ф. Ницше, различая «дионисийскую» и «аполлонийскую» культуры).

Таким образом, начинает формироваться символический подход к культуре, весомый вклад в который внесли К.-Г. Юнг и К. Кереньи. К.-Г. Юнг говорит о символической природе инстинктов и вводит понятие «архетип» – прообраз, формальный образец, символический образ, на основе которых оформляются осознанные и наполненные содержанием образы в действительной жизни, своего рода это врожденная программа поведения, реакций и установок, которая кроется в бессознательной стороне индивидов [8].

В культурных архетипах сохраняется опыт прежних поколений («коллективное бессознательное»), который выражается в изначальных представлениях о мире, находящих свое выражение в мифах, верованиях, сновидениях, произведениях литературы и искусства и многих других областях духовной жизни человека. «Архетипическая матрица», формирующая деятельность фантазии и творческого мышления, лежит у истоков повторяющихся мотивов человеческих мифов, сказок, нравов и обычаев, вечных тем и образов мировой культуры, которые черпаются главным образом из природного ландшафта.

Согласно Юнгу наравне с универсальными культурными архетипами существуют этнокультурные архетипы (коллективный опыт народа), которые являются константами национальной духовности, они выражают и закрепляют основополагающие свойства этноса как культурной целостности. В каждой национальной культуре доминируют свои этнокультурные архетипы, существенным образом определяющие особенности мировоззрения, характера, художественного творчества и истории народа (например, германским этнокультурным архетипом Юнг выделяет образ Вотана – в немецких легендах предводитель «дикой охоты» – душ мёртвых воинов [9]). Русские этнокультурные архетипы также ориентированы на мощные дремлющие внутренние силы, выраженные в образе Ильи Муромца, на потаенную святость – «Града Китежа» и др. Например, Н. Бердяев пишет о «мужественности» германской культуры о «женственности» русской, первичными образами духовности которой можно считать «отзывчивость», «открытость». По Н. Бердяеву, русская женственная религиозность во многом определила духовный облик нации. Русская религиозность складывается вокруг чисто женского культа святых [10]. Так, Н. Бердяев наиболее характерные черты русской души выводит из тезиса о женственности России и дионисийской чрезмерности (стремление к крайностям, «бездарность во всем среднем» [11]). Объяснение Н. Бердяев находит в тех природных условиях, в которых сложилось государство.

Согласно Юнгу актуализация архетипа есть не только «шаг в прошлое» (возвращение к архаичным качествам духовности), но и проекция в будущее (выражение ожиданий народа на будущее). Активное присутствие этнокультурных архетипов является важным условием сохранения самобытности и целостности национальной культуры.

Оставаясь по своей сути неизменными, культурные архетипы проявляются диахронически и синхронически в самых разнообразных формах: в мифологических образах и сюжетных элементах, в религиозных учениях и ритуалах, в национальных идеалах и страхах и т. д. Таким образом, историю культуры этноса мы можем рассматривать как историю архетипов.

Концепция структурной антропологии К. Леви-Стросса главным образом построена на фундаменте психоанализа (хотя он и отрицал связь с идеями «мифологического мышления» и «коллективного бессознательного» К.-Г. Юнга и различия подсознательного и бессознательного З. Фрейда). Культура является, по Леви-Строссу, системой значений, воплощенных в символической форме, включающей действия, слова, любые значимые объекты, все то, посредством чего индивиды вступают друг с другом в коммуникацию. Другими словами, культура едина, представляет собой глобальную систему знаков (общество внутри этой системы лишь вариация), и главным условием культуры является язык. В дальнейшем развитие идей К. Леви-Стросса мы можем найти у американского антрополога К. Гирца, который понимал под культурой – исторически устойчивый образ значений, воплощенный в символах, изучение культуры подобно интерпретации текста, чем классификации флоры и фауны [12].

Символический подход к пониманию взаимодействия культуры и природы мы можем найти в трудах американской школы исторической этнологии. Ф. Боас считал, что культура должна быть исследована в лоне своей историко-географической среды, т. е. необходимо рассмотреть её отношение к физическому окружению, соседствующим культурам и проанализировать психологические ассоциации, возникшие в результате взаимодействия этих культур. Ученик Ф. Боаса Л. Уайт определил культуру как способность человека создавать символы и «осуществлять контроль над силами природы» [13].

Таким образом, фундаментальные идеи конца XIX – начала XX в., в частности, идеи символического понимания культуры, заложили научную базу к культурфилософскому исследованию культурного ландшафта в конце XX в., что позволило рассматривать ландшафт как знаковую систему, генетически связанную с базовыми установками и кодами культуры.

Примечания

1. Манькова И. Л. Формирование православного ландшафта Зауралья в XVII в. // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 83.
2. Берг Л. С. Предмет и задачи географии // Изв. РГО. 1915. Т. 51. Вып. 9. С. 463–475.
3. Sauer C. O. The Morphology of Landscape. Berkeley: University of California press, 1925. P. 343.
4. См.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. С. 337.
5. Там же. С. 337.
6. Там же. С. 151.
7. Тойнби А. Дж. Постигание истории: сб. / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. С. 415.
8. Кереньи К., Юнг К. Г. Введение в сущность мифологии // Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996. С. 91.
9. Юнг К. Г. Вотан // Карл Густав Юнг о современных мифах. М.: Практика, 1994.
10. Бердяев Н. А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 10–11.
11. Там же. С. 25.
12. См.: Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М.: «Рос. полит. энцикл.» (РОССПЭН), 2004.
13. Уайт Л. Теория эволюции в культурной антропологии // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 586.

Notes

1. Man'kova I. L. *Formirovanie pravoslavnogo landshafta Zaural'ya v XVII v.* [The formation of the Orthodox landscape of the Ural region in the XVII century] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* - Ural historical herald. 2008, No. 4 (21), p. 83.
2. Berg L.S. *Predmet i zadachi geografii* [Subject and objects of geography] // *Izv. RGO* - Herald of RHS. 1915. Vol. 51. Is. 9. Pp. 463-475.
3. Sauer S. O. The Morphology of Landscape. Berkeley: University of California press. 1925. P. 343.
4. See: Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. 1. Geshtal't i dejstvitel'nost'* [The Decline Of Europe. Essays on the morphology of world history. 1. Gestalt and reality] / trans. Germ., introd. art. and comments. K. A. Svasyana. Moscow. Mysl'. 1993. P. 337.
5. Ibid. P. 337.
6. Ibid. P. 151.
7. Toynbee A. J. *Postizhenie istorii* [Understanding of history: collection] / trans. Eng. E. D. Zharkov. Moscow. Rolf. 2001. P. 415.
8. Kerenyi K., Jung, K.G. *Vvedenie v sushchnost' mifologii* [Introduction to the essence of mythology] // Jung K.G. *Dusha i mif: shest' arhetipov* - Soul and myth: six archetypes. Kiev. 1996. P. 91.
9. Jung K.G. *Votan* [Wotan] // *Karl Gustav YUng o sovremennyh mifah* - Karl Gustav Jung about modern myths. Moscow. Praktika. 1994.
10. Berdyayev N. A. *Sud'ba Rossii: Opyty po psihologii vojny i nacional'nosti* [Fate of Russia: Experiments on the psychology of war and ethnicity]. Moscow. 1990. Pp. 10-11.
11. Ibid. P. 25.
12. See: Girts K. *Interpretaciya kul'tur* [Interpretation of cultures] / trans. Eng. Moscow. "Rus. political encycl." (ROSSPEN). 2004.
13. White L. *Teoriya ehvolyucii v kul'turnoj antropologii* [Theory of evolution in cultural anthropology] // White L. *Izbrannoe: EHvolyuciya kul'tury* - Favorites: Evolution of culture. Moscow. ROSSPEN. 2004. P. 586.

Положительные и отрицательные аспекты применения психосемантики и когнитивных наук в решении проблемы формирования сознания

В данной статье рассмотрена сущность психосемантики и некоторых когнитивных методов, которые применяются в настоящее время для формирования и реконструкции сознания. Проанализировано положительное отношение В. Ф. Петренко к применению методов построения семиотических пространств для формирования сознания человека, а также использование различных психотехник для вхождения в измененное состояние сознания. Данные методы могут помочь человеку в процессе развития сознания, решении психологических проблем, а также в борьбе с такими болезнями, как алкоголизм и наркомания. Но в применении психосемантики и когнитивных наук есть также отрицательные аспекты, а именно, угроза для психики человека, целостности его сознания и личности. Поэтому перед применением подобных методов необходимо провести их серьезный критический анализ.

This article deals with the essence of psychosemantics and cognitive methods used at present for the formation and reconstruction of consciousness. Analyzed positive opinion V. F. Petrenko about the use of methods of construction of semiotic spaces for human consciousness, and use different ones for entry into an altered state of consciousness. These methods can help someone in the process of development of consciousness, psychological problems, as well as in the fight against diseases such as alcoholism and drug addiction. But in the application of psychosemantics and cognitive Sciences there are also negative aspects, namely, the threat to the human psyche, the integrity of his mind and personality. Therefore, before using such methods it is necessary to conduct them critical analysis.

Ключевые слова: психосемантика, когнитивные науки, семиотическое пространство, измененные состояния сознания, нейро-лингвистическое программирование, сознание, психика, личность.

Keywords: psychosemantics, cognitive science, semiotics of space, altered States of consciousness, neuro-linguistic programming, mind, psyche, personality.

Проблема формирования сознания является одной из ключевых в философии. А так как сознание связано с психикой, то для решения проблемы его формирования психология также предлагает различные методы, например методы, использующиеся в психосемантике и в когнитивных науках.

В частности, В. Ф. Петренко, российский психолог, специалист в области когнитивных наук и психосемантики, изучающий семантику измененных состояний сознания, выявил значение психосемантики и когнитивных наук в решении проблемы формирования сознания.

В работе «Многомерное сознание: психосемантическая парадигма» В. Ф. Петренко говорит, что психосемантика исследует генезис, структуру и функционирование индивидуального или общественного сознания и его ведущей образующей – значения [1].

Возникнув в середине 1970-х гг., отечественная психосемантика была в основном представлена работами психологов Московского университета, а именно: В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелева, Е. Ю. Артемьева, В. И. Похилько, Е. О. Федорова.

Психосемантика исследует образы, символы, коммуникативные и ритуальные действия, словесные понятия, являющиеся формами значений в сознании человека.

В ее задачу входит реконструкция индивидуальной системы значений, через которую происходит восприятие субъектом мира, других людей, самого себя, а также изучение ее генезиса, строения и функционирования.

Психосемантика, являясь областью психологии, тем не менее, активно перекликается с философией и культурологией (например, в работах В. С. Степина о категориальной структуре сознания, А. Я. Гуревича о категориях средневековой культуры), языкознанием, социологией, информатикой.

Экспериментальная парадигма психосемантики заимствована из работ по построению семантических пространств Ч. Осгуда (метод семантического дифференциала) и теории личностных конструкторов Дж. Келли (метод репертуарных решеток) [2].

Основным методом экспериментальной психосемантики является построение субъективных семиотических пространств, которые образованы объединением характеристик языка в более емкие категории. С помощью семиотических пространств можно разложить любое значение понятия, образа, символа, движения на совокупность основных смысловых единиц и осуществить семантический анализ.

Размерность пространства зависит от сложности сознания человека в определенной области знания. Поэтому обучение и развитие личности ведет к увеличению размерности сознания, появлению новых смысловых факторов.

Также, благодаря коммуникационному воздействию, в сознании человека могут появляться новые измерения в осознании им внешнего мира и себя.

А наличие аффекта ведет к уменьшению размерности семантического пространства и переходу к более примитивным формам категоризации. Чем выше когнитивная сложность, тем более дифференцированное и развитое сознание. Но человек может иметь высшую когнитивную сложность в одной содержательной области и низкую – в другой. Поэтому существует прямая зависимость когнитивной сложности семиотического пространства от знания субъектом конкретной содержательной области.

Таким образом, построение семантических пространств реализует две задачи: координатные оси, образующие скелет семантического пространства, выступают операциональным аналогом категориальной структуры индивидуального сознания в рамках некоей содержательной области; размещение же в семантическом пространстве анализируемых значений позволяет реконструировать семантический состав значений как единиц индивидуального сознания.

К тому же семантические пространства выступают средством самосознания человека и общества, рефлексии ими собственных проблем. Эволюционируют не только наши знания о человеке, но и он сам в ходе осознания самого себя.

Помимо метода построения семантических пространств в психосемантике можно выделить различные методы психотренинга и психической саморегуляции, основа которых может лежать в явлении измененного состояния сознания. Изменение состояния сознания наиболее часто встречается в религии, мистике, политическом и рекламном манипулировании, гипнозе и других областях жизни.

Например, религия буддизма напрямую стремится изменить сознание человека с помощью медитации, после чего он должен оказаться в состоянии нирваны, то есть изменить свое сознание до ощущения внутреннего покоя и единства со всем миром [3].

Измененные состояния сознания достигаются различными психотехниками – от поста, медитации и молитвы, сенсорной депривации (затворничество) до динамических медитаций (чтение мантр, нанесенных на вращающийся молитвенный барабан у буддистов; круговые движения танца дервишей в суфизме; ритмическое раскачивание молящихся иудаистов; танцы шамана и ритуальные пляски африканцев; экстаз вакханалий древних римлян; ритуальный секс тантристов в Индии).

Стоит отметить, что сознательная и целенаправленная активность по произвольному вхождению в трансное состояние через медитацию, через ретрит, то есть форму уединения с целью духовной практики, а также через дыхательные практики и йоговские асаны присуща именно индийским религиям: брахманизму, индуизму, джайнизму, буддизму.

В измененных состояниях сознания изменяется категоризация себя, других существ, мира и в состояниях, близких к нирване, в пределе снимается.

Явление измененного состояния сознания также можно встретить на рок-концертах и спортивных состязаниях, где собираются тысячи людей. Эффект толпы и ритмичной музыки через эмоциональное заражение и деперсонализацию также изменяет индивидуальное сознание человека.

Измененные состояния сознания эксплуатируют и тоталитарные политические системы с их массовыми военными парадами, помпезными похоронами вождей, истерикой обличительных судебных процессов и торжественными массовыми собраниями, вызывающими деперсонализацию и призванными интегрировать людей в единую гомогенную массу.

Наиболее простой способ вхождения в измененное состояние сознания дает практика использования алкогольных, галлюциногенных и других наркотических веществ. Практически любая человеческая цивилизация использовала в своей культуре наркотические вещества. Перебродивший виноградный сок и напиток сома, полученный перегонкой пищевой спирт, галлюциногенные грибы и листья коки, сок опиумного мака или вытяжка кактуса, дымок листьев табака или пыльцы конопли – все эти вещества использовались в ритуальной или религиозной практике. Алкоголь, стимулирующий эмоциональные переживания, широко использовался в практике средиземноморских стран, общеевропейских цивилизаций, а галлюциногенные грибы применялись северными варяжскими и южноамериканскими индейскими цивилизациями, опиумный

мак, вызывающий чувственные оргазмические переживания, употреблялся в цивилизациях Южной и Восточной Азии с их склонностью к культуре пассивного созерцания и расслабленности.

Являясь средством релаксации и вхождения в измененное состояние сознания, то или иное вещество в итоге подавляет личность потребляющего его человека и делает его полностью зависимым от наркотика.

Многие люди этого не осознают, поэтому актуальной в современном обществе является проблема алкоголизма и наркозависимости. Для ее решения психологи используют различные суггестивные техники – от гипноза до нейролингвистического программирования (Тихомиров, Райков, Березанская, 1975; Овчинникова, Насиновская, Итпин, 1989; Гриндер, Бэндлер, 1995; Гриман, 2002, 2004).

Например, практика лечения алкогольной наркозависимости, разработанная Вяльбой и Кучеренко, основана на замещении негативного опыта измененных состояний сознания на позитивный. Острое переживание, тревоги, подавленности вытесняются позитивными эмоциями радости, эстетическими переживаниями, вызванными прекрасными образами природы.

В гипнотических состояниях пациенты видят собственное разлагающееся тело, отвратительно пахнущее алкоголем, что не только вызывает отвращение к алкоголю, но и активизирует работу направленную на выживание иммунной системы пациента.

В лечебных целях пациенты используют и положительные переживания, стимулирующие выброс эндорфинов в кровь. Они купаются в волнах эфира, наблюдая с высоты землю, созерцают ночное небо и путешествуют в иные миры.

Новаторским приемом психотерапевтической практики работы с алкоголиками и наркоманами является разработанный В. В. Кучеренко в рамках психосемантического подхода к измененным состояниям сознания метод сенсомоторного психосинтеза. Суть метода в том, что гипнотизер последовательно формирует целостный интермодальный иллюзорный образ, привязываясь к наличным переживаниям пациента [4].

В ходе формирования иллюзорного образа методом сенсомоторного психосинтеза можно выделить ряд феноменологических трансформаций, на последней стадии которых пациент воспринимает слова гипнотизера как комментарий к тому, что он сам начинает видеть.

Таким образом, можно выделить положительные аспекты использования психосемантики и когнитивных наук в решении проблемы формирования сознания. С их помощью индивидуальное сознание человека упорядочивается, а построение семантических пространств способствует более четкой рефлексии.

Применение же техник изменения сознания может помочь человеку обрести спокойствие и духовную гармонию, также подобные психотехники широко используются в терапевтических целях для решения проблем алкогольной и наркозависимости.

Но существуют и отрицательные стороны применения психосемантики и когнитивных наук для сознания человека. Во-первых, данные методы используются в рекламных и политических технологиях для манипулирования людьми, превращения индивидуальных личностей в людей массы для более легкого управления ими. Во-вторых, использование техник нейролингвистического программирования и 25-го кадра, например, в процессе обучения, обходя сознание и личность человека, несут прямую угрозу его психике, так как происходит смещение нейронных связей, что может вызвать определенные психические расстройства и повлечь за собой дальнейшие заболевания.

Российский философ В. А. Кутырев пишет об этой угрозе в работе «Бытие или ничто» и считает, что применение данных техник – это не просто манипулирование личностью, а ее зомбирование [5].

Использование нейролингвистического программирования и других достижений когнитивистики – это наполнение обучающегося информацией извне, без ее осознания. То есть сознание человека перестает работать и в итоге атрофируется, становится совсем ненужным, а на место сознания встает автоматизированное искусственное мышление. Личность человека постепенно превращается в робота, лишённого рефлексии, психики и души. Поэтому человек должен самостоятельно работать с информацией, осуществлять ее анализ и осознание. Важно не количество входящей в человека информации, а ее качественная обработка его сознанием. Применение психотехник в процессе обучения – это легкий прием, но он предполагает лишь помещение огромного количества шаблонной информации в память человека, но не подразумевает самостоятельный сознательно-мыслительный процесс. В итоге человеку трудно пользоваться огромным набором неосознанных шаблонов, находящихся в его голове, особенно в нестандартной ситуации, и он оказывается в состоянии паники. Чтобы этого избежать, необходимо учить человека мыслить самостоятельно еще в раннем возрасте, без применения новейших достижений когнитивистики.

Таким образом, существуют как положительные, так и отрицательные аспекты применения психосемантики и когнитивных наук в решении проблемы формирования сознания. Применение данных методов должно быть четко взвешено, чтобы не нанести ущерб сознанию личности. В первую очередь, человек должен самостоятельно попытаться решить свои проблемы без обращения к психотехникам. Так сохранится целостность его личности и сознания. А применение психотехник целесообразно только в критических лечебных целях, когда человек не может самостоятельно работать над своим сознанием.

Примечания

1. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2009. С. 58.
2. Kelly G. A. The psychology of personal constructs. N. Y.: Norton & Company, 1955. P. 25.
3. Абаев Н. В. Чань-Буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, 1989. С. 5.
4. Кучеренко В. В., Петренко В. Ф., Россохин А. В. Измененные состояния сознания: Психологический анализ // Вопросы психологии. 1998. № 3.
5. Кутырев В. А. Бытие или ничто. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2009. С. 244.

Notes

1. Petrenko V. F. *Mnogomernoe soznanie: psihosemanticheskaya paradigma* [Multidimensional consciousness: psycho-semantic paradigm]. Moscow. New chronograph. 2009. P. 58.
2. Kelly G. A. The psychology of personal constructs. N. Y.: Norton & Company, 1955. P. 25.
3. Abaev N.V. *Chan' Buddizm i kul'turno psihologicheskie tradicii v srednevekovom Kitae* [Chan Buddhism and psychological and cultural traditions in medieval China]. Novosibirsk. Nauka. 1989. P. 5.
4. Kucherenko V.V., Petrenko V.F., Rossokhin A.V. *Izmenennyye sostoyaniya soznaniya: Psihologicheskij analiz* [Altered states of consciousness: Psychological analysis] // *Voprosy psihologii* - Questions of psychology. 1998, No. 3.
5. Kutuyev V.A. *Bytie ili nichto* [Being or nothing]. SPb. "Altaya" Publ. 2009. P. 244.

УДК 316.424 – 053.81

Л. Б. Осипова, Е. А. Сербина

Формирование личности в процессе социализации

Кардинальные изменения в обществе характеризуются утратой традиционных рычагов воздействия на молодежь, сменой ценностных ориентиров и приоритетов. Однако следует помнить, что совершенствование всех сторон жизни во многом зависит от человеческого фактора, прежде всего от непосредственного участия молодежи, которая является стратегическим ресурсом российского общества. Развитие общества во многом зависит от тех качеств молодежи, которые сформированы в процессе социализации.

Fundamental changes in society are characterized by the loss of traditional levers of influence on young people, a change of values and priorities. However, it should be remembered that the improvement of all aspects of life largely depends on the human factor, above all, from the direct participation of young people, which is a strategic resource of Russian society. Development of society depends largely on the qualities of youth, which are formed in the process of socialization.

Ключевые слова: общество, молодежь, личность, социализация, адаптивные стратегии, социальная активность, ценности, ценностные ориентации.

Keywords: society, youth, identity, socialization, adaptive strategies, social activity, values, value orientations.

Особенностью современного российского общества становится процесс перехода молодого поколения к самостоятельному проектированию своей жизни, открывающей новые пути самореализации и способы социальных отношений. С учетом специфики современного социума эффективными становятся

активные адаптивные стратегии, позволяющие мобильно приспосабливаться к инновационным общественным преобразованиям с минимальными ресурсными затратами. Как социально-возрастная группа российская молодежь обладает рядом таких особенностей. Она в наибольшей степени мобильна, инициативна и может выступать активным транслятором адаптивных стратегий в российском обществе. Несмотря на существующие жизненные трудности, значительная часть молодежи смотрит в будущее уверенно [1]. Следует отметить, что молодежь лучше адаптируется к сложившимся условиям и глубже входит в современную экономическую систему, чем старшее поколение. При этом она вынуждена адаптироваться не столько к внешней, объективно существующей среде, сколько к социальному пространству, которое они создают сами. Данный процесс сопряжен с непредсказуемыми последствиями как для личности, так и для общества. По сути, от качества потенциала молодежи зависят перспективы развития экономики, разработка и внедрение инноваций в сферах науки, культуры, новых социальных стратегий [2]. Эффективная политика российского государства по отношению к молодежи призвана обеспечивать возможность ее активного участия в жизни страны, предоставлять больше прав и возможностей для самостоятельного решения возникающих проблем, возлагая на неё реальную ответственность, тем самым вовлекая в созидательные процессы. В этом и заключается реальное отношение государства к молодежи как активной части современного общества [3]. Надо подчеркнуть, что стремление к комплексному изучению молодежной проблематики на протяжении долгого времени продолжает оставаться достаточно актуальным. Уже в первых зарубежных работах на молодежную проблематику обнаруживается тенденция к применению для исследования методов разных наук. Книга Г. Стэнли Холла «Молодежь» (1904) – первое системное изложение теории молодежи, в содержании которой раскрыта ее психология и ее отношение к психологии, антропологии, социологии, сексу, преступности, религии и образованию [4]. Другие ранние теории молодежи представлены в трудах К. Грооса «К психологии молодежи переходного возраста» (1912) [5], Ш. Бюлера «Душевная жизнь юных» (1922) [6], Э. Шпрангера «Психология юношеского возраста» (1924) [7], В. Адамского [8] и исходят из признания специфики молодежи и особенностей ее исследования. Дальше указанных авторов пошел румынский ученый Малер, который в своих разработках представлял позицию сторонников скачка от многосторонности к глобальному системному изучению молодежи [9]. В современной социологии указанные авторы рассматриваются как родоначальники теоретического осмысления феномена молодежи, что означает обнаружение в их трудах социологического содержания.

Известно, что понятие «социализация» впервые было введено в научный оборот американским социологом Ф. Гиддингсом, он понимает под ней процесс развития социальной природы человека [10]. Формулировка термина «социализация» опирается на оценку реальных социальных процессов, в связи с этим часто носит противоречивый характер. Французский социолог Г. Тард в процессе социализации придает основное социальное значение подражанию, благодаря которому возникают общественные и групповые ценности и нормы, а индивиды, усваивая их, социализируются [11]. И только Э. Дюркгейм соотнес понятие «социализация» с этапом включения личности в общество, с процессом социального становления гражданина как члена общества [12]. Говоря простым языком, социализация – это процесс усвоения индивидом образцов поведения, социальных норм и ценностей, необходимых для его успешного функционирования в данном обществе. По мнению Д. Смелзера, для успешной социализации необходимо действие трех факторов: ожидания, изменения поведения и стремления соответствовать этим ожиданиям [13]. Каждая социализационная теория содержит в скрытом или явном виде не только общесоциологическую концепцию, но и социально-философскую концепцию исторического процесса, отвечая на вопрос о сущности социального в целом и сущности человека, в частности.

Представляется уместным высказывание Э. Дюркгейма. Определяя роль и значение общественных структур для развития молодежи, Э. Дюркгейм отмечал, воспитание выступает главным средством общества, благодаря которому оно создает для молодого поколения важные условия для его существования, в частности способности, необходимые для социальной жизни [14]. При этом ученый отмечал, что способности не передаются от поколения к поколению наследственным путем. Несмотря на то что Дюркгейм стоял еще только в самом начале осмысления собственно социализации, он четко уловил ее место в обществе, поняв ее природу как средства воспроизведения обществом условий своего существования. А главное – связал ее с молодежью. Представления о роли личности в системе социальных отношений неразрывно связаны с пониманием самой сущности личности. Как правило, создатели различных теорий социализации рассматривали личность как единое целое. Явление социализации многоаспектно, каждое из направлений акцентирует внимание на одной из сторон изучаемого феномена.

В современных условиях функционирования общества процесс жизненного самоопределения и профессиональной социализации молодежи продолжает оставаться актуальным и приобретает качественно новые характеристики [15]. Активный поиск инновационных условий для ее профессиональной самореализации, а также ужесточение условий конкуренции на рынке труда отчетливо обострили общественную потребность в изучении процесса социализации молодежи. Так, И. С. Кон дает определение социализации как процесса овладения индивидами социальным опытом, который воплощен в материальной и духовной культуре человечества [16]. Раскрывая сущность социализации, он отмечает: в

реальном процессе социализации индивиды не просто адаптируются к среде и усваивают предлагаемые им социальные роли и правила, но и постигают науку создавать нечто новое, преобразуя самих себя и окружающий мир [17]. И. С. Кон считает, что при исследовании молодежи важно учитывать обе стороны этого процесса, поскольку, во-первых, усвоение молодыми людьми социального опыта происходит по мере все более широкого включения в разносторонние общественные отношения. Во-вторых, возрастает собственная активность личности, самостоятельность в отношении выбора социальных ценностей и ориентиров, предпочитаемой среды общения, видов деятельности, что играет важную роль в процессе социализации и лежит в основе целого комплекса проблем.

Другой российский ученый, Б. Л. Парыгин, говорит о процессе социализации как вхождении в социальную среду, приспособлении к ней, освоении определенных ролей и функций [18]. Данное определение в целом является верным, но при этом следует отметить, что в нем отражена только одна сторона социализации, связанная с адаптацией личности к социальной среде, и не отмечено обратное воздействие, оказываемое личностью на окружающих, активное воспроизводство ею общественных отношений. Близкое по смыслу определение дает Е. А. Ануфриев, определяя социализацию как сложный процесс ее взаимодействия с социальной средой, в результате которого формируются качества человека как подлинного субъекта общественных отношений [19]. Он рассматривает социализацию как процесс усвоения индивидом определенной системы знаний, норм, ценностей, установок, образцов поведения, входящих в понятие культуры, присущей социальной группе и обществу в целом. Тем самым подчеркивает, что социализация может быть понята как изменение социальной структуры личности в соответствии с требованиями общества [20]. Особый интерес представляет точка зрения С. С. Фролова: социализация – процесс, в ходе которого индивидом усваиваются нормы его группы таким образом, что через формирование собственного «Я» проявляется уникальность данного индивида как личности [21]. Он рассматривает социализацию личности в рамках изучения факторов ее развития и формирования собственного «Я», через которое проявляется уникальность данного индивида, усвоение им норм, прежде всего, групповых. Это достигается путем сравнения или соотнесения личности с людьми-образцами, составляющими группу, а ее ролей – нормами и ролями социальной группы. По мнению С. С. Фролова, человек в начале жизненного пути не имеет своего «Я». Его формирование – сложный процесс накопления социального опыта путем сравнения и сопоставления образов личностей и своего «Я». В результате создается личность с уникальными внутренними качествами, такими как биологическая наследственность, ее физическое окружение и культура. Одновременно она воспринимает общие для ее социального окружения качества, которые постигаются через групповое общение, групповой опыт, влияющие на формирование личности. Безусловно, совокупность групповых ценностей составляет общественные, которые передаются личности. При этом роль группы велика и может быть доминирующей в механизме социализации [22]. Известный российский социолог В. А. Ядов утверждает, что социализация происходит именно через идентификацию индивида с общностями различного типа, которая понимается как состояние и процесс. По его мнению, социализация охватывает как взаимодействие со средой, так и усвоение ее элементов, построение и соответствие с ними структуры личности [23]. Усвоение молодым поколением современной системы знаний, норм, установок, образцов поведения, присущей конкретной социальной группе и обществу в целом, осуществляется в социальной среде – социуме. Таким образом, при изучении процесса социализации молодежи важно учитывать, что усвоение молодыми людьми социального опыта происходит по мере все более широкого включения в разносторонние общественные отношения. А это, в свою очередь, способствует возрастанию активности личности, самостоятельности в отношении выбора социальных ценностей и ориентиров, предпочитаемой среды общения и видов деятельности. Следует постоянно помнить, что молодежь – важный субъект социальных перемен, огромная инновационная сила. В силу своего статусного состояния молодежь своей деятельностью как бы включает закономерности прошлого в настоящее и тем самым обуславливает переход в будущее [24].

Примечания

1. *Зубок Ю. А.* Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 43.
2. *Мутко В. Л.* Государственная и молодежная политика гражданское становление молодежи // Парламентское обозрение. 2012. № 3 (19). М.: Совет Федерации, 2012.
3. Состояние и перспективы развития детского и молодежного движения в Российской Федерации. М.: Логос, 2005. С. 8.
4. *Stanly Hall. G.* Adolescence: Its psychology and its relation – to psychology, anthropology, sociologie, sex, religion – and education. N. Y.: D. Appletom and Company, 1904. Vol. 1–2.
5. *Groos K.* Zur Psychologie der reifenden jugend. S.L. 1912.
6. *Buhler Ch.* Das Seelenleben des Jugendlichen. Jena: Fischer, 1927
7. *Spranger E.* Psychologie der Jugendalberg: Quelle & Meyer, 1957.
8. *Adamski W.* Problemy socjologii mlodziezy // Studia socjologiczne. Wroclaw-Krakow-Gdansk. 1971. P. 137–154.

9. Madler F. Op. cit. 93.
10. Абдоков С. А. Общество. Политика. Студент. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1992.
11. Павловский В. В. Ювентология проект интегративной науки о молодежи. М.: Академ. проект, 2001. С. 149.
12. Durkheim E. Education et Sociologie. Paris, 1922. P. 30.
13. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994.
14. Durkheim E. Op. cit.
15. Ustinova O. V. Deformation of values system as a reason of demographic crisis in Russia // Life Sci J. 2014. 11(8s). P. 465–468.
16. Парыгин Б. Д. Научно-техническая революция и личность. Социально-психологические проблемы. М.: Политиздат, 1976.
17. Там же.
18. Парыгин Б. Д. Научно-техническая революция и личность. Социально-психологические проблемы. М.: Политиздат, 1976.
19. Ануфриев Е. А. Социальная роль и активность личности. М., 1971. С. 38.
20. Там же.
21. Фролов С. С. Социология. М.: Логос, 1996.
22. Там же.
23. Ядов В. А. Социальная идентификация личности. М.: РАН, Институт социологии, 1993. С. 15.
24. Осипова Л. Б., Панфилова Е. А. Молодежная политика как фактор социального развития молодежи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 24–29.

Notes

1. Zubok Y. A. *Problemy social'nogo razvitiya molodezhi v usloviyah riska* [Problems of social development of young people at risk] // *Sociologicheskie issledovaniya - Sociological research*. 2007, No. 4, p. 43.
2. Mutko V.L. *Gosudarstvennaya i molodezhnaya politika grazhdanskoe stanovlenie molodezhi* [State and youth policy civil establishment of youth] // *Parlamentskoe obozrenie - Parliamentary review*. 2012, № 3 (19), Moscow. The Federation Council. 2012.
3. *Sostoyanie i perspektivy razvitiya detskogo i molodezhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii* - The state and prospects of development of children and youth movements in the Russian Federation. Moscow. Logos. 2005. P. 8.
4. Stanly Hall. G. *Adolescence: Its psychology and its relation to psychology, anthropology, sociologie, sex, religion and education*. N. Y.: D. Appletom and Company, 1904. Vol. 1-2.
5. Groos K. *Zur Psychologie der reifenden jugend*. S. L. 1912.
6. Buhler CH. *Das Seelenleben des Jugendlichen*. Jena: Fischer, 1927.
7. Spranger E. *Psychologie der Jugendalberg: Quelle & Meyer*, 1957.
8. Adamski W. *Problemy socjologii młodzieży* // *Studia socjologiczne*. Wroclaw Krakow Gdansk. 1971. P. 137-154.
9. Madler F. Op. cit. 93.
10. Abdocov S. A. *Obshchestvo. Politika. Student* [Society. Policy. Student]. Rostov-na-Donu. Publ. of Rostov University. 1992.
11. Pavlovsky V.V. *YUventologiya proekt integrativnoj nauki o molodezhi* [Eventology project of integrative science of youth]. Moscow. Academ. project. 2001. P. 149.
12. Durkheim E. Education et Sociologie. Paris, 1922. P. 30.
13. Smelser N. *Sociologiya* [Sociology]. Moscow. Phoenix. 1994.
14. Durkheim E. Op. cit.
15. Ustinova O. V. Deformation of values system as a reason of demographic crisis in Russia // Life Sci J. 2014. 11(8s). Pp. 465-468.
16. Parygin B. D. *Nauchno tekhnicheskaya revolyuciya i lichnost'. Social'no psihologicheskie problemy* [Scientific and technical revolution and personality. Social and psychological problems]. Moscow. Politizdat. 1976.
17. Ibid.
18. Parygin B. D. *Nauchno tekhnicheskaya revolyuciya i lichnost'. Social'no psihologicheskie problemy* [Scientific and technical revolution and personality. Social and psychological problems]. Moscow. Politizdat. 1976.
19. Anufriev E. A. *Social'naya rol' i aktivnost' lichnosti* [Social role and activity of the person]. Moscow. 1971. P. 38.
20. Ibid.
21. Frolov S.S. *Sociologiya* [Sociology]. Moscow. Logos. 1996.
22. Ibid.
23. Yadov V.A. *Social'naya identifikaciya lichnosti* [Social identity]. Moscow. Russian Academy of Sciences, Institute of sociology. 1993. P. 15.
24. Osipova L. B., Panfilova E.A. *Molodezhnaya politika kak faktor social'nogo razvitiya molodezhi* [Youth policy as a factor of social youth development] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* - Herald of Vyatka state University of Humanities. 2014, No. 5, pp. 24-29.

ИСТОРИЯ

УДК 323.174:94(571.1+470.5)

Е. Ю. Казакова-Апкаримова

Идеология областничества как фактор формирования региональной идентичности (на примере Сибири и Урала)

В статье анализируется феномен областничества в контексте проблемы формирования региональной идентичности в восточных регионах России во второй половине XIX – начале XX в. Проводится компаративистский анализ взглядов сибирских и уральских областников. Аргументируется тезис о том, что движение областников свидетельствовало о наличии развитого регионального самосознания у представителей культурных региональных элит, которые, занимаясь культурно-просветительской деятельностью, способствовали распространению своих идей среди других слоев населения Сибири и Урала. Показано, что многие вопросы, поставленные впервые на повестку дня областниками, оказались актуальными для постсоветской России.

The phenomenon of regionalism in the context of the formation of regional identity in the eastern regions of Russia in the second half of the nineteenth – early twentieth century is analyzed in the article. Comparative analysis of the views of Siberian and Ural regionalists is given. The thesis is argued for that the movement of regionalists indicated that representatives of cultural regional elites had a developed regional identity who engaging cultural and educational activities, contributed to the spread of their ideas among the wider population of Siberia and the Urals. It is pointed out that many of the questions raised for the first time on the agenda by regionalists, were relevant to post-Soviet Russia.

Ключевые слова: региональная идентичность, регион, своеобразие, областничество, областники, идеология, движение, Сибирь, Урал, региональная культура.

Keywords: regional identity, region, specificity, regionalism (oblastnichestvo), oblastniki (regionalists), ideology, movement, Siberia, the Urals, regional culture.

В зависимости от целей и конкретных исследовательских задач региональная идентичность анализируется в различных контекстах и дискурсах. В историческом плане традиционно подчеркивается важность проведения региональных исторических исследований для такой «страны регионов», которой является Россия, необходимо исследовать процессы регионоформирования, показать значимость регионального фактора в российской истории, влияние областничества на общественную жизнь восточных регионов России. В культурологическом отношении проблема региональной идентичности изучается в тесной связи с проблемой региональной культуры. Социологи рассматривают региональную идентичность как часть социальной идентичности личности. П. А. Сорокин полагал, что из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Классик социологии писал: «Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь. В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы “ярославца”, “помора”, “сибиряка” и т. п.» [1]. В политологических изысканиях региональная идентичность часто интерпретируется как политический ресурс, определяются возможности ее использования политическими элитами в своих прагматических целях. В контексте различных теорий экономического регионализма при определении понятия *регион* уделяется внимание региональной идентичности, учитывается значимость этого фактора при выработке стратегии региональной экономической политики.

Целесообразно проанализировать определения региональной идентичности, встречающиеся в современных научных публикациях. Е. В. Еремина, придерживаясь социологического

подхода, считает наиболее адекватным определение региональной идентичности «как результата когнитивного, ценностного, эмоционального процессов осознания принадлежности индивида к своему региональному сообществу, проявляющихся в созидательной деятельности на благо своего региона, укреплении его места и роли в системе территориальных общностей, формировании имиджа региона» [2]. По ее мнению, активное продвижение ценностей региональной наднациональной позитивной идентичности обеспечивает консолидацию населения территорий и федерации в целом и тем самым способствует повышению уровня региональной и общенациональной конкурентоспособности. Г. С. Корепанов, используя социокультурные и социоэкономические подходы, под региональной идентичностью понимает «переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности “своей” локальной общности, формирующие практическое чувство (сознание) территориальной принадлежности индивида и группы». В его интерпретации «региональная идентичность выступает как процесс интерпретации региональной уникальности, через которую целый регион становится институционализированным в определенном сообществе» [3].

Географ М. П. Крылов под региональной идентичностью понимает не просто «пространственность мышления», географическое знание пространства «по месту жительства», а системную совокупность культурных отношений, связанную с понятием «малая родина». «В пределах пространства социокультурного взаимодействия, – пишет он, – происходит рефлексия по поводу окружающей территории (которая тем самым становится неформальным регионом), которую индивид считает «своей» и где он считает себя «местным», с которой он себя идентифицирует [4]. Под региональной идентичностью понимается отношение к малой родине и осознание ее культурной специфичности (своеобразия), которая одновременно является безусловной предпосылкой самоидентификации. Для отражения региональной специфичности (региональной идентичности) приобретают повышенное значение, например, историческая особенность местных говоров; своеобразие и богатство топонимики; «аккумуляция истории» на данной территории; характеристика знаменитых местных уроженцев; «дух региона», способный порождать и этих людей, и какие-то общие идеи. Однако всё это, справедливо подчеркивает М. П. Крылов, имеет хотя и важное, но лишь «служебное» значение для изучения отношения людей к малой Родине как формы рефлексии (в т. ч. на эту специфичность, – рефлексии, сопряжённой с определённым местным и общероссийским типом культуры и местным этнокультурным (субэтническим) «субстратом») [5]. Исследователь акцентирует внимание на внутреннем (с точки зрения самих местных жителей) и обычно «нераскрученном» имидже территории, включающем внутренний набор образов, символов, мифов, в отличие от внешнего – с точки зрения мигранта, путешественника, организатора туризма, политтехнолога (любого внешнего наблюдателя). Региональная идентичность понимается М. П. Крыловым как местная форма проявления культуры укоренённости, которая дополнительна к культуре мобильности, но не альтернативной ей (для ностальгического отношения к своей малой родине не обязательно жить именно на малой родине – можно жить и в другом месте). В научной литературе нет единого мнения по поводу соотношения понятий *региональная идентичность* и *местный патриотизм*. Если Д. Уиттлси, характеризуя «региональное сознание», отождествлял, по сути, эти составляющие, считая их взаимозаменяемыми, то М. П. Крылов настаивает на их априори самостоятельном характере, полагая, что в то же время экспериментально может быть установлен характер связи между ними – от тесной сопряжённости до полной автономии [6].

Справедливым представляется замечание Р. Ф. Туровского относительно России, представляющей собой многоуровневую ландшафтную систему. Исследователь отмечает, что региональная идентичность не относится к одному лишь уровню субъектов федерации. Сохраняются другие макрорегиональные и локальные системы идентичности. Субъекты федерации «должны найти себе место в общероссийской и макрорегиональных системах идентичности и одновременно консолидировать «микрорегии» своих составных частей». Используя традицию советских экономистов, к макрорегионам России Р. Ф. Туровский отнес Центр, Север, Юг, Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток (возможно, Черноземье). По его убеждению, советские экономические районы имели «неплохой культурно-исторический смысл» [7].

Региональная идентификация в России – явление историческое, непосредственно зависящее от истории, географии и культуры страны в целом, административных преобразований в государстве. Каждая конкретная модель региональной идентичности непосредственно зависит от истории освоения регионального пространства в социокультурном и экономическом отношениях, политико-административного закрепления региональных границ. С одной стороны, это свидетельствует об изменчивости и подвижности данного феномена, а с другой – о значимости культурного и идеологического континуитета. «Проникновение в мир традиций, в том числе и региональных, призвано, помимо прочего, – подчеркивает С. В. Рыбаков, – способствовать разви-

тию диалога между различными поколениями, между культурами, принадлежащими к разным временам и эпохам. Традиции наиболее наглядно проявляются в сохранении культурной идентичности, самостоятельности той или страны, того или иного народа; выражают связь между поколениями, нормы и особенности, присущие сознанию людей, принадлежащих к одной цивилизационной, этно- и социокультурной общности» [8].

В России у истоков регионализма стояли сибирские областники. Под областничеством подразумевается система взглядов представителей культурной региональной элиты на развитие региона как специфической (в географическом, экономическом, бытовом и социокультурном отношениях) в составе российского государства, а также общественно-политическое и культурное движение, пропагандирующее данные взгляды. По мнению М. А. Усковой, сибирское областничество должно рассматриваться как опыт регионального самосознания сибиряков, проявившийся во всех сферах общественной жизни [9]. Областники обосновали особенности Сибири с учетом природно-климатических, этнографических, географических факторов и процесса колонизации, сформировали концепцию Сибири как особой области (колонии). Активными сторонниками этого движения в 1860-е гг. были Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков, М. В. Загоскин, Ф. Н. Усов, Н. С. Щукин и С. С. Попов. На формирование областнической программы оказала воздействие федералистско-областническая концепция видного историка и публициста А. П. Щапова. Проявлениями колониального статуса региона, по мнению областников, являлись эксплуатация его природных богатств, тяжелая налоговая система, ссылка в Сибирь уголовников, притеснение коренного населения края, произвол чиновничества [10].

Г. Н. Потанин в 1876 г. писал, что некоторые другие регионы наряду с Сибирью (Малороссия, Поволжье, Уральское казачье войско) тоже имели потенциал к развитию своих самобытных условий жизни, традиций, культуры, однако в тот период областнические тенденции получили распространение только в Сибири [11]. Уральская идентичность, обусловленная самобытностью Уральского региона (в естественно-географическом, природно-ресурсном, социально-экономическом, административно-политическом, демографическом и социокультурном отношениях), зарождалась в период интенсивной промышленной колонизации, научного изучения Урала и развития региональной культуры (в частности, литературы), особенно рельефно проявилась в период социальных катаклизмов 1917–1919 гг. Автор заметки в газете «Зауральский край» писал, что «огонек областничества» замерцал на Урале в период политических трансформаций начала XX в., по мнению многих современников, аналогичный смутному времени начала XVII столетия, когда Россию спас «патриотизм областной». В период возрождения областнических идей об автономии Сибири и на волне политической активизации сибирских областников, очевидно, что с учетом опыта сибиряков формировалась идеология уральского областничества, в результате чего в конце 1918 г. в Екатеринбурге появилось «Общество изучения Урала» (общество уральских областников). Накануне создания этой общественной организации один из уральцев признавал очевидный факт, что на Урале областничество не играло той роли, которую это «течение общественной жизни» имело в Сибири, достигнув «блестящих результатов» [Зауральский край. 1918. 1 сент. С. 1].

В уральской периодике популяризировались идеи сибирских областников о доминирующей роли географических и хозяйственных условий при формировании областных единиц. Под «областью» они понимали «географически определенный, замкнутый» район. Отличительные естественные условия, по убеждению областников, вели к «особенностям экономики, быта, культуры». Важную роль областники отводили идее самоуправления и культурно-просветительской работе «краевой интеллигенции» [Зауральский край. 1918. 5 сент. № 32. С. 2].

В конце XIX в. в Сибири широкое распространение получило культурническое движение, направленное на повышение уровня культуры народа; развивались идеи культурной автономии Сибири («сибирский культурный сепаратизм»), закладывались основы сибиреведения, издавались газеты «Сибирь», «Сибирская газета», «Восточное обозрение». Областники многое сделали в плане культурно-просветительской работы в регионе. О наличии развитого регионального самосознания, по мнению М. А. Усковой, свидетельствовали плоды культурно-просветительской деятельности областников, в частности формирование местной журналистики и беллетристики, научное изучение Сибири, основание первого сибирского университета, празднование дня Сибири [12]. Между тем социальной базой движения по-прежнему оставалась лишь часть интеллигенции. «К 1917 г., – пишет М. В. Шиловский, – движение объединяло сравнительно небольшую группу интеллигенции Томска, Красноярска, Иркутска и ряда других городов и не пользовалось популярностью среди большей части населения Сибири» [13].

Уральская интеллигенция, объединенная идеями областничества, тоже ставила перед собой культурно-просветительские цели и задачи. 18 октября 1918 г. в Екатеринбурге состоялось совещание местных политических и общественных деятелей по вопросу об организации «Обще-

ства изучения Урала» (общества уральских областников). Его члены ратовали за развитие и распространение идеи областничества на Урале, предусматривалось ее многостороннее («со стороны естественно-исторической, общественно-политической и хозяйственно-экономической») освещение в прессе. Общество уральских областников ставило цели: «а) изучение Урала в отношении историческом, географическом, естественнонаучном, этнографическом, бытовом, экономическом, культурно-правовом; б) популяризацию знаний и сведений об Урале; в) содействие свободному развитию экономических и культурных сил края на основе самостоятельности его населения; г) изучение, распространение и укрепление идеи автономии Урала» [Горный край. 1918. 3 (20) дек. С. 1]. Для достижения своих целей общество предполагало: «а) собирать и изучать разного рода материалы, относящиеся к Уралу; б) устраивать библиотеки, музеи, выставки, показательные станции и т. п.; в) организовывать научные исследования по разным вопросам местной жизни путем снаряжения экспедиций, назначения конкурсов на премии, анкет; г) разрабатывать и публиковать собранные им материалы и издавать труды; д) устраивать публичные чтения, лекции, курсы, справочные бюро и другие учреждения; е) возбуждать вопросы, относящиеся к нуждам Урала и имеющие целью содействие развитию процветания Урала. Предполагалось, что общество будет двигателем областнических идей, «живым органом государственно-областнического самоопределения Урала» [Горный край. 1918. 3 (20) дек. С. 1]. Проводником областнических идей среди общественности являлась «ежедневная демократическая, областническая газета» под названием «Урал», во главе которой стояли С. А. Груздев, А. Д. Дианов, А. А. Кощев, И. Ф. Кусов, В. А. Чернокутов.

Обосновывая экономические и социокультурные особенности Урала и Сибири, К. Носилов объяснял в статье, опубликованной в газете «Урал» в 1918 г.: «Смешивать, сливать их немисливо, потому что горнозаводская промышленность никогда не сольется с земледелием и скотоводством, потому что горы Урала никогда не сольются с равниной центральной России и степями Сибири, потому что молот уральского рабочего ничего не имеет общего с сохой пахаря и плетью скотовода». Таким образом, отстаивая идеи экономического федерализма этих двух разных регионов, К. Носилов подчеркивал промышленную специфику Урала, противопоставляя ей приоритетное аграрное и сырьевое развитие Сибири [Урал. 1918. 24 (11) ноября. С. 5]. Очевидно влияние на идеологию уральских областников их сибирских братьев. Аргументируя необходимость региональной автономии, сибиряки со временем на первый план выдвинули экономический фактор (первоначально доминировали географическая и этнографическая мотивации), говоря о важности решения финансового вопроса, хозяйственной специфике Сибири с учетом зачаточного состояния сибирской промышленности и перспективах развития сельского хозяйства [14].

Главный вывод К. Носилова о том, что «Урал должен быть только Уралом, имея свою автономию, независимую от прочих. ...Связанный крепко рельсовыми путями, усиленный громадною площадью горнозаводской деятельности, питающий и питающийся соседними областями, производительный, самостоятельный. Сильный, он должен быть звеном двух громадных областей – Центральной России и Сибири, каким создала для этого сама природа» [Урал. 1918. 24 (11) ноября. С. 5], свидетельствует о глубоком патриотизме и вере в могущество своего края и его будущее.

В некоторой степени созвучны идеям К. Носилова взгляды современных географов и экономистов. Е. Г. Анимица и А. А. Глумов, например, для анализа экономического развития Уральского экономического района используют понятие «срединного региона» [15]. А. А. Глумов в своей диссертационной работе аргументированно доказал, что на протяжении длительного исторического времени сформировалась и сохраняется региональная идентичность Уральского экономического района. На протяжении многих веков, исходя в первую очередь из текущих и стратегических социально-экономических и политических целей центральной власти, происходило изменение границ Уральского региона, который все же сумел сохранить свою региональную идентичность. Даже после создания федеральных округов, когда экономическое пространство Уральского региона оказалось разделенным между Уральским и Приволжским федеральными округами, по мнению экономиста, данное изменение в политико-территориальном устройстве страны привнесло изменения в динамичное развитие Уральского экономического района, однако сохранились исторически сложившиеся хозяйственные связи и целостность экономики Урала, позволив ей адаптироваться к современным реалиям и сохранить свою идентичность [16].

Уральские и сибирские областники, деятели художественной культуры, уделяя внимание природно-географическим, этнодемографическим и социокультурным особенностям Урала и Сибири, сформулировали идеи, позволяющие анализировать специфические региональные культурные ландшафты. Очевидно, что быт и культура уральцев и сибиряков базировались на преемственности общерусских традиций, хотя и имели региональные особенности. Однако если некоторые сибирские областники полагали возможным говорить о существовании особого этногра-

фического типа сибирских старожилов, то уральские областники констатировали лишь некоторые особенности образа жизни и общественного сознания уральца, уральского характера. Весьма показателен при этом компаративистский подход. Далеко не беспристрастную сравнительную характеристику дает, например, К. Носилов уральцам и сибирякам: «...население у одного (региона – Урала. – Е. К.) сжатое в тесный комок, интенсивное, сильное, деятельное, богатое, у другой (Сибири. – Е. К.) – разбросанное, жалкое, дикое, непрогрессирующее и потонувшее в лесах, пространстве, или в лучшем случае растянутое тонкой ленточкой вдоль рельсового великого сибирского пути и рек и затерявшееся повсюду» [Урал. 1918. 24 (11) ноября. С. 5].

Вопросы самобытности уральской культуры и региональной идентичности интересовали впоследствии писателя П. П. Бажова, который был не склонен к преувеличениям и делал весьма резонные замечания. По воспоминаниям Шумилова известно, что когда происходило спешное формирование Уральского добровольческого танкового корпуса во время войны, зашла речь об облике и характере уральца, то писатель подчеркнул, что коренной житель Урала – это, прежде всего, русский тип и русский характер. Только в своих земляках Бажов наблюдал гораздо больше упорства и твердости [17]. Показательно, что и В. И. Немирович-Данченко задолго до П. П. Бажова указал на твердость и стойкость уральцев, дал своеобразный теллурически ориентированный портрет уральца, подчеркнув прямую генетическую зависимость человеческого типа от его связи с земными недрами. Немирович-Данченко делил уральцев на два типа по двум главным отраслям горного производства – металлургов и золотоискателей (металлург «также не похож на лихорадочного, беспокойного золотоискателя, как, например, мексиканец не похож на неразговорчивого, спокойного американца-скваттера»; «железо дает... целые поколения сумрачных и строгих людей, которым чужды сангвиническое легкомыслие старателей и их покладистая совесть») [18].

Региональные особенности отразились и на праздничной культуре уральцев и сибиряков. У уральцев были свои особо почитаемые праздники. Например, отмечался праздник 19 января – день святого Макария – покровителя горняков. В газете «Уральская жизнь» анонсировалось проведение 19 января 1915 г. в залах Общественного собрания Екатеринбургским комитетом Общества Красного Креста «большого вечера по разнообразной программе с водевилями, живыми картинами, концертным отделением, продажей изящных вещей, танцами и другими разнообразными развлечениями для публики». Современник писал: «19 января – день св. Макария – особенно празднуется горным миром. Ввиду этого залы собрания будут соответственным образом декорированы; предполагается устройство гротов, шахт, подземных выработок, штольней и др. Многочисленным деятелям горного мира Урала и их семействам представляется удобный случай весело провести вместе свой праздник» [Уральская жизнь. 1915. № 1. С. 2]. 24 ноября екатеринбуржцы праздновали Екатеринин день (день памяти св. Екатерины) – именины города. В этот день в «столице Урала» заканчивалась Екатерининская ярмарка, на которой продавали зерно и скот [Уральская жизнь. 1907. 24 ноября. С. 3]. Покровителем всего Урало-Сибирского края считался святой праведный Симеон Верхотурский. В Екатерининский собор (где хранилась частица мощей святого) 11–12 сентября собирались многотысячные толпы богомольцев со всего города, из окрестных заводских поселений и деревень. Очевидец писал, что многие приходили «за десятки и даже сотни верст приложиться к мощам и отслужить молебен святому, считающемуся покровителем края» [Уральская жизнь. 1907. 13 сентября. С. 3]. У сибиряков был свой региональный праздник. В связи с празднованием 300-летнего юбилея начала освоения Сибири в 1881–1882 гг. появилась традиция празднования «сибирского дня» 26 октября (в этот день в 1582 г. произошла решающая битва между дружиной Ермака и войском хана Кучума). «Сибирский день» праздновался до 1919 г. [19]

Много написано о сибирском областничестве [20], меньше об уральском [21] в контексте общественно-политических проблем, призывах областников к расширению политической и экономической автономии регионов (Сибири и Урала). Просматривается некоторое сходство в позициях сибирских и уральских областников в плане их претензий на надклассовое и надпартийное выражение интересов населения своих регионов. Вместе с тем следует подчеркнуть, что сибирские областники дважды выдвигали радикальные лозунги вплоть до полного политического отделения от России: впервые – на заре зарождения движения (идея создания независимой сибирской республики в русле революционно-демократических замыслов свержения самодержавия) и в условиях политических трансформаций 1917–1920 гг. (под лозунгом формирования однородно-социалистического правительства в противовес большевистской диктатуре) [22]. И все же сепаратизм («призрак сепаратизма», по выражению Алана Вуда) не являлся краеугольным камнем в идеологии сибирского и уральского областничества.

В конце XX – начале XXI в. в восточных регионах России наблюдался своеобразный «ренессанс» областнических идей (требований региональной самостоятельности). А. Вуд видит некото-

рую переключку сибирской общественности конца XX в. с идеями областников первой волны: проблемы рецидивизма и преступности в Сибирском регионе, использования природных ресурсов и экологии, текучести рабочих кадров, необходимости развития культуры, защиты прав коренных народов Сибири [23].

Всплеск региональной идентичности наблюдался в период обострения отношений между федеральным центром и региональными элитами (последствие «асимметричного федерализма») в начале 90-х гг. XX в. В Екатеринбурге был разработан проект создания Уральской республики. Предполагалось объединение регионов, граничащих со Свердловской областью, была разработана конституция, одобренная народным референдумом, выпущены новые деньги – уральские франки. Целью создания Уральской республики провозглашалось «предотвращение распада экономики России, осуществление децентрализации управления, рациональное распоряжение природными ресурсами, собственностью, финансами, проведение эффективной налоговой политики, оказание более значимой социальной поддержки населению». Уральская республика просуществовала несколько дней, а в ноябре 1993 г. президент РФ Б. Н. Ельцин отменил решение Свердловского областного Совета об образовании Уральской республики. О росте региональной идентичности уральцев свидетельствуют данные экспресс-опроса населения по теме «Ваше мнение о создании Уральской республики», который проводился еще в июле-августе 1993 г. комитетом по связям с общественностью. По этим данным, лишь каждый седьмой респондент высказался отрицательно по поводу идеи создания Уральской республики. Сторонниками республики оказались 55% опрошенного населения, а 25% не могли дать однозначную оценку [13]. В тот период не вспоминали об идеях уральских областников, известных узкому кругу специалистов-гуманитариев. Между тем поставленная на повестке дня задача достижения территориальной основы государственного устройства и управления, по сути, тесно перекликалась с лозунгами уральских и сибирских областников начала XX в.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что идеология областничества являлась значимым фактором формирования региональной идентичности сибиряков и уральцев. Очевидно, что современные исследования феномена областничества в России и особенностей эволюции регионального самосознания населения восточных регионов могут быть востребованы в процессе выработки того или иного регионального имиджа и моделирования современного регионального развития, актуализируя исторический опыт, открывая возможности для его использования с целью формирования позитивной региональной идентичности, не перекрывающей другие виды идентичности (национальную, гражданскую, государственную).

Примечания

1. Сорокин П. Система социологии: в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 210–213.
2. Еремина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа. URL: <http://regionsar.ru/node/781>
3. Корепанов Г. С. Региональная идентичность: социокультурный и социоэкономический подходы // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 3(65). С. 276–277.
4. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России: дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2006. С. 34–39.
5. Там же. С. 39.
6. Там же. С. 40–46.
7. Туровский Р. Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 154–155.
8. Рыбаков С. В. Оренбуржье в контексте теории региональных исследований // Пятые Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. Оренбург, 2011. С. 76.
9. Ускова М. А. Регионализм как принцип интерпретации русской культуры Сибири второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2006. С. 12–14.
10. Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 31–51.
11. Там же. С. 81.
12. Ускова М. А. Указ. соч. С. 3–15.
13. Шиловский М. В. Указ. соч. С. 146–213.
14. Там же. С. 136–137.
15. Анимича Е. Г., Глумов А. А. Срединный регион: теория, методология, анализ. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2007.
16. Глумов А. А. Содержание и динамика процессов экономического развития срединного региона (на примере Уральского экономического района): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2007. С. 12–17.

17. Слобожанина Л. М. Сказы – старинные заветы. Очерк жизни и творчества Павла Петровича Бажова (1879–1950). Екатеринбург, 2000. С. 114.
18. Абашев В. В. К истории геопоэтики Урала: очерки Василия Ивановича Немировича-Данченко // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 5: Национальные образы мира в региональной проекции. Екатеринбург, 2010. С. 197–199.
19. Шиловский М. В. Указ. соч. С. 110–111.
20. Там же. С. 3–11.
21. Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты содернизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. С. 311–314.
22. Шиловский М. В. Указ. соч. С. 3.
23. Вуд А. Регионализм за Уралом: сибирское областничество в исторической перспективе // Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2013. С. 37–41.
24. Уральская республика и целостность российского государства. Б.г., 1993. С. 1–6.

Notes

1. Sorokin P. *Sistema sociologii* [System of sociology]: in 2 vols. Vol. 2. Moscow. 1993. Pp. 210-213.
2. Eremina E.V. *Regional'naya identichnost' v kontekste sociologicheskogo analiza* [Regional identity in the context of sociological analysis]. Available at: <http://regionsar.ru/node/781> (in Russ.)
3. Korepanov G.S. *Regional'naya identichnost': sociokul'turnyj i socioehkonomicheskij podhody* [Regional identity: socio-cultural and socio-economic approaches] // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta - News of the Ural State University*. 2009, No. 3(65), pp. 276-277.
4. Krylov M.P. *Regional'naya identichnost' v Evropejskoj Rossii: dis. ... d ra geogr. nauk* [Regional identity in European Russia: dis. ... Doct. Geogr. sci.] Moscow. 2006. Pp. 34-39.
5. Ibid. P. 39.
6. Ibid. Pp. 40-46.
7. Turovsky R.F. *Sootnoshenie kul'turnyh landshaftov i regional'noj identichnosti v sovremennoj Rossii* [Value of cultural landscapes and regional identity in modern Russia]. SPb. Helicon Plus. 2003. Pp. 154-155.
8. Rybakov S.V. *Orenburzh'e v kontekste teorii regional'nyh issledovanij* [Orenburg region in the context of the theory of regional studies] // *Pyatye Bol'shakovskie chteniya. Kul'tura Orenburgskogo kraja: istoriya i sovremennost': nauchno obrazovatel'nyj i kul'turno prosvetitel'nyj al'manah* - The Fifth Bolshakovskie readings. The culture of the Orenburg region: history and modernity: scientific educational and cultural education almanac. Orenburg. 2011, p. 76.
9. Uskova M. A. *Regionalizm kak princip interpretacii russkoj kul'tury Sibiri vtoroj poloviny XIX - nachala HXH v.: dis. ... kand. kul'turologii* [Regionalism as a principle of interpretation of Russian culture of Siberia in the second half of XIX - early XX century: dis. ... Cand. Culturology]. Kemerovo. 2006. Pp. 12-14.
10. Shilovsky M.V. *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno politicheskoy zhizni regiona vo vtoroj polovine XIX - pervoj chetverti XX v* [Siberian regionality in social and political life of the region during the second half of XIX - the first quarter of the twentieth century]. Novosibirsk. 2008. Pp. 31-51.
11. Ibid. P. 81.
12. Uskova M. A. Op. cit. Pp. 3-15.
13. Shilovsky M. C. Op. cit. Pp. 146-213.
14. Ibid. Pp. 136-137.
15. Animitsina E. G., Glumov A. A. *Sredinnyj region: teoriya, metodologiya, analiz* [Median region: theory, methodology, analysis]. Ekaterinburg. Publishing house of the Ural State Econ. University. 2007.
16. Glumov A. A. *Soderzhanie i dinamika processov ehkonomicheskogo razvitiya sredinnogo regiona (na primere Ural'skogo ehkonomicheskogo rajona): avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk* [The content and dynamics of economic development of the middle region (Ural economic region): autoref. dis. ... Cand. Econ. Sci.] Ekaterinburg. 2007. Pp. 12-17.
17. Slobozhanina L. M. *Skazy – starinnye zavety. Ocherk zhizni i tvorchestva Pavla Petrovicha Bazhova (1879–1950)* [Tales - ancient covenants. Sketch of the life and work of Pavel Petrovich Bazhov (1879-1950)]. Ekaterinburg. 2000. P. 114.
18. Abashev V.V. *K istorii geopoetiki Urala: ocherki Vasiliya Ivanovicha Nemirovicha Danchenko* [To the history of geopoetika of the Urals: essays of Vasily Ivanovich Nemirovich-Danchenko] // *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sb. st. Vyp. 5: Nacional'nye obrazy mira v regional'noj proekcii* - Literature of the Urals: history and modernity: Proc. of art. Is. 5: National images of the world in regional projections. Ekaterinburg. 2010. Pp. 197-199.
19. Shilovsky M. C. Op. cit. Pp. 110-111.
20. Ibid. Pp. 3-11.
21. *Rossiya v XVII – nachale XX v.: regional'nye aspekty sodernizacii* - Russia at the XVII - beginning of XX century: regional aspects of modernisation. Ekaterinburg: Ural branch of the Russian Academy of Sciences. 2006. Pp. 311-314.
22. Shilovsky M. C. Op. cit. P. 3.

23. Wood A. *Regionalizm za Uralom: sibirskoe oblastnichestvo v istoricheskoy perspektive* [Regionalism beyond the Urals: Siberian regionalism in historical perspective] // *Regional'nyj faktor modernizacii Rossii XVIII–XX vv* - Regional factor of modernization of Russia in XVIII–XX centuries. Ekaterinburg. 2013. Pp. 37–41.

24. *Ural'skaya respublika i celostnost' rossijskogo gosudarstva* - Ural Republic and the integrity of the Russian state. B. g. 1993. Pp. 1–6.

УДК 655.4

Ю. Н. Валеева

Репертуар научной книги в российской провинции: постановка проблемы

Проблемы выпуска и тематико-типологического анализа научной книги исследованы на примере исторических трудов профессоров императорского Казанского университета за 1850–1890-е гг. Определен объем научной книги, ее богатое тематическое многообразие, которое определялось состоянием российской исторической науки и социально-экономическими особенностями, культурой и традициями многонационального народа Казанского края.

The issues of publication and thematic-typological analysis of scientific historical books have been analyzed on the example of historical works of the professors of imperial Kazan university during the period of 1850–1890s. In this article we have defined the amount and thematic diversity of the scientific historical books, which was determined by the state of Russian historical science of that period, its socio-economic characteristics, culture and traditions of multinational population of Kazan region.

Ключевые слова: научная историческая книга, книгоиздание, репертуар, Казань, 1850–1890-е гг.

Keywords: scientific historical book, book publishing, repertoire, Kazan, 1850–1890s.

Вопросы составления книжного репертуара в российских губерниях не потеряли своей актуальности в начале третьего тысячелетия. Гносеологические особенности процессов подготовки и выпуска печатной книжной продукции позволяют высветить социально-экономическое состояние общества, уровень духовных потребностей населения края, его нравственные ориентиры. Одновременно состояние книжного дела в российской глубинке является показателем развития производства и производительных сил, функционирования различных социальных институтов, призванных формировать высокообразованные личности. Нам представляется, что теоретическим основанием для изучения данной научной проблемы должна стать совокупность общенаучных принципов, главным из которых является принцип историзма.

Объем выпуска научной книги, составление ее репертуара попытаемся рассмотреть на примере выпуска исторической книги в Казани в 1850–1890-е гг. Мы отчетливо осознаем, что не можем претендовать на абсолютные цифровые обобщения. Слабая постановка государственного учета печатной продукции в дореволюционной России, недостаточное финансирование из государственной казны, отсутствие единообразных форм и методов учета, специалистов создают серьезные трудности для воссоздания полной исторической картины книгоиздания. Каталоги частных типографий и книжных магазинов выходили нерегулярно, имели небольшой тираж и к настоящему времени стали библиографической редкостью. К числу дезидератов относятся также и многие сочинения казанских ученых, выпущенные как в типографиях императорского Казанского университета, АН Санкт-Петербурга, так и частными типографами губернского центра и столичных городов. Однако часть дошедших до настоящего времени книг *de visu* была изучена при проведении исследования. Мы стремились к тому, чтобы наши доказательства и аргументы были достаточно убедительными, что повысило степень объективности сформулированных выводов. Казанскую научную историческую книгу отличает богатый источниковый массив и историографическое пространство, насыщенность фактическими сведениями, глубина теоретических обобщений, разнообразный справочный аппарат, обязательной частью которого являются комментарии, примечания и система вспомогательных указателей. Ее авторами являлись профессора русской и всеобщей истории университета, истории государственного права и литературы.

Их труды создавались на богатом ареале исторических источников из государственных и ведомственных архивов Российской империи и ряда европейских стран, на русских летописях и тарханых ярлыках, которые раскрывают особенности государственного устройства Древней Руси и стран Востока, этногенез их народов.

1850–1890-е гг. были непростыми в истории Отечества. Бесславное поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. обнажило социальные пороки, обветшалые государственные порядки, усилило нищету населения страны. С особой силой зазвучали призывы к отмене крепостного права. Крестьянский вопрос приобрел особое общественное значение. Наряду с работой Главного комитета по разработке проекта отмены крепостного права во главе с Н. А. Милютиным, по всем губерниям дворяне пытались разрабатывать собственные проекты «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян». В конце 1858 г. аналогичный комитет был открыт в Казани. Одновременно с крестьянской реформой разрабатывались проекты реформ местного самоуправления, суда, армии, образования, финансов. Известно, что эпоха Великих реформ после трагической гибели императора Александра II в 1881 г., на Грибоедовском канале в Санкт-Петербурге сменилась мрачным периодом «контрреформ», временем правления императора Александра III. Тому временному периоду предшествовала Русско-турецкая война 1877–1878 гг., усилившееся движение так называемого народничества, ряды которого составляла молодежь из числа разорившихся дворян, мелких чиновников, крестьян, купцов. Они же заполняли студенческие аудитории университетов, училищ, гимназий. В дореформенный период страна оставалась аграрной, малограмотность сельского населения не позволяет говорить о востребованности печатной книги представителями различных сословий. Исключение составляли дворяне, имевшие домашние книжные коллекции. В пореформенный период не произошло значительного прорыва в образовательной сфере. По итогам Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., к началу XX столетия в уездах Казанской губернии показатель грамотности населения составлял 15,0% и значительно отставал от общероссийского – 21,1%.

Нам видится, что более глубокому осмыслению формирования книжного репертуара способствует понимание ситуации в стране, в образовательной сфере в частности. С 1850 по 1899 г. на посту министра народного просвещения сменилось 10 министров, большинство из которых заявляли об уходе по причине студенческих волнений в стране, неразрешения цензурного вопроса о печати. Так, например, министр А. С. Норов в 1858 г. подал прошение об уходе после студенческих беспорядков в университетах страны. В 1861 г. аналогичная участь постигла Е. В. Путятина. Череда отставок высокопоставленных чиновников продолжалась и в последующие годы. В книге и книжной продукции представители официальной власти видели рассадник свободомыслия, крамолы, мятежных, антиправительственных настроений.

Динамика выпуска научной книги за пять десятилетий в типографии императорского Казанского университета показана в следующей таблице:

Объем выпуска научной исторической книги в 1850–1890-е гг.*

Годы	Всего названий	В том числе исторических названий	%
1850–1859	226	33	14,6
1860–1869	284	63	45,7
1870–1879	586	133	44,0
1880–1889	1118	257	23,0
1890–1899	2240	542	24,2
Итого	4454	1028	23

*Подсчитано по: Каталог книг, отпечатанных в типографии императорского Казанского университета с 1800 по 1896 год. Казань, 1896. С. 42–323; Каталог книг, отпечатанных в типографии императорского Казанского университета с 1896 по 1899 год. Казань, 1899. С. 1–80; НА РТ. Ф. 977. Опись. Правление. Ед. хр. 5874. Л. 1, 1 об., 4, 4 об.; НА РТ. Ф. 977. Опись. Правление. Ед. хр. 5936. Л. 1, 1 об., 3, 4.

Данные таблицы свидетельствуют, что с 1850 по 1859 г. было отпечатано 33 названия исторических книг. Самое большее – шесть названий – были выпущены в 1855 г., самое меньшее – одна книга – была издана в 1858 г. Это сочинение А. К. Чугунова «Историческое обозрение мер правительства по развитию земледелия в России». В числе основных причин, сдерживающих книгоиздание в России в эти годы, были события 1848 г. во Франции, которые сильно обеспокоили царское правительство. Назначая в 1850 г. на должность министра просвещения П. А. Ширинского-Шихматова, император Николай Павлович напутствовал его словами: «Закон Божий есть единственное твердое основание всякому полезному учению» [1]. В последующие годы были приняты исключительные меры в образовательной сфере. По утвержденному новому положению повысилась плата за обучение в университетах. Она составляла в Московском и

Санкт-Петербургском – 50 рублей, в Казанском – 40 рублей в год. Были упразднены кафедры философии, что повлекло преобразование философских факультетов, на базе которых были образованы историко-филологические и физико-математические. Среди иных мер, негативно коснувшихся выпуска книг, следует назвать запрещение поездок за границу с научной целью, установление квоты на прием студентов и вольнослушателей, обязательное предоставление всех литографированных лекций за подписями профессоров в Публичную императорскую библиотеку Санкт-Петербурга.

Из цифровых данных, приведенных выше в таблице, видно, что значительный объем научных книг, в том числе исторических, приходится на период 1870-х гг., на период Великих реформ и последующие десятилетия. Тем событиям предшествовало принятие нового университетского Устава 1863 г., по которому учебная и научная деятельность университета сосредотачивалась на четырех факультетах, возглавляемых деканами. В эти же годы цензурные функции на выпуск книг от Министерства народного просвещения (МНП) были переданы в Министерство внутренних дел (МВД). Министр народного просвещения А. В. Головин писал, что впредь МНП, «покровительствуя литературе и ее развитию, не может быть строгим судьей» [2]. В апреле 1865 г. был опубликован именной указ «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати». По данному официальному документу освобождались от предварительной цензуры все оригинальные сочинения, объем которых не превышал 10 печатных листов, переводные сочинения объемом не менее 20 печатных листов, а также все издания университетов и научных обществ. Либеральные правительственные меры в области книгоиздания способствовали увеличению книжного потока, в том числе в российской провинции. Однако в конце 1870-х гг. усилились политические брожения среди учащейся молодежи. Министр народного просвещения Д. А. Толстой предпринял попытку проведения новой реформы в университетах в целях усиления правительственного влияния на учебный и научный процессы. Последовала очередная отставка министра народного просвещения. Ситуация в образовательной сфере непосредственным образом повлияла на развитие книгоиздательского дела в стране.

Согласно цифровым данным, отраженным в вышепредставленной таблице, видно, что в 1880–1890-е гг. объем выпуска научных книг превысил соответственно тысячу и две тысячи названий. Данные исторические факты свидетельствуют о возросшем образовательном уровне населения, главным образом городского. Подготовка и проведение научно-промышленной выставки в Казани 1890 г., в павильонах которой были представлены отделы научный, учебный, типографский, промышленный, увеличили выпуск печатной продукции, в том числе по развитию отраслей производства, по народному образованию, медицине. В эти годы увеличился выпуск продолжающихся изданий ученых обществ университета, например «Известий» ОАИЭ, «Записок» КЭО, земской делопроизводственной документации, официальных изданий городских дум, каталогов и дополнений к каталогам общественных и личных библиотек, книг Переводческой комиссии при Братстве святителя Гурия, документации общественных объединений и др.

Анализируя содержательный аспект казанской научной исторической книги за полувековой период, следует отметить, что она отражала проблемы отечественной и всеобщей истории, исторического краеведения, этнографии, археологии, этнологии. Вспомогательные исторические науки представлены книгами по нумизматике, бонистике, источниковедению. Значительный сегмент книгоиздания составляют книги по истории образования, экономической истории (истории народного хозяйства), истории религии, истории права, истории медицины.

Тематический репертуар казанской научной исторической книги в 1850–1890-е гг. (в названиях)*

Годы	Отеч. ист.	Все-общ. ист.	Ист. краев.	Этно-граф.	Этно-лог.	Археол.	Вспом. ист. науки	Ист. обр.	Ист. нар. хоз.	Ист. религ.	Ист. права	Ист. мед.	Всего
1850–1859	6	5	2	2	2	1	2	2	6	1	3	1	33
1860–1869	12	11	1	3	4	1	2	15	11	1	2	–	63
1870–1879	31	7	6	4	2	8	–	47	19	3	3	3	133
1880–1889	47	24	3	15	6	8	4	109	15	11	7	8	257
1890–1899	59	11	4	25	16	20	10	226	71	12	16	72	542

*Составлено по: Каталог книг, отпечатанных в типографии императорского Казанского университета с 1800 по 1896 год. Казань, 1896. С. 42–323; Каталог книг, отпечатанных в типографии императорского Казанского университета с 1896 по 1899 год. Казань, 1899. С. 1–80; Список книг, пожертвованных профессором

В. И. Подвысоцким в библиотеку императорского Казанского университета. Казань, 1901. С. 11–13, 32, 34, 37, 52, 61, 63, 67, 68, 82, 86; Алфавитный каталог книг, пожертвованных университету почетным членом, заслуженным профессором Н. Н. Буличем. Казань, 1896. С. 7, 8, 14, 16, 21, 24, 29, 33, 35, 36, 38, 45, 48, 55, 63, 68, 69, 73, 74–76, 85, 89, 92, 99, 104, 106, 107, 113, 118, 124, 138, 139, 140, 141, 174, 175, 180–181, 194, 209, 215, 216, 219, 225, 226, 228.

В 1850-е гг. были изданы книги известного российского ученого-ориенталиста И. Н. Березина (1818–1896). Их выпуск объясняется высоким статусом казанской научной восточной школы. Интерес к трудам ученого, несмотря на сложное внутреннее положение в России и на международной арене, был велик. А потому считаем нужным более подробно остановиться на его книгах, к тексту которых могут обращаться и современные исследователи. Предметом интересов ученого был Восток, настоящее и прошлое его народов. И. Н. Березин был не только ученым-филологом, но и ученым-историком. С 1849 г. он издавал сборники арабских летописей – «Библиотека восточных историков» [3]. В предисловии первого сборника он так определил свою задачу по изданию столь ценных материалов: «Не желая оставаться деятелем, совершенно чуждым русской истории... я решил приступить к собиранию и обнародованию в подлиннике и переводе сказаний восточных писателей о монголах, а также о тюркских и других племенах, обитавших в первобытной России, пополняя эти известия извлечениями из географов мусульманских» [4]. Содержание первого сборника составляет «Шейбаниада» на арабском языке с параллельным переводом на русский язык. Ценность сборника усилена научным комментарием, примечаниями и указателем собственных имен, упоминаемых в оригинальном и переводном текстах. Второй и третий тома «Библиотеки восточных историков» были отпечатаны в типографии губернского правления. Содержание второго тома составляет татарская летопись, составленная в царствование Бориса Годунова, которая находилась в библиотеке Казанского университета. Татарская летопись небольшая по объему, она составляет около 50 страниц. Березин переписал ее арабскими буквами. Русский перевод этого памятника был сделан Н. И. Ильминским, однако в содержание сборника не был включен по причине отсутствия согласия с автором перевода, который находился в путешествии по странам Востока. «Книга родословия тюркского» Абуль-гази вошла в третий том «Библиотеки восточных историков». Данное историческое сочинение хивинского хана было известно в Европе уже во второй четверти XVIII столетия. Его автор являлся потомком Чингизхана, принадлежал к образованным государям Востока, его поэтическим творчеством, философскими трактатами зачитывались современники. В третьем томе содержится общее предисловие к выпуску И. Н. Березина (с. I–II), предисловие переводчика данного памятника, составленное профессором Казанской Духовной академии Г. С. Саблуковым (с. III–XVIII), предисловие к «Книге родословия тюркского» на русском языке (с. 1–4) и русский текст данной летописи. Перевод родословной тюркского племени был составлен по печатному изданию летописи, которое было издано в Казани в типографии университета в 1825 г. по инициативе графа Н. П. Румянцева, известного государственного деятеля, мецената и коллекционера раритетов. Одновременно текст перевода соотносился с самой рукописью, хранившейся в Санкт-Петербургской АН. Одновременно с изданием «Библиотеки...» И. Н. Березин обратился к другим источникам по истории Золотой Орды – к ханским ярлыкам и к монетам [5]. Его работы о ярлыках относятся к 1850-м гг., тому предшествовала серьезная работа в Главном архиве иностранных дел Москвы, где он тщательно изучал источники по истории монголов. Тарханские ярлыки Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея имеют важное научное значение. Являясь ценнейшими государственными актами, они знакомят с государственным устройством Золотой Орды, социальными условиями, с общественными обязанностями граждан по отношению к правительству, исполнению ими различных повинностей. Оба ярлыка воспроизведены арабскими буквами [6]. В 1850 г. в казанской типографии Н. Коковина был издан «Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыш к польскому королю Ягайлу. 1392–1395 годов» князем М. А. Оболенским (1805–1873), почетным членом Казанского университета и Казанского Общества любителей отечественной словесности, историком-архивистом, директором Московского архива Министерства иностранных дел. При подготовке данного сборника к печати И. Н. Березиным была выполнена следующая работа: составлены комментарии к содержанию ярлыка, было отмечено, что ханский ярлык разъясняет характер дипломатических отношений русских и литовских князей с ханами Золотой Орды. Ученый также переписал его арабскими буквами, перевел на русский язык и снабдил развернутыми примечаниями, которые составили около 20 страниц. Вместе с тем сам ярлык занимает текст чуть более одной страницы. Будучи серьезным ученым-историком, И. Н. Березин по ханским ярлыкам описал историю внутреннего устройства Золотой Орды. Столь ценный труд казанского ученого был издан в типографии Санкт-Петербургской Академии наук [7]. Профессор И. Н. Березин дважды посетил развалины Булгара на Волге, в 1846 и в 1852 гг. В 1853 г. в типографии Казанского университета была

издана книга «Булгар на Волге». Составленное описание являлось наиболее полным и содержательным к середине XIX в. Историческая судьба Булгарского «царства, когда-то стоявшего в близких торговых отношениях с русскими, должна найти себе место в древней истории России», – писал казанский ученый-ориенталист [8]. Историческое обозрение Булгар представлено в четырех главах книги. Будучи ученым-востоковедом, И. Н. Березин своими трудами и издательской деятельностью сформировал научную базу для изучения и разъяснения характера взаимоотношений России со странами Востока.

Среди исторических книг, выпущенных в 1850-е гг., следует назвать книгу профессора русской истории Н. А. Иванова (1813–1869) «О значении Иоанна Грозного в русской истории вообще и в особенности восточной России» (1852), в которой много страниц отведено покорению Казанского ханства русскими войсками. В эти же годы продолжал публиковать свои исследования известный ученый-славист В. И. Григорович (1815–1876), однако его книга «О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях» и другие имели историко-литературное, историко-лингвистическое значение. Актовая речь 1856 г. И. К. Бабста «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала» явилась свидетельством появления в Казани ученого-либерала, ратовавшего за необходимость преобразований в экономическом секторе страны. Интерес к данной книге казанского ученого был велик. В 1857 г. И. К. Бабст был переведен на службу в императорский Московский университет.

Среди исторических работ 1850-х гг. следует остановиться на сочинении А. П. Шапова «Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII и в первой половине XVIII века» (1859). Данное исследование было написано по материалам летописей Соловецкого монастыря, хранившимся в фундаментальной библиотеке Казанской Духовной академии. Важную роль в формировании неподдельного интереса к этой проблеме сыграл профессор университета С. В. Ешевский, тесно общавшийся с выпускником Духовной академии.

В перечне выпущенных книг 1850-х гг. наблюдается появление серьезных исследований о нерусских народах края, о быте крестьян Казанской губернии, об особенностях традиций жителей Кунгурского уезда Пермского края.

В 1860-е гг. продолжали издаваться книги по изучению народов финно-угорской и тюркской групп. Заслуживают внимания сочинения Н. И. Золотницкого, П. Д. Шестакова, священнослужителя Е. А. Малова. К этой же группе книг относится исследование профессора русской истории университета Н. А. Фирсова «Иностранческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация земель в это время» (1869). Однако 1860-е гг. прошли под именем Н. А. Осокина, они стали весьма плодотворными в творческой биографии профессора всеобщей истории. Историк-медиевист опубликовал труды: «Савонарола и Флоренция», в 2 ч. (1865), «Заметки по экономической истории Италии» (1865), «Аттендоло Сфорца и королева Иоанна II. С изложением истории утверждения Аррагонской династии в Неаполе и Сфорцы в Милане» (1867), «Личный и исторический характер Оливера Кромвеля» (1868), «Вступительная лекция в курс истории XIII века» (1868), «История альбигойцев и их времени до кончины папы Иннокентия III. Т. 1–2» (1869). В русской историографии альбигойское движение до Н. А. Осокина не исследовалось. Общественный интерес к сочинениям по всеобщей истории продиктован осмыслением поисков дальнейших путей развития России. Известно, что европейские страны прежде России вступили на цивилизационный путь развития.

В течение 1866 г. вышли книги по случаю векового юбилея Н. М. Карамзина (1766–1826), российского ученого-историка, члена Санкт-Петербургской АН. Данному событию были посвящены монографии профессора Н. А. Фирсова «К истории северо-восточной России» (1866), профессора С. М. Шпилевского «История государства Российского в отношении истории права» (1866), «Два слова в память Карамзина» М. И. Петровского и др. Репертуар исторической книги этого времени был расширен. В 1867 г. в Казани была создана миссионерская организация – Братство святителя Гурия. Его целевой установкой было распространение христианства среди нерусского населения на территории Казанской губернии. В этот год была выпущена объемная историческая записка о создании данной организации. В последующие годы регулярно издавались годовые отчеты и иные материалы, публиковавшиеся от имени данной общественной организации.

В 1870-е гг. выпуск исторических книг был посвящен предстоящему IV Археологическому съезду, проходившему в Казани в 1877 г., и итогам его работы. Среди них: «Известия о занятиях IV Археологического съезда в Казани» (1877), «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии» С. М. Шпилевского (1877), «Список с писцовых книг по г. Казани с уездом» (1877), подготовленный к IV Археологическому съезду Советом Казанской Духовной академии и др. Имя С. М. Шпилевского (1833–1907), профессора университета, историка и архео-

лога, одного из учредителей ОАИЭ становится известным далеко за пределами Казанского края. Его книги «Путешествие императрицы Екатерины II по Волге» (1873), «Указатель исторических достопримечательностей Казани» (1873), «Заботы императора Александра I о Казани» (1877) стали раритетами. В 1867 и 1887 гг. он издавал газеты «Справочный листок Казани» и «Волжско-Камское слово».

В это же десятилетие продолжалась напряженная научная деятельность профессора всеобщей истории Н. А. Осокина, результатом которой явились его труды: «Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами» (1872), «Неаполитанские государи в XIV веке» (1873).

В 1872 г. была опубликована диссертация Д. А. Корсакова по истории Ростово-Суздальского государства – «Меря и Ростовское княжество», которая подтвердила факт появления нового имени в научном сообществе Казани, Российской империи в целом. В 1877 г. вышел первый том «Рукописей Соловецкого монастыря», хранившихся в библиотеке Казанской Духовной академии. Исторические события, касающиеся «Соловецкого монастыря перед возмущением монахов-старобрядцев в XVII столетии» (1879), были описаны И. Я. Сырцовым. В 1880–1890-е гг. составление описей рукописей Соловецкого монастыря было продолжено. Не прекращался выпуск историко-этнографических и историко-этнологических зарисовок о народах Поволжского края и Приуралья, авторами которых были местные исследователи. «Быт самарских крестьян» (1873), «Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис» (1877) Н. И. Золотницкого, «Крещеные вотяки Казанского уезда, их языческие поверья, обряды, обычаи» (1877) А. Миропольского, «Общие сведения о мордве Самарской губернии. Их антропологический характер, поздние браки и влияние их на крепость и сложение народа. Национальные особенности черепа» (1878) Н. Малиева, «Левиратный брак у древних евреев» И. М. Маслова и др.

Преподавателем Казанской учительской семинарии и Мариинской гимназии, близким другом Н. И. Ильминского, В. Н. Витевским (1845–1906) был опубликован труд «Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти в половине XVIII века» (1877). Будущим историографом Казанского университета, краеведом, профессором истории и теории русского права Н. П. Загоскиным в 1870-е гг. были подготовлены и изданы следующие монографические исследования: «Очерки организации и происхождение служилого сословия в допетровской Руси» (1875), «Уставные грамоты XIV–XVI веков, определяющие порядок местного правительственного управления» (1875), «О праве владения городскими дворами в Московском государстве. Историко-юридический очерк» (1877), «Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и земский собор 1648–1649 годов» (1879).

В 1880-е гг. российская общественность торжественно отмечала 200-летний юбилей Василия Никитича Татищева (1686–1750), первого российского историка, ученого, автора солидного труда – «История Российская с самых древнейших времен». Данное событие пышно праздновалось в ноябре 1886 г. в стенах университета. На торжественном собрании с речами выступили профессор русской истории Д. А. Корсаков и Н. А. Фирсов. Позднее их выступления были изданы отдельными оттисками. Это Н. А. Фирсов «Воззрения В. Н. Татищева на историю вообще и русскую в особенности, и связь их с реформой Петра Великого» (1886) и Д. А. Корсаков «Василий Никитич Татищев» (1886). К юбилею В. Н. Татищева было приурочено издание его «Духовной» (1885), которая была подготовлена к печати Андреем Николаевичем Островским (1836–1906), членом ОАИЭ, императорского Казанского экономического общества, младшим братом известного русского драматурга Александра Николаевича [9].

Среди серьезных научных исследований начала 1880-х гг. следует назвать диссертацию Д. А. Корсакова «Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Исторический этюд. Вып. 1-й». XLIII, 303 с.; Вып. 2-й. 88 с. В 1881 г. Н. П. Загоскиным был издан отзыв на данное исследование под заглавием «Верховники и шляхетство 1730 года». В ноябре 1889 г. Д. А. Корсаковым была прочитана актовая речь на годовичном собрании университета – «Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на Восток», выпущенная в том же году отдельным изданием. В эти же годы российская наука по проблемам всеобщей истории пополнилась трудами казанского ученого Н. А. Осокина: «К биографии Паоло Сарпи. Неизданный документ из Венецианского архива» (1880), «Политические движения в Западной Европе в первой половине нашего века» (1885), «История средних веков. С приложением очерка средневековой историографии». Т. 1–2 (1888), «Общая генеалогическая таблица Каролингов» (1888). В этот же временной отрезок были изданы сочинения Ивановских, Виктора Викторовича, профессора университета, и Николая Ивановича, историка, доктора богословия Духовной академии. Перу первого ученого принадлежат труды «Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России» (1881), «Организация местного самоуправления во Франции и Пруссии» (1885), в которых проанализированы вопросы функционирования организаций местного самоуправления в России и

странах Европы. Профессор Казанской Духовной академии Николай Иванович Ивановский в своих трудах «Измышленный старообрядческий собор» (1882), «Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических». Ч. 1–2 (1887) осветил историю и состояние раскола и сект к концу XIX в. Его работы содержат ценный фактический материал и основаны на серьезном изучении и осмыслении старообрядческой литературы.

Историко-этнографические исследования данных лет были представлены сочинениями И. Н. Смирнова, профессором русской истории, этнографом и этнологом, «Черемисы» (1889). В начале 1890-х гг. будут изданы труды о других народах края – «Вотяки» (1890), «Пермяки» (1891), «Мордва» (1892). Работы И. Н. Смирнова содержат богатую историографию по рассматриваемым проблемам. Эти же работы ученого вошли в «Известия» ОАИЭ соответствующих годов. Кроме того, «Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии» исследовал учитель Сарапульского уездного училища В. Кошурников. Его книга была издана в 1880 г.

В 1880-е гг. по-прежнему слышались отголоски итогов работы IV Археологического съезда. Были подготовлены и изданы «Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года» Т. 1. Отдельным изданием в 1882 г. вышли «Два реферата, читанные на IV Археологическом съезде в Казани в 1877 году» И. А. Износковым, директором народных училищ Казанской губернии. В 1891 г. был издан объемный второй том – «Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года».

С 1880 по 1889 г. самое большее число названий книг было издано по истории народного образования. В среднем в течение каждого года публиковалось около (либо более) 10 названий. Среди них развернутые исторические записки по открытию учебных заведений, которые также составлялись по случаю юбилейных и памятных дат. Каталоги книг для чтения личных и общественных библиотек, включая библиотеки научных обществ, студенческих библиотек по факультетам университета, книжных магазинов и т. д. Правила для учащихся учебных заведений, их уставы являлись частью выпущенных книг. Например, «Студенческий каталог книг по чистой математике студенческой библиотеки императорского Казанского университета» (1885), «Каталог книжного магазина А. А. Дубровина» (1885), «Каталог книг библиотеки Казанского пехотного юнкерского училища» (1889), «Общий Устав российских университетов» (1889).

Следует отметить, что в эти годы источниковедческое знание пополнилось «Неизданными грамотами из Афонских архивов» Владимира Васильевича Качановского, приват-доцента университета, и «Славянскими рукописями Патриаршей библиотеки в Иерусалиме» Николая Федоровича Красносельцева, профессора Казанской духовной академии. Оба свода исторических источников были выпущены в 1888 г.

Тематика многих исторических книг 1890-х гг. определялась важным событием, произошедшим в губернском центре. С мая по сентябрь 1890 г. работала Казанская научно-промышленная выставка, на которой собрались производители Поволжья, Урала, Сибири, Северного Кавказа, Москвы, Санкт-Петербурга, а также центральных и западных губерний. В павильонах научного отдела Выставки были представлены экспонаты историко-этнографического, книжно-типографского, медико-санитарного и учебного отделений. В работе Выставки принимала участие типография императорского Казанского университета, которая получила высшую награду – Почетный отзыв. В 1890-е гг. особенно много (по сравнению с предыдущими десятилетиями) издавалось книг по отраслям народного хозяйства России, в том числе сосредоточенных в Казани и в уездах губернии. Среди них: «О кустарном производстве в России» (1890), «К вопросу о состоянии промышленности в России в конце XVII и первой половине XVIII столетия» (1890), «Руководство для наборщиков» (1890), «Огнестойкие бетонные и глиняно-цементовые крыши» (1891), «Очерк крестьянского хозяйства в Средне-волжских губерниях» (1892), «Страхование сельскохозяйственных посевов от неурожая» (1892), «Пчеловодство в Казанской губернии и меры для его развития» (1894), «Правила внутреннего трудового распорядка для рабочих завода братьев Крестовниковых» (1898) и др.

Сочинения по русской истории представлены книгой Д. А. Корсакова «Из жизни русских деятелей XVIII века» (1891); сочинениями В. Н. Витевского: «И. Н. Ильминский – директор Казанской учительской семинарии» (1891), «Клады и кладоискание на Руси» (1894), «И. И. Неплюев – организатор Оренбургского края» (1894), «Святое коронование русских царей и цариц в чин святого миропомазания их при венчании на царство» (1895/1896). Один из близких коллег Н. И. Ильминского, В. Н. Витевский, часто публиковался в столичных журналах – в «Русском архиве», в «Древней и Новой России», в областных газетах. Он получил заслуженную известность, прежде всего, как исследователь Оренбургского края и истории Уральского казачьего войска. В 1889–1897 гг. в типо-литографии

В. М. Ключникова в Казани была опубликована его историческая монография в пяти выпусках (томах) – «И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года». В 1893 г. одно из юбилейных заседаний ОАИЭ было посвящено 200-летию со дня рождения Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773), виднейшего русского государственного деятеля. В 1894 г. в типографии университета были отпечатаны книги профессора русской истории Н. А. Фирсова «О связи деятельности И. И. Неплюева с преобразовательной деятельностью Петра Великого»; Н. Н. Фирсова «Политическое и финансовое значение колонизационной деятельности И. И. Неплюева». Следует дополнить, что т. 12 «Известий» ОАИЭ включает полный текст материалов об И. И. Неплюеве.

В 1890-е гг. стали появляться научные сочинения Николая Николаевича Фирсова, приват-доцента русской истории, ученика Д. А. Корсакова. Перу Н. Н. Фирсова принадлежат книги «Правительство Московской России и Петр Великий в их отношениях к торговому и торгово-промышленному классу» (1891), «Голод перед смутным временем в Московском государстве» (1892), «Некоторые черты из истории торгово-промышленной жизни Поволжья» (1898) и др. В 1902 г. он успешно защитил диссертацию на звание доктора русской истории, позднее был возведен в чин статского советника.

Среди 59 названий книг по проблемам русской истории, выпущенных в 1890-е гг., значительную часть составляют материалы о деятельности органов местного самоуправления – городских дум, земских управ и собраний, выступления гласных на отдельных сессиях, в том числе дворянских собраний. Например, Д. А. Корсаков «Доклад Казанскому губернскому дворянскому собранию очередной сессии 1890 года комиссии для исследования нужд дворян Казанской губернии» (1890), «Хозяйственный отчет Чистопольской уездной земской управы за 1893–1894 годы» (1894), «Постановления чрезвычайного Тетюшского уездного земского собрания 1895 года» (1895) и др.

Заслуживают внимания книги Василия Константиновича Магницкого (1839–1901), известного в казанском крае историка, педагога и этнографа. Инспектор народных училищ Казанской и Вятской губерний в 1890-е гг. издал следующие труды: «Об ирихах у чуваш» (1891), «Этнографическо-статистические данные о браках чуваш Казанской губернии» (1892) и др. Цикл статей Михаила Николаевича Пинегина (1863–1935), известного историка-краеведа и этнографа, о свадебных обычаях казанских татар послужил основой его книги с одноименным заглавием (1891). В этот период продолжал научно-исследовательскую деятельность профессор университета И. Н. Смирнов, результатом которой явились книги «Вотяки» (1890), «Пермяки» (1891), «Программа для собирания сведений о быте мордвы» (1892).

Известный российский ученый-тюрколог Николай Федорович Катанов (1862–1922), профессор университета, опубликовал ряд ценных этнографических трудов. Среди них: «Этнографический обзор тюрко-татарских племен» (1894), «О погребальных обрядах у тюркских племен» (1895/1896), «Китайский бунтовщик Чи-чи-гун» (1895/1896) и др. Н. Ф. Катановым была описана уникальная «Нумизматическая коллекция И. А. Износкова», включавшая монеты европейских и восточных народов, «Обозрение персидских монет», хранящихся в Нумизматическом музее университета, было составлено Дарием Ильичем Нагуевским (1845–1918), профессором университета, который одновременно являлся его директором. Им был продолжен перечень книг по вспомогательным историческим наукам. К 100-летию кончины императрицы Екатерины II он составил «Обозрение медалей и монет» прошедшей эпохи (1895/1896). В 1894 г. Д. И. Нагуевским было выпущено новое исследование «Труды Московского нумизматического общества». «Монеты Золотой Орды» – еще одна книга, вышедшая в типографии университета в 1895/1896 гг. без указания имени автора-составителя. К числу ценных исследований по бонистике следует отнести труд Петра Андреевича Никольского (1858–1921), профессора университета. В 1892 г. была отпечатана его объемная монография, более 300 страниц, «Бумажные деньги в России». Не менее ценным для научно-исследовательской деятельности явился выпуск «Сборника и указателя статей, документов и рукописей, относящихся к Казанской губернии и хранящихся в Московском Главном архиве министерства иностранных дел» (1891).

В 1890-е гг. продолжали издаваться отчеты и сочинения членов императорского Казанского экономического общества, Братства святителя Гурия, ОАИЭ и других общественных объединений. Например, «Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за 25-й год» (1892), «Труды съезда сельских хозяев Казанской губернии, бывшего в сентябре 1893 при Казанском экономическом обществе» (1894), «Устав Общества сельских хозяев Чистопольского уезда» (1895/1896) и др. Выпуск этих книг характеризуют бурную общественную жизнь в губернии.

В 1895/1896 гг. вышли «Указатель достопримечательностей Казани» А. П. Верещагина (издание Дубровина) и «Спутник по Казани», справочная книга Н. П. Загоскина. Обе книги, как исторические источники, были изучены современными историками-краеведами при подготовке к печати нового «Путеводителя по Казани» [10].

Весьма разнообразен книжный репертуар по истории народного образования. В 1890-е гг. продолжали издаваться ежегодные отчеты о деятельности учебных заведений Казани и Казанской губернии, правила и инструкции для учащихся, дополнения к каталогам учебных, общественных и личных библиотек, циркуляры и список должностных лиц КУО, отчеты комиссий народных чтений, правила пользования и управления библиотекой университета и другими библиотеками города, правила получения ученых степеней, юбилейные книги по случаю 50-летия Казанской Духовной академии и др.

Анализ книг по истории народного образования показал, что в 1890-е гг. при Казанском университете учреждались именные стипендии памяти знаменитых и знатных людей края. «Положение о стипендии заслуженного профессора университета, тайного советника Модеста Яковлевича Киттары» (1892), «Положение о стипендии потомственного почетного гражданина Казани Николая Ивановича Акатьева» (1892) и др. В эти же годы при университете был создан Комитет для образования капитала им. Н. И. Лобачевского. Комитет поощрял ученых за выдающиеся работы в области геометрии. В 1898 г. выпущена книга «Первое присуждение премии Н. И. Лобачевского».

Образ Великой русской императрицы Екатерины II и ее связь с Казанским краем запечатлен известными казанскими учеными Н. А. Осокиным (1891) и А. С. Архангельским (1897). Профессор истории русского права Н. П. Загоскин одну из своих работ, изданную в 1893 г., посвятил пребыванию «Императора Павла I в Казани» в мае 1798 г. Перечень книг о царствующих особах дома Романовых продолжился в последующие годы. Образ императора-либерала Александра II воссоздан в книгах Алексея Александровича Царевского, выпускника Казанской Духовной академии – «Император Александр II – освободитель» (1895/1896). В том же году выпущена книга священнослужителя Александра Ивановича Александрова «Царь-освободитель, преобразователь и просветитель России, император Александр II». Тираж данных книг был солидным, превышал 2000–3000 экз. В 1895 г. в Казани на Ивановской площади состоялось открытие памятника Александру II. Это событие было ярко описано историками и краеведами – «Царь-освободитель император Александр II. Открытие памятника в Казани 30 августа 1895 года» (1895/1896), «Подробный церемониал освящения и открытия памятника императору Александру II в Казани» (1895/1896). В 1894 г. скончался император Александр III. Эта скорбная страница в российской истории раскрыта в книгах «Болезнь и кончина императора Александра III и восшествие на престол Николая II» (1894), «Блаженной памяти царя-мироотворца» А. А. Царевского (1894). В 1895 и 1896 гг. эти книги были переведены на черемисский и калмыцкий языки.

Проведенный анализ показал богатый тематический репертуар исторической научной книги, большая часть которой издавалась в Казани. Ее темы определялись состоянием общероссийского научного знания. Это касалось, прежде всего, книг по проблемам российской и всеобщей истории, истории русского права, источниковедения. Тематическое многообразие книг по вспомогательным историческим наукам, историческому краеведению, по актуальным проблемам этнографии, этнологии, археологии, экономической истории и по истории прикладных наук определялось местным своеобразием и особенностями социально-экономического развития многонационального Казанского края.

Примечания

1. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Издание МНП, 1902. С. 226.
2. *Там же.* С. 411.
3. НА РТ. Ф. 977. Описание. Правление. Ед. хр. 5936. Лл. 1, 1 об.
4. *Березин И. Н.* Библиотека восточных историков. Т. 1. Казань: Типография университета, 1849. LXXIX, 30, [161] с. разд. паг.; Т. 2. Ч. 1. Казань: Типография губернского правления, 1854. VII, [83] с.; Т. 3. Ч. 1. Казань: Типография губернского правления, 1854. XVIII, 130 с.
5. НА РТ. Ф. 977. Описание. Правление. Ед. хр. 5936. Лл. 1, 1 об.
6. *Березин И. Н.* Ханские ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея с введением, переписью, переводом и примечаниями. Казань: Типография университета, 1851.
7. *Березин И. Н.* Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб.: Типография АН, 1850. [4], 24 с.
8. *Березин И. Н.* Булгар на Волге с рисунками болгарских древностей и надписей. Казань: Тип. унта, 1853. 91 с., 2 л. ил.
9. *Островский Андрей Николаевич*, дворянин, историк, археолог, библиофил, мировой судья, земский начальник в Чистопольском уезде Казанской губернии, член Казанского Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), императорского Казанского экономического общества (ИКЭО). Участвовал в работе съезда сельских хозяев Казанской губернии и Выставке посевных семян 1893 г., организованных ИКЭО. Историк Н. П. Лихачев свою книгу «Книгопечатание в Казани за первое пяти-

десятилетие существования в этом городе типографий» (1895) посвятил своему другу и коллеге А. Н. Островскому. В 1896 г. А. Н. Островский перешел на службу в Крестьянский, а затем в Дворянский банк. Умер 3 февраля 1906 г. в Петербурге.

10. *Бобченко Т. С.* Казань. Путеводитель / Т. С. Бобченко, А. В. Гарзавина, К. Р. Синицына. Казань: Таткнигоиздат, 1970.

Notes

1. Rozhdestvensky S.V. *Istoricheskij obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902* [Historical overview of the activities of the Ministry of national education. 1802-1902.] SPb. Edition of the MNP. 1902. P. 226.

2. Ibid. P. 411.

3. NA RT. F. 977. Shedule. Board. Unit of issue 5936. Sh. 1, 1 turn.

4. Berezin I. N. *Biblioteka vostochnyh istorikov* [Library of Eastern historians]. Vol 1. Kazan. Printing house of the University. 1849. LXXIX, 30, [161] p.; Vol 2. Pt. 1. Kazan. Printing house of provincial government. 1854. VII, [83] p.; Vol. 3. Pt. 1. Kazan. Printing house of provincial government. 1854. XVIII, 130 p.

5. NA RT. F. 977. Shedule. Board. Unit of issue 5936. Sh. 1, 1 turn.

6. Berezin I. N. *Hanskie yarlyki Tohtamysha, Timur Kutluka i Saadet Gireya s vvedeniem, perepis'yu, pervodom i primechaniyami* [Khan labels of Tokhtamysh, Kutluk Timur and Saadet-Girey with introduction, census, translation and notes]. Kazan. Printing house of the University. 1851.

7. Berezin I. N. *Vnutrennee ustrojstvo Zolotoj Ordy (po hanskim yarlykam)* [The internal structure of the Golden Horde (Khan labels)]. SPb. Printing house of the Academy of Sciences. 1850. [4], 24 p.

8. Berezin I. N. *Bulgar na Volge s risunkami bulgarskih drevnostej i nadpisej* [The Bulgars on the Volga with pictures of Bulgarian antiquities and inscriptions]. Kazan. Printing house of the University. 1853. 91 p., 2 sheet with illustr.

9. Ostrovsky Andrey, nobleman, historian, archaeologist, a bibliophile, a magistrate, a district chief in Chistopol district of Kazan province, member of the Kazan Society of Archeology, History and Ethnography (OAI), Imperial Kazan economic society (IKES). Participated in the work of the Congress of farmers Kazan province and the Exhibition of sowing seeds 1893, organized by IKES. Historian N.P. Likhachev devoted his book "Typography in Kazan for the first fifty years of existence of typographies in this city" (1895) to his friend and colleague A. N. Ostrovsky. In 1896 A. N. Ostrovsky entered the service in the Peasant bank and then in Noble Bank. Died on February 3, 1906 in St. Petersburg.

10. Babchenko T.S. *Kazan'. Putevoditel'* [Kazan. Guide] / T.S. Bobenko, A. V. Garzavina, K. R. Sinitsyna. Kazan. Tatknigoizdat. 1970.

УДК 61(470.57)

Р. О. Багаутдинов, А. З. Гафаров

Боевые действия Отдельной Башкирской кавалерийской бригады на туркестанском фронте в период Гражданской войны

Статья посвящена участию Отдельной Башкирской кавалерийской бригады Красной Армии под командованием Мусы Лутовича Муртазина в Гражданской войне. В августе 1919 г. Башкирская бригада в составе 4-й армии была привлечена к участию на Восточном фронте. В статье подробно описаны наиболее интересные военные операции данной бригады на этом фронте.

This paper focuses on the actions of Red troops on the Eastern Front. And the participation of some of the Bashkir cavalry brigade of the Red Army under the command of Musa Lutovicha Murtazina in this war. In August 1919, the Bashkir team consisting of 4 – First Army was engaged to participate on the Eastern Front. Described herein in detail the most interesting military operations this team, on this front.

Ключевые слова: история Гражданской войны, Отдельная Башкирская кавалерийская бригада, М. Л. Муртазин, история Башкирских войск, Восточный фронт, кавалерия.

Keywords: history of the Civil War, Private Bashkir cavalry brigade, ML Murtazin, the history of the Bashkir troops, Eastern Front, the cavalry.

История Отдельной Башкирской кавалерийской бригады под командованием Мусы Лутовича Муртазина занимает в истории Башкортостана значимую страницу. Башкирская бригада, в отличие от других башкирских частей, прошла долгий и сложный путь формирования и участия в боевых действиях Гражданской войны.

Особенно отличилась эта бригада на Восточном и Польском фронтах. Необходимо более подробно показать боевые действия Отдельной Башкирской кавалерийской бригады на Восточном, точнее Туркестанском фронте.

Рассмотрев вопрос о помощи Туркестану, ЦК партии и Реввоенсовет РСФСР в первых числах августа 1919 г. решили создать особый Туркестанский фронт. Командующим фронтом был назначен М. В. Фрунзе. В состав Туркестанского фронта вошли 1-я, 4-я армии, астрахановская группа войск, переименованная в 11-ю армию, и войска Туркестанской республики [1].

Башкирская бригада Муртазина после окончательного перехода на сторону красных была подчинена 24-й дивизии 1-й армии в статусе Отдельной Башкирской кавалерийской бригады [2]. 24 августа 1919 г. командир 1-й армии Зиновьев отдал приказ командирам 24-й, 20-й и 49-й дивизии: «С переходом Башкирской бригады Муртазина на нашу сторону вопрос о взаимоотношениях между башкирами и нами стал ясен. Приказываю – бригаде Муртазина предоставить боевой участок с непосредственным подчинением 24-й дивизии. О разоружении не может быть и речи. Предлагаю оказывать всякое содействие товарищу Муртазину. За недоразумения, возникшие на почве недоверия, отвечает в первую очередь командир 24-й дивизии» [3].

Бригада была отправлена в район Озерский – Нижний Илецк для следующего передвижения в район Миргородский – Акбулакский. После переброски по приказу № 04129 Башкирская кавалерийская бригада находилась в подчинении 4-й армии [4].

К маю 1919 г. 2-й армией наступление белогвардейцев на Казань было остановлено. Главные силы Колчака под давлением красных частей начинают отходить на восток. Из-за этого на Оренбургском и на Уральском направлениях учащаются восстания казаков, которые в течение зимы были сбиты со всех своих позиций и отброшены вглубь киргизских степей. Но несмотря на это казачьи войска в Уральской области широко снабжались англичанами через Гурьев боеприпасами, оружием, техническими и боевыми средствами, что увеличивало боеспособность казаков. Командарму 4-й армии Фрунзе было приказано ликвидировать сопротивление Уральского, Илецкого и Оренбургского казачества (армия Толстого, Белова и др.). К октябрю 1919 г. в Уральской области оперировал главным образом белый корпус генерала Толстого [5], ликвидировать который было поручено 4-й армии, в составе которой была Башкавбригада.

2 октября бригада располагается в районе поселка Филипповское (штаб в хуторе Моргунов) и начинает разведку в направлении Акбулак – Миргородский. Политработник бригады Камалов в своих воспоминаниях писал: «4 и 5 октября наши подразделения провели разведку в направлении поселков Миргородский, Акбулак, Полтавский. Больших сил противника не обнаружилось. 6 октября наши полки предприняли наступление на Миргородский и Полтавский. Эти села были заняты без напряженных боев, сравнительно легко, а главное – без потерь. 5 белоказачков сдались в плен и при допросе дали новые, довольно убедительные сведения о расположении противника. В бою, продолжавшемся около одного часа, захватили мы и первые небогатые трофеи: 12 винтовок, ящики с патронами, 9 лошадей с седлами и повозками, несколько пудов муки, мяса, овса. Неприятель отступал на Нефорошанский и Акбулак» [6]. Тогда же казаки предприняли внезапный налет на Миргородский, где стояла часть Башкирской кавалерийской бригады. По воспоминаниям Муртазина, «...в ночь с 10 на 11 октября около пяти полков казаков (по показаниям пленных, 2-й, 4-й, 5-й, 8-й и 15-й казачьи полки) внезапно напали на бригаду. Первая группа – один полк обеспечивал прикрытие правого фланга своих главных сил, и поэтому для уничтожения дивизиона направлялась на поселок Миргородский. Вторая группа, которая состояла из четырех полков противника, шла на штурм поселка Акбулак. Бригада не смогла противостоять такой крупной силе противника и с боями отошла на Сухореченское» [7].

После однодневного отдыха Башкирская кавалерийская бригада в полном составе выдвинулась на поселок Акбулак, чтобы свести счеты с противником. После проведения разведки выяснилось, что ни в поселке Акбулак, ни в поселке Миргородский противника обнаружено не было. 13 октября разведка обнаружила противника в районе Нефрашановки. Их было там около двух полков. Комбриг с проводниками киргизами по бездорожью, сокращая путь с 25 до 18 километров, повел бригаду в дневную атаку. План атаки был прост: один эскадрон 6-го полка должен был атаковать противника в лоб возле деревни Нефрашановка и с боем отойти, привлекая на себя противника. Пеший эскадрон из станкового пулемета – открывать огонь по вышедшему на плато противнику. Сигналом для атаки должен был служить залп передней линии 5-го полка и пулеметный огонь пешего эскадрона.

Ровно в 14 часов началась операция. Эскадрон, который должен был отвлекать на себя противника, атаковал Нефрашановку и встреченной контратакой около 5–6 сотен казаков отошел согласно приказу. Бригада после сигнального огня перешла в атаку. Противник, не ожидавший такого шага, был потрясен и начал панически отступать, оставив около 200 убитыми и пленными, трофеи более 80 лошадей, два пулемета [8]. В этом бою бригада захватила много пленных белогвардейцев, вернула более 200 пленных красноармейцев. Разбив противника, бригада преследовала его до поселка Курмантай и после его полного разгрома вернулась назад в Шатырлы [9].

13–14 октября Башкирская кавалерийская бригада вошла в состав «Илецкой группы» войск, которая состояла из 1-й и 3-й бригады, 49-й стрелковой дивизии. Муртазин в своих воспоминаниях писал, что «против “Илецкой группы” войск противостояли около трех казачьих полков и около 2000 партизан. В Троицком – Лубенском поселке было около 500 сабель белоказаков, в поселке Белгородском – около 500 сабель партизана Ершова. Большие силы казаков были в районе Григорьевка – Нефрашановка – Улусайск. Там стояли 2-й Мухранский, 15-й Илецкий и 8-й казачьи полки с несколькими партизанскими отрядами, общей численностью до 1000 человек» [10].

В районе станции Линевской 18 октября Башкирская кавалерийская бригада разгромила партизанский отряд полковника Ершова. Однако бригада к этому времени после изнурительных боев была сильно измотана. Вдобавок к этому вокруг буйствовала эпидемия тифа. В этих условиях 134-й и 437-й полки 1-й бригады 49-й стрелковой дивизии в районе Чунгая попали в окружение. И комбриг этой бригады обратился за помощью к Муртазину. Невзирая на тяжелое положение бригады, комбриг Башкирской кавалерийской бригады решил помочь попавшим в окружение частям. Чунгай был окружен четырьмя полками белых. Бригада с боями заняла господствующие высоты противника. Но отступающий противник успел сообщить своим главным силам об опасности. После этого главные силы противника, бросив окружение Чунгая, всеми силами атаковали Башкирскую кавалерийскую бригаду. Они решили окружить Башбригаду, и полк белых казаков, обходя позиции бригады, ударил с правого фланга. Два полка пошли в лобовую атаку, и один полк ударил с левого фланга. Белые хотели «клещами» с двух флангов уничтожить Башкирскую кавалерийскую бригаду, которая была предоставлена самой себе. Комбриг Муртазин, поняв план противника, решил своими силами без помощи артиллерии и пехоты контратаковать противника. По приказу Муртазина 5-й полк атаковал противника с фланга. И совместно с 1-м эскадром 6-го полка уничтожил его левую колонну. Один эскадрон 6-го полка со всеми пулеметами и комендантской командой занял господствующую высоту и отбивал с выгодных позиций атаки противника. Два эскадрона ударили противнику с правого фланга. Таким образом, противник, идущий окружать Башбригаду, благодаря умелым и своевременным действиям комбрига Муртазина сам оказался в окружении.

Бригада успешно атаковала противника с двух сторон. Сначала была уничтожена левая колонна противника, остальная часть либо убежала с поля боя, либо была взята в плен. В результате был убит командир полка противника, захвачено много пленных и раненных, полностью уничтожено 8-й, 4-й кавалерийские полки и захвачено 12 пулеметов [11]. Противник оставил Чунгайский район и отступил. Потери бригады составили шесть человек убитыми и девять – ранеными. Башкирская кавалерийская бригада после боя обратно вернулась в Григорьевку. Этот бой был одним из самых тяжелых и упорных боев с казаками. Потом белые казаки боялись Башкавбригады и не вступали с ним в бой.

После этого боя бригада без боя заняла поселок Акбулак. Здесь комбриг предоставил дневной отдых своей бригаде.

После занятия Илецкой группой поселка Нефрашановка Башкирской кавалерийской бригаде был дан приказ: совместно с 1-й пехотной бригадой направиться на Курмантай. 1-я стрелковая бригада с артиллерией атаковала Курмантай. С фланга наступала Башкирская кавалерийская бригада под командованием М. Л. Муртазина. Противник, не выдержав натиск, оставил Курмантай и отступил на юг.

Основные силы казаков были сосредоточены в Джембетовской ставке (Куспы), это было их последним основным опорным пунктом. Холодный, морозный день бригада преследовала противника. Она шла по снегу, и неподкованные лошади передвигались медленно, люди мерзли. Приходилось проходить через деревни, сплошь зараженные тифом. Несмотря на тяжелое состояние нельзя было дать возможности противнику собрать свои силы в Джембетовской ставке. Поэтому Муртазин торопил своих конников. И не дожидаясь подхода пехоты, решил своими силами расправиться с противником. 5-й полк атаковал во фланг с юга, а 6-й полк – с тыла. Противник был окружен со всех сторон. Его пути отхода были отрезаны. После ожесточенного сопротивления он пытался спастись через реку Аща – Сай Улента. Часть орудий, обозов и людей потонули, часть рассеялась. Через некоторое время с опозданием пришла пехота.

Впоследствии Камалов Г. Х. вспоминал: «М. В. Фрунзе придавал огромное значение ликвидации вражеской группировки в Джембетинской ставке, в районе озер Джампир-Куль, Ко-

ра-Тюба. Операция по окружению Джамбетинской ставки была проведена тактически блестяще. Наши авангардные подразделения, используя точные данные о расположении огневых (орудийных и пулеметных) точек и сторожевой охраны противника, быстро и бесшумно кинулись на них и сняли, порвали линии связи, а после этого направились в дом, где находился штаб противника. Когда со всех сторон наши части стали наполнять улицы и площади, в рядах белоказаков началась невероятная паника. Многие их офицеры, оставив на произвол судьбы своих солдат, не приняв боя, разбежались, скрылись, многие сдались в плен» [12].

В ходе этих боев был взят последний опорный пункт белых войск. Здесь было захвачено более 1000 пленных, два орудия, 1000 лошадей и 1000 патронов [13]. Более 500 человек сдались в плен. Среди них были больные и люди, собирающиеся эмигрировать.

2 декабря полевой штаб 4-й армии указал, что «противник разбит в многодневных боях с доблестными частями армии и отходит в южном направлении, причем его части разъединены. Деморализованную боями и эпидемией... Башбригаду отправить в распоряжение командира 1-й армии в район Горищенская – Никольское (50 верстах от Оренбурга)» [14].

Получившая это распоряжение Башбригада была действительно в тяжелом состоянии, эпидемия тифа не пощадила и ее бойцов. Больницы были переполнены, и больных некуда было отправлять на лечение. С каждым днем бригада таяла, теряя лучших своих бойцов и командиров.

Но тем не менее бригада продолжала участвовать в боевых операциях, ежедневно выезжая на поиски и ликвидацию рассеянных групп противника. Отдых бригады в Джамбетинской совмещался с регулярной разведкой боем. «Наши подразделения нередко, особенно ночами, совершали налеты в районах Кара – тюба и Калмыковки, то уничтожая эскадрон противника, то его огневые точки, то боевое охранение» [15] – писал по этому поводу Камалов.

В конце декабря Башкирская кавалерийская бригада была отведена в село Каргалы. 25 ноября из-за сильной эпидемии тифа она получила разрешение сняться с фронта и стала подлечивать свои раны. В Каргалах бригада находилась до апреля 1920 г. Здесь она пополнилась за счет новой мобилизации и была направлена на Польский фронт.

Так закончилась эта страница Отдельной Башкирской кавалерийской бригады на Восточном фронте. Башкирская кавалерийская бригада, хотя и разбила много белогвардейских отрядов, однако потеряла 60% своего состава. Не щадили конников ни война, ни эпидемия. Башкирские воины после окончательного перехода на сторону красных полностью оправдали себя, завоевывав авторитет, славу в боях и подтверждая все это в дальнейших сражениях на Юго-Западном фронте.

Примечания

1. *Машин М. Д.* Вооруженная борьба трудящихся Южного Урала против внутренней и внешней контрреволюции. Иркутск, 1991. С. 238.

2. Проблемы востоковедения. 2011. № 1. С. 79.

3. *Муртазин М. Л.* Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. Уфа, 2012. С. 93.

4. Там же. С. 96.

5. Толстов Владимир Сергеевич (07(19). 07.1884, станица Гурьевская Уральской области – 1956, Сидней, Австралия). Генерал-лейтенант (октябрь, 1919). Из уральских казаков, сын наказного атамана Терского казачьего войска. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1905). Участник Первой мировой войны, командир 4-го Уральского казачьего полка, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, полковник (1917), генерал-майор (1918). В ноябре 1918 г. командовал Гурьевским участком фронта. Войсковой атаман Уральского казачьего войска (с 11.03.1919), командующий Отдельной Уральской армией (08.04.1919 – январь 1920). После поражения белого движения уехал за рубеж. В эмиграции проживал в Персии (Иран), затем – во Франции. В 1942 г. уехал в Австралию.

6. *Камалов Г. Х.* Отдельная башкирская кавалерийская бригада на фронтах Гражданской войны. Уфа, 1972. С. 23–24.

7. *Муртазин М. Л.* Указ. соч. С. 98.

8. ЦАОО РБ. Ф. 10276. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

9. *Муртазин М. Л.* Указ. соч. С. 103–104.

10. Там же. С. 104.

11. ЦАОО РБ. Ф. 10276. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

12. *Камалов Г. Х.* Указ. соч. С. 39.

13. ЦАОО РБ. Ф. 10276. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

14. *Муртазин М. Л.* Указ. соч. С. 112.

15. *Камалов Г. Х.* Указ. соч. С. 43.

Notes

1. Mashin M.D. *Vooruzhennaya bor'ba trudyashchihsya YUzhnogo Urala protiv vnutrennej i vneshnej kontrrevolyucii* [Armed struggle of the workers of the southern Urals against internal and external counter-revolution]. Irkutsk. 1991. P. 238.
2. Problems of Oriental studies. 2011, No. 1, p. 79.
3. Murtazin M. L. *Bashkiriya i bashkirskie vojska v Grazhdanskuyu vojnu* [Bashkiria and Bashkir troops in the Civil war]. Ufa. 2012. P. 93.
4. Ibid. P. 96.
5. Tolstov Vladimir Sergeevich (07(19). 07.1884, village Gurievskaya of the Ural region - 1956, Sydney, Australia). Lieutenant-General (October, 1919). Has his origin from the Ural Cossacks, the son of ordered ataman of the Tersk Cossack army. He graduated from the Nicholas cavalry school (1905). The participant of the First world war, the commander of the 4 th Ural Cossack regiment, was awarded with the order of St. George of the 4th degree, Colonel (1917), Major-General (1918). In November 1918 he commanded Guriev sector of the front. Military chieftain of the Ural Cossack troops (with 11.03.1919), commander of a Separate Ural army (08.04.1919 - January 1920). After the defeat of the white movement he went abroad. In exile he lived in Persia (Iran), then in France. In 1942, he left for Australia.
6. Kamalov G.H. *Otdel'naya bashkirskaya kavalerijskaya brigada na frontah Grazhdanskoj vojny* [Separate Bashkir cavalry brigade in the Civil war]. Ufa. 1972. Pp. 23-24.
7. Murtazin M. L. Op. cit. P. 98.
8. CAO RB. F. 10276. Sh. 1. File 1. Sh. 26.
9. Murtazin M. L. Op. cit. Pp. 103-104.
10. Ibid. P. 104.
11. CAO RB. F. 10276. Sh. 1. File 1. Sh. 26.
12. Kamalov G.H. Op. cit. P. 39.
13. CAO RB. F. 10276. Sh. 1. File 1. Sh. 27.
14. Murtazin M. L. Op. cit. P. 112.
15. Kamalov G.H. Op. cit. P. 43.

УДК 94(497.2)“1947/1953”:327.7

А. В. Збоев

Болгарский вопрос в ООН в 1947–1953 гг.

В статье исследуются различные аспекты взаимодействия СССР и США по болгарскому вопросу в рамках ООН на начальном этапе холодной войны. Рассматриваются вопрос о причастности Софии к гражданской войне в Греции; проблема нарушений прав человека в Болгарии; дискуссии о принятии Болгарии в состав ООН. Автор показывает, как использование великими державами международной трибуны в собственных политических целях препятствовало урегулированию спорных вопросов и способствовало ухудшению международных отношений.

The article explores the aspects of the interaction between the USSR and the USA on the Bulgarian question within the UN at the beginning of the Cold War. The author dwells such problems as the question of the involvement of Sofia to the civil war in Greece; the problem of human rights violations in Bulgaria; discussions on the adoption of Bulgaria in the United Nations. The author shows how exploitation of UN by the great powers in their own political interests interfered the settlement of disputes and promoted the deterioration of international relations.

Ключевые слова: ООН, Болгария, США, СССР, холодная война, послевоенное урегулирование, права человека.

Keywords: UN, Bulgaria, USA, USSR, Cold War, postwar settlement, human rights.

Создание в 1945 г. Организации Объединённых Наций по праву называют одним из важнейших событий в истории международных отношений и знаковой вехой, обозначившей влияние США на развитие социально-экономических, политических и международных процессов в мире в середине XX в. [1] С деятельностью новой организации, как это было указано в преамбуле

её устава, связывались надежды пережившего две мировые войны человечества на избавление грядущих поколений от бедствий новых войн, утверждение основных прав человека, содействие социальному прогрессу и улучшение условий жизни [2]. Однако не успели ещё отгреметь бои Второй мировой, как в мире уже стало проявляться глобальное столкновение интересов участников «Большой тройки», в условиях которого трибуна ООН стала превращаться в новый фронт политического и идеологического противостояния Востока и Запада.

Установление советской сферы влияния в странах Восточной Европы сопровождалось целенаправленными мерами Кремля по ограждению её от влияния западных стран. Вследствие этого, как свидетельствуют программные документы Государственного департамента США, американское руководство надеялось правом использовать ООН для преодоления политической изоляции оказавшихся за «железным занавесом» стран, оказания давления на их правительства и поддержки антикоммунистической оппозиции [3].

Характер и эволюцию методов использования Вашингтоном и Москвой Организации Объединённых Наций в качестве инструмента политического давления в их взаимных отношениях и в отношениях с третьими странами наглядно можно проследить на примере Болгарии (с 1946 г. – НРБ – Народная Республика Болгария). Как бывшая союзница Германии эта страна была до 1947 г. связана условиями перемирия, подписанного со странами Антигитлеровской коалиции, и подчинялась деятельности Союзной Контрольной комиссии, где ключевые посты занимало советское военное командование. В 1944–1947 гг. в стране интенсивно развивались процессы по установлению и укреплению коммунистического режима, который должен был стать надёжной опорой для Советского Союза на Балканском полуострове. Подписание мирного договора с Болгарией в 1947 г. формально вновь делало её полноправным субъектом международных отношений, что предполагало, в том числе, предоставление ей возможности вступления в ООН. По ряду причин, которые будут рассмотрены ниже, этой возможности не дано было реализоваться до смены в США, СССР и НРБ руководителей первого поколения холодной войны. Тем не менее болгарский вопрос (проблема причастности Софии к гражданской войне в Греции, проблема защиты прав человека в Болгарии, вопрос о вступлении НРБ в ООН) на протяжении всего этого времени не сходил с повестки дня международной организации.

Первой проблемой в ООН, в которую оказалась вовлеченной Болгария, оказался греческий вопрос. Ещё на завершающем этапе войны и в первые послевоенные месяцы Москва, зная заинтересованность Запада в Греции, использовала противостояние левых и правых сил в этой стране в своих интересах. Острую политическую ситуацию и присутствие британских войск в Греции советские дипломаты часто использовали в качестве контраргумента, когда их западные коллеги поднимали вопрос о нелегитимности режимов, пришедших к власти в странах Восточной Европы, и о присутствии за рубежом советских оккупационных войск [4].

Победа правых сил на парламентских выборах в Греции стала отправным пунктом для начала гражданской войны, которая очень скоро стала проблемой международного характера. Уже с середины 1946 г. члены Совета Безопасности (СБ) ООН стали получать сведения об участившихся пограничных инцидентах в Северной Греции и оказании Югославией, Болгарией и Албанией помощи греческим повстанцам в их борьбе против правительства. 3 декабря Афины через своего постоянного представителя в ООН Т. Агнидеса официально обратились к генеральному секретарю организации Трюгве Ли за помощью в урегулировании ситуации. В ходе предварительного обсуждения в СБ ООН представители четырех балканских стран отказались признать свою причастность к пограничным инцидентам [5]. 19 декабря СБ ООН, основываясь на предложении представителя США Г. Джонсона [6], и в соответствии со ст. 34 Устава Совета принял резолюцию об учреждении «Комиссии по расследованию фактов, относящихся к так называемым нарушениям границ, будто бы имевшим место вдоль границ между Грецией, с одной стороны, и Албанией, Болгарией и Югославией, с другой стороны» [7]. До 15 января Комиссия должна была прибыть на место и в скорейшие сроки приступить к изучению обстановки и составлению экспертного заключения.

Опрос 256 свидетелей и изучение десятков тысяч страниц материалов, относящихся к делу [8], привели большинство участников комиссии к выводу о наличии угрозы политической независимости и территориальной неприкосновенности Греции. Основным источником этой угрозы была признана Югославия, в меньшей степени – Болгария, которая была признана ответственной за вооружение и предоставление баз для греческих повстанцев и за ведение сепаратистской пропаганды в греческой части Македонии [9]. Советские и польские участники комиссии, однако, придерживались противоположной точки зрения, отрицая обвинения в адрес Софии, Белграда и Тираны и возлагая ответственность за сложившуюся ненормальную ситуацию на греческое руководство, проводящее курс разжигания гражданской войны и притесняющее национальные меньшинства, которым не остаётся ничего иного, кроме бегства в сопредельные государства [10].

Советская сторона отмечала ангажированность выводов западных представителей, среди которых был, в частности, бывший сотрудник южноевропейского отдела Госдепартамента Сирил Блэйк и издатель Марк Этридж [11] – «небезызвестный сочинитель “обвинительных” документов», по выражению болгарского историка И. Боева [12].

На основании заявлений греческого правительства и материалов Комиссии по расследованию Генеральная Ассамблея (ГА) ООН приняла 21 октября 1947 г. резолюцию № 109, в которой содержалось предписание правительствам Албании, Болгарии и Югославии отказаться от помощи греческим партизанам и предпринять меры для нормализации отношений с Грецией, установив с ней дипломатические отношения и заключив соответствующие конвенции по урегулированию пограничных вопросов. Для дальнейшего контроля за греческой ситуацией и её урегулирования был создан Специальный комитет ООН по Балканам (UNSCOB – United Nation Special Committee on Balkans) [13].

В отношении новой комиссии СССР занял неоднозначную позицию. С одной стороны, советская сторона не стала применять право вето при её учреждении, но в то же время вместе с Польшей отказалась от участия в ней, а также поддержала Югославию и Болгарию в их решении не впускать представителей комиссии на свою территорию [14]. Советская пресса открыто обвиняла «марионеточный» комитет в фабрикациях фальшивок и поджигании новой войны [15].

Доклады Балканского комитета, в которых подтверждались факты враждебной деятельности союзников СССР в отношении Греции, стали основанием для принятия ГА ООН нескольких резолюций, не особенно эффективных и мало отличавшихся по содержанию. Разве что на фоне советско-югославского раскола обвинения Ассамблеи в адрес Белграда стали постепенно затухать. Резолюция № 382 от 1 декабря 1950 г. признала Югославию стороной, выполняющей рекомендации ООН [16]. В Вашингтоне отметили, что разрыв с Коминформом повлиял на практически полное прекращение враждебных действий по отношению к Греции со стороны Тито и сделал Албанию более уязвимой для натиска Запада и ООН [17]. Основная доля ответственности за дестабилизацию обстановки на Балканах с начала 1950-х гг. стала возлагаться на Болгарию [18] (отмечался также рост поддержки партизан со стороны Румынии и других восточноевропейских стран). В 1951 г. в ГА ООН поднимался вопрос о враждебной деятельности уже против Югославии стран советского блока, первыми среди которых были названы СССР и Болгария [19].

Завершение в 1949 г. гражданской войны в Греции не сняло греческий вопрос с повестки дня ООН: нерешёнными оставались проблемы беженцев и партизан. По различным сведениям, несколько тысяч греческих партизан нашли убежище на территории Болгарии и Албании, что препятствовало восстановлению отношений этих стран с Грецией и сохраняло конфликтную обстановку [20]. Тем не менее в декабре 1951 г. Специальный комитет по Балканам за ненадобностью был распущен [21]. Вместо него для инспектирования ситуации в районах наибольшей напряжённости на северных границах Греции создавалась более компактная (в составе трех-пяти человек) Балканская подкомиссия в Комиссии по наблюдению за поддержанием мира [22]. Но даже и этот шаг был раскритикован болгарской и советской дипломатией как очередная попытка вмешательства Запада во внутренние дела стран народной демократии, как манёвр для вывода Тито из затруднительного положения (поскольку ранее Югославия выступала против деятельности Специального комитета по Балканам) [23] и как средство превращения Греции и Турции в «военные базы империалистов» [24].

Влияние разгоревшегося летом 1950 г. военного конфликта на Корейском полуострове не обошло стороной Болгарию. Наряду с другими социалистическими странами она выступила в поддержку КНДР и осудила США за развязывание войны. 27 августа 1950 г. болгарский лидер В. Червенков в письме к советскому представителю в СБ ООН Я. А. Малику выразил возмущение болгарского народа американскими «чудовищными варварскими бомбардировками, осуществляемыми... против мирного населения» [25], а позднее болгарское руководство выступило с осуждением применения американцами бактериологического оружия [26]. В начале 1952 г. в Корею была направлена болгарская санитарная бригада доктора К. Мичева [27]. В ответ американцы обвиняли восточноевропейские государства в «по крайней мере, моральной» поддержке агрессии Москвы и Пхеньяна в Корею, концентрировали внимание мирового сообщества на собственных проблемах этих государств, как, например, на проблеме соблюдения прав человека [28].

Обязанность обеспечивать пользование всеми лицами, «без различия расы, пола, языка или религии», «правами человека и основными свободами, включая свободу слова, печати и изданий, религиозного культа, политических убеждений и публичных собраний» была зафиксирована во всех мирных договорах, подписанных в 1947 г. с бывшими сателлитами Германии. Однако различия в трактовке Западом и Востоком таких понятий, как «демократия» и «права человека», заведомо превращали этот пункт в благодушное и не вполне определённое пожелание, создававшее

основу для споров и дискуссий в будущем. Великобритания и США отказывались признать легитимность просоветских правительств, пришедших к власти в странах Восточной Европы в результате их освобождения Красной Армией, что в первую очередь касалось Болгарии, Венгрии и Румынии. Западные державы смотрели на них как на полицейские государства, управляемые коммунистическим меньшинством, которые не намерены соблюдать свои обязательства ни во внутренней, ни во внешней политике [29]. Политическая жизнь в этих государствах в 1944–1948 гг. характеризовалась приходом к власти коммунистических партий, ликвидации «профашистских элементов», последовательным искоренением оппозиции, преследованием «агентов Тито» и прочих представителей «пятой колонны» в своих странах.

Руководству Болгарской коммунистической партии к концу 1948 г. удалось полностью сосредоточить всю власть в НРБ в своих руках, несмотря на активные попытки США и Великобритании противостоять устранению оппозиционных болгарских партий и её наиболее видных деятелей [30]. Однако только в 1949 г. вопрос о правах человека в странах ЦЮВЕ был поднят на повестку дня в ООН, и поводом для этого стала организация в Болгарии и Венгрии судебных процессов в отношении протестантских и католических священников, обвинённых в шпионаже в пользу Запада [31]. Вполне обоснованное вмешательство Лондона и Вашингтона как гарантов соблюдения мирного договора в урегулирование сложившейся ситуации болгарская пропаганда, как и историография 1950–80-х гг., расценила как «империалистический натиск» [32], применение «тотальной дипломатии» [33], направленной на вмешательство в дела суверенных стран и оправдывающей нарушения самим Западом правил и договорённостей [34]. Несмотря на тенденциозный характер таких оценок, нельзя назвать их бесосновательными. После отхода греческой проблемы на второй план переключение внимания мирового сообщества на другой информационный повод позволяло поддерживать постоянное пропагандистское давление на коммунистические страны и СССР и сохранять в своих руках дополнительный инструмент в переговорах с Москвой.

8 марта 1949 г. заместитель начальника европейского отдела Госдепартамента Л. Томпсон подал на имя Госсекретаря Д. Ачесона меморандум, в котором сообщал, что вызванный религиозными преследованиями в Болгарии и Венгрии интерес к проблеме гражданских прав и свобод в восточноевропейских странах может быть использован для косвенного давления на СССР через его сателлитов [35]. Томпсон предлагал задействовать заложенный в мирном договоре 1947 г. принцип коллективного решения споров [36]. В середине марта предполагалось поднять вопрос о правах человека в Болгарии, Венгрии и Румынии в дипломатической переписке с их правительствами, а также в ООН. Ожидалось, что Кремль, откажется поддержать американские обвинения и назначить своего представителя в комиссию для урегулирования проблемы. Неуступчивость Москвы и её союзников в таком случае могла быть использована американцами для их дискредитации и оказания давления на них в ООН [37].

16 и 19 марта делегации Боливии, Австралии и нескольких других стран направили Генеральному секретарю ООН письма с предложением рассмотреть в Генеральной Ассамблее вопрос о религиозных преследованиях в Болгарии и Венгрии [38]. 2 апреля Госдепартамент США через миссию в Софии направил болгарскому правительству ноту с обвинениями его в ущемлении прав человека и нарушении 2 ст. мирного договора [39]. Ответная нота НРБ в адрес США была направлена только 22 апреля. София не только не признала предъявленные «неосновательные и несодержательные» обвинения, но и назвала их «проявлением недружелюбной пропаганды, несовместимой с принципами международного права и поощряющими профашистские и вражеские элементы в стране» [40].

Ещё до получения ответа от обвиняемых сторон 12 апреля в ООН болгаро-венгерский вопрос был передан на рассмотрение временного политического комитета для обсуждения и подготовки проекта резолюции. Делегация СССР выступила против вынесения данной темы на повестку дня Генеральной Ассамблеи, ссылаясь на то, что «даже если бы имели место какие-либо нарушения», их рассмотрение в ООН противоречило бы процедуре, предусмотренной мирными договорами с Болгарией и Венгрией [41]. Однако 13 апреля большинством голосов делегаты высказались за внесение вопроса в повестку дня дальнейших заседаний ГА ООН [42] и в ходе прений выработали проект резолюции [43].

30 апреля на 203-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи правительства Болгарии и Венгрии были официально обвинены в действиях, противоречащих целям ООН и принятым данными правительствами обязательствам. Резолюция № 272 предписывала Софии и Будапешту предпринять меры для пресечения нарушений, а дальнейшее рассмотрение вопроса переносилось на четвёртую сессию ГА ООН [44].

Вопрос о правах человека в Болгарии и Венгрии был затронут в дипломатической переписке США с СССР. 31 мая советский посол в Вашингтоне А. С. Панюшкин получил ноту Госдепартамента с

предложением к советскому руководству назначить своего представителя в комиссию для решения спора согласно ст. 36 мирного договора с Болгарией. Как и ожидалось, Москва отклонила предложение, заявив об отсутствии оснований для спора [45]. Представлялось очевидным, что участие Запада в восточноевропейских делах может сыграть на руку американцам и Москве не выгодно. К 1 августа советская сторона так и не выдвинула своего представителя для участия в совместной комиссии, прибавив к американскому списку претензий к советскому блоку ещё один пункт [46].

Переписка США и Великобритании, с одной стороны, и СССР, Болгарии и Венгрии – с другой, безрезультатно продолжалась в течение всего 1949 г. Обсуждение данной проблемы в ООН также имело незначительный результат. 22 сентября 1949 г. вопрос о правах человека в Болгарии, Венгрии (к которым была добавлена и Румыния) был передан на рассмотрение политического комитета ГА ООН. В резолюции № 294 от 22 октября было отмечено, что обвиняемые страны по-прежнему игнорируют рекомендации ООН, в связи с чем дело было передано в Международный суд для рассмотрения вопросов: 1) существует ли сам факт спора с Болгарией, Венгрией и Румынией (поскольку их правительства этот факт отрицали); 2) обязаны ли они подчиниться требованиям ООН и направить своих представителей в комиссию для урегулирования; 3) будет ли генсек ООН в случае отказа трёх стран от сотрудничества уполномочен назначить третьего представителя в комиссию для решения спора; 4) будет ли в таком составе комиссия уполномочена выносить решения, обязательные для выполнения [47].

30 марта и 18 июля 1950 г. Международный суд ООН в Гааге рассмотрел поставленные вопросы и утвердительно ответил на первые два из них (большинством в 11 голосов против трех) [48]. Ввиду того что третий и четвёртый вопросы не были представлены Суду для немедленного ответа (лишь только в случае, если обвиняемые стороны не выдвинут своих представителей), генсек ООН не был уполномочен назначать третьего члена комиссий по урегулированию.

Болгарское правительство активно выступало против попыток дипломатической интервенции со стороны Запада. Предварительно согласовав с Москвой проект [49], 29 октября министр иностранных дел НРБ М. Нейчев направил на имя Трюгве Ли письмо с протестом болгарского правительства против необоснованных претензий и решений ГА ООН и её политического комитета, занимавшегося вопросами, не входившими в его компетенцию. Среди прочих, в ход пошёл и традиционный аргумент: болгарское правительство выразило глубокое удивление тем, что «обвинители находят в себе моральное право говорить об основных правах человека, когда в их собственной стране гонения на расовой и политической почве достигли крайних пределов» [50].

Решения очередного заседания ГА ООН, посвящённого восточноевропейским проблемам, стали свидетельством её бессилия в решении конкретных проблем стран советского лагеря. Принятая с учётом заключений Международного суда резолюция № 385 от 3 ноября 1950 г. фактически снимала вопрос о нарушениях прав человека в трёх странах с повестки дня. В ней с сожалением отмечалось, что правительства Болгарии, Венгрии и Румынии преднамеренно уклоняются от соблюдения обязательств и «относятся с грубым безразличием к чувствам, испытываемым во всём мире» [51]. Дальнейших мер за исключением обмена информацией и документами не предполагалось. В прямой дипломатической переписке Вашингтона с Москвой и Софией продолжение обвинений в нарушении прав человека также не представлялось целесообразным, тем более что в феврале 1950 г. США разорвали отношения с НРБ. Опасным и ненужным представлялось дальнейшее обострение советско-американских отношений по болгарскому вопросу – гораздо большее внимание политиков привлекали войны в Корее, Индокитае и других точках мира.

Таким образом, к концу 1950 г. обсуждение вопроса о правах человека сошло на нет, не приведя к ощутимым позитивным результатам, но только лишь ещё более ухудшив престиж социалистических стран и их отношения с западным миром.

Комплекс накопившихся в течение первых послевоенных лет обвинений в адрес НРБ, озвученных в ООН, имел закономерным следствием блокирование принятия страны в состав участников данной международной организации. Изначально её участниками стали около 50 государств. Приём остальных откладывался на некоторое время и был ограничен определёнными условиями: согласно Уставу ООН, «кандидаты» должны были быть признаны «миролюбивыми государствами», принять условия базовых документов ООН, получить рекомендацию Совета Безопасности и одобрение 2/3 голосов Генеральной Ассамблеи [52]. Для бывших гитлеровских союзников предусматривалось также, что они будут приняты в ООН только после подписания и вступления в силу мирных договоров. Однако противостояние великих держав, в которое эти страны оказались вовлечены, закрывало перед ними двери международной организации на неопределённый срок.

Как и для других стран, для НРБ вступление в ООН было вопросом национального престижа, признания легитимности и международного авторитета. В продвижении своих союзников в

состав организации был заинтересован также Советский Союз, чтобы усилить свои позиции в ней. При голосованиях по различным вопросам советская делегация могла рассчитывать лишь на поддержку делегаций Украины, Белоруссии, Польши и Чехословакии (на югославов после 1947 г. рассчитывать уже не приходилось), тогда как западные делегации всегда могли обеспечить себе подавляющий перевес за счёт многочисленных и послушных европейских и латиноамериканских представителей.

Ещё на конференции в Потсдаме летом 1945 г. члены Большой тройки разошлись во мнениях относительно порядка приёма бывших союзников Германии в состав ООН. Сталин и Молотов считали, что положение в Болгарии, Венгрии, Румынии, Италии и Финляндии во многом является схожим, и готовы были поддержать их кандидатуры, но только на условиях их одновременного принятия в организацию, тогда как западные союзники были готовы пропустить только Финляндию и Италию. Столкнувшись с такой позицией, советская дипломатия отказалась от поддержки этих двух стран. В конечном итоге вопрос о приёме новых членов ООН попал в зависимость от состояния советско-британо-американских отношений и превратился в предмет политического торга и дипломатического давления великих держав.

Особая заинтересованность Москвы и Вашингтона в приёме в ООН тех или иных стран порождала разного рода «разменные» проекты. На голосовании в СБ в сентябре 1947 Москва готова была поддержать кандидатуры Финляндии и Италии при условии, что также будут приняты Болгария, Венгрия и Румыния, но такой вариант не был принят [53]. В 1951 г. Вашингтон предложил рассмотреть в частном порядке вопрос по Италии, но Кремль выдвинул неприемлемые условия: выход Италии из НАТО и поддержка американцами Болгарии, Венгрии и Румынии [54].

Список «спорных» кандидатов на вступление в ООН в течение нескольких лет пополнялся всё новыми странами. 18 августа 1947 г. генеральный секретарь Трюгве Ли выступил с предложением одновременно принять в организацию Албанию, Монголию, Ирландию, Пакистан, Трансиорданию, Йемен, Австрию, Италию, Болгарию, Венгрию и Румынию. В Совете Безопасности данное предложение было отклонено представителями чанкайшистского Китая, США и Великобритании. Американский делегат Х. Джонсон при этом ещё раз подчеркнул, что правительство США «сильно сомневается, что эта страна (Болгария. – А. З.) при её настоящем режиме желает и может выполнять международные обязательства» [55].

Представитель СССР в Генеральной Ассамблее А. А. Громыко неоднократно выступал с критикой позиции США и Великобритании, подчёркивая, что они проталкивали в ООН такие «полуфашистские» страны, как Португалия, Трансиордания, Ирландия, но возражали против приёма Албании, Монголии, Болгарии, Венгрии и Румынии, которые «если и не сразу были противниками Гитлера, то сбросили свои авторитарные правительства и примкнули к коалиции» [56]. Также советские делегаты напоминали своим коллегам, что нейтралитет иных стран в годы Второй мировой войны оказался более вредным для общей победы над фашизмом, чем формальное участие Болгарии в войне на стороне Гитлера [57].

Тема борьбы США и СССР за места для своих союзников в ООН нашла применение в пропаганде. Болгарские печатные издания освещали действия Москвы в интересах болгарского народа и противодействие этому западных держав, обвиняемых в стремлении подчинить независимые государства своей воле [58]. Для американцев вопрос о членстве был поводом в очередной раз навязать Москве и её союзникам свои условия и напомнить общественному мнению о многочисленных нарушениях коммунистами их международных обязательств.

В обращениях высших должностных лиц из числа ЦК БКП к Генеральному секретарю ООН и к правительству США подчёркивался вклад Болгарии в разгром немецких войск, легитимный характер провозглашённой на референдуме 1946 г. народной республики и её соответствие требованиям ООН, напоминалось об обещании, данном американцами и англичанами в преамбуле мирного договора 1947 г. (о содействии приёму страны в ООН после вступления договора в силу), и опровергались предъявленные Западом обвинения [59]. Однако надеяться на благосклонность Вашингтона в существовавших международных условиях не приходилось. Разрыв отношений с США в 1950 г., как отмечает Й. Томашевский, «разбил перспективы принятия Болгарии в ООН» [60]. Некоторую роль сыграли и болгарские эмигранты, выступавшие за всяческое противодействие существующему коммунистическому режиму [61], хотя определяющим фактором стагнации процесса приёма новых членов было советско-американское противостояние. Шесть прошений болгарского правительства о принятии НРБ в ООН, поданные с 1947 по 1955 г., были отклонены [62].

Неутихающие советско-американские разногласия не предвещали скорого разрешения вопроса о принятии Болгарии в ООН. Очередное письмо главы государства В. Червенкова на имя председателя Совбеза от 30 июня 1952 г. не возымело действия [63]. Лишь со сменой власти в СССР удалось сдвинуть процесс с мёртвой точки. В декабре 1955 г. Генеральная Ассамблея ООН

вновь инициировала перед Советом Безопасности рассмотрение прошений на членство от ряда государств [64]. 8 декабря Совет Безопасности дал своё согласие и рекомендацию на принятие 16 государств [65]. 14 декабря Генеральная Ассамблея на основе резолюции № 995 утвердила в качестве новых членов ООН Албанию, Австрию, Венгрию, Иорданию, Ирландию, Испанию, Италию, Камбоджу, Лаос, Ливию, Непал, Португалию, Румынию, Финляндию, Цейлон и Болгарию, ставшую 76-й страной в составе Организации [66].

Отношения Болгарии с ООН на протяжении первого послевоенного десятилетия обозначились рядом негативных тенденций. Во многом они зависели от позиции Вашингтона, который рассматривал отношения с Болгарией лишь как производные от состояния советско-американских отношений. Характер диалога между Москвой и Вашингтоном был решающим фактором при разрешении локальных вопросов, и воля малых государств имела незначительный вес в международных делах.

Выявление и подчёркивание нарушений болгарским правительством целей и принципов ООН как во внутренней, так и во внешней политике способствовали формированию негативного образа страны в общественном мнении Запада и усилению её дипломатической изоляции. Определённую долю ответственности в этом несло и кремлёвское руководство, поддерживавшее болгарских коммунистов в их борьбе с оппозицией, а затем в уклонении от соблюдения международных обязательств.

США активно пользовались своим политическим лидерством в ООН для оказания политического и идеологического давления на СССР через его сателлитов. Преобладание сторонников США в ООН, её отделениях и комитетах позволяло американцам большинством голосов решать спорные вопросы в свою пользу, поднимать и рассматривать только определённый круг проблем. В то же время исключительные права СССР как одного из главных учредителей организации давали ему возможность блокировать неприемлемые для себя решения и пресекать попытки вмешательства в сферу своих жизненных интересов. В результате самым максимальным достижением западных стран стало принятие рекомендательных резолюций ГА ООН, которые Москва и её союзники не считали для себя обязательными. На трибунах ООН представителям Москвы и Вашингтона так и не удалось достичь компромисса по ряду спорных вопросов, связанных со странами Восточной Европы. С первых лет существования Организация показала небольшую эффективность в решении конфликтных ситуаций, когда они касались взаимоотношений ведущих держав. В этих условиях американское руководство всё больше склонялось к мысли о необходимости полагаться на НАТО как на реальную силу, используя ООН только в качестве дополнительного инструмента давления на коммунистов [67].

Примечания

1. Юнзблуд В. Т. От Лиги Наций к «системе всеобщей безопасности»: идеи организации мирового сообщества в воззрениях Ф. Д. Рузвельта, 1918–1941 годы // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. «Гуманитарные науки (История. Археология. Этнология)». 2007. № 3 (66). С. 66.
2. Преамбула Устава Организации Объединённых Наций. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/preamble.shtml>
3. Foreign Relations of the United States (Далее – FRUS). 1949. Vol. V. P. 24; FRUS. 1950. Vol. IV. Pp. 16, 32.
4. Объединённые Нации. Совет Безопасности. Официальный отчёт [Далее – СБ ООН]. 1946. 1 февр. С. 39–47; 4 февр. С. 49; Запарий Ю. В. Организация Объединённых Наций и «греческий вопрос» (1946–1950 гг.) // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 6. Сер. «Балканика». Вып. 1. Екатеринбург : [Изд-во УМЦ-УПИ], 2008. С. 119.
5. СБ ООН. 1946. 16 декабря. С. 197.
6. The Department of State Bulletin [Далее – DSB]. Vol. XV. № 391. December 29, 1946. P. 1171.
7. В состав комиссии вошли по одному представителю от каждого члена СБ ООН, определены связи для контактов с правительствами Греции, Албании, Болгарии и Югославии. Резолюция от 19 декабря 1946 года [S/339] // Резолюции и решения Совета Безопасности за 1946 год. Нью-Йорк, 1964. С. 4. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/NR0/751/45/IMG/NR075145.pdf?OpenElement>
8. DSB. Vol. XVII. № 418. July 6, 1947. P. 15.
9. Ibid. P. 18–19.
10. Ibid. P. 16.
11. Ibid. P. Vol. XVII. #423. August 10, 1947. P. 281. В 1945 г. издатель и редактор газеты «Луисвилль курьер джорнэл» Марк Этридж во главе американской миссии посетил ряд восточноевропейских стран для изучения их внутривластной обстановки. Сделанные им выводы о недемократичности установившихся в Болгарии и Румынии режимов стали основанием для продолжения Вашингтоном политики дипломатического непризнания этих стран.
12. Боев И. Балканика в глобальной политике на САЩ. 1945–1973. София, 1985. С. 86.

13. В состав комитета вошли представители от Австралии, Бразилии, Китая, Мексики, Нидерландов, Пакистана, США, Франции, Польши и СССР. Штаб комитета был установлен в Фессалониках. Резолюция 109. A/RES/109(II) Угроза политической независимости и территориальной неприкосновенности Греции. URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/109\(II\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/109(II))

14. Карасимеонов М. ООН и България. София, 1975. С. 60.

15. АВП РФ. Ф. 129. Оп. 33 б. Пап. 337. Д. 1. Л. 532; Калинин А. А. Греческий кризис 1945–1949 гг. в оценках советской прессы // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 109.

16. Резолюция A/RES/382(V). Угроза политической независимости и территориальной неприкосновенности Греции. URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/382\(V\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/382(V))

17. FRUS. 1949. Vol. VI. P. 408.

18. FRUS. 1951. Vol. II. P. 27.

19. Резолюция A/RES/509(VI). Угроза политической независимости и территориальной неприкосновенности Греции. URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/509\(VI\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/509(VI))

20. По западным источникам, к октябрю 1949 г. насчитывалось около 3000 партизан в Болгарии и 8000 в Албании. Kalijarvi T. V., Wilcox F. O. Recent American foreign policy: basic documents, 1941–1951. N. Y., 1952.

21. FRUS. 1951. Vol. II. P. 15.

22. Резолюция A/RES/508(VI). Угроза политической независимости и территориальной неприкосновенности Греции. URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/508\(VI\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/508(VI)); Занарий Ю. В. Указ. соч. С. 127.

23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 590. Л. 135.

24. Mitrovska-Dimitrova K. Bulgaria and the United Nations (1947–1955) // Problems of the transition from capitalism to socialism in Bulgaria. Sofia, 1975. P. 297.

25. Външна политика на Народна Република България [Далее – ВП НРБ]. Сб. от документи и материали: в 2 т. Т. 1. 1944–1962. София, 1970. С. 156.

26. Nakov A. Political Relation between Bulgaria and the USSR (1944–1958) // Problems of the transition from capitalism to socialism in Bulgaria. Sofia, 1975. P. 272.

27. Добриянов Т. Външната политика на НР България (1949–1956) // Международни отношения и външна политика на България след Втората световна война. Сб. София, 1982. С. 149.

28. FRUS. 1951. Vol. II. P. 356.

29. Kertesz S. D. Human Rights in the Peace Treaties // Law and Contemporary Problems 14,4 (Autumn 1949). P. 639.

30. Наиболее известными среди них были лидеры Болгарского земледельческого народного союза Г. М. Димитров, которому удалось найти убежище в эмиграции в США, и Н. Петков, который несмотря на заступничество Великобритании и США был казнён в 1947 г.

31. В феврале – начале марта в Болгарии проходил судебный процесс по делу 15 протестантских пасторов, обвинённых в шпионаже в пользу западных стран и пропаганде американского влияния. В Венгрии примерно в это же время разворачивался схожий процесс кардинала Миндсенти.

32. Григорова Ж. Балканската политика на социалистическа България. София, 1985. С. 243.

33. Nakov A. Op. cit. P. 271.

34. Mitrovska-Dimitrova K. Op. cit. 309.

35. FRUS. 1949. Vol. V. P. 233–235.

36. Ст. 36 данного договора гласила: любой спор относительно толкования выполнения Договора, не урегулированный путём прямых дипломатических переговоров, должен передаваться главам дипломатических миссий СССР, США и Великобритании. Любой спор, не разрешённый главами миссий в течение двух месяцев в случае, если стороны не придут к соглашению о способах урегулирования спора, должен передаваться в Комиссию в составе одного представителя от каждой из сторон и третьего члена, выбранного по взаимному соглашению двух сторон из граждан третьих стран. Если двум сторонам не удастся в месячный срок прийти к соглашению относительно назначения третьего члена, то любая из них может обратиться к Генеральному секретарю ООН с просьбой произвести такое назначение. См.: Мирный договор с Болгарией (Париж, 10 февраля 1947 г.). URL: http://lostart.ru/ru/documents/detail.php?ID=884#sub_36

37. FRUS. 1949. Vol. V. P. 234.

38. Ibid. Pp. 243–244.

39. Kalijarvi T. V., Wilcox F. O. Op. cit. Pp. 774–776.

40. Ibid. P. 776; ВП НРБ. С. 146–148.

41. АВП РФ. Ф. 129. Оп. 33 б. Пап. 337. Д. 1. Л. 805

42. 30 «за», 7 «против», 20 воздержались. Liang, Yuen-Li. Observance in Bulgaria, Hungary and Rumania of Human Rights and Fundamental Freedoms: Request for an Advisory Opinion on Certain Questions // The American Journal of International Law. 1950. Vol. 44. № 1. P. 100.

43. Ibid. P. 103. На рассмотрение были предложены проекты резолюций от Кубы, Боливии и Австралии. Принят в качестве рабочего боливийский проект с внесёнными поправками от делегаций Коста-Рики, Чили, Колумбии и других стран.

44. Результаты голосования: 34 «за», 6 «против» (СССР, УССР, БССР, Чехословакия, Польша и Югославия), 9 воздержались, 9 не участвовали в голосовании. См.: Резолюция A/RES/272(III). Вопрос о соблюдении прав человека и основных свобод в Болгарии и Венгрии. URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/272\(III\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/272(III)); FRUS. 1949. Vol. V. Pp. 245–246; Kalijarvi T.V., Wilcox F. O. Op. cit. P. 778.

45. АВП РФ. Ф. 129. Оп. 33 б. Пап. 337. Д. 1. Л. 671–672, 696–698; FRUS. 1949. Vol. V. P. 248–249, 251.

46. АВП РФ. Ф. 129. Оп. 33. Пап. 218. Д. 22. Л. 4–7; FRUS. 1949. Vol. V. P. 260.

47. Резолюция A/RES/294(IV). Соблюдение прав человека и основных свобод в Болгарии, Греции и Румынии. URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/294\(IV\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/294(IV)); FRUS. 1949. Vol. V. Pp. 268–271. На этот раз соотношение голосов было ещё более решительным: 47 «за», 5 «против», 7 воздержались (в том числе Югославия).

48. Несогласие выразили судьи Б. Виньярский (Польша), М. Зоричич (Югославия), С. Б. Крылов (СССР). См.: Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. Н.-Й., 1993. С. 12–13.; FRUS. 1950. Vol. IV. P. 12.

49. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1132. Л. 75.

50. ВП НРБ. С. 166–167; Карасимеонов М. Указ. соч. С. 61–62.

51. Резолюция A/RES/385(V). Соблюдение прав человека и основных свобод в Болгарии, Венгрии и Румынии. URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/385\(V\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/385(V))

52. Пункт 136 Правил процедуры Генеральной Ассамблеи. URL: <http://www.un.org/ru/ga/about/garules/14.shtml>

53. FRUS. 1949. Vol. II. P. 303.

54. FRUS. 1951. Vol. II. P. 378.

55. Мунтян М. А. Борьба Советского Союза за прием в ООН Болгарии, Венгрии и Румынии. Кишинёв, 1972. С. 70–71.

56. АВП РФ. Ф. 129. Оп. 33 б. Пап. 337. Д. 1. Л. 533.

57. СБ ООН. 1946. 17 сент. С. 190–191.

58. Писков Д. Болгария имеет право быть членом ООН // Новая Болгария. 1952. № 5. С. 15.

59. ВП НРБ. С. 88–90, 136–142; СБО. С. 337–339.

60. Tomaszewski J. Bulgaria 1944–1970: Trudna droga do socjalizmu. Warszawa, 1989. S. 238.

61. Так, например, в мае 1952 г. эмигрантский Болгарский Национальный комитет направил в ООН меморандум о рабском труде, применяемом в Болгарии, а 2 июля направил меморандум с предупреждением против приёма коммунистических стран в ООН. См.: Василева Б. Българската политическа емиграция след Втората Световна война. Исторический очерк. София, 1999. С. 20.

62. 16 июля 1947 г., 23 и 30 сентября 1948 г., 30 июня 1952 г., 23 марта 1954 г., 20 сентября 1955 г. Матеева М. Дипломатически отношения на България, 1878 – 1988. София, 1989.

63. ВП НРБ. С. 174.

64. Резолюция A/RES/918(X). Приём новых членов в Организацию Объединённых Наций. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/918%28X%29>

65. 8 участников заседания проголосовали «за», 3 – воздержались (США, Китай, Бельгия). URL: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/1955/res109.pdf>

66. Резолюция A/RES/995(X). Приём новых членов в Организацию Объединённых Наций. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/995%28X%29>; Пенков С. Международни договори на България (1947–1993). София, 1994. С. 35.

67. United States foreign policy, 1945–1955. Washington, 1956. P. 236.

Notes

1. Jungblud V.T. *Ot Ligi Nacij k «sisteme vseobshchej bezopasnosti»: idei organizacii mirovogo soobshchestva v vozzreniyah F. D. Ruzvel'ta, 1918–1941 gody* [From the League of Nations to the system of "General security": the ideas of the organization of the world community in the ideas of F. D. Roosevelt, 1918–1941 years] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Gumanitarnye nauki (Istoriya. Archeologiya. Ehtnologiya)»* - Herald of the Tomsk State Pedagogical University. Ser. "The Humanities (History. Archeology. Ethnology)". 2007, № 3 (66), p. 66.

2. The Preamble Of The Charter Of The United Nations. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/charter/preamble.shtml> (in Russ.)

3. Foreign Relations of the United States (Hereafter FRUS). 1949. Vol. V. P. 24; FRUS. 1950. Vol. IV. Pp. 16, 32.

4. *Ob"edinyonnye Nacii. Sovet Bezopasnosti. Oficial'nyj otchyot [Dalee – SB OON]* - The United Nation. The Security Council. The official report [Hereinafter UN Security Council]. 1946. 1 Feb. Pp. 39–47; 4 Feb. P. 49; Zaparyi Y.V. *Organizaciya Ob"edinyonnyh Nacij i «grecheskij vopros» (1946–1950 gg.)* [Organization of

the United Nations and the "Greek question" (1946-1950)] // *Imagines mundi : al'manah issledovanij vseobshchej istorii XVI-XX vv. № 6. Ser. «Balkanika»*- Imagines mundi: the almanac of researches in the General history of the XVI-XX centuries. No. 6. Ser. Balkanika. Is. 1. Ekaterinburg. [Publ. TMC-UPU]. 2008. P. 119.

5. The UN Security Council. 1946. December 16. P. 197.

6. The Department of State Bulletin [Hereinafter DSB]. Vol. XV. No. 391. December 29, 1946. P. 1171.

7. The Commission is comprised of one representative from each member of the UN Security Council, connectives for contacts with the governments of Greece, Albania, Bulgaria and Yugoslavia are determined. Resolution of 19 December 1946 [S/339] // Resolutions and decisions of the Security Council for 1946. New York. 1964. P. 4. Available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/NR0/751/45/IMG/NR075145.pdf?OpenElement> (in Russ.)

8. DSB. Vol. XVII. No. 418. July 6, 1947. P. 15.

9. Ibid. P. 18-19.

10. Ibid. P. 16.

11. Ibid. P. Vol. XVII. #423. August 10, 1947. P. 281. In 1945, the publisher and editor of the newspaper "Louisville courier journal" Mark Ethridge at the head of the American mission visited a number of Eastern European countries to study their political situation. His conclusions about the undemocracy of the established in Bulgaria and Romania regimes became the basis for the continuation of Washington's diplomatic policy of non-recognition of these countries.

12. Boev I. Балканите в глобалната политика на САЩ, 1945-1973. Sofia. 1985. P. 86.

13. The Committee included representatives from Australia, Brazil, China, Mexico, Netherlands, Pakistan, USA, France, Poland and the USSR. The headquarters of the Committee was established in Thessalonica. Resolution 109. A/RES/109(II) Threat to the political independence and territorial integrity of Greece. Available at: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/109\(II\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/109(II)) (in Russ.)

14. Karasimeonov M. *OON i Bolgariya* [UN and Bulgaria]. Sofia. 1975. P. 60.

15. FPA RF. F. 129. Sh. 33 b. Folder 337. File. 1. Sh. 532; Kalinin A. A. *Grecheskij krizis 1945-1949 gg. v ochenkah sovetskoj pressy* [Greek crisis of 1945-1949 in the estimates of the Soviet press] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik - Yaroslavl pedagogical herald*. 2014, No. 4, vol. 1 (Humanities), p. 109.

16. Resolution A/RES/382(V). Threat to the political independence and territorial integrity of Greece. Available at: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/382\(V\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/382(V)) (in Russ.)

17. FRUS. 1949. Vol. VI. P. 408.

18. FRUS. 1951. Vol. II. P. 27.

19. Resolution A/RES/509(VI). Threat to the political independence and territorial integrity of Greece. Available at: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/509\(VI\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/509(VI)) (in Russ.)

20. According to Western sources, by October 1949, there were about 3,000 guerrillas in Bulgaria and 8000 in Albania. Kalijarvi T. V., Wilcox F. O. Recent American foreign policy: basic documents, 1941-1951. N. Y., 1952.

21. FRUS. 1951. Vol. II. P. 15.

22. Resolution A/RES/508(VI). Threat to the political independence and territorial integrity of Greece. Available at: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/508\(VI\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/508(VI)) (in Russ.); Zapari Y.V. Op. cit. P. 127.

23. RSASPH. F. 17. Sh. 137. File 590. Sh. 135.

24. *Mitrovska-Dimitrova K. Bulgaria and the United Nations (1947-1955) // Problems of the transition from capitalism to socialism in Bulgaria*. Sofia, 1975. P. 297.

25. Външна политика на Народна Република България [Hereinafter – ВП НРБ]. Сб. от документи и материали: в 2 т. Т. 1. 1944-1962. Sofia. 1970. P. 156.

26. A. Nakov Political Relation between Bulgaria and the USSR (1944-1958) // Problems of the transition from capitalism to socialism in Bulgaria. Sofia, 1975. P. 272.

27. Dabriyanov T. Външната политика на НР България (1949-1956) // Международни отношения и външна политика на България след Втората световна война. Col. Sofia. 1982. P. 149.

28. FRUS. 1951. Vol. II. P. 356.

29. Kertesz, S. D. Human Rights in the Peace Treaties // Law and Contemporary Problems 14.4V (Autumn 1949). P. 639.

30. The most famous among them were the leaders of the Bulgarian agricultural national Union G. M. Dimitrov, who managed to find refuge in exile in the United States, and N. Petkov, who in spite of the intercession of the UK and the USA was executed in 1947.

31. In February - early March in Bulgaria passed the trial of the case of 15 Protestant pastors, accused of espionage in favor of Western countries and the promotion of American influence. In Hungary around the same time was developing a similar process of cardinal Mindszenty.

32. Grigorova J. Балканската политика на социалистическа България. Sofia. 1985. P. 243.

33. A. Nakov Op. cit. P. 271.

34. *Mitrovska-Dimitrova K. Op. cit.* 309.

35. FRUS. 1949. Vol. V., P. 233-235.

36. Article 36 of this agreement is read as follows: any dispute concerning the interpretation of the Contract, not settled by direct diplomatic negotiations, shall be transmitted to the heads of diplomatic missions of the USSR, USA and Great Britain. Any dispute which is not settled by the heads of missions in the next two

months if the parties cannot come to an agreement the dispute should be referred to the Committee composed of one representative from each party and a third member selected by mutual agreement of the two parties from nationals of third countries. If the two sides fail in a month to reach agreement on the appointment of the third member, any of them may apply to the Secretary General of the UN with a request to make such an appointment. See: The peace Treaty with Bulgaria (Paris, 10 February 1947). Available at: http://lostart.ru/ru/documents/detail.php?ID=884#sub_36 (in Russ.)

37. FRUS. 1949. Vol. V. R. 234.

38. Ibid. Pp. 243-244.

39. Kalijarvi T. V., Wilcox F. O. Op, cit. PP. 774-776.

40. Ibid. R. 776; EAP NRB. Pp. 146-148.

41. FPA RF. F. 129. Sh. 33 b. Folder 337. File 1. Sh. 805.

42. 30 in favor, 7 against, 20 abstained. Liang, Yuen Li. Observance in Bulgaria, Hungary and Rumania of Human Rights and Fundamental Freedoms: Request for an Advisory Opinion on Certain Questions // The American Journal of International Law. 1950. Vol. 44. No. 1. P. 100.

43. Ibid. P. 103. For consideration were proposed drafts of resolutions from Cuba, Bolivia and Australia. Adopted as a working Bolivian project, as amended, from the delegations of Costa Rica, Chile, Colombia and other countries.

44. The results of the vote: 34 in favor, 6 against (USSR, Ukrainian SSR, Byelorussian SSR, Czechoslovakia, Poland and Yugoslavia), 9 abstentions, 9 did not participate in the voting. See: Resolution A/RES/272(III). The issue of human rights and fundamental freedoms in Bulgaria and Hungary. Available at: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/272\(III\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/272(III)) (in Russ.); FRUS. 1949. Vol. V. Pp. 245-246; T. V. Kalijarvi, Wilcox F. O. Op. cit. P. 778.

45. FPA RF. F. 129. Sh. 33 b. Folder 337. File 1. Sh. 671-672, 696-698; FRUS. 1949. Vol. V. Pp. 248-249, 251.

46. FPA RF. F. 129. Sh. 33. Folder 218. File 22. Sh. 4-7; FRUS. 1949. Vol. V. P. 260.

47. Resolution A/RES/294(IV). Respect for human rights and fundamental freedoms in Bulgaria, Greece and Romania. Available at: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/294\(IV\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/294(IV)); FRUS. 1949. Vol. V. Pp. 268-271. This time the ratio of the votes were even more drastic: 47 in favor, 5 against, with 7 abstentions (including Yugoslavia).

48. Disagreement was expressed by judge B. Winiarski (Poland), M. Zoricic (Yugoslavia), S. B. Krylov (USSR). See: A summary of decisions, Advisory opinions and orders of ICJ. N. Th., 1993. S. 12-13.; FRUS. 1950. Vol. IV. P. 12.

49. RSASPH. F. 82. Sh. 2. File 1132. Sh. 75.

50. FP PRB. S. 166-167; Karasimeonov M. Decree. cit. Pp. 61-62.

51. Resolution A/RES/385(V). Respect for human rights and fundamental freedoms in Bulgaria, Hungary and Romania. URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/385\(V\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/385(V))

52. Paragraph 136 of the rules of procedure of the General Assembly. URL: <http://www.un.org/ru/ga/about/garules/14.shtml>

53. FRUS. 1949. Vol. II. R. 303.

54. FRUS. 1951. Vol. II. P. 378.

55. Muntean M. A. *Bor'ba Sovetskogo Soyuza za priem v OON Bolgarii, Vengrii i Rumynii* [Fight the Soviet Union for the UN membership of Bulgaria, Hungary and Romania]. Chisinau, 1972. S. 70-71.

56. FPA RF. F. 129. Op. 33 b. The popes. 337. D. 1. L. 533.

57. THE UN SECURITY COUNCIL. 1946. 17 Sept. S. 190-191.

58. Piskov D. *Bolgariya imeet pravo byt' chlenom OON* [Bulgaria has the right to be a member of the United Nations] // *Novaya Bolgariya*- New Bulgaria. 1952, No. 5, p. 15.

59. VP PRB. Pp. 88-90, 136-142; SBO Pp. 337-339.

60. Tomaszewski J. Bulgaria 1944-1970: Trudna droga do socializmu. Warszawa, 1989. P. 238.

61. For example, in may 1952, the Emigrant Bulgarian National Committee submitted to the United Nations Memorandum of slave labor used in Bulgaria, and on 2 July it sent a memo warning against the admission of Communist countries in the UN. See: Vassileva V. *Българската политическа емиграция след Втората Световна война*. Historical essay. Sofia. 1999. P. 20.

62. July 16, 1947, 23 and 30 September 1948, June 30, 1952, 23 March 1954, September 20, 1955. Mateeva M. [Diplomatic relations in Bulgaria, 1878 – 1988]. Sofia. 1989.

63. FP PRB. P. 174.

64. Resolution A/RES/918(X). The admission of new members to the United Nations. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/918%28X%29> (in Russ.)

65. 8 of the participants voted in favour, 3 abstentions (USA, China, Belgium). Available at: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/1955/res109.pdf> (in Russ.)

66. Resolution A/RES/995(X). The admission of new members to the United Nations. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/995%28X%29> (in Russ.); Penkov S. *Международни договори на България (1947–1993)*. Sofia. 1994. P. 35.

67. United States foreign policy, 1945-1955. Washington, 1956. P. 236.

Политика США по подключению Югославии к средиземноморской стратегии НАТО (1950–1954 гг.)

В статье анализируется политика США по включению Югославии в оборонительную систему Запада, характеризуется динамика югославского курса Соединённых Штатов в 1950–1954 гг., выявляются факторы, повлиявшие на процесс подготовки и на содержание Балканского пакта.

The article analyzes the US policy of inclusion of Yugoslavia in Western defensive system, characterizes the dynamics of US Yugoslav course in 1950–1954, identify the factors that influenced the process of preparation and content of the Balkan Pact.

Ключевые слова: США, Югославия, НАТО, американско-югославские отношения, советско-югославский конфликт, холодная война, Балканский пакт.

Keywords: United States, Yugoslavia, NATO, US-Yugoslav relations, Tito-Stalin split, Cold War, Balkan pact.

На начальном этапе холодной войны важное место во внешней политике США занимала Югославия. Во многом причиной тому был советско-югославский конфликт, начавшийся в 1948 г. Кремль прекратил отношения стран формировавшегося советского лагеря с Югославией, надеясь с помощью экономической блокады, жёсткого пропагандистского давления и военных приготовлений на югославских границах заставить Тито капитулировать или вынудить просоветские силы в югославском руководстве совершить переворот. Превращение югославской компартии из проводника политики Кремля на юго-востоке Европы в изгоя коммунистического движения переместило ФНРЮ в центр балканской политики Вашингтона.

В течение года после появления 23 июня 1948 г. резолюции Информбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии» [1] аналитики Государственного департамента сомневались в серьёзности конфликта Белграда и Москвы. Но к осени 1949 г. американцы окончательно убедились в серьёзности раскола между советским руководителем И. Сталиным и югославским лидером И. Тито. 28 сентября 1949 г. Москва направила Белграду ноту, заявлявшую, что «Советский Союз отныне считает себя свободным от обязательств», вытекающих из договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией, заключённого 11 апреля 1945 г. [2] 29 ноября 1949 г. была опубликована новая резолюция Информбюро «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» [3]. Ситуация была накалена до предела, и на Западе не исключали военной акции Кремля против ФНРЮ. Если вопрос оказания Белграду экономической помощи был для американцев делом решённым, то защита Югославии в случае нападения СССР и его сателлитов по-прежнему находилась на стадии обсуждения, никакого рабочего решения пока ещё не было.

В 1950 г. на ход холодной войны оказали влияние два важных фактора. Первым стала директива СНБ № 68 «Цели и программы национальной безопасности Соединённых Штатов» от 14 апреля. Она определила американскую внешнеполитическую стратегию на ближайшие десятилетия. Согласно этому документу положение Югославии, изгнанной из советского блока за национализм, говорило о возможной уязвимости отношений Кремля с его сателлитами в случае роста национализма в странах Восточной Европы: «Слабым местом политики Кремля являются его отношения с государствами-сателлитами и их населением. Национализм по-прежнему остаётся самой мощной эмоционально-политической силой. ...При первой же возможности получить независимость, как это было в случае Тито, государство-сателлит, скорее всего, попытается отделиться от Кремля» [4]. Последующие десятилетия показали, что «карта национализма» была неоднократно с успехом разыграна в мировой политике.

Вторым фактором стал начавшийся 25 июня 1950 г. корейский конфликт. Один из руководителей венгерского восстания 1956 г. генерал Бела Кирай, бежавший в США, утверждал в 1982 г., что «агрессия против Югославии началась бы в конце 1950 г. или самое позднее весной 1951 г., если бы Соединённые Штаты и Организация Объединённых Наций не вмешались в ко-

рейскую ситуацию» [5]. В связи с началом войны в Корею члены Совета национальной безопасности в августе 1950 г. решили «оказать Югославии чрезвычайную военную помощь согласно Программе взаимной помощи обороне [6]» [7]. 29 ноября Трумэн официально обратился к Конгрессу для получения санкции на оказание Югославии дополнительной помощи в размере 38 млн долл. Президент подчеркнул, что обеспечение продовольственных потребностей югославских военных имеет большое значение для безопасности НАТО и Соединенных Штатов [8]. Так как ФНРЮ не являлась членом Североатлантического альянса, требовалось, чтобы Конгресс внёс поправки в Закон о взаимной помощи обороне. Палата представителей и Сенат приняли Чрезвычайный закон о помощи Югославии, 29 декабря 1950 г. он был подписан президентом [9].

Начало военной поддержки Белграда Вашингтоном было положено с помощью гуманитарного аспекта – продовольственные поставки югославской армии в условиях грозившего стране голода. В течение следующего года США расширили каналы военной помощи Югославии, позволившей не только укрепить обороноспособность НАТО в средиземноморском бассейне (особенно учитывая скорое вступление в него Греции и Турции), но также в некоторой степени «привязать» ФНРЮ к внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов.

16 апреля 1951 г. Трумэн объявил о своём решении в рамках Закона о взаимной помощи обороне предоставить Югославии 29 млн долл. для поддержки её вооружённых сил [10]. Уже на следующий день американский посол в Белграде Дж. Аллен и заместитель министра иностранных дел ФНРЮ Й. Вильфан обменялись нотами о заключении соответствующего соглашения [11]. В мае – июне 1951 г. в Вашингтоне состоялись двусторонние переговоры, включавшие «обсуждение долговременной стратегии». 13 июня глава Отдела планирования Армии США генерал-лейтенант К. Эддлман и начальник Генерального штаба Югославской армии генерал-полковник К. Попович подписали соглашение о срочной доставке в Югославию военных грузов и военных консултациях между сторонами [12].

Первый в истории НАТО главнокомандующий силами альянса генерал Д. Эйзенхауэр записал тогда в своём дневнике, что проблема европейской безопасности будет решена созданием «Соединённых Штатов Европы». Наряду со странами – участниками Североатлантического договора, Западной Германией, Швецией, Испанией и Грецией среди вероятных членов нового политического объединения Эйзенхауэр видел и Югославию [13]. В августе 1951 г., инструктируя начальника штаба армии США Дж. Лоутона Коллинза накануне его поездки в ФНРЮ, Эйзенхауэр подчеркнул большое значение Югославии для обеспечения безопасности южного фланга НАТО [14].

Важным шагом в укреплении американо-югославского сотрудничества стало подписание 14 ноября 1951 г. Соглашения о военной помощи между Соединёнными Штатами и Югославией [15]. На ФНРЮ было распространено действие Закона о взаимной безопасности от 10 октября 1951 г., который санкционировал использование почти 7,5 млрд долл. на оказание военной, экономической и технической помощи американским союзникам, в первую очередь в Западной Европе [16]: «Правительство США предоставит или будет продолжать предоставлять в распоряжение Правительства ФНРЮ оборудование, материалы, услуги или другую помощь в соответствии с... Законом о взаимной помощи обороне 1949 г. и Законом о взаимной безопасности 1951 г.». Белград брал на себя обязательство поставлять Вашингтону стратегически важное сырьё: «Правительство ФНРЮ предоставит США взаимную помощь, продолжая содействовать производству и передаче Соединённым Штатам в таких количествах и на таких условиях, которые будут согласованы, сырьё и полуфабрикатов, необходимых США в результате недостатка или потенциально-го недостатка в собственных ресурсах и наличия их в Югославии» [17].

Серьёзным препятствием на пути расширения американской помощи Белграду и эффективной интеграции Югославии в западную систему безопасности стало обострение антикоммунистических настроений в США. В условиях холодной войны уже сама идея поддержки коммунистической страны для борьбы с коммунизмом выглядела довольно абсурдной. Большинство сотрудников американской дипломатической службы говорили о трудностях оказания помощи Тито в тот период. Американский посол в ФНРЮ в 1953–1957 гг. Дж. Риддлбергер вспоминал: «Убедить американский Конгресс выделить деньги для коммунистического диктатора... это довольно неприятное занятие... Я считаю, Трумэн был абсолютно прав, и я уверен, в этом деле он проявил... много мужества» [18]. Говоря об оказании помощи Белграду, помощник и затем заместитель директора Отдела торговой политики Госдепартамента в 1951–1954 гг. У. Армстронг подчеркнул: «В атмосфере маккартизма это было не так-то просто» [19].

Военные поставки расчищали дорогу для стратегического сотрудничества Вашингтона и Белграда в сфере совместной обороны против потенциальной советской угрозы. О вступлении ФНРЮ в НАТО, как это сделали 18 февраля 1952 г. Греция и Турция, речь идти не могла. Во-первых, югославы, стремясь получить защиту со стороны Запада, в то же время не желали

дать лишний повод для обвинений со стороны мирового коммунистического движения в предательстве идей марксизма. Во-вторых, американцы понимали, что вступление коммунистической страны в НАТО выглядело бы по меньшей мере странно. Тем не менее независимость Югославии от Москвы с военно-стратегической точки зрения давала Соединённым Штатам неоспоримое преимущество перед Советским Союзом, отвечая целям его сдерживания в балкано-средиземноморском районе. Военное сотрудничество Белграда и Вашингтона было инструментом давления на Кремль, создавая угрозу безопасности советского блока в юго-восточной Европе. В феврале 1951 г. сообщения о присутствии американских и английских боевых самолетов на югославских аэродромах потрясли румынский Генштаб. Болгары также ожидали югославского нападения, строя оборонительные сооружения и готовя войска к его отражению. Слухи распространяли тревожную информацию, что в случае наступательных действий СССР и его союзников в Центральной Европе НАТО ответит на Балканах, направив против них югославов, греков и турок [20].

В меморандуме «Возможности войны с Советским Союзом, 1951–1952: использование атомного оружия» от 23 мая 1951 г. член Отдела планирования политики К. Саваж указывал: «Югославия, Греция, Турция. Эти три государства имеют для нас большое значение в борьбе против советского империализма. Они представляют собой грозный бастион против агрессии в районе восточного Средиземноморья. Их совместные военные силы сейчас больше, чем всех европейских членов Североатлантического союза. Кроме того, если нам будет навязана война, мы можем надеяться на наступление против Советского Союза в этом регионе» [21].

Давая оценку возможному развитию ситуации в мире на два года вперёд, аналитики ЦРУ 24 сентября 1951 г. говорили о будущем присоединении «Греции, Турции, Испании, Югославии и Западной Германии» к НАТО, которая «должна быть завершена в предстоящий период» и станет «главным приращением в силе НАТО». При этом автор прогноза сетовал, что «многочисленные политические и психологические препятствия» мешают вкладу последних трёх стран в западно-европейскую оборону [22].

Дж. Кэмпбелл суммировал приоритеты американской стратегии в тот период: «Наш подход к военной программе был следующим: во-первых, его основная цель заключалась в повышении обороноспособности Югославии, во-вторых, так или иначе было очень важно начать подключение Югославии к западной обороне в целом... Конечно, с точки зрения Пентагона, раз они поставляли югославам военное оборудование, то в случае войны они хотели бы, чтобы югославы помогли защитить определённые места» [23] и не отступили в горы, чтобы защищаться в одиночку. Поэтому в умах многих в Соединённых Штатах, кто был связан с югославской политикой, созрела идея каким-то образом постепенно подвести югославов к более тесным связям с НАТО» [24].

Таким образом, мысли о необходимости включения ФНРЮ в западную оборонительную систему в начале 1950-х гг. были и у американских военных, и у дипломатов. Тито же надеялся на защиту со стороны западных стран в случае вторжения войск советского блока, но не желал оказаться втянутым в войну между Востоком и Западом. Белград стремился избежать любых обязательств перед Вашингтоном и его союзниками. В мае 1951 г. югославский маршал «пояснил, что Югославия не интересуется заключением каких-либо бумажных договоров, и что идентичность интересов – единственная реальная и достаточная гарантия того, что Югославия будет во время войны на стороне Запада» [25].

Белград ограничился развитием сотрудничества с Афинами и Анкарой. В сентябре 1951 г. Тито подчеркнул, что ФНРЮ «подвергнется опасности в случае нападения на Грецию и Турцию», поэтому с началом агрессии или даже раньше неизбежно возникнет вопрос о сотрудничестве этих стран с Югославией [26]. Так как восприятие внешней угрозы у них было идентичным, отношения между тремя странами быстро улучшались. В ходе ряда взаимных визитов военных делегаций и политических представителей в течение 1952 г. проходили греко-турецко-югославские переговоры. Открытому проявлению активной американской поддержки укреплению отношений между тремя балканскими государствами мешало нежелание югославов брать на себя какие-либо обязательства перед Западом и наличие таких обязательств у Греции и Турции, ставших 18 февраля 1952 г. членами НАТО.

6 июня 1952 г. американский посол в Югославии Дж. Аллен подчеркнул, что «очень важно воспользоваться нынешней югославской готовностью к улучшению отношений с обеими этими странами», но согласился с Госдепартаментом, что «следует соблюдать осторожность, чтобы греки или турки не торопили события и не сделали слишком резких шагов в отношении югославов». Посол рекомендовал: «Наш лучший подход, мне кажется, состоит в том, чтобы избежать слишком активного участия в любом амплуа, и пусть югославы, греки и турки решат это сами, насколько возможно» [27].

Говоря о вероятности того, что турки и греки могут обратиться к Североатлантическому альянсу с просьбой выразить отношение к возможному соглашению Белграда с Афинами и Анка-

рой, госсекретарь Ачесон в ответном послании белградскому посольству подчеркнул: «Есть определенные указания, полученные Госдепартаментом, что ситуация ещё не созрела для того, чтобы предпринимать такие шаги в НАТО». Ачесон объяснил, что «Госдепартамент обеспокоен, как бы возможный отказ стран НАТО не нанёс ущерба сближению Югославии с Грецией и Турцией на двух- или трёхсторонней основе» [28]. Это показывает некоторое различие позиций США и других членов Североатлантического альянса. В отличие от настороженного отношения своих европейских союзников, опасавшихся советского нападения, американцы в целом были готовы поддержать развитие сотрудничества между Белградом, Афинами и Анкарой.

Американские военные продолжили свои переговоры с югославами. В середине июля 1952 г. два высокопоставленных чиновника от Министерства обороны Соединённых Штатов генералы К. Эддлман и Дж. Холмстэд, и затем помощник министра обороны Ф. Нэш посетили маршала Тито в его летней резиденции в Словении [29]. В августе министр армии США Ф. Пэйс осуществил двухдневную поездку в Югославию и «принял участие в военных учениях неподалеку от столицы перед тем как отправиться в Блед для встречи с маршалом Тито» [30]. В ноябре Вашингтон направил в Белград заместителя главнокомандующего Европейского командования США генерал-лейтенанта Т. Хэнди для обсуждения вопросов обороны и детального определения военных возможностей Югославии. Однако Белград вновь отказался дать какие-либо обязательства, выражая при этом надежду на защиту Запада в случае войны. Обе стороны явно осторожничали. Югославы жаловались грекам на американского генерала: «Он спрашивал много, а говорил мало. Мы не рассказывали Хэнди о своих силах, так как он не рассказывал нам о своих» [31].

На трёхсторонних балканских переговорах ситуация была иной. 24 ноября 1952 г. посол Аллен сообщил в Госдепартамент, что накануне визита греческой военной делегации «югославы говорили об определенных военных обязательствах». В беседе с греческим посланником Капитанидесом Аллен сказал, что «югославы могут рассчитывать на получение косвенных обязательств НАТО путём подписания с греками и турками взаимных гарантий поддержки в случае нападения» [32]. Подключение Югославии к военному планированию НАТО стало предметом дискуссии в декабре 1952 г., когда переговоры трёх балканских стран вышли на уровень подготовки соглашения о сотрудничестве. Однако обязательства Греции и Турции перед НАТО и желание югославов избежать принятия на себя подобных обязательств по-прежнему мешали процессу переговоров, и никакого определённого плана создания балканского союза пока ещё не было.

Позиция Государственного департамента была изложена госсекретарём 5 декабря в письме в американское посольство в Париже. Ачесон выразил поддержку трёхсторонних переговоров, подчёркнув приоритет интересов Североатлантического альянса: «Соединённые Штаты, позиция которых уже доведена до заинтересованных сторон, выступают за максимальное развитие югославско-греко-турецкого сотрудничества, которое должно рассматриваться с точки зрения греческих и турецких обязательств в НАТО». Госсекретарь высказал недовольство политикой Белграда, надеявшегося без взаимных обязательств получить гарантии защиты со стороны Запада в случае советского нападения: «Чем понятнее будет разъяснено Югославии, что её собственные интересы неразрывно связаны с общими усилиями обороны Запада и что ей не позволят натравливать одну державу или группу держав против остальных, тем более вероятным станет достижение наших целей». Исходя из вышеизложенного, глава Госдепартамента выступил за невоенный характер готовящегося трёхстороннего соглашения: «В настоящее время мы выступаем за максимально возможный прогресс в случае военного планирования между греками и/или турками и югославами, хотя мы считаем, что сейчас не должно быть никаких военных обязательств. Подобные обязательства должны стать результатом правительственного решения в момент возникновения чрезвычайной ситуации с учётом всех появившихся обстоятельств и, по мере необходимости, после консультации с союзниками по НАТО» [33].

Привязка возможности совместных действий ФНРЮ и балканских участников Североатлантического договора к возникновению чрезвычайной ситуации говорит о том, что в существовавших тогда условиях США не считали возможным военное сотрудничество Белграда со странами НАТО. С одной стороны, Вашингтон стремился не только оградить Югославию от вторжения войск советского блока, но и ассоциировать её с западным миром. С другой стороны, развитие военного сотрудничества ФНРЮ и Североатлантического альянса в случае советского нападения грозило полномасштабным вооружённым столкновением между Западом и Востоком. Соединённым Штатам в то время хватало Кореи.

Югославы добивались «формального трёхстороннего соглашения с Грецией и Турцией о помощи других государств в случае нападения на любую из сторон». Такое соглашение должно было содержать конкретные планы совместных действий в возможной войне. Расчёт Белграда был очевиден. В случае советского нападения на Югославию на помощь ей должны были прийти

Греция и Турция, которым в рамках союзнических обязательств по Североатлантическому договору окажут поддержку другие члены НАТО. Таким образом, югославы, по сути, получали защиту со стороны всего западного блока, что само по себе должно было предотвратить советское вторжение. В случае же нападения на Грецию или Турцию Белград был обязан предпринять совместные с ними действия по взаимной обороне, но не имел обязательств по вступлению в войну из-за конфликта Востока и Запада где-нибудь в Центральной Европе или на Дальнем Востоке. Но и на такой основе американское посольство в ФНРЮ считало соглашение Белграда, Афин и Анкары о взаимной обороне полезным для Вашингтона. Расчёт делался на то, что оно станет первым шагом к последующему сближению Югославии с Североатлантическим альянсом. «Расширение сферы переговоров» между Югославией, Грецией и Турцией, по мнению посла Аллена, «побудило Тито начать процесс перемещения под зонтик НАТО» [34].

20 февраля 1953 г. югославская сторона представила свой проект договора о дружбе, который содержал статью 4, гласившую: «Соглашения и рекомендации, касающиеся военного сотрудничества, принятые с общего согласия начальниками генеральных штабов (или их полномочными представителями), должны после утверждения правительствами Договаривающихся Сторон являться частью этого договора». Югославское предложение расходилось с греческим проектом, в котором признавалась важность организации совместной обороны, но предполагались только консультации в случае боевых действий, направленных против одной из сторон, и предусматривалось право Греции и Турции избегать действий, которые противоречат Североатлантическому договору или Уставу ООН.

За месяц до этого в США завершилось 20-летнее правление демократической администрации. На пост президента вступил республиканец Д. Эйзенхауэр, назначивший госсекретарём Дж. Ф. Даллеса. 21 февраля Даллес выразил озабоченность условиями соглашения, предложенными Белградом и Афинами: «Югославский проект (статьи 2 и 4) и в меньшей степени греческий проект (статья 4 и упоминание «взаимопомощи» в преамбуле) создают большие проблемы, которых все мы стремимся избежать, а именно: придают договору характер пакта о взаимной помощи, вместо того, чтобы ограничить его дружбой и консультациями. Для того чтобы избежать вовлечения НАТО и других последствий, обязательства не должны идти дальше обязательств консультироваться относительно таких общих мер, которые могут потребоваться, и не должны распространяться на обязательства оказывать помощь». Госсекретарь признал, что «политическое соглашение не имеет никакого значения, если оно формально не связано с военными договоренностями», но, подводя черту, резюмировал: «Есть веская причина для разделения двух аспектов: международная политическая атмосфера не такова, чтобы обязательства в этой сфере были заключены в настоящее время» [35]. В итоге подписанный в Анкаре 28 февраля 1953 г. Договор о дружбе и сотрудничестве между Югославией, Грецией и Турцией не содержал ряда положений, обсуждавшихся в ходе предшествовавших подписанию переговоров. Все военные условия были тщательно удалены [36].

Через пять дней умер Сталин. Влияние этого события на положение дел на Балканах не оказало немедленного воздействия, во внешней политике Москвы в течение двух-трёх последующих лет сохранялась инерция сталинских установок. Запад продолжал укреплять южный фланг НАТО, подключение ФНРЮ к средиземноморской стратегии западной безопасности сохраняло прежнее значение. 5 марта 1953 г., в день смерти Сталина, Тито отправился с визитом в Англию. Однако смерть советского лидера всё же снижала в восприятии Запада риск советского вторжения в Югославию. Переговоры о создании военного альянса Белграда, Афин и Анкары были продолжены. В них появился новый фактор – проблема Триеста, территория которого и его окрестностей оспаривалась Италией и Югославией, была объявлена Свободной территорией и разделена на две зоны оккупации англо-американскими и югославскими войсками [37].

Балканский пакт, содержащий взаимные военные обязательства Афин, Анкары и Белграда, давал последнему козыри в споре с Римом из-за Триеста. По словам В. Дедиера, пакт «был важен в случае возможного нападения с востока, но и из-за итальянских аппетитов на западе» [38]. Вашингтону было важно сохранить единство рядов членов НАТО вдоль северо-восточного побережья Средиземного моря (Италия, Греция и Турция) и укрепить их за счёт недостающего звена – Югославии. Однако Вашингтон не был намерен отдавать Триест коммунистическому руководству ФНРЮ, вступление которой в НАТО в тех условиях было исключено. Поэтому американская сторона стала использовать заинтересованность Белграда в военном союзе с Грецией и Турцией в качестве понуждения югославов к уступкам по триестскому вопросу.

17 мая государственный секретарь Дж. Ф. Даллес разослал в американские посольства в южноевропейских странах разъяснения о сути американской позиции по югославо-итальянским отношениям. Он высоко оценил значение развития сотрудничества между Грецией, Турцией и Югославией, но напрямую увязал возможность заключения Балканского пакта с урегулиро-

ванием вопроса о принадлежности Триеста [39]. 8 июля Даллес проинструктировал посла в Югославии Дж. Риддлбергера в разговоре с Тито о деталях создаваемого союза трёх балканских стран в очередной раз подчеркнуть важность урегулирования итало-югославского территориального спора. Госсекретарь требовал концентрировать внимание югославского руководства на Триесте и отметить, что «решение проблемы Триеста – это первый шаг, который проложит путь для установления необходимых взаимосвязей в военном планировании между Североатлантическим альянсом, США, Великобританией и Францией, с одной стороны, и Югославией, с другой, а также для возможного итало-югославского договора о военном сотрудничестве» [40].

Ещё 5 мая 1954 г. США, Великобритания, Югославия и Италия без участия Советского Союза подписали в Лондоне соглашение о взаимопонимании по проблеме Триеста. Однако в течение лета продолжались сложные переговоры о разделении Свободной территории Триест между Югославией и Италией. В конце концов 5 октября был подписан Лондонский меморандум, по которому сам город и порт отходили Италии, а южные окрестности Триеста передавались Югославии [41]. Вашингтон сохранил стратегически важный порт на севере Адриатики вне югославского контроля. Вполне вероятно, свои плоды принесла жёсткая привязка возможности заключения Балканского пакта с урегулированием триестской проблемы.

Договор о союзе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи между Турецкой Республикой, Королевством Греция и Федеративной Народной Республикой Югославия был подписан в Бледе 9 августа 1954 г. Статья II установила рамки коллективной обороны:

«Договаривающиеся Стороны соглашаются, что любая вооружённая агрессия против одной или нескольких из них в какой-либо части их территории считается агрессией против всех Договаривающихся Сторон, которые в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемого в статье 51 Устава ООН, должны совместно и порознь идти на помощь Стороне или Сторонам, подвергшимся нападению, и принимать немедленно и с общего согласия любые меры, включая использование вооружённой силы, которые они сочтут необходимыми для эффективной обороны».

С другой стороны, статья X установила пределы этого договора, утвердив приоритет членства Анкары и Афин в НАТО: «Положения настоящего Договора не затрагивают и не будут толковаться как затрагивающие каким-либо образом права и обязательства Греции и Турции по Североатлантическому договору от 4 апреля 1949 года» [42]. Таким образом, в случае агрессии обязательства НАТО превалировали над обязательствами Балканского пакта. Тем не менее Югославия становилась опосредованно связана с обороной НАТО.

Политика США в отношении Югославии в 1950–1954 гг. неизбежно определялась характером советско-американских отношений. Начало корейской войны привело к обострению без того напряжённых отношений между Востоком и Западом, стимулировало новую фазу укрепления западных вооружённых структур и повысило стратегическую важность Югославии. С принятием директивы СНБ № 68 были сделаны первые осторожные шаги Вашингтона по подключению Белграда к участию в западной оборонительной системе. Однако Белград стремился получить помощь и защиту Запада, сохранив верность коммунистической идеологии и стремясь к независимой позиции в международных делах. Интеграция Югославии в западную оборонительную систему была важна, но опасна для Соединённых Штатов. Югославы избегали принятия на себя каких-либо военно-политических обязательств перед западными странами. Расширение сотрудничества ФНРЮ с Турцией и Грецией, ставших членами НАТО в 1952 г., позволяло усилить силы западного блока за счёт югославской армии, но грозило вовлечением НАТО в войну с советскими странами в случае их вооружённого конфликта с Югославией. Поэтому на данном этапе Вашингтон воспрепятствовал интеграции ФНРЮ в западные военные структуры. Соглашение, подписанное 28 февраля 1953 г. между Югославией и двумя партнерами по НАТО, не содержало никаких военных обязательств между сторонами. Однако это был существенный шаг к будущему военному союзу. Его появление стало возможным после смерти Сталина, когда ожидаемое советское вторжение в Югославию перестало восприниматься Вашингтоном в качестве реальной угрозы. Американская сторона использовала заинтересованность Белграда в военном сотрудничестве с Афинами и Анкарой, увязав подписание Балканского пакта с урегулированием проблемы Триеста. 9 августа 1954 г. Договор о союзе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи между тремя балканскими странами был подписан. Его текст чётко оговаривал приоритет обязательств Турции и Греции по Североатлантическому договору над их обязательствами перед ФНРЮ. Югославия осталась вне структуры НАТО, но в случае советского наступления на своих союзников по Балканскому пакту была обязана прийти им на помощь. Вашингтон закрыл «брешь» в южном фланге НАТО, косвенно подключив Белград к средиземноморской стратегии альянса.

Примечания

1. Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Док-ты и мат-лы. М., 1998. С. 455–461; Советско-югославские отношения. 1945–1956. С. 318–324.
2. Советско-югославские отношения. С. 462.
3. Совещания Коминформа. С. 701–704; Советско-югославские отношения. С. 484–487.
4. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers [Далее – FRUS]. 1950. Vol. I: National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Wash., 1977. P. 247; National Security Council: NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950). URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68-5.htm>; Рус. пер. см.: Холодная война. Директива СНБ-68. (Меморандум Ачесона). URL: <http://www.coldwar.ru/bases/nsc-68.php>; История США в документах. Директива СНБ-68. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/direktiva-snb-68.php>.
5. Kiraly B. The Aborted Soviet Military Plans // At the Brink of War and Peace: the Tito-Stalin Split in a Historic Perspective / Ed. by W. Vucinich. N. Y., 1982. P. 286.
6. Англ. – Mutual Defense Assistance Program. Закон о взаимной помощи обороне был принят американским Конгрессом и подписан президентом Г. Трумэном 6 октября 1949 г. Дополнил экономическую помощь, оказываемую Соединёнными Штатами западноевропейским государствам по Плану Маршалла, помощью военной, направленной на укрепление обороноспособности союзников США. См.: A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941–1949. N. Y., 1968. P. 1356–1364.
7. FRUS. 1950. Vol. IV: Central and Eastern Europe; The Soviet Union. Wash., 1980. P. 1439–1440; Lees L. Keeping Tito Afloat: The United State, Yugoslavia, and the Cold War. Pennsylvania State University Press, 1997. P. 88.
8. Российский государственный архив социально-политической истории [Далее – РГАСПИ]. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1322. Л. 70; U.S. Diplomatic Records on Relations with Yugoslavia during the Early Cold War. 1948–1957 / ed. by N. Ceh. Boulder; N.Y., 2002. P. 238–240.
9. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1322. Л. 268–269; FRUS. 1950. Vol. IV. P. 1507–1508; Campbell J. Tito's Separate Road. America and Yugoslavia in World Politics. N. Y., 1967. P. 25, n. 11; Lees L. Op. cit. P. 94.
10. Public Papers of the Presidents of the United States. Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the Presidents. Harry S. Truman. January 1 to December 31, 1951. Wash., 1965. P. 232.
11. FRUS. 1951. Vol. IV: Europe: Political and Economic Developments. Part 2. Wash., 1985. P. 1783.
12. FRUS. 1951. Vol. IV. Part 2. P. 1815, n. 2; Lees L. Op. cit. P. 105.
13. The Papers of Dwight David Eisenhower. Vol. XII: NATO and the Campaign of 1952. Baltimore, 1989. P. 415.
14. Lees L. Op. cit. P. 109.
15. Архив внешней политики Российской Федерации [Далее – АВП РФ]. Ф. 0144. Оп. 35. П. 144. Д. 14. Л. 121–124; U. S. Diplomatic Records on Relations with Yugoslavia during the Early Cold War. P. 315; FRUS. 1951. Vol. IV. Part 2. P. 1863.
16. The Mutual Security Act of 1951 // United States Statutes at Large. Containing the Laws and Concurrent Resolutions Enacted During the First Session of the Eighty-Second Congress of the United States of America 1951 and Reorganization Plan, Amendment to the Constitution, and Proclamations. Vol. 65. Wash., 1952. P. 373–387. URL: http://www.constitution.org/uslaw/sal/065_statutes_at_large.pdf.
17. Military Assistance Agreement Between the United States and Yugoslavia, November 14, 1951. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/yugo001.asp.
18. Hess J. Oral History Interview with James W. Riddleberger, Washington, April 26, 1972. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/riddle3.htm>.
19. McKinzie R. Oral History Interview with Willis G. Armstrong, Washington, June 12, 1973. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/armstron.htm>.
20. Mastny V. NATO in the Beholder's Eye: Soviet Perceptions and Policies, 1949–56 // Woodrow Wilson International Center for Scholars. Cold War International History Project. Working Paper. № 35. Washington, March 2002. URL: <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/ACFB01.pdf>.
21. FRUS. 1951. Vol. I: National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Wash., 1979. P. 839; Lees L. Op. cit. P. 107.
22. Lees L. Op. cit. P. 109.
23. Речь идёт об Эгейской Македонии (территория Греции), оккупация которой вооружёнными силами советского блока позволяла Москве отрезать Турцию от единого фронта с Грецией, выйти в Эгейское море, захватить черноморские проливы и, тем самым, прорваться в Средиземноморье. Balkanski pakt: 1953/1954: zbornik dokumenata / Redakcijski odbor M. Terzic et al. Beograd, 2005. S. 150–152.
24. McKinzie R. Oral History Interview with John C. Campbell, New York, June 24, 1974. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>.
25. Yugoslavia: Political Diaries, 1918–1965. Vol. 4: 1949–1965 / ed. by R. L. Jarman. Slough, 1997. P. 359.
26. Ibid. P. 272.
27. FRUS. 1952–1954. Vol. VIII: Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Wash., 1988. P. 594.
28. Ibid. P. 595.
29. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 36. П. 148. Д. 12. Л. 79–80, 109–110, 111; Yugoslavia: Political Diaries. Vol. 4. P. 377.

30. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 36. П. 148. Д. 12. Л. 130–131, 148, 149; Yugoslavia: Political Diaries. Vol. 4. P. 382.
31. FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 601.
32. Ibid. P. 597.
33. Ibid. P. 598–600.
34. Ibid. P. 601–603.
35. Ibid. P. 623–624.
36. Tekst Ankarskog sporazuma, 28. februar 1953. // Balkanski pakt: 1953/1954. S. 311–313; Treaty of Friendship and Collaboration Between the Turkish Republic, The Kingdom of Greece, and the Federal People's Republic of Yugoslavia, February 28, 1953 // The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/eu001.asp.
37. Novak B. Trieste, 1941–1954: The Ethnic, Political, and Ideological Struggle. Chicago, 1970; Rabel, R. Between East and West: Trieste, the United States, and the Cold War, 1941–1954. Durham, 1988; Костин А. А. Триестский вопрос в средиземноморской стратегии США в 1945–1947 гг. // Международные отношения в XX веке. Вып. 2 / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Киров, 2009. С. 254–270; Костин А. А. Американская позиция по триестскому вопросу как фактор возникновения советско-югославского конфликта 1948 г. // Международные отношения в XX–XXI вв. Екатеринбург, 2013. С. 80–85.
38. Dedijer V. The Battle Stalin Lost: Memories of Yugoslavia, 1948–1953. N. Y., 1971. P. 323.
39. FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 644.
40. Ibid. P. 665.
41. Системная история международных отношений. События и документы. 1918–2003: в 4 т. / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 3. События. 1945–2003. М., 2003. С. 58–59.
42. Tekst Bledskog ugovora, 9. avgust 1954. // Balkanski pakt: 1953/1954. S. 722–726; Treaty of Alliance, Political Cooperation, and Mutual Assistance Between the Turkish Republic, the Kingdom of Greece, and the Federal People's Republic of Yugoslavia (Balkan Pact), August 9, 1954 // The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/eu002.asp.

Notes

1. Soveshchaniya Kominforma, 1947, 1948, 1949. Dok-ty i mat-ly - Conference of The Cominform, 1947, 1948, 1949. Documents and materials. Moscow. 1998. Pp. 455-461; The Sovetsko yugoslavskie otnosheniya - Soviet-Yugoslav relations. 1945-1956. P. 318-324.
2. Sovetsko yugoslavskie otnosheniya - The Soviet-Yugoslav relations. P. 462.
3. Soveshchaniya Kominforma - Conference of The Cominform. Pp. 701-704; The Soviet-Yugoslav relations. Pp. 484-487.
4. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers [Hereafter FRUS]. 1950. Vol. I: National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Wash., 1977. P. 247; National Security Council: NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950). Available at: http://www.fas.org/irp/offdocs/nsc_hst/nsc_68_5.htm; Rus. ed. see: *Holodnaya vojna. Direktiva SNB 68. (Memorandum Achesona)*. Available at: http://www.coldwar.ru/bases/nsc_68.php; History of the United States in documents. Directive NSC 68. Available at: http://www.grinchevskiy.ru/1945_1990/direktiva_snb_68.php. (in Russ.)
5. Kiraly B. The Aborted Soviet Military Plans // At the Brink of War and Peace: the Tito Stalin Split in a Historic Perspective / Ed. by W. Vucinich. N. Y., 1982. P. 286.
6. Eng. - Mutual Defense Assistance Program. The law on mutual assistance to the defense was adopted by the US Congress and signed by the President G. Truman on the 6 October 1949. It complemented the economic aid of the United States to Western European States under the Marshall Plan, by military aid, aimed at strengthening the defense of US allies. See: A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941-1949. N. Y., 1968. Pp. 1356-1364.
7. FRUS. 1950. Vol. IV: Central and Eastern Europe; The Soviet Union. Wash., 1980. Pp. 1439-1440; Lees L. Keeping Tito Afloat: The United State, Yugoslavia, and the Cold War. Pennsylvania State University Press, 1997. P. 88.
8. Russian state archive of social and political history [RSASPH]. F. 82. Sh. 2. File 1322. Sh. 70; U. S. Diplomatic Records on Relations with Yugoslavia during the Early Cold War. 1948-1957 / ed. by N. Ceh. Boulder; N. Y., 2002. Pp. 238-240.
9. RSASPH. F. 82. Sh. 2. File 1322. Sh. 268-269; FRUS. 1950. Vol. IV. Pp. 1507-1508; Campbell J. Tito's Separate Road. America and Yugoslavia in World Politics. N. Y., 1967. P. 25, n. 11; Lees L. Op. cit. P. 94.
10. Public Papers of the Presidents of the United States. Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the Presidents. Harry S. Truman. January 1 to December 31, 1951. Wash., 1965. P. 232.
11. FRUS. 1951. Vol. IV: Europe: Political and Economic Developments. Part 2. Wash., 1985. P. 1783.
12. FRUS. 1951. Vol. IV. Part 2. P. 1815, n. 2; L. Lees Op. cit. P. 105.
13. The Papers of Dwight David Eisenhower. Vol. XII: NATO and the Campaign of 1952. Baltimore, 1989. P. 415.
14. Lees L. Op. cit. P. 109.
15. The foreign policy archives of the Russian Federation [Hereinafter FPA RF]. F. 0144. Sh. 35. Folder 144. File 14. Sh. 121-124; U. S. Diplomatic Records on Relations with Yugoslavia during the Early Cold War. P. 315; FRUS. 1951. Vol. IV. Part 2. P. 1863.

16. The Mutual Security Act of 1951 // United States Statutes at Large. Containing the Laws and Concurrent Resolutions Enacted During the First Session of the Eighty Second Congress of the United States of America 1951 and Reorganization Plan Amendment to the Constitution, and Proclamations. Vol. 65. Wash., 1952. Pp. 373-387. Available at: http://www.constitution.org/uslaw/sal/065_statutes_at_large.pdf.

17. Military Assistance Agreement Between the United States and Yugoslavia, November 14, 1951. Available at: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/yugo001.asp.

18. Hess J. Oral History Interview with James W. Riddleberger, Washington, April 26, 1972. Available at: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/riddle3.htm>.

19. McKinzie R. Oral History Interview with Willis G. Armstrong, Washington, June 12, 1973. Available at: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/armstron.htm>.

20. V. Mastny NATO in the Beholder's Eye: Soviet Perceptions and Policies, 1949-56 // Woodrow Wilson International Center for Scholars. Cold War International History Project. Working Paper. No. 35. Washington, March 2002. Available at: <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/ACFB01.pdf>.

21. FRUS. 1951. Vol. I: National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Wash., 1979. P. 839; Lees L. Op. cit. P. 107.

22. Lees L. Op. cit. P. 109.

23. We are talking about Aegean Macedonia (Greece), the occupation of which by the armed forces of the Soviet bloc has allowed Moscow to cut the Turkey from United front with Greece, to go out into the Aegean sea, grab the Black sea Straits and, thereby, to break in the Mediterranean. *Balkanski pakt: 1953/1954: zbornik dokumenata / Redakcijski Monday, M. Terzic et al. Beograd. 2005. Pp. 150-152.*

24. McKinzie R. Oral History Interview with John C. Campbell, New York, June 24, 1974. Available at: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>.

25. *Yugoslavia: Political Diaries, 1918-1965- Yugoslavia: Political Diaries, 1918-1965. Vol. 4: 1949-1965 / ed. by R. L. Jarman. Slough, 1997. P. 359.*

26. Ibid. P. 272.

27. FRUS. 1952-1954. Vol. VIII: Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Wash., 1988. P. 594.

28. Ibid. P. 595.

29. FPA RF. F. 0144. Sh. 36. Folder 148. File 12. Sh. 79-80, 109-110, 111; *Yugoslavia: Political Diaries - Yugoslavia: Political Diaries. Vol. 4. P. 377.*

30. FPA RF. F. 0144. Sh. 36. Folder 148. File 12. Sh. 130-131, 148, 149; *Yugoslavia: Political Diaries - Yugoslavia: Political Diaries. Vol. 4. P. 382.*

31. FRUS. 1952-1954. Vol. VIII. P. 601.

32. Ibid. P. 597.

33. Ibid. Pp. 598-600.

34. Ibid. Pp. 601-603.

35. Ibid. Pp. 623-624.

36. Tekst Ankarskog sporazuma, 28. februar 1953. // *Balkanski pakt: 1953/1954. S. 311-313; Treaty of Friendship and Collaboration Between the Turkish Republic, The Kingdom of Greece, and the Federal People's Republic of Yugoslavia, February 28, 1953 // The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy. Available at: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/eu001.asp.*

37. Novak B. Trieste, 1941-1954: The Ethnic, Political, and Ideological Struggle. Chicago, 1970; Rabel, R. Between East and West: Trieste, the United States, and the Cold War, 1941-1954. Durham, 1988; Kostin A. A. *Triestskij vopros v sredizemnomorskoj strategii SSHA v 1945-1947 gg.* [Trieste question in the Mediterranean US strategy in 1945-1947] // *Mezhdunarodnye otnosheniya v XX veke - International relations in the twentieth century. Is. 2 / resp. edit. V.T. Jungblut. Kirov. 2009. Pp. 254-270; Kostin A. A. Amerikanskaya poziciya po triestskomu voprosu kak faktor vznikoveniya sovetsko yugoslavskogo konflikta 1948 g.* [The American position on the Trieste question as a factor in the emergence of the Soviet-Yugoslav conflict 1948] // *Mezhdunarodnye otnosheniya v XX-XXI vv. - International relations in the XX-XXI centuries. Ekaterinburg. 2013. Pp. 80-85.*

38. V. Dedijer The Battle Stalin Lost: Memories of Yugoslavia, 1948-1953. N. Y., 1971. P. 323.

39. FRUS. 1952-1954. Vol. VIII. P. 644.

40. Ibid. P. 665.

41. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij. Sobytiya i dokumenty. 1918-2003- System history of international relations. Events and documents. 1918-2003: in 4 vols. / Ed. by A. D. Bogaturov. Vol. 3. Events. 1945-2003. Moscow. 2003. Pp. 58-59.*

42. Tekst Bledskog contracts, 9. avgust 1954. // *Balkanski pakt: 1953/1954. S. 722-726; Treaty of Alliance, Political Cooperation, and Mutual Assistance Between the Turkish Republic, the Kingdom of Greece, and the Federal People's Republic of Yugoslavia (Balkan Pact), August 9, 1954 // The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy. Available at: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/eu002.asp.*

Россия в системе международных отношений в годы Первой мировой войны (по материалам школьных учебников отечественной истории XX–XXI вв.)

История России в период Первой мировой войны широко представлена в учебниках истории XX–XXI вв. Автор статьи опирается на учебники отечественной истории, изданные в 1916–2012 гг., представляет взгляд историков – авторов школьных учебников на войну в целом, конкретные военные операции, действия России и ее союзников, делает вывод о схожести многих позиций авторов учебных изданий советского и постсоветского периодов российской истории.

The history of Russia during World War I is widely presented in textbooks of the history XX–XXI of centuries. The author of article is guided by the textbooks of national history published in 1916–2012 represents a look of historians – authors of school textbooks on war in general, concrete military operations, actions of Russia and its allies, draws a conclusion about similarity of many positions of authors of educational editions of the Soviet and Post-Soviet periods of the Russian history.

Ключевые слова: школьный учебник истории, Россия, Первая мировая война, международные отношения.

Keywords: school textbook of history, Russia, World War I, international relations.

Школьные учебники истории, которые мы рассматриваем как массовый исторический источник, на протяжении целого века (с начала Первой мировой войны до настоящего времени) отражали взгляды отечественных историков на события, сыгравшие важную роль в судьбе страны. Первая мировая война – одно из таких событий, которому авторы школьных учебников отечественной истории уделяли большое внимание в различные исторические эпохи, при этом существенно различались оценки самой войны, ее причин, конкретных военных операций и отдельных персоналий.

История Первой мировой войны в дореволюционных учебниках не нашла должного освещения хотя бы потому, что эта война ещё шла и конец её не был предопределён. К примеру, в учебнике С. Ф. Платонова (1916), дозволенного военной цензурой, событийный ряд заканчивался восшествием на престол Николая II [1], а в следующем учебнике этого же автора (1917) войне посвящены два абзаца: в первом говорится о том, что после поражения в русско-японской войне «Германия и Австро-Венгрия... стали менее стесняться в отношении России», которая в 1914 г. «вступилась, против ожиданий Австрии и Германии, за дружественный ей сербский народ и мобилизовала армию»; во втором абзаце отмечались «недостатки русской военной организации и её несоответствие громадному размаху военных операций», «недостаток военного снаряжения и снарядов», «недостаток и слабость правительственных учреждений, работавших на оборону, и недобросовестность и неумелость многих правительственных лиц (военный министр Сухомлинов был заподозрен даже в прикосновенности к государственной измене)» [2]. Причины войны в данном издании не названы, действия русской армии не проанализированы и не оценены.

После октября 1917 г. в исторической науке доминирует классовый подход, и вся отечественная история рассматривается в русле противопоставления старой, царской, и новой, советской, России. Политика российского правительства накануне и в период Первой мировой войны трактуется исключительно как предательская, позорная по отношению к собственному народу, а сама война именуется как «первая империалистическая».

Несмотря на то что в 1917 г. история как школьный предмет была исключена из программ обучения, существовали книги для чтения, в которых отдельные страницы отечественной и зарубежной истории освещались. Так, в книге «Наш Союз (СССР)» (1930) указаны причины Первой мировой войны: «Эта война нужна была капиталистам разных стран. Они воевали из-за земель, где можно было бы хорошо и выгодно продавать свои товары и наживать новые капиталы. С этой целью в войну втянулась и царская Россия» [3].

В первом советском учебнике по истории СССР под редакцией А. В. Шестакова (1937) Первая мировая война однозначно оценивается как захватническая, империалистическая: «крупные капиталистические государства соперничали между собой. К началу XX в. на земном шаре не было ни клочка земли, не захваченного каким-нибудь государством. Капиталисты разных стран стремились отнять друг у друга богатые земли с многочисленным населением. Особенно жадно домогались захватов германские капиталисты и помещики. Германия стремилась отхватить у Англии её некоторые африканские колонии, у России – Украину, Польшу, Прибалтику; Россия стремилась отхватить у Турции Константинополь; Англия – Месопотамию и Палестину; Франция стремилась вернуть себе Эльзас-Лотарингию, занятую Германией... Когда война началась, то буржуазия всех воюющих стран обманывала народ, объявив эту войну войной за спасение своей родины от неприятеля». В этом же учебнике отмечалось, что в подготовке к войне капиталисты разделились на два лагеря, в одном из которых были Англия, Франция и «зависимая от них Россия», в другом – Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария [4].

После выхода в свет «Краткого курса истории ВКП (б)» (1938) в школьных учебниках был усилен акцент на захватнические планы России, которая «стремилась к разделу Турции, мечтала о завоевании проливов из Черного моря к Средиземному (Дарданеллы), о захвате Константинополя» и в планы которой входил «захват Галиции – части Австро-Венгрии» [5]. Все эти позиции представлены в учебниках под редакцией А. М. Панкратовой, выдержавших с 1940 г. 22 издания. Рассматривая причины «мировой империалистической войны», авторы второго издания учебника (1941) на первое место ставили «столкновение интересов двух главных мировых хищников – английского и германского империализма», а на второе место – «столкновение интересов империалистической Германии и царской России». Они уточняли: «Экономическое и политическое усиление Германии в Турецкой империи являлось серьезной помехой для империалистических замыслов русских помещиков и капиталистов, по-прежнему считавших захват Константинополя и проливов своей важнейшей задачей. В правящих кругах России все более задумывались над тем, что “путь в Константинополь лежит через Берлин”, т. е. через разгром Германской империи... В планы русских империалистов входило завладеть Босфором и Дарданеллами, захватить Турецкую Армению, раздробить Австро-Венгрию и присоединить к царской России Галицию, утвердить свое влияние на Балканском полуострове». Здесь же цитировался В. И. Ленин, называвший Англию, Германию и царскую Россию «тремя великими разбойниками на большой дороге» [6]. Вместе с тем в более позднем издании учебника (1962) его авторы акцентируют внимание на вынужденной зависимости России от империалистов Англии и Франции: «Засилье англо-французского капитала и миллиардные займы, полученные царем во Франции и Англии, приковали царизм к англо-французскому империализму. Накануне войны внешняя задолженность России превысила 4 миллиарда рублей» [7].

В 1990-е гг. понятие «империалистическая война» практически уходит из школьных учебников. В. П. Островский и А. И. Уткин (1995) определяют войну как «вторую Отечественную» (так ее назвали в воюющей России) и аргументируют это мнение: Россия стала жертвой агрессии, война вызвала значительный патриотический подъем во всех слоях населения, русская армия проявила себя героически, Россия имела в этой войне объективные национальные интересы (ликвидацию восточно-прусского остроя, направленного на Россию) [8]. А. А. Данилов и Л. Г. Косулина (1995) заменяют утверждения об агрессивности российского правительства и русской буржуазии выводом о том, что Россия была втянута в мировую войну «поневоле» [9], А. А. Левандовский и Ю. А. Щетинов (1999), рассматривая причины участия России в войне, отмечают, что «...развал Балканского союза означал серьезное дипломатическое поражение», и у противников России в лице Болгарии «появилась надежная опора в регионе, который Россия упорно стремилась подчинить своему единоличному влиянию» [10].

Учебники 2000-х гг. представляют полный спектр взглядов на Первую мировую войну. Причины ей определяются по-разному: А. А. Левандовский и Ю. А. Щетинов смещают акценты в сторону агрессивных устремлений Германии [11], авторский коллектив под руководством А. А. Данилова и А. В. Филиппова пишет о стремлении всех европейских держав к усилению влияния в определенных регионах (Германия – на Ближнем и Среднем Востоке и на Балканах; Англия и Франция – в Северной Африке, Ближнем Востоке, в Греции; Австро-Венгрия – на северо-западе Балкан; Россия – в Румынии и Болгарии, Сербии и Черногории) [12], В. С. Измозик, С. Н. Рудник утверждают, что в борьбе «империалистических государств в начале XX в. центральное место занимал поединок Германии и Великобритании», что Россия участвовала в схватке мировых держав, «не имея... четко выраженных национальных интересов» [13], Н. В. Загладин и его соавторы отмечают, что главным районом нестабильности в Европе были Балканы, и «борьба России с Центральными державами за влияние на Балканские государства стала причиной серьезных разногласий между ними» [14].

А. О. Чубарьян и его соавторы (2005) подробно рассматривают вопрос о выборе Россией стратегического союзника: «В пользу Германии говорили: наиболее устойчивый в Европе эконо-

мический потенциал, близость политической и экономической систем двух стран, династические браки. В пользу Франции – ее огромные инвестиции в экономику России, близость позиций по ряду европейских держав». Они же отмечают: «Прогерманскую позицию отстаивали часть членов Государственного совета и Думы, некоторые крупные помещики, политические и общественные деятели, связанные с германским капиталом. Они считали, что Германия поможет России в борьбе с ее главным соперниками – Англией на Западе и Японией на Востоке... Профранцузскую и проанглийскую группу (гораздо более многочисленную) составляли представители буржуазии и части помещиков. Думские либералы выступали именно за этот союз, утверждая, что соглашение с Англией приведет к стабилизации отношений не только с Японией, но и с Германией – главным оппонентом (по их мнению) в Европе». Авторы этого учебника излагают содержание записки лидера правых в Государственном совете П. Н. Дурново, который «предостерегал Николая II от соблазна бесконечного расширения территории империи», отмечал, «что немцы быстрее англичан согласились бы на предоставление России черноморских проливов», предупреждал, что «конфликт России и Германии, двух консервативных государств, неизбежно приведет к резкому ослаблению “консервативного начала” в Европе и росту революционных настроений, крайне опасных для обеих стран» [15]. В. С. Измозик и С. Н. Рудник (2008) констатируют наличие спора между историками по поводу того, «могла ли Россия избежать участия в схватке мировых держав, не имея в ней четко выраженных национальных интересов» и указывают лишь одну причину ее участия в войне: «Россия вступила в войну, будучи связанной военно-политическим союзом с Францией, заключенным в 1891–1894 гг.» [16]

Участие России в военных операциях 1914–1917 гг. представлено в школьных учебниках 1940–2000-х гг. достаточно подробно. Рефреном всех учебников советского, постсоветского и настоящего времени является мысль о том, в трудные для России минуты союзники не предпринимали решительных действий на Западном фронте и, наоборот, в случае трудностей у союзников Россия часто начинала на Восточном фронте вынужденные и неподготовленные действия, влекущие за собой большие потери (человеческие и территориальные). К примеру, в августе 1914 г. «французское правительство требовало наступления русских войск на Восточном фронте с тем, чтобы оттянуть побольше германских войск с Западного фронта» [17], «германскому командованию пришлось срочно перебросить значительные силы с Западного фронта на Восточный, чтобы задержать наступление русских армий», что «облегчило положение Франции», однако «для русских армий Северо-Западного фронта это преждевременное и недостаточно подготовленное наступление закончилось катастрофой» [18]; битва на Марне, которая спасла Париж в сентябре 1914 г., «была выиграна ценой жизни тысяч русских солдат» [19]; бездействие союзников России, которые «практически прекратили активные военные действия на Западном фронте», в 1915 г. позволило германо-австрийским войскам начать «великое наступление» [20], в мае 1916 г. России пришлось выручать Италию, «потерпевшую тяжелые поражения от австрийской армии» [21]; летом 1916 г. прорыв русских войск на юго-западном направлении «значительно облегчил положение французов у Вердена» [22]. Как писали Ю. И. Кораблев и его соавторы (1989), «русскую армию неоднократно бросали на выручку союзников, которые берегли свои войска для будущих сражений» [23]. В. С. Измозик и С. Н. Рудник приводят в своем учебнике (2009) слова английского премьер-министра Г. Асквита о вкладе России в кампанию 1914 г.: «Идеалом Германии является и всегда была война, быстро доводимая до конца... В 1914 г. планы были составлены точно с такой целью, и она чуть-чуть была не достигнута, если бы не Россия...» [24]

Авторы учебников объясняют несамостоятельность действий России в годы Первой мировой войны прежде всего экономическим фактором. В учебнике А. М. Панкратовой (1941) особо подчеркивалось, что в годы войны «еще более усилилась зависимость царского правительства от англо-французского капитала, принявшая кабальный характер» (приводился пример: за предоставление кредита царской России в 3 млрд рублей Англия затребовала в Лондон, в качестве гарантии кредитов по военным заказам, часть золотого запаса России), что правительства Англии, Франции, а позднее и США, постоянно грозили Временному правительству лишением займов и субсидий, «если оно немедленно не начнет наступление и тем самым не оттянет германские войска с Западного фронта» [25]. Эта же мысль присутствует в современном учебнике А. А. Данилова и его соавторов (2009), которые также констатируют: неготовность России к войне, необходимость закупать автоматическое оружие требовали огромных денег, что приводило «к усилению зависимости страны от западных союзников, росту внешнего долга» [26].

Во многих школьных учебниках разных лет подчеркивается, что Россия не только проводила «зависимую» от союзников политику, но и, по сути, использовалась ими в своих интересах. А. М. Панкратова и ее коллеги, к примеру, делают вывод о том, что во всех важнейших военных, финансовых и политических вопросах империалисты Англии и Франции «предварительно договаривались между собой, а затем в категорической форме предъявляли свои решения царскому правительству», кроме того, со второй половины 1916 г. они не приглашали царское правитель-

ство на межсоюзнические совещания» [27]. Примерно такая же мысль присутствует в учебнике под редакцией А. О. Чубарьяна и А. А. Данилова (2005, 2009): «Уже в годы Первой мировой войны наметилась тенденция изоляции России от Запада. Виной тому во многом была близорукая политика лидеров союзных России стран, воспринимавших ее не как полноправного союзника, а скорее как второстепенного помощника в решении собственных задач» [28]. В качестве подтверждения этого мнения можно привести пример из учебника Н. В. Загладина и его соавторов (2005), которые пишут, что в начале 1915 г. англо-французская армия предприняла крупную операцию против Турции, «высадив без согласования с Россией 500-тысячный десант в Галлиполи близ Стамбула (Константинополя), намереваясь захватить Босфор и Дарданеллы» (что вызвало чрезвычайную тревогу России) [29].

Февральская революция не изменила ситуацию. Как отмечается в учебнике 1941 г., английское правительство признало Временное правительство при условии, что оно будет «соблюдать обязательства, принятые его предшественниками», французское правительство пожелало Временному правительству успехов в намерении довести войну «честно и неутомимо до победного конца» [30]. В ноте министра иностранных дел России П. Н. Милюкова от 18 апреля 1917 г. содержалось заявление России о верности союзническому долгу, и Временное правительство так же, как и предшествовавшие ему, продолжило политику «спасения» союзников. На активном ведении войны Россией, которая к тому времени была истощена, настаивали и США, вступившие в войну на стороне Антанты в апреле 1917 г. «По требованию англо-французских империалистов Временное правительство готовило наступление на фронте», которое было «провалено» в июне 1917 г. [31]

Ленинский декрет (1917) с призывом к перемирию и заключению мира без аннексий и контрибуций не вызвал ответной реакции воюющих держав. В учебнике Ю. И. Кораблева и его соавторов (1989) цитируется В. И. Ленин: «Именно англо-французская и американская буржуазия не приняла нашего предложения, именно она отказалась даже разговаривать с нами о всеобщем мире», и в этих условиях было принято решение самостоятельно начать переговоры с Германией о заключении мира [32]. В. А. Шестаков, М. М. Горинов, Е. Е. Вяземский (2001) отмечают, что для Англии и Франции заключение мира без аннексий было неприемлемо, «ведь они обладали огромными колониальными владениями, приобретенными как раз в результате аннексий» [33]. Как пишут А. А. Левандовский и Ю. А. Щетинов, в столицах Антанты расценили инициативу советского правительства как «провокацию германской марионетки, открывавшую австро-германским войскам Восточный фронт», а в Берлине и Вене «постарались воспользоваться выгодной для себя внешнеполитической ситуацией» [34]. В. С. Измозик и его соавторы отмечают, что Брестский договор «давал формальный повод для интервенции в Россию стран Антанты, продолжавших войну с Германией» [35]. Н. В. Загладин и его соавторы (2010) пишут, что нарушение Россией союзнических обязательств «послужило основанием для ее исключения из числа держав-победительниц» [36].

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать следующие выводы: проблема взаимоотношений России с союзниками и противниками в годы Первой мировой войны нашла отражение на страницах школьных учебников истории; Россия чаще всего рассматривается как государство, преследующее собственные цели в войне, хотя встречается и точка зрения об отсутствии у нее национальных интересов; общее мнение авторов учебников 1940–2000-х гг. заключается в том, что верная союзническому долгу Россия на протяжении четырех лет была вынуждена участвовать в целом ряде военных операций, связанных с неоправданными человеческими жертвами, что экономическая зависимость страны от союзников делала ее несамостоятельной в выборе стратегий действий; существенно изменились оценки деятельности пришедших к власти большевиков в отношении войны (от оправдания «грабительского» Брестского мира до осуждения их решений, приведших к интервенции и исключению возможности России войти в число держав-победительниц).

Примечания

1. Платонов С. Ф. Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический. Изд. седьмое, пересмотр. Петроград: Тип. М. А. Александрова, 1916.
2. Платонов С. Ф. Учебник русской истории для средней школы: Курс систематический / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Н. П. Соколова. М.: Звено, 1994. С. 386–389.
3. Наш союз (СССР): книга для чтения и работы для IV года обучения / под ред. Л. Г. Тереховой. Изд. девятое. М.; Л.: Работник просвещения, 1930. С. 260.
4. История СССР. Краткий курс / под ред. А. В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1937. С. 180.
5. Краткий курс истории ВКП (б) / под ред. Комиссии ЦК ВКП (б). М.: Изд-во ЦК ВКП (б) «Правда», 1938. С. 155.
6. Панкратова А. М. История СССР. Учебник для X класса средней школы / К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, А. М. Панкратова, А. В. Фохт; под ред. А. М. Панкратовой. Ч. 3. М.: Учпедгиз, 1941. С. 105–106.
7. Панкратова А. М. История СССР: учеб. для 10 класса средней школы / К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, А. М. Панкратова, А. В. Фохт; под ред. А. М. Панкратовой. Изд. 21-е. М.: Учпедгиз, 1962. С. 69.

8. *Островский В. П., Уткин А. И.* История России. XX век. 11 кл.: учеб. для общеобраз. учеб. завед. М.: Дрофа, 1995. С. 113, 117.
9. *Данилов А. А., Косулина Л. Г.* История России, XX век: учеб. для 9 кл. общеобраз. учрежд. М.: Просвещение, 1995. С. 58.
10. *Левандовский А. А.* Россия в XX веке: учеб. для 10–11 кл. общеобраз. учрежд. / А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов. 5-е изд. М.: Просвещение, 2001. С. 75.
11. См.: Там же. С. 74; *Левандовский А. А.* История России, XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобраз. учрежд.: базовый уровень / А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов, С. В. Мироненко; под ред. С. П. Карпова. 6-е изд. М.: Просвещение, 2012. С. 51.
12. История России, 1900–1945 гг. 11 класс: учеб. для общеобраз. учрежд. / А. А. Данилов, А. С. Барсенков, М. М. Горинов и др.; под ред. А. А. Данилова, А. В. Филиппова. М.: Просвещение, 2009. С. 93.
13. *Измозик В. С., Рудник С. Н.* История России: 11 класс: учебник для учащихся общеобраз. учрежд. / В. С. Измозик, С. Н. Рудник; под общ. ред. Р. Ш. Ганелина. М.: Антана-Граф, 2009. С. 94.
14. *Загладин Н. В., Козленко С. И., Минаков С. Т., Петров Ю. А.* История Отечества. XX – начало XXI века: учебник для 11 класса сред. общеобраз. учеб. завед. 3-е изд. М.: «ТИД «Русское слово – РС», 2005. С. 77.
15. Отечественная история XX – начала XXI века: учеб. для 11 кл. общеобраз. учрежд. / [А. О. Чубарьян, А. А. Данилов, Е. И. Пивовар и др.]; под ред. А. О. Чубарьяна. 2-е изд. М.: Просвещение, 2005. С. 43–45.
16. *Измозик В. С., Рудник С. Н.* Указ. соч. С. 94.
17. См.: *Панкратова А. М.*, 1941. С. 110; *Панкратова А. М.*, 1963. С. 72.
18. История СССР: учеб. для 9 класса / И. Б. Берхин, И. А. Федосов; под ред. М. П. Кима. Изд. первое. М.: Просвещение, 1976. С. 110.
19. *Кораблев Ю. И. и др.* История СССР: учеб. для 10 кл. сред. шк. / Ю. И. Кораблев, И. А. Федосов, Ю. С. Борисов; под ред. Ю. И. Кораблева. М.: Просвещение, 1989. С. 82.
20. См.: Там же. С. 82; *Левандовский А. А.*, 2001. С. 78; История России, 1900–1945 гг., 2009. С. 95–97; *Левандовский А. А.*, 2012. С. 55.
21. *Кораблев Ю. И. и др.* Указ. соч. С. 83.
22. *Панкратова А. М.*, 1962. С. 23.
23. *Кораблев Ю. И. и др.* Указ. соч. С. 83.
24. *Измозик В. С., Рудник С. Н.* Указ. соч. С. 95.
25. *Панкратова А. М.*, 1941. С. 117–118, 145.
26. История России, 1900–1945 гг. С. 97.
27. *Панкратова А. М.*, 1941. С. 117–118.
28. См.: Отечественная история XX – начала XXI века / под ред. А. О. Чубарьяна. С. 54; История России, 1900–1945 гг. С. 102.
29. *Загладин Н. В.*, 2005. С. 81–82.
30. *Панкратова А. М.* Указ. соч. С. 136.
31. Там же. С. 145, 146.
32. *Кораблев Ю. И. и др.* Указ. соч. С. 167.
33. *Шестаков В. А.* История Отечества, XX век: учеб. для 9 кл. общеобраз. учрежд. / В. А. Шестаков, М. М. Горинов, Е. Е. Вяземский; под ред. А. Н. Сахарова. 2-е изд. М.: Просвещение, 2001. С. 104.
34. *Левандовский А. А.*, 2001. С. 139.
35. *Измозик В. С., Журавлева О. Н., Рудник С. Н.* История России. 1917–2008 гг.: 9 класс: учебник для общеобраз. учрежд. / под общ. ред. Р. Ш. Ганелина. М.: Вентана-Граф, 2010. С. 29.
36. *Загладин Н. В.* История России. XX век: учебник для 9 класса общеобраз. учрежд. / Н. В. Загладин, С. Т. Минаков, С. И. Козленко, Ю. А. Петров. 8-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2010. С. 96.

Notes

1. Platonov S. F. *Uchebnik russkoj istorii dlya srednej shkoly. Kurs sistematičeskij* [Textbook of Russian history for secondary schools. Systematic course]. Ed. seventh, rev. Petrograd. Typ. of M. A. Alexandrov. 1916.
2. Platonov S. F. *Uchebnik russkoj istorii dlya srednej shkoly: Kurs sistematičeskij* [Textbook of Russian history for secondary schools: a systematic course] / prep. of text, introd. art. and comment. N. P. Sokolov. Moscow. Zveno. 1994. Pp. 386–389.
3. *Nash soyuz (SSSR): kniga dlya čteniya i raboty dlya IV goda obučeniya* - Our Union (USSR): the book for reading and work for IV year of studies / Ed. by L. G. Terekhova. Ninth ed. Moscow; Leningrad. Rabotnik prosvescheniya. 1930. P. 260.
4. *Istoriya SSSR. Kratkij kurs* – The history of the USSR. Short course / edited by A.V. Shestakov. Moscow. Uchpedgiz. 1937. P. 180.
5. *Kratkij kurs istorii VKP (b)* - Brief history of the CPSU (b) / Ed. Commission of the Central Committee of the CPSU (b). Moscow. Publishing house of the Central Committee of the CPSU (b) "Pravda". 1938. P. 155.
6. *Pankratova A. M. Istoriya SSSR. Uchebnik dlya X klassa srednej shkoly* [History of the USSR. Tutorial for X grade of secondary school] / K. V. Bazilevich, S. V. Bakhrušin, A. M. Pankratova, A. V. Foht; Ed. by A. M. Pankratova. Pt. 3. Moscow. Uchpedgiz. 1941. Pp. 105–106.

7. Pankratova A. M. *Istoriya SSSR: ucheb. dlya 10 klassa srednej shkoly* [The history of the USSR: textbook. for the 10th grade of secondary school] / K. V. Bazilevich, S. V. Bakhrushin, A. M. Pankratova, A. V. Foht; Ed. by A. M. Pankratova. Ed. 21 E. Moscow. Uchpedgiz. 1962. P. 69.
8. B. P. Ostrovsky, Utkin A. I. *Istoriya Rossii. XX vek. 11 kl.: ucheb. dlya obshcheobraz. ucheb. zaved.* [History Of Russia. XX century. 11 grade: textbook for general educational institutions]. Moscow. Drofa. 1995. Pp. 113, 117.
9. Danilov A. A., Kosulina L.G. *Istoriya Rossii, XX vek: ucheb. dlya 9 kl. obshcheobraz. uchrezhd.* [History of Russia, XX century: textbook for 9 grade for general educational institutions]. Moscow. Prosveshchenie. 1995. P. 58.
10. Lewandowski A. A. *Rossiya v XX veke: ucheb. dlya 10–11 kl. obshcheobraz. uchrezhd.* [Russia in the XX century: textbook. for 10-11 grades for general educational institutions]. / A. A. Lewandowski, Y. A. Shchetinov. 5 ed. Moscow. Prosveshchenie. 2001. P. 75.
11. See: Ibid. P. 74; Lewandowski A. A. *Istoriya Rossii, XX – nachalo XXI veka. 11 klass: ucheb. dlya obshcheobraz. uchrezhd.: bazovyy uroven'* [History of Russia of XX - beginning of XXI century. 11th grade: textbook for general educational institutions: basic level] / A. A. Lewandowski, Y. A. Shchetinov, S. V. Mironenko; ed. by S. P. Karpov. 6 ed. Moscow. Prosveshchenie. 2012. P. 51.
12. *Istoriya Rossii, 1900–1945 gg. 11 klass: ucheb. dlya obshcheobraz. uchrezhd.* [The history of Russia, 1900-1945, 11 grade: textbook for general educational institutions] / A. A. Danilov, A. S. Barsenkov, M. M. Gorinov and others; ed. by A. A. Danilov, A. V. Filippova. Moscow. Prosveshchenie. 2009. P. 93.
13. Ismozik V.S., Rudnick S.N. *Istoriya Rossii: 11 klass: uchebnik dlya uchashchihsya obshcheobraz. uchrezhd.* [History of Russia: 11 grade: textbook for general educational institutions] / Ismozik V.S., Rudnick S.N.; under the general ed. R.Sh. Ganelin. Moscow. Antan-graf. 2009. P. 94.
14. Zagladin N.V., Kozlenko S. I., Minakov S. T., Petrov Y. A. *Istoriya Otechestva. XX – nachalo XXI veka: uchebnik dlya 11 klassa sred. obshcheobraz. ucheb. zaved.* [History Of The Fatherland. The XX - beginning of XXI century: a textbook for 11th grade general educational institutions] 3rd ed. Moscow. "TPH "Russkoe slovo-RS". 2005. P. 77.
15. *Otechestvennaya istoriya XX – nachala XXI veka: ucheb. dlya 11 kl. obshcheobraz. uchrezhd.* - Russian history of the XX - beginning of XXI century: textbook. for 11 grade general educational institutions / [A. O. Chubarian, A. A. Danilov, E.I. Pivovar and others]; edited by A. O. Chubarian. 2nd ed. Moscow. Prosveshchenie. 2005. Pp. 43-45.
16. Ismozik V.S., Rudnick S.N. Op. cit. P. 94.
17. See: Pankratova A. M., 1941. P. 110; Pankratova A. M., 1963. P. 72.
18. *Istoriya SSSR: ucheb. dlya 9 klassa* - The history of the USSR: textbook. for 9 grade / I. B. Berhin, I. A. Fedosov; ed. by M. P. Kim. Ed. first. M: Education, 1976. S. 110.
19. Korablev Y. I. and others *Istoriya SSSR: ucheb. dlya 10 kl. sred. shk.* [History of the USSR: textbook. for 10 grade of secondary school] / Y. I. Korablev, I. A. Fedosov, Y. S. Borisov; Ed. by Y. I., and laughed. Moscow. Prosveshchenie. 1989. P. 82.
20. See: Ibid. P. 82; Lewandowski A. A., 2001. P. 78; *Istoriya Rossii, 1900–1945 gg* - History of Russia, 1900-1945. 2009. Pp. 95-97; Lewandowski, A. A., 2012. P. 55.
21. Korablev Y. I. and others. Op. cit. P. 83.
22. Pankratova A. M., 1962. P. 23.
23. Korablev Y. I. and others. Op. cit. P. 83.
24. Ismozik V.S., Rudnick S.N. Op. cit. P. 95.
25. Pankratova A. M., 1941. Pp. 117-118, 145.
26. The history of Russia, 1900-1945. P. 97.
27. Pankratova A. M., 1941. Pp. 117-118.
28. See: *Otechestvennaya istoriya XX – nachala XXI veka* – Russian history of the XX - beginning of XXI century / ed. by A. O. Chubarian. P. 54; History, 1900-1945, P. 102.
29. Zagladin N.V. 2005. Pp. 81-82.
30. Pankratova A. M. Op. cit. P. 136.
31. Ibid. Pp. 145, 146.
32. Korablev Y. I. and others. Op. cit. P. 167.
33. Shestakov V.A. *Istoriya Otechestva, XX vek: ucheb. dlya 9 kl. obshcheobraz. uchrezhd* [History of Russia, XX century: textbook. for 9 grade of general educational institutions] / V.A. Shestakov, M. M. Gorinov, E. E. Vyazemsky; ed. by A. N. Sakharov. 2nd ed. Moscow. Prosveshchenie. 2001. P. 104.
34. Lewandowski A. A. 2001. P. 139.
35. Ismozik V.S., Zhuravleva O. N., Rudnik S. N. *Istoriya Rossii. 1917–2008 gg.: 9 klass: uchebnik dlya obshcheobraz. uchrezhd.* [The History Of Russia. 1917-2008: 9 grade: textbook for general educational institutions] / under the general editorship of R. Sh. Ganelin. Moscow. Ventana-Graf. 2010. P. 29.
36. Zagladin N.V. . *Istoriya Rossii. XX vek: uchebnik dlya 9 klassa obshcheobraz. uchrezhd.* [History Of Russia. XX century: a textbook for 9 grade of general educational institutions] / N.V. Zagladin, S. T. Minakov, S. I. Kozlenko, Y. A. Petrov. 8 ed. Moscow. LTD "TPH "Russkoe slovo-RS". 2010. P. 96.

Профессиональная защита: проблемы и перспективы правовой регламентации

Статья посвящена актуальной проблематике нормативной регламентации реализации права на получение квалифицированной юридической помощи, содержания и форм осуществления профессиональных юрисдикционных технологий защиты в отечественном процессе. Авторами обосновывается практическая целесообразность законодательного закрепления способов обнаружения, фиксации и исследования доказательств, инициативно собранных защитником, придания сведениям, представленным адвокатом при осуществлении правозащитной деятельности, равной юридической силы с доказательствами, собранными лицами, осуществляющими уголовное преследование. Рассматриваются доктринальные и правоприменительные коллизии, возникающие при легализации сведений, собранных адвокатом при защите прав и законных интересов доверителей.

Article is devoted to an actual perspective of a standard regulation of realization of the right to the qualified legal aid, the contents and forms of implementation of professional jurisdictional technologies of protection in native process. Authors practical expediency of legislative fixing of ways of detection, fixing and research of the proofs which are initiatively collected by the defender, giving to the data presented by the lawyer at implementation of human rights activity, equal validity with the proofs collected by the persons which are carrying out criminal prosecution locates. The doctrinal and law-enforcement collisions arising at legalization of the data collected by the lawyer at protection of the rights and legitimate interests of principals are considered.

Ключевые слова: профессиональная юридическая помощь, защитник, юрисдикционные технологии, соби́рание доказательств, состязательность и процессуальное равноправие, судопроизводство, производство по делам об административных правонарушениях.

Keywords: professional lawyer aid, defender, jurisdictional technologies, collecting of proofs, competitiveness and procedural equality, legal proceedings, proceedings in administrative offence.

Одной из фундаментальных основ состязательного судопроизводства является процессуальное равноправие сторон, отстаивающих диаметрально противоположные публичные и (или) частные интересы.

Вместе с тем в отечественной уголовно-процессуальной доктрине, правосознании практикующих юристов преобладает представление о нецелесообразности предоставления стороне защиты равных процессуальных возможностей по участию в доказывании и, как следствие, безусловной «ущербности» сведений, собранных защитником в целях обоснования невиновности доверителя и оспаривания обвинения, инкриминируемого подзащитному [1]. Лишь относительно незначительная часть правоведов отмечают необходимость нормативного закрепления процессуально допустимого противодействия стороны защиты деятельности лиц, осуществляющих уголовное преследование в целях реализации публичных интересов [2].

Разумный баланс публичного и частного интересов при выполнении назначения уголовного судопроизводства, равенство процессуальных возможностей сторон при осуществлении уголовного преследования и реализации защитительной функции должны устранить «исключительную компетенцию государственно-властных органов» [3] по соби́ранию доказательств. Разумеется, сохранив за государственными органами и должностными лицами, осуществляющими доказывание по уголовным делам, правомочия по принятию общеобязательных решений и применению мер процессуального принуждения, при обеспечении возможности правомерного процессуального противоборства, инициирования правосстановительных и правоохранительных санкций.

Адвокат-защитник является единственным представителем стороны защиты, обязанным участвовать на профессиональной основе в доказывании в соответствии с требованиями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [4], за неисполнение которого возможно применение мер гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности. Необходимость нейтрализации надуманного противодействия лиц, ведущих судопроизводство, инициативной деятельности защитника по собиранию сведений, которые, в контексте действующего правового регулирования, «могут быть обременены в необходимую процессуальную форму только органом уголовного преследования... или судом на основании соответствующего ходатайства защитника» [5], обуславливает поиск оптимальных путей регламентации вовлечения в уголовный процесс соответствующих сведений.

Профессионализм, понимаемый как «осуществление деятельности по принятым методам; соблюдение требований к ее процессу и результатам; возмездность» [6], выступает гарантом честности, разумности и добросовестности отстаивания адвокатом прав и законных интересов подзащитного, качества, оперативности и результативности использования не запрещенных законом средств и способов по отстаиванию позиции доверителя в уголовном процессе. Именно на обеспечение и стимулирование профессионализма адвокатской деятельности направлены квалификационные требования, предъявляемые к претендентам на получение статуса адвоката (стаж работы по юридической специальности, образование), двухуровневая процедура квалификационного экзамена, ограничения и запреты, установленные в отношении адвокатов, возможность применения мер юридической ответственности за некачественное или несвоевременное оказание помощи.

Профессиональный характер правозащитной деятельности адвоката обеспечивается как организационно-правовыми (порядок приобретения, приостановления, прекращения статуса адвоката, реализации полномочий в сфере спорной и бесспорной юрисдикции), так и «обеспечительными процессуальными гарантиями» [7], призванными минимизировать уязвимость представителей адвокатской корпорации. К процессуальным гарантиям, нейтрализующим противодействие законной деятельности адвоката-защитника, традиционно относят недопустимость произвольного ограничения права защитника на свидания со своим доверителем; возможность привлечения адвокатом специалиста для опровержения заключения эксперта; обязательность участия адвоката в производстве по уголовному делу в предусмотренных законом случаях; своевременное уведомление адвоката, принявшего поручение на ведение дела, о предъявлении подзащитному обвинения, производстве следственных действий; фиксация в протоколе допроса доверителя всех, в том числе отведенных вопросов защитника; обязательность отложения производства процессуального действия на установленный законом срок [8].

Включенность адвоката-защитника в процессуальный механизм формирования доказательственной базы по уголовному делу выступает способом обеспечения процессуального равноправия сторон и реализации права подозреваемого, обвиняемого на защиту [9]. Несмотря на формализацию права защитника собирать доказательства, механизм обнаружения и представления сведений, обладающих свойствами относимости, допустимости и достоверности, гарантирующими «конкуренцию» с доказательствами, собранными официальными представителями стороны обвинения, до настоящего времени не разработан. Это позволяет ряду авторов утверждать, что «УПК РФ не дал защитнику права самостоятельно собирать доказательства... не превратил его в сторону состязательного процесса в досудебной части нашего уголовного судопроизводства» [10]. Следовательно, заявляют сторонники данного утверждения, представляемые защитником сведения – не более чем источники информации, обретающие статус уголовно-процессуальных доказательств лишь при принятии соответствующего решения дознавателем или следователем [11].

Действительно, согласно предписаниям Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», призванного унифицировать порядок оказания квалифицированной юридической помощи, адвокаты уполномочены собирать сведения, предметы и документы, которые могут быть признаны доказательствами. Отказавшись в названном нормативном правовом акте от закрепления права адвоката собирать именно доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, законодатель создал коллизию двух федеральных законов: специального и кодифицированного. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев дилемма разрешается правоприменителем в пользу буквального толкования полномочий адвоката в Законе № 63-ФЗ, игнорируя прямое действие основополагающего принципа уголовного судопроизводства – законности, запрещающего применять федеральный закон, противоречащий УПК РФ [12].

Одна из новелл уголовно-процессуального закона – декларирование опроса лиц с их согласия адвокатом-защитником в качестве процессуальной альтернативы формирования доказательствен-

ной базы, предназначенной для создания правовых предпосылок процессуального равноправия сторон. Законодатель, формализовав полномочие профессионального советника по правовым вопросам самостоятельно собирать доказательства (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), не раскрыл понятие и сущность опроса, умолчал об основаниях, условиях и порядке его проведения, способах фиксации полученной информации, породив тем самым теоретические споры и правоприменительные коллизии.

Во-первых, ни в доктрине, ни в правоприменительной деятельности не сложилось унифицированного толкования сущности, процессуального значения опроса лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к уголовному делу. Семантическое толкование позволяет определить опрос как «способ получения информации, необходимой для осуществления защиты интересов подозреваемого, обвиняемого защитником, с согласия опрашиваемых лиц» [13]. Современными процессуалистами однозначно признаются принципиальные отличия опроса от следственного действия: его проведение возможно лишь при добровольном волеизъявлении носителя информации, адвокат не правомочен применять властно-распорядительными полномочиями в отношении опрашиваемого, достоверность информации не может быть обеспечена процессуальным путем, добровольный информатор не обретает процессуальный статус участника уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, руководствуясь буквальным толкованием УПК РФ (п. 32 ст. 5 УПК РФ), определившим процессуальное действие как следственное, судебное или иное действие, предусмотренное настоящим Кодексом, представляется возможным рассматривать опрос как «иное процессуальное действие». Признавая следственные действия процессуальными действиями, обладающими специфическими признаками (познавательная сущность, получение доказательственной информации, производство дознавателем, следователем, судом, установление правил производства в уголовно-процессуальном законе) [14], обоснованным видится и придание опросу формы процессуального действия, по аналогии имеющего познавательную сущность (средство доказывания), информативную определенность и легализованный характер (специальный субъект).

Единственный критерий, позволяющий соотнести результаты опроса с процессуальным доказательством, – содержание сведений, сообщаемых добровольным информатором: ответы на любые вопросы, «имеющие отношение к доверителю, и в первую очередь – в целях установления непричастности доверителя к преступлению... выявление доказательств, уточняющих событие преступления» [15]. В связи с этим представляются недостаточно аргументированными утверждения о детальной регламентации процедуры проведения процессуального действия в тексте Закона [16] как условия признания результатов такого действия доказательствами по уголовному делу, особенно учитывая несвойственный для публичных отраслей отечественного права способ правового регулирования процессуального статуса защитника, включающего право «использовать иные не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты» (п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

Возможным выходом из сложившейся ситуации фактического неравенства сторон при собирании информации по уголовному делу могло бы стать придание опросу адвоката процессуальной формы, альтернативной допросу, проводимому следователем, дознавателем [17], либо, для большей юридической силы, – закрепить аналогичный с допросом процессуальный статус опроса защитника, создав параллель, а не альтернативу следственному действию, обеспечив тем самым равенство процессуальных возможностей оппонентов, действующих на профессиональной основе, на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Во-вторых, законодателем не предусмотрена процедура фиксации хода и результатов опроса, проводимого защитником, что позволяет, по мнению ряда авторов, низводить результаты его доказательственной деятельности к поводу для производства допроса опрошенного лица [18]. Законодательный императив, гарантировавший право адвоката «составлять документы правового характера», интерпретированные законодателем в «иные документы» в контексте уголовно-процессуального регулирования (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), позволяет согласиться с мнением авторов, придающих указанным документам силу доказательств, на равных конкурирующих с доказательствами, собранными должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование. Вместе с тем отсутствие юридико-технического механизма преобразования сведений, полученных защитником, в доказательства, приводит, с одной стороны, к отрицанию возможности распространения на них режима «судебных доказательств», а с другой – к полемике при определении приемлемой процессуальной формы их фиксации даже в рядах сторонников признания за адвокатом права собирать именно доказательства. Так, одни процессуалисты предлагают придерживаться общих правил фиксации доказательственной информации в форме протокола [19], другие – отражать в форме объяснений [20], а корпоративные стандарты адвокатской практики предписывают составлять акт опроса [21].

Последовательное реформирование УПК РФ в части регламентации порядка применения бланков процессуальных документов, фиксирующих ход и результаты процессуальных действий,

аналогия уголовно-процессуального закона, необходимость обеспечения юридического равноправия сторон при фактическом неравенстве процессуальных возможностей по собиранию доказательств подтверждают целесообразность протоколирования как единственного и достаточно-го способа фиксации опроса адвокатом-защитником. Протокол опроса в качестве процессуально приемлемой формы закрепления сведений, полученных от осведомленного лица, – формулировка, максимально приспособленная к действующей системе доказательств [22], вносящая ясность в правовой статус сведений, собираемых защитником, способствующая демократизации уголовного судопроизводства на основе состязательности и процессуального равноправия сторон.

Ввиду необходимости обеспечения единого подхода к формированию доказательственной базы сторонами защиты и обвинения, соблюдения правил оценки достоверности и достаточности доказательственной информации логично предъявление единых требований в процессуальной форме протоколов допроса и опроса с учетом особенностей, связанных с отсутствием у адвоката властно-распорядительных полномочий и возможности применения мер процессуального принуждения. Следование унифицированным правилам протоколирования вербальной информации, предусмотренным статьями 189–191 УПК РФ, обобщение теоретических рекомендаций по нормативному изложению процедуры опроса [23] позволяет предложить авторскую редакцию статьи, определяющей требования к ведению протокола опроса адвокатом лица, предположительно владеющего юридически значимой информацией:

«Статья 190.1 Протокол опроса адвокатом лица с его согласия

1. Ход и результаты опроса адвокатом лица с его согласия отражаются в протоколе опроса, который составляется в ходе опроса адвокатом или непосредственно после его окончания.

2. Протокол опроса может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств. При производстве опроса с письменного согласия опрашиваемого лица могут применяться фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись.

3. В протоколе опроса лица с его согласия указываются:

1) место и дата производства опроса, время его начала и окончания;

2) процессуальное положение, принадлежность к адвокатскому образованию, фамилия и инициалы адвоката, составившего протокол;

3) фамилия, имя и отчество опрашиваемого лица и других участвующих лиц, адрес и другие данные о личности опрашиваемого.

4. Объяснения опрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно. Вопросы и ответы на них записываются в той последовательности, которая имела место в ходе опроса адвокатом.

5. Если в ходе опроса проводились фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка, то протокол должен содержать:

1) запись о проведении фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки;

2) уведомление опрашиваемого лица о намерении применить технические средства фиксации и письменное согласие опрашиваемого на их применение;

3) сведения о технических средствах, об условиях фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки, факте приостановления ведения записи, причине и длительности остановки записи.

6. Опрашиваемым лицом в ходе опроса могут быть изготовлены схемы, чертежи, рисунки, диаграммы, которые приобщаются к протоколу, о чем в нем делается соответствующая запись.

7. По окончании опроса протокол предъявляется опрашиваемому лицу для прочтения либо по его просьбе оглашается адвокатом, о чем в протоколе делается соответствующая запись. Всем лицам, участвующим в опросе, разъясняется право делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении. Внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями участников.

8. Протокол опроса подписывается адвокатом и опрашиваемым лицом, иными лицами, участвующими в опросе. Опрашиваемое лицо подписывает также каждую страницу протокола.

9. К протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы опроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, изготовленные в ходе опроса.

10. По ходатайству адвоката дознаватель, следователь, судья (суд) обязаны приобщить протокол опроса лица с его согласия к материалам уголовного дела».

Данные нововведения, как представляется, будут способствовать оптимизации адвокатской практики, унификации уголовно-процессуального доказывания, осуществляемого сторонами, наделенными принципиально различными юридико-техническими возможностями и полномочиями. При опросе лиц, не владеющих языком судопроизводства, не достигших 18-летнего возраста, по аналогии с допросом указанных субъектов, также целесообразно обеспечить реализацию дополнительных гарантий прав и законных интересов [24] при адекватном норма-

тивном закреплении процедуры добровольного отобрания и фиксации сообщаемой ими информации. Новеллы, стимулируя познавательную активность сторон в поиске новых доказательств, позволят упорядочить систему уголовно-процессуальных доказательств, при условии внесения редакционных изменений и в часть 2 статьи 74 УПК РФ в части обозначения п. «5» в следующей редакции: «протоколы следственных, судебных и иных процессуальных действий».

Дальнейшие действия защитника по легализации полученных результатов опроса могут включать ходатайство о приобщении к материалам дела фиксирующего их протокола, подлежащего удовлетворению при соблюдении изложенных требований, о допросе лица в интересах подзащитного, поскольку полученные сведения должны быть проверены и оценены с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела [25].

Позитивная деятельность защитника по сборанию доказательств может реализовываться в самостоятельном получении предметов, документов и иных сведений, истребовании документов от органов власти и управления, общественных объединений и организаций, а также в иных, в том числе прямо не предусмотренных законом, способах собирания и проверки доказательств. «Истребование или запрос адвокатом-защитником справки, характеристики и иного документа предполагают направление защитником в категоричной форме требования, адресованного соответствующему органу или организации о предоставлении ему запрашиваемой информации, оформленной в виде справки, характеристики или иного документа» [26].

К сожалению, нормативному закреплению права защитника истребовать справки, характеристики, иные документы не корреспондирует императивная обязанность адресатов предоставлять запрашиваемую информацию. В связи с этим следует согласиться с предложением о введении административной ответственности за непредоставление органами, организациями информации, документов или их надлежаще заверенных копий, разумеется, за исключением носителей информации, содержащих охраняемую федеральным законом тайну, сократив одновременно срок исполнения запроса до 10 суток [27].

Возможно привлечение любого специалиста для дачи разъяснений и оказания помощи в получении сведений в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства [28], обращение в научно-исследовательские, экспертные учреждения за получением квалифицированных заключений по вопросам, разрешение которых требует специальных познаний и практических навыков. Реализация процессуальной обязанности адвоката-защитника по обоснованию защитительного тезиса может осуществляться в форме криминалистической фотосъемки предметов, документов, обстановки, местности, самостоятельного ведения видео- и (или) аудиозаписи следственных и иных процессуальных действий. Очевидно, что императивное закрепление обязанности уполномоченных лиц по удовлетворению ходатайств защитника о производстве следственных действий, носящих удостоверительный характер, при обеспечении права адвоката на участие в этих действиях создаст реальную возможность придания надлежащей процессуальной формы предметам, документам, сведениям, представленных адвокатом-защитником [29].

Качество и процессуальное значение для доказывания сведений, представленных адвокатом-защитником в уголовном судопроизводстве, в отсутствие достаточного механизма их легализации [30], предопределяются профессионализмом и тщательностью деятельности адвоката по обнаружению, фиксации и представлению предметов, документов и сведений для приобщения к материалам дела. Немаловажное значение имеет неуклонное соблюдение корпоративных стандартов, этических правил поведения, ограничительных запретов на «злоупотребление предоставленным правом на собирание доказательств... введение в заблуждение лица, обладающего определенными сведениями, принуждение последнего к беседе» [31].

Принимая во внимание единство процессуальной формы, включающей получение доказательств уполномоченным субъектом, из надлежащего источника, с соблюдением установленной процедуры производства и фиксации исследовательской деятельности [32], можно констатировать, что, в отсутствие регламентации порядка собирания защитником сведений при диспозитивности регулирования его полномочий, представленные им сведения соответствуют критериям допустимости, относимости и достоверности. Данное утверждение полностью согласуется с нормативным определением доказательства как «любых сведений», на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), и может быть интерпретировано как корреспондирующая праву защитника представлять сведения обязанность должностных лиц проверять и оценивать предъявляемые доказательства [33]. Более того, отвечает прецедентной практике Европейского суда, отказывающегося в признании справедливым процесса, если одна из сторон не имеет возможности отстаивать свою позицию по делу или представлять относящиеся к делу документы, [34] а равно национальной

концепции отправления правосудия, согласно которой «на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) суд по каждому делу обеспечивает равенство прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств и заявлению ходатайств» [35].

Процессуальный статус защитника в производстве по делам об административных правонарушениях вовсе не получил надлежащей правовой регламентации. Прежде всего, к осуществлению защиты допускается любое лицо вне зависимости от рода деятельности и наличия юридического образования, что не согласуется с конституционным критерием квалифицированности оказываемой юридической помощи [36]. Кроме того, не предусмотрены случаи обязательного участия защитника и, как следствие, предоставления бесплатной юридической помощи, являющейся гарантом доступа к правосудию. Незначительный перечень правомочий, предоставленных защитнику, ставит под сомнение результативность осуществления права на защиту.

Принципиально, что применение мер обеспечения и формирования доказательственной базы может осуществляться исключительно в рамках административно-юрисдикционного процесса. В соответствии с ч. 4 ст. 25.5 и ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ одним из оснований участия защитника в административно-юрисдикционном процессе является начало составления первого протокола о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренных ст. 27.1 КоАП РФ. При административном задержании данная норма противоречит ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, закрепляющей, что каждый задержанный имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента фактического задержания. Вместе с тем задержание правонарушителя может быть применено до возбуждения дела в порядке, определенном ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ. Несовпадение во времени момента начала административно-юрисдикционного процесса с моментом возбуждения дела об административном правонарушении фактически лишает правонарушителя возможности пользоваться помощью защитника при применении в отношении него задержания, а также других мер обеспечения, предусмотренных главой 27 КоАП РФ.

Кроме того, в КоАП РФ нет понятия «момент возбуждения дела об административном правонарушении», имеющего существенное значение для определения момента возбуждения дела при составлении протокола об административном правонарушении и первого протокола о применении мер обеспечения производства по делу. Фактически слово «момент» означает «...короткое время, в которое происходит что-либо...» [37], следовательно, дело об административном правонарушении возбуждается в тот миг, когда должностное лицо начинает составлять протокол. Однако на практике имеют место случаи, когда должностные лица допускают защитников к участию в деле лишь после составления соответствующих протоколов [38], при этом ими не учитывается, что при составлении протоколов они обязаны разъяснить правонарушителю права и обязанности, в том числе право на защиту.

С учетом изложенного представляется целесообразным внести следующие изменения: во-первых, во устранение имеющихся противоречий полагаем необходимым изложить ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ в следующей редакции: «Дело об административном правонарушении считается возбужденным с началом составления первого процессуального документа, предусмотренного КоАП РФ, либо с момента фактического применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренных ст. 27.1 КоАП РФ». Во-вторых, предоставить адвокату-защитнику, участвующему в производстве по делу об административном правонарушении, следующие полномочия: знакомиться со всеми материалами дела в момент допуска к участию в производстве и перед передачей дела на рассмотрение судье, уполномоченному органу или должностному лицу, фиксировать (в том числе с помощью технических средств) данную информацию; участвовать в рассмотрении жалобы на применение мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении; обращаться в компетентные органы и организации для проведения экспертиз, привлекать специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи; присутствовать при производстве процессуальных действий с участием подзащитного; задавать вопросы другим участникам производства по делу об административном правонарушении, подлежащие обязательному внесению в протокол; делать в протоколах письменные замечания о полноте и правильности осуществления процессуальных действий и составлении процессуальных документов.

В заключение полагаем необходимым отметить, что многочисленные коллизии и пробелы законодательной регламентации правового механизма оказания квалифицированной юридической помощи, потребность в унификации правоприменительной деятельности по обнаружению, фиксации, представлению и исследованию доказательств, собранных защитником, настоятельно требуют комплексного исследования процессуального статуса профессионального защитника, в связи с чем указанная публикация может рассматриваться как приглашение к плодотворной научной дискуссии.

Примечания

1. *Водяник Е. А.* Опрос защитником лица с его согласия // Адвокат. 2013. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Лупинская П. А.* Рецензия на сборник научных статей «Защита прав личности в уголовном праве и процессе» / под ред. Н. А. Лопашенко, С. А. Шейфера. Саратов, 2003. Вып. 2 // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 4. С. 208.
2. *Кронов Е. В.* Опрос защитником-адвокатом лиц с их согласия: сущность, значение, механизм производства // Адвокатская практика. 2008. № 3. С. 3; *Мартынчик Е. Г.* Правовые основы адвокатского расследования: состояние и перспективы (к разработке концепции модели) // Адвокатская практика. 2004. № 3. С. 4–11; *Стройков В.* Реализации прав защитника на опрос лиц // Законность. 2004. № 6. С. 52.
3. *Давлетов А., Юсупова Л.* Правомочия защитника по собиранию доказательств в современной модели уголовного процесса России // Уголовное право. 2009. № 3. С. 80.
4. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [федер. закон : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г.: ред. от 21 июля 2014 г.] // Российская газета. 2001. 22 дек.
5. *Бургер Б. М.* Гарантии независимости адвоката при оказании квалифицированной юридической помощи. М., 2011. С. 55.
6. *Жалинский А. Э.* Профессиональная деятельность юриста. М., 2007. С. 10.
7. *Дабижва Т. Г.* Процессуальные гарантии реализации полномочий адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2012. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. *Дабижва Т. Г.* Указ. соч.
9. *Гармаев Ю. П.* Гарантии независимости адвоката // Юридический мир. 2003. № 12. С. 57; *Кудрявцев В. Л.* Процессуальное положение адвоката в российском уголовном судопроизводстве // Современное право. 2005. № 4. С. 64.
10. *Давлетов А.* Право защитника собирать доказательства // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 50.
11. *Белкин А. Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. См. подр.: *Коновалова А. Б.* Юрисдикционные технологии профессиональной защиты в контексте распределения бремени доказывания // Наука и общество в условиях глобализации: материалы международной научно-практической конференции (Уфа, 21–22 апреля 2014 г.). Уфа: РИО ИЦИПТ, 2014. С. 116–118.
13. *Попов В. С.* Участие адвоката-защитника в процессе доказывания и в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Челябинск, 2005. С. 11.
14. *Титов П. С.* Понятие следственного действия и его признаки // Российский следователь. 2013. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. *Водяник Е. А.* Указ. соч.
16. *Рыжаков А. П.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2010.
17. *Кронов Е. В.* Опрос защитником-адвокатом лиц с их согласия: сущность, значение, механизм производства. 2008. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. *Маслов И.* Адвокатское расследование // Законность. 2004. № 10. С. 17; *Кузнецов Н., Дадоннов С.* Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 32.
19. *Стройков В.* Реализации прав защитника на опрос лиц // Законность. 2004. № 6. С. 52.
20. *Давлетов А., Юсупова Л.* Правомочия защитника по собиранию доказательств в современной модели уголовного процесса России // Уголовный процесс. 2009. № 3. С. 78.
21. URL: <http://www.fparf.ru/laws/dokazat.htm>
22. *Мартынчик Е. Г.* Адвокатское расследование: понятие, природа, особенности и сущность. К разработке модели // Адвокатская практика. 2005. № 1. С. 11.
23. *Баев А. М.* Защитник как субъект формирования доказательственной информации по уголовным делам. С. 59; *Водяник Е. А.* Указ. соч.
24. *Мартынчик Е. Г.* Акты адвокатского расследования: виды, форма, структура, содержание и значение. 2009. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
25. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 г. № 100-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова А. А. на нарушение его конституционных прав п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
26. *Арабулю Д. Т.* Право защитника собирать и представлять доказательства: понятие, способы, проблемы реализации. М., 2008. С. 94.
27. *Дабижва Д. Г.* Указ. соч.
28. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под ред. В. В. Мозякова. М.: Экзамен XXI, 2002. С. 216.

29. Рагулин А. В. Процессуальные и тактические аспекты деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве. М., 2011. С. 206; Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2009. С. 81.

30. Давлетов А., Юсупова Л. Правомочия защитника по собиранию доказательств в современной модели уголовного процесса России // Уголовное право. 2009. № 4. С. 77–80.

31. Твердова Е. В. Незаконное противодействие расследованию со стороны отдельных адвокатов // Российский следователь. 2007. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

32. См. подр. : Коновалова А. Б., Шмарева Т. А. Основы теории доказывания: учеб. пособие. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. С. 37–46.

33. Васяев А. А. Представление доказательств без их собирания – право защитника // Современное право. 2011. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

34. Решение по делу Pardo v. Italy от 10.07.96 г.

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.95 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. 1995. 28 дек.

36. Серебряков Я. В. Защитник в производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Омск, 2003. С. 24.

37. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 1994. С. 356.

38. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 18.09.2009 по делу № А43-19547/2009. Доступ из справ.-правовой системы [КонсультантПлюс].

Notes

1. Vodyanik E. A. *Opros zashchitnikom lica s ego soglasiya* [Survey by the advocate of the person with his consent] // *Advokat - Lawyer*. 2013. No. 11. Access from ref.-legal system "Consultant plus"; Lupinskaya P. A. *Recenziya na sbornik nauchnyh statej «Zashchita prav lichnosti v ugovnom prave i processe»* [Review the collection of scientific articles "Protection of individual rights in criminal law and process"] / ed. by N. A. Lopashenko, S. A. Shiefer. Saratov. 2003. Vol. 2 // *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* - Legal policy and legal life. 2004, No. 4, p. 208.

2. Kronov E. V. *Opros zashchitnikom advokatom lic s ih soglasiya: sushchnost', znachenie, mekhanizm proizvodstva* [Survey by advocate of persons with their consent: nature, importance, mechanism of procedure] // *Advokatskaya praktika - Law practice*. 2008, No. 3, p. 3; Martynchic E.G. *Pravovye osnovy advokatskogo rassledovaniya: sostoyanie i perspektivy (k razrabotke koncepcii modeli)* [Legal basis of legal inquiries: status and prospects (to development of the concept model)] // *Advokatskaya praktika - Law practice*. 2004, No. 3, pp. 4-11; Stroikov V. *Realizacii prav zashchitnika na opros lic* [Realization of the rights of defence lawyer on the survey of persons] // *Zakonnost' - Legality*. 2004, No. 6, p. 52.

3. Davletov A., Yusupova L. *Pravomochiya zashchitnika po sobiraniyu dokazatel'stv v sovremennoj modeli ugovnogo processa Rossii* [The powers of the defender on the taking of evidence in modern models of the criminal process Russia] // *Ugovnoe pravo - Criminal law*. 2009, No. 3, p. 80.

4. Russian Federation. Laws. Criminal procedural code of the Russian Federation: [Feder. law: adopted by State Duma on November 22, 2001: amended on July 21 2014] // *Rossijskaya gazeta - The Russian newspaper*. 2001, 22 Dec. (in Russ.)

5. Burger B. M. *Garantii nezavisimosti advokata pri okazanii kvalificirovannoj yuridicheskoy pomoshchi* [Guarantees of the independence of the lawyer in providing of legal assistance]. Moscow. 2011. P. 55.

6. Zhalinski A. E. *Professional'naya deyatel'nost' yurista* [Professional activities of a lawyer]. Moscow. 2007. P. 10.

7. Dabija T.G. *Processual'nye garantii realizacii polnomochij advokata zashchitnika v ugovnom sudoproizvodstve* [Procedural guarantees for the implementation of powers of attorney defender in the criminal trial] // *ZHurnal rossijskogo prava - Journal of Russian law*. 2012, No. 7. Access from ref.-legal system "Consultant plus".

8. Dabija T.G. Op. cit.

9. Garmaev Y. P. *Garantii nezavisimosti advokata* [Guarantees of independence of a lawyer] // *YUridicheskij mir - Legal world*. 2003, No. 12, p. 57; Kudryavtsev V. L. *Processual'noe polozhenie advokata v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve* [Procedural position of the lawyer in the Russian criminal procedure] // *Sovremennoe pravo - Modern law*. 2005, No. 4, p. 64.

10. A. Davletov *Pravo zashchitnika sobirat' dokazatel'stva* [Right of the defender to collect evidence] // *Rossijskaya yusticiya - Russian justice*. 2003, No. 7, p. 50.

11. Belkin A. R. *Teoriya dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve* [The theory of proof in criminal proceedings]. Moscow. Norma. 2005. Access from ref.-legal system "Consultant plus".

12. See sublattice: A. B. Konovalova *YUridikcionnye tekhnologii professional'noj zashchity v kontekste raspredeleniya bremeni dokazyvaniya* [Jurisdictional technology of professional protection in the context of the allocation of the burden of proof] // *Nauka i obshchestvo v usloviyah globalizacii: materialy mezhdunarodnoj nauchno prakticheskoy konferencii (Ufa, 21–22 aprelya 2014 g.)* - Science and society in

conditions of globalization: proceedings of the international scientific-practical conference (Ufa, April 21-22, 2014). Ufa: RIO ICEPT. 2014. Pp. 116-118.

13. Popov V.S. *Uchastie advokata zashchitnika v processe dokazyvaniya i v sude pervoj instancii: avtoref. dis. ... kand.yurid.nauk* [Participation of counsel defender in the process of proof and the court of first instance: autoref. dis. ... Cand. Legal Sciences]. Chelyabinsk. 2005. P. 11.

14. Titov P.S. *Ponyatie sledstvennogo dejstviya i ego priznaki* [Concept of investigative actions and signs] // *Rossijskij sledovatel'*- Russian investigator. 2013, No. 14. Access from ref.-legal system "Consultant plus".

15. Vodyanik E. A. Op. cit.

16. Ryzhakov A. P. *Kommentarij k Ugolovno processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj)* [Commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation (article by article)]. Access from ref.-legal system "Consultant plus". 2010.

17. Cronov E.V. *Opros zashchitnikom advokatom lic s ih soglasiya: sushchnost', znachenie, mekhanizm proizvodstva*. [The survey of defender counsel of persons with their consent: the nature, importance, mechanism of procedure]. 2008. No. 3. Access from ref.-legal system "Consultant plus".

18. Maslov I. *Advokatskoe rassledovanie* [Attorneys investigations] // *Zakonnost'*- Legality. 2004, No. 10, p. 17; Kuznetsov N., Dadonov S. *Pravo zashchitnika sobirat' dokazatel'stva: sushchnost' i predely* [The right of defender to collect evidence: the nature and limits]// *Rossijskaya yusticiya* - Russian justice. 2002, No. 8, p. 32.

19. Stroikov V. *Realizacii prav zashchitnika na opros lic* [Realization of the rights of defender on the survey of persons] // *Zakonnost'*- Legality. 2004, No. 6, p. 52.

20. Davletov A., Yusupova L. *Pravomochiya zashchitnika po sobiraniyu dokazatel'stv v sovremennoj modeli ugolovnogo processa Rossii* [The powers of the defender on the taking of evidence in modern models of the criminal process in Russia] // *Ugolovnyj process* - Criminal process. 2009, No. 3, p. 78.

21. Available at: <http://www.fparf.ru/laws/dokazat.htm> (in Russ.)

22. Martynchic E.G. *Advokatskoe rassledovanie: ponyatie, priroda, osobennosti i sushchnost'. K razrabotke modeli* [Attorney investigations: concept, nature, characteristics and essence. To development of a model] // *Advokatskaya praktika* - Law practice. 2005, No. 1, p. 11.

23. Baev A. M. *Zashchitnik kak sub"ekt formirovaniya dokazatel'stvennoj informacii po ugolovnym delam* [Defender as the subject of the formation of the evidentiary information in criminal cases]. P. 59; Vodyanik E. A. Op. cit.

24. Martynchic E.G. *Akty advokatskogo rassledovaniya: vidy, forma, struktura, sodержание i znachenie* [The acts of the attorney investigations: form, structure, content and value]. 2009, No. 9. Access from ref.-legal system "Consultant plus".

25. The definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.04.2006, No. 100 "About refusal in admission for consideration of the complaint of the citizen Bugrov A. A. on violation of his constitutional rights mentioned in it. 2 pt. 3 art. 86 of the CPC of the Russian Federation" // *Vestnik Konstitucionnogo Suda RF* – Herald of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2006, No. 4. Access from ref.-legal system "Consultant Plus". (in Russ.)

26. Arabuli D.T. *Pravo zashchitnika sobirat' i predstavlyat' dokazatel'stva: ponyatie, sposoby, problemy realizacii* [Right defender to collect and present evidence: concept, methods, problems of implementation]. Moscow. 2008. P. 94.

27. Dabija D.G. Op. cit.

28. *Kommentarij k Ugolovno processual'nomu kodeksu RF* - The commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / under the editorship V.V.Mozyakova. Moscow. Examen XXI. 2002. P. 216.

29. Ragulin A.V. *Processual'nye i takticheskie aspekty deyatel'nosti advokata zashchitnika v ugolovnom sudoproizvodstve* [Procedural and tactical aspects of the counsel for the activity of defence counsel in criminal proceedings]. Moscow. 2011. P. 206; Shiefer S. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow. 2009. P. 81.

30. Davletov A., Yusupova L. *Pravomochiya zashchitnika po sobiraniyu dokazatel'stv v sovremennoj modeli ugolovnogo processa Rossii* [Powers of defender on taking of evidence in modern models of the criminal process of Russia] // *Ugolovnoe pravo* - Criminal law. 2009, No. 4, pp. 77-80.

31. Tverdova E. V. *Nezakonnoe protivodejstvie rassledovaniyu so storony otdel'nyh advokato* [Illegal counteraction to investigation by individual lawyers] // *Rossijskij sledovatel'*- Russian investigator. 2007, No. 9. Access from ref.-legal system "Consultant Plus".

32. See sublattice: A. B. Konovalova, Shmareva T. A. *Osnovy teorii dokazyvaniya: ucheb. posobie* [Fundamentals of the theory of proof: tutorial]. Kirov. Publ. of VyatSHU. 2012. Pp. 37-46.

33. Vasyaev A. A. *Predstavlenie dokazatel'stv bez ih sobiraniya – pravo zashchitnika* [Evidence without their gathering - right of defender] // *Sovremennoe pravo* - Modern law. 2011, No. 1. Access from ref.-legal system "Consultant Plus".

34. The decision on Pardo v. Italy from 10.07.96. (in Russ.)

35. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 31.10.95, No. 8 "On some issues of application by courts of the Russian Federation of Constitution in the administration of justice" // *Rossijskaya gazeta* - Russian newspaper. 1995, 28 Dec. (in Russ.)

36. Serebryakov Y. V. *Zashchitnik v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah: avtoref. dis. ... na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Defender in the procedure on administrative offences affairs: autoref. dis. ... on competition of a scientific degree of Candidate of legal Sciences]. Omsk. 2003. P. 24.

37. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 2nd ed., corr. and amended. Moscow. Prospect. 1994. P. 356.

38. Resolution of the First Arbitration Court of appeal dated 18.09.2009 in case No. A43 19547/2009. Access from ref.-the legal system [ConsultantPlus]. (in Russ.)

УДК 346:630

Н. А. Горбунова

Прохождение и принципы государственной службы в системе органов лесного хозяйства РФ

Государственная лесохозяйственная служба создана как публичный институт в интересах всех граждан Российской Федерации. Она обеспечивает реализацию государственной власти, аккумулирует соблюдение законных прав и интересов граждан в сфере лесного хозяйства России. Это важнейший социальный институт, который носит демократический характер. Государственные служащие в сфере лесного хозяйства функционируют посредством исполнения соответствующих полномочий государства, системы лесохозяйственных органов, решающих экологические и социальные задачи в интересах граждан. Государственная служба в сфере лесного хозяйства России развивается и формируется как организационно-правовой институт. Государственные служащие действуют на основе законов и других нормативно-правовых актов. Госслужащие признаны осуществлять эффективное функционирование системы органов лесного хозяйства Российской Федерации. Деятельность государственных служащих является профессиональной. Государственная служба в системе лесного хозяйства является инструментом преобразований в социальной сфере, экологии. Государственная служба в системе государственных органов лесного хозяйства является формой организации государственного управления в этой сфере. Демократическая сущность и социальная роль российского государства позволяют понимать государственную службу в системе лесного хозяйства как публичный институт, действующий в экологической, экономической сферах общества в интересах всех граждан, как целостную систему, реализующую экологические и экономические цели и задачи государства, выражающую и объединяющую интересы и потребности граждан России.

The state forestry service created as a public institution for the benefit of all citizens of the Russian Federation. It provides an implementation of the government, accumulates compliance with the legitimate rights and interests of citizens, in the field of forestry in Russia. This is an important social institution, which is democratic. Civil servants in the field of forestry functions by executing the relevant powers of the state, the system of forest authorities, solving environmental and social problems in the interests of citizens. Public Service of Russian forestry develops and is formed as an organizational-legal institution. Civil servants are based on the laws and other legal acts. Civil servants found to carry the effective functioning of forestry authorities of the Russian Federation. Work of civil servants is a professional. Public service in the forestry sector is the instrument of change in the social sphere, and ecology. Public service in the government system of forestry is a form of organization of government in this area. Democratic nature and social role of the Russian state allows to understand the public service in the forestry sector, as a public institution operating in the environmental, economic sphere of society in the interests of all citizens, as an integrated system that implements the environmental and economic goals and objectives of the state, expressing and combining interests and needs of the citizens of Russia.

Ключевые слова: государственная служба, лесное хозяйство, принципы прохождения государственной службы, государственный служащий.

Keywords: public service, forestry, principles of civil service, civil servant.

Государственная служба в системе органов лесного хозяйства РФ является публичным институтом, который обеспечивает реализацию государственной власти в этой области, соблюдение экологических прав и свобод граждан РФ. В то же время необходимо отметить, что государственная служба в системе лесного хозяйства – это и организационно-правовой институт. Государствен-

ные служащие системы органов лесного хозяйства действуют, исполняя нормативно-правовые акты РФ. Государственное управление в сфере лесного хозяйства упорядочивается и эффективно осуществляются благодаря сформулированному институту государственной службы.

Государственная служба как публично-правовой институт отличается рядом существенных черт, которые определяют административно-правовой статус и профессиональные характеристики государственных служащих в системе органов лесного хозяйства.

Государственная служба в системе органов лесного хозяйства России – это прежде всего система публично-правовых отношений, которые характеризуются открытостью, профессиональностью государственных служащих, являются социальными и соответствуют духовно-культурным, экологическим, социально-историческим потребностям общества.

Государственная служба в сфере лесного хозяйства России – это особая подсистема единой системы государственного управления, институционально урегулированная профессиональная деятельность по обеспечению исполнения полномочий государственных органов лесного хозяйства в пределах установленной компетенции, которая представляет собой совокупность органически связанных между собой трудовых комплектов государственных служащих органов лесного хозяйства. Данная подсистема иерархична, устойчива, структурирована. Организационно-кадровый состав подсистемы – граждане, поступившие на государственную службу, прошедшие отбор, профессиональную подготовку и замещающие государственные должности государственной службы органов системы лесного хозяйства, содержащиеся за счет соответствующих бюджетов: либо федерального, либо субъекта федерации.

Публично-правовой статус государственных служащих, их компетенцию, порядок прохождения их службы определяют различные нормы и правила, регламенты на основе принципа законности, внепартийности социального равенства граждан на предмет доступа граждан к государственной службе в системе органов лесного хозяйства.

Таким образом, понятие «государственная служба» в системе государственных органов лесного хозяйства России можно представить как публичный институт административно-правового регулирования, направленный на реализацию, запрет экологических, экономических, социальных прав и свобод граждан, прав на благоприятную окружающую среду, пользования лесом в культурных, оздоровительных и социальных целях.

Государственная служба в системе органов лесного хозяйства России как публично-правовой институт государства направлена на реализацию задач и функций государства прежде всего в экономической сфере. Эти задачи государства решаются в интересах всего общества, без их решения государство не может существовать.

Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы в РФ» устанавливает, что государственная служба в РФ – это профессиональная служебная деятельность граждан РФ по обеспечению исполнения полномочий: Российской Федерации; Федеральных органов государственной власти; иных федеральных государственных органов; субъектов РФ; органов государственной власти субъектов РФ; иных государственных органов субъектов РФ и др.

Система государственной службы РФ включает в себя государственную гражданскую службу; военную службу; правоохранительную службу.

В системе органов лесного хозяйства России действует государственная гражданская служба, хотя в некотором смысле можно говорить о том, что некоторые государственные служащие выполняют в силу занимаемых должностей функции по охране лесов, наделены административной юрисдикцией.

Государственная гражданская служба в органах лесного хозяйства представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан РФ на должностях государственной гражданской службы Федерального агентства лесного хозяйства по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов РФ.

Это прежде всего профессиональная деятельность. Служебная деятельность по управлению личным фондом, охране и воспроизводству лесов является основной, осуществляется на основе специальных лесохозяйственных знаний и навыков.

В системе органов лесного хозяйства на государственной гражданской службе могут служить только граждане РФ. Исключения из данного положения могут быть установлены международным законодательством.

Государственная гражданская служба в системе органов лесного хозяйства организуется с целью обеспечения полномочий федеральных государственных органов лесного хозяйства и государственных органов по управлению лесного хозяйства субъектов РФ. Государственные органы лесного хозяйства создаются государством в установленном порядке, наделяются компетенцией и правами юридические лица, представляют собой часть государственного аппарата РФ. Они осуществляют свою деятельность по управлению лесного хозяйства и по поручению государства.

Государственная гражданская служба в системе государственных органов лесного хозяйства сохраняется в соответствии с определенными принципами, они носят правовой характер в самой природе административного и служебного права. Законодательство и государственная служба напрямую зависят от правовых принципов, закрепляет и развивает их. К принципам государственной службы относят приоритет прав и свобод человека и гражданина; единство правовых и организационных основ федеральной гражданской службы и гражданской службы субъектов РФ; равный доступ граждан, владеющих государственным языком РФ к гражданской службе и равные условия ее прохождения независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждениям, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с профессиональными и деловыми качествами гражданского служащего, профессионализм и компетентность в гражданских ситуациях; стабильность гражданской службы, доступность информации о гражданской службе; взаимодействие с общественными объединениями и гражданами, защищенность гражданских служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность.

Принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина базируется на ст. 2 Конституции РФ. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Реализация экологических, социальных прав человека и гражданина, его прав как лесопользователя во многом зависит от деятельности государственных служащих государственных органов лесного хозяйства, ибо они практически связаны с их осуществлением. Ст. 18 Конституции РФ нацеливает на то, что именно права и свободы человека и гражданина должны определять деятельность государственных органов, в том числе и государственных органов системы лесного хозяйства. Единство правовых и организационных основ федеральной гражданской службы и гражданской службы субъектов РФ указывает на то, что государственная служба в системе органов лесного хозяйства является единым целым, что определяется их едиными целями и задачами, функциями по управлению лесным хозяйством России. Законодательством установлен приоритет федерации по установлению правовых основ государственной гражданской службы.

Принцип равного доступа граждан к гражданской службе в системе государственных органов лесного хозяйства основывается также на ст. 32 ч. 4 Конституции РФ. Для осуществления принципа равного доступа граждан к государственной службе Закон РФ «О государственной гражданской службе РФ» от 27 мая 2004 г. установил норму, в соответствии с которой поступление гражданина на гражданскую службу осуществляется по результатам конкурса, который проводят конкурсная комиссия. Части 2–4 ст. 22 данного Закона предусматривают ограниченный перечень исключений, который носит исчерпывающий характер. Данные положения полностью распространяются и на государственных служащих государственных органов лесного хозяйства.

Профессионализм и компетентность гражданских служащих как принцип означает, что и в государственных органах лесного хозяйства РФ государственная гражданская служба является профессиональной деятельностью, которая предполагает специальные знания и навыки. Федеральный закон «О государственной гражданской службе РФ» предусмотрел требования к уровню образования, его виду, профессиональному стажу, знаниям и навыкам лиц, претендующих на занятие должностной государственной гражданской службы (ст. 12 закона).

Принцип стабильности государственной гражданской службы является необходимым для функционирования института государственной службы в сфере лесного хозяйства. Эффективное исполнение функций государственным гражданским служащим зависит от уверенности его позитивной деятельности, будущих перспективах продвижения по службе, справедливой оценки своей деятельности со стороны государства и общества. Реализацией данного принципа в деятельности государственного гражданского служащего служит установление исчерпывающего перечня случаев заключения срочного служебного контракта (ст. 25); закрепление правил о переводе государственных гражданских служащих (ст. 28) об изменении существенных условий служебного контракта (ст. 29); определение гарантий для государственных гражданских служащих при реорганизации или ликвидации государственного органа либо сокращение должности государственной гражданской службы (ст. 31).

Принцип доступности информации о государственной гражданской службе базируется на ст. 24 ч. 2 Конституции РФ, которая устанавливает, что органы власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иные не предусмотрены законом.

Государственная гражданская служба в сфере лесного хозяйства должна быть открытой, ибо она непосредственно связана с выполнением должностными лицами контрольно-надзорных и юрисдикционных функций.

Государственная гражданская служба в системе государственных органов лесного хозяйства предполагает тесное взаимодействие с общественными объединениями, гражданами. Формирование экологического сознания у членов гражданского общества, его структур предполагает экологические функции государства. Охрана природы, бережное отношение к природным ресурсам, охрана лесов от пожаров, вредителей и болезней невозможны без участия в этой деятельности граждан, их общественных объединений.

Защищенность гражданских служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную и служебную деятельность в системе федерального агентства лесного хозяйства России предполагает, что государственные служащие действуют только в пределах предоставленных им полномочий и имеют право на защиту от неправомерных действий в связи с исполнением должностных обязанностей.

В РФ сформирована и действует нормативно-правовая база государственной службы. Действие нормативно-правовых актов РФ полностью с учетом специфических особенностей распространяется на государственную гражданскую службу в системе государственных органов лесного хозяйства РФ.

Конституционные положения закрепляют основы единства системы государственной власти (ст. 5); разделение законодательной, исполнительной и судебной власти (ст. 10), равный доступ граждан к государственной службе (ч. 4 ст. 32) Конституции РФ.

Основным нормативно-правовым актом для государственной службы в системе органов лесного хозяйства является Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы РФ». Закон устанавливает виды государственной службы: государственную гражданскую службу, военную службу и правоохранительную службу. В законе установлены общие положения о государственной службе, основы ее управления и формирования.

Базовым нормативно-правовым актом для государственной гражданской службы служит Федеральный закон от 27 июня 2004 г. № 70-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ». Необходимо отметить, что законодательством допускается принятие федеральных законов и нормативно-правовых актов, которые могут регулировать особенности прохождения отдельных видов государственной гражданской службы.

На государственных гражданских служащих помимо указанных законов действует и трудовое законодательство. В системе органов лесного хозяйства государственная гражданская служба является особым видом трудовой деятельности. Государственные служащие в системе органов лесного хозяйства одновременно являются и гражданами, которые поступают на государственную службу и выполняют за трудовые вознаграждения свои трудовые функции и также занимают должность государственной службы и реализуют цели, задачи и функции государства и действуют как представители государственной власти, принимая решения обязательного государственно-властного характера Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ». Устанавливают приоритет специального законодательства о государственно гражданской службе по отношению к трудовому законодательству, указывая, что трудовое законодательство регулирует отношения в сфере государственной гражданской службы лишь в той мере, если они не урегулированы ФЗ «О государственной гражданской службе РФ».

Таким образом, наблюдается приоритет законодательства о государственной гражданской службе и в области государственной службы в сфере лесного хозяйства. В случае возникновения коллизий между нормами трудового административного законодательства будут применяться нормы административного законодательства, регулирующие гражданскую службу. В случае отсутствия последних будут применяться нормы трудового права.

В сфере организации государственной гражданской службы в лесном хозяйстве действуют нормативно-правовые акты подзаконного характера. Приняты указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, детализирующие и развивающие положения ФЗ «О государственной гражданской службе», которые полностью распространяются на деятельность государственных служащих в сфере лесного хозяйства РФ. Это указы Президента РФ от 1 августа 2005 г. № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы РФ», от 1 февраля 2005 г. № 112 «О конкурсе на замещающие вакантные должности государственной гражданской службы РФ», от 1 февраля 2005 г. № 110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих», от 1 февраля 2005 г. № 111 «О порядке сдачи квалификационного экзамена государственными гражданскими служащими РФ и оценки знаний, навыков и умений», от 1 февраля 2005 г. № 113 «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государствен-

ной гражданской службы РФ федеральным государственным гражданским служащим», от 16 февраля 2005 г. № 159 «О примерной форме служебного контракта о прохождении государственной гражданской службы РФ и замещении должности государственной гражданской службы РФ», от 30 мая 2005 г. № 609 «Об утверждении Положения о персональных данных государственного гражданского служащего РФ и ведении его личного дела», от 27 сентября 2005 г. № 1131 «О квалификационных требованиях к стажу работы по специальности для федеральных государственных гражданских служащих».

УДК 347.965.33

Л. П. Ижнина, Н. В. Путихина

Профессионализм как признак понятия «адвокат-защитник»

В данной статье раскрывается сущность профессионализма как признака понятия «адвокат-защитник», а также его составляющие элементы. В работе рассматривается профессия адвоката, которая предполагает высокий профессионализм, высокий уровень психологической компетенции, обладание знаниями индивидуально-психологических особенностей личности, культурой умственной деятельности, что в совокупности является обязательными составляющими его профессионального мастерства. Анализируется закон об адвокатуре, который более прагматичен и при этом обязывает адвоката постоянно совершенствовать свои знания, повышать квалификацию, соблюдать кодекс профессиональной этики. Анализируемые в статье нормы в значительной мере раскрывают и содержание профессионального долга адвоката. Только работа профессионального защитника, каковым является адвокат, может способствовать достижению целей уголовного судопроизводства, равноправию сторон по делу.

This article reveals the essence of professionalism as a characteristic of the concept of «lawyer-defender», as well as its constituent elements. The paper considers the legal profession, which requires high professionalism, high level of psychological competence, knowledge of individual psychological characteristics of personality, culture, intellectual activity, which all together is obligatory components of his professional skill. This article examines the Law on advocacy, which is more pragmatic, and requires the lawyer to constantly improve their knowledge, improve skills, to comply with the code of professional ethics. Having analyzed the norms largely open and the contents of the professional duty of a lawyer. Only the work of a professional defender, which is a lawyer, can contribute to the achievement of the objectives of criminal justice, the equality of the parties in the case.

Ключевые слова: адвокат-защитник, профессионализм, защита по уголовным делам, квалификация.

Keywords: defense counsel, professionalism, criminal defense, qualification.

«Любой вид деятельности... должен осуществляться именно профессионально, а не дилетантски, не случайными, мало что знающими и еще меньше умеющими людьми... Признак профессионализма деятельности означает осуществление деятельности по принятым методикам; соблюдение требований к ее процессу и результатам; возмездность деятельности; влияние субъекта на осуществляемую им работу» [1].

Статья 48 Конституции РФ гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Квалифицированность предполагает безусловное наличие специальных знаний и высокий уровень подготовленности. Исходя из вышеизложенного можно заключить, что профессионализм как необходимый признак адвокатской деятельности закреплен на уровне основного закона нашего государства [2].

Профессионализм – это один из самых основных признаков понятия «адвокат-защитник» и его деятельности, в свою очередь данный признак имеет следующие элементы.

1. Процесс приобретения статуса адвоката является определенной гарантией признака профессионализма и квалифицированности юридической помощи, оказываемой адвокатом. К гражданину, желающему стать адвокатом, обоснованно предъявляются высокие требования.

ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» закрепляет ряд обязательных требований к лицу для получения им адвокатского статуса и устанавливает ограничения, которые этому препятствуют [3]. Среди требований: наличие высшего юридического образования, полученного в имеющем государственную аккредитацию образовательном учреждении, либо ученой степени по юридической специальности; наличие стажа работы по юридической специальности не менее двух лет либо пройденная стажировка в адвокатском образовании в срок от одного года до двух лет. Кроме того, адвокатом становится лишь претендент, успешно сдавший квалификационный экзамен. Не могут претендовать на присвоение статуса адвоката лица, имеющие непогашенную или неснятую судимость за умышленные преступления, а также признанные недееспособными или ограниченно дееспособными в установленном законодательством РФ порядке.

2. Одним из составляющих элементов признака профессионализма адвоката и адвокатской деятельности является также обязанность всех адвокатов постоянно совершенствовать свои знания и повышать квалификацию в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Для реализации этой задачи адвокатские палаты субъектов РФ в соответствии с рекомендациями и методикой, разработанной Советом Федеральной Палаты адвокатов, постоянно организуют профессиональную учебу, подготовку и переподготовку адвокатов, помощников и стажеров.

3. Элементом признака профессионализма в определенной мере является также осуществление адвокатской деятельности на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного между адвокатом и доверителем, и возмездность деятельности адвоката. Возмездность деятельности адвоката заключается в том, что работу адвоката, приглашенного доверителем для защиты в уголовном деле, оплачивает доверитель. В случаях, если адвокат-защитник выступает в процессе по назначению органов предварительного следствия и суда, т. е. в порядке ст. 49, 50, 51 УПК РФ, то вознаграждение за труд адвоката оплачивается из средств федерального бюджета. Размер и порядок вознаграждения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия и суда, устанавливается Правительством РФ [4]. Однако и в том и в другом случае согласно ст. 25 Закона об адвокатуре адвокатская деятельность осуществляется «на основе соглашения между адвокатом и доверителем», которое «представляет собой гражданско-правовой договор» на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Каких-либо изъятий из этого правила закон не содержит. Таким образом, из сопоставления ст. 1 и 25 Закона об адвокатуре видно, что любая квалифицированная юридическая помощь адвоката (в том числе и бесплатная для доверителя) может быть оказана лишь на основании гражданско-правового договора, т. е. соглашения об оказании юридической помощи [5].

Особая цель договора об оказании юридической помощи обуславливает участие в нем роли исполнителя специального субъекта – профессионального юриста. Определение адвокатской деятельности в качестве квалифицированной юридической помощи, оказываемой на профессиональной основе, означает лишь то, что для адвоката предоставление юридической помощи является основной деятельностью, не совместимой с другими занятиями, за некоторыми исключениями (преподавательская, научная, литературная деятельность) [6].

Вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением. За счет получаемого вознаграждения адвокат осуществляет профессиональные расходы на общие нужды адвокатской палаты в размерах и порядке, которые определяются собранием (конференцией) адвокатов; содержанием соответствующего адвокатского образования; страхованием профессиональной ответственности; иные расходы, связанные с осуществлением адвокатской деятельности [7].

Осуществление деятельности адвоката-защитника по определенным методикам, правилам. Считаем, что данный элемент признака профессионализма включает в себя соблюдение адвокатом-защитником определенных этических и процессуальных правил поведения в уголовном процессе.

Закон об адвокатуре обязывает каждого адвоката соблюдать Кодекс профессиональной этики. Наряду с общими этическими нормами, касающимися деятельности адвокатов всех специализаций, существует ряд норм этики, касающихся поведения адвоката-защитника. К таковым относятся запрет делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает (п. 4 ч. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре); запрет отказываться от принятой на себя защиты (п. 6 ч. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре); запрет негласного сотрудничества адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ч. 5 ст. 6 Закона об адвокатуре); в ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката содержатся правила, касающиеся профессиональной деятельности адво-

ката-защитника: запрет осуществления защиты по одному уголовному делу двух и более лиц, если интересы одного из них противоречат интересам другого; лиц, интересы одного из которых хотя и не противоречат интересам другого, но эти лица придерживаются различных позиций по одним и тем же эпизодам дела; лиц, достигших и не достигших совершеннолетия.

Также в данной статье содержатся важные правила о запрещении адвокату отказываться от принятой на себя защиты, кроме случаев, указанных в законе; и предписывающих адвокату, принявшему поручение на защиту доверителя в стадии предварительного следствия, продолжать ее в суде первой инстанции, включая подготовку и подачу апелляционной жалобы на приговор суда; запрещение ухудшать без необходимости положение других подсудимых; а также правила об обязанности адвоката-защитника обжаловать приговор первой инстанции.

Важное правило профессионального поведения адвоката-защитника закреплено в п. 3 п. 4 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», предписывающем запрет адвокату-защитнику занимать по делу позицию вопреки воле доверителя.

«Профессиональный советник по правовым вопросам» означает, что адвокат связан позицией доверителя, имеет право облекать ее в правовую форму, давать квалифицированные советы, но ни в коем случае не вправе нарушать волю доверителя и занимать самостоятельную, отличную от нее, позицию» [8].

Исключений из этого правила два, их установили Закон об адвокатуре и Кодекс профессиональной этики адвоката:

1) когда адвокат убежден в наличии самоговора своего подзащитного (п. 2 ч. 1 ст. 9 Кодекса ПЭА, п. 3 ч. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре);

2) когда доверитель обращается к адвокату с пожеланиями, просьбами или указаниями, направленными на несоблюдение закона или нарушение правил, предусмотренных Кодексом ПЭА.

Такие поручения не могут быть исполнены адвокатом. Он в этом случае обязан поступить вопреки его воле (ч. 1 ст. 10 Кодекса ПЭА).

Недопустимость действий против законных интересов доверителя является одним из первичных постулатов, основой основ профессиональной деятельности адвоката. Защитник по уголовному делу действует только в одном направлении, в направлении защиты прав и законных интересов обвиняемого [9].

Адвокатской тайне посвящена ст. 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», а также ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В соответствии с названными положениями адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю. Статья 6 Кодекса профессиональной этики адвоката содержит перечень сведений, на которые распространяются правила об адвокатской тайне, а также в указанных статьях закона содержатся гарантии сохранности адвокатской тайны: запрет вызова и допроса адвоката в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием; оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допустимы только на основании судебного решения; запрет вмешиваться в адвокатскую деятельность либо препятствовать ей каким бы то ни было образом; истребовать от адвокатов и работников адвокатских образований, адвокатских палат или Федеральной палаты адвокатов сведения, связанные с оказанием юридической помощи по конкретным делам и др.

Доверия к адвокату со стороны клиента не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны. Профессиональная тайна обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией РФ (ч. 1 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката) [10].

Таким образом, профессионализм адвоката-защитника и его деятельности – это понятие, охватывающее несколько важных элементов, касающихся статуса адвоката и профессионального поведения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном процессе. Несомненно, при отсутствии одного из вышеперечисленных элементов признака профессионализма адвоката-защитника его деятельность по защите прав и интересов доверителя нельзя назвать профессиональной. В то же время от грамотного и квалифицированного поведения защитника зависит отношение к его доверителю со стороны работников правоохранительных органов и соблюдение принципов объективности, беспристрастности рассмотрения дела, назначения справедливого наказания.

Примечания

1. Жалинский А. Э. Профессиональная деятельность юриста. М., 1997. С. 36.
2. Адвокатура России: учеб. / под ред. С. С. Юрьева. М.: Изд-во «Юрайт», 2011. С. 157.
3. Там же.
4. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 05 июня.
5. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» / под общ. ред. А. П. Галоганова. М.: Юркомпани, 2012.
6. Решетникова О. М. К вопросу о понимании квалифицированной юридической помощи в гражданском процессе // Ученые записки Юридического института Красноярского государственного университета. Вып. 2. Красноярск, 2003. С. 348.
7. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ...
8. Там же. С. 24.
9. Перлов И. Д. Право на защиту. М., 1969. С. 29.
10. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 22.04.2013) // Вестник адвокатской палаты г. Москвы. 2005. № 4–5.

Notes

1. Zhalinskiy A. E. *Professional'naya deyatel'nost' yurista* [Professional activities of a lawyer]. Moscow. 1997. P. 36.
2. *Advokatura Rossii: ucheb* - Advocacy of Russia: textbook. / ed. by S. S. Yuriev. Moscow. "Urait" Publ. 2011. P. 157.
3. Ibid.
4. Federal law dated 31.05.2002 No. 63-FZ (as amended on 02.07.2013) "About lawyer activity and legal profession in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. 2002, 05 June. (in Russ.)
5. *Nauchno prakticheskiy kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 31 maya 2002 goda № 63 FZ «Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii»*- Scientific and practical commentary to the Federal law of may 31, 2002 No. 63-FZ "About lawyer activity and legal profession in the Russian Federation / under the general editorship of A. P. Galoganov. Moscow: Urkompany. 2012.
6. Reshetnikova O. M. *K voprosu o ponimanii kvalificirovannoj yuridicheskoj pomoshchi v grazhdanskom processe* [To the question about the understanding of qualified legal assistance in civil process] // *Uchenye zapiski YUridicheskogo instituta Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta* - Scientific notes of the Law Institute of Krasnoyarsk State University. Is. 2. Krasnoyarsk. 2003. P. 348.
7. Scientific and practical commentary to the Federal law of may 31, 2002 No. 63-FZ...
8. Ibid. P. 24.
9. Perlov I. D. *Pravo na zashchitu* [Right for protection]. Moscow. 1969. P. 29.
10. The professional code of advocate's ethics (adopted by the First all-Russian Congress of advocates 31.01.2003) (as amended on 22.04.2013) // *Vestnik advokatskoj palaty g. Moskvy* - Herald of the advocates' chamber of Moscow. 2005, No. 4-5. (in Russ.)

УДК 343.01

Х. М. Шахбанова

**Личность осужденных, совершивших преступления
в местах лишения свободы**

Данная статья посвящена криминологическому изучению личности осужденных, совершивших преступления в местах лишения свободы. Преступность в местах лишения свободы представляет собой сложную и серьезную проблему не только для исправительных учреждений, но и для всего общества в целом. Совершение осужденными преступлений в процессе отбывания наказания свидетельствует о наличии серьезных недостатков и противоречий, возникающих при исполнении лишения свободы. Общественная опасность преступности в местах лишения свободы определяется наряду с другими признаками характеристикой лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: около 70,0% осужденных отбывают наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений; каждый четвертый осужден за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоро-

вью, каждый пятый – за разбой или грабеж. Современные тенденции, характеризующиеся ростом преступности в местах лишения свободы, как в абсолютных, так и относительных показателях, увеличением в ее структуре доли насильственных преступлений, вызывают необходимость дальнейшей разработки теоретических положений и предложений практического характера в сфере противодействия преступному поведению осужденных.

Криминологическое изучение личности осужденных имеет очень важное практическое значение для профилактики преступлений в местах лишения свободы.

This article is devoted to criminological studying of the personality condemned, committed crimes in imprisonment places. The crime in places of imprisonment represents a complex and serious problem not only for correctional facilities, but also for all society in general. Commission condemned crimes in the course of serving of punishment testifies to existence of the serious shortcomings and contradictions arising at imprisonment execution. Public danger of crime in places of imprisonment is defined along with other signs by the characteristic of the persons containing in establishments of criminal and executive system: about 70,0% condemned serve sentence for commission of heavy and especially serious crimes; every fourth is condemned for murder and deliberate causing heavy harm to health, every fifth – for robbery or a robbery. The current trends which are characterized by rise in crime in imprisonment places as in absolute, and relative indicators, increase in its structure of a share of violent crimes, cause the necessity of further development of theoretical provisions and offers of practical character in the sphere of counteraction to criminal behavior of the condemned.

Criminological studying of the identity of the condemned has very important practical value for prevention of crimes in imprisonment places.

Ключевые слова: личность осужденных, места лишения свободы, режим отбывания, тип личности.

Keywords: the personality condemned, imprisonment places, the serving mode, type of the personality.

Любой человек в конкретный момент своей жизни находится в каком-то определенном психическом состоянии. Именно оно и предопределяет форму его реагирования на окружающую обстановку, на поведение людей. Меняются психические состояния – меняется и форма реагирования.

Так как изолирование от общества происходит на долгий срок, то тяжелые психические состояния у них ярко выражены, устойчивы и, что самое главное, со временем приводят к трудно-обратимым изменениям психики, характера. Они влекут за собой постоянную внутреннюю напряженность. Возникает та самая ситуация, о которой говорят: человек места себе не находит [1].

Что же представляют собой те лишённые свободы, которые совершают преступления во время отбывания наказания в исправительных учреждениях? Это лица в возрасте до 35 лет со средним и неполным средним образованием, ранее судимы за умышленные преступления. Что касается семейного положения, то большой процент составляют лица, не состоящие в браке (74%), не имеющие детей (88%).

Возраст осужденных, совершивших преступления в местах лишения свободы, составлял 18–25 лет – 36%. Затем следует возрастная группа 25–30-летних, на их долю приходится 24% из числа изученных преступлений, в группе от 30 до 35 лет – 28%. Отсутствует активность в возрасте 35–40 лет. Осужденные в возрасте 40–50 лет совершили 12% преступлений [2]. Важное значение, с точки зрения возможной вменяемости субъектов преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, имеет психическое состояние осужденных.

При изучении личностей осужденных, прежде всего, акцентируется внимание на их криминологическую и уголовно-правовую характеристику.

Социально-демографическая характеристика: большинство преступлений совершается лицами мужского пола; в возрасте 18–24 лет; не имеющими семьи; до осуждения многие осужденные не имели постоянного места жительства, работы; большинство преступлений совершается лицами, получившими только среднее образование; значительное влияние тюремной субкультуры: тюремных обычаев и традиций.

Нравственно-психологическая характеристика: искаженное представление об идеалах, интересах, ложная система ценностных ориентаций; более половины лиц, совершивших убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования, кражи, грабежи и разбои, больны алкоголизмом, психопатией, остаточными явлениями травм черепа, заболеваниями центральной нервной системы.

Уголовно-правовая характеристика: большинство осужденных, совершивших преступление в период отбывания лишения свободы, судимы неоднократно; многие осуждены за убийство или умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, за разбой, грабеж или изнасилования.

Уголовно-исполнительная характеристика: 97,7% осужденных, совершивших пенитенциарный рецидив, нарушают порядок отбывания наказания.

Вместе с тем оно является и криминологической проблемой, поскольку без знания о наличии и специфике внешних проявлений тех или иных психических расстройств у конкретных лиц нельзя успешно предупреждать новые правонарушения с их стороны, в том числе насильственные. По-видимому, наличие психических аномалий при всем том, что они еще плохо выявляются и лечатся, а карательно-воспитательное воздействие обычно осуществляется без учета этого весьма важного факта, во многом объясняет такое стойкое неподчинение требованиям администрации, непринятие условий пребывания в местах изоляции от общества [3].

По выборочным данным, из числа осужденных (и психически здоровых) отрицательно характеризуется 72%. Среди отрицательно характеризующихся осужденных больше всего психопатов, а «алкоголики» занимают лишь второе место. Немало здесь и лиц, страдающих остаточными явлениями травмы черепа и органическими поражениями центральной нервной системы, доля которых, равно как и психопатов, намного меньше среди характеризующихся положительно (здесь психопатов в три с половиной раза меньше).

В целом, в местах лишения свободы 20–25% занимают лица с психическими аномалиями. Поведение психопатов и лиц, страдающих остаточными явлениями травм черепа и органическими заболеваниями центральной нервной системы, значительно хуже, чем других осужденных, в том числе имеющих иные патологии в психике.

Особенности психологии осужденных проявляются в определенном комплексе психических состояний, которые развиваются в местах лишения свободы. К наиболее типичным из них следует отнести состояние ожидания изменений (пересмотра дела, расконвоирования, освобождения); состояния нетерпения. Эти состояния могут характеризоваться повышенной напряженностью, что часто приводит к резким срывам в поведении.

Из числа изученных не имели психических отклонений только 25,6% осужденных, совершивших преступления. Слабо выраженная психопатология (психическая неуравновешенность, повышенная нервозность, склонность к истерии) присуща 26% изученных. Выраженная психопатология (вялотекущая шизофрения, дебилизм, олигофрения, эпилепсия) – у 6,5% осужденных. Алкоголизмом страдали 35,2 %, наркоманией – 2,7% [4].

Несмотря на столь высокий уровень осужденных с психическими отклонениями только 24,1% из них состояли на учете у невропатолога или психиатра, что свидетельствует о существующих медицинских проблемах профилактики преступлений в исправительных учреждениях.

Проблема личности осужденного является частью проблемы личности преступника. Личность осужденного невозможно понять, если не опираться на результаты многолетних исследований личности преступника, поскольку именно в последних заложены методологические и теоретические основы познания личности тех, кто совершил преступление. Собственно говоря, личность преступника по большей части изучалась на базе личности осужденного (либо по рассмотренным судом уголовным делам, либо путем изучения «живых» людей чаще всего в исправительных учреждениях).

Если личность преступника исследуется главным образом для того, чтобы понять природу, причины и механизмы преступного поведения, то внимание к личности осужденного продиктовано двумя обстоятельствами: для определения путей и средств эффективного воспитательного воздействия на преступника и для недопущения совершения им новых преступлений, в том числе в период отбывания наказания.

Естественно, что в теории и личности преступника, и личности осужденного надо учитывать научные достижения в познании личности вообще [5].

В любом преступном поведении участвуют все структуры личности преступника, но одни могут быть выражены очень ярко, другие – слабо или очень слабо. Хочет того человек или нет, но, попав в места лишения свободы, он ни в коем случае не способен стать другой личностью в смысле полного освобождения от всего, что способствовало, породило его преступное поведение, даже если он искренне осуждает его. Прежний жизненный опыт, прежние представления и ориентации сознательно или бессознательно останутся при нем, хотя могут и никак не проявляться.

Особые трудности вызывает такая группа осужденных, как рецидивисты. В первую очередь надо отметить, что асоциальные рецидивисты в силу своей пассивности не отличаются противоречивостью мировоззрения и в целом мировосприятия, они не способны к психическому перенапряжению и склонны по возможности упрощать свою жизнь, обходить препятствия и процесс принятия решения. Большинство из них не ставят перед собой цели исправиться, приобрести навыки социально одобряемого поведения, напротив, пытаются уклониться от соблюдения правил отбывания наказания. Они не проявляют интереса ни к работе, ни к учебе, что, впрочем, естественно для людей, средний возраст которых находится в пределах 30–35 лет [6].

Следует признать: изучение личности осужденных нельзя признать ни глубоким, ни всесторонним, в основном преобладают социально-демографические описания. Попытки исследо-

вания внутренних, сущностных характеристик осужденных очень редки, недостаточны знания об их поведении в местах лишения свободы, в том числе преступном, что особенно важно. До сих пор сохраняются примитивные классификации лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, эти классификации мало что дают науке и практике.

При исследовании личности осужденного, совершающего преступление в исправительном учреждении, необходимо акцентировать внимание на том, во-первых, что он лишен свободы, и, во-вторых, то, что влияние на него там среды более концентрированное и суровое, чем в нормальных условиях. Среда, конечно, может быть особенно неблагоприятной для адаптации для данного конкретного преступника, но гораздо чаще бывает так, что он не способен приспособиться именно к этой обстановке. Отсюда не только преступное поведение, но и нарушения требований режима отбывания наказания, иногда многочисленные, систематические. Их наличие представляет собой неопровержимое свидетельство неудовлетворительной адаптации, причем она может иметь место и вследствие психических нарушений человека, особенностей его характера, если эти особенности выступают в качестве акцентуаций или патологий психики [7].

Таким образом, можно констатировать среди осужденных достаточно распространенный тип личности – неадаптированный.

Изучение личности пенитенциарных преступников позволило выделить три их типа:

а) последовательно-криминогенный тип (39%). К нему относятся осужденные, отбывающие наказания за совершение тяжких, особо тяжких преступлений против жизни и здоровья;

б) ситуативно-криминогенный тип (33%). Осужденные, отнесенные к этому типу, отбывают лишение свободы за совершение преступных посягательств на различные объекты уголовно-правовой охраны. Их поведение отличается непоследовательностью; нарушения порядка отбывания наказания, как правило, носят необдуманный характер и являются бессистемными, связанными с посягательствами на различные требования. В основе совершения ими преступлений нередко лежат межличностные конфликты, вызванные оскорблениями со стороны потерпевших, либо они совершаются на бытовой почве при употреблении спиртных напитков;

в) ситуативный тип (28%) – лица, относящиеся к этому типу, как правило, впервые отбывают наказание за совершение преступлений против собственности в колониях-поселениях, характеризуются в целом положительно, вместе с тем при наличии благоприятной ситуации совершают побег.

Примечания

1. Панасенко Е. К. Латентность пенитенциарной преступности как угроза криминологической безопасности УИС // Закон и право. 2011. № 10. С. 61.

2. Слепов А. П. Предупреждение насильственных преступлений, совершаемых осужденными в исправительных колониях. Рязань: РИПЭ МВД России, 2008. С. 82.

3. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: сб. науч. тр. / под ред. Ю. И. Калинина. Владимир: ВЮИ Минюста России, 2007. С. 20.

4. Скретнева Н. В. Насилие и уголовно-исполнительная система // Сибирский юридический вестник. 2008. № 2. С. 22–24.

5. Мерзоев Г. Б. Тюрьмы и колонии России. М.: Лига Разум, 2008. С. 77.

6. Патрушев Е. В. Причинный комплекс преступности в местах лишения свободы // Юридические науки. 2006. № 3. С. 25–28.

7. Лютынский А. И. Обеспечение безопасности допрашиваемых осужденных при расследовании преступлений, совершенных в исправительном учреждении // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2009. С. 98.

Notes

1. Panasenko E. K. [Latency of penitentiary crime as a threat to criminological security of Criminal and executive system] // *Zakon i pravo* – Law and right. 2011, No. 10, p. 61.

2. Slepov A. P. *Preduprezhdenie nasil'stvennyh prestuplenij, sovershaemyh osuzhdennymi v ispravitel'nyh koloniyah* [The prevention of violent crimes committed by convicts in penal colonies]. Ryazan. RILE of Ministry of internal Affairs of Russia. 2008. P. 82.

3. *Penitenciarnaya prestupnost': sushchnost' i aktual'nye problemy preduprezhdeniya: sb. nauch. tr* - Penitentiary crime: nature and actual problems of prevention: coll. of scientific articles. / ed. by Y. I. Kalinin. Vladimir. RUI of the Russian Ministry of justice. 2007. P. 20.

4. Skretneva N. V. *Nasilie i ugolovno ispolnitel'naya sistema* [Violence and criminal-executive system] // *Sibirskij juridicheskij vestnik* - Siberian law herald. 2008, No. 2, pp. 22-24.

5. Merzoev G. B. *Tyur'my i kolonii Rossii* [Prisons and colonies of Russia]. Moscow. Liga Razum. 2008. P. 77.

6. Patrushev E. V. *Prichinnyj kompleks prestupnosti v mestah lisheniya svobody* [Causal complex of crime in prisons] // *YUridicheskie nauki - Legal science*. 2006, No. 3, pp. 25-28.

7. Lutynskij A. I. *Obespechenie bezopasnosti doprashivaemyh osuzhdennyh pri rassledovanii prestuplenij, sovershennyh v ispravitel'nom uchrezhdenii* [Ensuring the safety of the interrogated persons convicted in the investigation of crimes committed in prison] // «*CHernye dyry*» v rossijskom zakonodatel'stve - "Black holes" in the Russian legislation. 2009. P. 98.

УДК 342.746

Т. Е. Сучкова

К вопросу о необходимости определения правовых критериев врачебной ошибки

Настоящее время характеризуется активным развитием медицинской науки и практики, что, в свою очередь, порождает не только чисто медицинские, но и этические и иные социальные проблемы, требующие, прежде всего, правового решения и регулирования.

К числу наиболее спорных и противоречивых вопросов, возникающих в сфере правового регулирования медицинской деятельности, относятся вопросы определения правовых критериев, отграничивающих врачебную ошибку, как неблагоприятный результат врачебного вмешательства, от правонарушения врача при осуществлении профессиональной деятельности. В статье автор подробно анализирует причины возникновения врачебных ошибок, приходя к выводу, что отнесение к врачебным ошибкам как невиновных, так и виновных действий/бездействия врача является излишне расширенным, и формулируя, в связи с этим, авторское определение врачебной ошибки.

Currently characterized by rapid development of medical science and practice, which, in turn, gives rise not only to purely medical but also ethical and other social problems that require, above all, the legal decisions and regulation.

Among the most contentious and controversial issues arising in the field of legal regulation of medical practice are questions of definition of legal criteria to delimit a doctoral error as a result of an unfavorable medical intervention by a doctor of the offense in the exercise of professional activities. The author analyzes in detail the causes of doctoral errors, we conclude that the assignment to medical mistakes as the innocent and guilty actions / inaction doctor is too advanced, and formulating, in this connection, the author's definition of doctoral errors.

Ключевые слова: врачебная ошибка, объективные причины, субъективные причины, вина врача.

Keywords: doctoral error, objective reasons, subjective reasons, wine doctor.

В современном мире медицина признается важнейшей составляющей сферой жизнедеятельности общества, а медицинским работникам в целом и врачам в частности принадлежит исключительная роль в поддержании и укреплении здоровья населения. В связи с этим особое значение приобретают отношения, возникающие между врачом и пациентом, поскольку в руках врача зачастую находятся не только здоровье, но и жизнь пациента.

При этом, обращаясь за врачебной помощью, пациенту приходится полностью полагаться не только на профессиональную грамотность врача, но и на его внимательное, ответственное отношение к процессу диагностирования и лечения. Особое значение в этом случае приобретают вопросы определения качества оказываемой пациенту врачом медицинской помощи.

Спецификой категории «качество» применительно к медицинской помощи является возможность различного толкования результатов медицинской деятельности: «для пациента самым важным, скорее всего, будет то, насколько результаты лечения оправдали его надежды и ожидания. Для лечащего врача – в какой мере фактический итог его работы соответствует тому состоянию пациента, на которое он (врач) рассчитывал, определяясь с характером патофизиологических отклонений и планируя схему лечения» [1].

В этой ситуации как юристами [2], так и самими врачами [3] вполне обоснованно поднимаются вопросы о необходимости установления четких критериев качества оказания медицинской

помощи в целях недопущения возможности субъективного или двусмысленного толкования термина «качество медицинской помощи».

С 1 января 2013 г. вступила в силу ч. 1 ст. 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», согласно которой на территории Российской Федерации начали действовать обязательные для применения стандарты и порядки оказания медицинской помощи [4], основной задачей которых является формирование единых подходов к лечению заболеваний и обеспечение контроля качества оказываемой медицинской, в том числе врачебной, помощи.

Таким образом, на сегодняшний день можно говорить об унификации требований к проведению врачебных вмешательств, независимо от места, времени оказания врачебной помощи и иных, не связанных с заболеванием, факторов.

Несомненно, особенность врачебной деятельности всегда подразумевает индивидуальный подход в лечении каждого пациента в силу своеобразия, «уникальности» каждого случая заболевания. Какими бы качественными не были легально закрепленные порядки и стандарты оказания медицинской помощи, они не могут безапелляционно указывать врачу, как поступать в той или иной ситуации. Врач всегда должен принимать самостоятельное решение, исходя из профессионального опыта и с учетом фактических проявлений заболевания или особенностей состояния здоровья пациента.

Следовательно, несмотря на существующие стандарты и порядки оказания врачебной помощи, при осуществлении врачебной деятельности в отношении конкретного пациента отсутствует безусловная гарантия получения качественного результата.

Результатом врачебного вмешательства может стать:

- 1) полное или, по крайней мере, частичное достижение предполагаемого результата (сообразно прогнозируемому результату);
- 2) отсутствие предполагавшегося результата («неэффективное лечение»);
- 3) причинение вреда здоровью или жизни пациента.

Если первый вариант, как следствие врачебного вмешательства, предполагаем и желаем и пациентом, и врачом, то остальные результаты «врачевания» требуют более детального рассмотрения, поскольку речь идет о дефектах оказания профессиональной врачебной помощи.

На сегодняшний день понятие «дефект врачебной помощи» имеет в большей степени обобщающее значение, так как объединяет в себе различные виды неблагоприятных исходов врачебного вмешательства. Между тем действующее медицинское законодательство дефиниций видов дефекта врачебной помощи не содержит. Также отсутствуют легальные критерии разграничения дефектов врачебной помощи, способы их обнаружения и регистрации, установления наличия или отсутствия вины врача с целью определения в каждом случае возможных правовых последствий.

При отсутствии на сегодняшний день единой классификации видов дефекта врачебной помощи представляется возможным условно выделить следующие виды дефекта медицинской помощи:

1. Несчастный случай, под которым понимается абсолютно неизбежное и непредсказуемое событие, так называемый «казус», который нельзя предотвратить, потому что нельзя предвидеть. Неудачный результат врачебного вмешательства в данной ситуации зависит не от правильности или неправильности действий врача, а от возникших случайных обстоятельств: особенностей организма пациента, атипичного течения заболевания, а иногда – в связи с отсутствием минимальных условий для оказания неотложной медицинской (в том числе врачебной) помощи.

Для того чтобы избежать необоснованно широкого толкования термина «несчастный случай во врачебной практике», следует четко квалифицировать неудачный результат врачебного вмешательства. С этой целью необходимо, прежде всего, удостовериться в отсутствии неосторожности в действиях врача, исключить возможность халатного отношения врача к своим обязанностям, убедиться в наличии у врача достаточного уровня профессиональных знаний и квалификации.

2. Дефект врачебной помощи, возникший в силу рискованного характера врачебной деятельности.

Любое врачебное вмешательство объектом воздействия имеет здоровье человека, а специфической особенностью врачебной деятельности является ее персонализация: зачастую бывает невозможно предугадать интенсивность реакции организма на врачебное воздействие, а также эффективность такого воздействия. Иными словами, всегда существует вероятность недостижения желаемого результата врачебного вмешательства, то есть «риск причинения вреда при самом добросовестном врачевании все же вероятен» [5].

К тому же во врачебной деятельности всегда присутствует возможность непредсказуемого протекания заболевания в силу неполноты знаний, накопленных современной медициной в той или иной области.

Вот почему при выборе того или иного метода диагностики, лечения, реабилитации и профилактики врачу необходимо оценить не только степень риска, но и его обоснованность для достижения целей врачебного вмешательства. Риск следует считать правомерным, если «цель не могла быть достигнута нерискованным обычным способом, и врач использовал эту возможность, не получив желаемого результата» [6].

С правовых позиций причинение вреда жизни и (или) здоровью пациента в результате несчастного случая или в условиях «обоснованного риска, осуществляемого в рамках выполнения врачами профессиональных функций» [7] не содержат таких необходимых признаков состава правонарушения, как «противоправность» и «вина» и, соответственно, не влекут для врача никаких публично-правовых последствий.

3. Врачебная ошибка как основание неблагоприятных последствий врачебной деятельности, являющаяся, по мнению доктора юридических наук, профессора Е. Ю. Киреевой «наиболее сложно идентифицируемым видом дефекта медицинской помощи» [8].

В настоящее время легального определения термина «врачебная ошибка» нет, более того, существует мнение, что это понятие не юридическое, а исключительно медицинское [9], при этом на сегодняшний день отнесение того или иного вреда жизни и (или) здоровью, возникшего в результате врачебной помощи, к врачебным ошибкам вызывает большое количество дискуссий как в медицинской [10], так и в юридической [11] научной среде. Между тем «задачей правового регулирования сферы врачебных ошибок является выработка правильной, продуманной и единой позиции относительно юридической квалификации ошибочных действий врачей» [12].

При отсутствии понятия врачебной ошибки, созданного юридической наукой, данное понятие изначально появилось в медицинской среде.

Впервые о врачебной ошибке как о возможном результате врачебной деятельности в 1-й пол. XIX в. сказал известный русский хирург Н. И. Пирогов [13], позднее вопросам определения квалифицирующих характеристик врачебной ошибки уделялось большое внимание советских ученых-медиков.

В частности, Я. Л. Лейбович подразумевал под врачебными ошибками «недобросовестные, неверные, невежественные *действия* медицинских работников при оказании медицинской помощи пациенту» [14].

Современные определения врачебной ошибки в той или иной мере опираются на понятие, которое в 1941 г. сформулировал родоначальник советской школы патологической анатомии И. В. Давыдовский: врачебная ошибка – «это добровольное *заблуждение* врача, основанное на несовершенстве современного состояния медицинской науки и методов ее исследования, либо вызванное особенностями течения заболевания определенного больного, либо объясняемое недостатками знаний, опыта врача» [15].

При этом в качестве основного признака врачебной ошибки было обозначено добровольное *заблуждение* врача, причинами которого называются такие обстоятельства, как несовершенство науки, особенности течения заболевания, недостаток знаний и опыта врача.

Следуя в определенном И. В. Давыдовским направлении, о добросовестном заблуждении как основании квалификации деяния врача в качестве врачебной ошибки говорится также во многих авторских определениях [16].

При этом в качестве условий наступления такого заблуждения могут быть несовершенство медицинской науки и её методов, атипичное течение заболевания и т. д. [17]; несовершенство медицинской науки и её методов, или атипичное течение заболевания, или недостаточности подготовки врача, если при этом не обнаруживаются элементов халатности, невнимательности или медицинского невежества [18]; отсутствие признаков умышленного или неосторожного преступления [19].

Так, Р. К. Ригельман, при изучении врачебных ошибок классифицирует их на «ошибки по неведению» и «ошибки по недомыслию», при этом и тех и других «можно было бы избежать, действуя иначе» [20].

С другой стороны, некоторыми врачами понятие «врачебная ошибка» трактуется единственно как уже свершившееся деяние врача. Так, по мнению В. Т. Пальчуна, врачебная ошибка – это несоответствие диагностических, лечебных, профилактических и иных *действий* (или бездействия) врача (или комплекса медицинских услуг) в отношении больного профессиональным знаниям и узаконенным соответствующим нормам, приведших к ухудшению здоровья или к смерти [21].

А. А. Старченко, врач и юрист по образованию, определяет врачебную ошибку как «такое *действие* или *бездействие* врача, которое способствовало или могло способствовать увеличению или снижению риска прогрессирования имеющегося у пациента заболевания, возникновению

нового патологического процесса, неоптимальному использованию ресурсов медицины и недовольности пациента от взаимодействия с системой здравоохранения» [22].

По мнению О. А. Александровой, Н. Ф. Герасименко, Ю. И. Григорьева и И. К. Григорьева, «врачебная ошибка – это отрицательный результат диагностических, лечебных или организационных *мероприятий* (т. е. действий или бездействий. – *Прим. авт.*) врача, т. е. когда им оказана медицинская помощь надлежащего объема и содержания, однако пациенту причинен вред или положительный эффект лечения не достигнут при отсутствии вины врача» [23].

Еще более противоречивой выглядит позиция авторов Я. А. Фролова, Л. В. Канунниковой, Е. В. Фроловой, которые в понятие врачебной ошибки включают как противоправные виновные деяния медицинских работников (учреждений), так и случаи причинения вреда пациенту при отсутствии вины [24], то есть и правонарушение, и невиновное причинение вреда, не влекущее привлечения к публично-правовой ответственности причинителя вреда.

Итак, при формулировании понятия «врачебная ошибка» авторами используются различные признаки, как общие или близкие по смыслу, так и особенные признаки, вплоть до диаметрально противоположных.

Такое положение вещей демонстрирует не только отсутствие единообразия в понимании врачебной ошибки в науке, но и показывает широту дискуссии, вызванной, прежде всего, проблемами правоприменительной практики при привлечении врачей к ответственности за профессиональные правонарушения. Следовательно, юридическая наука и практика нуждаются в скорейшем легальном закреплении дефиниции «врачебная ошибка» в действующем медицинском законодательстве.

Большинство исследователей при формулировании дефиниции «врачебная ошибка» опираются на определение, данное С. И. Ожеговым: «Ошибка – это неправильность в действиях, мыслях» [25]. Между тем, рассматривая термин «ошибка» с позиций философии, мы получаем более узкое понятие – «...это результат действия, совершенного неточно или неправильно, вопреки плану, но самое главное, что результат, который получен, не соответствует намеченным или заданным, требуемым» [26].

Таким образом, ошибка – это нежелательный результат, явившийся следствием либо неправильности мыслей, либо неправильности действий.

Ведя речь о создании правового понятия «врачебная ошибка», необходимо учитывать тот факт, что основной целью в этом случае является установление возможности или невозможности привлечения врача к юридической ответственности.

По этой причине при формулировании понятия «врачебная ошибка» с позиции юридической науки нельзя брать за основу только факт *заблуждения* врача, поскольку ошибка в мыслях сама по себе, независимо от причины, ее породившей, только создает возможность ошибочных действий, самостоятельно действием не являясь.

В этом случае необходимо согласиться, в частности, с мнением В. А. Рыкова о том, что «...само по себе “заблуждение” не может причинить вреда здоровью человека», оно «...лишь предопределяет возможность совершения ошибочных действий (бездействия), но само не является таковым» [27] и, с другой стороны, любое неправильное (в т. ч. неправомерное) действие или бездействие обязательно является следствием неправильности в мыслях.

Таким образом, врачебная ошибка с точки зрения права должна рассматриваться как неправильное (ошибочное) *действие* или *бездействие* врача. Только в этом случае можно решать вопрос о возможности или невозможности привлечения врача к юридической ответственности.

Следует учитывать также, что при квалификации деяния врача в качестве врачебной ошибки имеет значение факт наступления для пациента *неблагоприятного результата* (либо в виде причинения вреда, либо в виде недостижения желаемого положительного эффекта врачебной манипуляции), притом что была оказана врачебная помощь надлежащего содержания и объема.

С этих позиций рассмотрим более подробно причины врачебных ошибок.

1. Необычные симптомы часто встречающихся и, казалось бы, тщательно изученных заболеваний, когда «одному синдрому могут соответствовать многие заболевания», атипичное течение заболевания, при котором «интерпретация клинических и лабораторных методов, используемых во врачебной практике... приводит к ошибочному диагнозу» [28], атипичное расположение органа, позднее обращение пациентов за врачебной помощью, приведшие к позднему проведению оперативного вмешательства в хирургической практике и (или) нераспознаванию послеоперационных осложнений [29] и т. п.

Все эти случаи, по нашему мнению, следует признать разновидностями несчастного случая, поскольку в подобных ситуациях в процесс врачебной деятельности, проходящий в соответствии со стандартами и обычной практикой оказания врачебной помощи, вторгся непредсказуемый случайный фактор.

В силу внезапности и непредсказуемости данного фактора, ставшего непредотвратимым и непреодолимым для врача, действия врача, надлежащим образом оказавшего весь объем необходимой врачебной помощи, следует расценивать как правомерные, а условием, исключающим виновность врача и, соответственно, исключающим привлечение его к ответственности, в данном случае признать действие непреодолимой силы, случайных, неожиданных обстоятельств.

2. Несовершенство современного состояния медицинской науки, иные объективные причины, повлекшие добровольное заблуждение врача и приведшие к причинению вреда пациенту (недостижению желаемого результата врачебного вмешательства).

К таким объективным причинам различные ученые относят, например, нехватку времени для обследования больного или пострадавшего от травмы (в urgentных ситуациях [30], требующих неотложного врачебного вмешательства), отсутствие необходимого диагностического оборудования и аппаратуры для проведения того или иного исследования или вмешательства (например, невозможность при отсутствии эндоскопов диагностировать некоторые формы рака желудка и бронхов [31]).

Также к объективным факторам, безусловно, относятся «непостоянство отдельных постулатов и принципов в области теоретической и практической медицины, в связи с чем меняются взгляды на этиологию, патогенез, понимание сущности болезней» [32], в том числе недостаточная изученность целого ряда редко встречающихся в настоящее время заболеваний.

Так, по мнению врача УЗД Н. Лишук, к объективным причинам врачебных ошибок в процессе сонографического обследования больных следует относить особенности физической сущности метода (в частности, плохую визуализацию органа, который исследуется из-за метеоризма, спаек); низкий градиент акустического сопротивления на границе нормальной и патологической ткани; недостаточную диагностическую возможность аппаратуры; быструю динамику патологического процесса; несовершенство знаний в медицине, разнообразие вариантов патологии [33].

Во всех вышеперечисленных ситуациях врач совершал действия согласно тем стандартам, правилам и требованиям, которые приняты современной медицинской наукой, «неправильности в действиях, мыслях» врача не было. Однако в силу объективных, то есть не зависящих от воли врача, причин имеет место неблагоприятный результат врачебного вмешательства либо в виде причинения вреда здоровью или жизни пациента, либо в виде недостижения заявленной цели врачебных мероприятий.

Например, по мнению В. А. Соколова, В. М. Карташова, А. И. Пивня, «классические методы рентгенологической диагностики... не всегда могут обеспечить своевременную и правильную постановку диагноза пациенту» [34].

Отрицательный результат врачебной деятельности в данном случае возникает вне зависимости от воли врача, в силу незыблемости современной медицинской науки, соответственно, такое добровольное заблуждение следует признать именно врачебной *ошибкой*, когда имеет место врачебное *заблуждение* – «ошибочное, ложное убеждение, представление о чем-либо» [35], существующее вне зависимости от воли врача.

Избежать или не допустить развития неблагоприятного результата врач в данном случае не мог, следовательно, налицо – безвиновное причинение вреда и отсутствие оснований для привлечения к публично-правовой ответственности.

3. Субъективные причины, такие, к примеру, как уровень профессиональной подготовки, иные личностные особенности врача, влияющие на его профессиональную деятельность, ставшие причиной неблагоприятного результата врачебного вмешательства.

В первую очередь это ошибки, вызванные профессиональным невежеством, незнанием или неведением, недомыслием врача, отсутствием или недостаточностью у него квалификации и т. п.

При этом в научной литературе высказывается мнение о том, что «каждый врач должен обладать определенным минимумом специальных знаний, лежащих в основе общепринятых лечебно-диагностических мероприятий на данный момент развития медицинской науки и лечебной практики» [36]. По нашему мнению, такая позиция является в корне неверной.

Анализ дефектов оказания медицинской помощи, проведенный Ю. Д. Сергеевым и С. В. Козловым, показал, что наиболее распространенной причиной таких дефектов является грубое нарушение технологии оказания медицинской помощи [37]. Следовательно, для успешной профессиональной деятельности врачу не может быть достаточно того объема теоретических и практических знаний, который был получен в учебном заведении. Врач должен систематически пополнять и обновлять свои профессиональные знания, изучая специальную научную литературу, участвуя в медицинских семинарах и конференциях и т. д., то есть заниматься постоянным самосовершенствованием, которое «необходимо ему как одно из условий успешного врачевания» [38].

Более того, в соответствии с п. 3 ст. 73 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» [39] обязанность совершенствовать профессиональные знания и навыки имеет для врача не только этическую необходимость, но и правовое должностное.

С этих позиций трудно не согласиться с точкой зрения П. С. Чупрына о том, что «каждый медицинский работник (в т. ч. врач. – *Прим. авт.*) обязан в полном объеме обладать всеми необходимыми знаниями, соответствующими его профессиональной деятельности, которые определяются состоянием медицинской науки на современном этапе и соответствующими квалификационными требованиями, утвержденными Министерством здравоохранения России. При этом дипломированный специалист не может ссылаться на отсутствие тех или иных теоретических знаний, информации» [40].

Следовательно, в случае установления причинно-следственной связи между отсутствием у врача необходимых теоретических знаний, практических навыков и неблагоприятным результатом врачебного вмешательства имеет место добровольное заблуждение, вызванное недостатком знаний, полностью зависящее от воли врача. В этом случае, по нашему мнению, надлежит вести речь о врачебной ошибке, совершенной по вине врача.

Таким образом, причины врачебных ошибок, возникающих в ходе диагностических, лечебных, реабилитационных или профилактических мероприятий врача, для целей решения вопроса о возможности привлечения врача, их совершившего, к правовой ответственности, можно разделить на две группы. Критерием разграничения, по нашему мнению, необходимо обозначить фактор вины врача в возникновении неблагоприятного результата врачебных манипуляций.

Во-первых, это ошибки, вызванные объективно существующими обстоятельствами, которые вне зависимости от врача оказали существенное влияние на появление неблагоприятного результата врачебного вмешательства. В данном случае речь идет о ситуации, при которой врач действовал согласно разработанным в соответствии с современным уровнем медицинской науки стандартам и инструкциям, а добровольное заблуждение врача, вызвавшее врачебную ошибку, в свою очередь, явилось следствием обстоятельств, сложившихся независимо от воли врача.

И, во-вторых, врачебные ошибки, возникшие по субъективным причинам, при которых врач также действовал согласно разработанным в соответствии с современным уровнем медицинской науки стандартам и инструкциям. В подобной ситуации следует вести речь о наличии вины врача в неблагоприятном исходе врачевания.

Итак, в настоящее время врачебными ошибками признаются не только ошибки, возникшие независимо от воли врача (по объективным причинам), но и ошибки, в появлении которых есть вина врача, совершившего/не совершившего врачебную манипуляцию.

По нашему мнению, отнесение к врачебным ошибкам как невиновных, так и виновных действий/бездействия врача является излишне расширенным: «необоснованно относить к врачебной ошибке событие, повлекшее причинение вреда здоровью пациента или его смерть вследствие профессионального невежества, незнания или неумения врача, когда врач... мог и должен был обладать необходимыми знаниями, навыками, умениями и компетентностями исходя из его подтвержденного документально уровня подготовки и профессиональной квалификации» [41].

«Выступая совместно с виной, врачебная ошибка является основанием ответственности» [42], поэтому виновное причинение вреда должно иметь правовые последствия в виде привлечения виновного лица к публично-правовой ответственности.

В связи с этим считаем необходимым термином **«врачебная ошибка»** обозначать *действия/бездействие врача, в силу его добросовестного заблуждения повлекшие причинение вреда жизни (здоровью) пациента или недостижение положительного эффекта врачебных мероприятий при отсутствии вины врача.*

При этом ошибочные действия младшего и среднего медицинского персонала, равно как и ошибки при организации оказания медицинской помощи, считаем необходимым обозначить термином «медицинская ошибка», поскольку субъектом врачебного правоотношения может быть только врач, а не иные медицинские работники или медицинское учреждение.

Примечания

1. Мелянченко Н. Б. Качество медицинской помощи. Уточним смысл привычного понятия // Медицинский сайт MedLinks.ru 2000-2014. 24.11.2010. URL <http://www.medlinks.ru/article.php?sid=43191>

2. См., например: Панов А.В., Стибикина Ю.А. Обеспечение качества медицинской помощи // Правовые вопросы в здравоохранении. 2012. № 9. С. 42–47; Ситдикова Л. Б. Правовые критерии оценки качества медицинских услуг // Медицинское право. 2010. № 4. С. 22–26.

3. См., например: Радзинский В. Е. Акушерская агрессия. М.: Изд-во журнала StatusPraesens. 2011. С. 72.

4. Ст. 37 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.10.2014) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; Письмо Минздрава России от 30.04.2013 № 13-2/10/2-3113 «О применении стандартов и порядков оказания медицинской помощи». URL: <http://www.rosminzdrav.ru/documents/5521-pismo-minzdrava-rossii-ot-30-aprelya-2013-g-13-2-10-2-3113>

5. *Сергеев Ю. Д., Ерофеев С. В., Козырев В. А.* Ненадлежащее оказание медицинской помощи: социально-правовые аспекты проблемы // Адвокат. 1999. № 7. С. 33–37.
6. *Акопов В. И.* Проблема обоснованного риска в медицинской практике. Проблемы экспертизы в медицине. Ижевск: Изд-во «Экспертиза», 2001. С. 8–11.
7. *Русак А. Н.* Условия правомерности медицинского риска // Materiály X mezinárodní vědecko praktická konference «Moderní vymoženosti vědy – 2014», 27.01.2014 – 05.02.2014 г. Praha, 2014. S. 53-55.
8. *Понкина А. А.* Врачебная ошибка в контексте защиты прав пациентов / Кафедра правового обеспечения государственной и муниципальной службы МИГСУ РАНХиГС. М.: Консорциум специалистов по защите прав пациентов, 2012. С. 5.
9. *Акопов В. И., Карасова Ю. В.* Правовое регулирование профессиональной деятельности медицинского персонала: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 248; *Мирошниченко Н. В.* Причинение медицинскими работниками смерти и вреда здоровью пациентов: уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Пятигорск, 2007. С. 124.
10. *Ригельман Р. К.* Как избежать врачебных ошибок: Книга практикующего врача: пер. с англ. М.: Практика, 1994; *Бойко Ю. Г., Силяева Н. Ф.* Клинико-анатомический анализ врачебных ошибок. Минск: Высш. шк., 1994; *Купрюшин А. С.* Значение клинико-патоморфологического эпикриза для предупреждения ошибок в лечебно-диагностическом процессе // Медицинское право. IV квартал 2005. № 4. С. 22–26; *Маковецкая Г. А.* Врачебная ошибка (лекция) // Вопросы современной педиатрии. 2002. Т. 1. № 5. С. 63–67 и др.
11. *Мохов А. А., Мохова И. Н.* «Врачебная ошибка» как актуальная проблема судебной практики // Медицинское право. 2004. № 2. С. 57–58; *Сучков А. В.* Анализ дефиниций понятия «врачебная ошибка» с целью формулирования определения «профессиональные преступления медицинских работников» // Медицинское право. 2010. № 5. С. 45–50 и др.
12. *Стеценко С. Г.* Врачебная ошибка и несчастные случаи в практике работ учреждений здравоохранения: правовые аспекты // Эксперт-криминалист. 2006. № 2. С. 28–31.
13. *Пирогов Н. И.* Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М.: Медгиз, 1959. С. 13.
14. *Лейбович Я. Л.* Врачебные ошибки и незаконное врачевание // Судебная ответственность врачей: сб. ст. М.; Л.: Рабочий суд, 1926. С. 84–87.
15. *Давыдовский И. В.* Врачебные ошибки // Советская медицина. 1941. № 3. С. 3–10.
16. Большая медицинская энциклопедия / гл. ред. Б. В. Петровский. Изд. 3-е. [В 30 т.]. М.: Сов. энцикл., 1976. Т. 4. С. 442.
17. *Хохлова Е.* Ятрогения – это не врачебная ошибка // Медицинская газета. 01.07.2011. № 49. С. 10. URL: <http://sovotretorov.ru/files/sr/050711/1.pdf>
18. *Зайратьянц О., Кактурский Л., Верткин А., Вовк Е.* Болезни, порожденные врачом // Медицинская газета. URL: <http://www.mgzt.ru/№54-от-23-июля-2008г/болезни-порожденные-врачом>
19. *Стеценко С. Г.* Медицинское право: учебник. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 534.
20. *Ригельман Р. К.* Как избежать врачебных ошибок: Книга практикующего врача: пер. с англ. М.: Практика, 1994. С. 12.
21. *Пальчун В. Т.* Врачебные ошибки – классификация и предупреждение // Вестник оториноларингологии. 2008. № 1. С. 4–7.
22. *Старченко А. А.* Руководство по защите прав пациентов (застрахованных лиц). СПб.: Изд-во «Диалог», 2002. С. 32–33.
23. Ответственность за правонарушения в медицине: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / [О. Ю. Александрова и др.]. М.: Изд. центр «Академия», 2006. С. 167.
24. *Фролов Я. А., Канунникова Л. В., Фролова Е. В.* О правовых проблемах врачебной (медицинской) ошибки // Медицинское право. 2003. № 2. С. 22–23.
25. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Изд-во Оникс»: ООО «Изд-во «Мир и образование», 2008. С. 626.
26. *Стрелков Ю. К.* Ошибка человека. Концепция ошибки / ф-т психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.psy.msu.ru/science/public/strelkov/glava1.html>
27. *Рыков В. А.* О патологоанатомической экспертизе дефектов медицинской помощи и их правовых последствий // Проблемы экспертизы в медицине. 2002. Т. 2. № 5–1. С. 15–17.
28. *Лукьяненко Н. Я., Шойхет Я. Н.* Сравнительные аспекты врачебных ошибок в диагностике больных с пневмониями и центральным раком легких // Сибирский онкологический журнал. 2010. № 4 (40) С. 47–50.
29. *Баринов Е. Х., Ромодановский П. О., Черкалина Е. Н.* Атипичное расположение органа – причина врачебной ошибки // Судебно-медицинская экспертиза. 2012. № 3. С. 47.
30. Ургентный (от лат. urgens – срочный, неотложный) – термин, используемый в медицинской практике для характеристики требующих неотложной помощи состояний и самих мер неотложной помощи больному или пострадавшему. См.: Полный современный медицинский справочник / В. И. Бородулин, А. В. Бруенок, Ю. Я. Венгеров и др. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. С.1075.

31. Эльштейн Н. В. Диагностические ошибки интернистов. Общие аспекты // Русский медицинский журнал, 1998. Т. 6. № 1. С. 32–37.
32. Там же.
33. Лищук Н. Причины ошибок в ультразвуковой диагностике. URL: <http://www.infomednet.ru/obsledovaniy/30-obsledovaniya/215-prichiny-oshibok-v-ultrazvukovoj-diagnostike.html>
34. Соколов В. А., Карташов В. М., Пивень А. И. Рентгеновская продольная и компьютерная томография в диагностике и дифференциальной диагностике периферического рака легкого // Вестник рентгенологии и радиологии. 1996. № 4. С. 40–45.
35. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1: А–О. С. 470.
36. Лисюткин А. Б. Вопросы методологии исследования категории «ошибка» в правоведении. Саратов, 2001. С. 78.
37. Сергеев Ю. Д., Козлов С. В. Основные виды дефектов оказания медицинской помощи (по данным комиссионных судебных экспертиз) // Медицинское право. 2012. № 3. С. 35–38.
38. Бачинский О. Н., Бабкина В. И., Афанасьева Л. С., Оберная М. В., Волков В. А. Психологические аспекты влияния личности врача на лечебный процесс // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Курского государственного медицинского университета и 10-летию кафедры психологии и педагогики «Психологическое сопровождение лечебного процесса». Курск: Курск. гос. мед. ун-т, 2010. С. 33–38.
39. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.10.2014) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011 № 48. Ст. 6724.
40. Чупрына П. С. Уголовная ответственность медицинских работников за нарушение ими профессиональных обязанностей // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 143–145.
41. Понкина А. А. Врачебная ошибка в контексте защиты прав пациентов / кафедра правового обеспечения государственной и муниципальной службы МИГСУ РАНХиГС. М.: Консорциум специалистов по защите прав пациентов, 2012. С. 62.
42. Савицкая А. Н. Возмещение ущерба, причиненного ненадлежащим врачеванием. Львов: Вища шк., 1982. С. 188.

Notes

1. Melyanchenko N. B. *Kachestvo medicinskoj pomoshchi. Utochnim smysl privychnogo ponyatiya* [Quality of medical care. Check the meaning of familiar concepts] // Medical website MedLinks.ru 2000 2014. 24.11.2010. Available at: <http://www.medlinks.ru/article.php?sid=43191> (in Russ.)
2. See, for example: Panov A.V., Stibikina Y. A. *Obespechenie kachestva medicinskoj pomoshchi* [Ensuring quality of medical care] / *Pravovye voprosy v zdravooхранeniі* - Legal issues in health care. 2012, No. 9, pp. 42-47; Sidikova L. B. *Pravovye kriterii ocenki kachestva medicinskih uslug* [Legal criteria for assessing the quality of health services] // *Medicinskoe pravo* – Health law. 2010, No. 4, pp. 22-26.
3. See, for example: Radzinsky V. E. *Akusherskaya agressiya* [Obstetric aggression]. Moscow. Publishing house of journal StatusPraesens. 2011. P. 72.
4. Article 37 of the Federal law of 21.11.2011 No. 323-FZ (as amended on 28.10.2014) "About the fundamentals of health protection of citizens in the Russian Federation" // Resolves of Russian Federation. 2011, No. 48, article 6724; Letter of the Russian Ministry of health from 30.04.2013 No. 13-2/10/2 3113 "On the application of standards and procedures for the provision of health care." Available at: <http://www.rosminzdrav.ru/documents/5521-pismo-minzdrava-rossii-ot-30-aprelya-2013-g-13-2-10-2-311> (in Russ.)
5. Sergeev Y. D., Erofeev S.V., Kozyrev V.A. *Nenadlezhashchee okazanie medicinskoj pomoshchi: social'no pravovye aspekty problemy* [Inadequate health care: social and legal aspects of the problem] // *Advokat - Lawyer*. 1999, No. 7, pp. 33-37.
6. Akopov V.I. *Problema obosnovannogo riska v medicinskoj praktike. Problemy ehkspertizy v medicine* [Problem of reasonable risk in medical practice. The problem of expertise in medicine]. Izhevsk. "Ekspertiza" Publ. 2001. Pp. 8-11.
7. Rusak A. N. *Usloviya pravomernosti medicinskogo riska* [Conditions of validity of medical risk] // *Materiály X mezinárodní vědecko praktická konference "Moderní vymoženosti vědy - 2014"*, 27.01.2014 - 05.02.2014, Praha, 2014. Pp. 53-55.
8. Pankina A. A. *Vrachebnaya oshibka v kontekste zashchity prav pacientov* [Medical error in the context of the protection of patients' rights] / Department of legal support of state and municipal service of the IISSM RANESS. Moscow. Consortium of specialists on the protection of patients' rights. 2012. P. 5.
9. Akopov V.I., Karasova Y. V. *Pravovoe regulirovanie professional'noj deyatel'nosti medicinskogo personala: ucheb. posobie* [Legal regulation of professional activity of medical personnel: tutorial]. Rostov-na-Donu. Phenix. 2008. P. 248; Miroshnichenko N.V. *Prichinenie medicinskimi rabotnikami smerti i vreda zdorov'yu pacientov: ugovorno pravovye aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk* [Causing death and injury to patients by health workers: criminal legal aspects: dis. ... Cand. jurid. Sciences]. Pyatigorsk. 2007. P. 124.

10. Rigelman R. K. *Kak izbezhat' vrachebnyh oshibok: Kniga praktikuyushchego vracha* [How to avoid medical errors: Book of practitioner]: transl. from Eng. Moscow. Praktika. 1994; Boiko Y.G., Silyaeva N. F. *Kliniko anatomicheskij analiz vrachebnyh oshibok* [Clinical and anatomical analysis of medical errors]. Minsk. High school. 1994; Kuprishin A.V. *Znachenie kliniko patomorfologicheskogo ehpikriza dlya preduprezhdeniya oshibok v lechbeno diagnosticheskom processe* [The value of clinical and pathological epicrisis to prevent errors in the medical diagnostic process] // *Medicinskoe pravo - Medical law. The fourth quarter of 2005, No. 4*, pp. 22-26; Makovetskaya G.A. *Vrachebnaya oshibka (lekcija)* [Medical error (lecture)] // *Voprosy sovremennoj pediatrii - Problems of modern pediatrics. 2002, vol. 1, No. 5*, pp. 63-67, etc.
11. Mokhov A. A., Mokhova I.N. «Vrachebnaya oshibka» kak aktual'naya problema sudebnoj praktiki ["Medical error" as the actual problem of judicial practice] // *Medicinskoe pravo - Medical law. 2004, No. 2*, pp. 57-58; Suchkov A.V. *Analiz definicij ponyatiya «vrachebnaya oshibka» s cel'yu formulirovaniya opredeleniya «professional'nye prestupleniya medicinskih rabotnikov»* [Analysis of definitions of the term "medical error" for formulating a definition of "professional misconduct medical staff"] // *Medicinskoe pravo - Medical law. 2010, No. 5*, pp. 45-50 and other
12. Stetsenko S.G. *Vrachebnaya oshibka i neschastnye sluchai v praktike rabot uchrezhdenij zdruvoohraneniya: pravovye aspekty* [Medical error and accidents in the work of health care institutions: legal aspects] // *Ehkspert kriminalist - Expert-criminalist. 2006, No. 2*, pp. 28-31.
13. Pirogov N. I. Coll. of works in 8 vols. Vol. 2. Moscow. Medgiz. 1959. P. 13.
14. Leibovitch Y. L. *Vrachebnye oshibki i nezakonnoe vrachevanie* [Medical malpractice and illegal behavior] // *Sudebnaya otvetstvennost' vrachej - Legal liability of doctors: coll. of art. Moscow; Leningrad. Labour court. 1926. Pp. 84-87.*
15. Davydovsky I.V. *Vrachebnye oshibki* [Medical malpractice] // *Sovetskaya medicina - Soviet medicine. 1941, No. 3*, pp. 3-10.
16. *Bol'shaya medicinskaya ehnciklopediya - Great medical encyclopedia* / editor-in-chief B.V. Petrovsky. Ed. 3 E. [in 30 vols.]. Moscow. Sov. encycl. 1976. Vol. 4. P. 442.
17. Khokhlova E. *YAtrogeniya – eto ne vrachebnaya oshibka* [Iatrogeny is not a medical error] // *Medicinskaya gazeta - Medical newspaper. 01.07.2011, No. 49*, p. 10. Available at: <http://sovretrektorov.ru/files/sr/050711/1.pdf> (in Russ.)
18. Zairatians O., Kakturskiy L., Vertkin A., Vovk E. *Bolezni, porozhdennye vrachom* [Disease, generated by doctor] // *Medicinskaya gazeta - Medical newspaper. Available at: http://www.mgzt.ru/№-54-от-23-июля-2008г/болезни-порожденные-врачом* (in Russ.)
19. Stetsenko S.G. *Medicinskoe pravo: uchebnik* [Medical law: textbook]. SPb. Jurid. center Press. 2004. P. 534.
20. Rigelman R. K. *Kak izbezhat' vrachebnyh oshibok: Kniga praktikuyushchego vracha* [How to avoid medical errors: Book practitioner]: transl. from Eng. Moscow. Practice. 1994. P. 12.
21. Palchun V.T. *Vrachebnye oshibki – klassifikaciya i preduprezhdenie* [Medical errors - classification and prevention] // *Vestnik otorinolaringologii - Herald of otorhinolaryngology. 2008, No. 1*, pp. 4-7.
22. Starchenko A. A. *Rukovodstvo po zashchite prav pacientov (zastrahovannyh lic)* [Guidance on the protection of the rights of patients (insured persons)]. SPb. "Dialog" Publ. 2002. Pp. 32-33.
23. *Otvetstvennost' za pravonarusheniya v medicine - Responsibility for violations in medicine: textbook book for students of high school* / [O. Y. Alexandrova and others]. Moscow. Publ. center "Academiya". 2006. P. 167.
24. Frolov Y. A., Kanunnikova L.V., Frolova E.V. *O pravovyh problemah vrachebnoj (medicinskoj) oshibki* [On the legal problems of medical (health) error] // *Medicinskoe pravo - Medical law. 2003, No. 2*, pp. 22-23.
25. Dictionary of Russian language: approx. 53000 words / S. I. Ozhegov; under the general editorship of L. I. Skvortsov. 24 ed., corr. Moscow. LLC "Publishing house Onyx": LLC "Publishing house Mir I obrazovaniye". 2008. P. 626. (in Russ.)
26. Strelkov Y. K. *Oshibka cheloveka. Konceptiya oshibki* [The human error. The concept of error] / faculty of psychology of Moscow State University of M.V. Lomonosov. Available at: <http://www.psy.msu.ru/science/public/strelkov/glava1.html> (in Russ.)
27. Rykov V.A. *O patologoanatomicheskoy ehkspertize defektov medicinskoj pomoshchi i ih pravovyh posledstvij* [On postmortem examination of the defects of medical care and their legal implications] // *Problemy ehkspertizy v medicine - Problems of expertise in medicine. 2002, vol. 2, No. 5-1*, pp. 15-17.
28. Lukyanenko N. Y., Shaikhet Y. N. *Sravnitel'nye aspekty vrachebnyh oshibok v diagnostike bol'nyh s pnevmoniyami i central'nym rakom legkih* [Comparative aspects of medical errors in the diagnosis of patients with pneumonia and central lung cancer] // *Sibirskij onkologicheskij zhurnal - Siberian Oncology journal. 2010, № 4 (40)*, pp. 47-50.
29. Barinov E. H., Romodanovsky P. O., Cherkalina E. N. *Atipichnoe raspolozhenie organa – prichina vrachebnoj oshibki* [Atypical location of the body is the cause of a medical error] / *Sudebno medicinskaya ehkspertiza - Forensic medical examination. 2012, No. 3*, p. 47.
30. Urgent (from lat. urgens - emergency) - a term used in medical practice for the characterisation of emergency conditions and the measures emergency care to sick or injured. See: Full modern medical guide / V.I. Borodulin, A. C. Bruenok, Y. Y. Vengerov and others. Moscow. RIPOL CLASSIC. 2002. P. 1075.

31. Elshtein N. V. *Diagnosticheskie oshibki internistov. Obshchie aspekty* [Diagnostic errors of internists. General aspects] // *Russkij medicinskij zhurnal - Russian medical journal*. 1998, vol. 6, No. 1, pp. 32-37.
32. Ibid.
33. Lishchuk N. *Prichiny oshibok v ul'trazvukovoj diagnostike* [The causes of the errors in the ultrasound diagnostics]. Available at: <http://www.infomednet.ru/obsledovaniy/30-obsledovaniya/215-prichiny-oshibok-v-ultrazvukovoj-diagnostike.html> (in Russ.)
34. Sokolov V. A., Kartashov V. M., Piven A. I. *Rentgenovskaya prodol'naya i komp'yuternaya tomografiya v diagnostike i differencial'noj diagnostike perifericheskogo raka legkogo* [X-ray longitudinal and computed tomography in the diagnosis and differential diagnosis of peripheral lung cancer] // *Vestnik rentgenologii i radiologii - Journal of roentgenology and radiology*. 1996, No. 4, pp. 40-45.
35. Efremova T. F. *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo slovoobrazovatel'nyj* [New dictionary of the Russian language. Explanatory word-formation]. Moscow. Rus. yaz. 2000. Vol. 1: A-O. P. 470.
36. Lisutkin A. B. *Voprosy metodologii issledovaniya kategorii «oshibka» v pravovedenii* [Methodological issues in the study of the category of "error" in the law]. Saratov. 2001. P. 78.
37. Sergeev, Y. D., Kozlov S. V. *Osnovnye vidy defektov okazaniya medicinskoj pomoshchi (po dannym komissionnyh sudebnyh ehkspertiz)* [Main types of defects of medical care (according to the Commission of forensic)] // *Medicinskoe pravo - Medical law*. 2012, No. 3, pp. 35-38.
38. Bachinsky O. N., Babkina V.I., Afanasyeva L.S., Obernaya M.V., Volkov V.A. *Psihologicheskie aspekty vliyaniya lichnosti vracha na lechebnyj process* [Psychological aspects of influence of the doctor's personality in the healing process] // *Materialy Vserossijskoj nauchno prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 75 letiyu Kurskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta i 10 letiyu kafedry psihologii i pedagogiki «Psihologicheskoe soprovozhdenie lechbnogo processa»*- Proceedings of all-Russian scientific-practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Kursk state medical University and the 10th anniversary of the Department of psychology and pedagogy "Psychological support in the treatment process". Kursk. Kursk State Med. University. 2010. Pp. 33-38.
39. Federal law of 21.11.2011 No. 323-FZ (as amended on 28.10.2014) "About the fundamentals of health protection of citizens in the Russian Federation" // Resolves of Russian Federation. 2011, No. 48, Article 6724. (in Russ.)
40. Chupryna P.F. *Ugolovnaya otvetstvennost' medicinskih rabotnikov za narushenie imi professional'nyh obyazannostej* [Criminal responsibility of medical workers for violation of their professional duties] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta - Herald of Tomsk State University*. 2009, No. 320, pp. 143-145.
41. Pankina A. A. *Vrachebnaya oshibka v kontekste zashchity prav pacientov* [Medical error in the context of the protection of patients' rights] / Department of legal support of state and municipal service of the IISSM RANESS. Moscow. Consortium of specialists on the protection of patients' rights. 2012. P. 62.
42. Savitskaya A. N. *Vozmeshchenie ushcherba, prichinennogo nenadlezhashchim vrachevaniem* [Damages caused by improper healing]. Lvov. Вища шк. 1982. P. 188.

УДК 348.97

Л. Т. Гайсина, А. Д. Нуриев

«Маджалла» в истории мусульманского права

Во второй половине XIX в. в Османской империи назрела необходимость кардинального пересмотра действующего в стране законодательства, регулируемого нормами исламского права, и по этой причине султанский двор пошел на беспрецедентные по своей масштабности реформы в области правосудия. В статье рассматривается первый в истории мусульманского права гражданский кодекс, который именовался «Маджалла» и был принят в течение 1868–1878 гг. Авторами анализируется процесс подготовки и принятия «Маджаллы» и раскрываются особенности данного документа. В статье прослеживается связь «Маджаллы» с основными положениями ханафитской правовой школы, а также подчеркивается важность исследования данного гражданского кодекса для российской юридической науки.

In the second half of the XIX century in the Ottoman Empire there was a need for a radical revision of the existing national legislation, regulated by the norms of Islamic law, and for this reason the Sultan's court took the unprecedented by its scale reforms in the area of justice. The article considers the first civil code in the history of Islamic law, which was called «Mecelle» and adopted within 1868–1878. The authors analyze

the process of preparation and adoption of «Mecelle» and the specific features of this document. The form of connections between «Mecelle» and the main provisions of the Hanefi law school is defined in the article. Also the authors emphasize the importance of study of the civil code by the russian law scientists.

Ключевые слова: «Маджалла», Османская империя, гражданское право, мусульманское право, гражданское процессуальное право, ханафизм, Ахмет Джевдет Паша, традиции и обычаи.

Keywords: “Mecelle”, the Ottoman Empire, civil law, Islamic law, civil procedure law, hanafism, Ahmet Cevdet Pasha, traditions and customs.

Как известно, Османская империя в XIX в. представляла собой слабеющую, теряющую свои территории страну. «Больной человек Европы» – именно так назвал своего бывшего основного конкурента на международной арене российский император Николай I. Но увядающая Порта переживала нелегкие времена не только в сфере взаимоотношений со своими бывшими соперниками. Отставание экономического и технического развития империи от стран Западной Европы, усиление оппозиционных настроений, прежде всего проевропейской и левацкой направленности внутри страны, неспособность экономики к индустриализации и, как следствие, усиливающаяся зависимость от европейских держав – все это подталкивало правящий режим к проведению реформ в стране, в том числе и в области права. Одним из прорывов в сфере правотворчества в рассматриваемый отрезок считается поэтапное принятие в 1868–1878 гг. «Маджаллы» – первого в истории мусульманского права гражданского кодекса, который, как констатируют специалисты, во многом способствовал пусть кратковременной, но все же стабилизации в социальной и экономической жизни империи.

Специалисты, изучающие законотворчество в Османской империи, выделяют несколько причин, подтолкнувших султана Абдулазиза (1830–1876) пойти на реформирование существующей системы правосудия. Основным фактором считается внешнеполитический. «Англия, Австрия (с 1867 г. Австро-Венгрия), Франция и Россия открыто или завуалированно выражали недовольство тем, что христианское население Османской империи не было включено в единое правовое пространство с мусульманским большинством, и как следствие, подталкивали султанский двор к пересмотру проводимой внутренней политики с учетом интересов немусульманского населения» [1]. Считается, что особых успехов на данном поприще добилось французское посольство в Стамбуле, имевшее прямой выход к султанскому двору. Необходимо учесть, что в рассматриваемый отрезок времени влияние Парижа из всех европейских столиц на Стамбул было наиболее сильным. «Французы на протяжении нескольких лет навязывали султану принятие гражданского кодекса, который бы во многом копировал французский аналог и, многим казалось, что им удастся добиться желаемого» [2].

Необходимо также добавить, что к реформированию национального законодательства правящий режим подтолкнули и внутренние факторы, основным из которых было несоответствие между положениями целого ряда законодательных актов, действующих в империи. Юридическая коллизия, наблюдавшаяся во многих областях гражданского, уголовного и процессуального законодательства, не позволяла османскому обществу эффективно развиваться. Например, шариатские суды, регламент функционирования которых не был прописан на национальном уровне, во многом дублировали светские суды. Однако в процессе вынесения вердиктов шариатские суды опирались на устаревшие, относящиеся к эпохе раннего средневековья положения мусульманского права. «Кассационные, торговые и военные суды, несмотря на то, что в принятии своих решений стали учитывать опыт европейских коллег, не могли полностью отказаться от прежней практики апеллирования к нормам фикха (фикх представляет собой процессуальное исламское право. – Прим. авторов), что порождало путаницу на всем правовом поле империи» [3].

Помимо этого укрепление привилегированного положения в стране ханафитской правовой школы, имеющей свои особенности, также требовало пересмотра системы правосудия. Например, как известно, ханафиты, в отличие от представителей других правовых школ, активно использовали в правоприменительной практике в качестве источника права *традиции* и *обычаи*, которые, соответственно, со временем трансформировались в отдельные правовые нормы [4]. В течение длительного времени *традиции* и *обычаи* того или иного региона утратили свою актуальность, однако оформившиеся юридические положения продолжали действовать, что порождало определенные препятствия в деле унификации правового поля Османской империи. Более того, ханафизм в рассматриваемый отрезок времени представлял из себя уже достаточно разрозненное, неоднородное правовое течение. Некоторые правоведы, причисляя себя к ханафитам, в своих воззрениях выходили далеко за рамки классического учения. Данное обстоятельство также тре-

бывало пересмотра правовой доктрины Османской империи, в том числе и в той ее части, которая регулировала имущественные отношения граждан страны.

Благодаря всем вышеперечисленным факторам в правящей элите Османской империи к середине XIX в. сложилось понимание того, что гражданское право в стране должно быть пересмотрено, его положения кодифицированы и зафиксированы в виде нового закона. В этих условиях, как отмечают исследователи, в среде правоведов-реформаторов сложились два условных лагеря, представители которых имели свое видение дальнейшего развития гражданского права в Османской империи. Первую группу юристов возглавлял известный в империи политический деятель и глава кабинета министров империи Мехмед Эмин Али Паша (1815–1871). Его сторонники считали, что Османская империя нуждается в новом гражданском кодексе, который бы максимально соответствовал французскому образцу. Считается, что ярко выраженный прозападный вектор был свойственен взглядам реформаторам данного лагеря. Сторонники второй группы юристов, которую возглавлял глава Верховного суда страны Ахмет Джевдет Паша (1822–1895), выступали категорически против копирования французского законодательства, считая, что в новом кодексе нужно объединить все прогрессивные, не тормозящие развитие страны положения из классических исламских законодательных актов с нововведениями из европейских источников. После достаточно длительных и утомительных тайных переговоров сторонники продолжения мусульманской правовой традиции получили поддержку султанского двора.

В 1868 г., сформированная согласно султанскому указу Комиссия по составлению гражданского кодекса, которую возглавил Ахмет Джевдет Паша, приступила к своей работе. В состав Комиссии вошли четырнадцать авторитетных в Османской империи специалистов в области гражданского права. Все реформаторы были хорошо известны ученому сообществу и политической элите страны, многие из них занимались преподавательской деятельностью и являлись авторами юридических трудов. Первоначально заседания Комиссии проходили в здании Высшего суда Османской империи, однако в последние годы своей работы члены Комиссии собирались в Центральном муфтияте. Согласно принятому регламенту работы Комиссии, подготовленный текст каждого раздела кодекса направлялся на согласование в кабинет министров, и уже после обсуждения в данном органе его оправляли на подпись к султану. После того как султан, получив положительные отзывы от своих советников, подписывал документ, принятый закон рассылался во все компетентные органы, в том числе в гражданские и шариатские суды. В тех случаях, когда документ «застревал» на уровне кабинета министров или в султанском дворце по причине отсутствия консенсуса между обсуждающими сторонами, текст закона направлялся на экспертизу в Центральный муфтият [5].

Процесс обсуждения принимаемых законодательных актов не был простым. Известно, что многие положения становились предметом дискуссий и споров в кругу специалистов в области исламского гражданского права. Так, например, эксперты в течение длительного времени не могли прийти к компромиссу в вопросе о том, должен ли быть расторгнут договор аренды, заключаемый между физическими лицами, в случае смерти арендодателя. Как известно, в данной ситуации сдаваемое в аренду движимое и недвижимое имущество переходило к наследнику, сам процесс наследования регулировался нормами мусульманского законодательства. Однако в среде мыслителей-правоведов прошлого, когда складывались основы рассматриваемой нами системы правосудия, представители различных правовых школ подходили к решению данного вопроса по-разному. Приверженцы ханафитского течения, которое, согласно принятому решению в султанском дворе, должно было быть взято за основу создаваемого гражданского кодекса, считали, что договор аренды в случае смерти арендодателя однозначно теряет свою легитимность. Сторонники других суннитских и шиитских школ придерживались мнения, что договор аннулированию не подлежит, а статус арендодателя принимает то физическое лицо, которое получило в наследство сдаваемое в аренду имущество. В виду того что среди экспертов, привлеченных как со стороны кабинета министров, так и со стороны султанского двора, не удалось найти единомыслия по данному вопросу, новый кодекс не оговаривал спорное положение. Тем не менее ввиду доминирования на правовом поле Османской империи ханафитского течения, на практике подобные договора стали аннулировать. И лишь в 1914 г., в тот период, когда, как известно, юристами Османской империи стало критически оцениваться доминирование положений ханафитской правовой школы в национальном законодательстве, было принято решение о сохранении условий договора аренды в случае смерти одной из сторон.

«Маджалла» – достаточно объемный по своей содержательности документ, состоявший из шестнадцати книг. Книги соответственно делились на разделы, которые были разбиты на статьи, в современном понимании этого слова. Всего же гражданский кодекс Османской империи включал в себя 1851 статью. «Маджалла» регулировала многие стороны правовой жизни граждан

Османской империи, включая в себя вопросы торговли и предпринимательства, арендных и других договорных отношений, регистрации коммерческих и некоммерческих юридических лиц, трудовых отношений и т. д.

Исследователи выделяют три достаточно интересные особенности данного гражданского кодекса. Во-первых, последняя книга была посвящена регулированию гражданского процессуального законодательства. Это объясняется тем, что в рассматриваемый отрезок времени процессуальная часть гражданского права в стране еще не была разработана. По этой причине реформаторы, составлявшие текст «Маджаллы», решили одновременно с принятием кодекса ликвидировать данный недостаток.

Во-вторых, «Маджалла» проигнорировала правовые вопросы, связанные с регулированием семейной жизни, заключением и расторжением брака, а также с механизмами наследования имущества. Дело в том, что жизнь семьи, заключение и расторжение брака, а также механизм передачи материальных и иных ценностей из поколения в поколение составляли тот комплекс вопросов, который наряду с сохранением культурных основ религии и гарантии частной собственности образовывал фундамент исламского цивилизационного кода, заложенного еще в период раннего Средневековья в годы зарождения и становления мусульманского метакультурного пространства. Учитывая сакральность института семьи и принципов наследования имущества в жизни общины, основы данных сторон правовой жизни общества практически не подлежали реформированию в рассматриваемый отрезок времени.

В-третьих, примечателен тот факт, что авторы «Маджаллы» при подготовке закона акцентировали особое внимание на таком источнике права, как *традиции* и *обычаи*. Напомним, что апеллирование к данному источнику права было характерно для маликитской и ханафитской правовых школ, причем ханафиты возвели *традиции* и *обычаи* до уровня основного источника права, к которым также причислялись Коран, Сунна, иджма и кияс [6]. Считается, что именно благодаря прозорливости основоположников ханафизма данное течение в исламском праве получило широкое распространение, что позволило ему закрепиться и на северных широтах Евразии. Положение о *традициях* и *обычаях* нашло свое отражение в нескольких статьях «Маджаллы». Так, статья 45 включала в себя норму, гласившую, что «традиции и обычаи могут выступать инструментом несха». Напомним, что несх в исламской правовой традиции – это механизм отказа от одной правовой нормы в двух главных источниках классического исламского права, которыми считались Коран и Сунна, в пользу другой нормы, также взятой из данных источников [7]. Таким образом, реформаторы в корне пересмотрели то место и роль, которую играл рассматриваемый источник права в исламской правовой доктрине, возведя его статус до двух важнейших источников права, что, безусловно, выглядело в данную эпоху смело и новаторски. Добавим, что в статье 37 «Маджаллы» говорилось о том, что обычаи могут считаться самостоятельными нормами права, а статья 43 открыто гласила, что «общепризнанный обычай принимается за основу при принятии решения о наказании» [8].

Безусловно, «принятие первого в истории мусульманского права гражданского кодекса представляло собой прорыв в деле совершенствования исламской системы правосудия», что признается исследователями мусульманского права [9]. Тем не менее с момента начала поэтапного принятия «Маджаллы» в адрес данного закона начали звучать скептические и даже критические ноты. Некоторые юристы считали, что документ был лишен строгой, логически осмысленной конструкции, некоторые положения повторяли друг друга, отдельные нормы вступали друг с другом в противоречие. Звучали критические отзывы и в адрес составителей «Маджаллы». Их обвиняли в том, что ими не были учтены другие правовые школы, также не утратившие свое значение на территории Османской империи. Напомним, что в Аравии на практике широко применялись нормы и положения чрезвычайно консервативной ханбалитской правовой школы, в странах Магриба на протяжении веков был актуален маликизм, иракские суды отдавали предпочтение суннитскому шафиизму. Считается, что игнорирование конкурирующих с ханафизмом правовых школ только ускорило распад Османской империи. Позднее, при правительстве младотурков жесткая линия на доминирование ханафизма будет пересмотрена, однако новый подход в формировании правового поля страны уже не спасет страну от внутренних противоречий. Добавим, что критике подверглось также игнорирование Комиссией вопросов семейного и наследственного права.

Нельзя сказать, что султанский двор, а также несколько позднее сформировавшие свое правительство младотурки и, тем более, нацеленные на секуляризацию национального правосудия кемалисты не учитывали критические отзывы в адрес «Маджаллы». Первые корректировки начались вноситься в кодекс еще до издания последней книги. Как подчеркивают исследователи, данные исправления были нацелены прежде всего на включение в закон положений других

школы, которые не противоречили ханафизму. 9 мая 1916 г. правительство младотурков сформировало Комиссию по составлению и внесению дополнений, регулирующих брачно-семейные отношения. Однако эта инициатива закончилась тем, что в 1917 г. был принят отдельный «Семейный кодекс» [10]. Уже после поражения Османской империи в Первой мировой войне в 1921 г. султанским двором была сформирована Комиссия, перед которой основной задачей ставилась модернизация «Маджаллы» с учетом научно-технических достижений того времени. Так, например, в текст кодекса вошли понятия «телефон» и «телеграф» [11]. Следующая комиссия, сформированная в мае 1923 г., занималась корректированием той части кодекса, которая регулировала ее процессуальную часть. Как известно, после провозглашения Турецкой республики законодательство, оставшееся в наследство от Османской империи, стало в спешном порядке пересматриваться [12]. 17 февраля 1926 г. был принят новый гражданский кодекс, во многом опирающийся на швейцарский аналог. Данный кодекс вошел в правоприменительную практику 4 октября того же года, полностью вытеснив «Маджаллу» из правового поля страны.

В последнее время в российском правоведении оживились дискуссии о том, возможно ли построение правового государства в рамках исламской системы правосудия. Ряд специалистов рассматривает современную Турецкую республику в качестве доказательства возможности синтетизации демократических и мусульманских начал в едином правовом пространстве. «Турция – единственная в мусульманском мире страна, которая впервые и больше всех традиционные мусульманские государственно-правовые порядки модернизировала по опыту и подобию европейских стран» [13]. В качестве доказательства приводятся достижения Анкары и в области конституционных реформ, и в сфере претворения в жизнь принципов лаицизма, и на международной арене. В связи с этим нам хочется особенно подчеркнуть, что все безусловные достижения турецкого государства на пути построения современного демократического государства являются не чем иным как результатом многовекового доминирования ханафитской правовой школы в тюркском мире, в том числе и в Османской империи, где данная школа приобрела статус официальной. Как справедливо подчеркивают российские исследователи мусульманского права, ханафизм был теоретизирован и развит основоположниками из раннесредневекового Багдада исходя из потребности экспансии Арабского халифата именно в северо-восточном направлении, основное население которого состояло из кочевников и тех народов, уклад жизни которых разительно отличался от арабского в период господства династии Аббасидов [14]. Как следствие, в исламском праве возникла гибкая, учитывающая *традиции* и *обычаи* иных этнических групп, готовая к диалогу и компромиссу новая правовая школа, которая удачно вписалась в мир тюрка-кочевника. Заметим, эта же правовая школа во многом определяет основные тенденции и в тех трансформациях, которые происходят на Ближнем Востоке в настоящее время. Безусловно, подготовка и принятие «Маджаллы» стали своего рода логическим продолжением в цепочке тех событий, которые и определили тренд эволюции ханафитской правовой школы, что еще раз доказывает актуальность исследования поставленного вопроса отечественными правоведами.

Примечания

1. *Karaman H.* Islam hukuk tarihi. İstanbul: İz yayıncılık, 2012. С. 309.
2. Там же. С. 310.
3. Там же.
4. *Миннихметов Р. А.* Ханафитская школа в исламском праве // Правовое государство: теория и практика. 2014. №2. С. 74-80.
5. *Karahasanoğlu C.* Mecelle-i Ahkam-ı Adliyye'nin yürürlüğe girişi ve Türk hukuk tarihi bakımından önemi // Ankara üniversitesi Osmanlı tarihi araştırma ve uygulama merkezi dergisi. 2011. № 2. С. 95.
6. *Миннихметов Р. А.* К вопросу об основных источниках мусульманского права и их систематизации // Евразийский гуманитарный форум. 2013. № 1. С. 20–27.
7. *Миннихметов Р. А., Нуриев Б. Д.* История мусульманского права. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 12.
8. *Karahasanoğlu C.* Указ. соч. С. 112.
9. *Karaman H.* Указ. соч. С. 308.
10. *Миннихметов Р. А., Нуриев Б. Д.* Указ. соч. С. 90.
11. *Karaman H.* Указ. соч. С. 317.
12. *Нуриев Б. Д.* Конституция Турции 1921 г. // Евразийский гуманитарный форум. 2013. № 1. С. 90–94.
13. *Раянов Ф. М.* Турция на пути к правовому государству // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 2. С. 89.
14. *Миннихметов Р. А., Нуриев Б. Д.* Указ. соч. С. 39–51.

Notes

1. Karaman H. *Islam tarihi the*. Istanbul: Iz yayıncılık, 2012. P. 309.
2. Ibid. P. 310.
3. Ibid.
4. Minniakhmetov R. A. *Hanafitskaya shkola v islamskom prave* [Hanafi school of Islamic law] // *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* - Legal state: theory and practice. 2014, No. 2, pp. 74-80.
5. Karahasanoğlu C. *Mecelle i Ahkam ı Adliyye'nin yürürlüğe girişi ve Türk tarihi the the önemi* // *Ankara üniversitesi Osmanlı tarihi araştırma ve uygulama merkezi dergisi*. 2011. No. 2. S. 95.
6. Minniakhmetov R. A. *K voprosu ob osnovnyh istochnikah musul'manskogo prava i ih sistematizacii* [To the question about the main sources of Islamic law and their systematization] // *Evrazijskij gumanitarnyj forum* - Eurasian humanitarian forum. 2013, No. 1, pp. 20-27.
7. Minniakhmetov R. A., Nureyev B. D. [History of Islamic law]. Ufa. AIC of BashSU. 2014. P. 12.
8. Karahasanoğlu C. *Op. cit.* P. 112.
9. Karaman H. *Op. cit.* P. 308.
10. Minniakhmetov R. A., Nureyev B. D. *Op. cit.* P. 90.
11. Karaman H. *Op. cit.* P. 317.
12. Nureyev B. D. *Konstituciya Turcii 1921 g.* [Turkish Constitution of 1921] // *Evrazijskij gumanitarnyj forum* - Eurasian humanitarian forum. 2013, No. 1, pp. 90-94.
13. Rayanov F. M. *Turciya na puti k pravovomu gosudarstvu* [Turkey on the way to the jural state] // *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* - Legal state: theory and practice. 2014, No. 2, p. 89.
14. Minniakhmetov R. A., Nureyev B. D. *Op. cit.* Pp. 39-51.

УДК 342

И. Н. Рычкова

**Правовое регулирование услуг,
которые являются необходимыми и обязательными
для предоставления государственных услуг**

Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» при регулировании услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления государственных и муниципальных услуг, вводит новую для российской правовой доктрины категорию. На сегодняшний день легальное определение необходимых и обязательных услуг отсутствует, а существующее правовое регулирование носит рамочный, фрагментарный характер, что существенно затрудняет формирование точного представления о предмете обсуждения. Интересно, что при неутрачивающем обсуждении на научной арене категории «государственная услуга» анализу необходимых и обязательных услуг не уделяется практически никакого внимания. С одной стороны, это объясняется объективными факторами, поскольку первоочередной задачей является изучение исходной правовой категории, иначе может быть искажена суть вторичных понятий. С другой стороны, предписанная законом обязанность утверждения перечней необходимых и обязательных услуг не позволяет откладывать вопрос научной проработки данного понятия на перспективу. В настоящей статье предлагается сформулировать его дефиницию с учетом имеющихся проблем правоприменения.

The federal law of 27.07.2010 No. 210-FZ "About the organization of providing the state and municipal services" at regulation of services which are necessary and obligatory for providing the state and municipal services, enters category, new to the Russian legal doctrine. Today legal definition of necessary and obligatory services is absent, and the existing legal regulation has frame, fragmentary character that significantly complicates formation of exact idea of a subject of discussion. It is interesting that at unceasing discussion on the scientific arena of the category "state service", to the analysis of necessary and obligatory services it isn't paid almost any attention. On the one hand, it is explained by objective factors as a priority is studying of initial legal category, differently the essence of secondary concepts can be distorted. On the other hand, the duty of the approval of lists of necessary and obligatory services ordered by the law doesn't allow to postpone a question of scientific study of this concept for prospect. In the present article it is offered to formulate concept of necessary and obligatory services and the conclusion about need of improvement of legal regulation taking into account the available right application problems is drawn.

Ключевые слова: услуги, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления государственных услуг; правоподтверждающие юридические факты; организации, участвующие в предоставлении услуг.

Keywords: services which are necessary and obligatory for providing the state services; the right confirming legal facts; the organizations participating in rendering of services.

Очевидно, что введение в российскую правовую науку и законодательство понятия государственной услуги не является самоцелью.

Понятие государственной услуги было введено как базовое понятие для дифференциации функций органов исполнительной власти, в процессе реализации которых законодательно устанавливаются дополнительные гарантии прав заявителей и корреспондирующие им обязанности органов государственной власти. Тем самым создается особый правовой режим регулирования данных административных правоотношений, при котором максимально нивелируется превосходство властной (административной) стороны, а сами административные процедуры становятся открытыми и понятными для граждан.

Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [1] (далее – Федеральный закон № 210-ФЗ) позволяет нам говорить о том, что достижение такой глобальной цели связано с реализацией целого комплекса мер, среди которых – регулирование услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления государственных и муниципальных услуг (далее – необходимые и обязательные услуги).

Эта категория обращает на себя внимание при анализе норм Федерального закона № 210-ФЗ, хотя ей посвящена только одна статья. С лингвистической точки зрения нетрудно догадаться, что речь идет о так называемых «сопутствующих» услугах. Что же они представляют собой с точки зрения права и каковы пределы их регулирования?

Анализ существующих перечней необходимых и обязательных услуг свидетельствует о разобщенности и разнообразии подходов при их формировании. Они настолько отличаются друг от друга количественно и содержательно, что судить о понятии необходимых и обязательных услуг как таковых можно лишь относительно.

Статья 9 Федерального закона № 210-ФЗ «Требования к взиманию с заявителя платы за оказание услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления государственных и муниципальных услуг» раскрывает сущность необходимых и обязательных услуг очень тезисно. Она определяет:

1. Обязательность утверждения нормативными правовыми актами перечней услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления государственных услуг и предоставляются организациями, участвующими в предоставлении государственных услуг.

2. Платность данных услуг только в случаях, предусмотренных федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, субъектов Российской Федерации.

3. Запрет требовать от заявителя обращения за оказанием услуг, не включенных в перечни необходимых и обязательных услуг, а также предоставления документов, выдаваемых по результатам оказания таких услуг.

Составить несколько более полное представление о сущности необходимых и обязательных услуг позволила Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011 – 2013 гг., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 10.06.2011 № 1021-р (далее – Концепция) [2]. Здесь изложена проблематика, позволяющая определить смысловую нагрузку регулирования процедур, связанных с обращением заявителей в различные организации для получения документа, требуемого органом исполнительной власти для предоставления услуги. Как указано в Концепции, организации часто используют непрозрачные механизмы ценообразования на услуги, необходимые для предоставления государственных и муниципальных услуг, и занимают монопольное положение на рынке оказания услуг, что создает возможность злоупотребления данными полномочиями. Основным инструментом решения указанных проблем видится формирование перечней услуг, необходимых и обязательных для предоставления государственных и муниципальных услуг. При формировании указанных перечней согласно Концепции применяются следующие принципы:

1. Перечни включают как услуги, оказываемые бесплатно для заявителя, так и услуги, оказываемые за счет средств заявителя.

2. Перечни не включают услуги по выдаче документов и предоставлению информации, находящихся в распоряжении органов, предоставляющих государственные услуги, и органов, пре-

доставляющих муниципальные услуги, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций.

3. Перечни включают услуги, оказываемые всеми организациями вне зависимости от их организационно-правовой формы.

4. Услуги могут быть платными для заявителя только в том случае, если это предусмотрено федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Собственно говоря, все вышеприведенное исчерпывает нормативный материал по вопросу понятия необходимых и обязательных услуг. В дополнение к этому существует еще один рекомендательный документ – Методические рекомендации по формированию перечней необходимых и обязательных услуг, одобренные Правительственной комиссией по проведению административной реформы (далее – Методика) [3], которые будут использованы нами при дальнейшем анализе.

В силу новизны данной категории отечественная теоретико-правовая наука не располагает монографическими исследованиями, в которых вопросам необходимых и обязательных услуг отводилось бы место самостоятельного, специального научного исследования. В научной литературе предпринимаются только отдельные попытки изучения сущности необходимых и обязательных услуг в правовом поле. Так, Е. А. Григорьева полагает целесообразным рассматривать последние как перечень **юридически значимых действий**, направленных на сбор и предоставление необходимых **документов, устанавливающих, изменяющих или прекращающих права конкретных субъектов**, которые являются обязательными для представления государственных и муниципальных услуг [4].

Позволим себе не согласиться с указанным утверждением в полной мере, а именно: в части интерпретации автором понятия юридически значимых действий.

Действительно, исходя из самой сути необходимых и обязательных услуг совершенно логично следует, что данные услуги являются юридически значимыми действиями, поскольку обращение за их получением предопределяется волевой направленностью на достижение определенного правового результата (получения государственной услуги). Однако вытекающее из этого обращение к теории юридических фактов требует уяснения того, что, собственно, следует понимать под понятием «юридический факт». И здесь необходимо хотя бы кратко проанализировать дефиниции, встречающиеся в современной литературе. Точки зрения авторов относительно данного явления условно можно разделить на две.

Первая группа ученых связывает юридический факт с динамикой правового отношения. Это наиболее распространенное определение юридического факта, когда под ним понимаются определенные жизненные обстоятельства, наступление которых вызывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений (субъективных прав и обязанностей участников) [5]. Подобный подход мы видим и у Е. А. Григорьевой при определении необходимых и обязательных услуг.

Сторонники второй точки зрения придают более широкое значение юридическим фактам в правовом регулировании, что, на наш взгляд, является более правильным. Отмечается, что юридические факты не всегда соотносятся с правоотношением. Они могут быть предпосылкой приобретения правосубъектности [6] или выступать в качестве фактов-доказательств, поскольку очевидно, что «существуют такие юридические факты, которые, не прибавляя ничего с фактической стороны, могут привести нечто со стороны юридической» [7].

Представляется, что в рамках данной полемики заслуживает внимания поддержка позиции, что «целесообразно также выделить правоподтверждающие юридические факты как самостоятельный вид. К их числу можно отнести нотариальные действия, административные акты, поскольку действия компетентных государственных органов и должностных лиц лишь свидетельствуют о наличии и отсутствии права у лица в силу иных фактических обстоятельств» [8]. Следует согласиться, что если рассматривать каждый правовой акт под углом «фактической прибавки», то необходимо будет отрицать юридическое значение за теми актами, принадлежность которых к юридическим фактам никем еще не оспаривалась. Например, нужно будет отвергнуть значение юридического факта за действиями нотариуса, удостоверяющего подлинность копии документа, ибо он ничего с «фактической стороны» к имеющемуся до его издания не прибавляет, но без их совершения правоотношение не возникнет (изменится, прекратится).

Относительно категории необходимых и обязательных услуг теоретические разработки в сфере юридических фактов приобретают конкретные видовые особенности. Известно, что в зависимости от способности самостоятельно или в определенной законом совокупности порождать правовые последствия юридические факты можно подразделить на самостоятельные и несамостоятельные. Если для возникновения правового последствия достаточно одного юридически значимого факта, то его следует считать самостоятельным. В тех случаях, когда правовое

последствие может быть порождено двумя и более юридически значимыми обстоятельствами, перед нами несамостоятельные юридически значимые факты [9].

Еще одно уточнение можно сделать по способу их объективирования. В зависимости от формы выражения вовне юридические факты делят на оформленные и неоформленные. В первом случае конкретная жизненная ситуация не может быть признана юридическим фактом без надлежащей фиксации [10], во втором случае это не требуется. Говоря о необходимых и обязательных услугах, мы, конечно же, имеем в виду (применительно к процедуре предоставления государственных услуг):

несамостоятельные юридические факты, поскольку обязательным условием начала процедуры предоставления государственных услуг является наличие запроса заявителя;

объективированные юридические факты, т. е. выраженные в документе.

В соответствии с ГОСТ Р 7.0.8-2013 документ – это зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать [11]. В ГОСТ ИСО 15489-1-2007 определение документа выглядит более развернуто: документ – зафиксированная на материальном носителе идентифицируемая информация, созданная, полученная и сохраняемая организацией или физическим лицом в качестве **доказательства** при подтверждении правовых обязательств или деловой деятельности. Число реквизитов, характеризующих документы, определяется целями создания документа, его назначением, требованиями к содержанию и форме данного документа, способом документирования [12].

Исходя из вышеуказанного, в спектре теории юридических фактов, необходимые и обязательные услуги можно определить как объективированные несамостоятельные правоподтверждающие юридические факты, образующие в совокупности с действием по подаче (направлению) запроса на предоставление государственной услуги юридический состав, порождающий правовые последствия в виде правоотношения заявителя с органом государственной власти.

Реалии правоприменения показывают, что недостаточно точное выделение юридических фактов, неправильная их правовая оценка ведут к тому, что одним обстоятельствам не придается должного значения, а другие, напротив, приобретают несвойственные им качества. Как из массы признаков социальной ситуации выбрать именно те, которые являются юридическими фактами?

Возьмем такой распространенный пример, как услуги фотографа. Само собой разумеется, что в ряде случаев в комплекте документов, необходимых для предоставления услуги, заявителем представляется фотография (для получения паспорта, охотничьего билета, удостоверения и т. п.). В связи с этим в формируемые перечни необходимых и обязательных услуг включены услуги по изготовлению и выдаче фотографий [13], хотя, к примеру, тот же федеральный перечень необходимых и обязательных услуг [14] их не содержит. С точки зрения целесообразности и необходимости дополнительного регулирования процедур получения фотографии, включение их в перечень необходимых и обязательных услуг, на наш взгляд, выглядит несколько надуманно. Полагаем, что ключевым моментом в решении данного вопроса должны быть указанные выше определения юридического факта и документа. Очевидно, что фотография сама по себе как таковая не обладает признаками юридического факта во всем их видовом разнообразии. Не подлежит сомнению, что не обладает она и реквизитами документа, не выступая в качестве доказательства при подтверждении правовых обязательств или деловой деятельности, в связи с чем включение услуг фотографа в перечень необходимых и обязательных услугах очень спорно.

Нельзя не отметить то обстоятельство, что Федеральный закон № 210-ФЗ определяет необходимые и обязательные услуги как **услуги организаций**. Системное толкование данной нормы со статьей 48 Гражданского кодекса Российской Федерации [15] позволяет нам говорить о том, что речь идет исключительно об услугах, оказываемых **юридическими лицами**.

Как указано в Методике, перечень должен включать услуги, оказываемые всеми **организациями** вне зависимости от их организационно-правовой формы. В данном случае не совсем понятна логика при ограничении круга субъектов, оказывающих необходимые и обязательные услуги. Приведем такой пример: федеральный перечень необходимых и обязательных услуг включает такую услугу, как «проведение кадастровых работ в целях выдачи межевого плана, технического плана, акта обследования». В соответствии с ч. 1 ст. 29 Федерального закона от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» [16] кадастровую деятельность вправе осуществлять **физическое лицо**, которое имеет действующий квалификационный аттестат кадастрового инженера (далее – квалификационный аттестат).

При буквальном толковании данная услуга в принципе не может быть включена в перечень необходимых и обязательных услуг как услуга «не организации», а физического лица.

Если идти в данных рассуждениях до конца, то нельзя не отметить, что и сам термин «услуга» не в полной мере отвечает потребностям правового регулирования. К примеру, тот же Феде-

ральный перечень необходимых и обязательных услуг включает такую позицию, как «выполнение **работ** по подтверждению соответствия, проводимых в соответствии с законодательством Российской Федерации о техническом регулировании», в связи с чем перечень необходимых и обязательных услуг было бы более правильным с точки зрения юридической техники определить как перечень необходимых и обязательных услуг (работ).

Таким образом, анализ существующего правового регулирования и утвержденных перечней необходимых и обязательных услуг отражает ряд существенных проблем в данной области, связанных, прежде всего, с непониманием и некорректностью требований федерального законодательства. Следует констатировать, что данная категория не получила должной проработки и не может считаться исследованной адекватно существующему состоянию общественных отношений. Следствием этого является целый комплекс проблем юридического плана, носящих не чисто академический, но и практический характер, поскольку Федеральный закон № 210-ФЗ предписывает обязанность формирования перечней необходимых и обязательных услуг органами власти всех уровней.

В первую очередь, это предопределяет необходимость введения термина «необходимые и обязательные услуги». С нашей точки зрения, было бы правильным определить их как услуги (работы), оказываемые (исполняемые) организациями и физическими лицами, в том числе индивидуальными предпринимателями, результатом которых является получение сведений и или документов, в том числе согласований, необходимых для представления заявителем при подаче запроса на получение государственной или муниципальной услуги.

Примечания

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Российская газета. 2010. 30 июля.

2. Распоряжение Правительства РФ от 10.06.2011 № 1021-р «Об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы и Плана мероприятий по реализации указанной Концепции» // Собрание законодательства РФ. 27.06.2011. № 26. Ст. 3826.

3. Методические рекомендации по формированию перечней необходимых и обязательных услуг. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» / Р. В. Амелин, Е. А. Григорьева, А. А. Подсумкова, А. В. Филатова, С. Е. Чаннов; под ред. С. Ю. Наумова. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Лукьянова Е. Г. Теория государства и права. Введение в естественно-правовой курс: учеб. пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 94.

6. Налоговое право, учебник для вузов / отв. ред. Ю. А. Крохина. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2007. С. 211.

7. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 135.

8. Косарева И. А., Косарев А. А. К вопросу о понятии и видах юридических фактов в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2009. № 6.

9. Минненбаев Р. Х. К вопросу о понятии юридических фактов // Юридический мир. 2011. № 3.

10. Косарев И. А., Косарев А. А. К вопросу о понятии и видах юридических фактов в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2009. № 6.

11. ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Утвержден Приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами. Общие требования. Утв. Приказом Ростехрегулирования от 12.03.2007 № 28-ст.

13. Постановление Правительства Хабаровского края от 29.07.2011 № 247-пр «Об утверждении Перечня услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления исполнительными органами государственной власти Хабаровского края государственных услуг и предоставляются организациями, участвующими в предоставлении государственных услуг» // Собрание законодательства Хабаровского края. 12.08.2011. № 7(108). (Ч. 1).

14. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 352 «Об утверждении перечня услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления федеральными органами исполнительной власти государственных услуг и предоставляются организациями, участвующими в предоставлении государственных услуг, и определении размера платы за их оказание» // Собрание законодательства РФ. 16.05.2011. № 20. Ст. 2829.

15. Гражданский кодекс Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 30.07.2007. № 31. Ст. 4017.

Notes

1. Federal law from July, 27th, 2010 № 210-FZ "On the organization of public and municipal services" // Russian newspaper. 2010, July 30. (in Russ.)

2. The decree of the RF Government dated 10.06.2011 No. 1021-p "On approving the Concept of reducing administrative barriers and improving accessibility of public and municipal services for 2011-2013 and action Plan for implementation of the said Concept" //Resolves of the Russian Federation. 27.06.2011, No. 26, article 3826. (in Russ.)

3. Methodical recommendations for building lists of necessary and required services. Access from ref.-legal system "Consultant plus". (in Russ.)

4. The commentary to the Federal law from July, 27th, 2010 № 210-FZ "On the organization of public and municipal services" / R.V. Amelin, E. A. Grigorieva, A. A. Podsumkova, A.V. Filatova, S. E. Channov; edited by C. Y. Naumov. Access from ref.-legal system "Consultant plus". (in Russ.)

5. Lukyanova E.G. *Teoriya gosudarstva i prava. Vvedenie v estestvenno pravovoj kurs: ucheb. posobie* [Theory of state and law. Introduction to natural law course: tutorial]. Moscow. Norma: INFRA-M. 2011. P. 94.

6. *Nalogovoe pravo, uchebnyk dlya vuzov* - Tax law, a textbook for universities / resp. ed. Y. A. Krokhina. 3rd ed., corr. and amend. Moscow. Norma. 2007. P. 211.

7. Krasavchikov O. A. *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal facts in the Soviet civil law]. Moscow. 1958. P. 135.

8. Kosareva I. A., Kosarev A. A. *K voprosu o ponyatii i vidah yuridicheskikh faktov v semejnom prave* [To the question about the concept and types of legal facts in family law] / *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* - Family and housing law. 2009, No. 6.

9. Minnebaev R. H. *K voprosu o ponyatii yuridicheskikh faktov* [To the question of the concept of legal facts] // *Yuridicheskij mir* - Legal world. 2011, No. 3.

10. Kosarev I. A., Kosareva A. A. *K voprosu o ponyatii i vidah yuridicheskikh faktov v semejnom prave* [To the question about the concept and types of legal facts in family law] / *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* - Family and housing law. 2009, No. 6.

11. GOST R 7.0.8-2013. National standard of the Russian Federation. The system of standards on information, librarianship and publishing. Records management and archives. Terms and definitions. Approved by the Order of Rosstandart from 17.10.2013 No. 1185-ст. Access from ref.legal system "Consultant plus". (in Russ.)

12. GOST R ISO 15489-1-2007. National standard of the Russian Federation. The system of standards on information, librarianship and publishing. Manage documents. General requirements. Decl. By order of the pattern from 12.03.2007 No. 28-ст. (in Russ.)

13. Resolution of the Government of Khabarovsk region from 29.07.2011 No. 247-пп "On approval of List of services that are necessary and required for the provision of Executive bodies the state authorities of the Khabarovsk Krai government services and organizations involved in the provision of public services" // Resolves of the Khabarovsk region. 12.08.2011. № 7(108). (Pt.1). (in Russ.)

14. Regulation of the RF Government dated 06.05.2011 No. 352 "On approval the list of services that are necessary and required for the provision of Federal Executive authorities, public services and organizations involved in the provision of public services, and determining the amount of payment for their provision of" // Resooves of the Russian Federation. 16.05.2011, No. 20, article 2829. (in Russ.)

15. Civil code of the Russian Federation. Access from ref.-legal system "Consultant plus". (in Russ.)

16. Federal law of 24.07.2007 № 221-FZ "On state real estate cadastre" // Resolves of the Russian Federation. 30.07.2007, No. 31, article 4017. (in Russ.)

Мониторинг класса немецкой адъективной лексики

Референциальные характеристики немецких прилагательных рассматриваются в рамках семантической теории референции. Рассматриваемые типы референции классифицируются в зависимости от их лексического и грамматического характера, от степени лексикализации относительных прилагательных, а также от выражаемого и значения, в том числе с точки зрения речевого акта. Эти определенные типы референции предусматривают наличие или отсутствие латентной предикатности у адъективных слов и определяют характер их синонимичных отношений.

On the critical review of the traditional classification of part of speech. As a result, the primacy of the semantic criterion is concluded, in particular, by the allocation of adjectives. The subcategorization of this class is held on with some linguistic understanding of the quality and because of the interrelationship and intertransparency of certain subclasses. Whereupon, this class of adjectives appears as a semantic-functional category.

Ключевые слова: референция, интенционал, экстенционал, концепт, лексикализация, синонимия, латентная предикатность.

Keywords: qualitative adjective, relative adjective, evaluative adjective, flat adverb, semantic-functional category, a relation of non-appositive difference, latent predication.

Развитие и становление новых школ и направлений лингвистических исследований, в частности лингвокультурологии, прагмалингвистики, когнитивистики и ряда других, не снимает с повестки дня традиционных проблем, среди которых проблема частеречной классификации словарного состава сохраняет актуальность и занимает далеко не последнее место. Предпринимаемые попытки её решения, определение лингвистической природы частей речи, их внутрирядной организации, наконец, установление границ той или иной части речи свидетельствует скорее о том, что затрагиваемые в этой сфере вопросы остаются по сути дела открытыми. Это обусловлено, в частности, сложностью самого объекта исследования, прежде всего размытостью границ любой части речи, что препятствует созданию логически непротиворечивой концепции частеречной классификации. Между тем необходимость решения данной проблемы очевидна не только в теоретической плоскости, но имеет и чисто прикладной характер, прежде всего – для практики преподавания немецкого языка как специальности, так как это способствует развитию у обучающихся навыков и умений, необходимых для участия в межличностной коммуникации. Это, безусловно, затрагивает и сферу когнитивной и коммуникативной деятельности человека, где конвенционально закреплённое знание семантико-функциональной природы единиц словарного состава языка играет немаловажную роль в том числе для успешности речевого акта (РА) (См., в частности: [1]).

Существенная трудность, с которой сталкиваются при этом исследователи, заключается в гетерогенности привлекаемых для выделения частей речи и основополагающих критериев (семантического, морфологического, синтаксического, нередко – словообразовательного).

Как правило, изначальная декларация равноправия всех критериев или, напротив, выделение одного ведущего при вспомогательных функциях остальных в рамках традиционной версии самих критериев не решает поставленную задачу, что и неудивительно. Ведь мы имеем дело не с застывшим объектом, а с живой системой языка, что уже а priori предполагает динамику её развития, в том числе и наличие между отдельными субклассами этой системы – будь то части речи или отдельные группировки единиц различной уровневой принадлежности – более или менее

активной взаимосвязи. Не всегда единицы отдельного объекта, в том числе части речи, по своим семантико-функциональным и морфологическим характеристикам однозначно соответствуют тем параметрам, которые «заданы» для определённой части речи. А существующие взаимопереходы (различные типы транспозиций) между отдельными субклассами ещё более затрудняют чёткую фиксацию границ классов и субклассов.

Возникает вынужденная, но тем не менее признанная в традиции необходимость расширения понятия критерия, прежде всего – семантического, нередко за счёт маркеров, которые вроде и дополняют содержание категориального семантического признака, констатирующего статус лексических единиц как конститuentов данного класса, но в то же время способны вступать с данным семантическим признаком в явное противоречие. Например, определение семантического признака глаголов как единиц, обозначающих действие, процесс и *состояние*. Или существительных как единиц, обозначающих предметность в *широком смысле*. Очевидно, использование подобного расплывчатого определения предпринимается в угоду другим формальным критериям, прежде всего морфологическому и синтаксическому, использование которых при такой постановке вопроса не приносит искомым результатов. Существующая точка зрения на части речи как на полевые образования [2], которая предлагается в контексте полевого характера грамматического значения, в принципе может рассматриваться лишь как наметившийся подход к анализу словарного состава в данной плоскости и требует своего более детального и аргументированного рассмотрения.

Проиллюстрируем сказанное выше на примере класса немецкой адъективной лексики. Не вдаваясь подробно в историю вопроса, отметим, что попытка её систематизации как грамматического класса с опорой на грамматические критерии не приводят к желаемому, объективно непротиворечивому результату. Так, наличие грамматических категорий рода, числа и падежа (морфологический критерий) характеризует в равной мере притяжательные, указательные местоимения, порядковые числительные. При их включении в класс прилагательных [3] возникает актуальный вопрос – выражают ли они качественный признак? Не менее важно и то, что эти категории выступают скорее как средство «аккомодации» адъективных лексем существительному в определительном словосочетании [4] и являются не просто вторичными, а фактически редуцируются до своего формального аспекта – склоняемости. Это особенно чётко прослеживается на примере транспозиции в класс прилагательных лексических единиц других частей речи, для которых данный формальный признак представляет собой лишь первый шаг их приобщения к лингвистической природе истинно прилагательных, поскольку на этом этапе транспозиция не сопровождается семантико-функциональной перестройкой на выражение качественного признака. Приписываемая последним способность свободно замещать атрибутивную и предикативную позиции (синтаксический критерий) [5] характеризуют также далеко не все лексико-грамматические разряды (напр., относительные прилагательные типа *russisch, mathematisch, nuclear* и т. п.). Наконец, определение прилагательных как единственной части речи, маркированной грамматической категорией степеней сравнения [6] вступает в явное противоречие с возможностями притяжательных и указательных местоимений при их включении в данный класс и не распространяется на те же относительные прилагательные и некоторые лексико-семантические группы качественных прилагательных, обозначающих предельную степень проявления качественного признака (*taub, blind, schwanger*; ср. также: *recht, link, ober* и т. п.).

Даже если допустить правомерность их включения в класс прилагательных, остаётся открытым вопрос о специфике категориального грамматического значения (семантический критерий), которое по сути является основой их объединения в единую часть речи и должно быть присущим любому адъективному слову.

Между тем остаётся весьма расплывчатой трактовка категориального значения прилагательных, что неоправданно позволяет расширять границы данного класса за счёт единиц, семантически и функционально неоднородных и принадлежащих традиционно другим самостоятельным частям речи или их группам.

Речь идёт о необходимости чёткого определения лингвистической природы качественного признака и соответственно – специфики одноимённого категориального значения той а priori цементирующей основой класса прилагательных как единой системы, независимо от лексико-грамматической и лексико-семантической принадлежности адъективных слов.

Без лингвистического определения значения качественного признака вряд ли возможно объяснить специфику и неравномерность его проявления у лексем различных групп, в том числе, например, его осложнённую эмоционально-оценочным созначением (ср. *imposant, miserabel, elegant*), доминантность модального значения у лексем типа *richtig*, а также предрасположенность к переориентации на выполнение функции качественно-оценочной характеристики определяемого (ср.: *ein heller Tag – helle Freude; ein scharfes Messer – ein scharfer Blick*).

Между тем, по-видимому, именно закономерностями организации плана содержания можно объяснить синтаксико-морфологическую специфику прилагательных, как и первичность для них синтаксической функции препозитивного определения [7].

При этом внутрисистемная субкатегоризация состава адъективной лексики также возможна на фоне единого для всех конstituентов класса категориального грамматического значения, которое выступает как примарная знаковая ассоциация с понятием качественной признаковости – ассоциация, которая фиксирует с той или иной степенью полноты и облигаторности комплекс сторон (моментов) понятия качества. Как известно, в логико-философских исследованиях последнее рассматривается 1) как неотъемлемая и постоянно присущая, т. е. устойчивая сторона предмета, внутренне присущая ему и фиксирующая его видовую принадлежность [8]; 2) как целостная и безотносительная, т. е. автономная, величина, как комплексное системно-структурное образование [9].

Эти моменты, будучи транспонированы в план содержания прилагательных, подтверждают адекватность лингвистического понимания качества не только как неотъемлемой стороны предмета, но и как «одинакового в разном» [10]. Они фиксируются соответствующими категориальными и некатегориальными (латентными, «скрытыми») семами – предметной «привязанности», автономности, внутренней присущности (ингерентности), постоянности, стативности/динамичности и др. Совокупность данных сем (семные конфигурации – «комплектные» и «некомплектные»), во-первых, ложится в основу более дифференцированной субклассификации прилагательных, во-вторых, воздействует на характер выполняемых ими синтаксико-семантических функций и наличие между субклассами отношений неопозитивного различия.

Так, например, динамика взаимодействия в плане содержания качественных прилагательных относительно равноправных доминантных сем предметной «привязанности» и «автономности» предопределяет их функционирование в роли препозитивного определения, предикатива и предикативного определения. При этом сема «автономности» расширяет импликационал прилагательных, способствует его «открытости» и тем самым делает возможным привнесение эмоционально-оценочных коннотаций (ср.: *trockene Schuhe – trockene Worte*). При этом образуется периферийная зона между качественными и оценочными прилагательными, что свидетельствует о взаимопроницаемости границ отдельных субклассов.

Наличие у кратких форм адъективной лексики латентной семы динамичности (*schnell, langsam, eifrig* и т. п.) даёт основание рассматривать их как особую функционально-семантическую группу качественных (качественно-оценочных) наречий с примарной синтаксической функцией обстоятельства образа действия и вторичными синтаксическими функциями, свойственными качественным прилагательным.

Наконец, доминантность семы ингерентности и наличие латентной семы постоянности, характерных для отсубстантивных дериватов, ограничивают сферу их синтаксического функционирования лишь позицией контактного препозитивного определения и обуславливают выполнение относительно прилагательными семантической функции классификации (выделения вида из рода). Ср. *nitrose Gase; interdisziplinäre Forschungen* и т. д. В то же время при социально обусловленном расширении сферы их сочетаемости и в процессе лексикализации сема ингерентности, а вместе с нею и латентная сема постоянности отодвигаются на второй план, уступая место активизирующимся семам предметной «привязанности» и «автономности». Ср.: *diplomatisches Korps; im diplomatischen Dienst stehen* и – *eine diplomatische Antwort*. Этот процесс сопровождается расширением сферы синтаксического функционирования и переориентацией на выполнение лексемами семантической функции качественной (качественно-оценочной) характеристики.

Приведённые примеры лишь некоторых лексико-грамматических субклассов прилагательных показывают, что между ними нет чётких демаркационных линий, а имеются взаимосвязи и взаимоналожения, что свидетельствует о наличии между ними отношений неопозитивного различия. Поэтому есть основание рассматривать класс немецких прилагательных как своеобразное «полевое» образование – семантико-функциональную категорию.

Примечания

1. Болдырев Н. А. Многоаспектность как особый формат знания и лингвистические методы его исследования // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 50–55.

2. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. Л.: «Просвещение», 1972. С. 62–68; Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М.: Высш. шк., 1978.

3. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig, 1974. P. 281–282.

4. Плещев Н. А. Отсубстантивные относительные дериваты в адвербиальных позициях в немецком литературном языке второй половины XVIII века и тенденции их развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. С. 12.
5. Motsch W. Syntax des deutschen Adjektivs // *Studia grammatica*. Berlin, 1963. Bd. 3. P. 20.
6. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1960. P. 322.
7. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 69–70.
8. Философская энциклопедия. М., 1968. С. 483; Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 64.
9. Лукьянов И. Ф. Сущность категории «свойство». М., 1982. С. 64.
10. Павлов В. М. О разрядах имён прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 65–70.

Notes

1. Boldyrev N. A. *Mnogoaspektnost' kak osobyj format znaniya i lingvisticheskie metody ego issledovaniya* [Multi-aspectivity as a specific format of knowledge and linguistic methods of its research] // *Mezhdunarodnyj kongress po kognitivnoj lingvistike: sb. materialov* - International Congress on cognitive linguistics: proceedings of the materials. Tambov: Publ. of TSU of G.R. Derzhavin. 2008. Pp. 50-55.
2. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. Leningrad: "Prosvescshenie". 1972. Pp. 62-68; Stepanova M. D., Helbig G. [Parts of speech and the problem of valence in modern German]. Moscow. High. school. 1978.
3. Helbig, G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig, 1974. Pp. 281-282.
4. Pleshev N. A. *Otsubstantivnye otnositel'nye derivaty v adverbial'nyh pozitsiyah v nemeckom literaturnom yazyke vtoroj poloviny XVIII veka i tendencii ih razvitiya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [From-substantive relative derivatives in adverbial positions in the German literary language of the second half of the eighteenth century and their trends: autoref. dis. ... Cand. Phil. Sciences]. Leningrad. 1983. P. 12.
5. Motsch W. Syntax des deutschen Adjektivs // *Studia grammatica*. Berlin, 1963. Bd. 3. P. 20.
6. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1960. P. 322.
7. Kurilovich E. *Derivaciya leksicheskaya i derivaciya sintaksicheskaya* [Lexical derivation and syntactic derivation] // Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike* - Essays in linguistics. Moscow. 1962. Pp. 69-70.
8. Encyclopedia of philosophy. Moscow. 1968. P. 483 (in Russ.); Kondakov N.I. *Logicheskij slovar' spravochnik* [Logical dictionary-reference book]. Moscow. 1975. P. 64.
9. Lukyanov I. F. [Essence of the category "property"]. Moscow. 1982. P. 64.
10. Pavlov V.M. *O razryadah imyon prilagatel'nyh v russkom yazyke* [On the digits of adjectives in Russian] // *Voprosy yazykoznanija* - Problems of linguistics. 1960, No. 2, pp. 65-70.

УДК 811.112.2' 367.335

И. В. Красильникова, Е. Г. Скребова

Релятивно-номинативный аспект семантико-структурного устройства сложноподчиненных предложений с пространственным соотношением компонентов

В статье рассматривается релятивно-номинативный аспект – один из ключевых аспектов описания семантико-структурного устройства сложноподчиненных предложений с пространственным соотношением компонентов. Используя союзные слова, местоименные наречия, лексико-синтаксическое окружение, говорящий эксплицирует воспринятые им отношения между основной ситуацией и сопутствующими ей событиями: отношения локализации, фиксирующие место реализации основной ситуации; отношения векторной направленности, указывающие на направление развития ситуации, на начальный или конечный пункт движения. Релятивно-номинативный аспект оказывает также значительное влияние на закономерности функционирования исследуемых подчинительных комплексов в тексте. В иерархии реализующихся в тексте синтаксических конструкций сложноподчиненные предложения с пространственным соотношением компонентов относятся к базовым структурам текстообразовательного процесса, поскольку являются одним из основных средств создания симметрии текста.

The article reviews relative-nominative aspect which is one of the key aspects of describing complex sentences with spatial relationships of components. Using connective words, pronominal adverbs, lexical-syntax environment, the speaker expresses the relationships between the general situation and its concomitant events: relationships of localization fixing the place of the main situation realization, vector direction pointing out to the direction of the situation development, the starting and the final points of the movement. The relative-nominative aspect also influences the functioning of the compound complexes in the text. In the hierarchy of syntactic constructions realized in the text compound sentences with spatial relationships of components are referred to basic structures of the text generation process as far as they are one of the main means of the text symmetry creating.

Ключевые слова: семантико-функциональный синтаксис, методика многоаспектного анализа, релятивно-номинативный аспект, сложноподчиненные предложения с пространственным соотношением компонентов, отношения локализации, отношения векторной направленности.

Keywords: semantic-functional syntax, aspect based approach, relative-nominative aspect, complex sentences with spatial relationships of components, relationships of localization, relationships of vector direction.

Проблема описания устройства и функционирования сложноподчиненных предложений продолжает оставаться предметом оживленных научных дискуссий, хотя в русском и немецком языкознании она разрабатывается на протяжении более чем двух столетий. За это время написано большое количество работ, в которых предлагаются различные подходы к анализу семантико-синтаксических отношений, складывающихся между компонентами сложного целого (обзор литературы вопроса см. [1]). Несмотря на обширность накопленных сведений и материалов, на широкий размах исследований, многие вопросы все еще требуют серьезных усилий для их адекватного решения. Прежде всего, сказанное касается таких спорных положений грамматики, как типология семантико-структурного устройства сложноподчиненного предложения и методика многоаспектного анализа предложения.

Эвристически наиболее многообещающим, согласующимся с современными тенденциями в развитии теоретически и практически ориентированного синтаксиса, нам представляется семантико-функциональное описание предложения. Специфика данного направления заключается в том, что предложение рассматривается с точки зрения особенностей его содержательной организации, закономерностей функционирования, а также связей с ситуацией общения. Таким образом, в семантико-функциональном синтаксисе оказывается востребованной идея о неразрывности двух слагаемых предложения: собственно языкового, единицы которого – предложения – составляют синтаксическую систему языка, и речевого, которое охватывает сферу функционирования предложений в речи – высказываний [2].

Разработка семантико-функционального синтаксиса сложноподчиненного предложения предполагает в первую очередь создание типологии собственного (внутреннего) строения подчинительных комплексов, которая давала бы представление о том, какие конструкции обеспечивают тот или иной участок семантики в синтаксической системе языка. Во вторую очередь ориентация на коммуникацию обуславливает необходимость моделирования условий выбора соответствующей единицы из имеющегося в данном языке вариативного ряда. В третью очередь направленность на непосредственный выход в коммуникацию предопределяет ведущую роль синтаксиса как системы, которая интегрирует остальные уровни и единицы языка, в связи с чем в пределах этой концепции оказываются востребованы идеи о взаимодействии синтаксиса и морфологии, грамматики и лексики.

В пределах избранного нами подхода сложноподчиненное предложение трактуется как синтаксический комплекс, характеризующийся неравноправием и зависимостью конструктивных частей – простых предложений, каждое из которых содержит развернутую предметную ситуацию и конституирующую структурное единство компонентов предикацию. Подобная интерпретация базируется на признании того факта, что в экстралингвистической основе предложения лежит отраженная сознанием предметная ситуация, т. е. совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего/пишущего в объективной действительности в момент «сказывания» и в известной мере обуславливающих отбор языковых средств при формировании самого этого предложения [3].

На довербальном этапе речетворческого процесса экстралингвистическая основа сложноподчиненного предложения предстает в сознании носителя языка в виде комплекса нескольких связанных определенным отношением предметных и признаковых образов, который в момент акта предикции соотносится говорящим с конкретной ситуацией общения [4].

В процессе языкового кодирования отраженные сознанием предметные и признаковые образы раздельно передаются в предложении соответствующими актантными и признаковыми словоформами, например:

Dort, wo eben noch die besten Schauspieler Hamlet und Prospero gegeben hatten, spielte Shakespeare nun Rock'n'Roll (M. Schindhelm); Alle wurden auf ein Schiff gebracht, mit dem Bestimmungsort Constanza, dem rumänischen Hafen, von wo sie nach Palästina befördert werden sollten (M. Leitner); Unter dem Kragen spürte er die Stelle, wohin der Blick Vogelsangs drang (L. Feuchtwanger).

В приведенных синтаксических конструкциях подчеркиванием выделены признаковые компоненты.

При исследовании такого многомерного диалектического единства, каким является сложноподчиненное предложение, представляется целесообразным использовать методику многоаспектного (поаспектного) анализа семантико-структурного устройства и функционирования предложения [5]. Использование данной методики позволяет построить типологию сложноподчиненного предложения, обладающую большей объяснительной силой по сравнению с разного рода одномерными концепциями, поскольку дает возможность выявить и смоделировать всю систему компонентов, категорий и отношений, существующих в сфере сложного синтаксического целого.

Среди основных аспектов разграничиваются: целевой, номинативный, релятивно-номинативный, предикативный, актуализирующий, стилистический и эмоционально-экспрессивный. Названные аспекты распадаются на две группы: системно-языковую, куда входят номинативный, релятивно-номинативный и, частично, предикативный аспекты, и речевую, включающую целевой, предикативный (частично), актуализирующий, стилистический, эмоционально-экспрессивный аспекты.

В предлагаемой статье рассматривается релятивно-номинативный аспект семантико-структурного устройства сложноподчиненных предложений с пространственным соотношением компонентов. Выбор именно этого аспекта для характеристики интересующих нас подчинительных комплексов не является случайным. Релятивно-номинативный аспект является одним из ключевых аспектов описания информативно не минимальных предложений, к которым относятся простые распространенные, осложненные, сложные предложения. Используя определительные и обстоятельственные модификаторы, вторичные сказуемые, обороты с неличными формами глагола, придаточные предложения говорящий/пишущий эксплицирует воспринятые им отношения между главной, основной ситуацией и сопутствующими ей событиями: атрибутивные, временные, пространственные, сопоставительные, уступительные и т. д. отношения. Выбор того или иного варианта для выражения отношений между явлениями объективной действительности в каждой конкретной ситуации речи определяется целым рядом взаимосвязанных факторов (психическими, включающими ощущения, восприятие, представления, эмоции говорящего; лингвистическими, располагающими специализированными средствами передачи как совокупности предметного и признакового образов, так и связывающей их психологической предикации; потенциальным (виртуальным) содержанием высказывания и др.).

В зависимости от отношений, устанавливающихся между главной и придаточной частями, различаются два типа сложноподчиненных предложений с пространственным соотношением компонентов:

1) сложноподчиненные актантные предложения, в которых придаточная часть замещает пространственный локализатор – обязательный актант в структуре главной части: *Der Hund rollte sich zusammen, wo es ihm die Katzen erlaubten (L. Alexander); Wo der eine war, da war auch der andere (S. Fenton);*

2) сложноподчиненные адвербиальные предложения, в которых главной и придаточной частями реализуются обстоятельственные отношения между ситуациями, а именно локативные отношения: *Wo früher das dunkelrote böse Auge funkelte, quoll purpurner Qualm bis zu den Regenwolken empor, schon waren die Ränder der Wolken von der düsteren Glut gefärbt (B. Kellermann); Selbst dort, wo sich Fuchs und Hase gewöhnlich gute Nacht sagen, lacht für Vielflieger jetzt die Sonne (Der Spiegel. 1998. Nr. 23).*

На нашу интерпретацию комплексной предметной ситуации, фиксируемой в сложноподчиненных актантных предложениях, определенное воздействие оказывает ряд обстоятельств. Во-первых, описываемые синтаксические конструкции репрезентируют только один вид пространственных (или, в другой терминологии, локативных) отношений, а именно отношения локализации, при которых развитие ситуации главной части ограничивается каким-либо пределом. Во-вторых, соотносимые в сложном предложении пространства могут входить друг в друга полностью или частично. В-третьих, семиотически релевантными для интересующих нас построений оказываются закономерности, регулирующие взаиморасположение главной и придаточной частей. Последнее обстоятельство объясняется тем, что союзное слово *wo* в силу слабой дифференциации своей семантики активно используется для выражения других разновидностей локативных отношений – сепаративного, директивного, линейного движения (подробнее об этом см. ниже).

При полном вхождении пространств друг в друга придаточная часть в сложноподчиненных актантных предложениях занимает, как правило, препозитивное положение и обозначает тему общего высказывания:

Wo sich die Ems teilte, um mit dem einen Arm von der Stadtmauer, mit dem anderen gegen das tecklenburgische Land den Emshagen zu umfassen, schaukelten Haubentaucher (G. Grass); (Ich habe es lange schon aufgegeben, mit irgend jemand über Geld zu reden oder über Kunst.) Wo die beiden miteinander in Berührung kommen, stimmt die Sache nie: die Kunst ist entweder unter- oder überbezahlt (H. Böll).

В приведенных сложноподчиненных предложениях придаточная часть устанавливает жесткие пространственные границы для развертывания сообщаемого в главной части, что, собственно, и обуславливает обязательность ее препозиции. При этом необходимо подчеркнуть следующее. Обозначаемая придаточной частью тема заключает в себе новую, ранее не упоминавшуюся информацию, которая служит предметом дальнейшего обсуждения или характеристики.

Собранный и проанализированный нами языковой материал показывает, что в ограниченных условиях сложноподчиненные актантные предложения допускают употребление в главной части местоименных наречий *da, dort* для указания на полное вхождение пространств друг в друга. Речь идет о тех случаях, когда семантика союзного слова оказывается недостаточной для дифференциации отношений локализации. Например:

Denn wo es nur ein bißchen lauschtig ist wie an diesem Ort, da läßt du dich gleich verblenden vom scheinbaren Frieden, träumst dich über die sechs Wogen von Hunger und Durst hinaus und denkst, du bist in das Umtriebes ruhender Mitte (Th. Mann); «Wo immer deutsche Panzermänner fochten, dort fochten sie siegreich» (D. Noll).

В этих и им подобных образованиях местоименные наречия *da, dort* образуют регулярные адвербиальные скрепы с союзным словом *wo* и служат решающим фактором при определении пространственных границ развития предметной ситуации. Их употребление носит обязательный характер.

При частичном вхождении пространств друг в друга придаточная часть реализуется в постпозиции и обозначает ремю общего высказывания:

Er nieste, und es gingen Blutspritzer von ihm, in die er mit der Pfote trat, so daß der ziegelfarbene Abdruck seiner Zehen zurückblieb, wo er geschritten war (Th. Mann); Ich hab dich getriezt, wo ich konnte, und du hast mich geschurigelt, wenn es irgendwie ging (U. Plenzdorf).

Основное содержание рассматриваемых подчинительных комплексов заключается в уточнении расположения субъекта (реже объекта) предметной ситуации относительно той или иной части наблюдаемой местности, в связи с чем «акцентный вес» целиком переносится на придаточную часть как на единственный данный ориентир.

В пределах сложноподчиненных адвербиальных предложений различаются:

1) сложноподчиненные предложения локализации, фиксирующие место реализации основной ситуации: *Man wollte sich treffen, wo der Blutzzeuge geboren wurde (G. Grass); Wo beide Wege einander im rechten Winkel schnitten, dort sah man ein halbes Dutzend Häuser, und am Bach ein paar niedrige Gebäude (D. Noll);*

2) сложноподчиненные предложения векторной направленности, указывающие на направление развития ситуации, на начальный или конечный пункт движения: *Wohin wir uns wenden im Gewitter der Rosen, / ist die Nacht von Dornen erhellt, und der Donner / des Laubs, das so leise war in den Büschen, / folgt uns jetzt auf dem Fluß (I. Bachmann); Sie blickte zurück, dorthin, wo Würzburg gewesen war (L. Frank); Als der Annus von Tauroggen gekommen ist, damals, und hiergeblieben ist, damals: es ist wegen der Arme, hat er gesagt, solche weißen Arme gab es nicht, wo er herkam, <...> (J. Bobrowski).*

Специфика сложноподчиненных адвербиальных предложений локализации заключается в том, что соотносимые в них пространства входят друг в друга полностью. При этом образовавшееся пространство представляется как горизонтальная, расположенная примерно на одном уровне с говорящим область, окружающая его в момент, о котором идет речь (подробнее об этом см. [6]). Например:

LORENZO: Nein, laßt ihn liegen, wo er liegt. Er hat Zutritt. Er ist ein geschickter Junge und obendrein des Botticelli Schüler (Th. Mann); Wo die Tür ins Wachlokal führte, kniete Wolzow, in Hemdsärmeln und barhäuptig, und sandte Schuß auf Schuß durch die Tür ins Freie (D. Noll).

В этих и им подобных синтаксических конструкциях придаточная часть вводится с помощью союзного слова *wo*, которое реализуется в автономной позиции.

Как показывает обследованный нами фактический материал, случаи употребления местоименных наречий *da, dort* в интересующих нас сложноподчиненных предложениях оказываются также не исключены:

Wunderbar getarnt hinter Baumwurzeln, künstlichen oder natürlichen Laubwänden, immer da eingegraben, wo ein Pfad oder eine lichtere Stelle im Walde den Angreifer anzieht (H. Böll); Aber dort, wo hinter den Wolken die Sonne stand, lag auf den Wassern ein weißlicher Sammetglanz (Th. Mann).

В приведенных построениях *da, dort* обозначают пространство, где происходит действие главной части, полностью сохраняя характерную для отношений локализации семантику статического пребывания в пространстве.

При характеристике комплексной предметной ситуации в сложноподчиненных адвербиальных предложениях векторной направленности следует учитывать:

1) восприятие пространства в описываемых подчинительных комплексах обусловливается перспективой перемещения объекта, которая определяется системой координат, задаваемой говорящим, с одной стороны, и его местоположением – с другой;

2) категория направленности предполагает наличие по крайней мере одного ориентира, выступающего либо в функции исходной точки движения, либо в функции некоего предела, к которому оно стремится;

3) отношения векторной направленности могут представляться как сепаративное, директивное или линейное движение.

В сложноподчиненных предложениях, репрезентирующих отношения сепаративного движения, указывается на перемещение объекта в направлении от какой-либо точки по горизонтали/вертикали:

Kunzelmann kannte dieses Fläschchen und wußte, wie viele kleine, unverwechselbare und völlig einmalige Katzensenken mit seiner düsteren, aber sanften Kraft wieder dahin zurückbefördert worden waren, wo sie herkamen (E. Demski).

Анализируя синтаксические конструкции, подобные приведенной выше, необходимо обратить внимание на то, что в них союзное слово *wo* функционирует при условии наличия в придаточной части глаголов предельных способов действия с финальным акциональным значением, которые ограничивают развитие обозначенных глаголами действий на результативной основе. Экспонентами этих глаголов являются приставки *aus-, ein-, her-, herab-, vor-*. Их семантика связана с точным указанием на исходный пункт движения [7].

Специфика сложноподчиненных предложений, передающих отношения линейного движения, заключается в том, что соотносимые в них предметные ситуации интерпретируются как многократные. При этом эффект кратности действий, событий, состояний в рассматриваемых предложениях достигается целым комплексом средств, включающим в себя глаголы неопределенных способов действия, относящиеся к группе моторно-кратных глаголов, которые обозначают неоднаправленное или неопределенное движение (*dringen, gehen, hinsehen, kommen, schicken* и т. д.), а также лексико-синтаксическое окружение. Так, в образованиях типа

Wo sie mit Luisa ging, saugten sich die Augen aller Männer an Luisa fest und sie, sie selbst, wieder in diesen gefürchteten Zustand des Nichtvorhandenseins verfallen mußte (Ch. Wolf); Wo man hinsah, herrschte Hektik (P. Süskind); Wo sie kam, war das graue Trümmerfeld (L. Frank)

идея кратности, выраженная посредством глаголов, дополнительно усиливается употреблением темпоральных квалификаторов, указывающих на регулярность реализации соотносимых ситуаций (*jedesmal, oft, stets, wieder* и др.), использованием неопределенного местоимения *man*, обозначающего субъект, мыслимый как лишенный конкретности, как любой или не подлежащий более точному определению (подробнее см. [8]).

Пространства в исследуемых сложноподчиненных предложениях входят друг в друга полностью, на что указывает союзное слово *wo*. Под влиянием лексико-синтаксического окружения семантика союзного слова трансформируется: оно обозначает общее направление в пределах единого пространства без указания на предел.

Сложноподчиненные предложения, фиксирующие отношения директивного движения, указывают на перемещение объекта по направлению к какой-либо точке по горизонтали или вертикали. В этом случае перемещение представляет собой целенаправленный процесс, т. е. такой, целью которого является достижение конкретного пространственного ориентира, куда стремится попасть объект. Например:

Ich war kein Kind mehr, und sie war eine Frau, ich blickte dorthin, wo sie den Bademantel zusammenhielt, ich blickte auf ihren Tisch am Fenster und war froh, daß kein Schulkrum da herumlag: nur Nähzeug und ein Schnittmuster (H. Böll); Wohin es (das Gedächtnis) sie jetzt treibt, dahin reichen die Worte nicht (Ch. Wolf).

В приведенных подчинительных комплексах функционируют союзные слова *wo, wohin*. Специфика данных союзных слов заключается в том, что их семантика не так тесно связана с перемещением объектов в пространстве. Поэтому в предложениях директивного движения часто используются коррелятивные элементы *dorthin, dahin*. По наблюдениям Ю. Д. Апресяна, названные корреляты реализуют в предложении «дейктическую стратегию». В ситуации, описываемой *dorthin, dahin*, принимают участие не только ориентируемый объект и объекты, выступающие в

функции ориентиров, но и некий «неназванный наблюдатель», которого вводит говорящий, вследствие чего в главной части сложноподчиненных предложений часто используются глаголы восприятия, устанавливающие направление с позиции этого неназванного наблюдателя [9].

Как показало проведенное исследование, релятивно-номинативный аспект оказывает значительное влияние на семантико-структурное устройство сложноподчиненных предложений с пространственным соотношением компонентов. В зависимости от отношений, складывающихся между соотносимыми в сложном целом предметными ситуациями, различаются два типа синтаксических конструкций: актантные и адвербиальные. В сложноподчиненных актантных предложениях придаточная часть замещает пространственный локализатор – обязательный актант в структуре главной части. В сложноподчиненных адвербиальных предложениях главной и придаточной частями реализуются различные виды локативных отношений (сепаративное, линейное, директивное движение).

Было установлено, что союзное слово *wo* широко используется для выражения различных видов локативных отношений, вследствие чего получает аспектуальную окрашенность, проявляющуюся в ограничении выбора предикатов в придаточной части относительно предельности/непредельности. Кроме того, в определенных случаях на репрезентацию пространственных отношений влияют взаиморасположение главной и придаточной частей, лексико-синтаксическое окружение.

Анализ выявил, что релятивно-номинативный аспект в известной степени определяет закономерности функционирования описываемых подчинительных комплексов в художественном тексте. Так, в иерархии реализующихся в тексте предложений сложноподчиненные предложения с пространственным соотношением компонентов относятся к базовым структурам текстообразовательного процесса, являясь одним из основных средств создания симметрии текста, понимаемой как регулярная воспроизводимость определенных синтаксических конструкций, которые принимают участие в оформлении целостности внешней композиции, поверхностной и глубинной структур текста, выполняют структурообразующую и композиционную функции. Здесь следует особо подчеркнуть одно важное обстоятельство: поскольку симметрия взаимосвязана только с дискретностью текстовой материи, постольку основные тенденции текстообразования в их системном рассмотрении соотносятся с информационным измерением текста.

Примечания

1. Ломов А. М., Гусман Тирадо Р. Русское сложноподчиненное предложение и проблема его содержательной интерпретации // ВЯ. 1999. № 6. С. 54–65; Казарина В. И. История и теория синтаксиса: учебное пособие. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2005; Скребова Е. Г. Функционально-семантический анализ немецких сложноподчиненных предложений, выражающих хронотопные и генеративные отношения: монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. С. 33–56; Helbig G. Zur Einteilung der Nebensätze // Deutsch als Fremdsprache. 1970. № 6. S. 252–260; Gloning Th. Bedeutung, Gebrauch und sprachliche Handlung: Ansätze und Probleme einer handlungstheoretischen Semantik aus linguistischer Sicht. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1996.

2. Копров В. Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж: Издатель О. Ю. Алейников, 2010. С. 27.

3. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1973. С. 358–359.

4. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: АСТ: Хранитель, 2008. С. 162–163.

5. Копров В. Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. С. 160.

6. Тханг Л. Т. Движение в пространстве и проблема картины мира // Изв. РАН. 1990. Серия лит. и яз. Т. 49. № 1. С. 62–69.

7. Duden «Etymologie»: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / G. Drosdowski. 2. völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. S. 280–281.

8. Grammatik der deutschen Sprache: Sprachsystem und Sprachgebrauch / L. Götze, E. W. Hess-Lüttich. München: Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH Gütersloh, 1999. S. 254.

9. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные работы. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 540.

Notes

1. Lomov A. M., Gusman Tirado R. *Russkoe slozhnopodchinennoe predlozhenie i problema ego sodержatel'noj interpretacii* [Russian complex sentence and the problem of its meaningful interpretation] // VYA - VYa. 1999, No. 6, pp. 54-65; Kazarina V.I. *Istoriya i teoriya sintaksisa: uchebnoe posobie* [History and theory of syntax: tutorial]. Elets. ESU of I. A. Bunin. 2005; Skrebova E.G. *Funkcional'no semanticheskij analiz nemeckih slozhnopodchinennyh predlozhenij, vyrazhayushchih hronotopnye i generativnye otnosheniya*:

monografiya [Functional-semantic analysis of German complex sentences expressing chronotopic and generative relationships: monograph]. Voronezh. Publishing house of Voronezh State University. 2009. Pp. 33-56; Helbig G. Zur Einteilung der Nebensätze // *Deutsch als Fremdsprache*. 1970, No. 6, pp. 252-260; Gloning Th. Bedeutung, Gebrauch und sprachliche Handlung: Ansätze und Probleme einer handlungstheoretischen Semantik aus linguistischer Sicht. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. 1996.

2. Koprov V.Y. *Semantiko funkcional'nyj sintaksis russkogo yazyka v sopostavlenii s anglijskim i vengerskim* [Semantic-functional syntax of Russian language in comparison to English and Hungarian]. Voronezh. Publisher O. Y. Aleynikov. 2010. P. 27.

3. Gak V.G. *Vyskazyvanie i situaciya* [Utterance and the situation] // *Problemy strukturnoj lingvistiki - Problems of structural linguistics*. Moscow. Nauka. 1973. Pp. 358-359.

4. Vygotskiy L. S. *Myshlenie i rech'* [Thought and speech]. Moscow. AST: Khramitel'. 2008. Pp. 162-163.

5. Koprov V. Y. *Aspekty sopostavitel'noj tipologii prostogo predlozheniya (na materiale russkogo, anglijskogo i vengerskogo yazykov)* [Aspects of comparative typology of simple sentences (in Russian, English and Hungarian languages)]. Voronezh. Publishing house of Voronezh State University. 1999. P. 160.

6. Thang L. T. *Dvizhenie v prostranstve i problema kartiny mira* [Motion in space and the problem of the world image]. // *Izv. RAN - Herald of Russian Academy of Sciences*. 1990. Series of lit. and lang. Vol. 49, No. 1, pp. 62-69.

7. Duden "Etymologie": Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / G. Drosdowski. 2. völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. Pp. 280-281.

8. Grammatik der deutschen Sprache: Sprachsystem und Sprachgebrauch / L. Götze, E. W. Hess Lüttich. München: Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH Gütersloh, 1999. P. 254.

9. Apresyan Y. D. *Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral description of the language system and lexicography] // *Izbrannye raboty - Selected works*. Vol. II. Moscow. Languages of Russian culture. 1995. P. 540.

УДК 81'373.2

Ю. А. Гурская

К вопросу о конвергенции в антропонимических системах родственных языков

В статье рассматривается вопрос конвергенции омонимичных антропонимических единиц. В качестве примера анализируются славянские и балтийские антропонимы с компонентами Min(t)-, Nor-/Nar-, Ram-/Rim-, зафиксированные в памятниках письменности XV–XVIII вв., а также в современных антропонимических словарях. Длительное контактирование на территории Великого княжества Литовского разных этнических групп и взаимодействие онимов, содержащих в своем составе омонимичные морфемы, постепенно приводило к конвергенции древних антропооснов с новыми именами, распространившимися в результате христианизации. Данные типологического, сопоставительного, ареального анализа антропонимов родственных языков, а также учет возможности сближения или полного совпадения сходных по форме единиц могут рассматриваться в качестве наиболее объективного критерия, позволяющего определить этимон соответствующей антропоосновы.

The convergence of homonymous anthroponymical units is discussed in this article. As an example, the Slavic and Baltic anthroponymic components Min(t)-, Nor-/Nar-, Ram-/Rim- recorded in written records of the XVI–XVIII centuries as well as in modern anthroponymical dictionaries are analyzed. Prolonged contacts of different ethnic groups in the Grand Duchy of Lithuania and interaction of onyms containing in its composition homonymous morphemes, gradually led to the convergence of ancient anthroponymic roots with new names, spreading as a result of Christianization. Data of typological, comparative and areal analysis of anthroponyms in related languages, as well as the possibility of convergence or complete coincidence of similar unit's forms can be regarded as the most objective criteria to determine the appropriate etymon of anthroponymic roots.

Ключевые слова: конвергенция, антропоним, ономастика, древние фамилии, антропонимический композит.

Keywords: convergence, anthroponym, onomastics, ancient family names, composite proper name.

В настоящее время актуальной является проблема исследования антропонимии, что связано с повышением интереса к личности, а также истории, культуре народа. Как отмечает И. А. Королева, «антропонимика помогает восстановить культурно-исторический фон той или иной эпохи» [1]. При этом многие ученые обращают внимание на то, что ономастический материал часто представляет для исследователя значительные трудности в связи со своей относительной уникальностью, обособленностью, исторической и культурной обусловленностью [2], что позволяет констатировать ненадежность многих этимологических решений.

Известно, что на становление европейской антропонимии значительное влияние оказала христианизация, многие аспекты которой изучены еще недостаточно. По мнению ученых, освоение нового имени могло происходить не только посредством его механического включения в состав ономастической системы, но и путем сближения антропонимов, восходящих к разным языкам и историческим циклам, что усложняет исследование имен собственных [3].

Антропонимическая система современного белорусского ареала формировалась в период, когда данная территория входила в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ), которое населяли разные народы и этнические группы, что приводило к языковым и культурным контактам, ср. [4]. Этнолингвистические отношения, существовавшие на территории ВКЛ, нашли отражение и в антропонимии. В качестве примера предлагаем анализ антропонимов, содержащих антропоосновы, зафиксированные в германских, балтийских и славянских языках.

Min(t)-. Как показывает материал, данная антропооснова широко представлена в балтийских и германских языках, ср. лит.: *Min-algas, Min-baras, Min-butās, Min-daugas, Min-gedas, Min-gelas, Min-gilas, Min-ginas, Min-gintas, Min-gailas, Min-ilgas, Min-jotas, Min-kantas, Min-kelas, Min-mantas, Min-taras, Min-tartas, Min-tautas, Min-vydās*. В качестве второго члена данный элемент зафиксирован в литовских сложных антропонимах: *Ar-minas, Ās-minas, Bárt-minas, Bil-i-minas, Būt-minas, Daū-minas, Eī-minas, Eīd-minas, Eīs-minas, Gaīl-minas, Gál-minas, Gėd-i-minas, Gēr-minas, Kant-minas, Rūd-a-minas, Sūr-minas, Tól-minas, Vyd-minas, Vis-minas* и др. [5]; др.-прусс. *Gayle-mynne, Cante-mynne, Monte-mini, Po-myne, Sur-mynne, Tole-mynne, Wuy-myns; Mynne-gayle, Mynne-gaude, Minate, Minothe, Mine, Mineko* [6]; лтш. *Min-daug* [7]; герм. *Muni-gund, Mun-ulf, Min-rich* [8].

Наличие значительного количества сложных имен дохристианского образца в балтийской и германской антропонимии свидетельствует о том, что антропооснова Min(t) относится к т. н. древне-европейским единицам [9]. Согласно исследователям компонент данных сложных антропонимов восходит к гнезду родственных слов: лит. *minėti* 'упоминать', *mintis* 'мысль', *manýti* 'думать', ст.-слав. *тънѣти* 'думать', русск. *мнить, помнить*; гот. *tunan* 'думать, вспоминать', *anaminds* 'предположение', др.-инд. *mánas* 'мысль, ум, разум' [10].

При этом, как отмечают ученые, наличие многих антропонимов с одинаковыми основами препятствует установлению первичного имени, от которого образовано то или другое гипокористическое [11]. Так, литовские антропонимы *Min-as, Mineikis, Minėvičius, Minkus* ученые соотносят с производными от двучленных литовских имен типа *Min-kantas*, отмечая при этом, что часть их могла быть образована от сокращенных имен христианского происхождения типа нем. *Minkus < Dominikus* [12].

В работах по польской ономастике фамилии *Minko, Mińko, Minek* считаются производными от христианского имени *Mina < Michał* [13] либо единицами, образованными от двучленных славянских имен типа *Minigniew*: *Mina, Minejko, Mineyko, Minias, Minko, Minka, Mińczuk, Minas* [14].

Белорусский исследователь Н. В. Бирилло белорусские фамилии *Мінюк, Міна, Мінко, Мінчук, Мінчэня* связывает с группой образований от христианского имени *Міней* < греч. 'месяц, месячный'; разг. *Міна* [15]. В то же время фамилии *Мінда, Міндзюль* ученый относит к неясным, сопоставляя с чувашским именем *Миндей* [16]. На наш взгляд, не менее убедительно было бы рассматривать данные фамилии как часть перечисленного выше ряда балтийских антропонимов с компонентом Min(t)-, ср. лит. *Mindas < Min-daudas*.

Часть единиц, зафиксированных на территории Беларуси и Польши, где происходило контактирование балтийских и славянских племен, вероятно, содержит элементы антропонимического субстрата, на что могут указывать аффиксальные образования: бел. *Мінчук*, польск. *Mińczuk*, русск. (на территории Смоленщины) *Минчук* – лит. *Minčiukas, Minčius*, лит. топ. *Minčiukai*; др.-прусс. *Mincze*; лит. *Mineikis, Minėika* – бел. *Мінейка* – польск. *Mineyko, Miniejko*.

Таким образом, можно полагать, что основой образования антропонимов с основой Min- послужило несколько источников. После христианизации в условиях балтославянских контактов на территории ВКЛ происходило постепенное сближение омонимичных лексем – имен, содержащих старый компонент Min(t), представленный в балтийских и германских антропонимах, и новых христианских имен с основой Min-(Мин-).

Nor-/Nar-. Как показывает материал, компонент *Nor-/Nar-* широко представлен в балтийской антропонимии, ср. литовские двучленные антропонимы: *Nór-bandas, Nór-budas, Nór-buntas, Nór-butās,*

Nór-būtas, Nór-gailas, Nór-gelas, Nór-gilas, Nór-kalas, Nór-(i)-mantas, Nór-manas, Nór-muntas, Nór-tautas, Nór-vainas, Nór-vaišas, Nór-vydas, Nór-vilas, Nór-vitas. В качестве второго компонента сложных антропонимов: *Baī-noras, Būt-noras, Daī-noras, Daūg-noras, Eī-noras, Vaiš-noras, Viš-noras*; сокращенные: *Nóras, Nór̃s, Nōrus, Noráitis, Norutáitis, Norušáitis, Norkáitis, Noreikónis, Norēlis, Norūlis, Norūtis, Noréika, Noreikis, Nōrušas* [17]; др.-прусск. *Nor-e-munt, Nor-mans, Nor-wig, Nor-moke, Norun*; *Wisse-nor, Waysse-nore* [18]; лтш. *Nareck, Narreise, Narisse, Narus, Narwell* [19].

По мнению исследователей, компонент *Nor-*, зафиксированный в сложных балтийских антропонимах, связан с лит. *norėti* 'хотеть', *nóras* 'желание' [20].

В славянских языках также зафиксированы древние сложные антропонимы с компонентом *Nor-/Nar-*, появление которых обусловлено, вероятно, контактами между балтийскими и славянскими племенами. В памятниках на территории Беларуси: *Нарбутъ Войтюлевичъ* 1528; *Нарвидъ Якубовичъ* [21]; ср. белорусские фамилии: *Войтех Наруш* 1567; *Нара, Норка, Нарук, Наркевич, Нарчук, Нарута, Наруш, Нарушевич, Нарэйка, Нарэль* [22].

В польской антропонимии отмечены следующие единицы: *Nar-but; Nar-but-owicz, Nary-but, Nor-but; Nor-waisz, Nor-woisz, Narwisz* [23].

На территории Смоленщины, которая входила в ВКЛ, зафиксирована фамилия: *Нарбут* [24], ср. лит. *Nór-butas, Nór-būtas*.

Как известно, христианизация повлекла за собой появление множества новых личных имен. При этом собственные имена, возникшие из разных языков, но обладающие полным или частичным сходством звукового состава, при контактировании носителей этих языков, как правило, подвергались процессу конвергенции, ср. [25]. В силу этого закономерным представляется слияние антропонимов, возникших на базе древнеевропейского компонента *Nor-/Nar-*, и онимов, образованных от сокращенных форм христианских имен типа *Наркисс* (< греч. *Nárκισσος*), *Элеонора* (др.-евр. 'elī-nor).

Так, например, антропонимы, отмеченные на территории балтославянского пограничья: бел. *Норка, Нарка, Наркевич*; польск. *Narkiewicz(z)* 1558, *Narkowicz* 1545, *Narko* 1558, *Narkoicz* 1577, *Narkonicz* 1560–1563, *Narkow* 1558 [26] могут рассматриваться и как сокращенные формы от древних сложных имен типа *Nár-kalas, Nór-kalas, *Nor-kantas*, ср. лит. *Norkas, Nork̃s*, и как уменьшительные формы от указанных христианских имен, ср. попытку объяснения древних имен литовских князей путем произвольного сопоставления с христианскими именами, содержащими омонимичные компоненты [27].

В то же время часть польских антропонимов с основой *Nor-* могла возникнуть и в результате контактов с германскими племенами, ср. нем. личное имя *Norbert*, зафиксированное в Польше с XIII в. [28]

Ram-/Rim-. Данная основа широко представлена в германской и балтийской антропонимии: герм. *Ramo, Ramia, Rammi-linc, Rame-rich, Rimo, Rim, Rimicho, Rim-bert, Rimi-ger; Reme-gaud, Rimikus, Rimi-gunda, Rim-her, Rimi-deo, Rim-olt, Rimoin, Ramis*; лит.: *Rameikà, Ramēlis, Ramilis, Raminčius, Ramokas, Ramūtis, Rimà, Rimas, Rimokáitis, Rimūtis, Rimeikà, Rimēlis, Rimša, Rim-vỹdis, Rim-tautas; Būt-rimas, Kant-rimas*; др.-прусск. *Quey-rams, Ramico, Romico, Rammoth, Romeyke; But-rymme*; лтш. *Rammulen, Ramate, Rame, Ramecke, Ramicke, Rim, Rimate, Rimsze, Rimune*; др.-инд. *Bala-rāma, Raghu-rāma, Bhadanta-rāma, Mani-rama*.

Таким образом, территория распространения данной антропоосновы относится к т. н. древнеевропейскому ареалу. Согласно исследователям, указанная антропооснова *Ram-/Rim-* восходит к гнезду родственных слов: лит. *gatus* 'спокойный, тихий, мирный', др.-прусск. *rams* 'спокойный, благонравный', д.-в.-н. *rata* 'поддержка, опора', гот. *rimis* 'спокойствие' [29].

Антропонимы с корневым элементом *Rom-/Ram-* в работах по русской антропонимии связываются с именем собственным *Роман* [30], принятым и православной, и католической церквями.

Фамилии с компонентом *Рым-/Рим-*, зафиксированные на территории Беларуси: *Римутти, Римуть, Римутис, Рымко, Рымутти, Рымдюк*, ученые связывают с христианским именем *Римма* [31].

Исследователи польской антропонимии фамилии *Rymek, Rymkiewicz, Rymkowicz, Rymko, Rymków, Rymowicz, Rymulew* соотносят с церковным именем *Rimma*, однако отмечают возможную связь некоторых из них с литовскими антропонимами *Rimas, Rimuláitis* [32].

Литовские ученые антропонимы с компонентом *Rom-/Ram-* рассматривают как сокращенные формы от сложных балтийских имен типа *Rim-vỹdis*. Обращают внимание параллели в антропонимических системах родственных языков:

герм.	др.-прусск.	лит.	лтш.	польск.	бел.	др.-русск.
Reme-gaud		Rim-gaudas				
Rimi-gunda		Gand-rimas				
Rim-ich-o Rim-ik-us	Ram-ico Rom-ico Rom-iko Rom-ike	Rom-ik-aitis Rym-kus Rim-kus Rim-kis	Ram-icke Ram-eco	Rom-ik Rym-ko Rym-ków Rym-kowicz	Ромік Рым-ко	
	Rom-eyke	Rim-eikà Ram-eikà		Rom-ejkow Rym-ejko	Рам-ейка Ром-ейко	Ром-ейк-овы
	Ram-uth	Rim-ùtis Ram-ùtis	Ram-utis Râm-utis	Rym-ut	Рим-ути Рим-уть Рым-ути Рим-утис	
		Rim-ša Rim-šas Rim-š-ėlis	Rim-ša Rim-šans	Rym-sz-a	Рым-ша Рым-жа	
		Rom-ėlis	Ramm-ele Rim-elis	Rom-el Romm-el	Ром-ель	

Следует отметить, что указанные белорусские и польские фамилии зафиксированы на территории белорусско-польского пограничья, где в древности проживали балтийские племена.

Таким образом, анализ антропонимических материалов родственных языков показывает сложные процессы взаимодействия антропонимических систем разных языков. Длительное контактирование единиц, содержащих в своем составе омонимичные морфемы, постепенно приводило к конвергенции сходных антропонимов, которая «выражается в увеличении числа общих черт в двух или нескольких языках» [33]. Процессы адаптации, сближения антропонимических групп целесообразно рассматривать как результат многовекового лингвокультурного ассимилятивно-интеграционного процесса их носителей и потомков в условиях проживания на полиэтничной территории.

Примечания

1. Королева И. А. Становление русской антропонимической системы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. С. 1.
2. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972. С. 78.
3. Там же. Р. 11.
4. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
5. Zinkevičius Z. Lietuvių pavardžiai. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2008P. 116.
6. Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. Göttingen : Vandenhoeck& Ruprecht, 1925. S. 60.
7. Blese E. Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas. Rīgā, 1929. S. 212.
8. Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch. Bd. I. Bonn: P. Hanstein, 1900.
9. Krahe H. Sprache und Vorzeit, 1954. S. 50, 51.
10. Юркенас Ю. Основы балтийской и славянской ономастики. Вильнюс: Ciklonas, 2003. С. 42–43.
11. Белецкий А. А. Там же. С. 60.
12. Lietuvių pavardžių žodynas / A. Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmukaite. Vol. I. Vilnius: Mokslas. 1989. Pp. 251–252.
13. Słownik staropolskich nazw osobowych / red. W. Taszycki; Kom. Językoznawstwa Polskiej Akademii Nauk. T. III. Wrocław. 1956–1987. P. 517.
14. Rymut K. Nazwiska Polaków: słownik hist.-etymologiczny. Vol. II. Kraków. Wydawnictwo naukowe DWN. 2001. P. 102.
15. Бірыла М. В. Беларуская антропанімія. Мінск: Навука і тэхніка, 1966. С. 120.
16. Бірыла М. В. Беларуская антрапанімія. Мінск: Навука і тэхніка, 1969. Ч. 2. С. 285.
17. Zinkevičius Z. Там же. Р. 26, 122–123, 292.
18. Trautmann R. Там же. S. 72.
19. Blese E. Там же. S. 299.
20. Юркенас Ю. Там же. С. 53.
21. Пераліс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г. Мінск: Бел. навука, 2003. С. 79; 92.
22. Бірыла М. В. Там же. 1969. С. 297.
23. Rymut K. Там же. S. 138; 162.
24. Королева И. А. Словарь фамилий Смоленского края. Смоленск: СГПУ, 2006. С. 334.
25. Юркенас Ю. Там же. С. 27.
26. Abramowicz Z., Citko L., Dacewicz L. Słownik historycznych nazw osobowych Białostoczczyzny (XV–XVII w.) / red. L. Dacewicz. T. I. Białystok, 1997–1998. S. 257.

27. Юргевич В. Опыт объяснения имен князей литовских // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 3. 1883. С. 1–29.
 28. Rymut K. Op. cit. S. 162.
 29. Юркенас Ю. Там же. С. 62.
 30. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М.: Изд-во Астрель, 2001. С. 409.
 31. Усціновіч А. К. Антрапанімія Гродзеншчыны і Брэстчыны (XIV–XVIII стст.). Мінск: Навука і тэхніка, 1975. С. 64.
 32. Abramowicz Z., Citko L., Dacewicz L. Op. cit. T. II. S. 78.
 33. Языковая конвергенция // Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. С. 260.

Notes

1. Koroliova I. A. Stanovljenje rusckoy antroponomicheskoy sistemy [Becoming of Russian anthroponymical system: autoref. dis. D. of Philology]. Moscow. 2000. P. 1.
2. Belecky A. A. Leksikologija i teorija yazykoznanija (onomastika) [Lexicology and theory of linguistics (onomastics)]. Kiev. Kiev University publ. 1972. P. 78.
3. Ibid. P. 11.
4. Vajnrach U. Yazykovye kontakty: sostoyanie i problem issledovaniya [Language contacts: state and problems of research]. Blagoveschensk. BSK of I.A. Boduen de Courtene. 2000.
5. Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos menvardžiai. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2008. P. 116.
6. Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. Göttingen : Vandenhoeck& Ruprecht, 1925. S. 60.
7. Blese E. Latviešu personu vārdi un uzvārdi studijas. Rīgā, 1929. S. 212.
8. Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch. Bd. I. Bonn: P. Hanstein, 1900.
9. Krahe H. Sprache und Vorzeit. 1954. Pp. 50, 51.
10. Yurkenas Y. Osnovy baltiyskoy i slavianskoy onomastiki [Basics of Baltic and Slavic onomastics]. Vilnius. Ciklonas Publ. 2003. Pp. 42-43.
11. Belecky A. A. Ibid. P. 60.
12. Lietuvių pavardžių žodynas / A. Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmukaite. Vol. I. Vilnius: Mokslas. 1989. Pp. 251–252.
13. Słownik staropolskich nazw osobowych / red. W. Taszycki; Kom. Językoznawstwa Polskiej Akademii Nauk. T. III. Wrocław. 1956–1987. P. 517.
14. Rymut K. Nazwiska Polaków: słownik hist.-etymologiczny. Vol. II. Kraków. Wydawnictwo naukowe DWN. 2001. P. 102.
15. Бірыла М. В. Беларуская антропанімія. Мінск: Навука і тэхніка, 1966. P. 120.
16. Бірыла М. В. Беларуская антрапанімія. Мінск: Навука і тэхніка, 1969. Pt. 2. P. 285.
17. Zinkivichus Z. Ibid. Pp. 26, 122-123, 292.
18. R. Trautmann. Ibid. P. 72.
19. Blese E. Ibid. P. 299.
20. Yurkenas Y. Ibid. P. 53.
21. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г. Мінск: Бел. навука. 2003. Pp. 79; 92.
22. Biryła M. V. Ibid. 1969. P. 297.
23. Rymut K. Ibid. Pp. 138; 162.
24. Koroliova I. A. Slovar family Smolenskogo kraja [Dictionary of surnames of Smolensk region]. Smolensk. Smolensk State Pedagogical University Publ. 2006. P. 334.
25. Yurkenas Y. Ibid. P. 27.
26. Abramowicz Z., Citko L., Dacewicz L. Słownik historycznych nazw osobowych Białostoczczyzny (XV–XVII w.) / red. L. Dacewicz. T. I. Białystok, 1997–1998. P. 257.
27. Yurgevoch V. Opyt objasneniya imen kniazey litovskikh [Experience explanations of the names of Dukes of Lithuania] // Chteniya v Imperatorskom obschestve istorii i drevnostey rossiyskikh - Reading in the Imperial Society of History and Russian Antiquities. Book III. 1883. Pp. 1-29.
28. Rymut K. Op. cit. P. 162.
29. Yurkenas Y. Ibid. P. 62.
30. Ganzhina I. M. Slovar sovremennykh russkikh familiy [Dictionary of Contemporary English surnames]. Moscow. Astrel Publ. 2001. P. 409.
31. Усціновіч А. К. Антрапанімія Гродзеншчыны і Брэстчыны (XIV–XVIII стст.). Мінск: Навука і тэхніка, 1975. P. 64.
32. Abramovich Z., Citko L., Dacevich L. Op. cit. Vol. II. P. 78.
33. Yazykovaya konvergenciya - Language convergence // Slovar sociolingvisticeskikh terminow - Dictionary of sociolinguistic terms. Moscow. 2006. P. 260.

Социолексикографический потенциал словаря Дж. Мэйтленда *The American slang dictionary* в репрезентации и систематизации афроэтносоциолектизм

В статье проанализированы структурные, инструментальные и этносоциолексикографические возможности словаря Дж. Мэйтленда *The American slang dictionary*, реализованные в ходе отражения генезиса и бытия афроамериканского субъязыка в период становления афроэтносоциолексикографии в США. Проведенный в статье этносоциолексикографический анализ позволил автору выявить зарегистрированное количество афроэтносоциолектизм, составляющих субстандартную лексико-фразеологическую систему афроамериканского этноязыка, сложившегося к концу XIX в. Особое внимание уделено анализу разработки системы социолексикографических помет для отражения темпорально-исторической и ареально-геолектной вариативности, социально-стилистической стратификации и этико-стилистической градации афроэтносоциолектной лексической системы, а также дериватологических справок и помет для раскрытия структурных, семантических и историко-этимологических процессов и особенностей социолектной номинации в афроамериканском этноязыке, а также сопоставлению словаря с аналогичными британскими словарями.

The article analyzes structural, instrumental and ethnosocial features in the field of lexicographing of afroethnosociolectisms suggested by J. Maitland in his *The American slang dictionary*, which registered the genesis and usage of the AfroAmerican sublanguage in the period of afroethnosocial lexicography foundation in the USA. Ethnosociolexicographic analysis undertaken in the article let the author to reveal the registered number of afroethnosociolectisms which form substandard AfroAmerican ethnocublanguage lexico-phraseological system, dated by the end of the XIX century. Special attention is made to the creation of sociolinguistic analysis of dictionary labels for proper registration of temporal-historic and areal geographic variety, social stylistic stratification and ethno-stylistic gradation of Afroethnosociolect lexical system, as well as derivational references and labels which help to find out structural, semantic and historical-etymological processes and specific features of sociolect nomination within the AfroAmerican ethno-sublanguage, and also to the comparison of the dictionary with the similar British ones.

Ключевые слова: афроэтносоциолектизм, вокабула, дефиниция, негритянский, словарь, социолексикографический, этносоциолект, этносоциум, этнокультур.

Keywords: afroethnosociolectism, definition, dictionary, ethnosociolect, ethnosubculture, negro, sociolinguistic, vocabulary labels.

На пути научного теоретического осмысления и обобщения разнородной лексикографической практики словарной регистрации британо-американского и, шире, полинационального английского мегаафроэтноязыка и его субстандартного компонента – афроэтносоциолекта сделано немало (см., напр., [1]). Тем не менее разработка и уточнение комплексного этносоциолексикографического инструментария для выявления и описания в социолексикографическом, социолектологическом и социолексикологическом форматах специфики лингвоантропологического генезиса и бытия этносоциолектной лексической системы этого очень активного в англоязычном мире афроэтноязыка еще требует дальнейшей проработки.

Обращаясь к специфике этносоциолексикографического анализа отражения генезиса и бытия афроамериканского субъязыка в толковых словарях периода становления афроэтносоциолексикографии в США в плане инвентаря социолексикографических инструментов и набора манифестируемых ими этносоциолексикографических параметров, мы установили, что рассматриваемый в статье словарь Дж. Мэйтленда *The American slang dictionary* (1891) [2] оказался одним из наиболее информативных, наряду со следующими справочниками, созданными на американской почве или для американцев: 1) словарь Дж. Р. Бартлетта *Dictionary of Americanisms* (1848–1877) [3], 2) словарь Дж. Фармера *Americanisms* (1889) [4], 3) словарь С. А. Клапэн *A New Dictionary of Americanisms* (1903) [5] и 4) словарь Р. Г. Торнтон *An American Glossary* (1912) [6] (см. об этом: [7]).

Композиционно мегаструктура словаря Дж. Мэйтленда *The American slang dictionary* [8] включает Предисловие и алфавитный словник, составляющий макроструктуру этого справочника. Само наименование словаря вместе с авторским предисловием и списком принятых сокращений (который подается без заголовка) представляют, в наших терминах, предваряющий текст. Следует отметить, что список этих сокращений весьма важен для нас, поскольку в него включены сокращенные обозначения внешних и внутренних источников заимствования в американский сленг. Вместе с тем этот список представляется фрагментарным и незаконченным; см.: «The abbreviations in brackets signify the original source of the word as (Eng.) England; (Fr.) France; (Ger.) Germany; (Gip.) Gipsy; (Hind.) Hindu; (Am.) American; (Sp.) Spanish; (P. R.) prize ring, etc.» (с. 12).

В плане микроструктурной организации корпуса словаря словарная статья автором нигде и никак не раскрыта. Однако, согласно приведенному подзаголовку, статьи в словнике должны содержать «филологическую и дериватологическую» информацию и о современных автору американских и британских сленгизмах, которые употреблялись в США в конце XIX в.

По нашим наблюдениям, типовая статья, в которой зарегистрированы афроамериканские этносоциолектизмы, содержит четыре постоянных обязательных компонента, подаваемых в следующем порядке: (1) вокабула – заголовочное слово или фразеологизм, (2) ареальная / этимолого-дериватологическая помета, (3) дефиниция, (4) филолого-дериватологические рассуждения лексикографа, иногда сопровождаемые (5) непаспортизированным иллюстративным примером – авторской цитацией, представляющей собой пятый непостоянный и факультативный компонент статьи. Приведем для подтверждения этой композиционной организации одну словарную статью, содержащую все пять данных компонентов, маркированных нами для наглядности арабскими цифрами в круглых скобках, сохраняя при этом авторский формат:

(1) COON (2) (Am.), (3) a negro. (4) "A gone coon" is one in a bad way. (5) The old story, a veritable chestnut, is told that Captain Scott, a noted backwoods sportsman, leveled his gun at a coon in a tree. The coon said, "Is your name Scott?" and being answered in the affirmative said "Don't shoot; I'll come down." David Crockett is often substituted for Captain Scott in variations of this yarn.

В словаре Дж. Мэйтленда *The American slang dictionary* от 1891 г. зарегистрированы, по нашим подсчетам, только 32 сленгизма, которые можно по совокупности всех приданных им данных отнести, достаточно объективно, к афроамериканскому этносубъязыку, что составляет лишь 0,5% от 6000 сленгизмов, содержащихся, по утверждению составителя, в данном словаре.

Рассматриваемый справочник характеризуется следующим немногочисленным, однако достаточно стереотипным набором системно вполне организованных, как это показано на примере процитированной словарной статьи, этносоциолексикографических инструментов, которые лишь частично разъяснены составителем и только в отношении сокращенных наименований используемых им словарных помет. Все эти средства мы раскрываем ниже в наших терминах и понятиях.

Этносоциолексикографический инструментарий параметризации афроэтносубъязыка в словаре Дж. Мэйтленда в социолингвистическом и социолектологическом форматах.

1. Этносоциолексикографический инструментарий раскрытия и описания темпорально-исторических черт социолектной субстандартной лексической системы афроэтносубъязыка для всех 32 афроэтносоциолектизмов представлен только в подзаголовке и Предисловии автора, составляющих предваряющей текст – мегаструктурный инструмент временной идентификации.

В подзаголовке содержится указание на «современное употребление» – т. е. конец XIX в. (как это следует из паспортизации данного словаря) – зарегистрированных в словаре сленгизмов: «Embodying all American and English slang phrases in current use, with their derivation and philology».

В Предисловии автор-составитель, излагая свою целевую установку, особо оговаривает и подчеркивает современность и повседневность бытования собранного им материала (не включаемого в стандартные словари) в речи американцев: «In the preparation of this "Dictionary of American Slang" it has been the aim of the compiler to include as many as practicable of those words and phrases which, though they find no place in standard dictionaries, enter so largely into the everyday speech of the people» (с. 6). Все это, несомненно, можно отнести и к зарегистрированным в нем 32 афроэтносоциолектизмам.

Для двух афроэтносоциолектизмов период их функционирования в американском ареале (AA) точно очерчен элементом дефиниции, выполняющим функцию темпорально-исторической пометы в терминах конкретных годов:

- BULLDOZE (Am.), to over-awe, to terrify, to silence by threats. In Louisiana, about 1876, it was alleged that the negroes were "bulldozed" by the whites to prevent them from exercising the elective franchise.

• CONTRABAND (Am.), which means properly anything forbidden to be imported in time of war in neutral vessels, was applied *during the Civil War, 1861–1865*, to the negro slaves in the South. Gen. B. F. Butler held that negroes were "contraband of war" and declined to give them up. The negro was often spoken of later as "the intelligent contraband" by newspaper correspondents; здесь также указанием на период гражданской войны в США.

2. Этносоциолексикографический инструментарий раскрытия и описания ареально-локальных черт социолектной субстандартной лексической системы афроэтносубъязыка представлен следующими позициями для 32 ед.:

1) мегаструктурным инструментом – наименованием словаря *The American slang dictionary*, как компонентом предваряющего текста, содержащим элемент «American», относящий все 32 сленгизма к АА;

2) мегаструктурным инструментом в предваряющем тексте – специальным указанием в Предисловии, относящим весь зарегистрированный материал, а следовательно, и все 32 афроэтносоциолектизма, к АА, независимо от источников происхождения зарегистрированных в словаре сленгизмов, но с указанием этих источников: «This work, therefore, while aiming to present a full list of distinctively American slang, – that which is born of the soil – will include also the recognized slang words and phrases of English origin and use.... The compilation has been the work of years, the information has been derived from books of all sorts and men of all classes, and the work is offered as an honestly-meant and painstaking contribution to the literature of slang. So far as practicable the derivations of words and the country of their nativity have been given» (с. 7–10);

3) микроструктурным инструментом – национально-ареальными пометами для всех 32 афроэтносоциолектизм:

А) национально-ареальной пометой «(Am.)» [= American]; см., например:

- BONES (Am.), substitutes for castanets; used by negro minstrels.
- BOY (Am.), a negro servant of any age;
- BREAKDOWN (Am.), a dance, generally identified with negro song and dance performers;

Б) национально-ареальной пометой «in the United States» – для 1 ед.: MOKE, ... in the United States a negro;

В) ареально-региолектно-локалектными пометами в дополнение к имеющимся национально-ареальным пометам (5 ед.):

• CONTRABAND (Am.), which means properly anything forbidden to be imported in time of war in neutral vessels, was applied *during the Civil War, 1861–1865*, to the negro slaves *in the South*. Gen. B. F. Butler held that negroes were "contraband of war" and declined to give them up. The negro was often spoken of later as "the intelligent contraband" by newspaper correspondents;

- DONE (Am.), is used by Southern negroes, "done gone" or "done come," etc.;
- SMOKE-WAGON (Am.), a revolver. The word is used by the negroes of the Chicago levee;
- WHITE TRASH (Am.), the poor whites of the South.

3. Этносоциолексикографический инструментарий раскрытия и описания корпоративно-субкультурных черт этносоциолектной лексической системы англоязычного афроэтносубъязыка в словаре Дж. Мэйтленда представлен следующими микроструктурными инструментами:

1) афроэтносоциолектно-субкультурными указателями «negro», «a negro term», «used by ... negroes» в составе дефиниции, маркирующими принадлежность афроэтносоциолектизм к негритянскому лексикону – 5 ед.:

А) к лексикону собственно негритянской этносубкультуры АА:

• BRER', negro for brother. See *Uncle Remus Stories*; здесь есть также отсылка к неадаптированному источнику негритянского фольклора;

• BUCKRA, a negro term for a white man;

• DONE (Am.), is used by Southern negroes, "done gone" or "done come"; здесь также даны цитации, иллюстрирующие внелитературное просторечие – грамматические отклонения от нормы, характерные для неграмотной речи негров того периода;

• GOLLY, an ejaculation used by negroes;

• SMOKE-WAGON (Am.), a revolver. The word is used by the negroes of the Chicago levee;

2) семантизацией вокабулы, иногда в сопровождении элемента дефиниции «a term applied to ... negroes», выполняющего функцию афроэтносоциолектно-субкультурного указателя, что позволяет установить принадлежность соответствующих афроэтносоциолектизм еще к двум этносубкультурным лексиконам – для 27 ед.:

Б) к лексикону этносубкультуры белых людей с его адресной направленностью на негритянский этносоциум АА – для 14 ед.:

- BUCK (Am.), an adult male Indian or negro;

- CUFFEY (Am.), a negro;
- DARKY (Am.), a negro;
- EBONY (Am.), a negro. "God's image carved in ebony";
- MAMMY or MAUMER, an old negro woman;
- NIGGER, a negro;
- SAMBO (Am.), *term applied to male negroes*;
- UNCLE (Am.), *a term applied to an old negro man*;

В) к биэтносубкультурному лексикону смешанного корпоративно-этносубкультурного субъязыка и социолекта, обслуживающих этносоциумы негров и белых АА, – для 13 ед.:

- BONES (Am.), substitutes for castanets; used by negro minstrels;
- BREAKDOWN (Am.), a dance, generally identified with negro song and dance performers.
- CORNER-MAN, otherwise END-MAN. The bones and tambourine players in a negro minstrel show;
- CRAPS (Am.), a game played by negroes with dice, and of which the colored race are passionately fond. The mysteries of "shooting craps," like the Chinese "fan-tan," are practically beyond the ken of white men;
- HOE-DOWN (Am.), a negro dance; same as Breakdown, (q.v.);
- KINKY, curly, like a negroes hair;
- PICKANNINNY (Am.), a negro baby.

Подводя итог этносоциолексикографическому анализу словаря Дж. Мэйтленда от 1891 г., следует признать, что он регистрирует незначительное количество афроэтносоциолектизмов (всего лишь 32), составляющих субстандартную лексико-фразеологическую систему афроамериканского этносубъязыка, сложившегося к концу XIX в. и функционировавшего в АА в трех этно-субкультурных лексиконах – собственно негритянской этносубкультуры, этносубкультуры белых людей с адресатной направленностью на негритянский этносоциум и в биэтносубкультурном лексиконе корпоративно-этносубкультурного субъязыка и социолекта, обслуживающих этносоциумы негров и белых в США. В словаре очень слабо разработана система социолингвистических помет для отражения темпорально-исторической и ареально-геолектной вариативности, социально-стилистической стратификации и этико-стилистической градации афроэтносоциолектной лексической системы, нет четких дериватологических справок и помет для раскрытия структурных, семантических и историко-этимологических процессов и особенностей социолектной номинации в афроамериканском этносубъязыке того периода. Тем самым, этот словарь значительно уступает британским словарям соответствующего исторического этапа становления англоязычной этносоциолексикографии, в частности словарям А. Баррера и Ч. Леланда от 1889–1990 гг. [9] и Дж. С. Фармера и У. Э. Хэнли от 1890–1904 гг. [10] как по количеству зарегистрированных афроэтносоциолектизмов, так и по степени разработанности этносоциолексикографического инструментария, а также и по детальности и адекватности раскрытия генезиса и бытия афроамериканского этносубъязыка посредством этого инструментария.

Примечания

1. *Заграевская Т. Б.* Ареально-локальная характеристика англоязычных афроэтносоциолектизмов как средство раскрытия их генезиса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 61–66; *Заграевская Т. Б.* Лексикографические средства раскрытия структурных особенностей социолектной номинации в англоязычном афроэтносубъязыке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 4. Т. 1. С. 113–119; *Заграевская Т. Б.* Стилистическая стратификация социолектной лексической системы англоязычного афроэтносубъязыка // Вестник Пермского университета. 2013. № 1 (21). С. 63–70; *Заграевская Т. Б.* Этико-стилистические дескрипторы при лексикографировании англоязычных афроэтносоциолектизмов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. № 2. Т. 19. С. 107–111; *Заграевская Т. Б.* Социолексикографический инструментарий описания корпоративно-субкультурных черт англоязычного афроэтносубъязыка // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 2 (4). Т. 15. С. 1013–1020; *Заграевская Т. Б.* Темпорально-исторические маркеры англоязычных афроэтносоциолектизмов как дескрипторы их генезиса и бытия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 5 (1). С. 354–363.

2. *Maitland J.* The American slang dictionary. Chicago: R. J. Kittredge, 1891.

3. *Bartlett J. R.* Dictionary of Americanisms: A Glossary of Words and Phrases, Usually Regarded as Peculiar to the United States. Second Edition. Boston: Little, Brown and Co., 1859. XXII.

4. *Farmer J.* Americanisms: Old & New. A Dictionary of Words, Phrases and Colloquialisms peculiar to the United States, British America, the West Indies, &c. &c., their Derivation, Meaning and Application, together with Numerous Anecdotal, Historical, Explanatory, and Folk-lore Notes. Compiled and Edited by John S. Farmer. London: Thomas Poulter & Sons, 1889. XX, 564 p.

5. Clapin S. A New Dictionary of Americanisms, Being a Glossary of Words Supposed to be Peculiar to the United States and the Dominion of Canada. New York: Louis Weiss & Co., Publishers, n.d. [1903]. XVI, 581 p.
6. Thornton R. H. An American Glossary. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1912. N. Y.: Ungar, 1962. Vol. 1. XIV, 565 p. Vol. 2. P. 567-990.
7. Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б. Афроамериканский этносубязык в субстандартной лексикографии США: «Американизмы» Дж. Фармера // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 2. С. 42-49; Заграевская Т. Б. Становление афроэтносоциолексики в США // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 2 (2). Т. 15. С. 439-447.
8. Далее цитируется по [2] с указанием номера страницы в скобках.
9. Barrère A., Leland Ch. G. A dictionary of slang, jargon, and cant, embracing English, American, and Anglo-Indian slang, Pidgin English, tinkers' jargon and other irregular phraseology. With a new Introduction by Eric Partridge. Vol. 1-2. The Ballantyne Press. MDCCCLXXXIX. Republished by Gale Research Company. Detroit: Gale Research Co., Book Tower, 1967. Vol. 1. A-K. XXIII, 528 p.
10. Farmer J. S., Henley W. E. Slang and its Analogues. Past and Present. A Dictionary, Historical and Comparative, of the Heterodox Speech of All Classes of Society for more than Three Hundred Years. With Synonyms in English, French, German, Italian, etc. 7 vols. Vol. I. A to Byz. MDCCCXC [1890]. Reprinted. New York: Kraus Reprint Corporation, 1974. X, 405 p.

Notes

1. Zagraevskaya T.B. *Areal'no lokal'naya harakteristika angloyazychnyh afroethnosociolektizmov kak sredstvo raskrytiya ih genezisa* [Areal-local characteristic of English afroethnosociolecthisms as a mean of disclosing their genesis] // *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* - Herald of Pyatigorsk State Linguistic University. 2012, No. 3, pp. 61-66; Zagraevskaya T.B. *Leksikograficheskie sredstva raskrytiya strukturnykh osobennostej sociolektnoj nominacii v angloyazychnom afroethnosub'yazyke* [Lexicographic funds of disclosure of structural features of sociolectal nomination in English afroethnosublanguage] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* - Herald of Leningrad State University of A. S. Pushkin. 2012, No. 4, vol. 1, pp. 113-119; Zagraevskaya T.B. *Stilisticheskaya stratifikaciya sociolektnoj leksicheskoj sistemy angloyazychnogo afroethnosub'yazyka* [Stylistic stratification of sociolectal lexical system of English afroethnosublanguage] // *Vestnik Permskogo universiteta* - Herald of Perm University. 2013, № 1 (21), pp. 63-70; Zagraevskaya T.B. *Ehtiko stilisticheskie deskriptory pri leksikografirovanii angloyazychnyh afroethnosociolektizmov* [Ethical stylistic descriptors when lexicographing of English afroethnosociolecthisms] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* - Herald of Kostroma State University of N. A. Nekrasov. 2013, No. 2, vol. 19, pp. 107-111; Zagraevskaya T. B. *Socioleksikograficheskij instrumentarij opisaniya korporativno subkul'turnykh chert angloyazychnogo afroethnosub'yazyka* [Social-lexicographical tools of description of corporate-subculture features of English afroethnosublanguage] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* - Proceedings of Samara scientific center of RAS. 2013, No. 2 (4), vol. 15, pp. 1013-1020; Zagraevskaya T.B. *Temporal'no istoricheskie markery angloyazychnyh afroethnosociolektizmov kak deskriptory ih genezisa i bytiya* [Temporal historical markers in English afroethnosociolecthisms as descriptors of their Genesis] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* - Herald of the Nizhny Novgorod University of N. I. of Lobachevsky. 2013, No. 5 (1), С. 354-363.
2. Maitland J. The American slang dictionary. Chicago: R. J. Kittredge, 1891.
3. J. R. Bartlett Dictionary of Americanisms: A Glossary of Words and Phrases, Usually Regarded as Peculiar to the United States. Second Edition. Boston: Little, Brown and Co., 1859. XXII.
4. Farmer J. Americanisms: Old & New. A Dictionary of Words, Phrases and Colloquialisms peculiar to the United States, British America, the West Indies, &c. &c., their Derivation, Meaning and Application, together with Numerous Anecdotal, Historical, Explanatory, and Folk lore Notes. Compiled and Edited by John S. Farmer. London: Thomas Poulter & Sons, 1889. XX, 564 p.
5. Clapin S. A New Dictionary of Americanisms, Being a Glossary of Words Supposed to be Peculiar to the United States and the Dominion of Canada. New York: Louis Weiss & Co., Publishers, n.d. [1903]. XVI, 581 p.
6. R. H. Thornton An American Glossary. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1912. N. Y.: Ungar, 1962. Vol. 1. XIV, 565 p. Vol. 2. Pp. 567-990.
7. Dubovsky Y. A., Zagraevskaya T. B. *Afroamerikanskij ehtnosub'yazyk v substandartnoj leksikografii SSHA: «Amerikanizmy» Dzh. Farmera* [African American ethnosublanguage in substandard lexicography of USA: "Americanisms" of J. Farmer] // *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* - Herald of Pyatigorsk State Linguistic University. 2013, No. 2, pp. 42-49; Zagraevskaya T. B. *Stanovlenie afroethnosocioleksikografii v SSHA* [Formation of afroethnosociolexicographics in USA] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* - News of Samara scientific center of RAS. 2013, No. 2 (2), vol. 15, pp. 439-447.
8. Hereafter cited in [2], indicating the page number in parentheses.
9. Barrère A., Leland Ch. G. A dictionary of slang, jargon, and cant, embracing English, American, and Anglo-Indian slang, Pidgin English, tinkers' jargon and other irregular phraseology. With a new Introduction by Eric Partridge. Vol. 1-2. The Ballantyne Press. MDCCCLXXXIX. Republished by Gale Research Company. Detroit: Gale Research Co., Book Tower, 1967. Vol. 1. A K. XXIII, 528 p.

10. Farmer J. S., W. E. Henley Slang and its Analogues. Past and Present. A Dictionary, Historical and Comparative, of the Heterodox Speech of All Classes of Society for more than Three Hundred Years. With Synonyms in English, French, German, Italian, etc. 7 vols. Vol. I. A to Byz. MDCCCXC [1890]. Reprinted. New York: Kraus Reprint Corporation, 1974. X, 405 p.

УДК 81'374

О. А. Мелентьева

Гибридные словари языка Чосера: принципы построения (на примере *A Lexical Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer*)

В статье рассматриваются принципы построения мега-, макро- и микроструктуры гибридных словарей языка Чосера, которые сочетают в себе функции различных лексикографических форм и могут быть рекомендованы широкой аудитории пользователей для реализации различных исследовательских целей. В качестве материала исследования выступает справочник *A Lexical Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer* (Oizumi, 2003), объединяющий свойства глоссария и конкорданса. Интеграция данных лексикографических форм позволяет совместить в микроструктуре писательского словаря два её наиболее ценных компонента: толкование и цитату, что дает возможность пользователю получить максимум информации об особенностях языка Чосера при использовании одного справочника.

The author discusses the principles of compilation of hybrid Chaucer dictionaries that combine functions of different lexicographic forms and can be used by a wide range of users to carry out research work of various kind. The author focuses on the lexicographic analysis of *A Lexical Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer* by A. Oizumi (2003) that combines features of a glossary and a concordance. Integration of the given lexicographic forms allows combining two most valuable elements of an author dictionary entry – definition and quotation – in one dictionary. It enables users to get maximum information about Chaucer's language from a single reference book.

Ключевые слова: Чосер, чосеровская лексикография, английская писательская лексикография, глоссарий, конкорданс.

Keywords: Chaucer, Chaucer lexicography, English author lexicography, glossary, concordance.

В настоящее время чосеровская лексикография является одним из перспективных направлений английской писательской лексикографии, репертуар которой постоянно пополняется новыми типами справочников. В течение трех веков словари языка Чосера составлялись преимущественно в форме глоссариев, практика создания которых уходит своими корнями в конец XVI в. Выдвижение глоссария в качестве доминирующей лексикографической формы в чосеровской лексикографии не было случайным: неотъемлемой составляющей его микроструктуры является дефиниция, которая изначально отсутствует в конкордансах, стоявших у истоков западноевропейской писательской лексикографии, и индексах [1], тогда как основная функция словарей языка Чосера заключается в обеспечении адекватной интерпретации произведений писателя, хронологически все более удаленных от каждого последующего поколения читателей.

Заметное повышение интереса к изучению истории становления английского языка и изменение профиля пользователя чосеровских справочников на современном этапе развития чосеровской лексикографии вызывают необходимость создания различных типов словарей языка художника слова наряду с глоссариями.

Самую большую группу такого рода справочников (после глоссариев) составляют *гибридные лексикографические произведения*. Их создатели обращаются к проверенному и эффективному способу интеграции нескольких лексикографических форм в рамках одного словарного продукта, который начал широко применяться в английской национальной лексикографии с конца XX в. в целях оптимизации информационного поиска и расширения информационного пространства словаря (например, стали появляться справочники, объединяющие свойства толкового словаря и тезауруса) [2]. Использование данной техники при создании словарей отвечает запросам пользователей нового поколения, которые стремятся получить максимум информации из одного справочника.

Среди комбинированных словарей языка Чосера наибольшую популярность приобрели справочники, сочетающие в себе функции глоссария и конкорданса – превалирующих лексикографических форм в английской писательской лексикографии. Первый подобный лексикографический ресурс *A Glossarial Concordance to the Riverside Chaucer* был издан Л. Бенсоном в 1993 г. [3]

Основными информационными категориями микроструктуры в словарях такого рода стали лаконичная дефиниция и цитаты, представляющие собой все контексты употребления входной единицы. Следует уточнить, что о необходимости введения иллюстративных примеров в структуру словарной статьи писательского справочника наряду с толкованием еще в конце XIX в. говорил автор первого сводного словаря языка писателей Р. Нарес: «...ни один писательский словарь не может считаться удовлетворительным, если в нем нет иллюстративных примеров» [4].

В рамках настоящей статьи нам представляется целесообразным более подробно остановиться на принципах построения самого нового лексикографического произведения, объединяющего свойства глоссария и конкорданса, *A Lexical Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer*, созданного в 2003 г. японским исследователем творчества Чосера А. Ойцуми [5]. Этот пятитомный лексикографический труд стал дополнением к конкордансу ко всему творчеству писателя *A Complete Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer*, опубликованного этим же автором в период с 1991 по 1992 г. [6]

О. М. Карпова отмечает, что вторая половина XX в. в английской писательской лексикографии является наиболее продуктивным периодом в создании конкордансов в целом: с одной стороны, они продолжают составляться к литературному наследию тех мастеров слова, творчество которых неоднократно становилось предметом лексикографического описания, а с другой стороны, расширяется ряд авторов, попавших в фокус внимания лексикографов [7].

В качестве *целевой аудитории* данного словаря называются студенты, вовлеченные в глубокое изучение текстов Чосера и особенностей его словоупотребления, а также широкий круг медиевистов и историков английского языка [8].

Источниками справочника послужили академическое издание текстов произведений мастера слова *The Riverside Chaucer* [9] и ряд лексикографических ресурсов:

- словари английского языка, основанные на исторических принципах: *The Middle English Dictionary (MED)* [10] и *The Oxford English Dictionary (OED)* [11];
- чосеровские ономастиконы: *Chaucer Name Dictionary* [12] и *A Chaucer Gazetteer* [13].

Мегаструктура справочника содержит две составляющие: вводную часть и словник. Вступительная часть открывается кратким предисловием автора, в котором на примере одной словарной статьи объясняются принципы построения конкорданса и способы лексикографического описания входных единиц. Необходимо подчеркнуть, что А. Ойцуми всецело следует установившейся традиции оформления вводной части современных словарей, в основе которой лежит наглядность правил пользования словарем и лаконичность изложения тех возможностей, которые он предлагает [14].

За предисловием следует перечень аббревиатур, включающий расшифровку сокращений словарей (*Dictionary References*); грамматических и семантических помет (*Grammatical and Semantic Labels, and Others*) и указаний адресов в произведениях Чосера (*Abbreviations for Chaucer's Works*).

Макроструктура представляет собой полный алфавитный словник, в котором зафиксирована вся лексика Чосера.

Словарная статья создается для каждой исходной и словоизменительной формы слова, однако словоформа не разбирается отдельно, а включается в микроструктуру исходной лексической единицы, на что указывает отсылочная помета:

abodes → abod¹ n.

abood² → abod¹ n.

haye → heie¹

hayes → heie¹

Бесспорно, подобная система перекрестных ссылок помогает значительно уменьшить временные затраты на поиск необходимой справки.

А. Ойцуми не демонстрирует какого-либо особого интереса к описанию определенного лексического пласта чосеровского лексикона (например, заимствований, устаревших слов или диалектизм), так как его основная цель состоит в описании всего словарного состава языка Чосера. Однако можно заметить, что среди всей массы заглавных слов он выделяет лексику некоторых предметных областей, например астрономии (*eclipse, ellecioun, elevacioun, elevat, elongacioun, embelif, enhauncin*) и медицины (*egre, egremony, ellebre*). Стоит отметить, что внимание к разработ-

ке терминов отдельных предметных областей, используемых авторами в своих произведениях, характерно для всей английской писательской лексикографии, начиная с середины прошлого столетия. С этого времени активно создаются специальные словари языка Шекспира, а в 2002 г. появляется первый терминологический справочник Чосера *Chaucer's Church...* [15]

Особый интерес в анализируемом словаре представляет лексикографическое описание входных единиц. Приведем пример микроструктуры справочника:

abbesse n. [<MED>; <OED> s.v. *abbess*] *abbess*, woman superior of a convent of nuns

3: **abbesse** [2], **abbessis** [1]

D.WB 678 That was *abbesse* nat fer fro Parys,

RomC 635 And now a none, and now *abbesse*;

RomC 6861 This *abbessis*, and eke bygyns, ...

Заглавное слово представлено в исходной форме и снабжено краткой синонимичной дефиницией. После входной единицы дается грамматическая помета, указывающая на её часть речи. В квадратных скобках демонстрируется, в каком орфографическом варианте данное слово представлено в *MED* и *OED*.

Строкой ниже приведена частотная характеристика для каждой словоформы обрабатываемого слова и общий показатель частоты. По нашему мнению, эта информация является очень ценной при изучении языка Чосера, так как исходя из этих сведений можно получить представление о доминировании тех или иных диалектных форм в словоупотреблении писателя. Рассмотрим это на примере:

fallen v. ...

379: **fall** [7], **falle** [147], **fallen** [46], **falles** [2], **fallest** [2], **falleth** [24],

fallith [4]...

В данном случае частота употребления форм третьего лица единственного числа глагола *fallen* позволяет судить о превалировании вариантов, характерных для южного диалектного ареала среднеанглийского языка (*falleth/fallith* – всего 28 случаев) над восточно-центральными (*falls* – всего два случая) в языке Чосера. Необходимо отметить, что на современном этапе развития английской писательской лексикографии частотной характеристике слова уделяется повышенное внимание со стороны авторов конкордансов, которые, по всей вероятности, испытывают влияние частотных писательских указателей, активно издающихся в данный период времени [16].

Для каждой цитаты указан адрес в произведении Чосера. Выбор длины цитаты подчинен так называемому принципу *KWIC* – *key word in the context*. По-мнению А. Ойцуми, при выборе иллюстративного примера из поэтического текста необходимо ограничиваться одной строкой, тогда как протяженность цитаты из прозаического текста должна быть достаточной для понимания смысла ключевого слова:

abandonen v. [<MED> s.v. *abandonen*, -ounen v.; OED s. v. *abandon* v.]

abandon, devote (oneself) fully to religion

4: **abandone** [1], **abaundoneth** [2], **abawndone** [1]

B.ME 1577 a man that is to desiryng to gete riches *abaundoneth*

hym first to thefte, and to alle othere yveles

Как видно из приведенных выше примеров, ключевое слово выделено курсивом в каждой цитате, что, безусловно, обеспечивает наглядность и удобство работы с конкордансом. Полиграфическая составляющая в чосеровских словарях XX в. совершенствуется с развитием средств полиграфической семиотики и техники оформления словарей нового поколения в английской национальной лексикографии, что делает справочники более привлекательными для пользователя и помогает в значительной степени оптимизировать информационный поиск [17].

А. Ойцуми отмечает, что для входных единиц с высокой частотой употребления фиксировались не все контексты, так как данный справочник создан в качестве дополнения к основному конкордансу Чосера, где каждый случай использования слова подтверждается цитатой. Среди высокочастотных лексических единиц выделяются служебные части речи (*a* [5972]; *abouten* [102]) и общеупотребительная лексика (*don* [1914], *fallen* [379], *felaue* [90], *hed* [241], *ech* [127]).

Удачным решением составителя анализируемого словаря стало включение в структуру некоторых словарных статей фразовых глаголов и устойчивых выражений с заглавным словом:

don² v.

don adversite do harm (*to sbd.*), be injurious

don amendement make amends

don amis do wrong...

Подобное дополнение в значительной степени повышает информативность конкорданса, так как исчерпывающие сведения такого рода не находят отражение ни в одном из чосеровских словарей.

Отдельно стоит обратить внимание на лексикографическое представление имен собственных, которые включены в корпус справочника наряду с нарицательными существительными, что соответствует общей тенденции регистрации ИС в общем словнике, а не в отдельных приложениях в современных словарях, английского языка для общих целей [18].

Их описание ничем не отличается от обработки остальных лексических единиц. Источником их дефиниций выступают два ономастикона Чосера, которые были упомянуты выше:

Eclympasteyr *n.* (*proper n.*) [**<CND>** *s. v.* **Eclympasteyr**] **Eclympasteyr**, a son of Morpheus in the Book of the Dutchess [See **Morpheus** *n.* (*proper n.*)]

1: **Eclympasteyr** [1]

80 167 Morpheus and *Eclympasteyr*

Как видно из примера, имя собственное маркировалось специальной пометой *proper n.* Если оно было связано с каким-либо другим онимом из сочинений Чосера, то в словарной статье появлялась отсылочная помета.

Таким образом, на основании проведенного лексикографического анализа словаря А. Ойцу-ми могут быть сделаны следующие выводы:

- мегаструктура словаря является традиционной и включает вводную часть и корпус;
- макроструктура представляет собой полный алфавитный словник, что говорит о следовании регистрирующему принципу при его формировании. Полнота описания словарного состава языка Чосера, безусловно, является положительной стороной справочника, так как литературное творчество писателя становится хронологически все более удаленным от современного пользователя, что вызывает острую потребность толкования всех лексических единиц из его языка;
- на уровне микроструктуры интеграция глоссария и конкорданса позволила объединить два самых ценных компонента словарной статьи писательского словаря – дефиницию и иллюстративный пример – в одном справочнике, что дает возможность пользователю применять один словарь для получения сведений о языке Чосера различного характера.

В заключение позволим себе выдвинуть предположение, что словари, предполагающие обработку большого массива данных, следует выпускать в электронном представлении, это сделает их более доступными и удобными для изучения. Печатная форма делает издание недоступным для большинства пользователей и немобильным для проведения исследования.

Примечания

1. Карпова О. М. Словари языка писателей. М., 1989. С. 27.
2. Авербух К. Я., Карпова О. М. Лексические и фразеологические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2009. С. 101; Карпова О. М. Английская лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. завед. М., 2010. С. 69.
3. Benson L. D. A Glossarial Concordance to the Riverside Chaucer. 2 vols. L.; N.Y., 1993.
4. Карпова О. М. Словари языка Шекспира. Опыт историко-типологического исследования. XVIII–XX вв. Иваново, 1994. С. 37.
5. Oizumi A. A Lexical Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer. 5 vols. Hildesheim, 2003.
6. Oizumi A. A Complete Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer. 10 vols. Hildesheim, 1991–1992.
7. Karpova O. English Author Dictionaries (the XVIth–the XXIst cc.). Cambridge, 2011. P. 32.
8. Oizumi A. A Lexical Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer. 5 vols. Hildesheim, 2003. P. vii.
9. Benson L. D. The Riverside Chaucer. Oxford, 1987; 2008.
10. The Middle English Dictionary (MED) / ed. by H. Kurath (A–F), Sh. H. Kuhn (G–P), R. E. Lewis (Q–Z). Ann Arbor, 1952–2001. URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/>.
11. The Oxford English Dictionary Online (OED). 3d edn. / chief ed. J. Simpson. Oxford, 2000. URL: <http://www.oed.com>.
12. De Weever J. Chaucer Name Dictionary. A Guide to Astrological, Biblical, Historical, Literary, and Mythological Names in the Works of Geoffrey Chaucer. N. Y.; L., 1996. URL: <http://www.columbia.edu/dlc/garland/deweever/menu.htm>.

13. Magoun F. P. Jr. *A Chaucer Gazetteer*. Chicago, 1961.
14. Карпова О. М. *Английская лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. завед. М., 2010. С. 66.*
15. Foster E. E., Carey D. H. *Chaucer's Church: A Dictionary of Religious Terms in Chaucer*. Vermont, Aldershot, 2002.
16. Карпова О. *English Author Dictionaries (the XVIth–the XXIst cc.)*. Cambridge, 2011. P. 28.
17. Григорович Л. А. *Полиграфические средства современного учебного словаря американского варианта английского языка (на материале «NTC's American English Learner's Dictionary» и «Collins COBUILD Advanced Dictionary of American English»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011.*
18. Горбунов М. В. *Принципы регистрации и лексикографического описания имен собственных в словарях английского языка для общих и специальных целей: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011.*

Notes

1. Karpova O. M. *Slovari yazyka pisatelej* [Dictionaries of writers' language]. Moscow. 1989. P. 27.
2. Averbukh, K. Y., Karpova O. M. *Leksicheskie i frazeologicheskie aspekty perevoda: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij* [Lexical and phraseological aspects of translation: tutorial for students of high school]. Moscow. 2009. P. 101; Karpova O. M. *Anglijskaya leksikografiya: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zaved* [English lexicography: tutorial for students of Phil. faculties of high school]. Moscow. 2010. P. 69.
3. Benson D. L. *A Glossarial Concordance to the Riverside Chaucer*. 2 vols. L.; N. Y., 1993.
4. Karpova O. M. *Slovari yazyka SHekspira. Opyt istoriko tipologicheskogo issledovaniya. XVIII–XX vv.* [Dictionary of Shakespeare's language. Experience of historical and typological studies. XVIII-XX centuries] Ivanovo. 1994. P. 37.
5. Oizumi A. *A Lexical Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer*. 5 vols. Hildesheim, 2003.
6. Oizumi A. *A Complete Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer*. 10 vols. Hildesheim, 1991-1992.
7. Karpova O. *English Author Dictionaries (the XVIth-the XXIst cc.)*. Cambridge, 2011. P. 32.
8. Oizumi A. *A Lexical Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer*. 5 vols. Hildesheim, 2003. P. vii.
9. Benson L. D. *The Riverside Chaucer*. Oxford, 1987; 2008.
10. *The Middle English Dictionary (MED)* / ed. by H. Kurath (A-F), Sh. H. Kuhn (G-P), R. E. Lewis (Q-Z). Ann Arbor, 1952-2001. Available at: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/>.
11. *The Oxford English Dictionary Online (OED)*. 3d edn. / chief ed. J. Simpson. Oxford, 2000. Available at: <http://www.oed.com>.
12. De Weever J. *Chaucer Name Dictionary. A Guide to Astrological, Biblical, Historical, Literary, and Mythological Names in the Works of Geoffrey Chaucer*. N. Y.; L., 1996. Available at: <http://www.columbia.edu/dlc/garland/deweever/menu.htm>.
13. F. P. Magoun, Jr. *A Chaucer Gazetteer*. Chicago, 1961.
14. Karpova O. M. *Anglijskaya leksikografiya: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zaved* [English lexicography: tutorial for students of Phil. faculties of high school]. Moscow. 2010. P. 66.
15. Foster E. E., Carey D. H. *Chaucer's Church: A Dictionary of Religious Terms in Chaucer*. Vermont, Aldershot, 2002.
16. Karpova O. *English Author Dictionaries (the XVIth-the XXIst cc.)*. Cambridge, 2011. P. 28.
17. Grigorovich L. A. *Poligraficheskie sredstva sovremennogo uchebnogo slovarya amerikanskogo varianta anglijskogo yazyka (na materiale «NTC's American English Learner's Dictionary» i «Collins COBUILD Advanced Dictionary of American English»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Printing means of modern dictionary of American English (based on the "NTC's American English Learner's Dictionary and Collins COBUILD Advanced Dictionary of American English"): autoref. dis. ... cand. Phil. Sciences]. Ivanovo. 2011.
18. Gorbunov M.V. *Principy registracii i leksikograficheskogo opisaniya imen sobstvennyh v slovaryah anglijskogo yazyka dlya obshchih i special'nyh celej: dis. ... kand. filol. nauk* [Principles of registration and lexicographic description of proper names in the dictionaries of the English language for general and special purposes: dis. ... cand. Phil. Sciences]. Ivanovo. 2011.

Молодёжная пресса: аспекты характеристики

В статье рассматриваются различные аспекты характеристики в научных исследованиях особенностей молодёжной прессы: история и становление студенческой прессы в России; трактовка понятий «молодежь» и «молодежные СМИ»; специфика региональных молодёжных изданий; язык студенческих газет и т. д. Главным объектом описания является молодёжная газета г. Кирова «СтудEnter». Анализируются тематические группы слов, обозначающих лиц в публикации данного издания, выделяются доминантные лексические единицы в составе каждой из групп. Показывается, что основная содержательная направленность газеты определяется особенностями функционирования на ее страницах таких базовых лексем, как *человек, студент, молодежь, участник, ребенок, волонтер, друг, девушка, руководитель*. Намечаются перспективы характеристики лексики со значением лица в рамках широкого семантического поля «Наименование лиц».

In the article the various aspects of characteristic in scientific researches of features of the youth press are considered: history and formation of the student's press in Russia; treatment of the concepts "youth" and "youth mass media"; specifics of regional youth editions; language of student's newspapers etc. The main object of the description is the newspaper of Kirov youth "StudEnter". Theme groups of the words designating persons in the publications of this edition are analyzed, prepotent lexical units in every such group are allocated. It is shown that the main substantial orientation of the newspaper is defined by features of functioning on its pages of such basic lexemes, as *the person, the student, youth, the participant, the child, the volunteer, the friend, the girl, the head*. Prospects of the characteristic of lexicon with the meaning of the person within the wide semantic field "Name of Persons" are outlined.

Ключевые слова: молодёжная пресса, аспекты характеристики, газета «СтудEnter», тематическая группа, наименования лиц, доминантные лексемы.

Keywords: youth press, aspects of the characteristic, StudEnter newspaper, theme group, names of persons, prepotent lexemes.

В настоящее время всё большее внимание исследователей привлекают молодёжные издания. Молодёжная пресса является объектом характеристики в целом ряде работ. В исследованиях, посвящённых молодёжной прессе, рассматриваются различные аспекты её анализа.

Прежде всего выделим исследования, посвящённые общей характеристике молодёжных изданий. Например, А. Н. Болкунов пишет о возникновении и становлении студенческой прессы в России. Автор пишет о том, что «первым в России периодическим изданием, которое самим своим названием претендовало на статус студенческого, стала газета Санкт-Петербургского университета "Студенческий мир". Её первый номер вышел 16 ноября 1857 г. "Газета внутренней жизни университета" была рукописной, её век оказался недолгим – всего вышло шесть номеров. Эту газету с некоторыми оговорками (тематика издания была чересчур широка) можно считать первым студенческим периодическим изданием России» [1].

Всесторонний анализ понятий «молодежь» и «молодежные СМИ» содержится в работе Д. А. Гайдамак [2]. Автор приводит определения понятия «молодежь» такими авторитетными учёными, как В. Т. Лисовский и И. С. Кон. Приведём эти определения.

1. Молодёжь – «поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте – уже усвоивших образовательные, профессиональные, культурные и другие функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодёжи могут колебаться от 16 до 30» (В. Т. Лисовский).

2. Молодёжь – «социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и социально-психологических свойств. Молодость как определённая фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но её конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» (И. С. Кон) [3].

К молодёжным СМИ, по мнению автора статьи, можно отнести «те печатные, аудиовизуальные и электронные издания, которые: а) ориентированы на возраст аудитории, ограниченный рамками 15–29 лет; б) используют в своей практике особые экстралингвистические и лингвистические контактоустанавливающие средства (среди них особняком стоит молодёжный жаргон; в) освещают актуальную для молодёжи информацию, соответствующую её интересам и внутреннему миропониманию» [4].

О. Е. Бородина в статье, посвящённой студенческой прессе, пишет следующее. Ср.: «Молодёжь – не только наша надежда и будущее, молодёжь – решающая сила нашего сегодняшнего и завтрашнего дня. России очень нужна массовая студенческая организация, способная решать проблемы этой категории молодёжи. Ведь успехи студенческой молодёжи – во многом залог стабильности сегодняшней России, её будущего. Круг молодёжных СМИ постепенно развивается – сейчас в каждом вузе есть газета, а в некоторых их гораздо больше. На каждом факультете нужна регулярно выходящая учебная газета – всё это способствует улучшению учебного процесса. Задача молодёжной журналистики – увидеть эти и другие ростки и уже не упускать их из поля зрения. Именно сейчас, в эти самые творчески годы, нужно ставить себе цели и стремиться к их достижению» [5].

К. А. Розанов также рассматривает молодёжную прессу современной России как важную составляющую студенческой жизни. На примере трёх молодёжных газет («Студенческий город» – Саратов; «Gaudeamus» – Санкт-Петербург; «Кактус» – Ростов) автор анализирует тематическое разнообразие журналистских материалов о студенческой жизни, их жанровую специфику, рубрикации газет, а также интерактивные элементы в молодёжной прессе. Автор приходит к выводу о том, что «современная молодёжная пресса является полноправным членом семьи российских СМИ, подчиняется основным законам современной журналистики и развивается вместе с наиболее качественными изданиями страны» [6].

Среди публикаций о молодёжной прессе выделяются работы, посвящённые конкретным региональным изданиям и молодёжи как адресату, который воспринимает обращенные к нему тексты. Например, А. М. Аткина характеризуя молодёжь Белгородской области, обращает внимание на следующие моменты: «Молодёжь Белгородской области является большой социальной группой со своими специфическими характеристиками – социально-демографическими, психологическими, социокультурными, социально-профессиональными, идеологическими (ценностными), потребительскими. В то же время большинство региональных СМИ не учитывают обозначенные особенности молодёжи при подготовке журналистских материалов, не стремятся удовлетворять информационные потребности молодых белгородцев как своей целевой аудитории или её части» [7].

Региональным молодёжным изданиям Сибири посвящена также работа Н. В. Жиликовой. Анализируя газетно-журнальные проекты Томска начала XX в. в общероссийском контексте, автор отмечает, что «изучение студенческих печатных изданий позволяет расширить общую картину становления системы периодической печати в российских провинциях, проследить формирование этого своеобразного типологического отряда, его поиски собственной читательской аудитории и авторов» [8].

Язык молодёжи и молодёжных СМИ – актуальное направление научных исследований. Чаще всего обсуждаются особенности молодёжного сленга, речевые штампы, слова-паразиты. Эти вопросы рассматриваются в работах М. И. Грачева и Т. В. Романовой; О. А. Анищенко; А. Х. Габуллиной; Н. А. Кузьминой; Е. Е. Матюшенко, Д. А. Савицкой.

В монографии М. И. Грачева и Т. В. Романовой в качестве особо важной проблемы «выделена проблема ментально-эмоционального состояния молодого носителя русского языка» [9].

О. А. Анищенко посвятил своё исследование истории формирования и изучения русского молодёжного жаргона [10].

Е. Е. Матюшенко рассматривает вопрос о функциях жаргонизмов в современной прессе разных лет (2000–2001 гг. и 2007–2008 гг.) и, подводя итоги, пишет: «Очевидным является тот факт, что за последние семь-восемь лет произошли количественные и качественные изменения в характере использования жаргонизмов на страницах печатных СМИ, рассчитанных на молодёжную аудиторию... Тенденция к сокращению количества жаргонизмов в текстах молодёжных СМИ связана с тем, что в последнее время к публикациям предъявляются более высокие требования. К тому же очевидным становится тот факт, что повышается профессионализм журналистов молодёжных изданий... Неизменным остаётся то, что в большинстве случаев сниженные слова и выражения преднамеренно используются в молодёжной прессе для достижения определённого эффекта – повышения экспрессивности, “приближения” к собеседнику, привлечения его внимания, выражения иронии» [11].

Д. А. Савицкая приводит длинный перечень слов-паразитов в речи молодёжи (*факт, значит, жест, ваще, в принципе, типа, чё* и т. д.) и даёт рекомендации тем, кто желает повысить свою речевую культуру [12].

Заемствованная лексика на страницах молодёжных СМИ рассматривается в статье Н. А. Кузьминой. Автор описывает особенности функционирования в современных молодёжных изданиях двух популярных англицизмов – *ди-джей* и *SMS* – и отмечает, что они останутся в словарном корпусе национального языка. «Причина столь определённого прогноза, – пишет автор, – достаточно прозрачна: они вошли в нашу жизнь как наименования новых реалий, уже укоренившихся в западной и американской жизни» [13].

В статье А. Х. Габуллиной рассматриваются японские заимствования в языке молодёжных журналов. Автор пишет о том, что «в настоящее время нет практически ни одного молодёжного издания, которое так или иначе не затрагивало бы японской тематики...» [14].

Думается, что анализа упомянутых выше работ вполне достаточно для того, чтобы показать, что аспекты анализа молодёжных изданий весьма разнообразны, они определяются конкретной целью исследования.

В качестве объекта изучения в рамках общей проблематики, связанной с анализом молодёжных изданий, нами избрана молодёжная газета г. Кирова «СтудEnter». Газета «СтудEnter» выходила в г. Кирове с 2008 по 2014 г. на базе АНО «Молодёжный информационный центр».

Предметом нашей непосредственной характеристики являются нарицательные наименования лиц в газете «СтудEnter». Выбор предмета исследования обусловлен тем, что на первом этапе анализа данного молодёжного издания именно нарицательные существительные, обозначающие лиц, позволят судить об основных классах субъектов и объектов характеристики в молодёжной газете. Исключения из рассмотрения имён собственных связаны с тем, что анализ имён собственных перевел бы наше исследование в рамки работ, посвящённых прецедентным именам, интертекстам. Такая задача нами не ставилась.

Наш материал включает 3721 пример высказываний, содержащих слова, обозначающие лиц, в газете «СтудEnter». Чтобы получить представление об основных пластах лексики, обозначающей лиц в газете «СтудEnter», мы осуществили тематическую классификацию интересующего нас материала. Основная единица классификации – тематическая группа.

Тематическая группа – это «объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений... Изучение словарного состава по его тематическим группам законно не только по причине методических удобств при изложении разнородного лексического материала. Исследование состояния и развития слов, обозначающих различные группы предметов и явлений природы и общества, важно само по себе, что не требует особых доказательств... Классифицировать лексику по тематическим группам слов можно с самыми различными целями, и в каждом таком случае состав группы будет изменяться почти независимо от лексико-семантических связей слов» [15].

Нами были выделены 15 тематических групп. Объединяя слова в составе той или иной группы, мы опирались на «Русский семантический словарь» под ред. Н. Ю. Шведовой [16]. Анализ лексического пополнения каждой из групп с учетом их количественного состава показал, что в центре рассматриваемой системы наименований лиц находятся семь групп, включающих количество примеров не ниже 100. В составе каждой из групп мы выделили доминантные формы с количеством употреблений не ниже 10.

Перечислим основные тематические группы слов, обозначающих лиц, указав общее количество примеров и лексических единиц в каждой группе и представив в перечне только доминантные лексические единицы, сопроводив списки иллюстративными примерами из газеты «СтудEnter».

Основные тематические группы наименований лиц в кировской молодежной газете «СтудEnter»

I. Слова, являющиеся обобщённым наименованием лиц или групп лиц. Всего 964 примера, 13 лексических единиц.

Доминантные лексемы: человек (454), участник (137), гость (26), работник (23), специалист (16). Ср., напр.: **Человек** не обязательно должен иметь красный диплом лучшего вуза страны (08.04.2013. № 3/36). Но если **человек** сам не хочет развиваться, никакое образование ему не поможет (10.10.2013. № 7/40). Самое главное – не стоит бояться! Нужно иметь желание трудиться. **Человек** – должен понимать, чем он хотел бы заниматься (08.02.2013. № 1/34).

II. Слова, обозначающие лиц по принадлежности к определенной профессии, сфере деятельности. Всего 883 примера, 192 лексические единицы.

Доминантные лексемы: волонтер (76), зритель (35), актер (34), автор (30), читатель (32), дизайнер (27), журналист (27), художник (24), редактор (24), мастер (20), любитель (15), музыкант (14). Ср., напр.: *На базе ВятГГУ существует региональный ресурсный волонтерский центр, с помощью которого ты можешь стать даже международным волонтером* (01.09.2012. № 6/30). *Направление создано с целью продвижения талантливых начинающих и уже состоявшихся музыкантов, тех, кто занимается музыкой, кто нацелен на построение карьеры в музыкальной индустрии* (11.11.2013. № 8/41). *Наши журналисты собирают материалы для разного круга читателей, стараются говорить вслух о самых значимых событиях* (05.12.2012. № 9/33).

III. Слова, обозначающие учащихся высших и средних учебных заведений и научных работников. Всего 485 примеров, 27 лексических единиц.

Доминантные лексемы: студент (345), школьник (30), лидер (27), выпускник (22), аспирант (13), ученик (10). Ср., напр.: *Не хочу быть заурядным студентом, который просто посещает пары, хочу оставить свой след в университете, открыть в себе новые таланты* (01.09.2012. № 6/30). *Некоторые выпускники высших учебных заведений подумывают о том, чтобы получить ещё одно образование, но не могут определиться с выбором* (08.04.2013. № 3/36). *Мы побывали на профильных лекционных занятиях, посмотрели, как работают ученики, и вот что выяснили* (08.04.2013. №3/36).

IV. Слова, обозначающие администрацию и работников высших и средних учебных заведений. Всего 350 примеров, 57 лексических единиц.

Доминантные лексемы: руководитель (50), представитель (21), директор (27), президент (21), преподаватель (18), ученый (18), сотрудник (17), коллега (15), начальник (13), учитель (13). Ср., напр.: *Я стал руководителем молодежной организации завода* (05.11.2012. № 8/32). *У каждого есть своя уникальная история, и неповторимой делаем её мы, наше окружение в университете, преподаватели и те ситуации, которые меняют нас и наши убеждения* (10.09.2013. № 6/39). *Не так давно я сама была учителем* (06.02.2012. № 16/25).

V. Слова, обозначающие семейные отношения, социальное положение. Всего 262 примера, 37 лексических единиц.

Доминантные лексемы: ребёнок (219), семья (41), родитель (40), отец (15), жена (15), мама (14), сын (10), бабушка (10), брат (10). Ср., напр.: *Домой я возвращаюсь только в девять-десять вечера и провожу время со своей семьей* (10.09.2013. № 6/39). *У меня творческая семья: отец создал вокально-инструментальный ансамбль и признан золотым голосом Тамбова, но сейчас он оставил карьеру* (08.02.2013. № 1/34). *Каждый родитель хочет, чтобы его ребёнок был в безопасности* (06.02.2012. № 16/25).

VI. Слова, обозначающие лиц по принадлежности к полу. Всего 260 примеров, 28 лексических единиц.

Доминантные лексемы: друг (71), девушка (67), женщина (21), мужчина (14), девочка (11), взрослый (10), юноша (10), мальчик (10). Ср., напр.: *Это очень милая и добрая женщина, которая проверяет наличие билетов перед спектаклями* (08.04. 2013. № 3/36). *Красивые и элегантные образы девушек: платья с пышными юбками и оборками, боа, шляпы, веера, перчатки* (08.02.2013. № 1/34). *Я считаю, что каждый мужчина волен выбирать специальность по своему вкусу, важно понимать для себя – ты учишься ради «корочек» или действительно тебе хочется развиваться в этом направлении* (08.02.2013. № 1/34).

VII. Слова, обозначающие лиц, занятых военной деятельностью. Всего 104 примера, 16 лексических единиц.

Доминантные лексемы: герой (36), солдат (21), боец (11), ветеран (10). Ср., напр.: *Это не вымышленные истории. Это настоящие герои из реальной жизни. Они не сидят на месте и постоянно двигаются вперёд* (10.10.2013. № 7/40). *Ребята не только выступили в роли операторов и журналистов и подготовили 15 видеинтервью, но и стали инициаторами концерта для ветеранов, помогли провести акцию «Спасибо деду за победу»* (13.05.2013. № 4/37). *В армии весьма своеобразные шутки – то затрепину за так просто отвесят, то кровать «заминируют» – поставят растяжку... Это заставляет солдата думать, слушать, смотреть, всегда быть в состоянии боеготовности* (05.05.2012. № 19/28).

За пределами основных групп остались еще восемь групп (с количеством примеров ниже 100). Ср., напр.: ♦ Слова, обозначающие гражданство, национальность и территориальную принадлежность, место работы и жизни. ♦ Слова, обозначающие лиц, знакомых, связанных дружескими или партнёрскими отношениями, а также зависимостью от кого или чего-либо. ♦ Слова, обозначающие лиц с отклонениями от нормы. ♦ Слова, обозначающие лиц по их отношению к деятельности и т. д.

Тематические группы, как было показано выше, имеют различные наполнения по количеству примеров и лексических единиц. Выделенные нами доминантные лексемы определяют содержа-

тельную направленность газеты «СтудEnter». Среди доминантных слов четко просматриваются базовые лексемы с самой высокой частотностью употребления. Именно эти слова и характеризуются нами с наибольшей обстоятельностью с точки зрения их семантики и системных (парадигматических и синтагматических связей). К числу таких базовых лексем относятся девять слов.

Человек (454) – группа I. Слова, являющиеся общим наименованием лиц. **Студент** (345) – группа III. Слова, обозначающих учащихся высших и средних учебных заведений и научных работников. **Ребенок** (219) – группа V. Слова, обозначающие семейные отношения, социальное положение человека. **Молодежь** (149) – группа VI. Слова, обозначающие совокупность лиц. **Участник** (137) – группа I. Слова, являющиеся общим наименованием лиц. **Волонтер** (76) – II. Слова, обозначающие лиц по принадлежности к определенной профессии, сфере деятельности. **Друг** (71) – группа VII. Слова, обозначающие лиц по принадлежности к полу. **Девушка** (67) – группа VII. Слова, обозначающие лиц по принадлежности к полу. **Руководитель** (50) – IV. Слова, обозначающие администрацию и работников высших и средних учебных заведений, правителей.

Доминантные лексические единицы дают представление о ядерной части системы слов, обозначающих лиц в газете «СтудEnter», а также об особенностях употребления данной лексики на страницах периферийного молодежного издания.

Например, слово **человек** как доминантная единица в составе группы «Слова, являющиеся общим наименованием лиц» употребляется в газете «СтудEnter» в обобщенном значении, обозначая человека как такового. Ср., напр.: *Нужно думать, что человек от природы хороший* (08.02.2013. № 1/34). *Самое главное – не стоит бояться! Нужно иметь желание трудиться. Человек – должен понимать, чем он хотел бы заниматься* (08.02.2013. № 1/34). *Вместе с этим меняется стиль мышления. Читая с ридера или компьютера, человек просматривает информацию и выбирает только самое нужное* (05.2013. № 4/37). *Но если человек сам не хочет развиваться, никакое образование ему не поможет* (10.10.2013. № 7/40). Даже в высказываниях, где слово **человек** сопровождается уточняющими его значение прилагательными, оно обычно не утрачивает обобщающего смысла, хотя рамки этого смысла сужаются, ограничиваясь пределами той категории лиц, на которую указывает адъективное слово. Ср.: *Образованный человек должен знать все теории* (08.04.2013. № 3/36). Смысл высказывания: *Всякий (каждый) образованный человек должен знать все теории* [17].

Слово **студент** обозначает субъекта какого-либо активного действия, на что указывает семантика глагола-сказуемого. Ср.: напр.: *Студенты выдвинули свои предложения* (05.12.12 № 9/33). *Студенты используют кроме шпаргалок множество разных хитростей* (01.09.12 № 6/30). *Студенты будут задавать вопросы* (05.11.12 № 8/32). *Исъявили свое желание участвовать в этом проекте 129 студентов ВятГГУ* (05.04.12 № 1/25).

В ряде случаев слово **студент** является подлежащим в страдательной конструкции (сказуемое – краткое страдательное причастие) и выражает объектное значение, обозначая лицо, испытывающее чье-либо воздействие. Это воздействие предполагает активную ответную реакцию на него студента. Ср.: *В планах – сотрудничество с другими странами. А пока студенты будут задействованы в летней универсиаде-2013 в Казани* (05.11.12 № 8/32). *Все студенты были распределены по тематическим площадкам, что позволило нам максимально продуктивно потрудиться* (05.12.12 № 9/33). *Студенты подвержены новым веяниям вдвойне, поэтому я надеюсь вдохновлять вас на незабываемые изменения* (05.04.12. № 1/25). Подробнее см. [18].

Углублённый анализ доминантных (прежде всего ядерных) лексических единиц в составе каждой из выделенных групп и в рамках семантического поля «Наименования лиц в газете «СтудEnter»» в целом в дальнейшем позволит реконструировать собирательный образ субъектов и объектов молодежной газеты как участников коммуникативного процесса [19].

Примечания

1. Болкунов А. Н. Возникновение и развитие студенческой периодики в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Филология. Журналистика». 2008. Т. 8. № 2. С. 78.
2. Гайдамак Д. А. PR-сопровождение молодёжных СМИ Санкт-Петербурга: теоретико-методологические основы исследования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85. № 6–2. С. 155–161.
3. Там же. С. 155.
4. Там же. С. 156–157
5. Бородина О. Е. Студенческие СМИ как способ реализации и развития внутреннего потенциала молодёжи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 2. С. 357.
6. Розанов К. А. Молодёжная пресса как составляющая студенческой жизни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. « Филология. Журналистика». 2009. Т. 9. № 2. С. 87.

7. Аткина А. М. Молодёжь белгородской области как аудитория региональных СМИ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2011. Т. 10. № 12. С. 202.
8. Жиликова Н. В. Особенности первых студенческих изданий Сибири (на примере газетно-журнальных проектов Томска начала XX века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «История, филология». 2012. Т. 11. № 6. С. 5.
9. Грачев М. И., Романова Т. В. Язык молодежи. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 2008. С. 3.
10. Анищенко О. А. Эволюция обозначения молодёжной речи: от технического языка до жаргона // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 108–117.
11. Матюшенко Е. Е. Функции жаргонизмов в современной молодёжной прессе: диахронический аспект // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2008. Т. 7. № 5. С. 102.
12. Савицкая Д. А. Слова-паразиты в речи молодёжи // Русский язык в школе и дома. 2009. № 4. С. 22–26.
13. Кузьмина Н. А. DJ-ЭСЭМЭСИТ: популярные заимствования на страницах молодёжной прессы // Омский научный вестник. 2008. № 5–72. С. 126.
14. Габдуллина А. Х. Японские заимствования в языке современных молодёжных журналов // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2011. Т. 1. № 7. С. 59.
15. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Езиковецки исследования в чест на акад. Стефан, Младенов. София, 1967.
16. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I. М., 1998.
17. Ван Чжи. Наименования лиц обобщенной семантики в молодёжной прессе (на материале Кировской городской газеты «СтудEnter») // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 122–129.
18. Ван Чжи. Существительное *студент*: семантика и синтаксические позиции (на материале региональной газеты «СтудEnter») // Рациональное и эмоциональное в русском языке: междунар. сб. науч. тр. М., 2013. С. 25–27; Ван Чжи. Слово *студент* в синтагматическом ряду (на материале Кировской газеты «СтудEnter») // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров. 2013. С. 109–113.
19. Чернова С. В. Образ человека: толкование термина, источники для изучения, множественность интерпретаций, лингвистический анализ // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема: материалы Междунар. конф. 5–7 октября 2011 г. Киров, 2011. С. 9–24.

Notes

1. Bolkunov A. N. *Vozniknovenie i razvitie studencheskoj periodiki v Rossii* [Appearance and development of student periodicals in Russia] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta* - News of Saratov University. New series. Ser. "Philology. Journalism". 2008, vol. 8, No. 2. P. 78.
2. Gaydamak D. A. *PR soprovozhdenie molodyozhnyh SMI Sankt Peterburga: teoretiko metodologicheskie osnovy issledovaniya* [PR-support of youth media of St. Petersburg: theoretical and methodological foundations of research] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* - News of the Ural Federal University. Ser. 1: Problems of education, science and culture. 2010, vol. 85, No. 6-2, pp. 155-161.
3. Ibid. P. 155.
4. Ibid. Pp. 156-157
5. Borodina O. E. *Studencheskie SMI kak sposob realizacii i razvitiya vnutrennego potenciala molodyozhi* [Student media as a way of realization and development of the internal potential of youth] // *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* - Actual problems of natural sciences and Humanities. 2009, No. 2, p. 357.
6. Rozanov K. A. *Molodyozhnaya pressa kak sostavlyayushchaya studencheskoj zhizni* [Youth media as a component of student life] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta* - Herald of Saratov State University. New series. Ser. "Philology. Journalism". 2009, vol. 9, No. 2, p. 87.
7. Atkina A. M. *Molodyozh' belgorodskoj oblasti kak auditoriya regional'nyh SMI* [Youth of Belgorod region as an audience of regional media] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* - Scientific journal of the Belgorod State University. Ser. "Humanities". 2011, vol. 10, No. 12, p. 202.
8. Zhilyakova N.V. *Osobennosti pervyh studencheskih izdanij Sibiri (na primere gazetno zhurnal'nyh projektov Tomsk na nachala XX veka)* [Features the first student publications in Siberia (for example, newspaper and magazine projects of Tomsk at the beginning of XX century)] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* - Herald of Novosibirsk State University. Ser. "History, Philology". 2012, vol. 11, No. 6, p. 5.
9. Grachev M. I., Romanova T.V. *Yazyk molodezhi. Lingvisticheskij landshaft Nizhnego Novgoroda* [Language of the youth. Linguistic landscape in Nizhny Novgorod]. N. Novgorod. 2008. P. 3.

10. Anishchenko O. A. *EHvolyuciya oboznacheniya molodyozhnoj rechi: ot tekhnicheskogo yazyka do zhargona* [Evolution of denomination of the youth speech: from technical language to slang] // *Voprosy yazykoznavaniya - Problems of linguistics*. 2009, No. 2, pp. 108-117.
11. Matyushenko E. E. *Funkcii zhargonizmov v sovremennoj molodyozhnoj presse: diahronicheskiy aspekt* [Functions of jargon in modern youth media: a diachronic aspect] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta - News of the Volgograd State Technical University*. 2008, vol. 7, No. 5, p. 102.
12. Savitskaya D. A. *Slova parazity v rechi molodyozhi* [Words-parasites in the speech of young people] // *Russkiy yazyk v shkole i doma - Russian language at school and at home*. 2009, No. 4, pp. 22-26.
13. Kuzmina N. A. *DJ EHSEHMEHSIT: populyarnye zaimstvovaniya na stranicah molodyozhnoj pressy* [DJ-SMS'es: popular borrowings on the pages of the youth press] // *Omskiy nauchnyy vestnik - Omsk scientific herald*. 2008, No. 5-72, p. 126.
14. Gabdullina A. H. *YAponskie zaimstvovaniya v yazyke sovremennykh molodyozhnykh zhurnalov* [Japanese loanwords in the language of modern youth magazines] // *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya - Sign: the problem field of media education*. 2011, vol. 1, No. 7, p. 59.
15. Filin F. P. *O leksiko semanticheskikh gruppah slov* [About lexical-semantic groups of words] // *Езиковедски исследования в чест на акад. Стефан Младенов*. Sofia. 1967.
16. *Russkiy semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij - Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, classified according to the classes of words and meanings* / edited by N. Y. Shvedova. Vol. I. Moscow. 1998.
17. Wang Zhi. *Naimenovaniya lic obobshchennoj semantiki v molodezhnoj presse (na materiale kirovskoj gorodskoj gazety «StudEnter»)* [Names of persons of generalized semantics in the youth press (on the material of the Kirov city newspaper "СтудEnter")] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta - Herald of the Vyatka State University of Humanities*. 2014, No. 6, pp. 122-129.
18. Wang Zhi. *Sushchestvitel'noe student: semantika i sintaksicheskie pozicii (na materiale regional'noj gazety «StudEnter»)* [Noun student: semantics and syntactic positions (on the material of the regional newspaper "СтудEnter")] // *Rational and emotional in the Russian language: intern. coll. of scientific articles*. Moscow. 2013. Pp. 25-27; Wang Zhi. [The word student in syntagmatic row (on the material of the Kirov newspaper СтудEnter)] // *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr.- Semantics. Functioning. Text: inter-high school coll. of scientific articles*. Kirov. 2013. Pp. 109-113.
19. Chernov S.V. *Obraz cheloveka: tolkovanie termina, istochniki dlya izucheniya, mnozhestvennost' interpretacij, lingvisticheskij analiz* [The image of a man: interpretation of the term, sources for the study, the multiplicity of interpretations, linguistic analysis] // *Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema: materialy Mezhdunar. konf. 5-7 oktyabrya 2011 g - Interpretation of the image of a man as a linguistic problem: proceedings of the Intern. conf. October 5-7, 2011*. Kirov. 2011. Pp. 9-24.

УДК 81'42

М. М. Морараш

Сравнение как особый компонент художественного содержания текста (на примере романа В. В. Набокова «Машенька»)

В статье на основе анализа романа В. Набокова «Машенька» показаны некоторые особенности организации сравнительных конструкций. Традиционное понимание сравнения как средства языка, устанавливающего буквальные связи и отношения между предметами/явлениями действительности, в условиях художественного текста расширяется за счет выявленной роли сравнения в моделировании действительности. Сравнение предстает как структурно-семантическая единица, обладающая собственными средствами выражения и закономерностями реализации в дискурсе. Определено, что разнобразные синтаксические конструкций ориентировано на вскрытие сложного комплекса семантических отношений, но сущностью сравнения главным образом является сам образ, он же в свою очередь служит для обозначения как наглядности, так и оценочности. Отношение автора к создаваемому им духовному миру человека и окружающей его действительности репрезентировано имплицитно, с помощью сложных сравнений.

On the basis of analysis of the novel by Vladimir Nabokov, "Mary" shows some of the features of the organization of comparative constructions. The traditional understanding of language as a means of comparison, establishing literal connections and relationships between objects / phenomena of reality, in terms of a literary text is expanded by identifying the role of comparison in the simulation of reality. A comparison is presented as a structural semantic unit, with its own means of expression and the laws implemented in the discourse. Determined that a variety of syntactic structures focused on opening a complex set of semantic relations, but the essence of the comparison is mainly a self image, he, in turn, serves to indicate the clarity and Evaluation. Author's attitude to it creates a spiritual world of man and the reality around him to represent implicitly, using sophisticated comparisons.

Ключевые слова: В. Набоков, роман «Машенька», сравнительные конструкции, простое сравнение, образное сравнение, сложное сравнение, имплицитность, оценочность, модель мира.

Keywords: Vladimir Nabokov, novel "Mary", comparative design, simple comparison, figurative comparison, a complex comparison, implicitness, estimation, model of the world.

На нынешнем этапе развития лингвистики осознание роли языка как средства концептуализации действительности может быть соотносимо с языковым отражением этой самой действительности в художественном тексте. Художественный текст в когнитивной лингвистике рассматривается как сложный знак, который репрезентирует действительность в виде индивидуально-авторской картины мира. Трудно было бы утверждать, что для понимания языковой картины мира, созданной в художественном тексте, не требуется осмысления структурно-семантической организации его языка. Насколько позволяют судить доступные данные нашего анализа романа «Машенька» [1], сравнение (всем известно как стилистический прием) может представлять собой значимый *автономный* когнитивный компонент информации, входящий во взаимодействие с другими когнитивными компонентами информации. Мы вполне разделяем точку зрения С. И. Ожегова, определяя сравнение как «слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому» [2]. Из этого определения следует, что в структуре сравнения оказываются соотнесены как минимум два предмета/явления, однако стоит уточнить, что один из них, скорее, является источником сравнения, а значит эксплицитным, т. е. понимаемым буквально. Кроме того, сравнение, как правило, предполагает соответствие морфологических форм участвующих в его образовании компонентов.

Как языковые ресурсы демонстрируют различные структурные формы реализации сравнительных конструкций, так же и в языке романа «Машенька» В. В. Набокова нашла отражение особая своеобразно развитая система изучаемых конструкций, расчлененная на два основных типа:

I тип – конструкции с *явно выраженными* сравнительными признаками. Они подразделяются на следующие:

1) конструкции, построенные посредством сравнительных союзов / сравнительных модальных частиц (**как, как будто, будто, словно** и др.): *Этот день его, как и предыдущие, прошел вяло* (41) и др. Они являются достаточно известными и часто описываемыми в научных трудах. В них возможно несоответствие морфологических форм сравниваемых компонентов: *висячими ушами* (Т. п.), *бархатными на концах, как бахроме* (И. п.) *бабочки* (38), *ленивых рабочих* (Р. п.), *вольно и равнодушно, как синие ангелы* (И. п.), *проходивших с балки высоко наверху* (49), *а по улицам* (Д. п.), *ставшим широкими, как черные блестящие моря* (И. п.), *в этот поздний час* (53), *и там прощались – длительно, горестно* (наречие), *словно перед долгой разлукой* (предложно-падежная форма существительного) (82), *валил отвесно крупный мягкий снег в сером, как матовое стекло* (И. п.), *воздухе* (П. п.) (83) и др. Приведенные примеры демонстрируют несоответствие форм падежей: формы уши как бахроме бабочки, рабочие как синие ангелы, улицы как черные блестящие моря и т. д. были бы вполне традиционными. Сравнительный оборот может предстать и вовсе с «отсутствием соотносимого члена» [3], в таких случаях мы имеем сравниваемое без сравниваемого. Приведем примеры: *лежишь* (где?) *словно на воздухе* (56), *не глядите* (как?) *на меня, Клара, как раненая лань* (101), *ходить на руках и двигаясь* (как?) *подобно парусу* (39), *распахивавшиеся* (как?) *как легкие крылья* (43), *повернувшись* (как?) *как корабль ушел* (50), *лежала* (как?) *как мертвая* (55), *Лидия Николаевна с ведрами в руке шуркнула* (как?) *мимо него, как мышь* (69) и др. Здесь сопоставляемый член без соотносимого члена в первой части сравнения выступает в качестве обстоятельства. Кроме того, сопоставляемый член может выступать в качестве определения: *«между черных задних стен* (каких?), *словно срезанных, домов*» (41), *«и цветной моток шелка* (какой?), *как живой, прыгивает с колен матери*» (57) и др.

Сравнения могут быть осложнены обособленными оборотами и придаточными определительными: *И было что-то трогательно-чудесное, – как в капустнице, перелетающей через*

траншею, – в этом странствии писем через страшную Россию (97); Дом был, как призрак, сквозь который можно просунуть руку, пошевелить пальцами (100);

2) конструкции со сравнительной степенью прилагательных или наречий или с использованием формы существительных в творительном падеже: *и с плеском легкого дождя, сетью мгновенных колец прыгнула стая рыб* (104); *Этот желтый блеск свежего дерева был живее самой живой мечты о минувшем* (111); *еще так недавно он умел, не хуже японского акробата, ходить на руках* (39).

II тип – конструкции с неявно выраженными сравнительными признаками. Они, в свою очередь, подразделяются на следующие:

1) конструкции, имеющие в своем составе неопределенное местоимение **что-то** и следующее за ним прилагательное с зависимыми словами, слова типа **похожий, подобный, напоминавший, изображая, представился, казался, что** и т. д.: *было что-то лубочное, слащаво-евангельское в его чертах* (37) (неявное сравнение с лубочным, слащаво-евангельским); *И прищуренными глазами глядя внимательно на что-то желто-зеленое, текучее, жаркое, что было в обыкновенное время липовой листвой* (76) (здесь скрытое сравнение во второй части предложения становится вполне раскрытым: желто-зеленое, текучее, жаркое – это и есть липовая листва); *Это было мучительное и страшное состояние, несколько похожее на ту тяжкую тоску, что охватывает нас, когда, уже выйдя из сна, мы не сразу можем раскрыть, словно навсегда слипшиеся, веки* (47); *почти неземного волнения, подобно музыке, играющей именно тогда, когда мы делаем что-нибудь обыкновенное* (48), *вся жизнь ему представилась той же съемкой, во время которой равнодушный статист не ведает, в какой картине он участвует* (50); *Кларе казалось, что она живет в стеклянном доме, колеблющемся и плывущем куда-то* (61); *И Ганину казалось, что чужой город, проходивший перед ним, только движущийся снимок* (71); *темные, густые брови, напоминавшие Кларе обрезки дорогого меха* (88); *было что-то подобное смерти в их неизбежных отъездах* (94); *и его крепкие шаги будили в ступенях отзвуки, подобные бою медленного сердца* (110) и др.;

2) конструкции, в которых определенные формы слов могут указывать на имеющееся сходство предметов/явлений (существительные, выступающие в функции несогласованного определения, качественные прилагательные, перешедшие из разряда относительных или притяжательных, глаголы, наречные слова): *оба по-женски* (наречие) *смешливые, худенькие с припудренными носами и мускулистами ляжками* (38) (сравнение мужских персонажей Колина и Горностаева с женщинами); *он [Колин] по-женски* (то же самое) *надувал губы, возясь с чайником, а потом стал что-то мурлыкать* (глагол в перен. значении – говорить мягким голосом, что также вполне схоже с женщинами), *тихо и сосредоточенно*; *чулки поросычьего* (перешедшее из разряда притяжательных качественное прилагательное) *цвета, с птичьими* (то же самое) *ужимками* (43), *деревянными* (то же самое) *голоском* (46), *мышиными* (то же самое) *шажками, цвета высохшей глины* (существительное, выступающее в роли несогласованного определения) (109) и др.;

3) конструкции, содержащие уточняющий оборот или придаточное определительное с указательным местоимением **тот** в главной части сложноподчиненного предложения: *Идя к обеду, он не подумал о том, что эти люди, тени его изгнаннического сна* (люди как тени) *будут говорить о настоящей его жизни, – о Машеньке* (71); *Стояла та особая, тяжелая, глуховатая тишина, которая бывает, когда несколько человек молча сидят вокруг больного* (тишина сравнивается с тишиной при других обстоятельствах) (106); *с тем щемящим чувством одиночества, которое всегда овладевает нами, когда человек, нам дорогой, предается мечте, в которой нам нет места* (88);

4) конструкции, в которых создаются такие не менее известные приемы, чем сравнение, как метафора и перифраза и др. Нельзя не отметить в нашем исследовании данные языковые явления, поскольку метафора общеизвестно определяется как разновидность сравнения, при этом слова, участвующие в образовании метафоры, используются в переносном значении на основе сходства предметов (явлений): *к пурпурной резине ее поддающихся губ* (поддающиеся губы сравниваются с резиной); *мутные сумерки, которыми постепенно наливалась комната, заполняют его всего, претворяют самую кровь в туман* (природные сумерки сравниваются с сомнительными, противоречивыми чувствами или эмоциями) (47); *А что если этот сложный пасьянс никогда не выйдет во второй раз?* (воспоминание Ганина, постепенно выстраивающее цепь событий и эмоций, сравнивается с пасьянсом) (59); *Да, вы правы, нежнейший цветок. Я вот уверен, что она придет сюда цветущая, веселая* (Машенька сравнивается с цветком) (45). Перифраза в условиях функционирования романа также становится разновидностью сравнения: *Где оно, – все это далекое, светлое, милое* (98) (прошлое сравнивается с далеким, светлым, милым).

Итак, в количественном отношении преобладают сравнительные конструкции с соответствующими союзами или модальными частицами, но нельзя сказать, что именно это и является оп-

ределяющим в стиле В. Набокова. Писатель не ограничивается обычными способами создания сравнительных элементов (с союзами **как, словно, будто** и т. д. или сравнительной степенью прилагательного и наречия) и, отказавшись от прямолинейного отождествления предметов/явлений, использует достаточно оригинальные (непривычные с точки зрения образования и весьма разнообразные), на наш взгляд, построения. Указанные особенности сравнительных конструкций заставляют задуматься над вопросом: а можно ли это считать проявлением известной набоковедам склонности писателя к языковой игре? Возможно, если учесть, что такой простой компонент художественной литературы, описанный в разделе стилистики, действительно обыгрывается писателем. Здесь в принципе возможны два направления исследования. Одно из них может быть обусловлено спецификой идиостиля автора (своего рода украшение простой фабулы романов, вовлечение читателя в игру и т. д.), в этом случае непривычные и разнообразные языковые конструкции могут представлять «стилевой доминантой», «знаком стиля» В. В. Набокова. Другое направление исследования может быть связано с тем, что оригинальные построения данного языкового явления выдают стоящую за этим знаком сложную систему идей произведения, поэтому сравнение является синтаксическим средством активации определенной когнитивной модели действительности. На наш взгляд, названные особенности сравнительных конструкций (мы отметили их *неповторимость и разнообразие*) в значительной мере способствуют формированию насыщенной семантики и эмоционального отношения писателя к создаваемому им миру.

Как известно, текст – это действительность *образно-чувственного* моделирования мира, причем он моделирует не только материальный мир, но и «переживания» писателя. Верно, на наш взгляд, отмечает О. Н. Кашкарова: «Ценность сравнения как акта художественного познания в том, что сближение разных предметов помогает раскрыть в объекте сравнения, кроме основного признака, также ряд дополнительных, что значительно обогащает художественное впечатление» [4]. Обогащению художественного впечатления в наибольшей мере, несомненно, способствуют так называемые образные сравнения. При этом лингвисты, помимо традиционного определения, данного упомянутого С. И. Ожеговым, чаще всего считают сравнением именно «образное выражение, построенное на сопоставлении двух предметов или состояний, имеющих общий признак» [5], или, согласно другой формулировке, «сопоставление одного предмета с другим *с целью художественного описания* первого» [6]. Конечно, в художественном тексте функционируют как простые, так и образные сравнения. Другое дело (что вполне логично), простые сравнения, функционируя в художественном тексте, трансформируются в художественные, а значит образные. Отсутствие строгой классификации сравнений позволяет определить сравнения в следующем виде: сравнительные конструкции, которые не содержат сравнение образного типа, называются *простыми*, и наоборот: сравнительные конструкции, которые содержат сравнение образного типа, относятся к *образным*. В первом типе предметы/явления, участвующие в процессе сравнения, устанавливают между собой полную или неполную связь планов содержания и чаще всего выражения. Когда речь идет о неполной связи планов содержания, имеется в виду, что значения двух сближаемых форм могут быть возведены к одному общему значению, но в их соотношении отражены только *объективные* (обычные, общеизвестные) свойства и, скорее всего, нельзя говорить о моделирующей роли их сочетания, данные формы в этом случае считаются корреспондирующими. Приведем примеры: *он* [Ганин] (одуш.), «*как баба*» (одуш.), *страдает бессонницей* (40); *как большинство стареющих поэтов* (одуш.), *он* [Подтягин] (одуш.) *был склонен к простой человеческой логике* (45); *Людмила* (одуш.) *как большинство женщин* (одуш.) *ее типа* (49); *оба* [Колин и Горноцветов] (одуш.) *по-женски* (как женщина – одуш.) *смешливые, худенькие с припудренными носами и мускулистыми ляжками* (38); *улицы* (неодуш.) *как моря* (неодуш.) (53); *чемоданы* (неодуш.) *как ведра* (неодуш.) (109); *маленькая женщина* (одуш.) *как старушка* (одуш.) (39); *стулья* (неодуш.) *как кости* (неодуш.) (38); *небо* (неодуш.) *как молоко* (неодуш.) (41); *чиновник* (одуш.) *как учитель* (одуш.); *чайки* (одуш.) *как вороны* (одуш.) (104); *Антон Сергеевич* (одуш.) *как младенец* (одуш.) и др. Здесь сравнение происходит по сути на основе сопоставления однотипных объектов или субъектов по признаку одушевленность – одушевленность, неодушевленность – неодушевленность.

Во втором типе сопоставление фактически включает в себя разнородные объекты и по своей сути является алогичным (представляют собой сочетания несовместимых понятий). Например: *И было что-то трогательно-чудесное, как в капустнице* (конкр.), *перелетающей через траншею, – в этом странствии писем* (абстр.) *через страшную Россию* (97) (странствие писем сравнивается с капустницей); *она* [Лидия Николаевна] (одуш.) *складывалась, как тряпичная кукла* (неодуш.) (39); *ложь* (неодуш. абстр.) *как запах* (неодуш. вещест.); *губы* (конкр.) *как резина* (веществ.); *рука* (неодуш., но относящееся к одуш. лицу – человеку) *как лист* (неодуш.); *числа* (абстр.) *как качели* (конкрет); *люди* (одуш. конкр.) *как тени* (неодуш. абстр.); *человек* (одуш.) *как*

кукла (неодуш.) (77; *Подтягин* (одуш. конкр.) как *смерть* (неодуш., абстр.); *профиль* (конкрет., относящееся к одушевленному лицу – человеку) *Ганина как камень* (неодуш.) (106); *лицо* (относящееся к одуш. лицу – человеку) как *пятно* (неодуш.); *цвет лица* (относящееся к одуш. лицу – человеку) как *глина* (неодуш. веществ.) (109); *шелк* (неодуш.) как *живой* (становится одуш.); *почерк* (неодуш.) как *что-то бегущее* (становится одуш.) и др. В создании данных сравнений участвуют либо два существительных, либо существительное и прилагательное/причастие, образующих семантическую оппозицию по следующим категориям или признакам: конкретное – абстрактное, конкретное – вещественное, вещественное – абстрактное, одушевленное – неодушевленное.

В образных сравнительных конструкциях рассматриваемый предмет/явление, как правило, индивидуализируется и оценивается. О. Н. Кашкарова в своем исследовании обратила внимание, что «читатель принужден представить себе что-то постороннее сообщаемому, но для того, чтобы разыскать сходство с излагаемым и таким образом воспринять отношение автора к предмету» [7]. «Сравнение основывается не столько на сходстве сравниваемых предметов, сколько на сходстве авторского отношения к ним» [8]. Сравнение в данных фрагментах происходит на основании субъективных ассоциаций писателя и создает специфический образ жизни человека, его внешности, души. Доминанта этих сравнений – нечеловекоподобие (одушевленные существительные – человек – отождествляются с неодушевленными предметами или нематериальными явлениями) – насыщается семантикой «мертвенности». Персонажи не являются самими собой, индивидуальностями (автор их постоянно с кем-то или чем-то сравнивает: «*Что эта маленькая, седая, курносая женщина вовсе не хозяйка, а так просто, глупая старушка, попавшая в чужую квартиру*» (39); «*Получив через несколько минут билетик, он обрадовался, стал еще больше похож на толстую морскую свинку*» (90); «*Изображая, как ей казалось, обиженную девочку, капризную маркизу*» (42) и др.). Конструкции со словами **казался, похож, напоминавший** с семантикой неявного выражения сравнения довольно распространены.

Интересно, что даже в простых сравнениях характеризуется мир, действительность по тем же самым признакам (он предстает нежизнеспособным), поэтому первоначально, говоря о простых сравнениях, мы отметили тот факт, что простые сравнения в условиях художественного текста становятся образными, т. е. участвующими в создании образа мира или человека. Приведем примеры: *Столы, стулья, скрипучие шкафы и ухабистые кушетки разбрелись по комнатам, которые она собралась сдавать и, разлучившись таким образом друг с другом, сразу поблекли, приняли унылый и нелепый вид, как кости разобранного скелета* (38); *Каждые пять минут сдержанным гулом начинал ходить дом, затем громада дыма вздымалась перед окном, заслоняя белый берлинский день, медленно расплывалась, и тогда виден был опять веер полотна, суживающийся вдаль, между черных задних стен, словно срезанных, домов, и над всем этим небо, бледное, как миндальное молоко* (41) (семантика бледного цвета и его оттенков и образ жизни персонажей в романе «Машенька» подробно раскрываются в статье [9]); *Валил отвесно крупный мягкий снег в сером, как матовое стекло, воздухе* (83); *Внизу проливались улицы, по солнечным зеркалам асфальта разбегались черные фигурки, автобус качался, грохотал, и Ганину казалось, что чужой город (город предполагает движение, так как предназначен для жизни людей), проходивший перед ним, только движущийся снимок* (снимок – застывший, статичный объект) (71); *Дом был, как призрак, сквозь который можно просунуть руку, пошевелить пальцами* (99); «*Кларе казалось, что она живет в стеклянном доме, колеблющемся и плывущем куда-то*» (61) [10]. В последних двух цитатах определение дома как «стеклянного» и дома как «призрака» весьма значимо не только для конкретного контекста, но и для концептуализации действительности романа в целом. Очевидно, что в «стеклянном» доме или вообще доме-призраке не может быть внутреннего ощущения тепла, домашнего очага, как правило, нет ощущения любви близких и родных людей, а значит нет ощущения безопасности. Портрет людей, которые населяют подобный дом, является также подчеркнуто нежизненным, эксплицирует либо их духовную пустоту, либо «безжизненность» и «отсутствие смысла жизни»: «*Морщинистая рука, как сухой лист*» (43); «*Подтягин, бледный как смерть*» (92); «*было что-то подобное смерти в их неизбежных отъездах*» (94); «*Ганин заплатил за последнюю неделю, поцеловал легкую, как блеклый лист, руку*» (94); «*Поодаль, на маленьком диванчике рядышком уселись Горноцветов и Колин, – и лица их были как два бледных пятна*» (106); «*Глаза у него были закрыты, лицо, цвета высохшей глины, изредка искажалось выражением муки*» (109); «*Уже начинало светать, воздух в комнате как будто медленно линял, – и профиль Ганина, пристально глядевшего на кровать, казался высеченным из бледно-голубого камня*» (106) и др. Настоящие жильцы «мертвы» по своей сути, т. е. они живы в физическом плане, но духовно умерли («*Вот такие мелочи, – не тоску по оставленной родине, – запомнил Ганин, словно жили одни только его глаза, а душа притаилась*» (103)). В явном виде реальной жизни персонажи отсутствуют, так как практи-

чески нет событий и их участия в них. Любопытно, что если одушевленные объекты становятся нереальными, «мертвыми», то неодушевленные предметы, напротив, обладают характером жизнеспособности: *шелк* (неодуш.) *как живой* (становится одуш.), *почерк* (неодуш.) *как что-то бегущее* (становится одуш.) и др.

Таким образом, сравнение героев с «мертвыми душами» и «тенью» (*«Идя к обеду, он не подумал о том, что эти люди, тени его изгнаннического сна, будут говорить о настоящей его жизни, – о Машеньке»* (71); *«И Подтягин показался ему тоже тенью, случайной и ненужной»* (71) и др.), а дом с «призраком» профилирует свойство нереальности, несуществование чего-либо или кого-либо при наличии формальных признаков существования их организмов.

С помощью сравнений, кроме того, создается образ механизированного коллектива русско-го пансиона госпожи Дорн по признаку «искусственность», «холодность». Не случаен в связи с этим неоднократно появляющийся в сравнениях образ куклы: *«Она складывалась, как тряпичная кукла»* (39); *«К нему на плечо, с размаху, как громадная, мягкая кукла, ничком пал человек»* (77) и др. Образ куклы неразрывно соотносится с фальшивостью: *«Острыми, словно фальшивыми, ногтями по его груди»* (42); *«Ложь свою, которую она, как запах духов, всюду влачила за собой»* (42) (по контексту запах духов характеризуется холодным, неприятно-знакомым: *«Обдавая его каждый раз холодным, неприятно-знакомым запахом духов»* (49)); *«К пурпурной резине ее поддающихся губ»* (42); *«Быстро-быстро с какими-то птичьими ужасками»* (43) и др. Напротив, заметим деталь, составляющую портрет Ганина, – светлое лицо: *«Лицо у вас как-то светлее»* и т. д. Эпитет «светлый» приобретает дополнительное значение «счастливый». Эту мысль также убедительно подтверждает проведенная аналогия по сходству описания глаз и/или взгляда Ганина и Машеньки. При создании их портрета глаза выступают как наиболее важная деталь: *«ресницы придавали что-то пушистое, теплое его глазам», «переход от пасмурного вздоха к горячей живости взгляда»*. «Живость взгляда» Ганиным осознается как признак красоты – отражения в них богатого внутреннего содержания, духовности женщины. То же самое можно сказать и про портрет Ганина, где «теплота глаз» отражает его внутренний, душевный мир. «Живые» глаза являются признаком настоящей молодости. Скрыто сравниваются Ганин и Машенька (как «живые» герои) и противопоставляются: Ганин – остальным персонажам (по признаку «молодости», надежды на жизнь), Машенька – остальным героям (по признаку «естественности», «духовности»). В этих контекстах обнаруживается противопоставление «естественной» внутренней жизни героя «искусственному» внешнему миру, личности – вещам, механизмам.

Наличие семантического соотношения, связывающее между собой признаки «искусственности», «мертвенности», «бездуховности», «однородности», «похожести», становится интенсификатором отрицательного оценочного значения.

Сложными сравнениями являются сопоставительные комбинации на концептуальном уровне. Как видно из последнего соотношения, внутренние логические и семантические связи при этом остаются абсолютно имплицитными (они открыто не сопоставляются), но совместно составляют мрачный фон мира как бы неживущих, «мертвых» и ненастоящих людей, т. е. искусственного мира. Тема смерти используется в качестве способа характеристики эмигрантского периода жизни героев (в том числе Ганина) и самих персонажей, постепенно становящихся «мертвыми душами», проживающими как таковую жизнь без смысла жизни. Символ ужаса смерти создает впечатление безысходности, трагической неизбежности жизненной катастрофы.

Данный анализ позволяет отнести сравнение к числу языковых феноменов, которые интересны не только разнообразием средств выражения, внимания заслуживает когнитивная основа формирования сравнительных конструкций в философии романа В. В. Набокова. Выявленные образные сравнения, как алогичные, так и предельно обычные с точки зрения семантики, вскрывают стоящую за ними систему идей произведения, кроме того, помогают глубже осмыслить художественное мышление писателя и его отношение к создаваемой им действительности. Разнообразные и непривычные с точки зрения построения и семантики конструкции являются значимыми в создании определенной концепции действительности, концепции человека определенного писателя, причем степень интенсивности каждого использованного в романе сравнительного приема высока (сравнения вводятся в повествование постепенно, но значение их усиливается лишь к концу романа), что позволяет судить и о его высоком семиотическом потенциале. В заключение хотелось бы акцентировать внимание на относительной нечастотности использования изучаемого приема, в этом отношении следовало бы оценить роль имплицитно реализованных сравнительных отношений.

Примечания

1. Текст В. В. Набокова «Машенька» цитируется по: *Набоков В. В. Машенька // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / вступ. ст. В. Е. Ерофеева. М.: Изд-во «Правда», 1990. С. 33–112.*
2. *Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М., 1998. С. 620.*
3. *Широкова Н. А. Из истории союзных конструкций, выражающих отношения сравнения. Казань, 1966. С. 61.*
4. *Кашкарова О. Н. Особенности сравнения в ранней лирике А. А. Ахматовой // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Филология. Журналистика». № 1. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2010. С. 28.*
5. *Русский язык и культура речи: учебник для бакалавров / под общ. ред. В. Д. Черняк. М.: Изд-во Юрайт: ИД Юрайт, 2012. С. 408.*
6. *Голуб И. Б. Стилистика русского языка. 7-е изд. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 141.*
7. *Кашкарова О. Н. Указ. соч. С. 28.*
8. Там же.
9. См. подробнее об этом в статье: *Morarash M. M. Vladimir Nabokov: Problem of Explication of the Phenomenon of Life // Life Science Journal. 2014. Vol. 11 (8 s). P. 279–283. URL: <http://www.lifesciencesite.com>. 62*
10. Там же.

Notes

1. The text of V.V. Nabokov "Mashen'ka" quoted from: Nabokov V.V. Mashen'ka // Works: in 4 vols. Vol. 1 / introd. art. V.E. Erofeev. Moscow. Pravda Publ. 1990. Pp. 33-112.
2. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka: ok. 57000 slov* [Dictionary of Russian language: 57000 words approx.] / ed. by N. Y. Shvedova. 20 ed., stereotype. Moscow. 1998. P. 620.
3. Shirokova N. A. *Iz istorii soyuznyh konstrukcij, vyrazhayushchih otnosheniya sravneniya* [From the history of the union structures, expresses the relations of comparison]. Kazan. 1966. P. 61.
4. Kashkarova O. N. *Osobennosti sravneniya v rannej lirike A. A. Akhmatovoj* [Features of comparison in early lyrics of A. A. Akhmatova] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta - Herald of the Voronezh State University. Ser. "Philology. Journalism". No. 1. Voronezh. Voronezh State University. 2010. P. 28.*
5. *Russkij yazyki kul'tura rechi: uchebnik dlya bakalavrov - Russian languages and speech culture: textbook for undergraduate students / under the general editorship of V.D. Cherniak. Moscow. Publishing house Yurait: PH Yurait. 2012. P. 408.*
6. Golub I. B. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. 7 ed. Moscow. Airis-press. 2006. P. 141.
7. Kashkarova O. N. Op. cit. P. 28.
8. Ibid.
9. See more about it in the article: M. M. Morarash Vladimir Nabokov: the Problem of Explication of the Phenomenon of Life // *Life Science Journal. 2014, Vol. 11 (8 s), pp. 279-283. Available at: <http://www.lifesciencesite.com>. 62*
10. Ibid.

УДК 82

А. О. Туева

Образы крестьян в рассказах Л. Леонова 1920-х гг.

В статье рассматриваются особенности создания и смыслового наполнения образов крестьян в рассказах «Гибель Егорушки» и «Петушихинский пролом». Отмечается идейное и композиционное родство персонажей, анализируются причины их духовного кризиса и его этапы. В обоих произведениях автор прослеживает путь безмятежной чистой души, воплощающей многовековую крестьянскую психологию, через мучительные религиозные искания к полному разочарованию, безумию, духовной смерти. Утверждается мысль о том, что специфика этих образов отражает авторское восприятие влияния революции и Гражданской войны на русскую деревню. Через образы Егорушки и Савосьяна Хараблева Леонов показывает, что, даже приняв новый уклад мира, крестьянин остаётся с изувеченной душой, потому что нельзя безболезненно отказаться от того, на чём строили жизнь многие поколения предков.

The article discusses the features of creation and semantic content of the peasants' characters in the stories "Egorushka's Death" and "Petushihinsky breach". There is an ideological and compositional proximity of characters. The causes of their spiritual crisis and its stages are analyzed in the article. In both stories, the author traces the way of a pure serene soul that embodies centuries of peasant psychology through painful religious quest to complete frustration, madness, spiritual death. In the article it's claimed that the specificity of these characters reflects the author's perception the revolution's and civil war's influence on Russian village. Through images of Egorushka and Savosyan Harablev Leonov shows that adopting the new world's order can't save peasants from having their soul mutilated, because one can't safely abandon things that used to be the ground of life for many generations of ancestors.

Ключевые слова: Л. Леонов, проза 1920-х гг., образы крестьян, революция, религия.

Keywords: Leonid Leonov, the prose of the 1920s, characters of peasants, revolution, religion.

Появление образов крестьян на страницах литературного произведения в эпоху разрушения вековых патриархальных устоев, крестьянской общины и крестьянского мировоззрения обладает глубоким смыслом. Их специфика передаёт особенности осмысления автором событий современности, его оценку и видение дальнейшего развития русской деревни. Л. Леонов неоднократно создаёт яркие крестьянские образы в рассказах 1920-х гг. Он пишет целый цикл «Необыкновенные рассказы о мужиках», однако этому циклу предшествуют заслуживающие нашего внимания «Гибель Егорушки» и «Петушихинский пролом».

Мы объединяем два эти произведения в связи с идейным и композиционным родством образов крестьян – ньюньюгского рыбака Егорушки и пчельника Савосьяна Хараблёва. В обоих произведениях автор прослеживает путь безмятежной чистой души через мучительные религиозные искания к полному разочарованию, безумию, духовной смерти.

Обратимся к рассказу «Гибель Егорушки». В начале рассказа Егорушка – рыбак северного острова Ньюньюг, живущий в согласии с собой и природой. Его внешность и характер автор передаёт через природные образы («Тихое, неветренное небо живёт в Егоре») [1]. Он живёт, продолжая судьбу своего отца, следуя порядку предков. Его мир состоит из труда, семьи и веры в бога. Набожность Егорушки не показная, не испуганная, он просто приемлет существование бога, как приемлет день и ночь, зиму и лето, волны и ветер на море. Леонов подчёркивает это, описывая, как Егор с женой Иринеёй слушали вечерний звон: «Порождая смиренность духа на встречных кораблях, на малых островах, на рыбных ловах, в корабельных становищах, идёт по солёной ряби моря ледяного Саватеево благовестие» [2]. Суждения его по-крестьянски практично-наивны: не может родиться девочка, если ему нужен помощник; до неба лесенку не построить, потому что «туда лесу прорва пойдёт» [3]. Леонов неоднократно подчёркивает умственную ограниченность героя: «Большому кораблю все моря от края до краёв путь, но Егорушке заказан лишь кусочек тот водного места, у которого сидит домик его» [4], «Набежала тучка на слабый Егорушкин умок» [5], «Егор всё думал о чём-то и не мог додумать до конца, разума не хватало» [6]. Однако автор не ставит в упрек герою несовершенство разума: Егору, рыбаку, не нужно тяжело осмысливать философские категории, чтобы любить жену, воспитывать детей, ловить рыбу и быть счастливым.

Нарушает душевную гармонию рыбака монах Агапий, искажающий христианские догматы и затягивающий наивного крестьянина в трясину сомнения, неприятия вековых ценностей, разрушающий его разум и представление о мире. Егорушка живёт сердцем, а не умом, поэтому именно сердцем он впервые чувствует губительное влияние Агапия: «Громко закричало Егорушкино сердце: «Зачем ты говоришь мне всё это, зачем?» [7] Затем герой понимает суть Агапиевых намерений («Встрепенулся в страхе внезапного понятия монаховой сущности Егорушка...» [8]). Сердцем почувствовав ночью чёрную мольбу Агапия о смерти маленького Варлам Егорыча, Егорушка впервые в жизни обращается с молитвой ко всем святым, каких он почитает. Рыбак не знает, как нужно читать молитву, поэтому просто кричит в небо «голосом, полным дикой тоски» [9]. Так начинается разрушение его невинной души.

Следующий этап свершающегося сумасшествия Егорушки – осмысление им притчи о Василиде, рассказанной Агапием. Почуввав близость смерти, Василид раздал свои богатства нищим и приехал в пустыню к старцу Патфитану за помощью и спасением. Старец велел ему убить дочь и вернуться, разбив душу. Никто не остановил руку Василида, занесённую над дочерью; убив своё дитя, он возвратился к старцу и проклял имя бога Патфифанова, после чего нераскаянно скитался по земле. Агапий преподносит эту притчу как христианскую, возвышая духовный подвиг Василида, однако в притче нигде не указано, что события каким-то образом относятся к христианству. Патфитан не назван праведником, бог его, проклятый Василидом, не конкретизирован. Есть основания утверждать, что данная притча – порождение тёмной души Агапия, однако Егорушка в силу огра-

ниченности ума не способен глубоко рассуждать, он лишь силится понять ужасающую абсурдность судьбы Василида. Т. М. Вахитова отмечает: «Эта египетская притча, стилистически приближенная к библейскому повествованию, обнаруживает сходство с сюжетом о жертвоприношении Авраама. Однако Леонов использует традиционную фабулу с противоположным знаком, усугубляя трагизм и усложняя ситуацию. Если в Библии Господь отвёл руку Авраама от сына, которого он собирался принести в жертву, чтобы доказать свою веру, то у Леонова жертвоприношение совершилось, ввергнув героя в ещё более тяжкие страдания. Идея жертвоприношения, доведённая до своего логического конца, оборачивается абсурдом, которого не понимают наивные слушатели Агапия – Егорушка и Иринья» [10]. Впервые слово «безумие» звучит в устах Егорушки. Безумным он называет Василида, сам не зная, что в этот момент пророчит себе будущее.

Первое упоминание о безумном духе Егорушки мы находим в тексте после известия о болезни маленького Варлама. Это безумие духа выливается в бунт против Агапиевых учений: «Слушай, Агап. Я помру – сгнию, ты помрёшь – вышний чин примешь. Но съели б рыбы тебя и праведность твою, когда б не я о прошлую осень!» [11] Егорушка хочет правды, справедливости, сострадания. В ответ Агапий лишь насмехается над ним. Своими псевдохристианскими рассказами о Страшном суде Агапий приводит Егора в состояние иступления на грани безумия, и Егорушка просит Бога забрать Варлам Егорыча обратно взамен его души. По возвращении домой рыбак узнаёт о смерти сына. Следующий этап сумасшествия – истерический припадок героя во время пьяного разгула с тестем после смерти сына: «И вот в захохот впал Егорушка, бьётся о стол, волосами по винным лужам, по селёдочным костям. Но сразу тишиной их накрыло всех» [12]. В итоге автор пишет о «неугасимой тоске безумия» [13], которую Егор испытывает во сне, отмечает бессмысленный взгляд на небо и отголоски былых надежд на ныне уже мёртвого сына.

В финале герой жив, однако Леонов назвал рассказ «Гибель Егорушки». Погибла его чистая душа, он уже не человек в полном смысле слова. Всё, что он считал правильным и важным в мире, растоптал монах без креста Агапий, подменил искреннюю веру набором псевдохристианских идей. Ум простого рыбака оказался не в силах противостоять враждебным устоявшемуся гармоничному миру силам. Егорушка молод, чтобы умереть, поэтому его разум отрешается от того, чего не может понять и что доставляет ему страдания. В результате оборвана жизнь не только маленького Варлама, но и Егорушки с Ириньей.

Другим примером столкновения крестьянского мира с новыми враждебными силами и победы последних является рассказ «Петушихинский пролом». Путь духовных исканий Савосьяна Хараблёва отчасти схож с судьбой Егорушки. По сюжету, 230 лет назад святой Пафнутий повелел, чтобы существовал «обок деревне – пчельник где-нибудь возле ручья» [14]. Савосьян – «пчелинец по слову Пафнутия» [15]), то есть занимается богоугодным, благословенным делом. Он искренне верит в Бога, верит в его помощь и покровительство, «спит хорошим сном сорока праведников, коим обетовано царствие...» [16]. Душа его не знает греха, он живёт в гармонии со всем окружающим.

Первые предчувствия приближающегося кризиса Савосьян ощущает, когда видит, что жизнь на селе необъяснимо меняется: люди с ружьями увозят Василь Лукича, конокрад Талагашка возвращается в родные края суровым большевиком Устином и незаметно сводит старые счёты. Савосьяну кажется, что после грозы, какая прошла над Петушихой, непременно должно прийти обновление жизни и мужицкое счастье. Его надежды не оправдываются. В Петушиху приезжает «кожаный человек с граммофоном» [17], который рассуждает про коммуны и занимается антирелигиозной пропагандой. Конечно, одной встречей вековой уклад жизни не сломить, однако «загрюмились мужики, тронутые новой думой» [18]. Стараясь осмыслить услышанное, Савосьян чувствует, как внутри него растёт яма, в которую проваливается вся его жизнь. Яма – духовная пустота, но герой этого ещё не осознаёт. Более того, Савосьян ещё не знает, как ему относиться к этой нови; даже на физическом уровне его ощущения противоречивы: руку ломит, а нога в пляс рвётся.

В следующий раз мы видим Савосьяна в сцене вскрытия мощей святого Пафнутия. Леонов даёт яркую деталь: «...висела смешно и грустно в бороде Савосьяновой заблудившаяся и мёртвая теперь пчела...» [19]. Она символизирует самого героя, которому суждено заблудиться в столкновении многовековой крестьянской картины мира и её революционных преобразований. Для героя Пафнутий обладает особым значением. Это не просто православный святой, это личный покровитель героя, которому он посвятил всю свою жизнь. И когда «пахнуло неуловимо затхлою, сырой гнильцой в зорко растопыренные, сторожащие ноздри Савосьяна» [20], его внутренний мир непоправимо треснул.

Герой целую неделю мучительно переживает духовный кризис, и в итоге решает разойтись с Пафнутием по-мужицки. Он выносит из дома икону и говорит святому образу: «Теперь ступай,

Пафнутий... Ты мужик, я мужик, – наши с тобой разговоры коротки... Ноне и в лесах ночевать тепло» [21]. В этот же день образ Пафнутия пропадает с иконной доски, на пчёл нападает мор. Савосьян наказан за отступничество и понимает это, он и рад раскаяться в своём поступке, но уже не может, вместо этого по-ребячьи обижается на Пафнутия за его уход. И снова, как в рассказе «Гибель Егорушки», с героем связан мотив безумия: «Но, видно, крепко захромала Савосьянова голова, не вышел и всё посматривал украдкой на пустое от Пафнута место» [22]. Распадается в пыль дух Савосьяна, то есть разрушается его духовный мир (как у Егорушки в предыдущем рассказе), разрушается от столкновения с непонятным, неприемлемым для героя.

Предсмертный недуг настигает героя в овраге, где он держал пчёл и куда его позвал тихий голос (можно предположить, что это был Пафнутий). Умирая в своей избе вместе со старинным другом Фёдором, Савосьян бредит: «Что-то неслось, увлекающее, тёмное и густое и липкое до противности, перед мутнеющими взорами, наваливалось на живот, и потом, – будто гумно не полотно. «Федорушко, а Федорушко, чево ж это гумно-то у нас бурьяном заросло... заросло, и монашки ходят!..» [23] Усомнившись в вере, помутившись разумом, Савосьян боится смерти, потому что теперь он не знает, что ждёт его после смерти, представление о строении мира разрушено. Особой символикой обладает являющееся герою в бреду заросшее пустое гумно. Если полное хлебом гумно является символом урожая, то пустое или оставленное связывается с нечистой силой [24]. В безумном бреду Савосьян в качестве нечистой силы видит монахов, то есть в его сознании всё перевёрнуто. Перед смертью он продолжает думать о Пафнутии: с одной стороны, не хочет звать святого, с другой – горько сожалеет, что Пафнутий ушёл.

В отличие от Егорушки, Савосьян Хараблёв в повести «Петушихинский пролом» переживает две смерти: сначала духовную, потом физическую. Леонов не сомневается в том, какая из них страшнее, ведь глубокий духовный кризис явился одной из причин смерти героя. «Большаки», умело разрушающие извечно существующий крестьянский мир, не заботятся о духовном здоровье людей. «Пролом» означает, что нужно либо принять новый уклад жизни, либо умереть. Однако, даже приняв этот новый уклад, крестьянин остаётся с изувеченной душой, потому что нельзя безболезненно отказаться от того, на чём строили жизнь многие поколения предков и что ты считал незыблемым.

Крестьянские образы, появляющиеся на страницах рассказов Л. Леонова 1920-х гг., отражают бедственное положение русской деревни. Бедственность эта не материального характера, а духовного. Крестьянство этически расслоилось, его раздирают внутренние противоречия: на одной чаше весов находится многовековая народная мораль, вера в Бога, представления о добре и зле, сформированные многими поколениями предков, на другой чаше – поощряемые пропагандой тёмные инстинкты, которые подталкивают жить по принципу «всё позволено» в духе новейших революционных преобразований. Каждый герой делает выбор самостоятельно, однако самые совестливые, честные, достойные люди в художественном мире рассказов Леонова обречены либо на смерть, либо на безумие.

Примечания

1. Леонов Л. М. Ранняя проза: повести и рассказы. М.: Современник, 1986. С. 33.
2. Там же. С. 34.
3. Там же. С. 35.
4. Там же. С. 38.
5. Там же. С. 41.
6. Там же. С. 43.
7. Там же. С. 39.
8. Там же. С. 40.
9. Там же. С. 42.
10. Вахитова Т. М. Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова: структура, поэтика, эволюция: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006. С. 229.
11. Леонов Л. М. Указ. соч. С. 45.
12. Там же. С. 51.
13. Там же. С. 55.
14. Там же. С. 149.
15. Там же. С. 151.
16. Там же. С. 163.
17. Там же. С. 171.
18. Там же. С. 171.
19. Там же. С. 177.
20. Там же. С. 177.

21. Там же. С. 184.
22. Там же. С. 184.
23. Там же. С. 189.
24. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 570.

Notes

1. Leonov M. L. *Rannyyaya proza: povesti i rasskazy* [Early prose: novels and short stories]. Moscow. Sovremennik. 1986. P. 33.
2. Ibid. P. 34.
3. Ibid. P. 35.
4. Ibid. P. 38.
5. Ibid. P. 41.
6. Ibid. P. 43.
7. Ibid. P. 39.
8. Ibid. P. 40.
9. Ibid. P. 42.
10. Vakhitova T.M. *Hudozhestvennaya kartina mira v proze Leonida Leonova: struktura, poehtika, ehvolyuciya: dis. ... d ra filol. nauk* [Artistic picture of the world in prose of Leonid Leonov: structure, poetics, evolution: dis. ... PhD]. SPb. 2006. P. 229.
11. Leonov L. M. Op. cit. P. 45.
12. Ibid. P. 51.
13. Ibid. P. 55.
14. Ibid. P. 149.
15. Ibid. P. 151.
16. Ibid. P. 163.
17. Ibid. P. 171.
18. Ibid. P. 171.
19. Ibid. P. 177.
20. Ibid. P. 177.
21. Ibid. P. 184.
22. Ibid. P. 184.
23. Ibid. P. 189.
24. *Slavyanskije drevnosti. EHtnolingvisticheskiy slovar'* - Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. / under the general editorship of N. I. Tolstoy. Vol. 1. Moscow. Mezhdunar. otnosheniya. 1999. P. 570.

УДК 745/749

Н. Н. Курина

Искусство эпохи викингов и портал в Урнесе (1060–1080)

Статья посвящена изучению портала церкви в Урнесе – древнейшего памятника скандинавской монументально-декоративной резьбы. Автор статьи приводит подробное описание и иконографический анализ памятника. Основное внимание сосредоточено вокруг центрального элемента резьбы портала – фигуры «льва». Опираясь на опыт скандинавских исследователей, автор проводит сравнительный анализ произведений предшествующих стилей, что позволяет наглядно увидеть эволюцию изображения одной из центральных фигур скандинавского орнамента. Новаторством статьи является предложение автора применить семиотический подход для изучения урнесской резьбы. Данный подход, основанный на проведении параллелей между поэтическими приемами и произведениями изобразительного искусства, помогает выработать новый метод в изучении скандинавского искусства эпохи викингов, способствующий более глубокому пониманию мировоззрению людей того времени, нашедшему отражение в памятниках изобразительного искусства.

Article examines the portal of the church in Urnes – Scandinavian ancient monument monumental and decorative carving. The author gives a detailed description and analysis of iconographic monument. A figure of “lion” was focused around a central element of the portal. Based on the experience of Scandinavian research-

ers, the author provides a comparative analysis of the works of previous styles, which enables to see the evolution of the image of one of the central figures of the Scandinavian ornament. The novelty of this paper is the proposal's approach to the semiotic study of Urnes thread. This approach is based on drawing parallels between the poetic techniques and works of fine art, helping to develop a new method for the study of the Viking Age Scandinavian art, contributing to a better understanding of people's outlook at the time, which is reflected in the monuments of art.

Ключевые слова: скандинавское искусство, искусство Норвегии, искусство эпохи викингов, монументально-декоративная резьба.

Keywords: Scandinavian art, Norwegian art, art of Viking epoch, monumental carving.

Норвежские резные порталы – сложное явление в европейском искусстве, представляющее уникальную страницу развития средневековой культуры, результат взаимодействия скандинавских языческих и романских художественных традиций. Самым древним памятником является портал в Урнесе (область Согн) (рис. 1). Это произведение, датируемое 1060–1080 гг., является единственным сохранившимся памятником монументальной резьбы эпохи викингов, дающим представление о ее роли в декоре здания. В то же время портал в Урнесе является одним из самых поздних памятников эпохи этого времени, позволяющим не только увидеть уровень мастерства художников поздней эпохи викингов, но и ретроспективно взглянуть на историю развития звериных стилей скандинавского искусства.

Рис. 1. Северный портал церкви в Урнесе (1060–1080), (фото автора)

Несмотря на многочисленные изменения, Урнес и по сей день является прекрасным примером единства архитектуры и декора, который, вполне вероятно, был создан не одновременно: сухая резьба двери и фронтона может являться более ранней по отношению выразительным резным панелям на стенах. Реконструкция первоначальной церкви показала, что она представляла собой простую постройку с двухскатной кровлей, конструкция которой была образована угловыми столбами и рядом панелей между ними (рис. 2). Церковь была существенно перестроена после 1130 г., но сохранила ряд резных фрагментов, в число которых входят северный портал, две резные панели, один из угловых столбов и резьба фронтона, в настоящее время скрытая под крышкой.

Центральным произведением деревянной резьбы в Урнесе является северный портал. Его орнаментальная композиция представляет сложное плетение тел животных, при внимательном рассмотрении которых можно различить четырехногих зверей, двуногих змееподобных зверей среднего размера, змей и фигуру «большого льва», расположенную в левом нижнем углу [1]. «Большой лев», а также изображение двух четырехлапых животных в центральной части являются единственными, которых можно легко определить при первом взгляде на произведение. «Лев» может называться условным началом орнамента; две перекрещенные фигуры животных над входным проемом уравнивают изображение, смягчая переход от одной стороны портала к другой, меньшей по размеру. Композиция рельефа представляет сложный зооморфный орнамент, равномерно заполняющий поверхность. Тела животных, больших по размеру, создают основной рисунок узора, а образовавшееся между ними пространство тонкой плетенкой занимают змеи. Высокий рельеф портала, его выразительная светотень подчеркиваются едва различимой резьбой двери, имеющей абрис рунического камня.

Орнамент, обрамляющий дверной проем, не являлся единственным декором здания. Согласно одному из вариантов реконструкции, предложенных Э. Хохлер, церковь в Урнесе представляла деревянную постройку с двускатной крышей, стены которой были украшены вертикальными полосами резьбы, соединявшимися с горизонтальным поясом, расположенным под скатом кровли [2]. Фронтоны здания также были украшены резьбой. Таким образом, вся церковь была оплетена сложным узором из зверей, терзающих друг друга.

Основным мотивом орнамента резьбы Урнеса является сцена борьбы большого зверя со змеями. Данная композиция появилась задолго до создания портала и впервые встречается на одной из сторон Йеллингского камня (стиль «Маммен») (950 г.) (рис. 3), где помещено изображение животного, напоминающего грифона, с мощным телом, крепкими, приземистыми ногами и небольшой головой на тонкой шее, опутанной змеей [3].

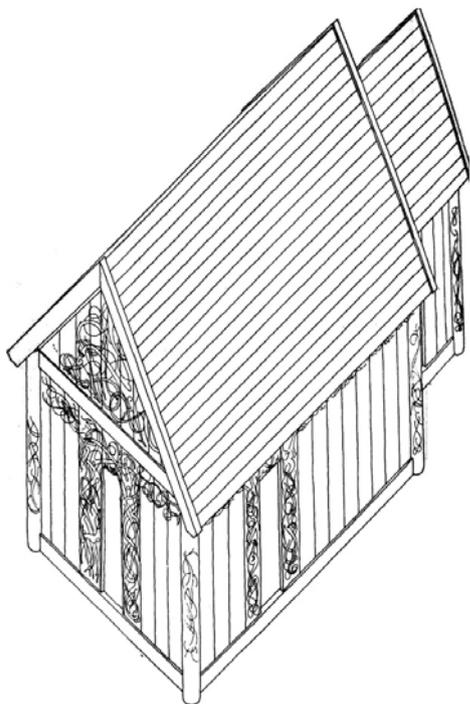

Рис. 2. Реконструкция первоначальной церкви в Урнесе (рис. Э. Хохлер)

Рис. 3. Йеллингский камень (950) (рис. Э. Хохлер)

В скандинавском искусстве эпохи викингов нет равномерного перехода стилей, большинство из них появилось почти одновременно, в сжатый временной отрезок. Поздний период искусства викингов охватывает 950–1100 гг. н. э. и делится на три группы: «Маммен», «Рингерик» и «Урнес». Датировка таких памятников относительна, обычно для определения хронологических границ выбираются произведения, наиболее ярко отражающие тот или иной стиль.

Мотив «большого льва», параллели которому можно найти в каролингском и англо-саксонском искусстве, нашел широкое распространение в произведениях X в. стиля «Маммен». Его характерной особенностью являются зверь или фризы из фигур животных, окруженных плетением растительно-зооморфного орнамента (рис. 4).

Наряду с «Маммен» появился стиль «Рингерик», классическим примером которого служат навершия из церкви в Хегге (1000–1050 гг.) (рис. 5). На стороне одного из них изображено животное, напоминающее изображение на памятниках предшествующих периодов. На обратной стороне навершия выгравирован орнамент в виде змея в форме восьмерки. На другом навершии – два оленя и птицы. Основной особенностью данных изображений является то, что фигура животного помещается в своеобразные «заросли» орнамента, состоящего из разветвлений рогов, хвостов, крыльев, ног, напоминающих растительные мотивы, которые отсутствуют в памятниках «Урнеса» [4]. Исчезновение побегов компенсируется сложным 8-образным плетением змееподобных животных, двойными петлями обвивающих тела друг друга, что придает орнаментам «Урнеса» экспрессивность.

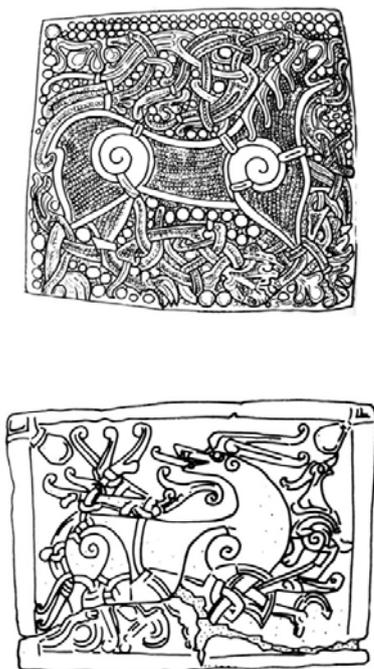

Рис. 4. «Большой лев» в стиле «Маммен»
(рис. П. Анкера)

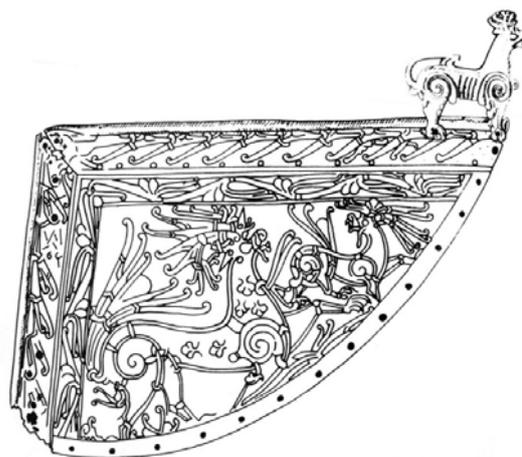

Рис. 5. Навершие из церкви в Хегге (1000–1050 гг.)
(рис. П. Анкера)

Переход стиля «Рингерик» в «Урнес» произошел к середине XI в. В качестве примера могут служить флюгер из Чёллунга и стела Рослагскула (о. Готланд), показывающие начало развития «Урнеса» [5]. Здесь, несмотря на схожие стилистические приемы, показаны две различные композиционные схемы. В первом случае (Чёллунг) животное изображено в форме правильной восьмерки, ось которой проходит через голову и хвост, в то время как змей из Рослагскулла не имеет ярко выраженной симметрии [6]. Это первое отличие стилей «Рингерик» и «Урнес». Второй, гораздо более важной чертой, является увеличение количества петель орнамента «Урнеса» – они становятся более вытянутыми и утонченными, линии тел животных, расширяясь к центру и сужаясь по краям, перестают быть монотонными, все части орнамента соподчинены друг другу. Основные композиционные схемы стиля «Урнес»: две перекрещенные петли или фигура в форме восьмерки (левая планка портала из Урнес и одна из сторон флюгера из Чёллунг); многопетельная («multi-looped») – три и более петель, перекрещенных друг с другом, но не спутанных. Системе петель можно назвать взаимопроникающей, когда каждая петля изображается отдельно или по касательной относительно другой [7].

Портал в Урнесе является одним из самых значимых произведений средневекового норвежского искусства. Помимо выдающейся художественной ценности, портал из Урнеса можно считать своеобразной точкой отсчета в изучении развития скандинавского искусства как в сторону становления романского стиля в Норвегии, так и вглубь веков. Отдельной темой, фактически не затрагиваемой в норвежской историографии, является семантика резьбы в Урнесе. Достаточно странным является тот факт, что в скандинавской литературе этот важный вопрос затрагивался лишь отчасти в рамках проблемы взаимодействия христианской и языческой культур. Оставлять данную точку зрения без внимания не стоит, однако она представляется слишком тривиальной.

Орнамент эпохи викингов на протяжении всей истории своего развития состоит исключительно из зооморфных элементов. В искусстве древнейшего периода, относящегося к V–VII вв., встречаются легко узнаваемые образы копытных и хищных животных, птиц. В ходе развития стилей идет тенденция к унификации, появляется универсальное изображение четырехногого животного с гибким змееобразным телом, которое, как правило, выступает в схватке со змеями. Этот зверь часто выступает в роли композиционно образующего элемента в большинстве памятников стиля «Урнес», его наиболее яркий образ встречается в северном портале церкви из Урнеса. Установление вида этого животного невозможно. Его фигура, условно названная львом, является собирательным образом хищного животного, порожденного скандинавским художествен-

ным видением. Композиция любого произведения стиля «Урнес» представляет сцену терзания между «львами» и змеями. В контексте христианского искусства такой мотив можно было бы интерпретировать как борьбу добра со злом, но данная композиция слишком часто встречается в произведениях, никак не связанных с церковью. Вероятнее всего, в отношении портала из Урнеса невозможна какая-либо трактовка, связанная с христианской религией, так как это произведение полностью принадлежит языческому искусству.

Одной из самых простых интерпретаций представляется апотропейное назначение этих рельефов. Но змеи и свирепые псы-волки в скандинавской мифологии являются представителями темных сил. Мировой змей Ёрмунганд и волки Гарм и Фенрир будут сражаться против богов в последней битве Рагнарёк. Ответ на вопрос, почему именно эти образы были выбраны в качестве стражей и можно ли в данном случае говорить о формальном отношении к использованию данного мотива, остается открытым.

Портал в Урнесе не может в полной мере называться порталом. Это, скорее, художественное обрамление дверного проема, выполненного в форме рунического камня, – деталь немаловажная, но часто остающаяся за рамками исследования. Реконструкция первоначального облика церкви помогает ответить на вопросы, связанные с историей архитектуры, но не в полной мере раскрывает проблему, роли резьбы в древнескандинавском монументальном искусстве. Церковь в Урнесе – единственный хорошо сохранившийся памятник, способный дать представление о том, как могла выглядеть дохристианская архитектура Скандинавии. Характер исполнения некоторых работ по дереву наводит на мысль, что изначально это искусство было ориентировано на произведения из металла и камня. Встреча со стилем «Урнес» вне контекста данного памятника возможна, как правило, в случае изучения ювелирных произведений и рунических камней. Рунические камни вполне могут быть отнесены к архитектуре малых форм, где перед художником стояли определенные композиционные задачи, связанные, прежде всего, с замкнутой формой. Оформление фасадов здания поставило перед художниками проблему нового характера, которая была успешно решена. Создается впечатление, что резчики Урнеса не смогли отказаться от прежнего художественного приема и «вставили» рунический камень в стену здания, окружив его дополнительными полями орнамента. В любом случае данный памятник является одним из немногих свидетельств о декоративном решении древнескандинавских построек.

Касаясь темы интерпретации скандинавского искусства, необходимо вспомнить о поэзии, игравшей очень высокую роль в древнескандинавской культуре. Мед поэзии, священный напиток, дарующий вдохновение, был украден Одним у великана Гуттунга. В Асгарде Один наполнил напитком золотой сосуд и отдал его своему сыну, богу поэтов Браги. Считалось, что подлинное поэтическое искусство бывает только у тех, кого боги им наделяют. Божественное происхождение поэзии, неоднократно подчёркнутое в литературе, показывает ту высокую роль, которую она играла в жизни древних скандинавов. Хорошо сложенное стихотворное произведение могло не только прославить своего автора, но и спасти ему жизнь. В «Круге земном» указывается не менее десятка имен скальдов, которые увековечивали подвиги конунгов и нередко играли важную политическую роль при дворе и в военной жизни. Скальдическая поэзия являлась аристократическим искусством, но литературные памятники доказывают, что искусство стихосложения было неотъемлемой частью повседневной жизни.

Другая особенность древнескандинавской литературы – это широкое применение кённингов, представляющих описательное поэтическое выражение, состоящее как минимум из двух существительных и применяемое для замены обычного названия какого-либо предмета или персоны («олень заливов» – корабль, «земля кораблей» – море, «пламя моря» – золото, «липа золота» – женщина). Каждый кеннинг можно рассматривать как своеобразную формулу. Эта «формульность» характерна для всей древнескандинавской поэзии, особенно для официальных произведений, не лишенных некоторой вычурности. Учитывая чрезвычайно высокую роль устной поэтической традиции в древнескандинавском искусстве, можно предположить, что сложный рисунок скандинавских орнаментов можно рассматривать как попытку визуализации поэтических образов. Эта гипотеза, высказанная еще А. Я. Гуревичем, объясняется тем, что орнамент любого произведения скандинавского искусства эпохи викингов состоит из ряда определенных устойчивых элементов, также напоминающих формулы [8]. В большей степени это относится к стилю «Урнес», представленному немалым количеством рунических камней, каждый из которых можно рассматривать как определенный вид сочетания текста и изображения. Лучше всего увидеть составляющие элементы данного стиля помогает портал из Урнеса, где представлены все виды зверей. Семиотическое изучение стилей скандинавского искусства и рассмотрение каждого отдельного элемента как части некой общей изобразительной формулы было бы способно дать новые возможности в их интерпретации.

Примечания

1. Anker P. The art of Scandinavia. L., 1970. P. 394–396.
2. Hohler E. B. Norwegian stave church sculpture. Vol. I. Scandinavian University Press. Oslo, 1993. P. 235–237.
3. Anker P. Op. cit. P. 161.
4. Fuglesang S. H. Some aspects of Ringerike style. Odense University Press. Odense, 1986. P. 19.
5. Anker P. Op. cit. P. 396.
6. Fuglesang S. H. Some aspects of Ringerike style. Odense University Press. Odense. 1986. P. 21.
7. Ibid. P. 93–94.
8. Гуревич А. Я. Культура скандинавов IX–XI веков // Избранные труды. Древние германцы, викинги. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2007. С. 168.

Notes

1. Anker P. The art of Scandinavia. L. 1970. Pp. 394-396.
2. Hohler E. B. Norwegian stave church sculpture. Vol. I. Scandinavian University Press. Oslo. 1993. Pp. 235-237.
3. Anker P. Op. cit. P. 161.
4. Fuglesang S. H. Some aspects of the Ringerike style. Odense University Press. Odense. 1986. P. 19.
5. Anker P. Op. cit. P. 396.
6. Fuglesang S. H. Some aspects of the Ringerike style. Odense University Press. Odense. 1986. P. 21.
7. Ibid. Pp. 93-94.
8. Gurevich, A. J. *Kul'tura skandinavov IX-XI vekov* [Culture of the Scandinavians in IX-XI centuries] // *Izbrannye trudy. Drevnie germancy, vikingi* - Selected works. The ancient Germans, Vikings. SPb. Publishing house of St. Petersburg University. 2007. P. 168.

Государственное и частное высшее образование в развитых странах: сравнительный контекст

В статье проведён сравнительный анализ государственного и частного высшего образования в развитых странах мира. Исследуя данную проблему, автор отмечает, что в таких странах, как Великобритания, Германия, Франция, роль государства в сфере высшего образования очень высока, в США, наоборот, превалирует частный сектор высшего образования. Показано, что страны, имеющие высокий процент негосударственных высших учебных заведений, достигают таких же стандартов качества обучения, как и страны, в которых сложились преимущественно государственные секторы образования.

The article provides a comparative analysis of public and private high education in developed countries. Having investigated this problem the author notes that in some countries such as the UK, Germany, France, the role of government in high education is very high but the United States on the contrary prevails private sector of high education. It is shown that countries with a high percentage of private high education institutions reach the same standards of quality as well as the country in which the public sector of education is mainly composed.

Ключевые слова: государственный сектор, частный сектор, государственно-центричная модель, американская модель, бинарная система, некоммерческая организация.

Keywords: public sector, private sector, state-centric model, American model, binary system, non-profit organization.

Глобализация представляет собой непрерывный процесс адаптации и стандартизации всех аспектов общественной жизни. Современное высшее образование, являясь одним из важнейших факторов, определяющих ход этого процесса, становится также и движущей силой реформ в мире [1].

Сегодня в образовательном пространстве развитых стран сложились и действуют главным образом европейская и американская системы образования. В первой, называемой еще государственно-центричной, преобладают государственные учебные заведения [2]. Великобритания, Германия, Франция, Швеция – во всех этих и других европейских странах роль государства в сфере высшего образования весьма и весьма значительна [3]. В странах Западной Европы 95% студентов обучаются в государственных высших учебных заведениях.

Во второй структуре, так называемой американской модели, превалируют в основном частные вузы, жизнедеятельность которых, как и государственных, определяются факторами, правилами и историей, уходящей в глубину веков.

Система высшего образования в Великобритании берет свое начало в XII в., когда были основаны Оксфордский и Кембриджский университеты. Обучение в Англии проходит по Национальному учебному плану, принятому в Англии, Ирландии и Уэльсе. Система образования в Шотландии отличается от принятой на большей части территории Великобритании, например бакалавриат (первая ступень высшего образования) длится четыре года, а не три.

До 60-х гг. высшее образование в Великобритании осуществлялось исключительно в университетах [4]. Но в 50–60-х гг. в Великобритании начинают резко обостряться противоречия между возможностями системы образования на всех ее уровнях и общественными потребностями социально-экономического характера. Реформы образования в Великобритании начались с высшей школы. В начале 60-х гг. в стране стал ощущаться острый дефицит высококвалифициро-

ванных кадров. За этот период в стране было создано 23 университета, многие из которых действуют и в настоящее время.

В 60-е – начале 70-х гг. в Великобритании формируется бинарная система высшего образования, представленная, с одной стороны, университетами, с другой – политехническими колледжами и другими учебными заведениями общественного сектора высшего образования.

Пришедшее к власти в 1979 г. консервативное правительство начало проводить тактику сближения двух секторов высшего образования, выравнивания правовой основы деятельности всех высших учебных заведений вне зависимости от их статуса. Мероприятия этого периода были направлены на поощрение деятельности высших учебных заведений по совершенствованию механизмов управления и финансирования в целях удовлетворения социально-экономических потребностей страны.

Закон о дальнейшем и высшем образовании, принятый в 1992 г., упраздняет бинарную систему (противопоставляющую университетам политехнические институты и колледжи), учреждает единую модель высшего образования, предоставляя политехническим колледжам и эквивалентным учебным заведениям статус университета [5].

Самое главное, но не самое существенное отличие университетов Великобритании, отмечает М. В. Зонова [6], заключается в том, что не существует специализации или деления на экономические, юридические, медицинские и т. д. университеты. Под крышей одного вуза существуют факультеты или колледжи, в которых студенты могут получить экономическое, юридическое или любое другое образование.

Основными источниками финансирования высшего образования в Великобритании являются:

– гранты центрального правительства, выплачиваемые через три совета по высшему образованию в Англии, Шотландии и Уэльсе и через департамент образования Северной Ирландии; взносы, выплачиваемые местным органам управления образованием, для покрытия расходов, связанных с обучением;

– гранты научно-исследовательских проектов и поддержки постдипломного обучения;

– частные источники, такие как пожертвования, промышленность, финансирующая специфические научно-исследовательские гранты [7].

Государственные субсидии для британских университетов, как пишет В. А. Зернов, составляют более 60% от всего федерального бюджета. Обучение в британских вузах не является для студентов бесплатным. Местные студенты платят около 1000 фунтов в год [8]. В зависимости от объемов государственного финансирования вузы подразделяются на четыре категории: низкую, среднюю, выше средней, высшую. Отнесение вуза к той или иной категории происходит на основе системы оценки эффективности деятельности образовательного учреждения.

В Германии насчитывается более 300 вузов. Почти все они государственные и финансируются государством на федеральном, региональном (земли) и местном (муниципалитеты) уровнях [9].

Немецкая система государственного образования включает в себя вузы разных типов: университеты, школы искусств, высшие медицинские и педагогические учебные заведения.

Однако система высшего образования в Германии также дополнена частными или церковными университетами, юридически признаваемыми не только в Германии, но и в других странах. Частные учебные заведения должны соблюдать определенные условия. Если их признают на национальном уровне, они находятся в равном положении с государственными университетами в отношении прав и обязанностей, а также присвоения университетских квалификаций. Поэтому все правила, которые действуют в отношении государственных университетов, применимы к частным.

Частные университеты в Германии работают на основе самофинансирования. Обычно средства поступают от оплаты за обучение, денежных пожертвований, фондов, проектов и т. д. Как правило, негосударственные высшие учебные заведения предлагают ограниченный набор курсов обучения, имея в среднем около 600 студентов, значительно меньше государственных учебных заведений, среднее число студентов в каждом из которых в десять раз больше.

Система высшего образования Франции радикально отличается от англосаксонской модели, в частности структурой получаемых степеней [10].

Во Франции ответственность за высшее образование, особенно в том, что касается гарантии качества учебных курсов и присваиваемых степеней, лежит на государстве. Во Франции из 540 вузов 160 (30%) являются частными. Они характеризуются, как правило, небольшим количеством обучающихся в них студентов (100–200 человек). Частное высшее образование является независимым во Франции. Это означает, что любое частное учебное заведение может быть сформировано без предварительного разрешения, однако любое частное учебное заведение, которое

стремится к признанию своего качества, должно быть готово к тому, что качество его деятельности и предоставляемого обучения будет оцениваться по системе критериев, устанавливаемых государством.

Частное высшее образование во Франции является свободным. Это означает, что возможно создание любого частного учебного заведения без предварительного лицензирования, однако такое заведение должно получить свидетельство о качестве предоставляемого образования, должно быть готово к оценке качества своей работы и предоставляемых услуг в порядке, установленном государством. Необходимо отметить, что отмечается идентичность данной процедуры, как и в Германии.

Во Франции частное высшее образование представлено по большей части учебными заведениями, дающими религиозное и бизнес-образование. Государственный сектор в сильно централизованной системе образования был создан таким образом, чтобы удовлетворить все потребности населения в образовательных услугах, а поскольку Франция является светским государством, то религиозное образование не может осуществляться в государственных вузах.

В отличие от стран Западной Европы, в американской модели ярко выражен сектор частного высшего образования. Частный сектор системы высшего образования в США играет более важную роль [11].

Становление и развитие американской системы образования отражает своеобразие американской истории, ту систему ценностей, на которой базируется американское общество. История становления системы высшего образования США началась в первые десятилетия XVII в. и неразрывно связана с традициями английских университетов. Первый американский колледж, позднее названный в честь священнослужителя Джона Гарварда, был учрежден в 1642 г. Большая часть его преподавателей получила образование в Кембридже и намеревалась воссоздать традиции английской учености в Новом Свете. В 1707 г. был принят устав университета, сформированы совет попечителей и система административного управления во главе с президентом. Данная модель управления, основанная на принципе университетской автономии и выборности руководящих должностей, послужила прообразом для всех американских университетов и просуществовала без значительных изменений до наших дней. С этого момента начинается размежевание с английской университетской традицией, где за университетом также признается право на самоуправление. В Соединенных Штатах кураторство изначально осуществлялось не государственными органами, а советом попечителей, состоящим из наиболее известных и уважаемых выпускников вузов.

Первые полтора столетия своего существования американская система высшего образования развивается как конгломерат частных (платных) вузов, сообразно спросу на образование, а не требованиям социального заказа. Социальный заказ изменяет облик образовательной системы после получения американскими колониями независимости. На всех уровнях частные институты соревнуются друг с другом и с государственными в привлечении взносов, поступающих от студентов. Чисто коммерческих учебных заведений среди частных вузов и колледжей всего около 600 [12]. Основная масса частных вузов – это некоммерческие и негосударственные структуры, получающие государственное финансирование. В США число негосударственных вузов превышает количество государственных, но по численности обучающихся отношение частных к государственным составляет 30/70. К негосударственным вузам США, имеющим статус неприбыльных организаций, относятся такие известные вузы, как Гарвардский, Йельский и Стэнфордский университеты. Вузов, которые ориентируются на увеличение прибыли, сравнительно немного. Как правило, такие вузы занимаются заочным обучением. При этом негосударственный сектор аккумулирует около четверти (26,1%) всех преподавателей высшей школы США. По мнению С. А. Смирнова, рейтинг ведущих негосударственных вузов весьма высок, они, как правило, более элитарны, учеба в них значительно дороже, чем в государственных [13].

Большинство частных учебных заведений финансируют свою деятельность в основном из средств, поступающих в качестве оплаты за обучения. Так, например, 3500 вузов США, выдающих дипломы о высшем образовании, – это частные корпорации, ответственность за которые возложена на попечителей, как правило, бывших выпускников и других частных лиц, оказывающих филантропическую помощь [14]. В то же время частные вузы получают и некоторое количество общественных денег от штата или федерального правительства, гарантированные ссуды и стипендии (федеральные и от штата), выплачивающиеся студентам дополнительно, а также федеральные исследовательские взносы для небольшого числа крупных исследовательских университетов. В США федеральное правительство покрывает 11% текущих расходов государственных университетов и 17% частных. Обычно из федерального бюджета финансируются высокопрестижные частные исследовательские университеты, вклад которых в развитие науки и подготовку научных кадров имеет общегосударственное значение.

Превалирование частных вузов объясняется крайне либеральной системой управления университетами, основывающейся на абсолютном приоритете институциональной автономии и минимальном государственном вмешательстве. Это основное отличие американской системы высшего образования от других систем атлантической модели. Как отмечает В. С. Вахштайн, нигде больше либерализация управления высшим образованием не достигла таких масштабов, как в США, и нигде не казалась столь эффективной [15]. Лишь отчасти этот успех можно объяснить политическими причинами: нормативно закрепленными и успешно функционирующими механизмами вузовского самоуправления. «Негосударственная» природа американского высшего образования и либеральные способы управления обусловлены в первую очередь историческими факторами.

Сравнительно-педагогический анализ образовательных систем разных стран позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, основой образовательной деятельности в развитых странах всегда был и остается государственный сектор. Наполняемость частных вузов значительно меньше в сравнении с государственными. Господство государственного сектора в образовательных системах развитых стран – это объективный фактор, вытекающий из внутреннего единства образовательного процесса, преемственности различных ступеней, требующих единой стратегии, выработку которой непрерывно и интенсивно ведут во всех странах в течение последних десятилетий.

Во-вторых, результаты анализа показывают, что страны, имеющие высокий процент негосударственных высших учебных заведений, достигают таких же стандартов качества обучения, как и страны, в которых сложились преимущественно государственные сектора образования.

В-третьих, положительные результаты образования обычно связаны с факторами организационного плана и деятельностью частных образовательных учреждений.

В-четвертых, необходимы тесные контакты и взаимосотрудничество между государственным и частным секторами высшего образования на базе кооперации, обменов через общественные организации, фонды, научно-методические центры и др.

Примечания

1. Андриенко Е. В. Влияние глобализации на региональную стратегию развития высшего образования // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 5. С. 31–35.

2. Зернов В. А. и др. Негосударственная высшая школа России: становление, состояние, перспективы развития. М.: Универ. кн., 2009. С. 219.

3. Там же.

4. URL: <http://works.tarefer.ru/64/100495/index.html>

5. Там же.

6. Зонова М. В. Опыт Великобритании в создании эффективной системы высшего экономического образования // Модернизация образования в условиях глобализации: сб. материалов науч. конф., посвящ. 75-летию Тюмен. гос. ун-та. 14–15 сентября, 2005 г. Ч. 2. С. 70–71.

7. Мотова Г. Н., Наводнов В. Г. Модели аккредитации за рубежом. 2-е изд, испр. и доп. Центр государственной аккредитации. М.; Йошкар-Ола, 2005. С. 13–14.

8. Зернов В. А. и др. Указ. соч. С. 211.

9. Раппопорт Е. Страна академических свобод: высшее образование в Германии // Платное образование. 2006. № 4. С. 50–53.

10. URL: <http://expat.su/france/sistema-vyisshego-obrazovaniya-frant1ii/>

11. Цигулева О. В. Современное состояние негосударственного сектора высшего образования в США // Информационное пространство современной науки: материалы II Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Чебоксары: НИИ педагогики и психологии, 2010. С. 124–130.

12. Вахштайн В. С. Современная высшая школа в США // Вестник педагогических инноваций. 2009. № 1 (17). С. 101–115.

13. Зернов В. А. и др. Указ. соч. С. 19.

14. Смирнов С. А. Становление и институционализация высшего негосударственного образования в современной России. Ростов н/Д, 1998. С. 39.

15. Андриенко Е. В. Указ. соч. С. 105.

Notes

1. Andrienko E.V. *Vliyanie globalizacii na regional'nyuyu strategiyu razvitiya vysshego obrazovaniya* [Impact of globalization on higher education regional development strategy] // *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* - Siberian pedagogical journal. 2013, No. 5, pp. 31-35.

2. Zernov V.A. and others *Negosudarstvennaya vysshaya shkola Rossii: stanovlenie, sostoyanie, perspektivy razvitiya* [Non-state higher school of Russia: formation, present state and perspectives of development]. Moscow. Univer. kn. 2009. P. 219.

3. Ibid.
4. Available at: <http://works.tarefer.ru/64/100495/index.html> (in Russ.)
5. Ibid.
6. Zonova M. V. *Opyt Velikobritanii v sozdanii ehffektivnoj sistemy vysshego ehkonomicheskogo obrazovaniya* [British experience in the creation of an effective system of higher economic education] // *Modernizaciya obrazovaniya v usloviyah globalizacii: sb. materialov nauch. konf., posvyashch. 75 letiyu Tyumen. gos. un-ta* – Modernization of education in the context of globalization: collection of materials of scientific conf. devoted to the 75th anniversary of Tumen State University. September 14-15, 2005. Pt. 2. Pp. 70-71.
7. Motova G. N., Navodnov V. G. *Modeli akkreditacii za rubezhom* [Accreditation models abroad]. 2nd ed., rev. and add. National accreditation centre. Moscow; Yoshkar-Ola. 2005. Pp. 13-14.
8. Zernov V. A. and others. Op. cit. P. 211.
9. Rappoport E. *Strana akademicheskikh svobod: vysshee obrazovanie v Germanii* [Country of academic freedom: higher education in Germany] // *Platnoe obrazovanie - Paid education*. 2006, No. 4, pp. 50-53.
10. Available at: <http://expat.su/france/sistema-vyisshego-obrazovaniya-frant1ii/> (in Russ.)
11. Ziguleva O. V. *Sovremennoe sostoyanie negosudarstvennogo sektora vysshego obrazovaniya v SSHA* [Modern state of the private sector of higher education in the USA] // *Informacionnoe prostranstvo sovremennoj nauki: materialy II Mezhdunar. zaoch. nauch. prakt. konf.* - Information space of modern science: materials of the II international absent scient.-practical conf. Cheboksary. Research institute of pedagogy and psychology, 2010. Pp. 124-130.
12. Wachstein V. S. *Sovremennaya vysshaya shkola v SSHA* [Modern high school in the USA] // *Vestnik pedagogicheskikh innovacij* - Herald of pedagogical innovations. 2009, № 1 (17), pp. 101-115.
13. Zernov V.A. and others. Op. cit. P. 19.
14. Smirnov S.A. *Stanovlenie i institucionalizaciya vysshego negosudarstvennogo obrazovaniya v sovremennoj Rossii* [The formation and institutionalization of non-state higher education in modern Russia]. Rostov-na-Donu. 1998. P. 39.
15. Andrienko E.V. Op. cit. P. 105.

УДК 37

А. А. Кузнецов, Т. Н. Суворова

Развитие методической системы обучения в условиях информатизации образования

В статье дается исторический обзор основных тенденций развития отечественного образования за последнее столетие. Рассматриваются актуальные на сегодняшний день направления модернизации российской школы. В статье подчеркивается, что для повышения качества образования и выхода на новый уровень его результатов, исходя из системно-деятельностного подхода в обучении, требуется реализация новых видов учебной деятельности в образовательном процессе, а для этого потребуется внедрение новых организационных форм обучения в рамках современной информационно-образовательной среды. Большое внимание уделено изменениям, которые в настоящее время затрагивают все компоненты методической системы обучения: цели, содержание, формы, методы и средства обучения. Излагаются взгляды авторов на основные отличия в характере связей между компонентами методической системы обучения в традиционных условиях и условиях информатизации образования.

The paper provides a historical overview of the main trends in the development of national education in the last century. Today modernizing trends of the Russian school are acute. The paper emphasizes that the quality of education and a new level of its results, based on a system-active approach of learning, require implementation of new types of learning activities in the educational process, and this would require the introduction of new organizational forms of learning within the framework of modern information-educational environment. Attention is paid to the changes that currently affect all components of the methodological training system: objectives, content, forms, methods and means of teaching. The paper sets out the views of the authors on the basic differences in the nature of relationships between the components of methodical system of training in traditional terms and conditions of informatization of education.

Ключевые слова: методическая система обучения, современная информационная образовательная среда, цели обучения, содержание обучения, формы обучения, методы обучения, средства обучения, электронные образовательные ресурсы.

Keywords: methodological training system, modern information-educational environment, learning objectives, learning content, forms of learning, teaching methods, learning tools, e-learning resources.

Нынешняя система отечественного школьного образования сложилась в основном еще в 30–50-х гг. прошлого века. Претерпевать заметные изменения она начала в середине 60-х гг. Этому есть свое объяснение. Во-первых, этот период – время стремительного «рывка» науки по многим направлениям (ядерная физика, органическая химия, радиоэлектроника, освоение космоса и др.) и, как следствие, немало предложений по дополнению новыми научными знаниями школьного образования. Во-вторых, стало очевидным, что образование в школе должно в большей степени учитывать интересы, склонности и способности отдельных учащихся, их жизненные устремления. Отсюда введение в школу факультативных занятий, появление школ и классов с углубленным изучением отдельных предметов. Решением Правительства была создана совместная комиссия Академии наук и Академии педагогических наук СССР, которая на протяжении почти десяти лет работала над «повышением научного уровня и идейной направленности обучения». Наряду с очевидными достижениями в развитии, обновлении школьного образования, реформа школы этих лет имела и определенные негативные последствия. Не были в должной мере учтены познавательные возможности детей, значительно увеличилась их учебная нагрузка. Недаром в последующие годы не ставилась задача «освободить содержание школьного образования от излишне сложного и второстепенного материала», нормализовать общую и учебную нагрузку учащихся.

Не углубляясь далее в историю развития школьного образования того времени, подчеркнем, что развивалось и совершенствовалось, дополнялось и освобождалось от недоступного для большинства школьников материала содержание образования. Работа по содержанию образования стала на многие годы приоритетом в дидактике и частных методиках, определяла ориентиры школьного образования, отодвигала на второй план другие факторы успешности достижения целей школы. Если перелистать страницы методических журналов тех лет, посмотреть на тематику диссертационных исследований, то станет очевидным, что такой вывод не является преувеличением.

Вместе с тем начиная с конца 80-х гг. постепенно нарастает неудовлетворенность общества образовательными результатами, полученными в процессе школьного образования, их неадекватностью современным требованиям и ожиданиям личности и общества. К этому времени начали снижаться и рейтинги отечественного школьного образования по результатам сравнительных международных исследований учебных достижений учащихся. Эти результаты стали для широкой общественности поводом для обоснованной тревоги относительно состояния нашего школьного образования. Но, если объективно проанализировать сложившуюся ситуацию, то можно с уверенностью сказать о том, что такие результаты были обусловлены не слабостью отечественных методических систем обучения или неэффективной работой наших учителей, а во многом устаревшей направленностью нашей системы школьного образования на формирование в основном узкопредметных образовательных результатов и репродуктивным характером образовательного процесса.

Между тем в большинстве развитых стран результаты школьного образования к этому времени связывались уже, прежде всего, с развитием личности обучаемых. Нельзя сказать, что задача личностного развития ребенка не была в центре внимания и отечественной школы. По крайней мере, деклараций на этот счет всегда было более чем достаточно. Однако реально настоящими ориентирами школьного образования оставались конкретные знания и умения по отдельным учебным предметам. За этими предметными результатами терялась личность ребенка, развитие которой – смысл и цель образования. В известной мере эта позиция отражала и то преувеличенное внимание к непрерывному совершенствованию содержания образования в ущерб развитию методов обучения, организации учебного процесса и средств обучения, которое было характерно для развития дидактики и методики обучения тех лет.

В отличие от реформ образования второй половины прошлого века, когда развивалось и совершенствовалось в основном только содержание школьного образования, сегодня реформы направлены, в первую очередь, на обновление других составляющих методической системы обучения – методов, организационных форм, средств обучения. Сейчас это тенденция модернизации образования – приоритет во всех развитых странах.

Это характерно и для современного российского образования – по существу все концепции развития отечественной школы и нормативные документы последних лет ориентируют на при-

оритетную модернизацию не столько содержания образования, сколько образовательного процесса. Актуальность этой позиции в последние годы постоянно возрастает.

Неудовлетворенность значительной части общества качеством школьного образования, в частности, понимание, что нынешние образовательные результаты не могут в полной мере стать основой для успешной профессиональной карьеры и реализации жизненных устремлений выпускников школы, выразились, в конечном счете, в стремлении общества и государства сформировать новую опережающую модель развития российской школы.

Качество образования определяется достигнутыми образовательными результатами. Новое понимание обществом целей и ценностей образования, смысла образовательных результатов и определяет направления модернизации образования. Коль скоро во главу угла ставятся новые образовательные результаты, то надо четко понимать, что достичь их можно только в процессе новой по содержанию и по организационным формам учебной деятельности [1].

Следовательно, если в ходе модернизации образования, повышения его качества планируется выйти на новый уровень его результатов, то это, исходя из системно-деятельностного подхода, неизбежно требует реализации новых видов деятельности в образовательном процессе. Это, в свою очередь, потребует поиска новых организационных форм реализации этой учебной деятельности в современной информационно-образовательной среде, что позволит в значительно большей мере использовать дидактические возможности этой среды. Таким образом, для успешной модернизации образования нужна современная информационно-образовательная среда, построенная на основе новых методов, организационных форм и современных средств обучения (в том числе электронных образовательных ресурсов). Иначе говоря, в условиях информатизации школьного образования методическая система обучения в целом должна приобрести новые очертания.

Понятие «методическая система обучения» было введено в научный оборот в середине 70-х гг. прошлого века известным методистом тех лет А. М. Пышкало [2]. По его словам, методическая система обучения представляет собой совокупность пяти иерархически подчиненных компонентов: целей обучения, его содержания, организационных форм, методов и средств обучения (рис. 1).

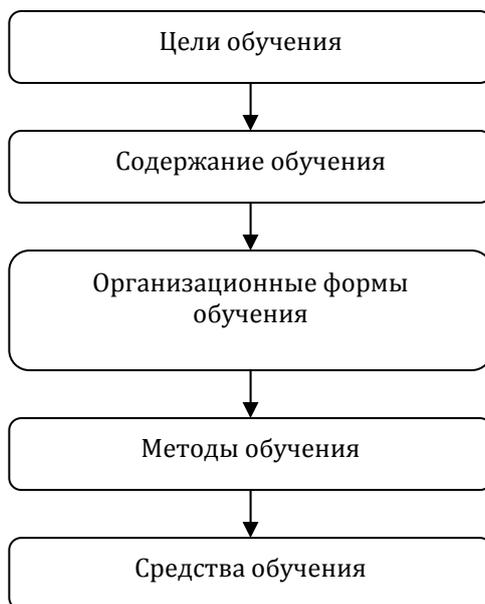

Рис. 1. Иерархия связей между элементами традиционной методической системы обучения

Однако на современном этапе развития системы образования и в условиях его информатизации концепция методической системы обучения в прежнем виде уже неадекватна ситуации в методике обучения различным предметам и требует развития.

Изменения затрагивают как отдельные компоненты методической системы обучения, так и характер связей между ними.

Трансформация **целей образования** начинается с изменения исходных позиций их генезиса. Принятый ранее подход к определению целей обучения посредством анализа соответствующих государственных документов о развитии образования (свидетельствующих о социальном заказе относительно уровня и характера образования), попытки описать и каким-то образом

конкретизировать эти общие цели в рамках традиционной для педагогики терминологии не могут удовлетворить требованиям построения современной информационной образовательной среды. Описание целей должно соответствовать требованиям диагностичности и проверяемости. Эти требования могут быть соблюдены, если цели достаточно точно определены, достижение их отдельных компонентов соотносено с определенными их проявлениями, поддающимися измерению в какой-либо шкале оценивания. Такой подход к описанию, заданию целей через требования к результатам, структуре и условиям освоения образовательной программы соответствует тенденции технологизации, стандартизации, особенно ярко проявившейся в Федеральном государственном образовательном стандарте общего образования.

Важное значение имеет форма задания требований, благодаря которой они конкретизируются, в определенной мере формализуются, приобретают инструментальный характер. Имея в виду, что образовательные стандарты ориентированы на единую, типовую технологию проверки, а ее стандартизация сама входит в задачи разработки стандартов, можно предположить, что основным измерителем достижения обучающимися требований стандартов станут тесты. Эффективным способом решения поставленной задачи является использование электронных образовательных ресурсов контрольно-корректировочного назначения, поскольку они, во-первых, позволяют применить единую процедуру проведения контроля и оценивания результатов тестирования, а во-вторых, ориентированы на массовое применение. После проведения проверки и предварительной обработки ее результатов итоги проверки могут быть подвергнуты статистическому анализу с помощью соответствующих программных средств, которые позволяют получить интегральную оценку результатов, проверить уровень их достоверности и т. д. Затем на основании полученных данных необходимо осуществить содержательную методическую интерпретацию с целью выработки путей дальнейшего совершенствования содержания, форм, методов и средств обучения, повышения эффективности учебного процесса в целом.

Изменение **содержания обучения** происходит в направлении его расширения за счет широких возможностей современных средств обучения – электронных образовательных ресурсов: электронных наглядных пособий, электронных приложений к учебнику, информационно-поисковых систем, интернет-ресурсов, которые предоставляют обучающимся огромное количество доступной для изучения информации. Кроме того, в отличие от традиционного бумажного учебника электронные образовательные ресурсы благодаря потенциалу технологии гипермедиа обладают возможностью нелинейного представления учебной информации, что также позволяет значительно увеличить объем доступного материала, расширить тематику и способы его представления.

Основные изменения, касающиеся **организационных форм обучения**, связаны с постепенной потерей значимости и абсолютного приоритета классно-урочной системы, развивавшейся на протяжении нескольких столетий. Несомненно, классно-урочная форма имеет ряд преимуществ по сравнению с другими формами, в частности индивидуальной: она отличается более строгой организационной структурой, является экономной, поскольку один учитель работает одновременно с большой группой учащихся, создает благоприятные предпосылки для коллективной деятельности обучающихся, воспитания и развития учащихся. Вместе с тем эта форма организации обучения не лишена недостатков. Главный среди них – ориентация на среднего ученика, отсутствие возможности осуществления индивидуальной учебно-воспитательной работы с учащимися. Сейчас уровень развития информационных технологий позволяет создавать электронные образовательные ресурсы, которые были бы способны компенсировать этот серьезный недостаток классно-урочной формы обучения, поскольку они могут обладать необходимым потенциалом для индивидуализации образовательного процесса, организации работы в группах и самостоятельной работы обучающихся. Таким образом, современные средства информационных технологий способны вывести современное образование за пределы классно-урочной системы и организовать такие формы обучения, как научно-исследовательская работа, дистанционная олимпиада, видеолекция, вебинар, дистанционная консультация и т. д. [3]

Значительным образом изменяются **методы обучения**. Традиционные методы находят свою реализацию в новых условиях, например объяснительно-иллюстративный метод сегодня активно поддерживается демонстрационными программными средствами и информационно-поисковыми системами; метод проектов, зародившийся задолго до появления современных технологий, в настоящее время также реализуется посредством широкого круга системных, прикладных и инструментальных программ. Некоторые методы (например, программированный, моделинговый) в их современном понимании и вовсе не могут быть реализованы без средств информационных технологий. Более того, внедрение в практику обучения средств информационных технологий вызвало к жизни ряд новых методов обучения (учебное компьютерное моделирование, метод фальсифицируемости, прецедентов, реификации, ассоциативный метод и др.) [4].

Все перечисленные изменения являются следствием трансформации запросов семьи, общества и государства, а их реализация становится возможной благодаря появлению новых **средств обучения** – электронных образовательных ресурсов, которые стали одним из ключевых компонентов современной информационной образовательной среды, коренным образом изменяя среду, придавая ей новые качества.

Традиционно средства обучения однозначно определялись методами обучения, но теперь в связи с тем что средства обучения приобрели гораздо большие возможности, ситуация изменилась. У них гораздо более высокая степень воздействия на методику обучения. Это было бы совершенно нетипично для традиционной методической системы, поскольку для нее характерна достаточно жесткая иерархия связей между элементами сверху вниз (от целей до средств обучения), отражающая обусловленность нижестоящих элементов вышестоящими (например, методы обучения зависели от его содержания). В условиях информатизации образования под влиянием внедрения электронных образовательных ресурсов на смену достаточно жесткой иерархии связей приходит более гибкая, многосторонняя система, когда нижестоящие элементы начинают влиять на вышестоящие. Эта тенденция особенно четко прослеживается на примере усиления роли электронных образовательных ресурсов как средств обучения, которые начинают во многом определять компоненты современной информационной образовательной среды: содержание, формы и методы обучения.

Отсюда и вытекает новая **«двусторонняя»** взаимосвязь между отдельными компонентами методической системы обучения, которую схематически можно изобразить следующим образом (рис. 2):

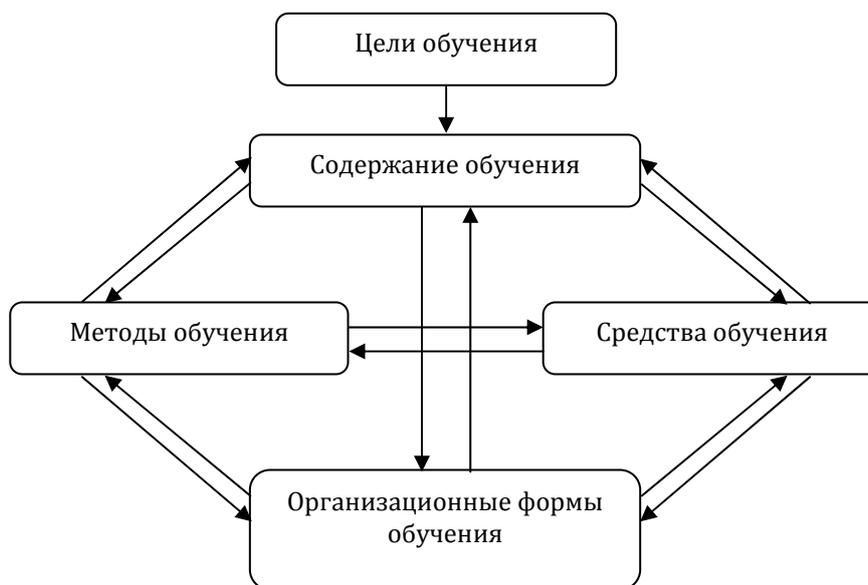

Рис. 2. Связи между элементами методической системы обучения в условиях информатизации образования

По мнению С. В. Зенкиной, А. А. Кузнецова, Е. А. Ракитиной, В. В. Рубцова, Т. А. Сергеевой, В. В. Фирсова и др., старая система образования не испытывала значительных потребностей в применении электронных образовательных ресурсов, поскольку традиционные средства обучения были адекватны прежним целям, содержанию, формам и методам обучения. В связи с новыми ориентирами трансформации образования, связанными с формированием опережающей модели развития российской школы, определяются новые образовательные результаты. Ощутимые изменения в результатах образования возможны только при переходе к современной информационно-образовательной среде, и только в этой среде **инновационные организационные формы, новые методы и соответствующие им средства обучения**, отвечающие потребностям этой среды, позволяют **существенно повлиять на достижение современных образовательных результатов**. Соответственно, одной из важнейших проблем, стоящих перед системой образования и влияющих на изменения в профессиональной деятельности современного учителя, является внедрение современных организационных форм в образовательный процесс школы.

Примечания

1. Кузнецов А. А. Что значат требования к результатам освоения основных общеобразовательных программ? // Стандарт общего образования: на пути к общественному договору. М.: Просвещение, 2006.
2. Пышкало А. М. Методическая система обучения геометрии в начальной школе: авторский доклад по монографии «Методика обучения элементам геометрии в начальных классах», представленной на соискание ... д-ра пед. наук. М.: Академия пед. наук СССР, 1975.
3. Суворова Т. Н. Электронные образовательные ресурсы как компонент современной информационной образовательной среды // Информатика и образование. 2014. № 3. С. 53–57.
4. Волошина Т. П., Кашицин В. П., Молчанова О. П. Образование в эпоху новых информационных технологий. М., 1995.

Notes

1. Kuznetsov A. A. *Сhto znachat trebovaniya k rezul'tatam osvoeniya osnovnyh obshcheobrazovatel'nyh programm?* [What do the requirements for the results of mastering the basic educational programs mean?] // *Standart obshchego obrazovaniya: na puti k obshchestvennomu dogovoru* - Standard of general education: towards to social contract. Moscow. Prosveshchenie. 2006.
2. Pyshkalo A. M. *Metodicheskaya sistema obucheniya geometrii v nachal'noj shkole: avtorskij doklad po monografii «Metodika obucheniya ehlementam geometrii v nachal'nyh klassah», predstavlennoj na soiskanie ... d ra ped. nauk* [Methodical system of teaching geometry in elementary school: the author's report on the monograph "Methods of teaching geometry in the elementary grades," presented at the competition of ... D. Ped. Sciences]. Moscow. Academy of ped. sciences of the USSR. 1975.
3. Suvorova T.N. *EHlektronnye obrazovatel'nye resursy kak komponent sovremennoj informacionnoj obrazovatel'noj sredy* [Electronic educational resources as a component of modern information educational environment] / *Informatika i obrazovanie* - Informatics and education. 2014, No. 3, pp. 53-57.
4. Voloshina T.P., Kashitzin V.P., Molchanova O.P. *Obrazovanie v ehpohu novykh informacionnykh tekhnologij* [Education in the age of new information technologies]. Moscow. 1995.

УДК 374

С. А. Здорovenko

**Организация авиамодельного сегмента
образовательного кластера
в системе дополнительного образования детей города Кирова**

В статье изучается одна из сторон инновационного процесса современного российского образования – проблема формирования и функционирования образовательного кластера. Рассматриваются различные подходы к определению кластера и, в частности, образовательного кластера. Изучаются виды образовательных кластеров, их элементы, этапы формирования, а также цели функционирования кластера. Общие подходы находят свое приложение при формировании авиамодельного кластера в системе дополнительного образования детей города Кирова. Как правило, в литературе рассматриваются образовательные кластеры «вертикальной структуры» с различными взаимосвязями внутри кластера и со связями с социальными партнерами. В работе изучается кластер «горизонтальной» структуры. Описан процесс организации такого кластера, возникающие при этом проблемы и способы их преодоления. Формулируются стратегические, тактические и оперативные цели созданного авиамодельного кластера. Описан характер взаимодействия субъектов внутри кластера и с социальными партнерами.

The paper examines one of the parties in the innovation process in modern Russian education – the problem of the formation and functioning of the education cluster. Various approaches to the definition of the cluster and, in particular, the education cluster. This article examines the types of educational clusters, their elements, forming stages and goals of the functioning of the cluster. About existing approaches find their application in the formation of aircraft modeling cluster in the system of additional education of children of the city of Kirov. Generally, the literature discusses educational data clusters “vertical structure” with different linkages within the cluster and with relationships with the social partners. The paper deals with the cluster

“horizontal” structure. The paper describes the process of organizing such a cluster, the resulting problems and ways of overcoming them. Its formulary are strategic, tactical and operational goals established aircraft modeling of the cluster. It describes the nature of the interaction between actors within a cluster and with the social partners.

Ключевые слова: образовательный кластер, социальное партнерство, техническое творчество, авиамоделирование, дополнительное образование детей.

Keywords: educational cluster, social partnership, technical creativity, aircrafttion, additionally children's education.

Современный мир базируется на постиндустриальной концепции развития. Это мир больших производственных ресурсов и дефицита идей. Поэтому формирование инновационного, креативного мышления – важная задача современного образования. В индустриальном обществе цели, содержание и основные результаты образования определялись государством. В постиндустриальном обществе образование становится результатом договора между государством, бизнесом, общественными институтами и семьей. Именно они формируют заказ на инновационное образование для детей. Однако инновационное образование способны заказывать только инновационные субъекты, а в России, к сожалению, процент инновационно мыслящих людей пока еще невелик. Как отмечает Р. А. Губайдуллин, «образовательная свобода привела к существенным социальным перекосам – переизбытку специалистов с низкой профессиональной компетентностью в гуманитарных областях деятельности и к практически кадровому голоду в производственно-технической сфере» [1]. Современные школьники менее информированы, менее компетентны в технической сфере, чем школьники советских времен, что обусловило крайне низкую заинтересованность инженерным делом и низкую мотивацию к получению политехнического профессионального образования у современных школьников.

Ни для кого не секрет, что в наше время спортивное, научное, музыкальное образование требуют как раннего самоопределения, так и ранней подготовки ребенка. Это в полной мере относится и к политехническому образованию. Современный выпускник школы, который хочет получить политехническое образование, должен еще и быть способным получать современное сложное политехническое образование, а в дальнейшем работать в высокотехнологичных сферах.

В советское время политехническая профессиональная ориентация школьников, их профессиональная подготовка осуществлялась в хорошо развитой системе клубов и станций юных техников, учебно-производственных комбинатов, политехнических школ.

Сегодня в дополнительном образовании детей (ДОД) материально и технически устаревшая материально-техническая база, устаревшие образовательные программы, крайне слабое методическое сопровождение, низкие зарплаты. Следствием этого является практически отсутствие современно мыслящих кадров, способных реализовывать инновационный образовательный процесс в техническом направлении дополнительного образования детей.

Общеобразовательная школа никогда не решала вопросов политехнического профессионального самоопределения школьников и не имеет в этом направлении достаточного опыта и традиций.

Вышеперечисленные проблемы привели к тому, что большинство современных абитуриентов и студентов технических направлений не понимают специфики будущей профессиональной деятельности, многие из них еще на стадии обучения разочаровываются в выбранных направлениях, а большинство выпускников технических вузов имеют низкую профессиональную компетентность и часто не работают по специальности после окончания вуза.

Если раньше решением подобной проблемы могла быть целевая государственная программа, то сегодня одной такой программы недостаточно. Необходимо перестроить сознание учащихся и их родителей, а для этого недостаточно усилий только системы образования, необходим целый комплекс действий государства, производства, бизнеса и образования. В указанном контексте важнейшим источником инноваций в дополнительном образовании детей является социальное партнерство.

Вышеуказанные тенденции и проблемы характерны и для Кировской области. К началу двухтысячных годов технические направления в ДОД Кировской области находились в плачевном состоянии. К 2010 г. обнажились следующие проблемы:

- активная ликвидация модельных технических кружков;
- потеря значительной части материально-технической базы и устаревание сохранившейся ее части;

- низкий уровень заработной платы высококвалифицированных педагогов;
- массовый уход высококвалифицированных педагогов с базовым техническим образованием;
- отсутствие специализированной методической помощи педагогам-«технарям»;
- перевод технических кружков из специализированных учреждений (станций, клубов юных техников) в крупные центры ДОД, для которых технические кружки стали крайне невыгодны с организационной, материальной и финансовой точек зрения;
- рассредоточение технических кружков между областным департаментом образования, городским управлением образования и Комитетом по делам молодежи.

И, как следствие,

- несогласованность программ, графиков мероприятий, значительные различия в оплате труда педагогов;
- сведение модельных технических направлений ДОД к начальному или начальному техническому моделированию для младших школьников,
- крайне низкий охват школьников среднего и старшего школьного звена;
- наличие неудовлетворенного спроса со стороны подростков и их родителей на кружки инженерно-технической направленности;
- недостаточное внимание со стороны чиновников от образования, местного самоуправления и бизнес-сообщества к развитию модельных технических направлений в системе ДОД.

Вышеперечисленные проблемы вынудили педагогов-энтузиастов «выживших» технических кружков самостоятельно искать способы сохранения и развития спортивно-технических и инженерно-технических модельных направлений детско-юношеского творчества в области [2]. Пришло осознание того, что необходима консолидация усилий различных структур, формирование партнерских отношений между ними, внедрение инновационных технологий в образовательный процесс.

Анализ проведенной педагогами-моделистами города своего педагогического и организационного опыта, постепенно сложившегося взаимодействия педагогов между собой и с различными социальными партнерами привели к идее объединения материальных, человеческих, информационных ресурсов. Встала задача модернизации модельных технических направлений детско-юношеского творчества в Кировской области.

Изучение научно-исследовательской литературы по проблеме социального партнерства, разработок ученых, педагогов-практиков и руководителей в сфере образования по этой проблематике привели к выводу, что возможным решением поставленной перед нами задачи является кластерный подход и, как итог, создание кластера технического моделирования.

Основателем концепции кластера считается М. Портер. Однако неполнота его концепции и становящийся характер теории кластеров явились причиной того, что в современной литературе пока нет строгого определения кластера.

Портер определяет кластер как «сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций... в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем и ведущих совместную работу» [3]. Портер считает, что эффективность любой системы нужно оценивать через призму не отдельных составляющих, а взаимосвязанных компонентов (кластеров).

В научной и исследовательской литературе под кластером понимают:

- объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определенными свойствами [4];
- группу соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга [5];
- регионально ограниченные формы экономической активности внутри родственных секторов... обычно привязанные к тем или иным учреждениям индустрии знаний (НИИ, университетам) [6];
- вертикальные производственные цепочки: довольно узко определенные секторы, в которых смежные этапы производственного процесса образуют ядро кластера. В эту же категорию попадают сети, формирующиеся вокруг головных фирм (фокусные кластеры) [7];
- структура, состоящая из нескольких равноправных частей, сохраняющая свою полноценную функциональную работоспособность при выходе из строя произвольных составляющих его компонентов;
- система особого рода, в которой добавление элемента улучшает ее работу, а изъятие не приводит к фатальным последствиям, так же как в виноградной грозди съеденная ягода не нарушает общей целостности [8];

• совокупность согласованно действующих субъектов для решения общей стратегической цели [9].

В последние годы предпринимаются многочисленные попытки применить кластерный подход к образовательной сфере. Это привело к понятию образовательного кластера. Такие зарубежные исследователи и педагоги-новаторы, как Дж. С. Рензулли, М. Джентри, С. М. Рейс, Е. Ю. Селюк под образовательным кластером понимают практикоориентированную деятельность творческих мастерских, специально организованных для создания продукта или услуги, работу разновозрастной группы участников образовательного процесса [10].

Е. Куценко с работе «Феномен образовательного кластера» определяет образовательный кластер как «один из отраслевых кластеров, где отраслью является образование... Ключевым критерием отнесения кластера к образовательному является главный продукт кластера и, соответственно, процесс получения этого продукта (производственный или образовательный)».

Приведем другие определения образовательного кластера, встречающиеся в литературе:

• система обучения, взаимообучения и инструментов самообучения в инновационной цепочке наука – технологии – бизнес, основанная преимущественно на горизонтальных связях внутри цепочки [11];

• совокупность свойств, образовательной системы, отвечающих за эффективность и качество решения определенного круга задач на конкретном этапе деятельности субъектов [12];

• совокупность согласованно действующих социальных институтов, обладающих общей стратегической целью, потенциальных носителей умений и стремления к их получению или иных мотивов к их обретению [13];

• совокупность взаимосвязанных учреждений профессионального образования, объединенных по отраслевому признаку и партнерскими отношениями с предприятиями отрасли [14];

• совокупность свойств образовательной системы, отвечающих за эффективность и качество решения определенного круга задач на конкретном этапе деятельности субъектов [15];

• гибкая сетевая структура, включающая группы взаимосвязанных объектов (образовательные учреждения, общественные и политические организации, научные школы, вузы, исследовательские организации, бизнес структуры и т. д.), объединенных вокруг ядра инновационной образовательной деятельности для решения определенных задач и достижения конкретного результата (продукта) [16];

• инициативы и проекты развития образования, в которые включены многие школы и вокруг которых формируется устойчивая поддержка из внешней среды, присущие отдельному экономико-географическому региону [17];

• организационная форма объединения усилий заинтересованных сторон в направлении достижения конкурентоспособных преимуществ: проведение исследований, обучения на всех уровнях (школа, вуз, дополнительное образование).

Анализируя различные подходы к определению кластера, условно можно выделить следующие его виды: кластеры, сформированные по пространственному или по функциональному критерию, а также кластеры, имеющие вертикальную или горизонтальную структуру.

В настоящем исследовании кластер рассматривается, во-первых, как организационная форма объединения усилий заинтересованных сторон для модернизации и развития инженерно-технического творчества детей и подростков, создания конкурентных преимуществ данного направления ДОД, а во-вторых, как метод стимулирования инновационной деятельности в области технического модельного творчества детей и молодежи области.

Анализ состояния технического творчества в системе ДОД Кировской области, перспектив его развития [18] и возможности привели к решению начать формирование кластера технического моделирования с организации авиамодельного кластера, который в дальнейшем будет расширен до кластера технического моделирования.

Осознание необходимости создания кластера технического моделирования поставило перед нами следующие вопросы:

– Как формируется кластер?

– Какова должна быть структура кластера?

– Каковы основные этапы построения и развития кластера?

Аналогичные вопросы изучались например, в работах О. В. Балалиевой [19], Т. М. Давыденко [20], А. М. Каменского [21], Э. Р. Скорняковой [22], Т. И. Шаповой [23]. Однако применительно к управлению учреждениями ДОД кластерная теория исследована недостаточно.

При формировании и функционировании кластера необходимо выделять следующие ключевые моменты: структуру кластера, наличие общей цели у субъектов кластера, наличие правовой основы совместной деятельности субъектов, наличие разработанных механизмов взаимо-

действия между субъектами кластера; наличие механизмов управления; социальных партнеров кластера и механизмы взаимодействия с ними [24].

Структура авиамодельного кластера. Субъектами кластера являются педагоги и спортсмены-авиамodelисты, общественная организация «Федерация авиамодельного спорта Кировской области», методический совет и общее собрание авиамodelистов области.

Организацией, являющейся «законодательным органом», определяющей инновационную стратегию кластера, выступает общее собрание педагогов и спортсменов-авиамodelистов. Координатором является президиум Федерации авиамодельного спорта. Как отмечалось выше, современные реалии таковы, что техническое моделирование в системе ДОД нашей области считается «финансово невыгодным», кружки рассредоточены по учреждениям различной принадлежности. Эти учреждения чаще соперничают между собой, чем сотрудничают, их взаимоотношения тормозят развитие системы дополнительного образования. Поэтому среди образовательных учреждений не нашлось способного стать лидером или координатором формирующегося кластера, а сам кластер имеет «горизонтальную» структуру.

Цели, стоящие перед кластером, делятся на стратегические, тактические и оперативные.

Стратегическими целями являются возрождение и развитие авиамodelизма в Кировской области; расширение возможностей для удовлетворения разнообразных интересов детей и их семей; развитие мотивационного потенциала личности; раннее профессиональное самоопределение учащихся; допрофессиональная техническая и инженерная подготовка школьников; развитие спортивной составляющей авиамodelизма.

Тактические цели: состоят в разработке новых подходов к организации образовательной среды; создании специализированной методической службы; повышении профессионального уровня педагогов; повышении уровня спортивной подготовки авиамodelистов области; сохранении и развитии материально-технической базы авиамodelизма.

Оперативные цели: включают внедрение инновационных технологий и материалов в образовательный процесс; обновление программно-методического сопровождения образовательного процесса, его форм и методов; осуществление поиска и внедрение новых форм организации образовательного и тренировочного процесса; привлечение учащихся среднего и старшего школьного возраста, а также учащихся вузов, ссузов и взрослого населения города.

Взаимодействие между субъектами внутри кластера характеризуется обоюдной поддержкой, наличием постоянных личных контактов, открытостью всех происходящих внутри кластера процессов. Участники кластера разрабатывают программу развития, планируют результат, согласовывают индивидуальные программы, планы мероприятий, координируют свои усилия, распределяют обязанности при проведении совместных мероприятий, осуществляют взаимную методическую помощь.

Социальные партнеры. На федеральном уровне социальное взаимодействие установлено с Федерацией авиамодельного спорта РФ, со спортсменами-авиамodelистами, педагогами технических кружков и руководителями учреждений ДОД других регионов России.

На областном уровне социальными партнерами являются Правительство Кировской области, департамент образования Кировской области и Спортивный комитет Кировской области, отдельные члены Законодательного собрания Кировской области, спортивное сообщество технических видов спорта в Кировской области, СМИ Кировской области, ДОСААФ Кировской области.

На муниципальном уровне установлены взаимовыгодные связи с администрацией города Кирова и Комитетом по делам молодежи, музеем К. Э. Циолковского, авиации и космонавтики, бывшими выпускниками технических кружков, родителями обучающихся.

Объединение в кластер позволило облегчить коммуникацию и передачу информации (в том числе об инновациях в образовании, технической и технологической сферах, о методах внедрения этих инноваций); обеспечить специализированную методическую помощь педагогам и спортсменам, организовать мастер-классы ведущих авиамodelистов России; консолидировать и эффективнее использовать имеющуюся материально-техническую базу; привлечь спонсорскую помощь; дифференцировать и специализировать авиамodelные кружки (это позволило обучающимся более полно раскрыть свои способности), значительно повысить уровень проводимых мероприятий и спортивную подготовку обучающихся, увеличить число подростков и молодежи, занимающихся авиамodelизмом.

Примечания

1. Губайдуллин Р. А. Инженерный образовательный кластер. URL: http://presto.perm.ru/ingenerno-obraz_klaster/
2. Здорovenко С. А., Здорovenко М. Ю. Организация социального взаимодействия в системе дополнительного образования детей // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/116-12273>
3. Портер М. *Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран*. М.: Междунар. отношения, 1993.
4. Википедия: Свободная энциклопедия. URL: <http://ru.Wikipedia.org/wiki%>
5. Громыко Ю. В. Что такое кластеры и как их создавать? // Альманах «Восток». 2007. Вып. 1(42). URL: http://www.situation.ru/app/i_arip_1178.htm
6. Вахрушева Н. И. Образовательный кластер как фактор инновационного развития региона // *Экономические науки*. 2009. № 8(57). С. 385–387.
7. Там же.
8. Каменский А. М. Внутришкольный образовательный кластер // *Народное образование*. 2009. № 9. С. 90–93.
9. Игнатова В., Екимова Н. «Пучки» и «гроздь» управления: Кластер – инновационная форма руководства учреждением дообразования // *Управление школой: газета изд. дома «Первое сентября»*. 2009. № 24. С. 17–20.
10. Балалиева О. В. Образовательный кластер в сфере ДОУ // *Казанская наука*. 2013. № 8. С. 12–15.
11. Нанотехнологический словарь РОСНАНО. URL: <http://www.rusnano.com/Term.aspx/Shew/15134>
12. Игнатова В., Екимова Н. Указ. соч.
13. Там же.
14. Гаврилова О. Е., Шагеева Ф. Т., Никитина Л. Л. К вопросу о подготовке специалистов – конструкторов швейного производства в условиях образовательного кластера. URL: <http://conference/kemsu.ru/GetDoesFile?id>
15. Громыко Ю. В. Что такое кластеры и как их создавать? // Альманах «Восток». 2007. Вып. 1(42). URL: http://www.situation.ru/app/i_arip_1178.htm
16. Скорнякова Э. Р. Управление современной школой на примере образовательного кластера // IX Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы развития образования в России»: сб. ст. Новосибирск, 2011. URL: http://www.zrns.ru/2konf_arhiv_pn9.html
17. Осинцева И. М. Кластерное развитие образования // *Национальная образовательная стратегия. Формирование современной модели образования, ориентированной на достижение целей опережающего развития: материалы окружной науч.-практ. конф.* Екатеринбург, 2009. С. 46–48.
18. Здорovenко С. А., Здорovenко М. Ю. Организация социального взаимодействия...; Здорovenко С. А., Здорovenко М. Ю. Довузовская подготовка будущих инженерно-технических кадров: детско-юношеское техническое творчество // XII Международная научно-методическая конференция вузов и факультетов инфокоммуникаций: тр. конф. М.: МТУСИ, 2012. С. 174–177.
19. Балалиева О. В. Указ. соч.
20. Игнатова В., Екимова Н. Указ. соч.
21. Каменский А. М. Указ. соч.
22. Скорнякова Э. Р. Указ. соч.
23. Шамова Т. И. *Управление образовательными системами* / Т. И. Шамова, П. И. Третьяков, Н. П. Капустин, Т. М. Давыденко. М.: ВЛАДОС, 2002.
24. Игнатова В., Екимова Н. Указ. соч.

Notes

1. Gubaidullin R.A. *Inzhenernyj obrazovatel'nyj klaster* [Engineer education cluster]. Available at: http://presto.perm.ru/ingenerno-obraz_klaster/
2. Zdorovenko S.A., Zdorovenko M.Y. *Organizaciya social'nogo vzaimodejstviya v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya detej* [Organization of social interaction in the system of additional education of children] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2014 - Modern problems of science and education. 2014, No. 2. Available at: <http://www.science-education.ru/116-12273>
3. Porter M. *Mezhdunarodnaya konkurenciya: Konkurentnye preimushchestva stran* [International competition: Competitive advantage of countries]. Moscow. Intern. relations. 1993.
4. Wikipedia: the Free encyclopedia. Available at: [\(in Russ.\)](http://ru.Wikipedia.org/wiki%)
5. Gromyko Y.V. *CHto takoe klasteri i kak ih sozdavat?* [What are clusters and how to create them?] // *Al'manah «Vostok»*- Almanac "Vostok". 2007, Vol. 1(42), Available at: http://www.situation.ru/app/i_arip_1178.htm
6. Vakhrusheva N. I. *Obrazovatel'nyj klaster kak faktor innovacionnogo razvitiya regiona* [Educational cluster as a factor of innovative development of the region] // *Ehkonomicheskie nauki* - Economic Sciences. 2009, No. 8(57), pp. 385-387.
7. Ibid.

8. Kamensky A.M. *Vnutrishkol'nyj obrazovatel'nyj klaster* [School-based educational cluster] / *Narodnoe obrazovanie* - National education. 2009, No. 9, pp. 90-93.
9. Ignatova V., Ekimova N. «Puchki» i «grozd'ya» upravleniya: Klaster – innovacionnaya forma rukovodstva uchrezhdeniem dopobrazovaniya ["Beams" and "grapes" of management: Cluster is an innovative form of governance of establishment of additional education] / *Upravlenie shkoloj* - Management of school: newspaper of publ. house "Pervoe sentyabrya". 2009, No. 24, pp. 17-20.
10. Balalaiva O.V. *Obrazovatel'nyj klaster v sfere DOU* [Educational cluster in the field of additional education of pupils] // *Kazanskaya nauka* - Kazan science. 2013, No. 8, pp. 12-15.
11. Nanotechnological dictionary of ROSNANO. Available at: <http://www.rusnano.com/Term/aspx/Shew/15134> (in Russ.)
12. Ignatova V., Ekimova N. Op. cit.
13. Ibid.
14. Gavrilova O.E., Shageeva F.T., Nikitina L.L. *K voprosu o podgotovke specialistov – konstruktorov shvejnogo proizvodstva v usloviyah obrazovatel'nogo klastera* [To the question about the training of specialists - designers of garment production in conditions of educational cluster]. Available at: <http://conference/kemsu.ru/GetDoesFile?id>
15. Gromyko Y.V. *CHto takoe klastery i kak ih sozdavat'?* [What are clusters and how to create them?] // *Al'manah «Vostok»* - Almanac "Vostok". 2007, Iis. 1(42). Available at: http://www.zrns.ru/2konf_arhiv_pn9.html
16. Skornyakova E.R. *Upravlenie sovremennoj shkoloj na primere obrazovatel'nogo klastera* [Management of modern school on the example of educational cluster] // *IX Mezhdunarodnaya nauchno prakticheskaya konferenciya «Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii»*- IX international scientific and practical conference "Problems and prospects of development of education in Russia": coll. of art. Novosibirsk. 2011. Available at: http://www.zrns.ru/2konf_arhiv_pn9.html
17. Osintseva I.M. *IX Mezhdunarodnaya nauchno prakticheskaya konferenciya «Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii»* [Cluster development of education] // *Nacional'naya obrazovatel'naya strategiya. Formirovanie sovremennoj modeli obrazovaniya, orientirovannoj na dostizhenie celej operezhayushchego razvitiya: materialy okruzhnoj nauch. prakt. konf.*- National education strategy. The formation of the modern educational model focused on achieving the goals of the advanced development: proceedings of the district scientific and practical conf. Ekaterinburg. 2009. Pp. 46-48.
18. Zdrovenko S.A., Zdrovenko M.Y. *Organizaciya social'nogo vzaimodejstviya...* [Organization of social interaction...]; Zdrovenko S.A., Zdrovenko M.Y. *Dovuzovskaya podgotovka budushchih inzhenerno-tehnicheskikh kadrov: detsko yunosheskoe tekhnicheskoe tvorchestvo* [Pre-university training of future engineers and technical personnel: junior-youth technical creativity] // *XII Mezhdunarodnaya nauchno metodicheskaya konferenciya vuzov i fakul'tetov infokommunikacij: tr. konf.* - XII International scientific and methodical conference of universities and faculties of Infocommunications: conf. proc. Moscow. MTUSI. 2012. Pp. 174-177.
19. Balalieva O.V. Op. cit.
20. Ignatova V., Ekimova N. Op. cit.
21. Kamensky A.M. Op. cit.
22. Skornyakova E.R. Op. cit.
23. Shamova T. I. *Upravlenie obrazovatel'nymi sistemami* [Management of educational systems] / T.I. Shamova, P.I. Tretyakov, N.P. Kapustin, T.M. Davydenko. Moscow. VLADOS. 2002.
24. Ignatova V., Ekimova N. Op. cit.

УДК 378.147.53

Н. В. Зубова

Формирование мотивов изучения физики у студентов технических вузов средствами комплексной кейс-технологии

В статье описывается мотивационно-целевой компонент методики обучения физики будущих бакалавров инженерной деятельности, основанной на применении комплексной кейс-технологии в образовательном процессе.

The article describes motivazione-target component of a technique of teaching of physics future bachelors of engineering activity based on the use of integrated case-technologies in educational process.

Ключевые слова: кейс-технология, обучение, бакалавр, мотивация, цель.

Keywords: a case-technology, education, bachelor, motivation, goal.

Физика является приоритетной базовой дисциплиной в образовательном процессе при подготовке инженерных кадров. Проблема повышения мотивации обучения требует от преподавания нового подхода к ее решению, в частности разработки более совершенной технологии обучения. Наша методика обучения будущих бакалавров инженерного производства опирается на использование комплексной кейс-технологии в образовательном процессе.

Под кейсом мы понимаем педагогический инструмент, который можно рассматривать как сложное событие, интегрирующее в себе комплекс простых событий. Под кейс-технологией мы понимаем профессионально ориентированную технологию обучения, основанную на интегрированном подходе к разрешению ситуационной задачи, представляющей собой описание конкретной ситуации, возникающей в профессиональной деятельности, с явной или скрытой проблемой.

Разработанную нами кейс-технологию мы считаем комплексной, так как она обладает сложной структурой. Технология применима при изучении не отдельных вопросов курса физики, а ее тем (разделов) в целом. На отдельных этапах их изучения используются отдельные части кейса, образующие целостную структуру.

Комплексность технологии определяется по содержанию (физика и специальные дисциплины), по структуре и результату. Результат каждого этапа представляется по трем показателям: 1) сформированность соответствующих мотивов деятельности; 2) сформированность компонентов профессиональных компетенций; 3) вклад в решение исходной ситуационной задачи.

Опишем мотивационно-целевой компонент методики обучения будущих бакалавров физике по направлениям инженерной подготовки на основе комплексной кейс-технологии. Цель обучения, согласно требованиям ФГОС ВПО, должна быть направлена на формирование компетенций выпускников вузов.

Обучение будущих бакалавров в техническом вузе направлено на формирование профессиональных компетенций. Из широкого перечня компетенций, имеющихся в образовательных стандартах 3-го поколения, нами был выбран набор профессиональных компетенций, в формирование которых, на наш взгляд, могут внести вклад занятия по физике. К ним относим:

– способность собирать и анализировать научно-техническую информацию, учитывать современные тенденции развития и использовать достижения отечественной и зарубежной науки, техники и технологии в профессиональной деятельности (ПК-2);

– способность использовать основные законы естественнонаучных дисциплин в профессиональной деятельности, применять методы математического анализа и моделирования, теоретического и экспериментального исследования (ПК-1);

– готовность составлять описания проводимых исследований и разрабатываемых проектов, собирать данные для составления отчетов, обзоров и другой технической документации (ПК-26) [1].

Профессиональные компетенции формируются в процессе решения задач, соответствующих профессиональным задачам последующей инженерной деятельности выпускников технических вузов. В связи с этим нами выбраны профессиональные задачи, представленные в ФГОС, решение которых непосредственно связано с формированием профессиональных компетенций средствами общего курса физики технического вуза [2]:

1. Умение анализировать научно-техническую информацию, отечественный и зарубежный опыт в области разработки, эксплуатации, реорганизации машиностроительного производства.

2. Анализ технического задания и задач проектирования приборов на основе изучения технической литературы и патентных источников.

3. Участие в разработке обобщенных вариантов решения проблем, выбор на основе анализа вариантов оптимального, прогнозирование последствий решения.

4. Разработка методов математического моделирования.

5. Расчет и проектирование деталей, узлов и модулей электронных средств в соответствии с техническим заданием с использованием средств автоматизации проектирования.

6. Математическое моделирование процессов и объектов на базе стандартных пакетов автоматизированного проектирования и исследования.

7. Проведение экспериментов по заданной методике и анализ результатов.

8. Проведение измерений и наблюдений, составление описания проводимых исследований, сбор данных для составления отчетов.

9. Выполнение новых разработок на основании изучения современной научно-технической информации, отечественного и зарубежного опыта по направлению исследований.

10. Участие в разработке функциональных и структурных схем приборов с определением физических принципов действия устройств, их структур и установлением технических требований на отдельные блоки и элементы.

Перечисленные задачи профессиональной деятельности инженера помогают в формулировке проблемы. Она формируется как инструмент между целями дисциплины и грамотно организованной методикой реализации поставленных целей обучения. Очень часто в самом кейсе проблема присутствует в неявном, замаскированном виде, спрятанном в многоплановости сюжета. Задача исследователя заключается в том, чтобы четко сформулировать и квалифицировать проблему, а потом на ее основании выработать определенный вариант деятельности, который ведет к ее объяснению и разрешению. Для этого необходимо выделить основные составляющие проблемы. Главными факторами, способствующими ее становлению и разрешению, выступают:

1. Внутренние стимулы, в качестве которых выступают потребность, интересы и кажущаяся неизбежность.

2. Общественные потребности, нормы, принципы, обязанности, разрешения и запреты деятельности, которые регулятивно воздействуют на проблему и способы ее разрешения.

3. Условия возникновения и решения проблемы, под которыми понимаются явления, воздействующие на ее возникновение, существование, развитие и разрешение. Эти явления зафиксированы в задачах профессиональной деятельности инженера.

4. Деятельность людей по решению проблемы, включающая в себя совокупность познавательных и практических действий, методов и способов, которые направлены на решение проблемы [3].

Основной движущей силой деятельности является потребность. Структура познавательной потребности определяется мотивационной (мотивы) и эмоциональной (интересы) сферами личности. Основной потребностью студентов высших профессиональных учебных учреждений является потребность в профессиональном развитии, тогда основным мотивом к обучению для студентов должно быть применение и развитие своих профессиональных навыков.

Мотив обучения реализуется путем достижения поставленной цели. Цель выполняет функцию направления деятельности. Цели обучения являются внешними по отношению к обучаемому и определяются внешними факторами: социальным заказом общества, в соответствии с которым формируется ФГОС ВПО, а также рядом условий организации педагогического процесса (количество часов, отводимых на изучение предмета, материальная и методическая оснащенность и т. д.) [4].

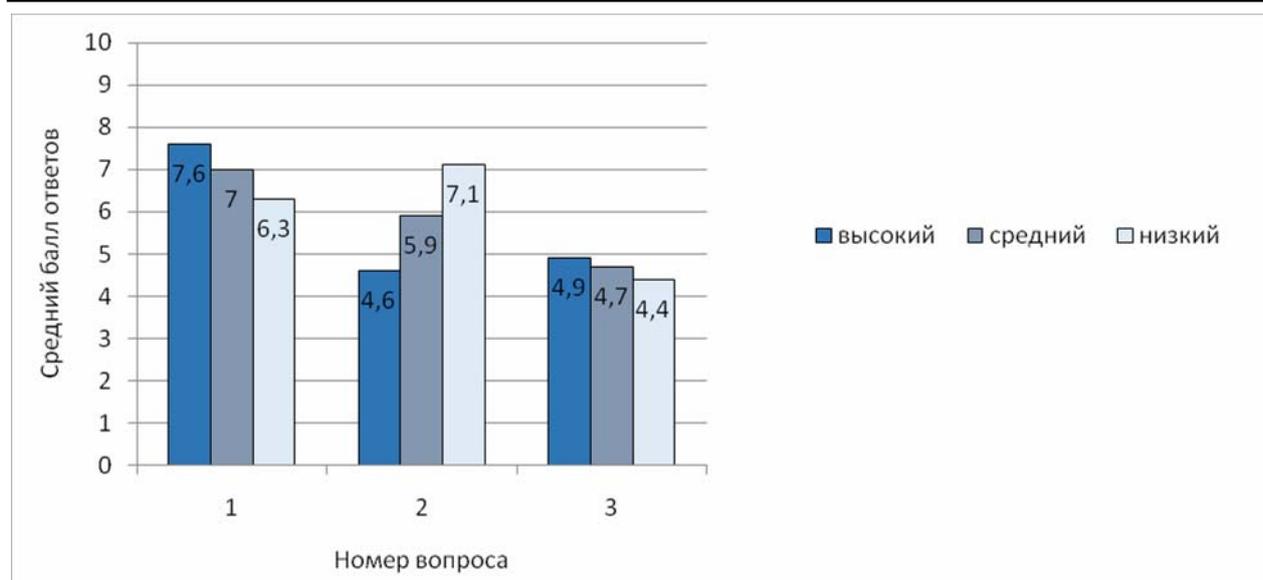
Нами было проведено анкетирование среди студентов с целью выявления основных мотивов изучения курса физики. Им был предложен вопрос «Почему вы изучаете дисциплину «Физика»?» Значимость каждого варианта ответа необходимо было оценить по 5-балльной системе (5 баллов – очень значимые, 3–4 балла – значимые, 1–2 балла – не значимые). Ниже в диаграмме представлены результаты опроса 134 студентов.

Результаты показали, что очень значимыми для студентов являются отрицательные мотивы, вызванные принуждением студентов к изучению данного предмета. Мотивы достижения являются значимыми для студентов, а основные познавательные мотивы оказались незначимыми. То есть можно сказать, что у студентов фактически отсутствует мотивация к изучению физики.

Нами также было проведено анкетирование для определения отношения студентов к физике и ее роли в будущей профессиональной деятельности. Параллельно с анкетированием с помощью преподавателей был проведен кластерный анализ состояния подготовки студентов по дисциплине «Физика».

Чтобы выяснить связь между отношением к физике и результатами освоения данной дисциплины, с помощью преподавателей физики мы разделили студентов на три группы: с высоким (1), средним (2) и низким (3) уровнем знаний и умений по физике. Преподавателями было выделено 11 студентов с высоким уровнем знаний и умений по физике, 48 – со средним и 75 – с низким. То есть более 50% студентов обладают низким уровнем знаний и умений по физике.

Результаты анкетирования соотнесены с выделенными группами, представлены на диаграмме. На каждый вопрос студенты должны были поставить число от 1 до 10 (от 1 – абсолютно отрицательный ответ до 10 – абсолютно утвердительный ответ). На диаграмме представлен средний балл по ответам на вопросы в каждой группе.

Результаты анкетирования студентов вуза на предмет их отношения к физике

Содержание вопросов

1. Дисциплина «Физика» интересная.
2. Дисциплина «Физика» пригодится для будущей профессиональной деятельности.
3. Дисциплина «Физика» трудная для восприятия и понимания.

На представленной диаграмме видно:

1. Интерес к физике у всех групп студентов можно оценить как средний, при этом видна тенденция – чем выше уровень знаний студентов, тем интереснее для них дисциплина. Эта тенденция может носить и обратный характер – чем интереснее дисциплина для студента, тем выше его уровень знаний.

2. Все студенты оценивают физику как дисциплину средней трудности для восприятия и понимания. При этом видна тенденция – чем ниже уровень знаний студентов, тем труднее для них предмет.

3. Вне зависимости от уровня знаний студенты оценивают важность предмета для будущей профессии **ниже среднего**.

По полученным результатам можно сделать вывод, что необходимо осуществлять мотивацию студентов, показав им значимость знаний и умений по физике в профессиональной деятельности инженера. Для этого целесообразно использовать современную комплексную кейс-технологии на практических занятиях по физике, организовать исследовательскую деятельность и самостоятельную работу студентов. Рассмотрим основные направления формирования положительных мотивов учебной деятельности студентов технических вузов на занятиях по физике.

1. Применение современной комплексной кейс-технологии образовательного процесса. Как уже было отмечено, основной потребностью студентов является профессиональное совершенствование. Преподаватель физики может представить студентам проблемно-ориентированные ситуационные задачи, работа с которыми организует поэтапное решение поставленной проблемы, а также исследовательскую деятельность будущих бакалавров, направленную на формирование профессиональных компетенций. Мы считаем, что ситуационная задача нацелена на разрешение профессионально ориентированных проблем, должна строиться на реальных событиях, в центре которых находятся участники кейс-технологии, принимающие решения. Удачные ситуационные задачи помогают студентам почувствовать реальность ситуации. При написании текста преподаватель ссылается на иллюстрированные материалы, которые, с одной стороны, обеспечивают студентов необходимой для решения информацией, а с другой – оказывают содействие развитию в них способности анализировать основные моменты ситуации.

Используя комплексную кейс-технологии, мы с самого начала практических занятий изучаемого раздела физики формулируем ситуационную задачу, поэтапное решение которой происходит на протяжении изучения всего раздела физики. Тем самым мы мотивируем будущих бакалавров к изучению раздела физики, формируя у них профессиональные компетенции.

Первоначально у студента возникнет интерес к содержанию самого кейса, затем, при грамотной организации занятий, он может перейти и на изучение физических процессов и явлений, а также принцип действия технических объектов.

1. Осуществление исследовательской деятельности по физике. Исследовательскую деятельность студентов в техническом вузе мы связываем с решением будущими бакалаврами творческой, исследовательской задачи с заранее неизвестным решением. Она предполагает наличие основных этапов работы, характерных для исследований в науке:

1) предварительный анализ имеющейся информации, условий и методов решения задач данного класса;

- 2) формулировка исходных гипотез;
- 3) постановка вопросов для решения задачи;
- 4) сбор данных;
- 5) анализ и обобщение полученных результатов;
- 6) проверка гипотез;
- 7) формулировка выводов.

Под руководством преподавателя происходит развитие личности студента, формируются его профессиональные знания и умения. В ходе научно-исследовательской деятельности приобретаются и развиваются следующие качества студентов: умение самостоятельно проводить исследование; умение работать с научно-технической литературой; инициатива и творчество; использование, расширение и углубление физических знаний и умений; опыт совместной работы с преподавателями специальных дисциплин; самоутверждение учащихся в данной предметной области и т. д. [5] Преподавателю необходимо познакомить учащихся с возможностями применения исследовательской деятельности в науке и производстве. Например, создание испытательных моделей автомобилей для проверки их различных характеристик, модели движения космических аппаратов, модели объектов атомного производства и др.

Любую деятельность по исследованию физических процессов и явлений необходимо начинать с актуализации исследовательской потребности студентов, т. е. с ряда вопросов, подводящих обучающихся к проблеме. В процессе занятий необходимо опираться на сиюминутные интересы студентов: если у кого-то из них возник интерес к пониманию устройства технического объекта для решения какой-то проблемы, преподаватель должен постараться сразу же сформулировать задачу по изучению данного физического процесса или явления и дать ее студенту в качестве семестрового проекта. По окончании создания каждой модели сначала преподаватель, а в дальнейшем студент самостоятельно должен определять возможность ее применения в производстве. Результаты исследовательской деятельности студента могут быть использованы при продолжении исследования студентами младших курсов. При этом старшекурсник может осуществлять тьюторское сопровождение деятельности студентов младших курсов и школьников. Преемники старшекурсников могут продолжить исследование кейса, находя новые пути разрешения профессионально-ориентированной проблемы, представленной в виде ситуационной задачи. Старшекурсники при этом могут организовать консультации и контроль над проведением исследования. Все это способствует осознанию студентами значимости своей деятельности.

Таким образом, мы можем выделить следующие условия повышения мотивации студентов к изучению физики:

- 1) демонстрация возможностей кейса, представленного в виде системно-структурированной последовательности физических задач;
- 2) формулировка ситуационных задач, содержащих профессионально ориентированные проблемы;
- 3) индивидуализация обучения: готовность преподавателя подбирать задачи на исследование физических процессов и явлений индивидуально для каждого студента;
- 4) демонстрация практической значимости созданных моделей;
- 5) элементы сотрудничества и конкуренции между студентами.

Весь процесс обучения в техническом вузе следует построить так, чтобы его мотивационно-целевой компонент играл очень важную роль. Действия преподавателя должны быть направлены на появление мотивации учения, в результате чего формируются положительный эмоциональный фон в становлении профессиональных компетенций будущих бакалавров производства.

Примечания

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования / Мин-во образования и науки РФ. М.: Просвещение, 2010.

2. Там же.

3. Шкловский В. Р. Развитие профессиональной познавательной активности студентов вуза аудиовизуальными средствами // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Проблемы высшего образования». 2011. № 1. С. 58–60.

4. Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л. Кейс-технология как элемент информационно-образовательной среды в модернизирующейся высшей профессиональной школе: суть и проблемы использования // Дистанционное и виртуальное обучение. 2011. № 11. С. 100–106.

5. Горбачев Н. Н., Лаботский В. В. Инновационные технологии образования для устойчивого развития // Информатизация образования. 2011. № 1. С. 46–56.

Notes

1. Federal state educational standard of higher professional education / Min. of education and science of the Russian Federation. Moscow. Prosveshchenie. 2010. (in Russ.)

2. Ibid.

3. Shklovsky V. R. *Razvitie professional'noj poznavatel'noj aktivnosti studentov vuza audiovizual'nymi sredstvami* [Development of professional cognitive activity of students of the university by audio-visual aids] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* - Herald of the Voronezh State University. Ser. "Problems of higher education". 2011, No. 1, pp. 58-60.

4. Albegova I. F., Samatonova G. L. *Kejs tekhnologiya kak ehlement informacionno obrazovatel'noj sredy v moderniziruyushchejsya vysshej professional'noj shkole: sut' i problemy ispol'zovaniya* [Case technology as an element of information and educational environment in modernizing higher professional school: essence and problems of the use] // *Distancionnoe i virtual'noe obuchenie* - Distant and virtual education. 2011, No. 11, pp. 100-106.

5. Gorbachev N. N., Labotskiy V. V. *Innovacionnye tekhnologii obrazovaniya dlya ustojchivogo razvitiya* [Innovative technologies of education for sustainable development] / *Informatizaciya obrazovaniya* - Informazing of education. 2011, No. 1, pp. 46-56.

УДК 377.031

А. В. Коньшева

Теоретико-методологические основания совершенствования математической и естественнонаучной подготовки студентов инженерно-технических направлений

В статье рассматривается проблема совершенствования математической и естественнонаучной подготовки студентов инженерно-технических направлений. На основе анализа терминов «подготовка», «готовность», «компетентность» представляется понятие математическая и естественнонаучная подготовка в контексте современного инженерно-технического образования. Развитие последнего происходит через разрешение определенных задач, а именно: противоречия между требованиями работодателей и системой подготовки, отсутствие преемственности между школьным и вузовским образованием, стареющая материальная и кадровая база, небольшое количество предприятий, оснащённых современным оборудованием, позволяющих обеспечить качественную практику будущих инженеров и стажировки, и др. Вышеуказанные обстоятельства актуализируют проблему совершенствования математической и естественнонаучной подготовки в современных условиях. В качестве ведущих методологических подходов к проблеме совершенствования подготовки выделены такие, как системно-деятельностный, личностно-ориентированный, информационно-кибернетический.

The article deals with the problem of improving mathematical and scientific training of students of engineering and technical fields. Based on the analysis of the terms "training", "preparedness", "competence", discusses the concept of mathematical and scientific training in the context of modern engineering education. Development of the latter occurs through the resolution of certain problems, namely, between the demands of employers and training system, the lack of continuity between school and higher education, aging material and human resource base, a small number of enterprises equipped with modern equipment to ensure high-quality practice and training of future engineers, etc. The above circumstances actualize the problem of improving the mathematical and scientific training in modern conditions. As the leading methodological approaches to the problem of improving the training highlighted such as systemic-activity, student-centered, information-cybernetic

Ключевые слова: математическая и естественнонаучная подготовка, студенты инженерно-технических направлений, системно-деятельностный, личностно-ориентированный, информационно-кибернетический подходы.

Keywords: mathematical and scientific training, students of engineering and technical fields, system-activity, student-centered, information-cybernetic approach.

Приоритетной целью развития экономики согласно государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. является создание современной компетентностно-ориентированной модели подготовки будущих инженеров. Вхождение страны в мировое образовательное пространство, переход высшего образования на двухуровневую систему, внедрение федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), повышение гибкости образовательных программ, активное применение современных образовательных технологий требуют пересмотра системы подготовки инженерных кадров.

Рассматривая подготовку будущего инженера, следует подчеркнуть ее многокомпонентность и многоаспектность. Согласно анализу диссертационных исследований, международным исследованиям по определению качества инженерного образования, опросам работодателей крупных технических комплексов особого внимания заслуживает математическая и естественнонаучная подготовка. Обратимся к сущности математической и естественнонаучной подготовки в контексте инженерного образования. В современных психолого-педагогических исследованиях не существует единого подхода к определению рассматриваемых понятий. Термин «подготовка» является главным в представленных словосочетаниях, прилагательные «математическая» и «естественнонаучная» определяют и конкретизируют его значение. Морфемно-орфографический анализ термина позволил выделить лексическую связь «подготовки» с понятием «готовность».

В словаре С. И. Ожегова готовность определяется как «состояние, при котором все сделано, все готово для чего-нибудь» [1]. Различные аспекты готовности будущих инженеров отражены в трудах Н. А. Александровой, Н. И. Комаровой, Т. А. Медведевой, Е. И. Муратовой, И. В. Федорова и др. При этом объектом исследования явились информационная, коммуникационная, психологическая, математическая, экономическая, профессиональная и другие виды готовности. Наиболее обобщенное определение готовности представлено в словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой. Под готовностью, в данном случае, понимают запас необходимых знаний, навыков, опыта в какой-либо определенной области, приобретенных путем систематического обучения чему-либо или изучения чего-либо [2]. На интегральный характер «готовности» указывает О. В. Царькова в своем диссертационном исследовании, посвященном специфике технического образования. Автор подчеркивает, что «готовность – интегральное качество личности, которое характеризуется определённым уровнем ее развития и определяет возможность личности участвовать в каком-либо процессе» [3]. Согласно концепции готовности к деятельности М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович, структура готовности представлена следующими компонентами: мотивационный, ориентационный, операционный, волевой, оценочный (рефлексивный). Таким образом, готовность предполагает наличие у будущего профессионала определенного набора знаний, умений и навыков, а также развитую мотивационную сферу для непрерывного самосовершенствования и развития, позволяющих ему осуществлять свою деятельность на уровне современных требований науки и техники.

В современных исследованиях, направленных на изучение процесса подготовки будущего профессионала, «готовность» отождествляется с компетентностью. Анализ психолого-педагогических исследований показал, что в настоящее время отсутствует однозначный подход к определению понятия «компетентность». В более общем смысле под компетентностью понимают «способность к интеграции знаний и навыков и их использованию в условиях быстро меняющихся требований внешней среды».

На основе вышеизложенного и исходя из логики нашей работы считаем, что категория «подготовка», несмотря на «близость» лексического значения с понятием «готовность», не может быть использована в качестве синонима последнего. Главным образом, это объясняется тем, что «подготовка» отражает реальный процесс, совокупность целенаправленных действий, в то время «готовность», как и «компетентность» – конкретный результат данного процесса. В педагогическом словаре С. М. Вишняковой подчеркивается процессуальный характер определения. В частности, подготовка трактуется как «действия, направленные на выработку навыков, передачу знаний и формирование жизненной позиции, необходимой для трудоустройства по какой-либо специальности, группе родственных специальностей или для работы в какой-либо отрасли экономики» [4].

Таким образом, будем рассматривать процесс подготовки будущих инженеров как определенную совокупность действий, специально организованное взаимодействие между преподавателями и студентами для достижения поставленной цели. Обращаясь к деятельностной теории учения, подчеркнем, что любая деятельность складывается не только из набора операций, но главным образом определяется мотивом, наперед заданной целью. Целенаправленность деятельности, процесса подготовки подчеркивает в своем исследовании А. Г. Асмолов. Автор указывает, что только реально заданная, социально обусловленная цель может привести к определенному результату, который должен быть зафиксирован, проанализирован согласно определенным критериям. Кроме того, эффективность образовательного процесса определяется, в том числе, его управляемостью. Одними из главных характеристик управления являются целенаправленность и непрерывность.

Вторым ведущим структурным компонентом подготовки является ее содержание, которое, в свою очередь, определяется социально-экономическим развитием страны и системы образования в частности. В рамках нашего исследования содержательный компонент подготовки инженера регламентируется ФГОС ВПО, согласно которому к математическому и естественнонаучному циклу относят математику, физику, химию, экологию, информатику. Содержание дисциплин определяет форму организации учебно-познавательной деятельности, методы обучения – специфику взаимодействия между преподавателем и студентом.

Таким образом, в структуре математической и естественнонаучной подготовки мы будем выделять целевой, содержательный, деятельностный и оценочно-результативный компонент.

Эксперты в области технического образования в качестве ключевых проблем инженерной подготовки выделяют следующие: противоречия между требованиями работодателей и системой подготовки, отсутствие преемственности между школьным и вузовским образованием, стареющая материальная и кадровая база, небольшое количество предприятий, оснащённых современным оборудованием, позволяющих обеспечить качественную практику будущих инженеров и стажировки [5].

Исследователи отмечают, что каждый из выделенных компонентов нуждается в модернизации и совершенствовании. Обратимся к анализу категории «совершенствование». Понятие «совершенствование» в словаре синонимов отождествляется с модернизацией, развитием, рационализацией.

В идеографическом словаре «совершенствование» трактуется как развитие в определенном направлении, удаление отрицательных элементов. Согласно этимологическому анализу слово «совершенствование» происходит от глагола «совершенствовать» и существительного «совершенство». Глагол «совершенствовать» связан с совершением определенного набора действий, направленного на улучшение условий. Совершенство – категория философская, отражающая идею высшего стандарта, с которым соотносятся цели и результаты предпринимаемых человеком усилий [6]. В современном толковом словаре русского языка Т. Ефремовой совершенство трактуется как высшая степень, предел какого-либо положительного качества, способности, мастерства [7].

Анализ психолого-педагогических исследований, методической литературы показал, что под «совершенствованием» в общем смысле понимают создание определенного набора психолого-педагогических условий, направленных на модернизацию процесса обучения с целью повышения его результативности. Результативность при этом мыслится как способность достигнуть поставленных целей обучения.

В психолого-педагогических исследованиях выделяют следующие подходы к совершенствованию математической и естественнонаучной подготовки будущих инженеров: компетентностный (И. Г. Крохина и др.), интегративный (М. Г. Гапонцева и др.), интегративно-компетентностный (И. В. Сницаренко и др.), эколого-эволюционный (Л. Н. Рыбалко и др.), синергетический (Н. З. Алиева и др.), системный (Л. Н. Харченко), культурно-антропологический (В. В. Сагайдачная).

Рассмотрим совершенствование математической и естественнонаучной подготовки студентов инженерно-технических направлений с позиции системно-деятельностного, информационно-кибернетического, личностно-ориентированного подходов.

Системно-деятельностный подход интегрирует в себе два ведущих методологических подхода: системный и деятельностный. Развитие системно-деятельностного подхода в науке сопряжено с исследованиями А. Г. Асмолова (нацеленность на результат как системообразующий фактор деятельности); А. Н. Леонтьева («результат как мотив и ценность деятельности»); В. Д. Шадрикова (система, направленная на результат) и др.

Данный подход обеспечивает рассмотрение процесса совершенствования математической и естественнонаучной подготовки как многокомпонентной системы с выделением элементов,

связей и уровней. Системное понимание процесса совершенствования математической и естественнонаучной подготовки позволяет выявить его характеристики. В нашем исследовании системный подход рассматривается с двух позиций: взаимосвязь компонентов подготовки как системы, содержание подготовки (математика, физика, химия) как некоторой интегрированной системы, порожденной межпредметными и метапредметными связями. Ключевыми понятиями в рамках такого подхода являются «система», «субъект», «деятельность» (учебная деятельность). Последняя представляет собой «совместную деятельность, направленную на приобретение опыта (основной компонент) и создание благоприятных условий для этого» [8]. В этом контексте деятельность рассматривается как определенная система, состоящая из действий и операций, направленных на достижение конкретного результата.

С позиции системно-деятельностного подхода процесс совершенствования математической и естественнонаучной подготовки студентов инженерно-технических направлений должен быть организован в соответствии со следующими принципами:

1) *принцип субъектности* предполагает создание условий для личностной самоактуализации и личностного роста студента. При этом процесс подготовки будущего инженера мыслится не только как «усвоение системы знаний, умений и навыков, составляющих инструментальную основу компетенций», но и как процесс развития личности, обретения духовно-нравственного и социального опыта;

2) *принцип учёта ведущих видов деятельности и законов их смены*. Студент в рамках изучения курса математики и естествознания (физики, химии) должен уметь выполнять следующие виды деятельности: аналитическую, моделирующую, исследовательскую, оценочно-рефлексивную. Эффективное овладение всеми видами деятельности возможно в контексте решения значимых жизненных задач и при переходе от стихийности учебной деятельности к ее целенаправленной организации и формированию индивидуальных образовательных траекторий. При этом содержание обучения не сводится к содержанию усваиваемого учебного материала, оно дополняется деятельностью учения и теми видами деятельностей, которые усваиваются в учении [9]. В то же время студент имеет право выбора образовательной траектории и «глубины» изучения материала [10];

3) *принцип обратной связи* неразрывно связан с принципом *диалогичности*, который позволяет активизировать деятельность студента и осуществлять контроль со стороны педагога за счет признания сотрудничества как эффективной формы взаимодействия. С позиции преподавателя системно-деятельностный подход означает организацию и управление целенаправленной учебной деятельностью студента [11]. В настоящее время в теории и практике профессионального образования распространение получила идея оптимизации и структурирования содержания обучения на деятельностно-модульной основе, обеспечивающей возможность гибкого изменения образовательных программ. Это, в свою очередь, позволяет ориентировать процесс обучения на последовательное усвоение студентом элементов профессиональной деятельности в соответствии с содержанием модульной образовательной программы. В рамках системно-деятельностного подхода в психолого-педагогических исследованиях рассматриваются следующие подходы к совершенствованию математической и естественнонаучной подготовки студентов инженерно-технических направлений: междисциплинарный, технологический, интегративный, информационно-кибернетический и др.

Информационно-кибернетический подход в педагогике получил свое распространение благодаря развитию программированного обучения и использованию автоматизированных обучающих программ. Сущность данного подхода раскрывается в трудах А. А. Андреева, С. И. Архангельского, В. П. Беспалько, Б. Скиннера, И. В. Роберт, А. В. Хуторского и др. В связи с этим в последнее время активно развивается новый раздел педагогики – кибернетическая педагогика. Кроме того, информатизация сферы образования обусловила появление термина «информационная дидактика», которая, в свою очередь, опирается на принципы самоорганизации интеллектуальных систем, изучаемых и разрабатываемых кибернетикой. Рассматриваемый подход позволяет представить процесс взаимодействия преподавателя и студента, в том числе и посредством компьютера; выделить управление как ведущую деятельность со стороны преподавателя. При этом в качестве управляющей системы выступает преподаватель или обучающая программа, в качестве управляемой системы – студент. Взаимодействие между указанными системами происходит на основании технических средств через передачу, восприятие и преобразование информационных потоков. Указанное взаимодействие будет эффективно только при условии, что будет четко сформулирована цель управления, будут заданы способы управления посредством каналов прямой и обратной связи. Рассмотрим основные принципы информационно-кибернетического подхода, обуславливающие совершенствование математической и естественнонаучной подготовки студентов инженерно-технических направлений.

Принцип целостности и целеполагания. Целостность обеспечивается активным взаимодействием всех компонентов системы для достижения поставленной цели. При этом целеполагание

должно осуществляться исходя из позиций так называемой надсистемы (определяется социально-экономическим развитием страны, регламентируется ФГОС ВПО).

Принцип функционального многообразия позволяет рассматривать функции подсистем, их управленческий аспект. Отметим, что функциональный набор управляющей системы должен быть шире набора функций управляемой системы. Это объясняется тем, что управление будет эффективно только тогда, когда преподаватель и (или) обучающая программа будет способна реагировать на все возможные варианты действий студента. При этом к функциям управляющей системы относят представление информации, коррекцию ошибок, оценивание результатов деятельности, стимулирование (создание ситуации успеха) деятельности управляемой системы, обеспечение обратной связи. Все это, в свою очередь, должно обеспечивать управляющее воздействие. Основными функциями управляемой системы являются восприятие и переработка информации, выполнение соответствующих упражнений, заданий, учет корректирующих мероприятий и их реализация, контроль и обеспечение продвижения по образовательной траектории. Такой подход обеспечивает наличие обратной связи, повышает активность студента, создает благоприятный эмоциональный фон для продолжения процесса обучения.

Наличие обратной связи является основой качественного управления учебным процессом. Именно по каналу обратной связи передается информация о состоянии управляемой системы. Таким образом, создаются благоприятные условия для осуществления контрольно-корректирующих действий педагога и лучшего усвоения информации для студента. Это подтверждает и бихевиористская теория усвоения, согласно которой процесс обучения может быть представлен формулой: $S - R - P$, где S – стимул, R – реакция, P – подкрепление правильного ответа [12]. В педагогической практике принято выделять внутреннюю и внешнюю обратную связь. Обратная связь, при которой студенты самостоятельно проводят анализ и корректировку своих действий, называется внутренней, если эту функцию выполняет преподаватель или обучающая программа – внешней. Особенно значима обратная связь при реализации замкнутого типа управления, который предполагает непрерывный анализ и диагностику основных характеристик обучения на каждом этапе. В. П. Беспалько к ним относит уровень усвоения, научность содержания обучения, степень его освоения (автоматизации) и осознанность усвоения.

В качестве противоположного типа управления выступает разомкнутое. При таком подходе контрольно-корректирующая функция в основном осуществляется по конечному результату обучения. При этом студент, как правило, испытывает затруднения, для разрешения которых обращается к преподавателю. В противном случае – допускается ошибка. Вместе с тем при указанном типе управления диагностика параметров обучения на каждом этапе не является ключевой задачей, поэтому допущенные ошибки остаются неисправленными до достижения конечного результата. Таким образом, обратная связь является отсроченной, что сказывается на всем процессе управления познавательной деятельностью, а следовательно, и на качестве обучения. Комбинацией первого и второго типов представлено смешанное управление, определяемое видом информационного процесса – рассеянный или направленный. При рассеянном информация от управляемой системы обращается к обучающимся без учета их индивидуальных особенностей, возможностей и позиций. Иными словами, при таком подходе не реализуется индивидуализация обучения. Наблюдается преобладание объяснительно-иллюстративных методов обучения. Напротив, направленный информационный процесс позволяет формировать для каждого обучающегося индивидуальную образовательную траекторию. За счет предоставления права выбора происходит реализация субъектной позиции студента. В работах Т. В. Машковой выделяется два направления выбора – горизонтальное и вертикальное. Горизонтальное – обуславливает выбор содержания, форм организации образовательной деятельности. Вертикальное направление обеспечивает выбор оптимального уровня образования. С. И. Осипова, Т. В. Соловьева подчеркивают, что выбор является действием, придающим всей деятельности целенаправленность [13]. Следует отметить, что при этом происходит изменение роли преподавателя. Теперь он не является транслятором знаний, его деятельность выходит на новый уровень и включает в себя такие компоненты, как организация самостоятельной активной познавательной позиции студента, консультирование по вопросам предметной и организационной области, помощь в проектировании и реализации индивидуальной образовательной траектории. Проблема формирования индивидуальных образовательных траекторий отражена в работах Е. А. Александровой, Т. М. Ковалевой, Н. В. Рыбалкиной, А. Н. Тубельского, А. В. Хуторского, Ю. Г. Юдиной, И. С. Якиманской и др. Так, например, А. В. Хуторской, А. Б. Воронцов подчеркивают, что индивидуальная образовательная траектория – это персональный путь реализации личностного потенциала; Ю. Г. Юдина и Т. В. Машкова характеризуют ее как процесс и результат индивидуального выбора студентом содержания, уровня и пути получения профессионального при осуществлении педагогической поддержки этого выбора. В рассматриваемых поня-

тиях акцент делается на самостоятельность субъекта, его личностную позицию. Это, в свою очередь, позволяет применять теорию управления к обеспечению образовательной деятельности [14]. При этом ведущая роль отводится автоматизированным обучающим программам. Вместе с тем возможна неполная индивидуализация процесса обучения (управление осуществляется при анализе и оценке одного или нескольких параметров обучения). Таким образом, опираясь на исследования Р. В. Майера [15], выделим основные позиции информационно-кибернетического подхода в совершенствовании математической и естественнонаучной подготовки: анализ педагогической системы с позиции теории управления и взаимодействия информационных потоков; совершенствование и оптимизация процесса обучения (методов, форм, технологий) с целью повышения его эффективности; применение технических средств, обучающих систем и новых информационно-кибернетических технологий для управления процессом обучения.

Исследователи проблем интеграции кибернетики и педагогики указывают на тесную взаимосвязь информационно-кибернетического подхода с личностно-ориентированным.

В психолого-педагогической литературе освещены различные концепции *личностно-ориентированного образования* (В. В. Сериков, Е. В. Бондаревская, И. С. Якиманская) [16]. В соответствии с логикой нашего исследования наиболее близкой является позиция В. В. Серикова.

Личностно-ориентированный подход предполагает создание условий для полноценного проявления и развития личностных функций субъектов.

Процесс взаимодействия между преподавателем и студентом должен быть обращен к личности обучаемого. Это становится возможным через модернизацию содержательного и технологического компонентов. В. В. Сериков отмечал, что включение в содержание эмоционально-ценностных, личностных элементов способствует развитию межсубъектного общения между всеми участниками образовательного процесса.

Основной процессуальной характеристикой личностно-ориентированного образования является учебная ситуация, которая актуализирует, делает востребованными личностные функции обучаемых. Учебная задача решается на личностном уровне, когда переживается как жизненная проблема, что, в свою очередь, «мобилизует и, соответственно, развивает структуры интеллекта». П. П. Блонский указывал на то, что «построение курсов естествознания, математики, физики с опорой на интересы, повседневный опыт и жизненные наблюдения... будет способствовать умственному развитию, формированию у них способностей к более глубокому пониманию явлений природы и окружающей действительности» [17].

Личностно-ориентированный подход к процессу совершенствования математической и естественнонаучной подготовки позволяет представлять содержание в виде разноуровневых личностно-ориентированных задач (принцип контекстности); создавать условия для равноправного сотрудничества между преподавателем и студентом (принцип диалогичности); создавать условия для развития самостоятельности, и активности студента (принцип субъектности).

Таким образом, рассмотренные выше подходы раскрывают сущность процесса совершенствования математической и естественнонаучной подготовки студентов и определяют методологические основания его реализации на основе следующих принципов: системности, целостности, целеполагания, субъектности, учета ведущих видов деятельности и законов их смены, функционального многообразия, диалогичности, обратной связи, контекстности.

Примечания

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1989. С. 750.

2. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. С. 702.

3. Царькова О. В. Формирование готовности будущего техника к решению инновационных производственных задач: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2009. С. 36.

4. Вишнякова С. М. Профессиональное образование: словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М.: НМЦ СПО, 1999. С. 235.

5. Огородова Л. М., Кресс В. М., Похолов Ю. П. Инженерное образование и инженерное дело в России: проблемы и решения // Инженерное образование: электронный научный журнал Ассоциации инженерного образования России (АИОР). 2012. № 11. С. 18–23. URL: http://aeer.ru/files/io/m11/art_3.pdf; Похолов Ю. П., Рожкова С. В., Толкачева К. К. Уровень подготовки инженеров России. Оценка, проблемы и пути их решения. Проблемы управления в социальных системах. Т. 4. Вып. 7. 2012. С. 6–14.

6. Константинов Ф. В. Философская энциклопедия: словарь. М.: Сов. энцикл., 1960. С. 505.

7. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, Астрель: Харвест, 2006.

8. Габай Т. В. Педагогическая психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия. 2003. С. 240.

9. Фокин Ю. Г. Теория и технология обучения: деятельностный подход: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. 3-е изд., испр. М.: Изд. центр «Академия», 2008. С. 240.
10. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учеб. для вузов. М.: Логос, 2001. С. 384.
11. Фокин Ю. Г. Указ. соч.
12. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. С. 192.
13. Осипова С. И., Соловьева Т. В. Проектирование студентом индивидуальной образовательной траектории в условиях информатизации образования. М.: ИНФА-М. Красноярск: Сиб. федер. унт, 2013. С. 140.
14. Управление качеством образования / под ред. М. М. Поташника. М.: Пед. о-во России, 2000. С. 448.
15. Майер Р. В. Кибернетическая педагогика: Имитационное моделирование процесса обучения. Глазов: ГГПИ. 2013. С. 138.
16. Сериков В. В. Личностно-ориентированное образование: поиск новой парадигмы: монография. М., 1998; Якиманская И. С. Технологии личностно-ориентированного образования. М.: ИД «Первое сентября», 2000. С. 124.
17. Блонский П. П. Избранные педагогические произведения. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. С. 695.

Notes

1. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka: ok. 57000 slov* [Dictionary of Russian language: 57000 words approx.] / edited by the Academy of Sciences of the USSR N.Y. Shvedova. 20 ed., stereotype. Moscow. Rus. yaz. 1989. P. 750.
2. *Slovar' russkogo yazyka* - Dictionary of Russian language: in 4 vols. / RAS, Institute of ling. researches; ed. by A.P. Eugenieva. 4th ed., ster. Moscow. Rus. yaz.: Polygrafresursy. 1999. Vol. 1. A-Й. P. 702.
3. Tsar'kova O.V. *Formirovanie gotovnosti budushchego tekhnika k resheniyu innovacionnyh proizvodstvennyh zadach: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [The formation of the readiness of future technology to solve innovative production tasks: autoref. dis. ... Cand. Ped. Sciences]. Orenburg. 2009. P. 36.
4. Vishnyakova S.M. *Professional'noe obrazovanie: slovar'. Klyuchevye ponyatiya, terminy, aktual'naya leksika* [Professional education: dictionary. Key concepts, terms, relevant vocabulary]. Moscow. SMC SPO. 1999. P. 235.
5. Ogorodova L.M., Kress V.M., Pokholkov Y.P. *Inzhenernoe obrazovanie i inzhenernoe delo v Rossii: problemy i resheniya* [Engineering education and engineering in Russia: problems and solutions] // *Inzhenernoe obrazovanie: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal Associacii inzhenernogo obrazovaniya Rossii (AIOR)*-Engineering education: electronic scientific journal of the Association for engineering education of Russia (AEER). 2012, No. 11, pp. 18-23. Available at: http://aeer.ru/files/io/m11/art_3.pdf; Pokholkov Y. P., Rozhkova S. V., Tolkacheva K. K. *Uroven' podgotovki inzhenerov Rossii. Ocenka, problemy i puti ih resheniya. Problemy upravleniya v social'nyh sistemah* [Level of training of engineers in Russia. Evaluation, problems and ways of their solution. Problems of management in social systems]. Vol. 4, is. 7, 2012, pp. 6-14.
6. Konstantinov F.V. *Filosofskaya ehnciklopediya: slovar'* [Encyclopedia of Philosophy: dictionary]. Moscow. Sov. encycl. 1960. P. 505.
7. Efremova T.F. *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of Russian language]: in 3 vols. Moscow. AST, Astrel: Harvest. 2006.
8. Gabay T.V. *Pedagogicheskaya psihologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij* [Pedagogical psychology: textbook for students of high educational institutions]. Moscow. Academia. 2003. P. 240.
9. Fokin Y.G. *Pedagogicheskaya psihologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij* [Theory and technology of teaching: an activity approach: textbook for students of high educational institutions]. 3rd ed., corr. Moscow. Publ. center "Academia". 2008. P. 240.
10. Zimnyaya I.A. *Pedagogicheskaya psihologiya: ucheb. dlya vuzov* [Pedagogical psychology: textbook for universities]. Moscow. Logos. 2001. P. 384.
11. Fokin Y.G. Op. cit.
12. Bepalko V.P. *Slagaemye pedagogicheskoy tekhnologii* [Components of educational technology]. Moscow. Longman. 1989. P. 192.
13. Osipova S.I., Solovieva T.N. *Proektirovanie studentom individual'noj obrazovatel'noj traektorii v usloviyah informatizacii obrazovaniya* [Student's design of individual educational trajectories in the conditions of informatization of education]. Moscow. INFA-M. Krasnoyarsk. Sib. Feder. University. 2013. P. 140.
14. *Upravlenie kachestvom obrazovaniya* - Education quality management / Ed. by M.M. Potashnik. Moscow. Ped. society of Russia. 2000. P. 448.
15. Mayer R.V. *Kiberneticheskaya pedagogika: Imitacionnoe modelirovanie processa obucheniya* [Cybernetic pedagogy: simulation of the learning process]. Glazov. GSPI. 2013. P. 138.
16. Serikov V.V. *Lichnostno orientirovannoe obrazovanie: poisk novej paradigmy: monografiya* [Personality-centered education: the search for a new paradigm: monograph]. Moscow. 1998; Yakimanskaya I.S. [Technology of personality-centered education]. Moscow. Publishing house "Pervoe sentyabrya". 2000. P. 124.
17. Blonskiy P.P. *Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya* [Selected pedagogical works]. Moscow. Publishing house APN RSFSR. 1961. P. 695.

Моделирование педагогических ситуаций по формированию мыслеречевой деятельности у учащихся на уроках музыки

В статье рассматривается проблема повышения эффективности обучения учащихся мыслеречевой деятельности на уроках музыки. В качестве педагогического средства предлагается педагогическая ситуация как фрагмент урока со специально создаваемыми обстоятельствами, порождающими личностно значимую для учащихся проблему. В качестве метода обучения мыслеречевой деятельности предлагается интегративный метод размышления о музыке Д. Б. Кабалевского.

The article considers the problem of increasing the effectiveness of thought and speech activity training of students at Music lessons. As pedagogical tools a pedagogical situation is offered as a part of the lesson with a specially created circumstances which bring about the problem personally significant for students. As a method of teaching of thought and speech activity an integrative method of thinking about music written by D. B. Kabalevskiy is proposed.

Ключевые слова: мыслеречевая деятельность, модель, педагогическая ситуация, музыкальное образование.

Keywords: thought and speech activity model, pedagogical situation, musical education.

На основе Закона «Об образовании в Российской Федерации» и Концепции духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России перед школой поставлена задача формирования «высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России» [1]. Каждая учебная дисциплина вносит свой вклад в решение поставленной задачи. В частности, предметная область «Музыка» направлена на формирование основ музыкальной культуры учащихся, одним из проявлений которой, согласно Федеральному государственному образовательному стандарту начального общего образования (пункт 12.5), является умение воспринимать музыку и выражать свое отношение к музыкальному произведению. Реализация обозначенного умения всегда связана со смыслообразованием (размышлением) и его вербализацией (рассуждением), то есть мыслеречевой деятельностью в области искусства.

Существуют разнообразные средства и методы обучения учащихся мыслеречевой деятельности на уроках музыки. Однако разработка и внедрение новых эффективных средств и методов остается актуальной проблемой музыкальной педагогики и образовательной практики. В настоящее время все более активно в качестве педагогического средства востребована педагогическая ситуация. В связи с этим раскрытие сущности педагогической ситуации, выявление ее особенностей в условиях уроков музыки, создание модели педагогической ситуации и целенаправленное ее конструирование, исходя из потребностей учебно-воспитательного процесса, выступает значимой педагогической проблемой.

Данная статья направлена на обоснование модели педагогической ситуации с использованием метода размышления о музыке Д. Б. Кабалевского как педагогического средства формирования навыков мыслеречевой деятельности у учащихся на уроках музыки.

Сущность педагогического моделирования состоит в том, что различные педагогические явления, в частности учебная ситуация, исследуются путем построения, изучения и реализации педагогических моделей, которые выступают аналогом изучаемых педагогических явлений, представляют собой мысленный (образный) вид модели и фиксируются в знаково-символической форме в виде таблиц, схем, рисунков [2].

При построении теоретической модели мы исходили из того, что мыслеречевая деятельность представляет собой взаимосвязанный процесс размышления и рассуждения. Размышление осуществляется путем оперирования мыслями [3], выраженными *образно* (красками, формами, звуками, тактильными ощущениями, запахами, кинетическими ощущениями) или *вербально*. Внешне образное мышление проявляется в мимических и двигательных реакциях человека, а

также отражено в продуктах деятельности человека: картинах, скульптуре, музыкальных произведениях, танцах, ароматах [4]. Вербальное мышление внешне реализуется в речи [5]. Значимость мыслеречевой деятельности для жизнедеятельности человека в целом обуславливает необходимость целенаправленного обучения учащихся навыкам мыслеречевой деятельности.

Мыслеречевая деятельность присутствует при изучении учащимися различных учебных дисциплин. Особенность мыслеречевой деятельности на уроках музыки отражает специфику предмета «музыка» как вида искусства, имеющего звуковую интонационную природу. Музыкальное мышление представляет собой разновидность невербального мышления. Согласно М. Ш. Бонфельду, «мыслительная деятельность, опирающаяся на музыкальные невербализуемые сущности, – это мышление музыкой» [6]. Музыкант мыслит музыкой на основе сложного взаимодействия конкретно-чувственного и обобщенно-абстрактного видов мышления, обеспечивающих воплощение в конкретном музыкальном образе типических черт [7]. Восприятие и понимание музыкального произведения всегда связано со смыслообразованием, механизмом которого является художественно-стилевое обобщение, включающее музыкально-слуховой блок и блок внеслуховых значений. Перекодирование музыкальных образов в вербальные может реализоваться в свободном описании (высказывании) музыкального языка и смыслового содержания музыкального произведения, критериями качества которого выступают адекватность, метафоричность, оригинальность [8]. Понимание специфики мыслеречевой деятельности на уроках музыки позволяет целенаправленно использовать педагогические средства и методы, стимулирующие формирование мыслеречевой деятельности у учащихся. В частности, нами предлагается в качестве педагогического средства педагогическая ситуация с использованием специального метода размышления о музыке Д. Б. Кабалевского.

В педагогической науке понятие «метод» трактуется как способ взаимодействия учителя с учащимися для реализации образовательных задач. С методологической точки зрения, в структуре метода выделяются концептуальный, операционный и логический компоненты. Методологическая конкретизация интегративного по своей сути метода размышления о музыке Д. Б. Кабалевского позволила обосновать правомерность его использования в педагогических ситуациях для эффективного формирования мыслеречевой деятельности. Метод размышления о музыке способствует формированию правильного мышления и речи у учащихся путем опоры на формально-логические законы, что проявляется в использовании операции сравнения, в обсуждении противоречивых суждений, в принятии выбора одной из двух взаимоисключающих альтернатив, в аргументации личных позиций учителя и учащихся, в учете оптимальности при отборе информации. Данный метод способствует расширению словарного запаса путем усвоения семантики музыкальных понятий и терминов, их правильного произношения (фонетика) с правильным ударением (акцентология). Размышляя о музыке, учащиеся: 1) совершенствуют навык высказывания суждений различного типа – а) о свойствах музыки и музыкального языка, б) об идее и содержании музыкального произведения; в) о своем отношении к музыкальным явлениям; 2) овладевают навыками умозаключения (обобщения).

Повышению эффективности метода Д. Б. Кабалевского, на наш взгляд, способствует целенаправленное создание учителем на уроках музыки педагогических ситуаций. Педагогическая ситуация в педагогической науке трактуется как специально создаваемые или спонтанно возникающие обстоятельства, способствующие становлению учащихся как субъектов учебной деятельности и как личностей [9]. С пространственно-временных позиций она трактуется как элемент, фрагмент, этап урока, в рамках которого возникает/создается проблема, требующая разрешения и вызывающая у учащихся эмоциональный отклик, личностное отношение к сложившимся/предлагаемым обстоятельствам; например, личная заинтересованность, необходимость самостоятельного принятия решения, ощущение удовлетворения от выполняемых учебных действий и т. п. Иными словами, ситуация возникает лишь тогда, когда личность *включается* в сложившиеся или целенаправленно создаваемые обстоятельства; когда эти обстоятельства определенным образом интерпретируются (понимаются, осознаются) личностью и вызывают её ответную реакцию, связанную с поиском выхода из ситуации. Исходя из этого в педагогической ситуации целесообразно выделить объективный и личностный компоненты. В связи с этим при классификации большого разнообразия видов педагогических ситуаций становятся дискуссионными понятия «проблемная ситуация» и «личностная ситуация».

В контексте нашего исследования педагогическая ситуация трактуется как фрагмент урока с целенаправленно создаваемыми обстоятельствами для обучения учащихся мыслеречевой деятельности.

При разработке модели педагогической ситуации на уроках музыки мы исходили из особенностей мыслеречевой деятельности, специфики предметной области «музыка», интегратив-

ного характера метода размышления о музыке и двухкомпонентной структуры педагогической ситуации. На наш взгляд, модель педагогической ситуации включает сущностный, инструментальный и результативный компоненты.

Сущностный компонент определяет: противоречия музыкального и внемузыкального характера, порождающие проблему ситуации; название ситуации и ее учебную цель; сюжетную канву и «героев» ситуации, создающих личностную привлекательность ситуации. Инструментальный компонент включает характеристику действий учителя по конструированию педагогической ситуации, ее реализации комплексом приемов метода Д. Б. Кабалевского и анализу достигнутых результатов; действия учащихся по осмыслению (понимание содержания ситуации), интерпретации ситуации (оценка ситуации, проявление личностного отношения) и поиску аргументированного выхода из нее. Результативный компонент предполагает возможные варианты выхода из предлагаемых обстоятельств педагогической ситуации, проявляющиеся в активизации невербального и вербального мышления и речевых действий учащихся.

Данная модель педагогической ситуации позволяет учителю последовательно конструировать (описывать) педагогические ситуации по формированию у учащихся навыков мыслеречевой деятельности в соответствии с конкретными задачами уроков музыки и реализовать их в образовательной практике.

Так, например, в *сущностном* компоненте *обучающей* ситуации, *направленной* на развитие воображения и стимулирование творческого поиска, под *названием* «На что это похоже?» предлагается следующее ее *описание* (формулировка противоречия): надо понять смысл звукового сообщения, однако язык, на котором оно излагается, и адресант, пославший его, – неизвестны.

Учитель трансформирует *концептуальный* компонент метода в дидактическую цель фрагмента урока: познакомить учащихся с изобразительными музыкальными приемами и музыкальными понятиями, их обозначающими.

Инструментальный компонент метода предполагает «живое восприятие» отрывков музыкальных произведений (Ж. Рамо «Курица»; Л. Дакен «Кукушка»; Ж. Дандриё «Птичий гомон», «Птичий концерт»; тема лебедей и птиц из оперы «Садко» Н. Римского-Корсакова; О. Мессиаи «Пробуждение птиц» и др.); диалог учителя с учащимися, стимулирующий воображение и ассоциации детей, актуализирующий их жизненный опыт; выполнение заданий на вербально-интонационную имитацию, на выбор «подходящих слов и выражений».

В *результативном* компоненте фиксируются: а) действия невербального мышления (целостное восприятие музыки, дифференцированное восприятие музыки – вычленение смысловой интонации); б) действия вербального мышления (перекодирование музыкальной интонации в обобщенный образ адресанта – пение птиц; перекодирование музыкальной интонации в «имя» (характеристику вида) птичьего пения (петушиный крик, кудахтанье, кукование и т. д.)); соотношение имитационно-звуковых образов с музыкальными приемами; обозначение музыкальных приемов музыкальными понятиями; в) речевые действия (называние вида птичьего пения; вербально-интонационное имитирование различных видов птичьего пения; проговаривание новых музыкальных понятий (репетиция, интервал, скачок, форшлаг, диссонанс, трель); высказывание предметных («в музыке мы слышим неоднократное повторение звука одной высоты») и оценочных суждений («это воспринимается как назойливый рассказ»). На основе операций сравнения и высказывания учащимися разнообразных суждений приходим к выводу (умозаключение) о том, что птицы, подобно людям, «разговаривают», общаются между собой. Данный факт подметили композиторы и поведали о нем через музыку слушателям.

В заключение отметим, что владение учителем музыки методом моделирования педагогических явлений позволяет ему глубоко познавать их, грамотно адаптировать к своей учебной дисциплине и целенаправленно использовать в учебно-воспитательном процессе для достижения запланированного результата.

Примечания

1. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России. М.: Просвещение, 2009. С. 12.
2. Дахин А. Н. Педагогическое моделирование как средство модернизации образования в открытом информационном сообществе // Стандарты и мониторинг в образовании. М., 2004. № 4. С. 46–69.
3. Сеченов И. М. Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001.
4. Абрамова Н. Т. Являются ли несловесные акты мышлением? : [К проблеме языка и мышления] // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 68–82.
5. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38; Кравец А. С. Смыслы и ценности // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2007. № 6. С. 3–27.

6. Бонфельд М. Ш. Музыка: Язык. Речь. Мышление. Опыт системного исследования музыкально-искусства. СПб.: Композитор, 2006. С. 36.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / сост., авт. коммент. и послесл. А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская. СПб.: Питер Ком, 1998.
8. Рожина Л. Н., Марач А. В. Художественно-стилевое обобщение как условие смысловой интерпретации музыкальных произведений // Психология обучения / НОУ СГА. М., 2010. № 9. С. 54–69.
9. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь: для студ. высш. и сред. пед. учеб. завед. М.: «Академия», 2000.

Notes

1. Danyluk, A.Y., Kondakov A.M., Tishkov V.A. *Koncepciya duhovno npravstvennogo razvitiya i vospitaniya grazhdanina Rossii* [Concept of spiritual and moral development and education of the citizen of Russia]. Moscow. Prosveshchenie. 2009. P. 12.
2. Dakhin A.N. *Pedagogicheskoe modelirovanie kak sredstvo modernizacii obrazovaniya v otkrytom informacionnom soobshchestve* [Pedagogical modeling as means of modernization of education in an open informational society] // *Standarty i monitoring v obrazovanii* - Standards and monitoring in education. Moscow. 2004, No. 4, pp. 46-69.
3. Sechenov I.M. *EHlementy mysli* [Elements of thought]. SPb. Piter. 2001.
4. Abramova N.T. *YAvlyayutsya li neslovesnye akty myshleniem? : [K probleme yazyka i myshleniya]* [Whether nonverbal acts are thinking?]: [To the problem of language and thought] // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy. 2001, No. 6, pp. 68-82.
5. Zhinkin N.I. *O kodovyh perekhodah vo vnutrennej rechi* [About code transitions in inner speech] // *Voprosy yazykoznaniya* - Problems of linguistics. 1964, No. 6, pp. 26-38; Kravets A.S. [Meanings and values] // *Herald of Moscow University. Ser. 7. Philosophy*. 2007, No. 6, pp. 3-27.
6. Bonfeld M.Sh. . *Muzyka: YAzyk. Rech'. Myshlenie. Opyt sistemnogo issledovaniya muzykal'nogo iskusstva* [Music: The Language. Speech. The thinking. The systematic study of musical art]. SPb. Compositor. 2006. P. 36.
7. Rubinstein S.L. *Osnovy obshchej psihologii* [Fundamentals of general psychology] / ed., auth. comment and afterword A.V. Brushlinsky, K.A. Abulkhanova-Slavskaya. SPb. Piter Kom. 1998.
8. Rozhina L.N., Marach A.V. *Hudozhestvenno stilevoe obobshchenie kak uslovie smyslovoj interpretacii muzykal'nyh proizvedenij* [Artistic style generalization as a condition for the semantic interpretation of music works] // *Psihologiya obucheniya* - Psychology of teaching / NEE MHA. Moscow. 2010, No. 9, pp. 54-69.
9. Kadzhaspirova G.M., Kadzhaspirov A.Y. *Pedagogicheskij slovar': dlya stud. vyssh. i sred. ped. ucheb. zaved.* [Pedagogical dictionary: for students of high and higher educational institutions]. Moscow. "Academiya". 2000.

УДК 812

С. И. Смирнова

Особенности образа Я несовершеннолетних правонарушителей

В статье представлен анализ данных, отражающих специфику образа Я несовершеннолетних правонарушителей как важного регуляторного механизма личности. Образ Я в настоящем исследовании рассматривается как психологический механизм, гармоничное развитие которого у подростков позволяет эффективно интегрироваться в социум. В исследовании принимали участие подростки, которые состоят на учете в полиции в связи с совершенными правонарушениями, а также их сверстники, поведение которых не имеет отклонений от социальных норм. В рамках сравнительного эксперимента выявляются общевозрастные особенности образа Я подростков обеих изучаемых групп, а также качественные характеристики, соответствующие образу Я подростков-правонарушителей. На основании проведенного эксперимента формулируются выводы, которые позволяют прогнозировать адаптацию изучаемых подростков в социум.

The paper presents an analysis of the data reflecting the specifics of the image I have of juvenile offenders, as an important regulatory mechanism of personality. The image I have in this study is considered as a psychological mechanism, which is the harmonious development of adolescents, can effectively integrate into society. The study involved adolescents who are registered by the police in connection with the commission of offenses as well as their peers whose behavior has no deviation from social norms. As part of the comparative experiment revealed obshchevoznastnymi particular image I adolescents of both groups studied, as well as

qualitative characteristics appropriately I juvenile offenders. Based on the findings of the experiment are formulated which allow to predict the adaptation of the studied adolescents in society.

Ключевые слова: Образ Я, несовершеннолетний правонарушитель, подросток, социальные нормы.

Keywords: Self-image, juvenile offender, a teenager, social norms.

Проблема поиска средств преодоления дисгармоничности в личностном развитии и поведении подростков, снижения их агрессивности, жестокости и склонности к правонарушениям является чрезвычайно актуальной и значимой для решения фундаментальных задач теории и практики психологии. Увеличение числа малолетних правонарушителей в современном обществе свидетельствует о необходимости их социально-психологической реабилитации и интеграции в общество, а также о важности профилактики девиантного поведения. В этом контексте особую актуальность приобретают вопросы изучения становления регуляторных процессов, позволяющих подросткам с отклонением поведения успешно интегрироваться в социум.

За последние годы специалистами выполнен ряд исследований, посвященных изучению факторов, влияющих на формирование девиантного поведения подростков (Durkheim Е., 1994; Ениколопов С. Н., 2008; Дозорцева Е. Г., 2000; Кондратьев М. Ю., 1999; Смирнова Н. С., 2009 и др.), разрабатывались методы диагностики данной проблемы (Беличева С. А., 1997; Личко А. Е., 1995; Змановская Е. В., 2003 и др.) и апробировались профилактические программы отклоняющегося поведения (Клейберг Ю. А., 2001; Андреюк В. Ю., Холмогорова А. Б., 2009; Шнейдер Л. Б., 2005; Осипова И. И., 2006; Семенюк Л. М., 1996 и др.). В исследованиях было показано, что, будучи субъектом познания, общения и деятельности, личность соотносит свои намерения и цели с теми нравственными ориентирами, нормами и пределами допустимости, которые она сочла для себя приемлемыми в процессе своего личностного развития. Все это отражается в образе Я человека, в его поступках и действиях (Ю. М. Антонян, С. А. Беличева, Р. Бернс, У. Джеймс, Ч. Кули, Дж. Мид, К. Роджерс, Э. Эриксон и др.).

В то же время остается неясным, каким образом структурные компоненты образа Я (отношение к окружающим и ожидаемое от них отношение; самоотношение; индивидуально-личностная направленность развития) детерминируют нарушение поведения. Требуется дополнительное исследование специфика образа Я у подростков с непатологическими и некриминальными формами нарушения поведения, при которых еще целесообразно использование профилактических мер, предупреждающих отклоняющееся поведение.

Науке известно, что наиболее важным отличительным признаком подросткового периода являются фундаментальные изменения в сфере его самосознания, которые имеют кардинальное значение для всего последующего развития и становления подростка как личности. Формирование, развитие и изменение образа Я обусловлены факторами внутреннего и внешнего распорядка. Многочисленные психологические исследования показывают:

1. Наличие положительного самоотношения, самоуважения является необходимым условием нормального развития личности.

2. Низкое самоуважение предполагает устойчивое чувство неполноценности, ущербности, что оказывает крайне отрицательное воздействие на эмоциональное самочувствие и социальное поведение личности.

3. Подростковый возраст является уязвимым для формирования девиантного и деликвентного развития личности. Низкое самоуважение и самоотношение способствует росту девиантного поведения: участвуя в антисоциальных группах и их действиях, подросток пытается тем самым повысить свой статус у сверстников, найти такие способы самоутверждения, которых у него не было в семье и школе.

Подростки, имеющие тенденцию к девиантной активности, характеризуются рядом особенностей в развитии самосознания: недифференцированностью и разынтегрированностью образа Я; расхождением внутренней и демонстрируемой самооенок; рассогласованием когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов.

Эго-структура девиантных подростков перенапряжена, что отражается на более высоких показателях самоконтроля поведения, моральности, демонстративности и силе «Я». Возможно, что среди девиантных подростков имеет место искажение действительности, выражающееся в стремлении преподнести себя в более выгодном свете. Они говорят о себе больше хорошего, отрицая плохое поведение.

Говард Кэплан (1975, 1980, 1982), изучая взаимосвязь девиантного поведения и пониженного самоуважением, пришел к выводу, что каждый человек стремится к положительному образу Я, при этом низкое самоуважение переживается как неприятное состояние, принятие себя ассоциируется с освобождением от травмирующих. Это побуждает человека стремиться к уменьшению субъективной вероятности самоуничтожения и повышению субъективной вероятности принятия себя. Пониженное самоуважение статистически связано у подростков практически со всеми видами девиантного поведения – нечестностью, принадлежностью к преступным группам, совершением правонарушений, употреблением наркотиков, пьянством, агрессивным поведением.

Исследования Ю. М. Антоняна, К. Е. Игошева, С. А. Татарухина, Л. М. Злобина, Т. И. Коротковой, Т. Н. Курбатовой, О. М. Мороз показали, что 40% несовершеннолетних правонарушителей характеризуются искаженными мотивами поведения, отрицательными чертами личности, извращенной мировоззренческой позицией, эмоциональной неустойчивостью, несформированностью образа Я.

Проведенный теоретический анализ показал, что образ Я, являясь важным ведущим личностным образованием, лежит в основе дальнейшего жизненного самоопределения и построения собственного поведения подростков. Некоторые исследования указывают, что в условиях девиантного поведения специфический способ отражения собственного Я протекает путем дистанцирования от своего прежнего социального окружения. Характерными особенностями образа Я девиантных подростков при этом являются низкая дифференцированность и интегрированность, расхождение внутренней и демонстрируемой самооенок, рассогласование когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов. Однако специальных исследований, посвященных изучению специфики образа Я девиантных подростков, крайне недостаточно. Понимание особенностей становления такого внутреннего регулятора, как образ Я у подростков с нарушением поведения на переходном этапе их развития, позволит определить необходимые способы психологической помощи в развитии и коррекции этого важнейшего психического свойства у данной категории детей.

Наше исследование особенностей образа Я несовершеннолетних правонарушителей проводилось на базе общеобразовательной школы № 27 и объединения подростковых и молодежных клубов «Перекресток» МКУ г. Кирова. В исследовании приняли участие 65 школьников в возрасте 15–16 лет – учащихся 9-х классов, из них 45 подростков, поведение которых не имеет отклонений от социальных норм (далее НП), и 20 – с девиантным поведением (ДП). Эти подростки состояли на учете в милиции в связи с совершенными правонарушениями.

Диагностический комплекс включал в себя тест установок личности на себя «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартлэнда (в адаптации И. А. Коневой), методику репертуарных ранговых решеток И. А. Коневой, методику диагностики межличностных отношений Лири. Для обоснования достоверности полученных результатов в ходе констатирующего эксперимента применялись методы математической статистики (компьютерная программа SPSS.10.00 for WINDOWS) с использованием таких математических методов, как описательная статистика, U-тест Манна – Уитни для независимых выборок, корреляционный анализ по методу Пирсона.

Первая серия констатирующего эксперимента с использованием теста установок личности на себя «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартлэнда (в адаптации И. А. Коневой) была направлена на изучение таких модальностей образа Я у подростков 15–16 лет с НП и ДП, как физические самохарактеристики; социальные идентичности (характеристики своих действий и поступков; характеристики своих социальных статусов и ролей); личностные диспозиции (самохарактеристики через характеристики других; характеристики своих предпочтений и желаний; характеристики собственных личностных качеств).

Были отмечены высокие значения по уровню «самопрезентация», полученные в группе правопослушных школьников, что свидетельствует о стремлении к открытости испытуемых и их желании сотрудничать (рис. 1). Высокий уровень самопрезентации встречается у субъектов с достаточно высокой самооенкой и самоуважением, хорошо осознающих свои особенности. Проявляется самопрезентация в позитивной эмоциональной увлеченности образом Я, причинно-следственном обосновании и рациональной проработке своего поведения, подчеркивании собственной успешности. Мы рассматриваем самопрезентацию как один из важных аспектов образа Я. Самопрезентация предполагает следование подростком культурным образцам поведения как наиболее адекватным вариантам реагирования на те или иные обстоятельства общения.

При интерпретации полученных результатов учитывались не столько абсолютные значения по отдельным модальностям, сколько их соотношение в формирующемся образе Я подростков. Контент-анализ модальностей образа Я отражает соотношение физических самохарактеристик, социальных идентичностей и личностных диспозиций. Соотношение этих аспектов может

характеризовать субъективную активность подростка в плане самопознания и свидетельствовать об определенном уровне развития рефлексивности, так как объективные (социальные и физические) самохарактеристики констатируют очевидные, «внешние» особенности образа Я, а субъективные (личностные) раскрывают скрытые тенденции, «внутреннюю картину» образа Я, что предполагает собственную внутреннюю активность в процессе самоанализа.

Результаты школьников с девиантным поведением по модальности «самопрезентация» ниже ($U = -5,8$ при $p < 0,001$). Это является, на наш взгляд, следствием закрытости личности, нежеланием сотрудничать и незаинтересованностью в исследовании. Такие подростки находятся в состоянии постоянного напряженного ожидания негативного отношения к себе. Они избирают тактику «самомаскировки» и в силу защитных механизмов не стремятся к доверительно-откровенному взаимодействию с окружающими.

Результаты, полученные по таким модальностям образа Я, как «социальный» и «физический аспект», значимых различий между двумя группами подростков не показали. Данные показатели находятся на достаточно низком уровне в обеих группах, что говорит о менее частом употреблении объективных самохарактеристик, чем субъективных.

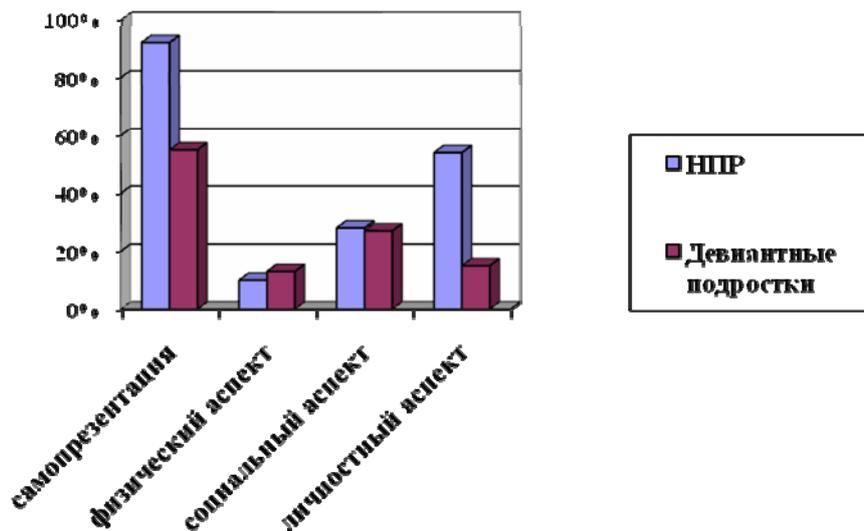

Рис. 1. Результаты исследования девиантных подростков в сравнении с правопослушными сверстниками по базовым шкалам методики «Кто Я?»

Высокие показатели по такой модальности, как «личный аспект», полученные в группе подростков с НП, раскрывают следующие объективные характеристики: собственных личностных качеств, своих предпочтений и желаний, а также самохарактеристики через характеристики других. Такая картина говорит о высокой собственной внутренней активности испытуемых в процессе самоанализа.

Данная модальность у девиантных подростков находится на более низком уровне ($U = -5,01$ при $p < 0,001$). Испытуемые данной группы предпочли описывать себя, в большинстве случаев, с позиции характеристик своих действий и социальных статусов. Такие самохарактеристики не отличаются высоким уровнем рефлексивности, поскольку являются как бы «внешними» особенностями образа Я подростков.

Вторая серия констатирующего эксперимента была направлена на выявление системы значимости тех или иных представлений о себе, влияющих на поведение подростков с использованием техники репертуарных ранговых решеток.

Сама репертуарная решетка представляет собой матрицу, которая заполняется в процессе беседы с испытуемым. Конструкты образуют строки матрицы, ее столбцы представляют интересующие исследователя элементы. В нашем исследовании элементами являются компоненты образа Я: наличное Я («Я-на самом деле») и представляемое Я, заданное двумя элементами («Я-для друзей» и «Я-для взрослых») – всего три элемента. Между каждой парой компонентов образа Я (переменных) вычисляется корреляционная связь.

По результатам данной методики было выявлено, что взаимосвязь между изучаемыми компонентами образа Я является достоверной ($r = 0,6$ при $p < 0,01$) лишь в выборке правопослушных школьников (46,6%), в то время как в группе испытуемых с девиантным поведением данной взаимосвязи обнаружено не было. При этом взаимосвязь между компонентами «Я-на са-

мом деле» и «Я-для друзей» (28,8%) в группе школьников с нормативным поведением превышает среднее количество взаимосвязей между компонентами «Я-на самом деле» и «Я-для взрослых» (17,8%). Данный факт объясняется тем, что в подростковом возрасте у детей складываются две разные по своему значению для психического развития системы взаимоотношений: одна – со взрослыми, другая – со сверстниками. Выполняя одну и ту же общую социальную роль, эти две системы взаимоотношений нередко входят в противоречие друг с другом по содержанию и по регулирующим их нормам.

Вовлечение подростка в орбиту уже не детских интересов побуждает его к инициативной перестройке взаимоотношений с окружающими людьми. Он сам начинает предъявлять повышенные требования к себе и взрослым, сопротивляется и протестует против обращения с ним как с маленьким. Подросток требует расширения своих прав соответственно подчеркиваемым взрослыми людьми его обязанностям. Как реакция на недопонимание со стороны взрослого человека у подростка нередко возникают разного вида протесты, неподчинения, непослушания, которые в крайне выраженной форме проявляются в открытом неповиновении, негативизме. Возникает серьезный внешний и внутренний конфликт, кризис подросткового возраста, в который обычно в равной степени оказываются вовлеченными и подросток, и взрослый.

В это же время на первом месте во взаимоотношениях подростков стоят товарищеские отношения. Сходство в интересах и делах является важнейшим фактором дружеского сближения подростков. Позднее, к концу подросткового возраста, появляется потребность в близком друге, возникают особые нравственные требования к дружеским взаимоотношениям.

Отсутствие взаимосвязей между компонентами образа Я в группе девиантных подростков может быть следствием закрытости, неготовности доверять и неумения себя презентовать как личность. Таким детям сложно строить межличностные отношения на доверии. В сфере общения подростков, склонных к девиантному поведению, отмечают такие особенности, как нестабильность отношений с окружающими, преимущественно однотипный способ реагирования на фрустрацию и трудности, склонность к обвинениям, эгоцентризм, агрессивное или неуверенное поведение, нетерпимость и нетерпеливость, не позволяющие отношениям личности обрести устойчивость.

Такие данные соответствуют общей картине результатов первой методики, подтверждающая наши предположения относительно закрытости, существования защитных механизмов и трудности самопрезентации в обществе.

На третьем этапе данной части исследования выявлялись представления субъекта о себе с помощью методики Т. Лири, направленной на диагностику межличностных отношений.

Данная методика используется для оценки наблюдаемого поведения людей, т. е. поведения в оценке окружающих («со стороны»), для самооценки, оценки близких людей, для описания идеального Я. Разные направления диагностики позволяют определить тип личности, а также сопоставлять данные по отдельным аспектам. Результаты анализируются по восьми шкалам: «авторитарность», «эгоистичность», «агрессивность», «подозрительность», «подчиняемость», «зависимость», «дружелюбие», «эгоизм».

Анализ полученных результатов (рис. 2) позволяет говорить о наличии статистически значимых различий в группе подростков с НП и ДП по такому показателю, как «дружелюбие» ($U = -1,9$ $p < 0,05$). Высокие значения по шкале «дружелюбный тип», полученные в группе подростков с правомерным поведением, свидетельствуют о том, что данная группа имеет склонность к сотрудничеству, кооперации, гибкости и компромиссности при решении проблем и в конфликтных ситуациях. Имеется также тенденция и к социально ожидаемому поведению, чтобы следовать условностям, правилам «хорошего тона» в отношениях с людьми, быть общительным, проявлять теплоту и дружелюбие в отношениях.

Подростки с девиантным поведением склонны к более низким показателям по данной шкале. Они склонны проявлять агрессивно-конкурентную позицию, препятствующую сотрудничеству и успешной совместной деятельности. Часто предпочитают держаться в стороне и сохранять психологическую дистанцию с другими людьми.

Также качественный анализ позволил нам выделить различия по таким шкалам, как «агрессивный тип», «подозрительный тип».

Шкала «агрессивный тип» выступает в качестве ведущей в профиле представлений о себе подростков с девиантным поведением. Данные проявления характеризуются враждебностью по отношению к окружающим, резкостью, агрессивностью, которая может доходить до асоциального поведения. Также проявляются такие черты, как требовательность к окружающим, строгость и резкость в оценке других, непримиримость, склонность во всем обвинять окружающих, раздражительность. Девиантных подростков отличает от законопослушных повышенная конфликтность с окружающими, жесткость поведенческих стереотипов. Неправильный учет ситуа-

ции, слабые прогностические способности, а также нарушения эмоционально-волевого регулирования поведения приводят к противоречию со средой. Как следствие, возникают сложности в адаптации таких детей, а способы их взаимодействия с окружающей средой еще более ограничиваются. Они отличаются значимо более высоким уровнем легитимизации агрессии в различных сферах культуры и слабо развитыми представлениями о нормах поведения, принятых в обществе.

Подростки с правомерным поведением обнаруживают более низкие показатели по данной шкале. Это означает более низкий уровень агрессивности в целом, что соответствует более конструктивному разрешению конфликтных ситуаций, некоторые проявления уступчивости, эмоциональной сдержанности. В данном случае подросткам проще дается взаимодействие в коллективе.

Тенденция к различиям данных по результатам качественного анализа между группами испытуемых по шкале «подозрительный тип» можно интерпретировать следующим образом. Выявляются такие проявления поведения девиантных подростков, как отчужденность по отношению к миру, подозрительность, обидчивость, склонность к сомнению во всем, злопамятность, постоянное недовольство. Также наблюдаются необщительность, трудности в интерперсональных контактах из-за неуверенности в себе, замкнутость, разочарованность в людях, скрытность.

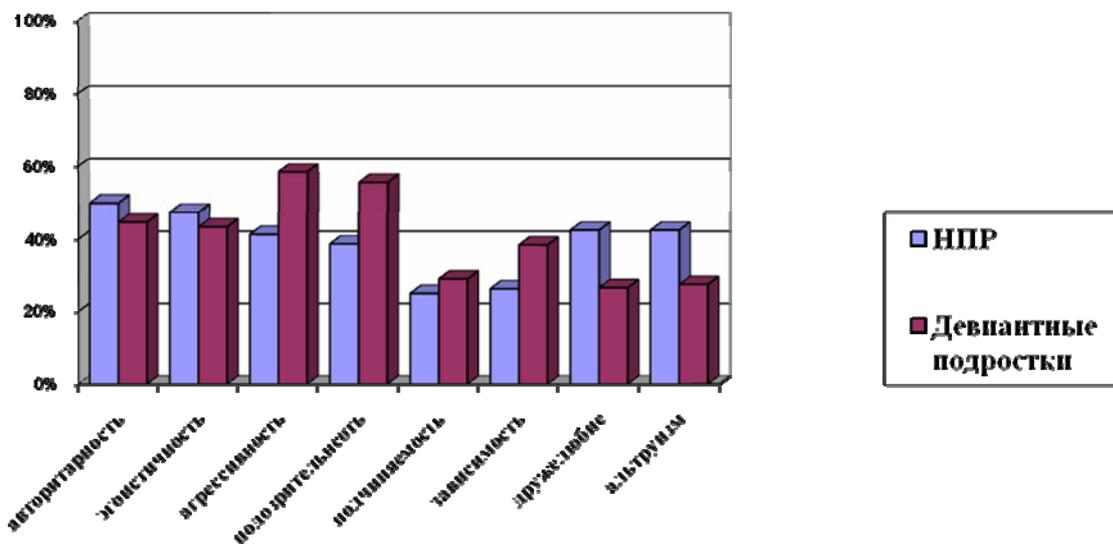

Рис. 2. Сопоставление результатов по методике межличностных отношений Т. Лири подростков с девиантным поведением и подростков, не имеющих отклонений в поведении

Полученные по данной методике результаты полностью соотносятся с результатами, полученными по методике «Кто Я?» и технике репертуарных ранговых решеток, и не противоречат теоретическим положениям по данной проблеме.

Таким образом, результаты констатирующей части исследования, направленной на выявление особенностей образа Я несовершеннолетних правонарушителей, позволили выявить наряду с общевозрастными особенностями, такими как эмоциональная лабильность, неустойчивость, полярность чувств и эмоций, склонность к импульсивным и иногда агрессивным поступкам, следующие качественные характеристики.

1. Для девиантных подростков характерна выраженная социальная дезадаптация с анти-социальной направленностью интересов и поведения, не критичностью в оценке своих действий. Наглядно выступает несоответствие поведения нормам и требованиям, предъявляемым к подросткам.

2. Признаки школьной и общей социальной дезадаптации выражаются, прежде всего, в непоследовательности поведения, аффективной неустойчивости, проявлениях агрессивности и импульсивности, упрямства и лживости, легкомыслия и безответственности, в нарушениях взаимоотношений, эмоциональных связей с окружающими.

3. Склонность к асоциальному поведению возрастает за счет сочетания пренебрежения морально-этическими нормами, обычаями, правилами, запретами со способностью к стойкой реализации этой тенденции.

4. Страдает произвольная регуляция поведения и деятельности. Обнаруживается слабость самоконтроля и использования негативного опыта взаимоотношений для коррекции собственного поведения.

5. Подросток находится в состоянии постоянного наряженного ожидания негативного отношения к себе. Преобладание в поведении защитных механизмов.

6. Общение девиантных подростков с окружающими носит мимолетный, поверхностный характер. Неустойчивость и отсутствие глубины контактов тесно связаны с общей эмоциональной поверхностностью и незрелостью: слабо развитой способностью к сопереживанию и сочувствию, игнорированием интересов других людей, импульсивностью аффективных реакций, неадекватностью выхода из конфликтных ситуаций.

7. Для подростков характерны недостаточная адекватность понимания себя и других людей, непредсказуемость поступков, склонность к конфликтам, неосмотрительность, упрямство, нарушение общепринятых норм и правил поведения, замкнутость и недоверие.

8. С трудом сдерживают проявление своих импульсов, характерными являются периодические вспышки раздражения, враждебности и агрессии. Могут возникать периодические приступы депрессии.

9. Недостаточность самопознания проявляется в необоснованных завышенных притязаниях, носящих эгоцентрическую направленность.

10. Часто чувствуют себя изолированными, отчужденными, непонятыми и непринятыми. В большой степени испытывают сильную генерализованную тревожность, чувство неполноценности, некомпетентности и неудовлетворенности.

11. Испытывают стресс в ситуациях ожидания, очень нетерпеливы и неустойчивы к фрустрации. На стресс реагируют агрессией, направленной на других людей, обвинением других (экстрапунитивные реакции), игнорированием общепринятых правил и норм поведения.

12. Неправильный учет ситуации, слабые прогностические способности, а также нарушения эмоционально-волевого регулирования поведения приводят к противоречию со средой.

Описанные результаты прогнозируют неудовлетворительную адаптацию девиантных подростков к разного рода взаимоотношениям между людьми, свидетельствуют о слабой дифференцированности их «Я-концепции», недостаточно глубокой рефлексии, о безразличии к социальным проблемам. Полученные данные указывают на неблагополучие в становлении образа Я у несовершеннолетних правонарушителей, что в свою очередь указывает на острую необходимость построения эффективных психолого-педагогических программ по сопровождению изучаемой категории детей и профилактике девиантного поведения на более раннем этапе онтогенеза.

УДК 316.6

С. Б. Башмакова

Современное состояние проблемы модернизации специального образования в России

Настоящая статья посвящена актуальной проблеме современного общества – реализации новой парадигмы образования. Раскрывается взаимосвязь инновационных процессов общего и специального образования. Осуществляется анализ социокультурных условий, определяющих глобальные изменения в специальном образовании России. Вскрываются кризисные явления, связанные с переосмыслением традиционных оснований специального образования, отставанием модернизации специально-образовательного пространства от изменений социальных потребностей и государственной политики в целом. Определяются противоречия, которые наблюдаются в рамках самой системы. Объективируются основные идеи построения современной концепции помощи лицам с особыми образовательными потребностями. Характеризуются важные достижения по каждому направлению развития коррекционной практики, на основе которых проводится оценка современного состояния процессов модернизации и становления нового типа системы специального образования.

This article is devoted to the actual problem of modern society – the implementation of a new paradigm of education. Reveals the relationship of innovative processes for general and special education. Performed analysis of sociocultural conditions determining global changes in special education in Russia. Reveals the crisis associated with the rethinking of the traditional bases of special education, especially behind the modernization and educational space on the changes of social needs and public policy in general. Determined by

the contradictions that occur within the system itself. Objectifies the main ideas of the modern concept of building assistance to persons with special educational needs. Characterized by important achievements in each direction of a correctional practices, based on which an assessment of the current state of processes of modernization and establishment of a new type of special education.

Ключевые слова: специальное образование, лица с нарушениями развития, особые образовательные потребности, специальные образовательные условия, современная парадигма образования, модернизация образования, социокультурные условия, инклюзивное образование, интеграция, фундаментализация основ специального образования, гуманизация специальной образовательной практики.

Keywords: special education, persons with disabilities, special educational needs, special education conditions, the modern paradigm of education, modernization of education, socio-cultural terms, inclusive education, integration, fundamentalization foundations of special education, special education humanization practices.

В современном социокультурном пространстве образование рассматривается как важнейший фактор формирования нового качества жизни общества. Российская система образования в целом претерпевает глобальные изменения, которые определяются задачами перехода страны к демократическому и правовому государству, построения рыночной экономики, преодоления отставания от мировых тенденций экономического и общественного развития. Модернизация системы образования осуществляется на основе активной роли государства, с выделением необходимых для этого ресурсов и созданием механизмов их эффективного использования. Современная образовательная политика нашла отражение в Законе Российской Федерации «Об образовании» 2012 г., в Национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 г., а также в Концепции развития образования РФ до 2020 г.

Концепция перестройки образования напрямую связана с основными направлениями социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу и определяет приоритеты, меры, генеральные и стратегические линии развития национального образования:

- ускорение темпов развития общества;
- расширение возможностей политического и социального выбора;
- переход от индустриального к информационному обществу;
- расширение межкультурного взаимодействия;
- усиление роли человеческого капитала;
- формирование социальной коммуникабельности и толерантности и др.

Таким образом, модернизация образования – это политическая и общенациональная задача. Основной идеей российской образовательной политики является не только обеспечение современного качества образования, на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным потребностям общества, но и сохранение места России в ряду ведущих стран мира, ее международного престижа как страны, обладающей высоким уровнем культуры. Основой современной образовательной политики является социальная адресность и сбалансированность социальных интересов, развитие образования как открытой государственно-общественной системы, обеспечение государственных гарантий доступности и равных возможностей получения полноценного образования всеми членами российского общества. Всё это определяет изменения, происходящие в отдельных образовательных системах, в том числе и системе специального образования.

Длительное время специальное образование в нашей стране развивалось как самостоятельная, дифференцированная от общего образования, социально закрытая система обучения, воспитания, социальной адаптации лиц с нарушениями развития, для которых невозможно получение образования в обычных педагогических условиях, определяемых существующей культурой и традиционной образовательной практикой. Советская модель специального образования, просуществовавшая в нашей стране вплоть до начала XXI в., строилась на основе патерналистической концепции социальной реабилитации человека с ограниченными возможностями. Основная цель специального образования рассматривалась как воспитание полезных членов общества. Приоритет интересов общества над интересами личности определял статус социальной «малоценности» человека с ограниченными возможностями здоровья и развития. По отношению к ним реализовалась ограничительно-покровительственная политика как в образовании, так и в обществе в целом. Это приводило к стойкой социальной маргинализации лиц с ограниченными возможностями, вынужденному сужению возможностей участия их в социальной жизни. Существующая система специального образования ограничивала самостоятельность выбора и реализации доступных социальных ролей, выполнения социокультурных функций.

В настоящее время система специального образования переживает закономерный кризис, связанный с критическим переосмыслением ее традиционных ценностных оснований. В последние годы всё больше проявляется отставание модернизации специально-образовательного пространства от изменений социальных потребностей и государственной политики в целом. Кризисное состояние специального образования определяется и теми внутренними противоречиями, которые наблюдаются в рамках самой системы.

Исследования Н. Н. Малофеева выявили, что одновременно в рамках одной и той же системы специального образования действуют разнонаправленные тенденции и подходы. Увеличивается число детей с особыми образовательными потребностями, при этом охват специальным образованием достигает 58% нуждающихся. Имеется необходимость обеспечения образовательной деятельности специальными профессиональными кадрами и неукомплектованность учреждений специального профиля педагогами-дефектологами. В последнее десятилетие наблюдается резкое отставание уровня дифференциации государственной системы подготовки дефектологических кадров от уровня дифференциации системы специального образования. Противоречие между наличием государственной системы специального образования и отсутствием федерального законодательства, регулирующего эту деятельность [1].

Опираясь на теорию Т. С. Куна об общих закономерностях развития, можно предположить, что преодоление кризиса специального образования будет возможно только тогда, когда начнётся активная перестройка всей системы на основе новой научной парадигмы. К приоритетным направлениям новой социальной парадигмы построения специального образования можно отнести идеи гуманизации, фундаментализации и интеграции.

Основой нового взгляда на социально-образовательную реабилитацию человека с ограниченными возможностями развития в гуманистическом контексте является идея достижения его максимальной самостоятельности и независимости. Данная идея выделяется как главная цель современного специального образования. Она включает в себя признание приоритетов интересов личности над интересами общества, гарантированное соблюдение прав и свобод каждого, вне зависимости от его социальной успешности и полезности, а также возможность участия лиц с ограниченными возможностями в общественно полезном труде. Под независимой жизнью понимается не столько материальная самостоятельность, сколько самостоятельные возможности передвижения в социальном пространстве, социально-коммуникативная компетентность, бытовая самостоятельность и т. д., что обеспечивает человеку с ограниченными возможностями независимость в широком смысле.

Важнейшей задачей обеспечения гуманизации специального образования является исключение не только социально-экономической, но и нравственно-этической дискриминации лиц с ограниченными возможностями. Современное специальное образование нацелено на процесс социокультурного включения воспитанника и принимает в качестве основной идею независимого образа жизни. При этом люди с ограниченными возможностями должны включаться в общественные отношения на их собственных условиях. Специальное образование должно закладывать фундамент социокультурного включения. Для обеспечения этих условий необходимо учитывать специфические и типологические особенности различных категорий лиц с ограниченными возможностями. Содержание специального образования должно разрабатываться не только с учётом особенностей жизнедеятельности различных категорий лиц с ограниченными возможностями, но и условий той среды, в которую они будут включены, а значит определять систему педагогических мер их полноценной социализации.

Таким образом, отечественная система специального образования развивает и внедряет в практику новую концепцию социальной реабилитации человека, центром которой является сам человек, его особые образовательные и иные потребности, его права и интересы. Основными задачами реализации гуманизации специального образования является формирование у человека с ограниченными возможностями здоровья базовых навыков в сфере жизнеобеспечения, самообслуживания, социализации, коммуникации и рекреации.

Следующим приоритетным направлением развития национальных коррекционных образовательных систем в нашей стране является идея фундаментализации теории и практики специального образования. На основе её осуществляется переосмысление и уточнение основополагающих положений, концептуальных основ специального образования.

Первостепенной проблемой организации коррекционной помощи является разработка стандартов специального образования, которые рассматриваются как неотъемлемая часть федеральных государственных стандартов общего образования, гарантирующая всем лицам с ограниченными возможностями развития обязательное образование с учетом их возможностей и потребностей. В основе стандартов лежит принцип договорённости, согласия и взаимных обязательств

личности, семьи, общества, государства. Стандарт специального образования, разрабатываемый ведущими специалистами-дефектологами Н. Н. Малофеевым, О. С. Никольской, О. И. Кукушкиной, Е. Л. Гончаровой и другими, учитывает неоднородность образовательных потребностей обучающихся не столько по клинко-психологическому проявлению нарушения, сколько по степени выраженности и характеру психосоциального проявления, а также качества предшествующего обучения и воспитания. Неоднородность состава группы определяет диапазон различий в требуемом уровне и содержании специального образования. Параметрами разработки стали сроки освоения программ, цензовость образования, условия организации образовательной практики.

Таким образом, в новом подходе к разработке специального образовательного стандарта максимально учитывается дифференциация особых образовательных потребностей лиц с нарушениями развития, с учётом их индивидуальных психофизических и социокультурных возможностей. Наряду с этим выделяются особые по своему характеру потребности, свойственные всем детям с нарушениями развития:

- раннее и своевременное начало специального образования;
- обеспечение в содержании образования специальных компонентов коррекционно-компенсирующей направленности;
- реализация образования специальными методами, приёмами, средствами;
- обеспечение специальных условий образовательной среды;
- включение различных социальных сред в специальное образовательное пространство воспитанников.

Стандартизации подверглись три основных уровня образования: цензовый, нецензовый, индивидуальный, выделяемые с учётом соотносённости «академических» и «адаптивных» компонентов. Первый уровень призван обеспечивать преимущественно академические компетенции, общие со стандартом общего образования и включением некоторых адаптивных компетенций. Второй уровень в основном реализует адаптивно-социальные компетенции, опосредуемые академическими знаниями с учётом познавательных возможностей учащихся. Третий уровень предполагает усвоение только адаптивных компетенций: социально-бытовые и коммуникативные [2].

Предложенный к реализации в системе общего и специального образования стандарт рассматривается как базовый комплексный документ, определяющий совокупно систему требований по отношению к обществу и обязательств государства перед лицами с нарушениями развития. В то же время он может стать концептуальной основой финансовой обеспеченности и управления системой специального образования лиц с ограниченными возможностями развития. В стандарте закладываются требования к результатам образования и мониторинга качества специального образования. В силу этого стандарт – это эффективный инструмент правового регулирования отношений субъектов системы образования.

Таким образом, разработка стандарта специального образования и его внедрение в образовательную практику может стать мощным стимулом инновационного развития российской образовательной системы. Использование стандарта образования детей с нарушениями развития позволит максимально расширить внедрение специального образования и обеспечить им всех нуждающихся. Он гарантирует конституциональное право всех на образование и даёт возможность выбора условий образования. Внедрение стандарта в практику активизирует и ускорит процессы модернизации специального образования в структурном, содержательном, технологическом, функциональном компонентах.

Развитие современной системы специального образования обеспечивается реализацией ещё одного направления новой парадигмы специальной педагогики – интеграции. Современная государственная образовательная политика выделила идею интеграции как ведущую тенденцию развития национальной системы и определила необходимость разрабатывать особый путь развития интегративных подходов в системе общего и специального образования. Одним из возможных путей образовательной интеграции в России стала разработка проблемы ранней коррекции нарушенного развития. На основе идей Л. С. Выготского о необходимости использования сензитивных периодов становления психики были определены два основных пути ранней компенсации нарушения развития: психолого-педагогический (Е. А. Стребелева, И. С. Кривовиз, Е. Р. Баенская и др.) и нейропсихологический (Ю. А. Разенкова, Л. П. Григорьева, М. Э. Бернадская и др.) подходы. Внедрение в российскую практику этих подходов означает продвижение в создании государственной системы раннего выявления и ранней психолого-педагогической коррекции, которая должна стать не только новой частью специального образования, но и новым основанием построения этой системы.

Другим государственным подходом в реализации интеграционных идей стала разработка инклюзивного образования. Законодательная база новой системы расширяет права родителей,

закрепляя свободу выбора форм обучения и их создания. Современная концепция социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья была закреплена Саламанской декларацией как инклюзивное образование. Она определяет вовлечение в образовательный процесс каждого учащегося посредством образовательной программы, соответствующей его способностям, и тем самым удовлетворение его индивидуальных образовательных потребностей.

Наша страна, поддержав мировое сообщество на Всемирном форуме в Дакаре, приняла договорённость о создании инклюзивного образования или школы для всех, где участие, равенство в сообществах является главным показателем качества образования. Дакарская рамочная концепция действий (Dakar Framework for Action) и последующие за ней цели развития тысячелетия в образовании (Millenium Development Goals on Education) предлагают современный подход, позволяющий обеспечить образование для всех к 2015 г.

В документе сказано, что инклюзивно-ориентированные образовательные учреждения – это эффективный метод борьбы с дискриминацией в образовании, инструмент построения гуманного общества и предоставления образования для всех. Такие учреждения имеют возможность предоставлять образовательные услуги большинству, а также оптимизировать использование средств на образование в рамках всей системы.

В условиях модернизации российского образования разработка механизмов адаптивных стратегий является закономерным этапом, связанным с переосмыслением обществом и государством своего отношения к лицам с особыми образовательными потребностями, с признанием их прав на предоставление равных с другими возможностей, включая образование. Инклюзия, как максимальная индивидуализация образования, означает полное вовлечение ребенка с ограниченными возможностями здоровья и развития в жизнь группы сверстников. Цель инклюзивного образования – организация пространства для успешной реализации индивидуальной образовательной программы [3].

Организация инклюзивной практики предполагает творческий подход и определённую гибкость образовательной системы. Технология обучения и воспитания преобразуется под индивидуальные образовательные потребности ребенка путем использования новых подходов, применения вариативных образовательных форм, средств и методов. В самом инклюзивном подходе заложена необходимость изменять образовательную ситуацию, создавать новые способы организации образовательного процесса с учётом индивидуальных особенностей учащихся.

Переход к инклюзивному образованию требует участия всех специалистов системы образования и наличия фундаментальных теоретических разработок. Новые ожидания предполагают новые требования к работе всех педагогических работников, к уровню управления учебным заведением, организации всей системы внутренних и внешних отношений. С целью управления инклюзивными процессами вводятся командные и проектные формы организации деятельности. Важной составляющей инклюзивной системы является диагностика и мониторинг, согласование интересов всех участников образовательного процесса. На специалистов инклюзивной системы возлагается обязанность обеспечивать соответствие образовательной среды и технологичных потребностям развития каждого ребёнка.

Процесс внедрения инклюзивного образования в нашей стране сталкивается с рядом трудностей. Так, одной из трудностей является недостаток специалистов новой формации, которые готовы к работе с детьми, имеющими ограниченные возможности развития, и обладают для этого достаточным потенциалом. Другой проблемой внедрения инклюзивного образования в практику является теоретическая неразработанность технологии, отсутствие чётких методологических позиций и методических средств. Всё это характеризует наличие незавершённости в процессе модернизации специального образования, определяет прогноз дальнейших изменений и даёт возможность выделить приоритетные линии дальнейшего развития системы [4].

В то же время благодаря новым социально-образовательным установкам государства рвутся рамки изолированной системы обучения детей с особенностями развития. Устраняются социокультурные барьеры, тормозящие модернизацию системы специального образования как практики коррекционно-развивающей помощи.

Примечания

1. Малофеев Н. Н. Специальное образование в меняющемся мире. М.: Просвещение, 2009.
2. Малофеев Н. Н., Маркович М. М., Шматко Н. Д. Совместное воспитание и обучение – закономерный этап развития системы образования // Управление ДОУ. 2010. № 6. С. 8–3.
3. Семаго Н. Я., Семаго М. М. Инклюзивное образование: от методологической модели к практике // Психологическая наука и образование. 2011. № 1.
4. Современные исследования специальной психологии: проблемы и перспективы инклюзивного образования / под ред. С. Б. Башмаковой, Н. В. Лаптевой. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014.

Notes

1. Malofeyev N.N. *Special'noe obrazovanie v menyayushchemsya mire* [Special education in a changing world]. Moscow. Prosveshchenie. 2009.

2. Malofeyev N.N., Markovich M.M., Shmatko N.D. *Sovmestnoe vospitanie i obuchenie – zakonmernyj ehtap razvitiya sistemy obrazovaniya* [Joint education and training - regular stage in the development of the education system] // *Upravlenie DOU - Management in additional educational establishments*. 2010, No. 6, pp. 8-3.

3. Semago N.Y., Semago M.M. *Inklyuzivnoe obrazovanie: ot metodologicheskoy modeli k praktike* [Inclusive education: from a methodological model to practice] // *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie - Psychological science and education*. 2011, No. 1.

4. *Sovremennye issledovaniya special'noj psihologii: problemy i perspektivy inklyuzivnogo obrazovaniya - Modern studies of special psychology: problems and perspectives of inclusive education* / ed. by S. B. Bashmakova, N. V. Lapteva. Kirov. Publ. of VyatSHU. 2014.

УДК 376

Н. С. Морозова

Образовательная технология психолингвистическая лаборатория как форма реализации проектной деятельности студентов

Практика вузовского преподавания в условиях ФГОС ВПО актуальным поставила вопрос о применении активных форм усвоения знаний и формирования компетенций. В статье представлены особенности внедрения в учебный процесс образовательной технологии *психолингвистическая лаборатория*. На примере освоения студентами дисциплины «Основы психолингвистики» описана постепенная реализация данной технологии – разработка и защита проекта сравнительно-сопоставительного словаря русских ассоциативных норм, который реализуется в ходе освоения модуля «Методы психолингвистических исследований». Знакомясь с экспериментальными методиками исследования языка (индивидуального и коллективного языкового сознания) и практически осваивая метод ассоциативного эксперимента, студенты учатся разрабатывать собственный ассоциативный эксперимент, собирать и обрабатывать материал, проводить сравнительно-сопоставительный анализ данных предыдущих экспериментов, интерпретировать результаты наблюдений над языковым сознанием. В результате группы обучающихся разрабатывают и защищают проект сравнительно-сопоставительного словаря русских ассоциативных норм.

The practice of University teaching in the conditions of the Federal state educational standard of the higher professional education raised the issue of using active forms of learning and competence building. The article covers the peculiarities of the introduction of the educational technology "Psycholinguistic laboratory" in the educational process. The article describes the gradual realization of this technology involving development and presentation of the project of the comparative dictionary of Russian associative norms while teaching students the discipline "Fundamentals of psycholinguistics". The project is carried out in the course of mastering the module "Methods of psycholinguistic research". Getting acquainted with experimental techniques of exploring the language (individual and collective linguistic consciousness) and mastering the method of associative experiment, students learn to develop their own associative experiment, to collect and to analyze the material, to carry out comparative data analysis of previous experiments, to interpret the results of observations over linguistic consciousness. As a result the group of students develop and defend their project of comparative dictionary of Russian associative norms.

Ключевые слова: образовательная технология, метод проекта, психолингвистическая лаборатория, ассоциативный эксперимент.

Keywords: educational technology, project method, psycholinguistic laboratory, associative experiment.

В связи с переходом на ФГОС в практике вузовского преподавания актуальным стал вопрос об использовании новых форм и приемов работы, позволяющих решать комплекс задач как по освоению теоретического материала, так и по формированию умений и навыков. В связи с этим представляется интересным и продуктивным применение технологии проектного метода при изучении учебных дисциплин. В рамках данной статьи описаны особенности применения метода проекта в рамках освоения студентами дисциплины «Основы психолингвистики».

Дисциплина «Основы психолингвистики» является частью вариативного блока учебного плана у студентов, обучающихся по ФГОС ВПО по направлениям подготовки «Педагогическое образование» (профиль «Дошкольное образование»), «Психолого-педагогическое образование» (профиль «Психология и педагогика инклюзивного образования»). У студентов, обучающихся по ГОС ВПО, данная дисциплина является курсом по выбору, установленным вузом для специальностей «Русский язык и литература» и «Иностранный язык с дополнительной специальностью».

Общая цель изучения дисциплины «Основы психолингвистики» – формирование у студентов представления о психофизиологических принципах организации речевой деятельности. В *основные задачи курса* входит знакомство с предметной областью психолингвистической науки, с принципами и методами изучения речемыслительных механизмов в рамках психолингвистики, практическое освоение ряда экспериментальных методик исследования языка (индивидуального / коллективного языкового сознания), ознакомление с результатами психолингвистического моделирования процессов продуцирования и понимания речи, уяснение основных принципов владения и овладения языком.

В результате освоения дисциплины обучающийся знает предметную область психолингвистической науки, психофизиологические принципы организации речевой деятельности, особенности устройства и функционирования языкового (речевого) механизма человека; студент владеет некоторыми экспериментальными методиками исследования языка (индивидуального языкового сознания), а также умеет интерпретировать результаты наблюдений над языковым сознанием.

Экспериментальное исследование процессов функционирования языкового сознания представляет научное и практическое значение для моделирования речевых процессов. В связи с этим особое внимание в преподавании дисциплины «Основы психолингвистики» уделяется овладению студентами психолингвистическими методами: применяется образовательная технология *психолингвистическая лаборатория*. Эта технология по содержанию является частнопредметной, по совокупности использования методов – полидидактической технологией, интегрирующей ряд элементов других монотехнологий с учетом ключевой идеи – создание проекта словаря. Основу описываемой образовательной технологии составляет проектная деятельность студентов, организуемая в аудиторной и внеаудиторной работе под руководством преподавателя. В реализацию технологии включены элементы мастерской, элементы развивающего обучения, коммуникативной и творческой технологий.

Внедрение в образовательный процесс технологии *психолингвистическая лаборатория* позволяет решить целый спектр задач, связанных:

- с организацией учебного процесса, в результате которой формируется навык совместной исследовательской деятельности, навыки работы в команде;

- с освоением знаний и умений согласно содержанию программы дисциплины: приемы работы в рамках описываемой образовательной технологии позволяют сочетать репродуктивные, продуктивные, практико-исследовательские методы получения новых знаний и умений; создавать условия для формирования осознанности получаемых знаний, включенности каждого обучающегося в создание общего для группы проекта; контролировать исполнение всех видов самостоятельной и коллективной работы на каждом этапе реализации данной технологии, а значит оценивать уровень владения студентами необходимыми знаниями и умениями;

- с развитием коммуникативных компетенций: на протяжении всей работы психолингвистической лаборатории студенты проявляют речевую активность в различных ситуациях: при подготовке публичных выступлений, при организации работы в группе в режиме диалога как в аудитории, так и за ее пределами.

Реализация образовательной технологии *психолингвистическая лаборатория* осуществлялась в течение двух учебных лет с 2012 по 2014 г. Работа по освоению модуля «Методы психолингвистики» построена в два этапа. В начале перед студентами ставится цель: практически освоить основной метод психолингвистических исследований языка (индивидуального / коллективного языкового сознания) посредством разработки и защиты проекта сравнительно-сопоставительного словаря русских ассоциативных норм. Работа организована в два этапа: теоретический и практико-исследовательский.

На теоретическом этапе студенты на лекционных занятиях знакомятся с основными методами психолингвистических исследований (свободный и направленный ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал, метод толкования, градуальное шкалирование), с историей появления этих методов, с особенностями их применения. Особое внимание студентов сосредоточивается на понятии *ассоциация*, лежащем в основании метода ассоциативного эксперимента, на достижениях отечественных психолингвистов в применении этого метода, в том числе на обзоре основных словарей, составленных на основе данных ассоциативных экспериментов разных лет. Далее обучающиеся самостоятельно изучают достижения отечественных и зарубежных ученых (работы Е. Г. Свинчуковой, Е. Ю. Цыбенковой, Е. Ю. Лещенкова, Т. И. Доценко, О. В. Евсеевой, А. А. Воейковой, Н. Ю. Казаковой, Е. Ю. Гетте и др., представленные в журнале «Вопросы психолингвистики» [1]). На основе анализа пуб-

ликаций студенты составляют аннотированный список из ряда источников, посвященных психолингвистическим проблемам с использованием экспериментальных методов. Проверка этой работы осуществляется на практическом занятии, на котором обучающиеся подробно представляют одну из изученных работ. При этом изучение статей проводится по общей для всех схеме анализа: цель и задачи презентуемого исследования, использованный метод, методика проведения исследования, как проводилась обработка полученных данных, и выводы, сделанные авторами работы. После выступления в группе организуется обсуждение, необходимое, на наш взгляд, для разъяснения конкретных вопросов о технологии применения экспериментальных методик, о сложностях интерпретации данных и о тонкости формулировки выводов, то есть те вопросы, с которыми в дальнейшем студенты столкнутся при организации и проведении собственного эксперимента и при обобщении полученных данных.

Практико-исследовательский этап студенты проходят в несколько шагов. Во-первых, на практическом занятии (4 часа), выполняя роль сотрудника психолингвистической лаборатории, студенты в группах по 3–4 человека сравнивают ассоциации на одни и те же слова-стимулы, представленные в ассоциативных словарях под ред. Ю. Н. Караулова (РАС) [2] и А. А. Леонтьева (САНРЯ) [3], и выявляют общие особенности коллективного языкового сознания жителей нашей страны в 1970-е и 1990-е гг. В дальнейшем, привлекая данные ассоциативного эксперимента, проводимого в стране в начале 2000-х гг. профессором Н. В. Уфимцевой и ее коллегами из Института языкознания РАН [4], студенты определяют типичные, мало повторяющиеся и единичные реакции, анализируют их в сравнительно-сопоставительном аспекте, интерпретируют реакции с учетом социологических данных испытуемых и условий проведения эксперимента (возраст, пол, место и время проведения). В результате каждая группа обобщает данные экспериментов и делает вывод об особенностях коллективного языкового сознания русских начала XXI в. в сравнении с языковым сознанием жителей нашей страны в 1970-е и 1990-е гг.

На втором этапе практико-исследовательской работы студенты осваивают экспериментальный метод. Зная особенности применения свободного ассоциативного эксперимента, владея методикой составления анкет и методикой анализа данных, обучающиеся продолжают работать в своих проектных группах и разрабатывают собственный свободный ассоциативный эксперимент. Для этого сначала они обсуждают в пределах своей рабочей группы структуру анкеты, количество слов-стимулов, выбранных из словарей ассоциативных норм, продумывают технологию проведения эксперимента, аудиторию (соотношение по возрасту, полу), каналы выхода на нужное количество реципиентов (не менее 100 человек) и пр. Результатом работы каждой группы на этом шаге является краткая аннотация эксперимента, в которой описываются все перечисленные критерии предстоящего эксперимента.

Далее в течение двух недель студенты проводят эксперимент, привлекая к участию не менее 100 человек. Решение этой задачи предполагает участие всех членов рабочей команды в проведении эксперимента, которое осуществляется во внеаудиторной работе. Затем команда обобщает полученные данные, анализирует анкеты, сопоставляет свои данные с данными словарей А. А. Леонтьева, Ю. Н. Караулова и с данными эксперимента, проводимого Н. В. Уфимцевой. После проведения собственного эксперимента и обработки полученных данных в сопоставлении с данными словарей студенты разрабатывают проект словаря ассоциативных норм. На этом этапе, организуемом во внеаудиторной и аудиторной работе студентов в течение двух недель, каждая рабочая группа составляет проект словаря с привлечением собранного материала в своей группе. На заключительном занятии по модулю «Методы психолингвистики» каждая рабочая группа защищает проект своего словаря и в целом результаты работы: 1) итоги эксперимента: сравнительно-сопоставительный анализ данных экспериментов разных лет, анализ данных собственного эксперимента в сравнении с данными предшествующих экспериментов; 2) презентация защиты проекта сопоставительного словаря русских ассоциативных норм на основе материалов своей экспериментальной и сравнительно-аналитической работы. Работа студентов оценивается по двум важным критериям результативности проектной деятельности: во-первых, согласованность структуры словаря, словарной статьи с его главной идеей, состоящей в отражении эволюции актуального языкового сознания русских, во-вторых, обоснованность прикладного значения предлагаемого словаря с помощью перечня сфер жизнедеятельности человека, для которых предлагаемое исследование будет востребовано.

Двухлетнее внедрение в образовательный процесс описываемой технологии показало, что студенты активно включаются в предлагаемые формы работы по освоению метода ассоциативного эксперимента. Примечательно, что данные, полученные студентами в ходе проведения собственного эксперимента и в ходе анализа ассоциативных словарей, показали интересные результаты, позволяющие судить об эволюции языкового сознания русских.

Приведем пример полученных реакций на слово-стимул *кино*. Совпадения с данными САНРЯ насчитывают 23 реакции: *труд, хорошее, фильм, билет, смотреть, кинотеатр, отличное, экран, вечер, зал, здание, лента, захватывающее, искусство, итальянское, отдых, скука, темно, комедия, любое, Никита Михалков и цирк*.

В анкетах испытуемых встретились 35 реакций, не зафиксированных в САНРЯ: *группа, студия, Гайдай, интересное, люди, мультфильм, надо сходить, в 3D, поп-корн, свободное, время, ужасное, ужасстик, чёрно-белое, большой экран, мелодрама, он-лайн, классное, не очень, сериал, смех, смотр, Титаник, увидеть друзей, ужасы, Тарковский, ходить, неделя, просмотр, редкость, фантастика и кадр*. Поясним появление некоторых новых ассоциатов в анкетах 2012–2014 гг. В списке данных реакций показательными являются *в 3D* и *поп-корн*. Использование терминов «трёхмерный» или «3D» связано с трёхмерной компьютерной графикой, которые предназначены для изображения объёмных объектов. Но в кинематографе данные термины используются для обозначения стереоскопических фильмов, при просмотре которых у зрителя складывается иллюзия объёмности изображения, ощущение наличия третьего измерения. На сегодняшний день просмотр фильмов в формате «3D» стал очень популярным явлением, о чём и говорит наличие такой ассоциации среди испытуемых. Появление ассоциации *поп-корн* объясняется тем, что сегодня это лакомство – неотъемлемая часть киносеансов, поэтому в сознании молодежи этот продукт стал прочно ассоциироваться с киноиндустрией.

Интересными оказались ассоциации – названия фильмов. Современные участники эксперимента назвали в своей анкете лишь фильм «Титаник», тогда как участники экспериментов в 1970-е гг., по данным САНРЯ, приводили такие названия фильмов: «Опасные гастроли», «Подростки», «Агент поневоле», «Ангел в тибетейке», «Анна Каренина», «Братья Карамазовы», «Бриллиантовая рука», «Война и мир», «Ещё раз про любовь» и др. Это может говорить о том, что из-за обилия фильмов, которые предоставляет киноиндустрия, человек не способен запомнить их названия. Это объясняет и тот факт, что среди полученных ассоциаций встретилось больше оценочных слов, чем названий фильмов (*интересное, ужасное, классное, не очень и др.*). Наряду с этим современный человек имеет много возможностей для просмотра фильмов: кинотеатры, телевидение, всевозможные диски и Интернет. О последнем говорит появление новой реалии и, как следствие, новая реакция – *он-лайн*.

Таким образом, студенты интерпретируют полученные в ходе своей исследовательской работы данные. В рамках освоения модуля «Методы психолингвистики» студентам предлагается осмыслить данные и представить их в виде словаря. В этом направлении работа со студентами ещё ведётся, работает научно-проблемный кружок, который, обобщая идеи студентов разных лет, разрабатывает вариант сравнительно-сопоставительного словаря.

В целом, представляется, что описанная система реализации образовательной технологии, как и отдельных приемов и форм работы, может быть применена в рамках других модулей дисциплины (например, «История развития психолингвистики как науки», «Взаимосвязь языка и мышления», «Онтогенез речевого развития»), а также при освоении студентами других дисциплин.

Вся деятельность студента в предлагаемой лаборатории строится на последовательном сочетании репродуктивной, продуктивной, практико-исследовательской и проектной работы. Технология позволяет организовать индивидуальную и коллективную деятельность студентов в рамках одного проекта в течение нескольких недель как в аудитории, так и во внеаудиторное время. Все это вкуче обеспечивает формирование прочных знаний и умений студентов по изучаемой дисциплине.

Примечания

1. Вопросы психолингвистики: научный журнал теоретических и прикладных исследований. URL: <http://iling-ran.ru/beta/publications-/journals/vpl>
2. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова и др. М., 1994–1998, 2002. (В тексте – РАС)
3. Словарь русских ассоциативных норм / под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977. (В тексте – САНРЯ)
4. Уфимцева Н. В. Языковое сознание русских на пороге XXI века // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. Вып. 4 / отв. ред. Т. В. Симашко. Архангельск, 2009.

Notes

1. Issues of psycholinguistics: scientific journal of theoretical and applied research. Available at: <http://iling-ran.ru/beta/publications-/journals/vpl> (in Russ.)
2. *Russkij associativnyj slovar'*- Russian associative dictionary: in 2 vols. Vol. 1. From stimulus to response / Y. N. Karaulov, Y. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova and others. Moscow. 1994-1998, 2002. (In the text - RAS)
3. *Slovar' russkikh associativnyh norm* - Dictionary of Russian associative norms / edited by A.A. Leontiev. Moscow. 1977. (In the text - SANRA)
4. Ufimtseva N. V. *Yazykovoje soznanie russkikh na poroge XXI veka* [Linguistic consciousness of the Russians on the threshold of XXI century] // *Problemy konceptualizacii dejstvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoju kartiny mira* - Problems of conceptualization of reality and simulation of language picture of the world: collected scientific articles. Is. 4 / resp. ed. T.V. Simashko. Arkhangelsk. 2009.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«Теперь ковать свои мы будем кадры» (о работе диссертационного совета по педагогике в ВятГГУ)

В начале 1990-х гг. в Кировском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина была открыта аспирантура по ряду специальностей, в том числе по педагогике. В 1995 г., уже в Вятском государственном педагогическом университете (с мая 2002 г. – ВятГГУ), открылся диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций сразу по двум специальностям: 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования и 13.00.02 – методика преподавания физики.

Членами диссертационного совета стали доктора педагогических наук, профессора Юрий Аркадьевич Сауров (председатель), Василий Федорович Сахаров (зам. председателя), Вячеслав Всеволодович Мултановский, Мая Григорьевна Яновская, Владимир Степанович Данюшенков, доктор философских наук, профессор Владимир Федорович Юлов, кандидаты педагогических наук, доценты (впоследствии доктора педагогических наук, профессора) Виталий Зуфарович Юсупов, Владимир Борисович Помелов, Ольга Владимировна Лебедева (ученый секретарь совета), а также кандидат физико-математических наук Галина Игнатьевна Осокина.

В составе совета также находились иногородние специалисты: действительный член Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор Василий Григорьевич Разумовский (Москва), доктора педагогических наук, профессора Михаил Иосифович Рожков (Ярославль), Анастасия Александровна Янкина (Нижний Новгород). Было проведено 19 процедур защиты кандидатских диссертаций.

Затем кандидатский совет был преобразован в докторский совет. Изменился его состав, в него в разные годы входили В. Ф. Юлов, доктора педагогических наук, профессора В. С. Данюшенков (председатель), Николай Васильевич Котряхов (зам. председателя), Наталья Сергеевна Александрова, Татьяна Викторовна Машарова, Елена Олеговна Галицких, Елена Анатольевна Ходырева, Галина Николаевна Некрасова, Станислав Михайлович Окулов, Галина Ивановна Симонова, Ольга Витальевна Коршунова, О. В. Лебедева, М. Г. Яновская, В. Б. Помелов, кандидат педагогических наук, доцент Елена Евгеньевна Рудницкая (ученый секретарь), а также иногородние специалисты: доктора педагогических наук, профессора Николай Федорович Басов (Кострома), Вера Викторовна Николина, Юрий Николаевич Петров, Алексей Юрьевич Петров (все – Нижний Новгород), Марина Алексеевна Захарищева (Глазов).

Все годы работы совета неизменно членами совета были В. С. Данюшенков, М. Г. Яновская, В. Ф. Юлов, В. Б. Помелов.

Первая защита вошла в историю совета как самая необычная. Дело в том, что на защитах диссертаций защищаются, естественно, диссертации. В очень редких случаях соискатели докторской степени защищают не диссертацию, а выступают с докладом, в котором обобщают результаты своих многолетних исследований. Диссертация при этом вообще не пишется. Делается это в порядке исключения и, как правило, при соискании докторской степени. Однако доцент КГПИ Г. А. Бутырский выступил соискателем кандидатской степени без диссертации, да еще не имея при этом научного руководителя. Другой такой случай нам неизвестен. Но, как говорится, смелость города берет, и соискатель в итоге был удостоен кандидатской степени.

Автор данной статьи выступал на этой защите в качестве члена совета и председателя счетной комиссии. О начале работы совета в кировской газете «Вести» была помещена наша заметка «Теперь ковать свои мы будем кадры». Это название мы сохранили и для данного материала.

Среди 53 научных руководителей и консультантов соискателей ученых степеней 15 – ученые ВятГГУ, остальные (38) – специалисты из других вузов, главным образом из-за пределов Кирова.

Многие члены совета выступили также в роли научных руководителей, а также оппонентов. Е. А. Ходырева защитила в совете сначала кандидатскую диссертацию, затем докторскую диссертацию, впоследствии стала членом совета. А. Ю. Петров, Г. И. Симонова, О. В. Лебедева свои докторские диссертации защитили в нашем совете, а потом стали его членами.

Работа диссертационного совета по педагогике оказала большое положительное влияние на улучшение такого важного лицензионного показателя, как процент преподавателей, имеющих научные степени; ведь примерно половина защитившихся – это сотрудники ВятГГУ.

Более того, некоторые защитившиеся соискатели перешли на работу в ВятГГУ после получения ученой степени.

Естественно, работа совета повысила авторитет вуза в стране; защищаться в наш вуз ехали соискатели ученых степеней со всей страны и даже из-за рубежа: из Москвы, Дальнего Востока, Казахстана и т. д.

В качестве руководителей (консультантов) и оппонентов в ВятГГУ приезжали такие видные ученые, как действительные члены РАО В. Г. Разумовский, В. В. Егоров, М. В. Рыжаков, Г. Н. Волков (заочно), В. С. Леднев (заочно), члены-корреспонденты РАО А. П. Тряпицына, В. И. Слободчиков, Е. Г. Осовский, автор известных учебников по педагогике Г. М. Коджаспирова, представитель знаменитой семьи психологов действительный член РАО, доктор психологических наук, профессор В. А. Петровский и др. 1 июня 2012 г. совет прекратил свою работу.

Ниже приводятся статистические данные по работе кандидатского и докторского советов.

Сокращения, принятые в таблице:

кпн – кандидат педагогических наук;
кпнд – кандидат педагогических наук, доцент;
дпн – доктор педагогических наук;
дпнп – доктор педагогических наук, профессор;
кфмнд – кандидат физико-математических наук, доцент;
дюрнп – доктор юридических наук, профессор;
кэконн – кандидат экономических наук;
ДЧ РАО – действительный член РАО;
ЧК РАО – член-корреспондент РАО;
снс – старший научный сотрудник;
конс. – консультант;
МПГУ – Московский педагогический государственный университет;
МГПУ – Московский городской педагогический университет;
РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);
ГПУ – государственный педагогический университет;
ГПИ – государственный педагогический институт;
ГУ – государственный университет;

шифры специальностей:

01 пишется вместо 13.00.01;
02 пишется вместо 13.00.02 и т. д.

Фамилии соискателей, защитивших докторские диссертации, выделены жирным шрифтом.

Научная жизнь

РАБОТА КАНДИДАТСКОГО СОВЕТА

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
1	Бутырский Герман Александрович	Проблема использования экспериментальных задач при обучении физике в старших классах средней школы	Нет	Дпнп В. В. Мултановский Кфмн В. Н. Горшенков	МПГУ	02	26.01.1996
2	Жокина Надежда Алексеевна	Пед. основы сотрудничества взрослых и подростков в детских общественных самодеятельных объединениях	Кпнд Л. К. Гребенкина	Дпнп М. М. Яновская Кпнд Т. В. Васильченкова	Коломенский ГПУ	01	29.11.1996
3	Бородатая Марина Николаевна	Детская студия как форма взаимодействия детей, педагогов и родителей в системе непрерывного образования	Дпнп В. Ф. Сахаров	Дпнп М. И. Рожков Кпнд Н. С. Александрова	Рязанский ГПУ	01	20.06.1997
4	Горбунов Виктор Алексеевич	Личностно-ориентированная подготовка школьников к сельскохозяйственному труду в фермерских хозяйствах в условиях перехода к рынку	Дпнп М. И. Рожков, кпн снс Т. М. Трегубова	Дпнп Л. В. Загрекова Кпнд А. Л. Уманский	Саратовский ГУ	01	20.06.1997
5	Шанина Наталья Николаевна	Подготовка руководителей образовательных учреждений к управлению инновационными процессами в сфере образования	Кпнд В. З. Юсупов	Дпнп Л. В. Байбородова Кпнд Л. И. Новикова	Тульский ГПУ	01	26.03.1998
6	Хохлов Анатолий Александрович	Развитие познавательного интереса старшеклассников при изучении материальных памятников истории и культуры в учреждениях дополнительного образования	Дпнп В. Ф. Сахаров	Дпнп Е. В. Васильев Кпн И. В. Подавалова	Ярославский ГПУ	01	26.03.1998
7	Ананьев Дмитрий Владимирович	Учебный эксперимент как средство развития личности учащихся на уроках физики	Кфмнп Н. И. Шефер	Дпнп В. В. Мултановский Кфмнд В. Н. Горшенков	Глазовский ГПИ	02	27.03.1998
8	Ходырева Елена Анатольевна	Игровая среда как фактор развития творческой активности младших школьников в обучении	Кпнд Т. В. Машарова	Дпнп М. И. Рожков Кпнд Е. О. Галицких	Костромской ГПУ	01	27.03.1998
9	Майер Валерий Вильгельмович	Градиентная оптика в системе обучения физике	ДЧ РАО дпнп В. Г. Разумовский	Дпнп В. В. Мултановский Кпн Е. С. Обьедков	Уральский ГПУ	02	26.06.1998
10	Колесников Константин Аристархович	Спецкурс «Физика природных явлений» как средство формирования учащихся лицей методологических знаний	Дпнп Ю. А. Сауров	ДЧ РАО дпнп В. Г. Разумовский Кпнд Г. А. Бутырский	Нижегородский ГПУ	02	26.06.1998
11	Сахаров Василий Александрович	Развитие и воспитание нравственных чувств школьников в педагогическом наследии В. А. Сухомлинского	Дпнп М. Г. Яновская	Дпнп М. И. Рожков Кпнд Е. О. Галицких	Нижегородский ГПУ	01	25.12.1998
12	Завойчинская Ирина Григорьевна	Формирование нравственных идеалов учащихся в деятельности школьных клубов книголюбов	Дпнп В. Ф. Сахаров	Дпнп М. И. Рожков Кпнд Л. И. Новикова	Рязанский ГПУ	01	25.03.1999
13	Ларина Валентина Петровна	Развитие инновационного потенциала педагогического коллектива школы	Кпнд В. З. Юсупов	Дпнп Л. В. Байбородова Кпнд Е. О. Галицких	Тульский ГПУ	01	25.03.1999

Вестник Вятского государственного гуманитарного университета

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
14	Бочкарева Марина Владимировна	Педагогика прагматизма и ее влияние на теорию и практику советской школы 1920–1930-х годов	Дфилосни В. Ф. Юлов	Дпни Н. В. Котряхов Кфилосни Ю. П. Попов	Ярославский ГПУ	01	26.03. 1999
15	Саутина Елена Васильевна	Формирование основ проблемного мышления у младших школьников	Дфилосни В. Ф. Юлов	Дпни М. Г. Яновская Кпни Т. В. Машарова	Нижегородский ГПУ	01	26.03. 1999
16	Ефремов Виктор Леонидович	Совместная деятельность классного воспитателя и педагога-психолога по изучению личности школьника	Кпни В. З. Юсупов	ЧК РАО дпни В. И. Слободчиков Кпни С. М. Трапезников	Нижегородский ГПУ	01	15.10. 1999
17	Зевахина Фарида Рамзиевна	Формирование интереса младших школьников к национальной культуре средствами эмоционального стимулирования	Дпни М. Г. Яновская	Дпни Е. В. Васильев Кпни Н. С. Александрова	Рязанский ГПУ		15.10. 1999
18.	Рудницкая Елена Евгеньевна	Формирование проблемного мышления студентов	Дфилосни В. Ф. Юлов	Дпни В. З. Юсупов Кпни Е. О. Галицких	Нижегородский ГПУ	01	28.12. 1999
19	Селиванова Ольга Геннадьевна	Педагогические условия развития самоуправления старшеклассников в образовательном процессе	Дпни В. З. Юсупов	Дпни П. И. Третьяков Кпни Г. А. Русских	Костромской ГПУ	01	28.12. 1999
РАБОТЫ ДОКТОРСКОГО СОВЕТА							
20	Селецкая Ольга Викторовна	Корректировка нравственного развития личности подростка средствами эмоционально-ценностного стимулирования	Дпни М. Г. Яновская	Дпни М. И. Рожков Кпни Е. О. Галицких	Тульский ГПУ	01	30.06. 2000
21	Гилязова Ольга Геннадьевна	Педагогические условия организации интегрированного обучения в сельской малокомплектной школе	ЧК РАО дпни В. С. Данюшенков	Дпни В. С. Черепанов Кпни Е. О. Галицких	Рязанский ГПУ	01	29.09. 2000
22	Пупышева Евгения Леонидовна	Формирование профессионально значимых личностных качеств будущего учителя на основе дифференцированного обучения	Кпни Ф. Г. Мухаметзянова	Дпни А. Н. Хузиахметов Кпни А. М. Имашев	Набережно-челнинский ГПИ	01	29.09. 2000
23	Попова Полина Владимировна	Дидактическая информационно-предметная среда как фактор оптимизации обучения в начальной школе	ЧК РАО дпни В. С. Данюшенков	Дфилосни В. Ф. Юлов Кпни Н. В. Разумовская	Глазовский ГПИ	01	15.12. 2000
24	Харунжев Александр Александрович	Интегративный подход в экономическом образовании старшеклассников	Дпни Т. В. Машарова	Дпни М. И. Рожков Кпни Г. И. Симонова	Костромской ГПУ	01	15.12. 2000
25	Вахрушева Светлана Николаевна	Развитие познавательной самостоятельности студентов при изучении иностранного языка в неязыковом вузе	Дпни Т. В. Машарова	Дпни М. И. Рожков Кпни В. С. Гуляева	Костромской ГПУ	01	15.12. 2000
26	Кимеева Ольга Анатольевна	Развитие познавательной активности старшеклассников в процессе групповой работы	ЧК РАО дпни В. С. Данюшенков	Дпни В. А. Ситаров Кпни М. Н. Бородатая	Глазовский ГПИ	01	22.12. 2000
27	Колотилова Нина Георгиевна	Формирование педагогической направленности у старшеклассников	Дпни В. Ф. Сахаров	Дпни В. Б. Успенский Кпни Л. И. Белозерова	Нижегородский ГПУ	01	22.12. 2000

Научная жизнь

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
28	Рылова Валентина Владимировна	Самоконтроль как средство формирования адекватной самооценки учебной деятельности старшеклассников	Дпнп Н. В. Котряхов	Дпнп В. Ф. Сахаров Кпнд М. А. Кондратьева (Захарищева)	Тульский ГПУ	01	29.06. 2001
29	Галицких Александр Александрович	Педагогические основы проектирования образовательной программы современной гимназии	ЧК РАО дпнп В. И. Слободчиков	ЧК РАО дпнп А. П. Тряпицына Кпнд Н. Н. Шанина	Ярославский ГПУ	01	29.06. 2001
30	Сидорина Татьяна Владимировна	Теоретические основы экспертирования образовательных систем	Дпнп П. И. Третьяков, дпнп Э. Г. Скибицкий	Дпнп В. С. Черепанов Дпнп Н. Е. Мажар Дпнп В. З. Юсупов	Ин-т управления образованием РАО	01	19.10. 2001
31	Чурина Любовь Александровна	Мониторинг учебной деятельности в инновационном образовательном учреждении как фактор рефлексивного управления	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп Е. Н. Степанов Кпнд Н. Н. Шанина	Ярославский ГПУ	01	21.12. 2001
32	Бобикова Лилия Кимматовна	Формирование профессионально значимых качеств инженера у студентов технического вуза	Кпнд Ф. Г. Мухаметзянова	Дпнп Ю. Н. Петров Ктнд Ш. К. Гильмутдинов	Чувашский ГПУ	08	21.12. 2001
33	Русских Наталия Борисовна	Формирование социально значимых качеств личности старшеклассников в условиях дифференцированного обучения	Дпнп Н. В. Котряхов	Дпнп А. С. Казаринов Кпнд М. Н. Бородатая	Арзамасский ГПИ	01	21.12. 2001
34	Буркова Ольга Ивановна	Подготовка учителя иностранного языка к межкультурной коммуникации в условиях педагогического колледжа	Дпнп В. А. Ситаров	Дпнп Е. В. Ковалевская Дпнп В. Б. Помелов	Калужский ГПУ	08	15.02. 2002
35	Лагунова Марина Викторовна	Теория и практика формирования графической культуры студентов высших технических учебных заведений	Дпнп А. А. Червова	ДЧ РАО дпнп В. С. Леднев ЧК РАО дпнп Е. Г. Осовский Дпнп В. Ф. Сахаров	Нижегородский ГПУ	08	05.04. 2002
36	Зотова Людмила Михайловна	Особенности регионального женского образования во второй половине XIX в. – по Октябрь 1917 г. (на материалах Вятской губернии)	Дпнп В. Б. Помелов	Дпнп А. С. Казаринов Кпнд С. М. Трапезников	Удмуртский ГУ	01	29.04. 2002
37	Ширяева Наталья Станиславовна	Формирование целостного представления о народной культуре у младших школьников на уроках русского народного творчества	ЧК РАО дпнп В. С. Данюшенков	Дпнд Н. С. Александрова Кпнд Л. И. Новикова	РГПУ	01	29.04. 2002
38	Шкутина Лариса Арнольдовна	Подготовка педагога профессионального обучения на основе интеграции педагогических и информационных технологий	ДЧ РАО дпнп В. В. Егоров	Дпнп М. И. Рожков Дпнп Т. В. Машарова Дпнп М. А. Лямзин	Уральский гос. проф.-пед. ун-т	08	23.05. 2002
39	Пономарев Александр Иванович	Инновационный стиль руководства современным средним общеобразовательным учреждением	ЧК РАО дпнп В. С. Данюшенков	Дпнп В. З. Юсупов Кпн В. П. Ларина	МПГУ	01	23.05. 2002
40	Онищенко Элеонора Васильевна	Формирование историко-педагогической культуры будущего педагога в образовательном процессе вуза	ЧК РАО дпнп В. С. Данюшенков	Дпнп Е. Г. Силаева Дпнп Г. М. Коджаспирова Дпнд Н. С. Александрова	МПГУ	01	24.05. 2002

Вестник Вятского государственного гуманитарного университета

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
41	Сердюк Марина Леонидовна	Метод проектов как средство развития творческих способностей учащихся (на примере образовательной области «Технология»)	ЧК РАО дпнп В. С. Данюшенков	ЧК РАО дпнп М. В. Рыжаков Кпн В. Р. Чинков	Ин-т общего образ. Мин-обр. РФ	01	24.05. 2002
42	Мухачева Елена Васильевна	Моделирование содержания учебных курсов в системе повышения квалификации педагогов профессионального образования	Дпнд Л. Г. Садакова	Дпнп Т. В. Машарова Кпнд В. Ф. Дергачев	Ярославский ГПУ	08	09.12. 2002
43	Куликов Василий Николаевич	Формирование мотивов здорового образа жизни у подростков в средней общеобразовательной школе	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп М. И. Рожков Кпнд Н. Н. Шанина	Арзамасский ГПИ	01	09.12. 2002
44	Гущина Галина Анатольевна	Гуманистическая воспитательная среда как условие адаптации к обучению студентов негосударственного колледжа	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнд Н. С. Александрова Кпнд Т. Т. Щелина	Рязанский ГПУ	01	9.12. 2002
45	Мухаметзянова Флера Габдульбаровна	Субъектность студента высшего педагогического учебного заведения: теория и практика	Нет	Дпнп В. Г. Каташев Дпсихнп Ю. П. Поваренков Дпнп В. З. Юсупов	Казанский ГПУ	01 и 07 - педагогич. психология	10.12. 2002
46	Чернова Светлана Александровна	Формирование научно-мировоззренческого мышления студентов гуманитарных специальностей	Дфилоснп В. Ф. Юлов	Дпнд Н. С. Александрова Кфилоснд Ю. П. Попов	Волжская гос. инженер.-пед. акад.	01	10.12. 2002
47	Габидуллина Людмила Леонидовна	Развитие познавательной активности младших школьников при коммуникативном подходе в обучении	ЧК РАО дпнп В. С. Данюшенков	Дпнп В. А. Ситаров Кпнд С. С. Куклина	Глазовский ГПИ	01	11.04. 2003
48	Татарина Майя Николаевна	Активизация эмоциональной сферы студентов в процессе обучения	Дпнп М. Г. Яновская	Дпнд Н. С. Александрова Кпнд Т. Т. Щелина	Рязанский ГПУ	01	11.04. 2003
49	Капустин Александр Григорьевич	Совершенствование процесса физической подготовки допризывной молодежи (10-11-е классы) на основе взаимосвязи урочных и внеурочных форм занятий	Дпнп М. П. Бандаков	Дпнп В. А. Щеголев Кпнд Р. А. Абатуров	СПб гос. политех. ун-т	04	25.04. 2003
50	Харунжева Елена Викторона	Формирование информационной культуры старшеклассников на основе интегративного подхода	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп Г. И. Ибрагимов Кпнд С. Н. Вахрушева	Ярославский ГПУ	01	27.06. 2003
51	Щенникова Светлана Викторовна	Интегративный подход к подготовке будущего педагога к творческой деятельности	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп М. И. Рожков Кпнд Н. Н. Шанина	Костромской ГУ	01	27.06. 2003
52	Царькова Марьяна Вадимовна	Развитие нравственно-правовой культуры студентов гуманитарного вуза	Дпнд Е. О. Галицких Дфилоснп В. Ф. Юлов	Дпнп Л. В. Байбородова Кпнд С. М. Трапезников	Нижегородский ГПУ	01 и 08	05.09. 2003
53	Заостровцева Мария Николаевна	Совместная деятельность классного воспитателя, социального педагога и педагога-психолога по коррекции агрессивного поведения подростков	Дпнп В. З. Юсупов	Дпнп Л. В. Байбородова Кпнд М. В. Воронцова	Московский гос. соц. ун-т	01	10.10. 2003

Научная жизнь

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
54	Дьячков Валерий Павлович	Формирование профессиональных понятий у учащихся средних специальных учебных заведений	Дпнд Л. Г. Садакова	Дпнп М. И. Рожков Кпнд С. М. Трапезников	Глазовский ГПИ	01	10.10.2003
55	Токмакова Ольга Викторовна	Педагогическая поддержка интеллектуального развития младших подростков в процессе обучения	Дпнп Н. В. Котряхов	Дпнп П. И. Третьяков Кпнд Л. И. Новикова	Ярославский ГПУ	01	21.11.2003
56	Бажин Константин Сергеевич	Управление организационными проектами в системе образования	Дпнп В. З. Юсупов	Дпнд Н. С. Александрова Кпнд С. Л. Поладьев	Арзамасский ГПИ	01	21.11.2003
57	Быкова Светлана Станиславовна	Воспитание гуманности как интегративного качества личности младшего школьника	Дпнп В. Ф. Сахаров	Дпнд Н. С. Александрова Кпн В. П. Ларина	Глазовский ГПИ	01	19.02.2004
58	Вологжанина Валерия Владимировна	Педагогические основы режиссуры урока	Дпнд Е. О. Галицких	Дпнд Н. С. Александрова Кпнд С. Л. Поладьев	РГПУ	01	19.02.2004
59	Грачева Надежда Викторовна	Педагогические условия активизации познавательной направленности младших школьников	Дпнп В. А. Ситаров	Дпнп В. Б. Помелов Дпнп Л. В. Романюк	РГПУ	01	20.02.2004
60	Макарычева Наталья Викторовна	Формирование профессионально-ценностных ориентаций студентов в условиях гуманизации образовательного процесса педагогического колледжа	Дпнп В. А. Ситаров	Дпнп М. Г. Яновская Дпнп Э. В. Онищенко	Вологодский ГПУ	08	20.02.2004
61	Башмакова Светлана Борисовна	Коррекционная работа учителя в процессе обучения младших школьников с минимальными нарушениями психического развития	Дпнп В. З. Юсупов Кпнд В. М. Мозговой	Дпнп Л. К. Веретенникова Дпнп О. С. Орлова	МГПУ	01 и 03	03.06.2004
62	Крестинина Ирина Алексеевна	Проектирование дополнительной образовательной программы для детей с минимальными нарушениями психического развития	Дпнп В. З. Юсупов Кпнд В. М. Мозговой	Дпнд Л. Г. Садакова Дпнп Р. И. Лалаева	МПГУ	01 и 08	03.06.2004
63	Барамзина Светлана Анатольевна	Активизация учебной деятельности школьников в условиях личностно ориентированного обучения	Дпнп В. С. Данюшенков	Дпнд Н. С. Александрова Дпнп В. А. Ситаров	Волжская гос. инженер.-пед. акад.	01	04.06.2004
64	Шелыгина Ольга Борисовна	Нравственное становление детей в православном семейном воспитании	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп В. А. Ситаров Дфилосн В. Ф. Юлов	Арзамасский ГПИ	01	04.06.2004
65	Ракипова Минзалия Шамсуллоевна	Проблема оценки результатов учебно-познавательной деятельности студентов в России и США (на примере обучения английскому языку на неязыковых факультетах вузов)	Дпнп В. С. Данюшенков	Дпнп В. А. Ситаров Кфилологнд В. Н. Оношко	Нижегородский ГПУ	01	07.09.2004
66	Винокурова Надежда Васильевна	Формирование ответственности у подростков как целевая функция деятельности классного руководителя	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп М. И. Рожков Кпнд М. Н. Бородатая	Арзамасский ГПИ	01	07.09.2004
67	Мякишева Ирина Анатольевна	Сравнительный анализ технологий обучения иностранному языку в школах России, Великобритании и США	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп М. И. Рожков Кпнд С. Н. Вахрушева	Глазовский ГПИ	01	07.09.2004

Вестник Вятского государственного гуманитарного университета

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
68	Меркулова Ирина Александровна	Формирование духовно-нравственных ценностей в педагогической теории и образовательной практике Германии второй половины XX века	Дпнп В. Б. Помелов	Дпнд Н. С. Александрова Кпнд С. Н. Вахрушева	Костромской ГУ	01	29.10.2004
69	Палеха Андрей Васильевич	Построение учебного курса «Организация и тактика медицинской службы» в вузе на основе учебно-методических карт	Дпнд Т. В. Машарова	Дпнп Ю. Н. Петров Кмеднд Г. А. Шестакова	Казанский гос. мед. ун-т	08	29.10.2004
70	Гостомыслова Светлана Леонидовна	Формирование нравственных идеалов старших школьников в условиях воспитательной среды общеобразовательного учреждения	Дпнп Н. В. Котряхов	Дпнд Е. О. Галицких Кпнд С. М. Трапезников	Глазовский ГПИ	01	16.12.2004
71	Сабирова Резеда Габдунуровна	Взаимодействие школы и вуза в процессе подготовки учащихся к получению профессионального образования	Дпнп В. Ф. Сахаров	Дпнп Ю. Н. Петров Кпнд Н. Н. Шанина	Нижегородский ГПУ	08	16.12.2004
72	Володарская Елена Борисовна	Педагогические условия формирования профессиональной компетентности управляющего персонала	Кпнд И. В. Искрук	Дпнд Н. С. Александрова Кпнд Е. А. Юшина	МПУ	08	17.12.2004
73	Степанова Антонина Дмитриевна	Проектирование содержания дополнительного образования школьников в университетском комплексе	Дпнп В. З. Юсупов	Дпнд Е. О. Галицких Кпнд Н. Н. Шанина	Арзамасский ГПИ	01	17.12.2004
74	Князева Наталья Александровна	Формирование художественно-творческой активности младших школьников на основе изучения народных промыслов Вятского края	Дпнпд Н. С. Александрова	Дпнп В. А. Ситаров Кпнд Л. Л. Габидуллина	Елецкий ГУ	01	21.12.2004
75	Зыкин Сергей Аркадьевич	Конструирование содержания профессиональной подготовки курсантов в вузах МВД на основе модульной технологии	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп И. В. Биочинский Кпн О. Г. Гилязова	Академия управления МВД РФ	08	21.12.2004
76	Иванова Наталья Витальевна	Теория и практика построения социального пространства отношений в дошкольном образовательном учреждении	Дпнп В. С. Данюшенков	Дпнп Т. С. Комарова ЧК РАО дпсихп В. А. Петровский Дпнп В. Б. Помелов	Ярославский ГПУ	01 и 07	28.12.2004
77	Садовский Николай Александрович	Влияние региональной специфики на совершенствование содержания образования в Республике Коми в условиях модернизации образования в Российской Федерации	Нет	ДЧ РАО дпнп Г. Н. Волков Дпнп В. Б. Помелов Дпнп В. А. Ситаров	Нижегородский ГПУ	01	28.12.2004
78	Хлупина Ольга Владимировна	Эмоциональный фактор процесса обучения школьников (на материале современных зарубежных исследований)	Дпнп М. Г. Яновская	Дпнд Н. С. Александрова Кпнд С. Н. Вахрушева	Нижегородский ГУ	01	23.06.2005
79	Береснева Лариса Николаевна	Основы нравственного воспитания детей и юношества в русской педагогической журналистике второй половины XIX – начала XX вв.	Дпнп М. Г. Яновская	Дпнп М. А. Захарищева Кпн М. В. Бочкарева	Пермский ГПУ	01	23.06.2005

Научная жизнь

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
80	Анфилатова Ольга Викторовна	Методика непрерывного адаптивного физического воспитания старших дошкольников с нарушением зрения	Дпнп М. П. Бандаков	Дпнп В. В. Ким Дпнд Л. Г. Садакова	Ярославский ГПУ	01 и 04	23.06. 2005
81	Помелова Елена Владимировна	Просветительство и его роль в развитии образования в Вятской губернии со второй половины XIX в. по Октябрь 1917 г.	Дпнпп Н. В. Котряхов	Дпнп М. А. Захарищева Кпнд С. М. Трапезников	Костромской ГУ	01	24.06. 2005
82	Говорова Ольга Алексеевна	Педагогические условия развития экологической культуры студентов технических специальностей вуза (на занятиях по иностранному языку)	Дпнп В. Ф. Сахаров	Дпнп Ю. Н. Петров Кпн Л. Л. Габидуллина	Глазовский ГПИ	01	24.06. 2005
83	Белинова Наталья Владимировна	Учебно-воспитательный дискурс как средство формирования коммуникативных умений будущих педагогов дошкольного образования	Кфилолнп И. А. Фролова	Дпнд Е. О. Галицких Дпнп Е. Ф. Глебова	Нижегородский ин-т развития образования	08 02	24.06. 2005
84	Головизнина Наталья Леонидовна	Исследовательские умения как средство развития самостоятельности старшеклассников	Дпнд Л. Г. Садакова	Дпнд М. А. Захарищева Кпн В. П. Ларина	МОПИ	01	28.10. 2005
85	Константинов Борис Борисович	Формирование основ информационной культуры младших школьников	Дпнп В. А. Ситаров	Дпнп Ю. О. Овакимян Кпнд А. А. Харунжев	РГПУ	01	28.10. 2005
86	Сырцова Елена Леонидовна	Формирование самостоятельности подростков в процессе гражданского воспитания	Дпнд Л. Г. Садакова	Дпнп М. А. Захарищева Кпнд М. Н. Бородатая	Ярославский ГПУ	01	24.11. 2005
87	Кувалдина Елена Алексеевна	Педагогическое стимулирование познавательных интересов подростков в деятельности классного руководителя	Дпнп В. Ф. Сахаров	Дпнд Н. С. Александрова Кпнд Т. Т. Щелина	Рязанский ГПУ	01	24.11. 2005
88	Багина Светлана Никандровна	Формирование школьных традиций как средство оптимизации управления образовательным учреждением	Дпн Л. Б. Филатова	Дпнп Ю. Н. Петров Кпн А. А. Галицких	Глазовский ГПИ	01	24.11. 2005
89	Колотухина Галина Викторовна	Внутривузовская система аттестации педагогических кадров	Дпнп Ю. Н. Петров	Дпнп Т. В. Машарова Кпнд Ф. С. Ковкина	Нижегородский ГПУ	01	25.11. 2005
90	Вахрушева Ирина Валерьевна	Формирование гражданских ценностных ориентаций старшеклассников в образовательном процессе	Дпнд Л. Г. Садакова	Дпнд Е. О. Галицких Кпн В. В. Воложанина	Владимирский ГПУ	01	25.11. 2005
91	Петров Алексей Юрьевич	Компетентностный подход в непрерывной профессиональной подготовке инженерно-педагогических кадров	Дпнп К. Я. Вазина	Дпнп А. Я. Найн Дпнд Н. С. Александрова Дпнп Г. Д. Бухарова	Челябинский ГПУ	08	16.12. 2005
92	Крицкая Надежда Федоровна	Формирование гражданской позиции подростка на основе рефлексии в процессе изучения общественных дисциплин	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп М. И. Рожков Кпнд М. Ф. Соловьева	Костромской ГУ	01	16.12. 2005

Вестник Вятского государственного гуманитарного университета

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
93	Ершова Ольга Анатольевна	Формирование управленческой культуры как компонента профессиональной компетентности будущего менеджера	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп Ю. Н. Петров Кэконнд Н. Ю. Фадеева	Владимирский ГПУ	08	16.12. 2005
94	Хусаинова Роза Рафиковна	Адаптация студентов к условиям образования в педагогическом вузе посредством группообразующей деятельности	Кпнд В. Л. Виноградов, конс. В. С. Данюшенков	Дпнд Е. О. Галицких Кпн О. Г. Гилязова	Татарский гос. гуманитар.-пед. ун-т	08	19.01. 2006
95	Агаронян Каринэ Рубеновна	Формирование нравственной позиции учащихся младшего подросткового возраста	Дпнд Н. С. Александрова	Дпнп М. Г. Яновская Кпнд С. Н. Вахрушева	Глазовский ГПИ	01	19.01. 2006
96	Никитина Елена Леонидовна	Социализация старших школьников на основе системы педагогической поддержки	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп Н. С. Морова Кпнд М. Н. Бородатая	Костромской ГУ	01	20.01. 2006
97	Гришук Вера Михайловна	Формирование коммуникативной толерантности у студентов гуманитарных специальностей в вузе	Дпнп В. З. Юсупов	Дпнд Е. О. Галицких Кпнд Л. И. Белозерова	Сыктывкарский ГУ	08	20.01. 2006
98	Лебедева Ольга Владимировна	Развитие гражданского образования в России (XVIII – начало XXI века)		Дпнд Н. С. Александрова ДЧРАО дпнп Г. Н. Волков Дпнп М. А. Захарищева	Башкирский ГПУ	01	20.04. 2006
99	Булдакова Наталья Викторовна	Развитие прогностической способности как интегративного качества у студентов педагогических колледжей	Дпнд Н. С. Александрова	Дпнд Е. О. Галицких Кпн Н. В. Макарычева	Череповецкий ГУ	08	20.04. 2006
100	Гирфанова Оксана Викторовна	Эмоционально-нравственное развитие младших школьников средствами синтеза искусств	Дпнп М. Г. Яновская	Дпнд Н. С. Александрова Кпнд А. В. Тутолмин	Удмуртский ГУ	01	21.04. 2006
101	Кибардина Мария Петровна	Воспитание нравственной культуры студентов во внеучебной работе колледжа	Дпнп В. Ф. Сахаров	Дпнд Н. В. Иванова Кпн М. В. Бочкарева	Челябинский ГПУ	01	21.04. 2006
102	Симонова Галина Ивановна	Педагогическое сопровождение социальной адаптации учащихся образовательных учреждений: теория и практика	ЧК РАО дпнп В. С. Данюшенков	Дпнд Н. С. Александрова Дпнп Е. Г. Силяева Дпнп В. А. Ситаров	Тульский ГПУ	01	28.04. 2006
103	Мустафина Зульфия Гильфановна	Становление субъектности студента средствами проектной деятельности в процессе профессиональной подготовки (на примере негосударственного вуза)	Дпнд Ф. Г. Мухаметзянова	Дпнп Н. М. Борытко Дпнп В. З. Юсупов	Башкирский ГПУ	08	28.04. 2006
104	Соколова Татьяна Юрьевна	Формирование экологической культуры младших школьников в условиях дополнительного образования	Дпнд Н. С. Александрова	Дпнп Ю. Н. Петров Кпн Л. Л. Габидуллина	Рязанский ГПУ	01	02.06. 2006
105	Масова Галина Федоровна	Использование традиций народной педагогики в воспитательной системе образовательного учреждения	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп Е. Н. Степанов Кпнд С. Н. Вахрушева	Ярославский ГПУ	01	02.06. 2006

Научная жизнь

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
106	Кононова Елена Юрьевна	Формирование коммуникативных навыков первокурсника в процессе адаптации к школьному обучению	Дпнд Н. С. Александрова	Дпнп В. Б. Помелов Кпнд Г. В. Караваева	Елецкий ГУ	01	23.06.2006
107	Боловина Татьяна Эдуардовна	Активизация интеллектуального развития старших подростков на интегрированных уроках	Дпнд Н. С. Александрова	Дпнп В. А. Ситаров Кпн С. А. Барамзина	Глазовский ГПИ	01	23.06.2006
108	Ходырева Елена Анатольевна	Становление индивидуальности школьника в поликультурной образовательной среде	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп М. И. Рожков Дпнп В. А. Ситаров Дфилоснп В. Ф. Юлов	Костромской ГУ	01	30.06.2006
109	Серебряник Елена Владимировна	Организация самообразования будущих социальных педагогов в процессе вузовской подготовки	Дпнп В. А. Ситаров	Дпнп А. Г. Козлова Кпнд Г. И. Симонова	Российский гос. соц. ун-т	08	30.06.2006
110	Орлова Наталия Павловна	Народная игра как средство воспитания основ патриотизма младших школьников	Дпнд Н. С. Александрова	Дпнп В. А. Ситаров Кпн Н. А. Князева	РГПУ	01	30.06.2006
111	Мудролюбова Светлана Васильевна	Роль русской православной церкви в развитии образования в российской провинции (на примере Вятской губернии)	Дпнп В. Б. Помелов	Дпнд Н. С. Александрова Кпн О. Б. Шелыгина	Костромской ГУ	01	06.10.2006
112	Савиных Галина Петровна	Инновационный подход к формированию коммуникативной компетентности старших школьников	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп Н. С. Морова Кпнд Л. А. Чурина	Ярославский ГПУ	01	01.12.2006
113	Ворончихина Татьяна Владимировна	Формирование профессионально-этических качеств будущих психологов в системе профессиональной подготовки	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп М. И. Рожков Кпсихн Н. Н. Ершова	Костромской ГУ	08	01.12.2006
114	Мамаева Елена Александровна	Формирование умений и навыков правотворческой деятельности юриста в процессе профессиональной подготовки в высшем учебном заведении	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп И. В. Биочинский Дюрнп П. И. Кононов	Марийский ГУ	08	19.12.2006
115	Овченкова Ольга Юрьевна	Художественно-образное познание педагогических явлений как средство формирования педагогической позиции будущего учителя	Дпнд Е. О. Галицких	Дпнп А. С. Роботова Кпнд Е. М. Рендакова	Марийский ГПУ	01	19.12.2006
116	Сеногноева Наталия Анатольевна	Технология тестов учебной деятельности как средства оценивания результатов обучения	Дпнп А. Г. Гейн	Дпнп В. А. Далингер Дпнп В. И. Михеев Дпнп В. З. Юсупов	Ин-т содержания и методов обучения РАО	01	26.12.2006
117	Коршунова Ольга Витальевна	Интегративно-дифференцированный подход к обучению в сельской школе (на примере предмета «физика»)	ЧК РАО дпнп В. С. Данюшенков	ДЧ РАО дпнп М. В. Рыжаков Дпнп А. Ю. Петров Дфилоснп В. Ф. Юлов	РГПУ	01	26.12.2006
118	Багдай Елена Владимировна	Формирование рефлексивной позиции студента в процессе изучения гуманитарных дисциплин	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп Ю. Н. Петров Кпнд В. В. Бондарь	Ярославский ГПУ	08	12.04.2007

Вестник Вятского государственного гуманитарного университета

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
119	Рожина Вера Анатольевна	Формирование индивидуального стиля познавательной деятельности младших школьников	Дпнп Н. В. Котряхов	Дпнп А. С. Казаринов Капнп Л. А. Пикова	Арзамасский ГПИ	01	12.04. 2007
120	Кобычева Ольга Николаевна	Управление деятельностью педагогического коллектива по формированию здорового образа жизни у детей	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп Л. Ф. Тихомирова Кпнд М. Н. Бородатая	Мари ГПИ	01	12.04. 2007
121	Личутина Марина Геннадьевна	Взаимодействие школы и семьи по предупреждению наркомании в младшем подростковом возрасте	Дпнд Н. С. Александрова	Дпнп Т. В. Машарова Кпнд Г. В. Караваева	Череповецкий ГУ	01	19.04. 2007
122	Шихова Алевтина Леонидовна	Развитие исследовательской культуры студентов среднего специального учебного заведения	Дпнд Н. С. Александрова	Дпнп В. Б. Помелов Кпнд С. Н. Вахрушева	Глазовский ГПИ	01	19.04. 2007
123	Мякишев Сергей Леонидович	Информационно-образовательная среда вуза как фактор формирования профессиональной компетентности будущих педагогов	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп С. М. Маркова Кпнд С. А. Зыкин	Костромской ГУ	08	25.05. 2007
124	Сигачева Наталья Альбертовна	Подготовка будущих менеджеров к иноязычному деловому общению средствами концентрированного обучения (на материале английского языка)	Кпнд Н. Н. Савина	Дпнп Е. О. Галицких Кпнд Е. В. Мухачева	Гос. инженер.-пед. ун-т	08	25.05. 2007
125	Коренева Лариса Борисовна	Научно-методическое сопровождение развития проектных умений педагогов в условиях общеобразовательных учреждений	Дпнп Н. В. Котряхов	Дпнд Н. А. Садовский Кпнд В. П. Ларина	Глазовский ГПИ	01	29.05. 2007
126	Яруллина Альфия Шаукатовна	Формирование субъектной включенности студентов педагогического университета в становление профессионально значимых личностных качеств	Дпнд Ф. Г. Мухаметзянова	Дпнд Н. С. Александрова Кпнд С. М. Трапезников	Казанский гос. ун-т им. В. И. Ленина	01	29.05. 2007
127	Бисерова Галлия Камильевна	Педагогические условия формирования основ субъектной идентичности курсанта средней специальной школы милиции	Дпнд Ф. Г. Мухаметзянова	Дпнп Г. И. Аксенова Кпн О. Г. Гилязова	Мордовский ГПИ	01	29.05. 2007
128	Кувалдина Мария Михайловна	Педагогические условия формирования познавательной мотивации у младших школьников в учреждениях дополнительного образования	ЧК РАО дпнп В. С. Данюшенков	Дпнд Г. И. Симонова Кпн О. А. Говорова	Арзамасский ГПИ	01	30.05. 2007
129	Нагорнова Галина Вадимовна	Формирование информационной культуры будущего менеджера в вузе	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнд А. Ю. Петров Кпнд С. А. Зыкин	Владимирский ГПУ	08	30.05. 2007
130	Даровских Лариса Вячеславовна	Развитие инициативности старшеклассников в процессе групповой работы	Дпнп Н. В. Котряхов	Дпнд Н. С. Александрова Кпн О. В. Токмакова	Глазовский ГПИ	01	30.05. 2007
131	Лейфа Андрей Васильевич	Профессионально формирующая система физической активности и здоровья студентов высших учебных заведений	Нет	Дпнп Л. И. Лубышева Дпнп Т. В. Машарова Дпнп А. А. Шумейко	Тамбовский ГУ	08	04.06. 2007

Научная жизнь

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
132	Кочурова Лариса Геннадьевна	Формирование гуманистических ценностей у студентов вуза в процессе обучения	Дпнд Н. С. Александрова	Дпнп М. Г. Яновская Кпнд С. Н. Вахрушева	Коми ГПИ	01	04.09. 2007
133	Волченкова Елена Валерьевна	Ситуационное проектирование как средство воспитания культуры поведения учащихся	Дпнд Н. С. Александрова	Дпнп В. З. Юсупов Кпнд О. В. Уваровская	Татарский гос. гум.-пед. ун-т	01	04.09. 2007
134	Корепанова Ирина Геннадьевна	Формирование ценностей образования у студентов-первокурсников в процессе адаптации к обучению в вузе	Дпнд Н. С. Александрова	Дпнп Л. В. Романюк Кпнд Е. М. Рендакова	Череповец- кий ГУ	01	04.09. 2007
135	Зверева Елена Анатольевна	Творческие задания как средство развития самодеятельности студентов в учебно-воспитательном процессе	Дпнд Л. Г. Садакова	Дпнп Н. С. Морова Кпнд С. Н. Вахрушева	Ярославский ГПУ	01	12.11. 2007
136	Карасик Анатолий Леонидович	Дидактические особенности обеспечения наглядности обучения средствами информационных технологий	Дпнп В. А. Ситаров	Дпнп Н. И. Вьюнова Кпнд А. А. Харунжев	МПГУ	01	12.11. 2007
137	Носова Надежда Валерьевна	Критериальная модель внутришкольного управления качеством образования старшекласников	Дпнп Т. В. Машарова	Дпн Г. Н. Мотова Кпнд Н. Н. Шанина	Костромской ГУ	01	13.11. 2007
138	Сазонова Татьяна Валериевна	Методы разноуровневого обучения межкультурной профессиональной коммуникации студентов-экономистов	Дпнп А. Н. Рыблова	Дпнп Е. О. Галицких Кпнд Е. В. Мухачева	Оренбург- ский ГУ	08	13.11. 2007
139	Маркова Валентина Ивановна	Формирование исследовательской культуры учителя в системе повышения квалификации	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп Ю. Н. Петров Кпнд Е. В. Мухачева	Рязанский ГПУ	08	13.11. 2007
140	Коцарев Виталий Вячеславович	Формирование коммуникативной культуры военнослужащих в процессе адаптации к первому году службы	Дпнп Н. С. Александрова	Дпнп В. А. Ситаров Кпнд С. А. Прохоцкая	Саратов. воен. ин-т биолог. и хим. безопасности	01	27.05. 2008
141	Митичева Татьяна Ивановна	Социально-педагогическая деятельность студентов как средство повышения качества профессиональной подготовки социальных педагогов в вузе	Дпнп Е. О. Галицких	Дпнп Ю. Н. Петров Кпнд Н. А. Соловьева	Пензенский ГПУ	08	27.05. 2008
142	Ивутина Елена Петровна	Формирование диагностической компетентности у студентов педагогических специальностей в процессе профессиональной подготовки	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнд А. Ю. Петров Кпн О. А. Ершова	Костромской ГУ	08	19.06. 2008
143	Слесарева Галина Дмитриевна	Выпускная квалификационная работа как результат организации самостоятельной работы студентов в условиях реформирования высшей школы	Дпнп Е. О. Галицких	Дпнп С. М. Маркова Кпн Н. В. Булдакова	Ярославский ГПУ	08	19.06. 2008
144	Белорыбкина Елена Анатольевна	Подготовка учителя к формированию ключевых компетентностей школьников в системе повышения квалификации	Дпнп Н. В. Котряхов	Дпнп Л. А. Шкутина Кпнд Е. В. Мухачева	Рязанский ГУ	08	20.06. 2008

Вестник Вятского государственного гуманитарного университета

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
145	Абдрахманова Рамиля Ябировна	Формирование культуры межличностного общения старшекласников в условиях социального партнерства	Дпнп Н. С. Александрова	Дпнд Г. И. Симонова Кпнд С. Н. Вахрушева	Татарский гос. гуманитар.-пед. ун-т	01	20.06. 2008
146	Монастырева Татьяна Альбертовна	Воспитание моральных качеств младших школьников средствами народной педагогики	Дпнп Н. С. Александрова	Дпнп З. Г. Закирова Кпн Н. А. Князева	Глазовский ГПИ	01	27.06. 2008
147	Окунева Светлана Александровна	Нравственное развитие старшекласников в процессе диалогового взаимодействия	Дпнп В. Ф. Сахаров	Дпнп Н. С. Александрова Кпнд В. А. Сахаров	Нижегородский ГПУ	01	27.06. 2008
148	Сурнина Татьяна Юрьевна	Подготовка преподавателей к реализации тьюторских технологий в профессиональной деятельности	Дпнп Г. Б. Скок	Дпнп Т. В. Машарова Кпнд Е. В. Мухачева	Московский гос. ин-т стали и сплавов (ТУ)	08	05.09. 2008
149	Скурихина Ольга Витальевна	Организационно-педагогические условия овладения студентами способами проектной деятельности	Дпнп В. З. Юсупов	Дпнп Е. О. Галицких Кпнд В. В. Волкова	Тульский ГПУ	08	05.09. 2008
150	Крошихин Алексей Геннадьевич	Управление развитием профессиональной самостоятельности педагогов в условиях образовательного учреждения	ЧК РАО дпнп В. С. Данюшенков Дпнд Л. Б. Филатова	Дпнп М. А. Захарищева Кпнд С. А. Барамзина	Нижегородский ГПУ	01	17.10. 2008
151	Шилова Наталия Геннадьевна	Проектирование образовательной программы интегрированного учебного курса в современной гимназии	Дпнп Е. О. Галицких	Дпнп И. Ю. Алексашина Кпнд С. Л. Паладьев	Нижегородский ГПУ	01	17.10. 2008
152	Кузьмина Галина Юрьевна	Мультимедийные средства индивидуализации профессиональной подготовки педагога-психолога в вузе	Дпнп А. Н. Рыблова	Дпнп Е. О. Галицких Кпнд С. А. Прохоцкая	Новосибирский ГПУ	08	24.10. 2008
153	Измайлова Елена Васильевна	Повышение квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы на основе личностно-ориентированного обучения	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп А. Ю. Петров Кпнд С. А. Зыкин	СПб ин-т повышения квалиф. работников ФСИН	08	29.12. 2008
154	Наговицын Роман Сергеевич	Становление теории и практики физической культуры как самостоятельного учебного предмета в средних общеобразовательных учебных заведениях России во второй половине XIX – начале XX вв.	Дпнп М. А. Захарищева	Дпнп В. Б. Помелов Кпнд И. В. Макарова	УдГУ	01	29.12. 2008
155	Русакова Ольга Владимировна	Формирование умений и навыков саморегуляции на основе рефлексии у младших подростков в процессе обучения	Дпнп Н. В. Котряхов	Дпнп А. С. Казаринов Кпнд С. Н. Вахрушева	Ярославский ГПУ	01	16.01. 2009
156	Пономаренко Лариса Николаевна	Формирование дискурсивной компетенции у студентов педагогических специальностей в процессе межкультурного диалога	Дпнп Е. О. Галицких	Дпнп В. Н. Белкина Кпн О. А. Ершова	Вологодский ГПУ	08	16.01. 2009
157	Камалов Ренат Рифович	Концептуальные основы конструирования и реализации информационно-педагогического ресурса в муниципальной образовательной системе	Дфмнп Е. К. Хеннер	Дпнп Д. Ш. Матрос Дпнд Е. А. Ходырева Дпнп П. К. Петров	Уральский ГПУ	01	24.04. 2009

Научная жизнь

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
158	Мясникова Елена Юрьевна	Формирование готовности к трудовой деятельности у воспитанников школы-интерната	Дпнд О. В. Лебедева	Дпнп Н. С. Александрова Кпн Т. В. Ризина	Тульский ГПУ	01	24.04.2009
159	Копысова Алевтина Ивановна	Организация самообразования педагога как фактор его профессионально-личностного становления	Дпнп Е. О. Галицких	Дпнп М. А. Захарищева О. Б. Даутова	Ярославский ГПУ	01	18.06.2009
160	Конышева Людмила Николаевна	Формирование лидерских качеств студентов посредством участия в деятельности органов самоуправления	Дпнп Н. С. Александрова	Дпнп Т. В. Машарова Кпнд В. В. Ковров	Ярославский ГПУ	01	18.06.2009
161	Фокеева Юлия Александровна	Формирование культуры профессионального общения будущего переводчика в поликультурной образовательной среде	Дпнп А. Н. Рыблова	Дпнп Т. Т. Щелина Кпнд Т. В. Ворончихина	Костромской ГПУ	08	19.06.2009
162	Арабов Кирилл Тофикович	Формирование самоорганизованности как качества личности старшеклассников во внеучебной деятельности	Дпнп Н. С. Александрова	Дпнп В. А. Ситаров Кпнд К. Р. Агаронян	Нижегородский ГПУ	01	19.06.2009
163	Пермякова Екатерина Евгеньевна	Экономическое воспитание учащихся учреждений начального профессионального образования	Дпнп Н. В. Котряхов	Дпнп И. М. Машаров Кпнд М. Ф. Соловьева	Волжский гос. инженер.-пед. ун-т	01	26.06.2009
164	Юрочкина Ирина Николаевна	Формирование деловой культуры будущего менеджера в вузе	Дпнп Н. С. Александрова	Дпнп А. Ю. Петров Кпн О. Г. Арасланова	Костромской ГПУ	08	26.06.2009
165	Мишле Виктория Владиславовна	Педагогическая диагностика профессионального самоопределения обучающихся в системе «лицей – колледж – вуз»	Дпнп А. Н. Рыблова	Дпнп Е. О. Галицких Кпнд Н. Ю. Чернова	Нижегородский ГПУ	08	27.10.2009
166	Ненашев Дмитрий Викторович	Коучинг как эффективная технология формирования эмоциональной компетентности будущих менеджеров	Дпнп С. Я. Ромашина	Дпнд Ю. А. Дмитриев Кпн О. А. Ершова	Казанский ГУ	08	27.10.2009
167	Никитина Екатерина Леонидовна	Формирование нравственной позиции старшеклассников к институту семьи	Дпнп Н. С. Александрова	Дпнд Э. В. Онищенко Кпнд С. Н. Вахрушева	Череповецкий ГУ	01	04.12.2009
168	Булаева Марина Николаевна	Подготовка будущих менеджеров инженерно-педагогического образования к административно-управленческой деятельности	Дпнп Ю. Н. Петров	Дпнп Т. В. Машарова Кпнд С. А. Зыкин	Российский гос. проф.-пед. ун-т	08	18.12.2009
169	Сабанина Валентина Николаевна	Преимственность общего образования и среднего профессионального в развитии у обучающихся мотивации к педагогической профессии	Кпнд Д. Ш. Садетдинов	Дпнд Т. Т. Щелина Кпнд Т. В. Ворончихина	Набережно-челнинский ГПИ	08	18.12.2009
170	Макарова Елена Евгеньевна	Интегративный подход к формированию лингвокультурологической компетентности студентов гуманитарных специальностей вуза	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп С. М. Маркова Кпнд Н. В. Патяева	Шуйский ГПУ	08	19.03.2010

Вестник Вятского государственного гуманитарного университета

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
171	Лубинская Татьяна Николаевна	Формирование исследовательских умений и навыков старшеклассников в процессе подготовки к конкурсам и олимпиадам	ЧК РАО дпнп В. С. Данюшенков	Дпнп В. А. Горский Кпнд М. Ф. Соловьева	МПУ	01	19.03. 2010
172	Бузанакова Галина Вадимовна	Проектная деятельность классного руководителя по созданию сообщества родителей и педагогов	Дпнп Е. О. Галицких	Дпнд Е. Б. Евладова Кпнд М. Н. Бородатая	Нижегородский ГПУ	01	11.05. 2010
173	Шувалова Светлана Олеговна	Методическое обеспечение процесса дополнительного профессионального образования педагога на муниципальном уровне	Кпнд С. Л. Паладьев	Дпнп Е. О. Галицких Кпнд Б. В. Куприянов	Вологодский институт развития образования	08	11.05. 2010
174	Батакова Наталья Владимировна	Формирование духовно-нравственных ценностей у одаренных подростков в процессе воспитания	Дпнп Ю. Н. Семин	Дпнп М. Г. Яновская Кпн Ж. В. Морозова	Глазовский ГПИ	01	28.06. 2010
175	Ефимова Елена Васильевна	Формирование предпринимательской культуры будущих менеджеров в вузе	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп А. Ю. Петров Кпн О. А. Ершова	Костромской ГУ	08	28.06. 2010
176	Русских Татьяна Инакентиевна	Формирование графической компетенции у будущих бакалавров техники и технологий	Дпнп П. К. Петров	Дпнп Ю. Н. Семин Кпн Л. Б. Фоминых	Челябинский ГПУ	08	28.06. 2010
177	Романова Ольга Владимировна	Формирование коммуникативной компетентности студентов гуманитарных специальностей средствами педагогических мастерских	Дпнп Е. О. Галицких	Дпнп Л. В. Байбородова Кпнд Ф. Р. Зевахина	СПб акад. постдипломного пед. образования	01	29.10. 2010
178	Ситников Станислав Александрович	Формирование ключевых компетенций будущих юристов	Дпнп А. Ю. Петров	Дпнп А. В. Морозов Кпнд В. В. Волкова	Костромской ГУ	08	29.10. 2010
179	Лучинина Анастасия Олеговна	Формирование готовности старшеклассников к лично-стно-профессиональному самоопределению в условиях межшкольного учебного комбината	Дпнд Г. И. Симонова	Дпнп Е. Г. Силяева Кпн К. С. Бажин	Рязанский ГУ	01	30.11. 2010
180	Ефимова Ольга Сергеевна	Подготовка студентов педагогического вуза к работе классного руководителя на основе компетентностного подхода	Дпнп А. С. Казаринов	Дпнп Ю. Н. Семин Кпн Е. П. Ивутина	Татарский гос. гуманитар.-пед. ун-т	08	30.11. 2010
181	Деменева Надежда Валерьевна	Организация образовательного диалога при изучении естественнонаучных дисциплин в вузе	Дпнп Е. Г. Плотнокова	Дпнд Е. А. Ходырева Кпнд Ю. В. Соловьева	Пермский ГУ	01	24.12. 2010
182	Дубинин Дмитрий Юрьевич	Формирование профессионально-педагогических умений сотрудников уголовно-исполнительной системы по организации воспитательной деятельности с осужденными	Дпн С. И. Злобин	Дпнп И. В. Биочинский Кпн Е. А. Мамаева	СПб ин-т повышения квалификации работников ФСИН	08	24.12. 2010
183	Прохорова Ирина Владимировна	Интерактивные методы и критериально-оценочная система как средство развития профессиональной компетентности будущих педагогов профессионального обучения	Дпнп Ю. Н. Петров	Дпнп В. П. Косырев Кпн С. Л. Мякишев	Российский гос. проф.-пед. ун-т	08	24.12. 2010

Научная жизнь

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
184	Данилова Ирина Юрьевна	Тенденции развития современного регионально-образованя в Республике Татарстан	Дпнп В. Б. Помелов	Дпнд А. Г. Мухаметшин Кпнд М. Ф. Соловьева	Мордовский ГУ	01	19.05.2011
185	Вотинов Александр Андреевич	Повышение эффективности процесса профессиональной подготовки будущих кинологов	Дпн С. И. Злобин	Дпнп И. В. Биочинский Кпн Е. В. Измайлова	Академия права и управления ФСИН	08	19.05.2011
186	Лупу Светлана Леонидовна	Интеграция искусств как средство художественно-творческой подготовки будущих педагогов в учреждениях среднего профессионального образования	Дпнп Н. С. Александрова	Дпнп Е. О. Галицких Кпн А. М. Измайлов	Глазовский ГПИ	08	20.05.2011
187	Яббарова Раушания Атласовна	Формирование образа семьи у младших школьников в условиях школы-интерната средствами народной педагогики	Дпнд Г. И. Симонова	Дпнп В. Г. Закирова Кпн К. Р. Агаронян	Саратов. гос. акад. права, филиал в Астрахани	01	20.05.2011
188	Маркова Светлана Васильевна	Педагогическое сопровождение одаренного подростка при проектировании и реализации индивидуального образовательного маршрута	Кпнд Д. В. Смирнов	Дпн В. П. Голованов Кпн А. А. Галицких	Российский гос. соц. ун-т	01	28.06.2011
189	Евдошенко Ольга Викторовна	Формирование этнической толерантности будущих специалистов юридического профиля в учреждениях среднего профессионального образования (на материале Краснодарского края)	Дпнп Н. С. Александрова	Дпнп Р. А. Валеева Кпн И. Г. Корепанова	Кировский филиал НОУ СПО «Юрид. колледж Рос. секции Междунар. полиц. академии»	01	28.06.2011
190	Вылегжанина Инна Витальевна	Сетевая форма обучения как средство социального развития подростков	ЧК РАО дпнп В. С. Данюшенков	Дпнп С. Е. Шишов Кпн Е. М. Савина	Арзамасский ГПИ	01	29.06.2011
191	Колесова Юлия Анатольевна	Социально-профессиональная адаптация будущих специалистов по сервису и туризму	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп А. Ю. Петров Кпн О. А. Ершова	Ярославский ГПУ	08	29.06.2011
192	Бельтюкова Оксана Витальевна	Развитие социальной активности студентов в воспитательной работе медицинских колледжей	Дпнп Н. С. Александрова	Дпнд Г. И. Симонова Кпн А. Л. Шихова	Череповецкий ГУ	01	25.11.2011
193	Кузнецов Евгений Николаевич	Организация мониторинга качества обучения в начальной школе (на примере надмуниципального образовательного округа)	Дпнп Э. В. Онищенко	Дпнп В. Б. Помелов Кпнд В. В. Ковров	Смоленский ГУ	01	02.12.2011
194	Ульянова Ирина Анатольевна	Развитие рефлексивности у младших школьников в процессе обучения по инновационным общеобразовательным программам («Школа 2100», «Школа 2000...»)	Дпнд Е. А. Ходырева	Дпнп М. А. Захарищева Кпн О. Б. Шелыгина	Коми ГПИ	01	02.12.2011
195	Щеклеина Светлана Николаевна	Особенности социально-профессионального самоопределения старшеклассников в поселках городского типа	Дпнп В. Б. Помелов	Дпнп Т. В. Сафонова Кпнд М. Ф. Соловьева	Удмуртский ГУ	01	23.12.2011

Вестник Вятского государственного гуманитарного университета

№	Ф.И.О. соискателей	Темы диссертаций	Научные руководители	Оппоненты	Ведущие организации	Шифр	Даты защит
196	Костина Оксана Валентиновна	Формирование личностной свободы будущих лингвистов-переводчиков в процессе профессиональной подготовки в вузе	Дпнд О. В. Лебедева	Дпнд И. И. Галимзянова Кпнд М. Н. Татаринова	Рязанский ГУ	08	23.12. 2011
197	Комарова Анна Николаевна	Подготовка учителя к проектированию элективных курсов в профильной школе	Дпнп Е. О. Галицких	Дпнп В. З. Юсупов Кпнд Е. Р. Блинова	Ярославский ГПУ	01	03.02 2012
198	Агафонова Екатерина Анатольевна	Оценка качества образования как средство стимулирования учебной деятельности студентов	Дпнп Т. В. Машарова	Дпнп Ю. Н. Петров Кпнд О. В. Уваровская	Костромской ГУ	01	03.02. 2012
199	Злобина Елена Александровна	Формирование гражданской компетентности будущих учителей в процессе профессиональной подготовки в вузе	Дпнд О. В. Лебедева	Дпнд Е. А. Казаева Кпн Е. В. Багдай	Чувашский ГПУ	08	30.03. 2012
200	Стеняшина Надежда Леонидовна	Развитие коммуникативной культуры будущих менеджеров на основе междисциплинарной интеграции	Дпнп Н. В. Котряхов	Дпнп Ю. Н. Петров Дпнп И. М. Машаров	Рязанский ГУ	08	30.03. 2012
201	Утёмов Вячеслав Викторович	Развитие креативности учащихся основной школы посредством решения задач «открытого» типа	Дпнп Н. В. Котряхов	Дпнп М. М. Зиновкина Кпнд В. А. Сахаров	Коми ГПУ	01	20.04. 2012
202	Щелкунова Ольга Валентиновна	Познавательная активность как фактор повышения индивидуальных достижений младших школьников в обучении (на примере изучения математики)	ЧК РАО Дпнп В. С. Данюшенков	Дпнп В. Г. Закирова Кпн Н. А. Елькина	Глазовский ГПИ	01	20.04. 2012
203	Ледянкина Марина Александровна	Организация деятельности методической службы техникума по развитию профессиональной компетентности преподавателей	Дпнп А. Ю. Петров	Дпнп Г. Н. Некрасова Кпнд А. М. Измайлов	Нижегородский ГУ	08	28.05. 2012
204	Губарева Оксана Николаевна	Организационно-педагогическое проектирование деятельности довузовской подготовки абитуриентов в современных условиях	Дпнп Ю. Н. Петров	Дпнд Е. А. Ходырева Кпнд Н. В. Булдакова	Российский гос. проф.-пед. ун-т	08	28.05. 2012
205	Смыслова Наталья Михайловна	Социально-педагогическая адаптация студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования	ЧК РАО дпнп В. С. Данюшенков	Дпнп Н. С. Александрова Кпн Л. Н. Конышева	Глазовский ГПИ	01	29.05. 2012
206	Исамулаева Юлия Анатольевна	Социальное партнерство академических групп как средство формирования коммуникативных умений студентов	Дпнп Н. С. Александрова	Дпнп Е. О. Галицких Кпн Е. В. Багдай	Марийский ГУ	08	31.05. 2012
207	Шобонова Любовь Юрьевна	Саморазвитие метапрофессиональной компетенции преподавателя иностранного языка в неязыковом вузе	Дпнп Ю. Н. Петров	Дпнп Н. Л. Уварова Кпн Е. А. Белорыбкина	Российский гос. проф.- пед. ун-т	08	31.05. 2012

*В. Б. Помелов,
доктор педагогических наук,
профессор по кафедре педагогики ВятГГУ*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАГАУТДИНОВ Радик Олегович – кандидат исторических наук, доцент Башкирского государственного университета. 450074, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.
E-mail: boradik@mail.ru

БАШМАКОВА Светлана Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре общей и специальной психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_psihologii@vshu.kirov.ru

БУШКОВА-ШИКЛИНА Эльвира Васильевна – кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой социологии и социальной психологии ВятГГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.
E-mail: elvira_bsh@mail.ru

ВАЛЕЕВА Юлия Наильевна – соискатель Казанского государственного университета культуры и искусств. 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, д. 20.
E-mail: info@kazguki.ru

ВАН Чжи – аспирант очной формы обучения кафедры русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: zhi.wang@mail.ru

ВОЛКОВА Виктория Валерьевна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков, аспирант кафедры философии и социальных наук Волжской государственной академии водного транспорта. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Нестерова, д. 5а.
E-mail: volk_vik@mail.ru

ГАЙСИНА Лилия Танзилевна – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского филиала Уральской государственной юридической академии. 450068, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. С. Вострещова, д. 7/1.
E-mail: ural_academ@mail.ru

ГАФАРОВ Азат Загирович – аспирант Башкирского государственного университета. 450074, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.
E-mail: azat.gafarov@yandex.ru.

ГВОЗДЕВА Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре государственно-правовых дисциплин ВятГГУ, уголовно-правовых дисциплин ВятГГУ, заместитель начальника отдела ДПС, исполнения административного законодательства Управления ГИБДД УМВД России по Кировской области. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: evgvozdeva@mail.ru

ГОРБУНОВА Надежда Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре теории и истории государства и права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

ГУРСКАЯ Юлия Александровна – доцент по кафедре культуры речи и межкультурных коммуникаций Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка. 220010, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Советская, д. 18.
E-mail: julia.gurskaja@mail.ru

ЗАГРАЕВСКАЯ Татьяна Борисовна – доктор филологических наук, доцент по кафедре экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции Пятигорского государственного лингвистического университета. 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9.
E-mail: zagraevskaya@yandex.ru

ЗБОЕВ Артём Вячеславович – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: zboev.art@mail.ru

ЗДОРОВЕНКО Сергей Анатольевич – педагог дополнительного образования высшей категории КОГОБУ ДОД «Центр детского (юношеского) технического творчества», 610027, г. Киров, ул. Пролетарская, д. 50.
E-mail: zdorovenko.s@mail.ru

ЗУБОВА Наталья Валерьевна – аспирант заочной формы обучения кафедры физико-математических дисциплин Трехгорного технологического института Научно-исследовательского ядерного университета Московского инженерно-физического института. 456080, г. Трехгорный, ул. Мира, д. 17.
E-mail: na448@yandex.ru

ИЖНИНА Лидия Павловна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и процесса юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603115, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, д. 4.
E-mail: law-unn@mail.ru

КАЗАКОВА-АПКАРИМОВА Елена Юрьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН; профессор по кафедре общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета. 620219, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62.
E-mail: Apkarimova@mail.ru

КОНОВАЛОВА Алла Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_upd@vshu.kirov.ru

КОНЫШЕВА Алия Вазиховна – старший преподаватель кафедры педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: av.konysheva@mail.ru

КОСТИН Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

КРАСИЛЬНИКОВА Ирина Владимировна – соискатель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Института международного образования Воронежского государственного университета, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-юридических дисциплин Автономной некоммерческой организации высшего профессионального образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права» Воронежского института кооперации (филиал). 394038, г. Воронеж, ул. Космонавтов, д. 36.
E-mail: a_yashka@mail.ru

КУЗНЕЦОВ Александр Андреевич – доктор педагогических наук, академик РАО, зав. лабораторией методологии исследований проблем управления качеством образования Института управления образованием РАО, г. Москва. 119121, г. Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп. 2.
E-mail: kuznetsovaaaa@yandex.ru

КУРИНА Надежда Николаевна – аспирант кафедры западноевропейского искусства исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.
E-mail: arhivolt@yandex.ru

МЕЛЕНТЬЕВА Ольга Александровна – аспирант кафедры английской филологии Ивановского государственного университета. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39.
E-mail: smi-olya@yandex.ru

МИХЕЕВА Екатерина Анатольевна – учитель музыки высшей категории МБОУ СОШ № 62 г. Воронежа. 394043, г. Воронеж, ул. Березовая роща, д. 32.
E-mail: miheeva1972@yandex.ru

МОРАРАШ Марина Михайловна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и методики преподавания отделения русской и зарубежной филологии им. Л. Н. Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета. 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2.
E-mail: moramar@mail.ru

МОРОЗОВА Надежда Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре общего и германского языкознания гуманитарного института филиала ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова» в г. Северодвинске. 164500, Архангельская область, г. Северодвинск, Архангельское шоссе, д. 36.
E-mail: morozovanadegda@mail.ru

НУРИЕВ Ахат Дамирович – кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Уфимского филиала Уральской государственной юридической академии. 450068, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. С. Вострецова, д. 7/1.
E-mail: ural_academ@mail.ru

ОГОНОВСКАЯ Изабелла Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре гуманитарного образования специализированного учебно-научного центра Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: izabella-irro@mail.ru

ОСИПОВА Любовь Борисовна – кандидат социологических наук, доцент по кафедре маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета. 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38.
E-mail: Lev1026@yandex.ru

ПЕЛЕПЕЙЧЕНКО Юлия Сергеевна – преподаватель кафедры общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики, Нижний Новгород. 603093, г. Нижний Новгород, ул. Родионова, д. 136.
E-mail: juliapelepeychenko@mail.ru

ПЛОТНИКОВ Михаил Вячеславович – доктор социологических наук, профессор по кафедре общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики, Нижний Новгород. 603093, г. Нижний Новгород, ул. Родионова, д. 136.
E-mail: plotnikovm@gmail.com

ПОСТНИКОВА Светлана Васильевна – доктор филологических наук, профессор по кафедре немецкого и французского языков Нижегородского государственного университета им. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37, к. 10.
E-mail: svetpost11@mail.ru

ПУТИХИНА Наталья Викторовна – аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603115, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, д. 4.
E-mail: Natalia2537@mail.ru

РОМАНОВ Павел Альбертович – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии и политологии Марийского государственного университета. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1.
E-mail: pavel.rmnv@gmail.com

РЫЧКОВА Ирина Николаевна – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: irina020683@mail.ru

СЕРБИНА Евгения Анатольевна – соискатель Тюменского государственного нефтегазового университета, зам. директора по учебно-воспитательной работе МБОУ СОШ № 5. 628449, Ханты-Мансийский автономный округ, Сургутский р-н, г. Лянтор, 4-й микрорайон, д. 4.

E-mail: Lev1026@yandex.ru

СКРЕБОВА Екатерина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре иностранных языков Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Воронежский филиал). 394030, г. Воронеж, ул. Карла Маркса, д. 67а.

E-mail: dolgorukaja1@rambler.ru

СМИРНОВА Светлана Игоревна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре общей и специальной психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: sve.smirnova4wt@yandex.ru

СТАРИКОВА Мария Михайловна – кандидат социологических наук, доцент по кафедре социологии и социальной психологии ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.

E-mail: maria_kuzmina82@mail.ru

СУВОРОВА Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре информационных технологий и методики обучения информатике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: suvorovatn@mail.ru

СУЧКОВА Татьяна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры трудового и социального права юридического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: tatyanaes@rambler.ru

ТИМШИН Вадим Алексеевич – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой филологии, журналистики и интегрированных коммуникаций ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.

E-mail: timshinvadim@mail.ru

ТУЕВА Анастасия Олеговна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: anastasiya.tueva@mail.ru

ТЮЛЕНЕВА Наталия Игоревна – аспирант кафедры философии и общественных наук Пермской государственной академии искусства и культуры, преподаватель кафедры социально-культурной деятельности Пермской государственной академии искусства и культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18.

E-mail: natalie_rose@inbox.ru

ЦИГУЛЕВА Олеся Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор по кафедре перевода и переводоведения Новосибирского военного института им. генерала армии И. К. Яковлева МВД России. 630114, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2.

E-mail: oltsiguleva@yandex.ru,

ШАХБАНОВА Хадижат Магомедовна – преподаватель кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства. 367008, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Атаева, д. 5.

E-mail: hadizhat0907@mail.ru

ШЕВНИНА Ирина Алексеевна – аспирант кафедры философии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: Ir0910@mail.ru

ЯРКИНА Любовь Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре хорового дирижирования и вокала Воронежского государственного педагогического университета. 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86.

E-mail: yarkinalv@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BAGAUDINOV Radik Olegovich – Candidate of historical sciences, Associate Professor of Bashkir State University. 32 Zaky Validy Street, 450074 Ufa, Bashkortostan.

E-mail: boradik@mail.ru

BASHMAKOVA Svetlana Borisovna – Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor in the Department of general and special psychology of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: kaf_psihologii@vshu.kirov.ru

BUSHKOVA-SHIKLINA Elvira Vasilyevna – Candidate of sociological sciences, Associate Professor, head of the Department of sociology and social psychology of VyatSU. 36 Moskovskaya St., 610000, Kirov.

E-mail: elvira_bsh@mail.ru

VALEEVA Julia Nailiyevna – Kazan state University of culture and arts. 20 Bauman St., 420111, Republic of Tatarstan, Kazan.

E-mail: info@kazguki.ru

WANG Zhi – graduate student of full-time study at the Department of Russian language of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: zhi.wang@mail.ru

VOLKOVA Viktoriya Valerjevna – senior lecturer of the Department of foreign languages, graduate student of the Department of philosophy and social sciences of the Volga State Academy of Water Transport. 5A Nesterov St., 603950, Nizhny Novgorod.

E-mail: volk_vik@mail.ru

GAISINA Liliya Tanzilevna – lecturer of the Department of state and legal disciplines of the Ufa branch of the Ural State Law Academy. 7/1 Vostretsov St., 450068, Republic Bashkortostan, Ufa.

E-mail: ural_academ@mail.ru

GAFAROV Azat Zagirovich – graduate student of the Bashkir State University. 32 Zaky Validy Street, 450074 Ufa, Bashkortostan.

E-mail: azat.gafarov@yandex.ru

GVOZDEVA Ekaterina Vladimirovna – Candidate of legal sciences, Associate Professor of the Department of state and legal disciplines of Vyatka State University of Humanities, deputy chief of department of traffic police, performance of the administrative legislation of Management of the State inspectorate of traffic safety of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Kirov region. 26, Krasnoarmeyskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: evgvozdeva@mail.ru

GORBUNOVA Nadezhda Alekseevna – Candidate of legal sciences, Associate Professor in the Department of theory and history of state and law of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

GURSKAYA Julia Alexandrovna – Associate Professor in the Department of culture and intercultural communication of Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank. 18 Sovetskaya St., 220010, Republic of Belarus, Minsk.

E-mail: julia.gurskaja@mail.ru

ZAGRAEVSKAYA Tayana Borisovna – Doctor of Philology, Associate Professor of experimental linguistics and cross cultural competence department at Pyatigorsk State Linguistic University. 9 Kalinin St., 357500 Pyatigorsk, Stavropol Region.

E-mail: zagraevskaya@yandex.ru

ZBOEV Artem Vyacheslavovich – graduate student of the Department of general history of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: zboev.art@mail.ru

ZDOROVENKO Sergey Anatolyevich – teacher of additional education of the highest category of Kirov Regional State Educational Budgetary Establishment "Center of children and youth technical creativity". 50 Proletarskaya str., 610027, Kirov.

E-mail: zdorovenko.s@mail.ru

ZUBOVA Natalia Valeryevna – graduate student of correspondence form in the Department of physics and mathematical disciplines of Trekhgorny Technological Institute of Scientific and Research Nuclear University of Moscow Engineering Physics Institute. 17 Mira St., 456080, Trekhgorny.

E-mail: na448@yandex.ru

INZHINA Lydia Pavlovna – Candidate of legal sciences, Associate Professor, head of the Department of criminal law and procedure of law Faculty of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 4 Ashkhabadskaya St., 603115, Nizhny Novgorod.

E-mail: law unn@mail.ru

KAZAKOVA-APKARIMOVA Elena Yur'evna – Doctor of historical sciences, leading researcher of the sector of methodology and historiography of the Institute of History and Archaeology of Ural ranch of Russian Academy of Sciences; Professor in the Department of general and economic history of Ural State University of Economics. 62 8 Marta St., 620219, Ekaterinburg.

E-mail: Apkirimova@mail.ru

KONOVALOVA Alla Borisovna – Candidate of legal sciences, Professor, head of the Department of criminal law disciplines of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: kaf_upd@vshu.kirov.ru

KONYSHEVA Aliya Vazihovna – senior lecturer of the Department of pedagogy of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: av.konysheva@mail.ru

KOSTIN Alexei Alexandrovich – Candidate of historical sciences, Professor, head of the Department of general history of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

KRASILNIKOVA Irina Vladimirovna – applicant of the Department of Russian language for foreign students of the basic faculties of the Institute of international education of Voronezh State University, senior lecturer of the Department of Humanities and social and legal disciplines of the Autonomous non-profit organization of higher professional education "Belgorod University of cooperation, Economics and law" of the Voronezh Institute of Cooperation (affiliate). 36 Kosmonavtov St., 394038, Voronezh.

E-mail: a_yashka@mail.ru

KUZNETSOV Alexander Andreevich – Doctor of pedagogic sciences, academician of the Russian Academy of Sciences, Head of Laboratory of research methodology of problems of educational quality management of Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow. 8/2 Pogodinskaya St., 119121, Moscow.

E-mail: kuznetsovaaa@yandex.ru

KURINA Nadezhda Nikolaevna – graduate student in the Department of Western European art of Faculty of History of St. Petersburg State University. 5 Mendeleevskaya line, 199034, St. Petersburg.

E-mail: arhivolt@yandex.ru

MELENTYEVA Olga Aleksandrovna – graduate student of the Department of English philology of the Ivanovo State University. 39 Ermak St., 153025, Ivanovo.

E-mail: smi_olya@yandex.ru

MIKHEEVA Ekaterina Anatolievna – the music teacher of the highest category of school № 62 of Voronezh. 32 Berezovaya roscha St., 394043, Voronezh.

E-mail: miheeva1972@yandex.ru

MORARASH Marina Michajlovna – Candidate of philological sciences, assistant of the Department of Russian language and methods of teaching of Division of Russian and foreign philology named after L. N. Tolstoy of the Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan (Volga region) Federal University. 2 Tatarstan St., 420021, Kazan.

E-mail: moramar@mail.ru

MOROZOVA Nadezhda Sergeevna – Candidate of philological sciences, Associate Professor in the Department of general and German linguistics of Humanities Institute, branch of Federal State Autonomous Educational Institution of higher professional education "Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov" in Severodvinsk. 136 Arkhangelsk Ave., 64500, Arkhangelsk region, Severodvinsk.

E-mail: morozovanadegda@mail.ru

NUREYEV Ahat Damirovich – Candidate of legal sciences, senior lecturer of the Department of criminal law disciplines of the Ufa branch of the Ural State Law Academy. 7/1 Vostretsov St., 450068, Republic Bashkortostan, Ufa.

E-mail: ural_academ@mail.ru

OGONOVSKAYA Isabella Stanislavovna – Candidate of historical science, Associate professor of the Department of humanities of SESC (Specialised Educational Scientific Centre) of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 19 Mira St., 620002 Yekaterinburg, Russia.

E-mail: izabella irro@mail.ru

OSIPOVA Lyubov Borisovna – Candidate of sociological sciences, Associate Professor in the Department of marketing and municipal administration of Tyumen State Oil and Gas University. 38 Volodarskiy St., 625000, Tyumen.

E-mail: Lev1026@yandex.ru

PELEPEYCHENKO Yulia Sergeevna – lecturer of the Department of general and strategic management of National Research University – Higher school of Economics, Nizhny Novgorod. 136 Rodionov St., 603093 Nizhny Novgorod.

E-mail: juliapepeychenko@mail.ru

PLOTNIKOV Mikhail Vyacheslavovich – doctor of Sociological sciences, Professor of Department of general and strategic management of National Research University – Higher school of Economics, Nizhny Novgorod. 136 Rodionov St., 603093 Nizhny Novgorod.

E-mail: plotnikovm@gmail.com

POSTNIKOVA Svetlana Vasilyevna – doctor of Philology, Professor in the Department of German and French of Nizhny Novgorod State University named after Lobachevsky. Room10, 37 Bolshaya Pokrovskaya St., 603000, Nizhny Novgorod.

E-mail: svetpost11@mail.ru

PUTIKHINA Natalia Viktorovna – graduate student of the Department of criminal law and procedures of the Faculty of law of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 4 Ashkhabadskaya St., 603115, Nizhny Novgorod.

E-mail: Natalia2537@mail.ru

ROMANOV Pavel Albertovich – Candidate of philosophical sciences, Associate Professor in the Department of philosophy and politics in the Mari State University. 1 Lenin St., 424000, Yoshkar Ola.

E-mail: pavel.rmnv@gmail.com

RYCHKOVA Irina Nikolaevna – graduate student of the Department of state and legal disciplines of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: irina020683@mail.ru

SERBINA Evgeniya Anatolyevna – applicant of Tyumen State oil and Gas University, Deputy Director of teaching and educational work of the school № 5. District 4, Lyantor, Surgut region, 628449, Khanty-Mansiysky Autonomous District.

E-mail: Lev1026@yandex.ru

SKREBOVA Ekatherina Gennadyevna – Candidate of philological sciences, Associate Professor in the Department of foreign languages of Russian Economic University name after G.V. Plekhanov (Voronezh branch). 67a Karl Marx St., 394030, Voronezh.

E-mail: dolgorukaja1@rambler.ru

SMIRNOVA Svetlana Igorevna – Candidate of psychological sciences, Associate Professor in the Department of general and special psychology of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: sve.smirnova4wt@yandex.ru

STARIKOVA Maria Mikhailovna – Candidate of sociological sciences, Associate Professor in the Department of sociology and social psychology of VyatSU. 36 Moskovskaya St., 610000, Kirov.

E-mail: maria_kuzmina82@mail.ru

SUVOROVA Tatiana Nikolaevna – Candidate of pedagogic sciences, Associate Professor at the Department of information technologies and methods of teaching computer science of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: suvorovatn@mail.ru

SUCHKOVA Tatiana Evgenievna – senior lecturer of the Department of labor and social law of Faculty of law of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: tatyanaes@rambler.ru

TYMSHIN Vadim Alekseevich – Candidate of Philosophical sciences, Associate Professor, head of the Department of philology, journalism and integrated communications of VyatSU. 36 Moskovskaya St., 610000, Kirov.

E-mail: timshinvadim@mail.ru

TUEVA Anastasia Olegovna – graduate student of the Department of Russian and foreign literature at the Philological Faculty of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: anastasiya.tueva@mail.ru

TYULENEVA Natalia Igorevna – graduate student in the Department of philosophy and social sciences of Perm State Academy of Art and Culture, lecturer in the Department of social-cultural activities of the Perm State Academy of Art and Culture. 18 Gazety "Zvezda" St., 614000 Perm.

E-mail: natalie_rose@inbox.ru

TSIGULEVA Olesya Vladimirovna – Candidate of pedagogical science, Professor of Novosibirsk Military Institute of Interior Troops named after general of the Army I. K. Yakovleva of Ministry of Internal Affairs. 6/2 Kluch-Kamysenskoe plato St., 630114, Novosibirsk.

E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

SHAKHBANOVA Khadizhat Magomedovna – lecturer of the Department "Criminal law" of Dagestan State Institute of National Economy. 5 Ataev St., 367008, Republic of Dagestan, Makhachkala.

E-mail: hadizhat0907@mail.ru

SHEVNINA Irina Alekseevna – Graduate student of the Department of Philosophy and Sociology of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: Ir0910@mail.ru

YARKINA Liubov Vasilyevna – Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor in the Department of choral conducting and vocal of Voronezh State pedagogical University. 86 Lenin St., 394043, Voronezh.

E-mail: yarkinalv@mail.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 12 (2014)

Подписано в печать 25.11.2014 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,0. Тираж 1000. Заказ № 172.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674